

- [Теккерей Уильям Мейкпис](#)

-
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [Глава XXVI](#)
- [Глава XXVII](#)
- [Глава XXVIII](#)
- [Глава XXIX](#)
- [Глава XXX](#)
- [Глава XXXII](#)
- [Глава XXXIII](#)
- [Глава XXXIV](#)
- [Глава XXXV](#)
- [Глава XXXVI](#)
- [Глава XXXVII](#)
- [Глава XXXVIII](#)

- [Глава XXXIX](#)
  - [Глава XL](#)
  - [Глава XLI](#)
  - [Глава XLII](#)
  - [Глава XLIII](#)
  - [Глава XLIV](#)
  - [Глава XLVI](#)
  - [Глава XLVII](#)
  - [Глава XLVIII](#)
  - [Комментарии](#)
-

Теккерей Уильям Мейкпис

Виргинцы (книга 1)

*Сэру Генри Дэвисону
председателю Верховного суда Мадраса
книгу эту с любовью посвящает старый друг
Лондон, сентября 7-го, 1859*

Глава I

в которой один из виргинцев навещает отчий край

В библиотеке одного из самых знаменитых американских авторов висят на стене две скрещенные шпаги: их носили его предки в дни великой американской Войны за независимость. Одна доблестно служила королю, другая же была оружием мужественного и благородного солдата республики. Имя владельца этих ныне мирных реликвий пользуется равным уважением и в стране его предков, и у него на родине, где таланты, подобные его таланту, всегда находят радушный прием.

Нижеследующая повесть невольно приводит мне на память эти две шпаги, хранящиеся в бостонском доме достопочтенного писателя. В дни революционной войны два героя этой повести, дети Америки, уроженцы Старого Доминиона, оказались во враждебных лагерях, но по ее окончании вновь встретились с подобающей братской нежностью, ибо, как ни яростен был разделивший их спор, любовь между ними не угасала ни на мгновение. Полковник в алом мундире и генерал в синем висят бок о бок в обшитой дубовыми панелями гостиной английских Уорингтонов, где потомок одного из братьев показал мне эти их портреты, а также их письма и принадлежавшие им книги и различные документы. В семье Уорингтонов вышеупомянутые портреты, для отличия от других славных представителей этого почтенного рода, всегда называют "Виргинцами"; и так же будут названы эти посвященные им записки.

Оба они многие годы провели в Европе. Они жили на самом рубеже тех "былых времен", которые мы так быстро оставляем далеко позади себя. Им довелось узнать самых разных людей и различные превратности судьбы. На их жизненном пути им встречались знаменитые люди, известные нам только по книгам, но словно оживающие, когда я читаю о них в письмах виргинцев: я словно слышу их голоса, пробегая глазами пожелтевшие страницы, исписанные сто лет назад, испещренные юношескими слезами, которые исторгла несчастная любовь, с сыновней почтительностью отправленные на следующий же день после прославленных балов или иных торжественных церемоний величественных былых времен, покрытые торопливыми каракулями у бивачного костра или в тюрьме; а одно из этих писем даже пробито пулей, и прочесть его можно лишь с трудом, ибо оно залито кровью того, кто носил его на груди.

Эти письма, возможно, не дошли бы до нас, если бы их не сберегала с ревнивой любовью та, с кем их авторы поддерживали деятельную переписку, как и повелевал им долг. Их мать хранила все письма сыновей, с самого первого, в котором Генри, младший из близнецов, шлет привет брату, лежавшему тогда с вывихнутой ногой в виргинском поместье их деда Каслвуд, и благодарит дедушку за пони (он уже катался на нем в сопровождении гувернера), и до самого последнего — "от моего любимого сына", — которое она получила лишь за несколько часов до своей смерти. Эта почтенная дама побывала в Европе лишь однажды, в царствование Георга II, вместе со своими родителями; она укрылась в Ричмонде, когда каслвудский дом был сожжен во время войны; и неизменно называла себя госпожой Эсмонд, так как не слишком жаловала и фамильное имя, и самую семью Уорингтонов, считая, что они далеко уступают ей в родовитости.

Письма виргинцев, как вскоре убедится читатель по тем образчикам, которые будут предложены его вниманию, отнюдь не полны. Это скорее намеки, чем подробные описания, — отдельные штрихи и абрисы, и вполне возможно, что автор этой книги не всегда умел распознать истинный их смысл и порой употреблял неверные краски; однако, прилежно изучая эту обширную корреспонденцию, я пытался вообразить, при каких обстоятельствах писалось то или иное письмо и какие люди окружали его автора. Я обрисовывал характеры такими, какими они мне представлялись, и воссоздавал разговоры такими, какими, по-моему, мог бы их услышать, то есть постарался в меру моих способностей воскресить давнюю эпоху и ее людей. Успешно ли была выполнена вышеупомянутая задача и может ли эта книга принести пользу или доставить развлечение, снисходительный читатель соизволит решить сам.

В одно прекрасное летнее утро 1756 года, в царствование его величества короля Георга II, виргинский корабль "Юная Рэйчел" (капитан Эдвард Фрэнкс) поднялся вверх по реке Эйвон, благополучно возвратившись из своего ежегодного плавания к устью Потомака. Он вошел в Бристольский порт во время прилива и бросил якорь возле пристани Трейла, каковая и была местом его назначения. Мистер Трейл, совладелец "Юной Рэйчел", заметил приближение корабля из окна своей конторы, немедленно сел в лодку и вскоре уже поднялся на его борт. Судовладелец был крупный представительный мужчина без парика, и весь его облик дышал серьезностью и сдержанной важностью; он протянул стоявшему на палубе капитану Фрэнксу руку и поздравил его с быстрым и успешным завершением плавания. Потом, упомянув, что нам следует быть благодарными небесам за все их милости, он сразу же перешел к делу и

принялся задавать вопросы о грузе и числе пассажиров.

Фрэнкс был по натуре добродушный шутник.

— Пассажиров у нас, — сказал он, — всего только вон тот черномазый мальчишка с чемоданами да его хозяин, который один занимал лучшую каюту.

Судя по лицу мистера Трейла, он отнюдь не был в восторге оттого, что небеса ограничились одной только этой милостью.

— Черт бы вас побрал, Фрэнкс, вместе с вашим невезеньем! "Герцог Уильям", который вернулся на прошлой неделе, привез четырнадцать пассажиров, а ведь этот корабль вдвое меньше нашего.

— И к тому же мой пассажир, заняв всю каюту, ничего не заплатил за проезд, — продолжал капитан. — Ну-ка, мистер Трейл, выругайтесь хорошенько, и вам сразу полегчает, право слово. Я сам это средство пробовал.

— Чтобы пассажир занял целую каюту и ничего не заплатил за проезд? Боже милосердный, да вы спятили, капитан Фрэнкс?

— Так поговорите с ним сами — вон он идет.

И действительно, не успел капитан закончить фразу, как по трапу на палубу поднялся юноша лет девятнадцати. Он держал под мышкой плащ и шпагу, был облачен в глубокий траур и кричал своему слуге:

— Гамбо, болван! Немедленно неси из каюты багаж! Ну что же, капитан, вот и окончилось наше плаванье. И сегодня вечером вы свидитесь со всеми своими детишками, о которых столько рассказывали. Непременно кланяйтесь от меня Полли, и Бетти, и малышу Томми и не забудьте засвидетельствовать мое почтение миссис Фрэнкс. Вчера я не мог дожждаться конца путешествия, а сегодня почт, жалею, что оно уже позади. Теперь, когда я расстаюсь с узкой койкой в моей каюте, она кажется мне очень удобной.

Мистер Тречл, сурово насупив брови, глядел на молодого пассажира, который не заплатил за проезд. Он даже не снизошел до кивка, когда капитан Фрэнкс сказал:

— Вот этот джентльмен, сэр, и есть мистер Трейл, чье имя вам знакомо.

— Оно хорошо известно в Бристолле, сэр, — величественно проронил мистер Трейл.

— А это мистер Уорингтон, сын госпожи Эсмонд-Уорингтон из Каслвуда, закончил капитан.

Шляпа бристольского купца мгновенно оказалась у него в руках, а сам он принялся изгибаться в поклонах столь глубоких, словно перед ним был

наследный принц какого-нибудь королевства.

— Боже милостивый, мистер Уорингтон! Вот уж поистине радость! Благодарение небу, что ваше путешествие прошло благополучно. На берег вас доставит моя лодка. А пока разрешите мне от всей души приветствовать вас на берегах Англии; и разрешите мне пожать вашу руку — руку сына моей благодетельницы и покровительницы миссис Эсмонд-Уорингтон, чье имя, позвольте вас заверить, весьма известно и почитаемо на бристольской бирже. Верно, Фрэнкс?

— Из всех виргинских табаков нет табака лучше и приятней, чем "Три Замка", — заметил мистер Фрэнкс, вытаскивая из кармана внушительных размеров медную табакерку и отправляя в свой веселый рот солидный кусок жвачки. — Вы еще не знаете, какое это утешительное зелье, сэр, а вот придете в возраст, так и сами к нему пристраститесь. Так ведь оно и будет, э, мистер Трейл? Десять бы трюмов им нагрузить, а не один! Там и на больше трюмов хватило бы — я говорил про это с госпожой Эсмонд, и я объехал всю ее плантацию, а когда я прихожу в ее дом, она обходится со мной, что с твоим лордом: угощает лучшим вином и не заставляет прохлаждаться часами в конторе, как некоторые (тут капитан выразительно посмотрел на мистера Трейла). Вот это истинно высокородная леди, сразу видно, и могла бы собирать табак не сотнями бочонков, а тысячами, хватало бы только работников.

— С недавних пор я занялся гвинейской торговлей и мог бы еще до осени доставить ее милости столько здоровых молодых негров, сколько она пожелает, — заискивающе заметил мистер Трейл.

— Мы не покупаем негров, вывезенных из Африки, — холодно ответил молодой джентльмен. — Мой дед и матушка всегда были против подобной торговли, и мне отвратительно думать о том, что бедняг можно продавать и покупать.

— Но ведь это делается для их же блага, любезный сэр! Для их телесного и духовного блага! — вскричал мистер Трейл. — Мы покупаем этих несчастных лишь для их же пользы; но позвольте, я растолкую вам все это подробнее у меня дома. Вы найдете там счастливый семейный очаг, истинно христианскую семью и простой здоровый стол честного английского торговца. Верно, капитан Фрэнкс?

— Тут мне сказать нечего, — проворчал капитан. — Ни к обеду, ни к ужину вы меня ни разу не приглашали. Только один раз позвали попеть псалмы да послушать, как проповедует мистер Уорд; ну, да я до таких развлечений не охотник.

Пропустив это заявление мимо ушей, мистер Трейл продолжал все тем

же доверительным тоном:

— Дело есть дело, любезный сэра, и я знаю, что мой долг и долг нас всех — возвращать плоды земные в положенное время; и как наследник леди Эсмонд я полагаю, что говорю с наследником этого обширного имени?..

Молодой джентльмен поклонился.

— ...вы обязаны как можно раньше внять велению долга, зовущего вас приумножить богатства, которые ниспослало вам небо. Я не могу не сказать вам это, как честный торговец, а как человек благоразумный, не должен ли я настаивать на том, что послужит и к вашей выгоде, и к моей? Разумеется, должен, любезный мистер Джордж!

— Меня зовут не Джордж, а Генри, — сказал юноша и отвернулся, сдерживая слезы.

— Боже милостивый! Как же так, сэра? Ведь вы же сказали, что вы наследник миледи? А разве не Джордж Эсмонд-Уорингтон, эсквайр...

— Да замолчите же, дурак! — воскликнул мистер Фрэнкс, довольно чувствительно ткнув купца кулаком в пухлый бок, едва молодой человек отвернулся. — Разве вы не видите, что он вытирает глаза, да и траура его не заметили?

— Как вы смеете, капитан Фрэнкс? Вы уже и на хозяина готовы поднять руку? Наследник-то мистер Джордж. Я ведь знаю завещание полковника.

— Мистер Джордж там, — ответил капитан, указывая пальцем на палубу.

— Где-где? — воскликнул купец.

— Мистер Джордж там, — повторил капитан, на этот раз указав не то на клотик, не то на небо над ним. — Девятого июля, сэра, сравняется год, как он представился. Вздумалось ему отправиться с генералом Брэддоком, ну, и после того страшного дела на Бель-Ривер он не вернулся, а с ним и еще тысяча человек. Всех раненых добивали без пощады. Вам ведь известны повадки индейцев, мистер Трейл? — Тут капитан быстро обвел пальцем вокруг своей головы. — Гнусность-то какая, сэра, верно? А был он красавец — ну точь-в-точь как этот молодой джентльмен; только волосы у него были черные... а теперь они висят в вигваме какого-нибудь кровожадного индейца. Он частенько бывал на борту "Юной Рэйчел" и всякий раз приказывал вскрыть ящик со своими книгами прямо на палубе — не мог дожидаться, пока их снесут на берег. Он был молчаливым и конфузливый, совсем не таким, как этот вот молодой джентльмен, весельчак и забавник, которому прямо удержу не было. Только известие о

смерти брата совсем его сразило, и он слег с лихорадкой — она на этом их болотистом Потомаке многих в могилу сводит; только в плаванье ему полегчало — плаванье хоть кого излечит, да и не век же молодому человеку горевать из-за смерти брата, которая сделала его наследником такого состояния! С того дня, как мы завидели берега Ирландии, он совсем повеселел, а все же нет-нет да и скажет, хоть и расположение духа у него вроде бы отличное: "Ах, если бы мой милый Джордж смотрел сейчас на эти виды вместе со мной!" Ну, и когда вы помянули имя его брата, он, понимаете, не выдержал. — Тут добряк капитан посмотрел на предмет своего сочувствия, и его собственные глаза наполнились слезами.

Мистер Трейл напустил на себя мрачность, подобающую тем выражениям соблезнования, с которыми он хотел было обратиться к молодому виргинцу, но тот довольно резко оборвал разговор, отклонил все радушные приглашения купца и пробыл в его доме ровно столько времени, сколько понадобилось на то, чтобы выпить стакан вина и получить нужные ему деньги. Однако с капитаном Фрэнксом он попрощался самым дружеским образом, а немногочисленная команда "Юной Рэйчел" прокричала вслед своему пассажиру троекратное "ура!".

Сколько раз Гарри Уорингтон и его брат жадно рассматривали карту Англии, решая, куда они направят свой путь, когда придут в отчий край! Все американцы, которые любят старую родину, — а найдется ли хоть один человек англосаксонской расы, который ее не любил бы? — точно так же силою воображения заранее переносятся в Англию и мысленно посещают места, давно ставшие знакомыми и милыми сердцу благодаря собственным надеждам, умиленным рассказам родителей и описаниям побывавших там друзей. В истории разрыва двух великих наций ничто не трогает меня сильнее, чем это столь часто встречающееся выражение — "отчий край", которым в младшей стране пользуются для обозначения старшей. И Гарри Уорингтон твердо знал свой маршрут. Целью его был не Лондон с великолепными храмами Святого Павла и Святого Петра, угрюмым Тауэром, где пролилась кровь стольких твердых и неустрашимых людей, от Уоллеса до Балмерино и Килмарнока, чья судьба и по сей день трогает благородные сердца, не роковое окно Уайтхолла, через которое вышел король-мученик Кард I, чтобы в последний раз склониться перед богом и вознестись к его престолу, не театры, парки и дворцы, эти блистательные приюты остроумия, удовольствий, роскоши, не место последнего упокоения Шекспира в церкви, чей стройный шпиль устремляется ввысь на берегу Эйвона среди прекрасных лугов Уорикшира, не Дерби, Фалкирк или Куллоден, свидетели крушения правого дела, которому, быть может, уже

никогда не суждено будет возродиться, — нет, свое паломничество юные братья-виргинцы намеревались начать с места даже еще более священного в их глазах, с дома их предков, того старинного замка Каслвуд в Хэмпшире, о котором с такой любовью повествовали их родители. Из Бристоля в Ват, из Бата через Солсбери в Винчестер, Хекстон — к отчому дому; они наизусть знали этот путь и много раз проделывали его по карте.

Если мы попробуем вообразить нашего американского путешественника, то мы увидим перед собой красивого молодого человека, чей траурный костюм делает его еще более интересным. В гостинице пухленькая хозяйка за стойкой, обремененной фарфоровыми кружками, пуншевыми чашами, пузатыми позолоченными бутылками с крепкими напитками и сверкающими рядами серебряных фляг, благосклонно смотрела вслед молодому джентльмену, когда он, выйдя из почтовой коляски, переступал порог общей залы, откуда подобострастный коридорный с поклонами провожал его наверх в самый дорогой номер. Изыщная горничная, получив от него чаевые, делала ему свой лучший реверанс, а Гамбо, расположившись на кухне, где местные завсегдатаи попивали эль возле пылающего очага, хвастливо повествовал о великолепном поместье своего господина в Виргинии и о несметных богатствах, которые ему предстоит унаследовать. Коляска мчала путешественника вперед, открывая его взору картины, прелестней которых ему не доводилось видеть. Если и в наши дни английские пейзажи способны очаровать американца, невольно сравнивающего красивые леса, сочные пастбища и живописные старинные деревушки метрополии с более суровыми ландшафтами своей страны, то насколько больше чаровали они Гарри Уорингтона, до той поры знавшего лишь длившиеся чуть ли не целый день поездки через болота в глухие леса Виргинии от одного бревенчатого дома к другому и вдруг очутившегося среди деловитого оживления английского лета! Да и почтовый тракт прошлого века ничем не напоминал нынешние заросшие травой пустынные дороги. По нему одна за другой катили кареты и скакали всадники, окрестные селения и придорожные гостиницы кипели жизнью и весельем. Громоздкий фургон с колокольцами, запряженный тяжеловозами, стремительная почтовая карета, за два дня покрывающая расстояние между "Белым Конем" в Солсбери и "Лебедем о Двух Шеях" в Лондоне, вереница вьючных лошадей, еще встречавшихся в те дни на дорогах, золоченая дорожная коляска сиятельного лорда, запряженная шестеркой с форейторами на выносных лошадях, огромная колымага деревенского помещика, влекаемая могучими фламандскими кобылами, фермеры, легкой рысцой трусящие на рынок,

деревенский священник, едущий в кафедральный город на почтенной Клецке вместе с супругой, сидящей у него за спиной на подушке, — вот какой пестрый калейдоскоп разворачивался перед нашим молодым путешественником. Когда коляска проезжала через зеленый деревенский выгон, Ходж, молодой батрак, снимал шапку, молочница Полли почтительно приседала, а белоголовые детишки оборачивались и что-то весело кричали. Церковные шпили горели золотом, соломенные кровли сверкали на солнце, величественные вязы шелестели летней листвой и отбрасывали на траву густую лиловатую тень. Никогда еще молодой Уорингтон не видел такого великолепного дня, не любовался такими пленительными картинами. Иметь девятнадцать лет от роду, быть здоровым и телом и духом, обладать туго набитым кошельком, совершать свое первое путешествие и мчаться в коляске, делая по девять миль в час, — о, счастливый юноша! Кажется, сам молодеешь, стоит только вообразить его себе! Однако Гарри так стремился скорее добраться до желанной цели, что в Бате удостоил старинное аббатство лишь мимолетного взгляда и не более минуты созерцал величавый собор в Солсбери. Ему казалось, что, только увидев наконец отчий дом, сможет он смотреть на что-нибудь другое.

Наконец коляска молодого джентльмена остановилась на Каслвудском лугу возле скромной гостиницы, о которой он столько слышал от деда и над крыльцом которой к суку высокого вяза вместо вывески был прибит герб рода Эсмондов "Три Замка". Такой же геральдический щит с тем же изображением красовался и над воротами замка. Это был герб Фрэнсиса лорда Каслвуда, ныне покоившегося в склепе часовни по соседству с гостиницей, меж тем как в замке правил его сын.

Гарри Уорингтон слышал много рассказов о Фрэнсисе лорде Каслвуде. Ведь именно ради Фрэнка полковник Эсмонд, горячо любивший этого юношу, решил отказаться от своих прав на английские поместья и родовой титул и уехать в Виргинию. В юности милорд Каслвуд был большим повесой; он отличился в кампаниях Мальборо, женился на иностранке и, как ни прискорбно, стал исповедовать ее религию. Одно время он был пылким якобитом (верность законному государю всегда была наследственной чертой Эсмондов), но, то ли оскорбленный, то ли обиженный принцем, перешел на сторону короля Георга. Вторично вступив в брак, он отрекся от папистских заблуждений, в которые временно впал, и вернулся в лоно англиканской церкви. За верную поддержку короля и тогдашнего первого министра он был достойно вознагражден его величеством королем Георгом II и умер английским пэром. Гербовый щит

над воротами Каслвуда украсился графской коронкой, чем и завершилась жизнь этого славного превосходного джентльмена. Полковник Эсмонд, ставший его отчимом, и его сиятельство регулярно обменивались краткими, но очень дружескими письмами — впрочем, поддерживал эту переписку главным образом полковник, который нежно любил своего пасынка и рассказывал о нем внукам сотни историй. Госпожа Эсмонд, однако, заявляла, что не видит в своем сводном брате ничего хорошего. Он бывал очень скучным собеседником, пока не напивался — что ежедневно случалось за обедом. Тогда он становился шумливым, а его речь — не слишком пристойной. Да, конечно, он был красив — красотой сильного и здорового животного, — но она предпочтет, чтобы ее сыновья выбрали себе какой-нибудь другой образец. Впрочем, как ни восхвалял их дед покойного графа, мальчики не питали большого благоговения к его памяти. Они, как и их мать, были стойкими якобитами, хотя относились с должным почтением к царствующему монарху; но право есть право, и ничто не могло поколебать их преданности потомкам мученика Карла.

С бьющимся сердцем Гарри Уорингтон вышел из гостиницы и направился к дому, в котором протекла юность его деда. Небольшой выгон деревни Каслвуд полого спускается к реке со старинным одноарочным мостом, на другом ее берегу стоит на холме серый замок с многочисленными башнями и башенками, а за ним чернеет лес. На каменной скамье у калитки, сбоку от величественных сводчатых ворот, украшенных графским гербом, сидел ветхий старец. У его ног свернулся старый пес. Прямо над головой дряхлого стража в открытом окне-бойнице стояли скромные цветы в горшках, а из-за них выглядывали румяные девушки. Они с любопытством следили за молодым, облаченным в траур незнакомцем, который поднимался по холму, не сводя глаз с замка, и за его темнокожим слугой в такой же черной одежде. Однако и старик у ворот был одет в траур, а когда девушки вышли из сторожки, оказалось, что в волосах у них черные ленты.

К немалому изумлению Гарри, старик назвал его по имени:

— Быстро же вы съездили в Хекстон, мистер Гарри, — видно, каурый скакал неплохо.

— Наверное, вы Локвуд, — произнес Гарри дрогнувшим голосом и протянул старику руку. Дед часто рассказывал ему про Локвуда, который сорок лет назад сопровождал полковника и юного виконта в походах Мальборо.

Ветеран был, по-видимому, сбит с толку ласковым жестом Гарри. Старый пес посмотрел на пришельца, а потом подковылял к нему и сунул

морду между его колен.

— Я много о вас слышал, — продолжал молодой человек. — Но откуда вы знаете, как меня зовут?

— Говорят, будто я теперь плох стал, все позабываю, — улыбнувшись, ответил старик. — Ну, ведь не настолько же я память потерял. Давеча утром, как вы уехали, дочка меня спрашивает: "Папаша, а вы знаете, почему вы в черном?" А я ей отвечаю: "Как не знать! Милорд-то скончался. Говорят, закололи его по-подлому, и теперь виконтом у нас мистер Фрэнк, а мистер Гарри..." Погодите-ка! Что это с вами за день-то сделалось? И повыше вы стали, и волосы у вас другие... ну, только я-то вас все равно узнал... да...

Тут из дверей сторожки выпорхнула одна из девушек и сделала очень милый книксен.

— Дедушка иной раз заговаривается, — объяснила она, показывая себе на голову. — А ваша милость вроде бы слышали про Локвуда?

— А разве вы никогда не слышали про полковника Генри Эсмонда?

— Он служил капитаном, а потом майором в пехотном полку Уэбба, а я был при нем в двух кампаниях, вот как! — воскликнул Локвуд. — Верно я говорю, Понто?

— Про того полковника, который женился на виконтессе Рэйчел, маменьке покойного лорда? И поселился у индейцев? Про него-то мы слышали. И в нашей галерее висит его портрет — он сам его написал.

— Он поселился в Виргинии и умер там семь лет назад, а я его внук.

— Господи помилуй, да что вы говорите, ваша милость! Кожа-то ведь у вашей милости совсем белая, как у меня, — воскликнула Молли. — Слышите, дедушка? Его милость — внук полковника Эсмонда, который присылал вам табак, и его милость приехали сюда из самой Виргинии!

— Чтобы повидать вас, Локвуд, — сказал молодой человек. — И всю нашу семью. Я только вчера сошел на английскую землю и сразу поехал домой. Можно мне будет осмотреть дом, хотя все сейчас в отъезде?

Молли высказала предположение, что миссис Бейкер, конечно, позволит его милости осмотреть дом, и Гарри Уорингтон так уверенно прошел через двор, словно знал все закоулки замка — словно родился здесь, подумала Молли, которая последовала за ним в сопровождении мистера Гамбо, не скупившегося на самые любезные поклоны и комплименты.

Глава II

в которой Гарри приходится платить за свой ужин

Внук полковника Эсмонда довольно долго звонил у дверей Каслвуда, дома своих предков, прежде чем на его призыв соблаговолили откликнуться. Когда же наконец дверь отворилась, то появившийся на пороге слуга с полным равнодушием отнесся к сообщению о том, что перед ним — родственник владельцев. Владельцы были в отъезде, и в их отсутствие Джона нисколько не интересовали их родственники, зато ему не терпелось вернуться в оконную нишу, где они с Томасом развлекались карточной игрой. Экономка была занята, — она готовила дом к приезду милорда и миледи, которых ожидали вечером. Гарри лишь с большим трудом удалось получить разрешение осмотреть гостиную миледи и картинную галерею, где действительно висел портрет его деда в кирасе и парике, точно такой же, как в их виргинском доме, и портрет его бабушки, в то время леди Каслвуд, в еще более старинном костюме эпохи Карла II — на ее обнаженную шею ниспадали прекрасные золотистые локоны, которые Гарри помнил только снежно-белыми. Однако хмурая экономка скоро оторвала Гарри от созерцания портретов. Господа вот-вот приедут. Ее сиятельство графиня, милорд, и его брат, и барышни, и баронесса, для которой надо приготовить парадную спальню. Какая баронесса? Да баронесса Бернштейн, тетенька барышень. Гарри вырвал листок из записной книжки, написал на нем свою фамилию и положил его на стол в передней. "Генри Эсмонд-Уорингтон, Каслвуд, Виргиния, прибыл в Англию вчера, остановился в "Трех Замках", в деревне". Лакеи прервали карточную игру и открыли перед ним дверь, чтобы получить "на чаек", а Гамбо покинул скамью у ворот, где он беседовал с Локвудом, — дряхлый привратник взял гинеею, которую протянул ему Гарри, по-видимому, не сознавая, что это такое. В доме его предков доброжелательной улыбкой Гарри встретила только малютка Молли, и, уходя, он даже себе не хотел признаться в том, насколько он разочарован и какое тягостное впечатление произвело на него первое знакомство с замком. Здесь его должны были бы встретить по-другому! Да если бы кто-нибудь из них приехал к нему в Виргинию, будь господа дома или нет, гостя все равно ждал бы радушный прием — а он уходит из родового замка, чтобы есть яичницу с грудинкой в деревенской харчевне!

После обеда Гарри направился к мосту и, усевшись на парапет,

устремил взгляд на замок, позади которого заходило солнце и крикливые грачи возвращались в свои гнезда на старых вязах. Его юная фантазия рисовала ему фигуры предков, оживавших для него в рассказах матери и деда. В своем воображении: он видел рыцарей и охотников, спускающихся к броду, видел кавалеров времен короля Карла I, видел милорда Каслвуда, первого мужа своей бабки, выезжающего из ворот замка с соколом или сворой. Эти видения напомнили ему о любимом, навеки утраченном брате, и в его душу проникла такая жгучая тоска, что он опустил голову, вновь оплакивая своего самого близкого друга, с которым до последнего времени делил все радости и огорчения. И вот, пока Гарри сидел так, погруженный в свои мысли, невольно прислушиваясь к ритмичным ударам молота в кузнице неподалеку, к обычному вечернему шуму, грачиному граю и перекличке певчих птиц, на мает вихрем влетели два молодых всадника. Один из них назвал его дурнем, сопроводив свои слова ругательством, и приказал ему убраться с дороги, а другой, быть может, решив, что сбил пешехода с ног или даже сбросил его в воду, только прищпорил на другом берегу коня и поторопил Тома, так что оба они были уже на вершине холма, почти у самого замка, прежде чем Гарри успел оправиться от изумления и гнева. Вслед за этим авангардом на мосту минуты через две появились двое одетых в ливреи верховых, которые окинули молодого человека подозрительным взглядом, выражавшим истинно английское приветствие: кто ты такой, черт бы тебя побрал? Примерно через минуту после них показалась карета шестерней — в этой тяжеловесной колымаге, задававшей порядочную работу всем тащившим ее лошадям, сидели три дамы и две горничные, а на запятках стоял вооруженный лакей. Когда карета въехала на мост, к Гарри Уорингтону обратились три красивых бледных лица, но ни одна из дам не ответила на приветствие, которым он встретил карету, узнав фамильный герб на ее дверцах. Джентльмен на запятках смерил его надменным взглядом. Гарри почувствовал себя бесконечно одиноким. Ему захотелось вернуться к капитану Фрэнксу. Какой уютной и веселой показалась ему маленькая каюта качаемой волнами "Юной Рэйчел" по сравнению с тем местом, где он находился теперь! В гостинице фамилия Уорингтонов никому ничего не говорила. Там он узнал, что в карете ехала миледи с падчерицей леди Марией и дочерью леди Фанни, что молодой человек в сером сюртуке был мистер Уильям, а на караковом коне ехал сам милорд. Именно этот последний громко выругал Гарри и назвал его дурнем, а в речку его чуть не столкнул джентльмен в сером сюртуке.

Хозяин "Трех Замков" проводил Гарри в спальню, но молодой человек не разрешил распаковывать свои вещи, не сомневаясь, что его вскоре

пригласят в замок. Однако прошел час, за ним другой и третий, а посланец из замка не появлялся, и Гарри уже решил приказать Гамбо достать халат и ночные туфли. Примерно через два часа после прибытия первой кареты, когда уже смеркалось, по мосту проехал еще один экипаж, запряженный четверкой, и толстая краснолицая дама с очень темными глазами внимательно поглядела на мистера Уорингтона. Хозяйка гостиницы сообщила ему, что это была баронесса Бернштейн, тетушка милорда, и Гарри вспомнил, что первая леди Каслвуд была немкой. Граф, графиня, баронесса, фореиторы, лакеи и лошади — все скрылись в воротах замка, и Гарри в конце концов отправился спать в самом грустном настроении, чувствуя себя очень одиноким и никому не нужным. Ему никак не удавалось уснуть, да к тому же вскоре в буфете, где за стойкой властвовала хозяйка гостиницы, раздавался сильный шум, хихиканье и визг, которые его все равно разбудили бы.

Потом у его дверей послышались увещания Гамбо:

— Не входите, сударь, нельзя. Мой хозяин спит, сударь.

В ответ пронзительный голос, показавшийся Гарри знакомым, со многими ругательствами назвал Гамбо черномазым болваном, слугу оттолкнули, дверь распахнулась, и вслед за потоком проклятий в спальню ворвался молодой джентльмен.

— Прошу прощения, кузен Уорингтон, — воскликнул этот богохульник. — Вы, кажется, спите? Прошу прощения, что толкнул вас на мосту. Я же вас не узнал... и, конечно, не следовало бы... только мне почудилось, будто вы судейский с приказом о взыскании — вы ведь в черном были. Черт! Я уж думал, что Натан решил меня зацапать. — И мистер Уильям глупо захохотал. Он, несомненно, находился под сильным воздействием горячительных напитков.

— Вы оказали мне великую честь, кузен, приняв меня за судебного пристава, — с величайшей серьезностью ответил Гарри, садясь на постели, но не снимая высокого ночного колпака.

— Черт побери! Я принял вас за Натана и решил было искупать вас в речке. За что и прошу извинения. Дело в том, что я выпил в хекстоновском "Колоколе", а в хекстоновском "Колоколе" пунш очень недурен. Э-эй, Дэвис! Пуншу, да поскорее!

— Я уже выпил свою дневную порцию, кузен, да и вы, по-моему, тоже, продолжал Гарри с тем же невозмутимым достоинством.

— А-а, вы хотите, чтобы я убрался отсюда, кузен как бишь вас там? помрачнев, заявил Уильям. — Вы хотите, чтобы я ушел отсюда, а они хотят, чтобы я шел сюда, а я идти совсем и не хотел. Я сказал: да провались он в

тартарары... вот что я сказал. С какой стати я стану утруждать себя тащиться темным вечером сюда и оказывать любезность человеку, до которого мне нет никакого дела? Мои собственные слова. И Каслвуда тоже. Какого черта должен он идти туда? Вот что сказал Каслвуд, и миледи тоже, но баронесса требует вас к себе. Это все баронесса! Но коли она чего-нибудь хочет, так надо слушаться. Ну, вставайте, и пошли!

Мистер Эсмонд произнес эту речь с самой дружеской непринужденностью и невнятиостью, не договаривая слова и быстро расхаживая по спальне. Но она взбесила молодого виргинца.

— Вот что, кузен! — вскричал он. — Я и шагу отсюда не сделаю ни ради графини, ни ради баронессы, ни ради всех моих каслвудских родственников вместе взятых.

А когда хозяин явился с пуншем, который заказал мистер Эсмонд, его постоялец гневно потребовал из постели, чтобы он выдворил из спальни этого пьянчугу.

— Ах, пьянчугу, табачник ты эдакий? Пьянчугу, краснокожий ты чероки? взвизгнул мистер Уильям. — Вставай с кровати, и я проткну тебя шпагой! И почему только я не сделал этого сегодня, когда принял тебя за судебного пристава, за проклятого крючкотвора, подлого пристава! — И он продолжал выкрикивать бессвязные ругательства до тех пор, пока хозяин с помощью полового, конюха и всех трактирных завсегдатаев не вывел его из комнаты. После этого Гарри Уорингтон свирепо задернул занавески своей кровати и, несомненно, в конце концов уснул крепким сном в своем шатре.

Утром хозяин гостиницы держался со своим молодым постояльцем куда более подобострастно, так как узнал теперь его полное имя, а также кто он такой. Накануне вечером, сообщил он, из замка являлись и другие посланцы, чтобы доставить обоих молодых джентльменов под отчий кров, и бедный мистер Уильям вернулся туда в тачке — впрочем, подобный способ передвижения был ему отнюдь не внове.

— А на завтра он как есть все позабывает. Добрая он душа, мистер Уильям то есть, — с чувством произнес хозяин. — И стоит ему наутро сказать, что он, дескать, пьяный тебя избил, так он и полкроны даст, и крону. Многие так от него пользуются. Во хмелю мистер Уильям сущий дьявол, а как протрезвеет, так другого такого доброго джентльмена не сыскать.

Ничто не скрыто от авторов биографий, подобных этой, а потому, пожалуй, следует тут же рассказать, что происходило в стенах Каслвуда, пока Гарри вне этих стен дожидался, чтобы родные признали его. Вернувшись домой, господа обнаружили оставленный им листок, и его

неожиданное появление стало причиной небольшого семейного совета. Милорд Каслвуд высказал предположение, что это, вероятно, тот самый молодой человек, которого они видели на мосту, и раз уж они его не утопили, следует пригласить его в замок. Надо кого-нибудь послать в гостиницу с приглашением, надо послать лакея с запиской. Леди Фанни объявила, что будет приличнее, если в гостиницу отправится он сам или Уильям, особенно если вспомнить, как они обошлись с ним на мосту. Лорд Каслвуд не имел ничего против того, чтобы это было поручено Уильяму, конечно, пусть Уильям пойдет в гостиницу. Мистер Уильям ответил (прибегнув к гораздо более сильному выражению), что пусть он провалится, если куда-нибудь пойдет. Леди Мария заметила, что молодой человек, которого они видели на мосту, был довольно мил. "В Каслвуде ужасно скучно, а мои братья, конечно, ничего не сделают, чтобы развеять эту скуку. Возможно, он вульгарен — даже наверное вульгарен, но давайте все же пригласим американца". Таково было мнение леди Марии. Леди Каслвуд была не за приглашение и не за отказ, а за отсрочку. "Подождем приезда тетушки, дети. Вдруг баронесса не пожелает его видеть? Во всяком случае, прежде чем звать его в замок, посоветуемся с ней".

Таким образом, гостеприимная встреча, которую собирались оказать бедному Гарри Уорингтону его ближайшие родственники, была отложена.

Наконец в ворота въехал экипаж баронессы Бернштейн, и какие бы сомнения ни возникали относительно приема незнакомого виргинского кузена, богатую и влиятельную тетушку это радушное семейство встретило с распростертыми объятьями. Парадная спальня уже ждала ее. Повар, получивший приказание приготовить ужин из любимых блюд ее милости, прибыл еще накануне. Стол сверкал старинным серебром, а накрыт ужин был в отделанной дубом столовой, где на стенах висели фамильные портреты: покойный виконт, его отец, его мать, его сестра — две прелестные картины. Тут же висел портрет его предшественника кисти Ван-Дейка, как и портрет его виконтессы. Имелся тут и портрет полковника Эсмонда, их виргинского родственника, к внуку которого дамы и джентльмены семейства Эсмондов отнеслись со столь умеренной теплотой.

Яства, предложенные их тетушке баронессе, были превосходны, и ее милость воздала им должную честь. Ужин продолжался почти два часа, и все это время все члены каслвудской семьи были чрезвычайно внимательны к своей гостье. Графиня усердно потчевала ее каждым лакомым блюдом, и она охотно их отвеживала; едва дворецкий замечал, что она допила свой бокал, как тут же вновь наполнял его шампанским; молодые люди и их матушка поддерживали оживленную беседу, не столько

говоря сами, сколько слушая с почтительным интересом свою родственницу. Она же была чрезвычайно весела и остроумна. Она, казалось, знала в Европе всех и о каждом из этих всех могла рассказать преппикантнейший анекдот. Графиня Каслвуд, при обычных обстоятельствах очень чопорная женщина, строгая блюстительница приличий, улыбалась даже самым рискованным из этих историй, барышни переглядывались и по сигналу матери заливались смехом, молодые люди прыскали и хохотали, особенно наслаждаясь смущением сестер. Не забывали они и о вине, которое разливал дворецкий, и, подобно своей гостье, не пренебрегли чашей горячего пунша, поставленной на стол после ужина. Сколько раз, сказала баронесса, пила она по вечерам за этим столом, сидя возле своего отца!

— Это было его место, — сказала она, указывая туда, где теперь сидела графиня. — А от фамильного серебра ничего не осталось. Оно все ушло на уплату его карточных долгов. Надеюсь, вы, молодые люди, не играете, заметила она.

— Никогда, даю слово чести, — сказал Каслвуд.

— Никогда, клянусь честью, — сказал Уилл и подмигнул брату.

Баронесса была очень рада услышать, что они такие пай-мальчики. От пунша ее лицо покраснело еще больше, она стала многословной, и речи ее могли бы в наши дни показаться не слишком пристойными, но то были иные времена, да и слушали ее весьма снисходительные критики.

Она рассказывала молодым людям об их отце, об их деде и о других членах их рода, как мужчинах, так и женщинах.

— Вот единственный настоящий мужчина в нашей семье, — сказала она, указывая рукой (все еще красивой, округлой и белой) на портрет офицера в красном мундире и кирасе и в большом черном парике.

— Виргинец? Чем же он был так хорош? По-моему, он годился только на то, чтобы ухаживать за табаком и за моей бабушкой, — сказал со смехом милорд.

Баронесса ударила по столу с такой энергией, что стаканы подпрыгнули.

— А я говорю, что он был несравненно лучше любого из вас. В роду Эсмондов, кроме него, все мужчины были дураками. А он просто не подходил для нашего порочного, эгоистического Старого Света и правильно сделал, что уехал и поселился в Америке. Что было бы с вашим отцом, молодые люди, если бы не он?

— А он оказал какую-нибудь добрую услугу нашему папеньке? — спросила леди Мария.

— Ах, это старые истории, дорогая Мария! — воскликнула графиня. Напротив! Ведь мой незабвенный граф подарил ему это огромное виргинское поместье.

— Теперь, после смерти брата, его должен унаследовать мальчишка, который был сегодня здесь. Я знаю это от мистера Дрейпера. Дьявол! Не понимаю, зачем отцу понадобилось швыряться таким именем.

— Кто был сегодня здесь? — в волнении спросила баронесса.

— Гарри Эсмонд-Уорингтон из Виргинии, — ответил милорд. — Молодой человек, которого Уилл чуть не сбросил в реку. Я настойчиво просил миледи графиню пригласить его в замок.

— Значит, кто-то из виргинских мальчиков приезжал в Каслвуд и его не пригласили остановиться в замке?

— Но ведь остался только один, дражайшая моя, — перебил граф. — Другой, как вам известно...

— Какая гнусность!

— Да, признаюсь, вряд ли так уж приятно быть скаль...

— Значит, внук Генри Эсмонда, хозяина этого дома, был здесь, и никто из вас не предложил ему гостеприимства?

— Но ведь мы же этого не знали, а он остановился в "Замках"! — пояснил Уилл.

— Так он остановился в гостинице, а вы сидите здесь! — воскликнула старая дама. — Это переходит всякие границы. Кликните кого-нибудь! Подайте мою накидку — я сама пойду к нему. И вы пойдете со мной сию же минуту, милорд Каслвуд.

Молодой человек сердито вскочил.

— Госпожа баронесса де Бернштейн! — воскликнул он. — Ваша милость может идти, куда ей угодно, но что до меня, я не собираюсь терпеть, чтобы по моему адресу произносились такие слова, как "гнусность". Я не пойду за молодым джентльменом из Виргинии, а останусь сидеть здесь и допивать пунш. А вы, сударыня, не шепчите "Юджин"! Ну и что "Юджин"? Я знаю, что у ее милости большое состояние и вам хотелось бы сохранить его за нашей милой семейкой. Но вы на эти деньги заритесь больше, чем я. Пожалуйста, пресмыкайтесь ради них, а я не стану! — И с этими словами граф опустил в свое кресло.

Баронесса обвела взглядом остальных, — все сидели, опустив голову, — а потом посмотрела на милорда, на этот раз уже без всякой неприязни. Она наклонилась к нему и быстро проговорила по-немецки:

— Я была неправа, когда сказала, что полковник был единственным, настоящим мужчиной в нашем роду. Ты тоже можешь быть мужчиной,

Юджин, когда хочешь.

На что граф только поклонился.

— Если вы не хотите выгонять старуху из дому в такой поздний час, то пусть хотя бы Уильям сходит за своим кузенком, — сказала баронесса.

— Я ему это уже предлагал.

— И мы тоже, и мы! — хором воскликнули барышни.

— Но право же, я ждала только одобрения нашей дорогой баронессы, сказала их мать, — и буду в восторге приветствовать здесь нашего юного родственника.

— Уилл! Надевай-ка сапоги, бери фонарь и отправляйся за виргинцем, распорядился милорд.

— И мы разопьем еще одну чашу пунша, когда он придет, — сказал Уильям, который к этому времени успел выпить лишнего. И он отправился выполнять поручение — нам уже известно, как он приступил к своей миссии, как выпил еще пуншу и какой неудачей окончилось его посольство.

Достойнейшая леди Каслвуд, увидев на речном берегу Гарри Уорингтона, увидела весьма красивого и привлекательного юношу, и, возможно, у нее были свои причины не желать его присутствия в лоне ее семьи. Не все матери бывают рады визитам привлекательных девятнадцатилетних юношей, когда в семье имеются двадцатилетние девицы. Если бы поместье Гарри находилось не в Виргинии, а в Норфолке или в Девоншире, добрейшая графиня, наверное, не стала бы так медлить с приглашением. Будь он ей нужен, она протянула бы ему руку со значительно большей охотой. Пусть светские люди эгоистичны, во всяком случае они не скрывают своего эгоизма и не прикрывают холодность лицемерной личиной родственной привязанности.

С какой стати должна была леди Каслвуд утруждать себя, оказывая гостеприимство незнакомому молодому человеку? Только потому, что он нуждался в дружеском внимании? Лишь простак мог бы счесть это достаточной причиной. Люди, составляющие, подобно ее сиятельству, цвет общества, выказывают дружбу лишь тем, у кого много друзей. Ну, а несчастный одинокий мальчик из далекой страны, с довольно скромным состоянием, ему к тому же не принадлежащим, и, весьма вероятно, неотесанный, с грубыми провинциальными привычками — неужели знатная дама должна была утруждать себя ради такого молодого человека? *Allons donc!* {Помилуйте! (франц.)} Ведь в харчевне ему будет даже удобнее, чем в замке.

Так, несомненно, рассуждала графиня, и баронесса Бернштейн, прекрасно знавшая свою невестку, отлично это понимала. Баронесса также

была светской женщиной и при случае могла померяться эгоизмом с кем угодно. Она нисколько не обманывалась относительно причин того почтительного внимания, каким ее окружали члены каслвудской семьи — и мать, и дочери, и сыновья, — а так как она обладала немалым юмором, то с удовольствием играла на особенностях натуры каждого из членов этой семьи, забавляясь их алчностью, их подобострастием, их безыскусственным уважением к ее денежной шкатулке и нежною привязанностью к ее кошельку. Они были не очень богаты, и состояние леди Каслвуд предназначалось только ее родным детям. А двое старших унаследовали от своей матери-немки лишь льняные волосы и внушительную родословную. Однако и те, у кого были деньги, и те, у кого их не было, равно жаждали денег баронессы. В подобных случаях корыстолюбие богатых не уступает корыстолюбию бедных.

Таким образом госпожа Бернштейн гневно стукнула по столу, отчего стаканы на нем и те, кто сидел за ним, равно задрожали, потому лишь, что пунш и шампанское, к которому баронесса питала особое пристрастие, привели ее в сильное возбуждение, и благородное вино, разгорячив ее кровь, пробудило в ней благородное негодование при мысли о бедном одиноком мальчишке, тщетно томящемся за порогом дома его предков, а вовсе не потому, что она сильно рассердилась на своих родственников: ведь ничего иного она от них и не ждала.

Их эгоизм и их подобострастные оправдания равно ее позабавили, так же, как и бунт Каслвуда. Он был себялюбив не менее остальных, но не столь низок, да к тому же — о чем он сам откровенно заявил — мог позволить себе роскошь иногда отстаивать свою независимость, потому что ему все-таки принадлежало родовое поместье.

Госпожа Бернштейн, будучи женщиной нетерпеливой, решительной и для своего возраста удивительно энергичной, имела привычку вставать рано. Она была на ногах задолго до того, как томные каслвудские дамы (лишь накануне вернувшиеся домой из Лондона и еще не отдохнувшие от его раутов и балов) покинули свои пуховики, а веселый Уилл проспался после неумеренных возлияний. Встав ото сна, она прогуливалась среди зеленых лужаек, где повсюду сверкала дивная утренняя роса, мерцавшая на буйных цветочных коврах симметричных партеров и на темной листве аккуратных живых изгородей, в прохладной сени которых нежились мраморные дриады и фавны, пока кругом пели тысячи птиц, фонтаны плескались и искрились в розовом свете утра, а в лесу перекликались грачи.

Чаровали ли баронессу эти давно знакомые картины (ведь в детстве

она часто гуляла тут)? Напоминали ли они о днях невинности и счастья? Черпала ли она в этой тихой красоте спокойствие и радость, или в ее сердце пробуждались раскаяние и сожаление? Во всяком случае, она держалась с необычной мягкостью и ласковостью, когда, погуляв по аллеям около получаса, встретила наконец того, кого ожидала. Это был наш молодой виргинец, которому она спозаранку отправила записку с одним из внуков Локвуда. Записка была подписана "Б. Бернштейн" и извещала мистера Эсмонда Уорингтона о том, что его родственники в Каслвуде, и в их числе близкий друг его деда, с нетерпением ожидают его "в английском доме полковника Эсмонда". И вот юноша явился в ответ на это приглашение; он прошел под старинной готической аркой и быстро сбежал по ступеням садовых террас, держа в руке шляпу; ветер отбрасывал светлые волосы с разгоряченных щек, а траур придавал его тонкой фигуре особую стройность. Красота и скромность юноши, его приятное лицо и манеры понравились баронессе. Он отвесил ей низкий поклон, достойный версальского щеголя. Баронесса протянула ему маленькую ручку, а когда на нее легла его ладонь, другой рукой легко коснулась его манжеты. Потом она ласково и нежно посмотрела на простодушное раскрасневшееся лицо.

— Я была близко знакома с твоим дедом, Гарри, — сказала она. — Так, значит, вчера ты пришел посмотреть его портрет, а тебе указали на дверь, хотя, как ты знаешь, этот дом по праву принадлежал ему.

Гарри густо покраснел.

— Слугам не было известно, кто я такой, — сказал он. — Вчера поздно вечером ко мне приходил молодой джентльмен, но я был в дурном настроении, а он, боюсь, не вполне трезв. Я обошелся с моим кузеном очень грубо и хотел бы извиниться перед ним. Ваша милость знает, что у нас в Виргинии гостей, даже незнакомых, встречают совсем иначе. Признаюсь, я ожидал другого приема. Это вы, сударыня, послали вчера за мной кузена?

— Да, я. Однако ты увидишь, что сегодня твои родственники встретят тебя очень любезно. Ты, разумеется, останешься тут. Лорд Каслвуд непременно явился бы сегодня к тебе в гостиницу, но мне не терпелось тебя увидеть. Завтрак будет через час, а пока мы с тобой поболтаем. За твоим слугой и багажом в "Три Замка" кого-нибудь пошлют. Дай-ка я обопрюсь о твою руку. Я уронила трость, когда увидела тебя, так послужи мне тростью.

— Дедушка называл нас своими костылями, — сказал Гарри.

— Ты на него похож, хоть ты и блондин.

— Если бы вы видели... если бы вы видели Джорджа! — И глаза

простодушного юноши наполнились слезами. Мысль о брате, жгучая боль вчерашнего унижения, ласковый прием, который оказала ему баронесса, — все это вместе повергло молодого человека в сильное волнение. Он испытывал нежную благодарность к старой даме, встретившей его так приветливо. Еще минуту назад он чувствовал себя совсем одиноким и невыразимо несчастным, а теперь у него был родной кров и ему протянули дружескую руку. Не удивительно, что он уцепился за эту руку. В течение часа Гарри изливал своему новому другу всю свою честную душу, и когда солнечные часы показали, что настало время завтрака, он лишь удивился тому, сколько успел ей рассказать.

Баронесса проводила его в утреннюю столовую; она представила молодого виргинца графине, его тетушке, и велела ему обнять двоюродных братьев. Лорд Каслвуд был обходителен и мил. У честного Уилла болела голова, но происшествия прошлого вечера начисто изгладились из его памяти. Графиня и девицы были чарующе любезны, как умеют быть дамы их круга. И мог ли Гарри Уорингтон, простодушный и искренний юноша из далекой колонии, лишь накануне ступивший на английскую землю, мог ли он догадаться, что его улыбающиеся приветливые родственники воспылали к нему настоящей ненавистью, с ужасом наблюдая, как нежна с ним баронесса Бернштейн?

А она была без ума от него, говорила только с ним и не обращала внимания на каслвудскую молодежь, водила его по замку, поведала ему всю историю дома их предков, показала комнатку, выходившую во внутренний двор, комнатку, некогда служившую спальней его деду, и потайной шкаф над камином, сооруженный в эпоху преследования католиков. Она каталась с ним по окрестностям, показывала ему самые примечательные имения и замки, а взамен мало-помалу выслушала полную историю жизни молодого человека.

Эту краткую биографию снисходительный читатель соблаговолит узнать не из безыскусственного повествования Гарри Уорингтона, но в том виде, в каком она изложена в нижеследующих главах.

Глава III

Виргинские Эсмонды

Генри Эсмонд, эсквайр, офицер, дослужившийся до чина полковника в войнах, которые велись в царствование королевы Анны, в конце его оказался замешанным в неудачной попытке вернуть английский трон семье этой королевы. Нация, к счастью для нее, предпочла другую династию, и немногим противникам Ганноверского дома пришлось искать убежища за пределами Соединенного Королевства — в их числе по совету друзей уехал за границу и полковник Эсмонд. Однако мистер Эсмонд искренне сожалел о своей участии в заговоре, а августейший монарх, взошедший на престол Англии, был весьма незлопамятным государем, и друзьям полковника в самое короткое время удалось добиться его прощения.

Мистер Эсмонд, как уже говорилось, принадлежал к знатному английскому роду, владевшему в графстве Хэмпшир поместьем Каслвуд, как это видно из их титула; в свое время было широко известно, что король Иаков II и его сын предлагали титул маркиза полковнику Эсмонду и его отцу, а также что первый мог бы унаследовать родовое пэрство (ирландское), если бы не одно недоразумение, последствия которого он не пожелал исправить. Устав от политической борьбы и интриг, а также в связи с некоторыми грустными семейными обстоятельствами полковник предпочел оставить Европу и переселиться в Виргинию, где вступил во владение большим поместьем, которое Карл I пожаловал одному из его предков. Там родилась дочь мистера Эсмонда и его внуки, и там умерла его жена — вдова родственника полковника, злополучного виконта Каслвуда, которого в конце царствования Вильгельма III убил на дуэли лорд Мохэн.

Мистер Эсмонд назвал свой американский дом "Каслвудом" в память об английском замке своих предков. Впрочем, весь уклад жизни в Виргинии любовно воспроизводил английские обычаи. Это была чрезвычайно лояльная колония. Виргинцы похвалялись тем, что Карл II был королем Виргинии прежде, чем стал королем Англии. Там равно чтили и английского короля, и англиканскую церковь. Местные землевладельцы состояли в родстве с английской знатью. Они смотрели сверху вниз на голландских торговцев Нью-Йорка и на круглоголовых Пенсильвании и Новой Англии, думающих только о наживе. Казалось бы, трудно было отыскать людей, менее похожих на республиканцев, чем жители этой обширной колонии, которой вскоре предстояло возглавить достопамятное

восстание против власти английской короны.

Виргинские землевладельцы вели в своих огромных поместьях жизнь почти патриархальную. Для нехитрого возделывания плантаций и полей в их распоряжении были бесчисленные рабы и ссыльные, которых отдавали в полную власть хозяину имения. Вся провизия была своей, собственные леса изобиловали дичью. Огромные реки кишели рыбой. Они же открывали легкий путь на старую родину. Собственные корабли помещиков забирали табак с их собственных пристаней на Потомаке или реке Джеймс и отвозили его в Лондон или Бристоль, откуда в обмен на единственный продукт, который виргинским помещикам было благоугодно производить на своих землях, везли всевозможные английские товары. Гостеприимство виргинцев было поистине беспредельным. Двери их домов были открыты для каждого путника. Сами же они принимали соседей и навещали их с истинно феодальной пышностью.

В описываемые нами времена вопроса о правомерности рабства еще не существовало. Совесть виргинского джентльмена несколько не смущалась тем, что он — полный господин своих черных слуг; впрочем, как правило, эта деспотическая власть над негритянской расой отнюдь не была жестокой тиранией. Еды хватало на всех, а бедные чернокожие были ленивы и вовсе не чувствовали себя очень уж несчастными. Вы с тем же успехом могли бы убеждать госпожу Эсмонд, владелицу Каслвуда, в необходимости освобождения негров, как и советовать ей выпустить из конюшни на волю всех лошадей. — она твердо знала, что хлыст и полная торба равно полезны и для тех и для других.

Возможно, ее отец думал иначе, так как относился весьма скептически к очень и очень многому, однако его сомнения не выливались в решительный протест: он был недовольным, но не мятежником. В Англии полковник Эсмонд одно время вел весьма деятельную жизнь и, пожалуй, искал тех благ, которые могли бы принести ему успех, однако позже они утратили для него всякую привлекательность. Что-то случившееся с ним круто изменило его жизнь и придало ей меланхолический оттенок. Он не казался несчастным, был неизменно добр с теми, кто его окружал, с женой и дочерью держался очень нежно и почти во всем им уступал, однако дух его так никогда и не оправился после какого-то сердечного крушения. Он жил, но не радовался жизни, и его настроение никогда не было столь прекрасным, как в те последние часы, когда ему предстояло с ней расстаться.

После кончины его жены полковником и всеми его делами начала управлять его дочь, и он спокойно этому покорился. Ему довольно было его

книг и тихого уединения. Когда в Касляуд приезжали гости, он принимал их с большим радушием, был любезен и немного насмешлив. И нисколько не жалел об их отъезде.

— Душа моя, я без всякого огорчения готов расстаться даже с этим миром, — сказал он как-то своей дочери. — А ты, хотя трудно найти более любящую дочь, со временем утетишься. В мои ли годы быть романтичным? Это скорее пристало тебе — ведь ты еще так молода.

Но, говоря это, полковник сам не верил своим словам, ибо та миниатюрная особа, к которой он обращался, отличалась трезвой деловитостью и меньше всего была склонна к романтичности.

После пятнадцати лет пребывания в Виргинии полковник, чье обширное поместье было теперь в цветущем состоянии, уступил желанию дочери и согласился вместо простого деревянного дома, вполне его удовлетворявшего, построить другой, куда более величественный и прочный, дабы его наследники получили жилище, достойное их благородного имени. Кое-кто из соседей госпожи Уорингтон построил себе великолепные дворцы, и, быть может, ее намерение сделать то же диктовалось желанием занять первое место в обществе. Полковник Эсмонд, хозяин Каслвуда, не придавал никакого значения ни своему дому, ни своему гербу. Но его дочь была весьма высокого мнения о знатности и древности их рода, и ее отец, обретший на безмятежном склоне лет душевное спокойствие и невозмутимость, потакал всем ее прихотям, хотя и посмеивался над ними, — более того, к ее услугам были и его немалые исторические познания, и его талант живописца, ибо он довольно успешно подвизался в этом искусстве. Сто лет назад знание геральдики было обязательно для людей благородного происхождения: во время своего визита в Европу мисс Эсмонд с большим тщанием изучала историю своей семьи, ее родословную и вернулась в Виргинию с огромным запасом фамильных документов, имевших хоть какое-нибудь касательство к ее предкам (верила она в них неколебимо) и с чрезвычайно поучительными трудами, трактовавшими о благородной науке геральдике, которые издавались тогда во Франции и в Англии. Из этих фолиантов она, к большому своему удовлетворению, вычитала, что Эсмонды происходили не только от благородных нормандских воинов, явившихся в Англию со своим победоносным герцогом, но и от древних британских королей — и два великолепных фамильных древа, искусно написанных полковником, свидетельствовали, что род Эсмондов вел свое происхождение с одной стороны от Карла Великого (в латах, императорской мантии и венце), а с другой — от королевы Боадицеи, которую полковник во что бы то ни стало

пожелал изобразить в необременительном костюме древней британской королевы: внушительная золотая корона и крохотная горностаевая мантия, позволяющая любоваться весьма пышной фигурой, с большим вкусом покрытой ярко-синей татуировкой. Эти два знаменитых корня питали пышное генеалогическое древо, где-то в XIII веке объединяясь в персоне того счастливого Эсмонда, который мог похвалиться происхождением от общих этих предков.

О знатности Уорингтонов, с которыми она породнилась через брак, достойная госпожа Рэйчел была весьма невысокого мнения. Она подписывалась "Эсмонд-Уорингтон", а когда смерть отца сделала ее владелицей их поместья, все стали называть ее только "госпожой Эсмонд из Каслвуда". Следует даже опасаться, что ясность ее духа порой омрачали стычки из-за права на главенствующее место в обществе колонии. Хотя ее отец, с презрением сжег грамоту короля Яакова II, пожаловавшего ему титул маркиза, его дочь часто вела себя так, словно документ этот был цел и имел законную силу. Она считала английских Эсмондов младшей ветвью своего рода, а что до колониальной аристократии, то госпожа Эсмонд нимало не сомневалась в своем неизмеримом превосходстве и открыто о нем заявляла. Разумеется, как мы можем заключить из ее записок, на губернаторских ассамблеях в Джеймстауне это приводило к ссорам, перебранкам, а раза два и к легким потасовкам. Но к чему воскрешать память об этих сваргах? Разве их участники не покинули земную юдоль уже давно, а республика не положила конец подобному неравенству? До провозглашения независимости в мире не нашлось бы страны более аристократичной, нежели Виргиния, и виргинцы, о которых мы ведем рассказ, были воспитаны в благоговейном уважении к английским институтам, а законный король не имел подданных, более преданных его особе, чем юные каслвудские близнецы.

Когда скончался их дед, госпожа Эсмонд с величайшей торжественностью провозгласила своим наследником и преемником старшего сына Джорджа, а младшему, Гарри, который был моложе своего брата на полчаса, с этих пор постоянно внушалось, что он обязан его уважать. И все домочадцы получили строгий приказ воздавать ему должное почтение — и многочисленные счастливые негры, и слуги-ссылные, чей жребий под властью владелицы Каслвуда также не был особенно тяжким. Мятежников не нашлось, если не считать госпожи Маунтин, верной подруги и компаньонки миссис Эсмонд, да кормилицы Гарри, преданной негротяпки, никак не желавшей понять, почему младшим объявили ее питомца, который, как она клялась, был и красивее, и сильнее, и умнее

брата; на самом же деле красота, сила и осанка близнецов были совершенно одинаковы. По натуре и склонностям они очень различались, но внешне так походили друг на друга, что не путали их только благодаря цвету волос. Когда же они ложились спать и надевали те огромные, украшенные лентами ночные колпаки, которые носили наши и большие и маленькие предки, никто, кроме няnek и матери, не мог бы сказать, кто из них кто.

Однако, несмотря на внешнее сходство, они, как мы уже сказали, мало напоминали друг друга характерами. Старший был тихим, прилежным и молчаливым; младший — задорным и шумным. Он быстро выучивал урок, стоило ему взяться за дело, но брался за дело он очень медленно. Когда ж на Гарри находил ленивый стих, никакие угрозы не могли заставить его учиться, как не могли остановить они и Джорджа, всегда готового сделать за брата его уроки. У Гарри была сильная военная жилка: он старательно муштровал негрятят и бил их тростью, как заправский капрал, а кроме того, по всем правилам дрался с ними на кулачках, нисколько не обижаясь, если оказывался побежденным; Джордж же никогда не дрался и был очень ласков со всеми, кто его окружал. По виргинскому обычаю, у каждого мальчика был собственный маленький слуга, и однажды Джордж, увидев, что его бездельник-арапчонок уснул на постели своего хозяина, тихо сел возле него и начал веером отгонять мух от малыша, к большому ужасу старого Гамбо, отца негритенка, заставшего своего юного господина за этим занятием, и к величайшему негодованию госпожи Эсмонд, которая немедленно приказала отдать Гамбо-младшего в руки экзекутора для хорошей порки. Тщетно Джордж упрашивал и умолял ее отменить кару и в конце концов разразился слезами бессильного гнева. Его мать не пожелала помиловать маленького преступника, и негритенок ушел, уговаривая своего хозяина не плакать.

Это происшествие привело к яростной ссоре между матерью и сыном. Джордж не хотел слушать никаких доводов. Он сказал, что это наказание — подлость, да, подлость! Ведь хозяин негритенка — он, и никто — и его мать тоже! — не имеет права даже дотронуться до его слуги? мать, конечно, может приказать, чтобы выпороли его самого — и он стерпел бы это наказание, как им о Гарри уже не раз приходилось терпеть такую кару, но его слугу никто не смеет трогать. Это представлялось ему вопиющей несправедливостью, и, дрожа от гневного возмущения, он поклялся — сопроводив клятву такими выражениями, которые потрясли его любящую мать и гувернера, никогда прежде не слышавшего подобных слов от своего обычно кроткого ученика, — в день своего совершеннолетия освободить

маленького Гамбо, а потом пошел навестить мальчика в хижине его отца и подарил ему какую-то свою игрушку.

Юный черный мученик был нахальным, ленивым и дерзким мальчишкой, и порка могла пойти ему только на пользу, как, без сомнения, рассудил полковник, — во всяком случае, он не стал возражать против наказания, на котором настаивала госпожа Эсмонд, и только добродушно усмехнулся, когда его негодующий внук выкрикнул:

— Вы, дедушка, всегда позволяете маменьке над вами командовать!

— Совершенно верно, — ответил дедушка. — Рэйчел, душа моя, даже ребенок заметил, что я нахожусь под женским башмаком — настолько это очевидно.

— Так почему же вы не стоите на своем, как подобает мужчине? — спросил маленький Гарри, всегда готовый поддержать брата.

Дедушка улыбнулся странной улыбкой.

— Потому что мне больше нравится сидеть, мой милый, — сказал он. — Я старик, и стоять мне трудно.

Старший из близнецов, благодаря своему детскому остроумию и чувству юмора, а также интересу к некоторым занятиям старика, был его любимцем и постоянным собеседником, он смеялся его шуткам и выбалтывал ему все свои ребячьи тайны, в то время как Гарри никогда не знал, о чем говорить с дедом. Джордж был тихим, любознательным мальчиком и сиял от радости, попадая в библиотеку, повергавшую его брата в мрачное уныние. Он любил листать книги, когда еще с трудом их поднимал, и принялся читать их задолго до того, как начал понимать прочитанное. Гарри же, наоборот, сиял от радости, оказавшись в конюшне или в лесу, всегда готов был отправиться на охоту или удить рыбу и с самых юных лет обещал достичь высокого совершенства во всех подобных занятиях. Как-то, когда они были еще совсем детьми и корабль их деда отправлялся в Европу, их спросили, какие подарки должен привезти им капитан Фрэнкс. Джордж долго колебался, не зная, выбрать ли книги или скрипку, а Гарри сразу же потребовал маленькое ружье, и госпожа Уорингтон (как ее тогда называли), очень огорченная плебейскими вкусамв своего старшего сына, от души похвалила выбор младшего, более достойный его родового имени и происхождения.

— Книги, папенька, может быть, и неплохой выбор, — ответила она отцу, который пытался убедить ее, что Джордж имеет право на собственное мнение. Хотя у вас, по-моему, и так уже есть почти все книги, какие только существуют в мире. Но как я могу хотеть (пусть я ошибаюсь, но хотеть этого я не могу!), чтобы мой сын и внук маркиза Эсмонда стал скрипачом!

— Вздор, дорогая моя, — ответил старый полковник. — Вспомни, что пути господни — не наши пути и что каждое живое существо рождается с собственным внутренним миром, вторгаться в который — грех. Что, если Джордж любит музыку? Ты так же не можешь этому помешать, как не можешь запретить розе благоухать, а птице петь.

— Птице! Птица поет потому, что это заложено в ее природе, а Джордж ведь не родился со скрипкой в руках! — ответила миссис Уорингтон, вскинув голову. — Во всяком случае, я девочкой, когда училась в Кенсингтонском пансионе, ненавидела клавесин и выучилась играть, только чтобы угодить маменьке. Говорите что хотите, сударь, я все равно не в силах поверить, будто пиликанье на скрипке пристало человеку знатного рода.

— А как же царь Давид, который играл на арфе, душа моя?

— Я предпочла бы, чтобы мой отец побольше читал его и не говорил бы о нем в таком тоне, — сказала миссис Уорингтон.

— Но ведь я упомянул его только в качестве примера, душа моя, — кротко ответил ее отец.

Как сам полковник Эсмонд признавался в своих записках, он был создан так, что всегда подчинялся женскому влиянию, и когда умерла его жена, он лелеял, баловал и портил свою дочь, смеясь над ее капризами, но исполняя их, подшучивая над ее предрассудками, но не ставя им преград, потакая властности ее характера и тем самым развивая эту властность; впрочем, полковник утверждал, что наше вмешательство не может изменить природные склонности и, излишне муштруя своих детей, мы только прививаем им лицемерие.

Наконец пришел час, когда мистер Эсмонд должен был расстаться с жизнью, и он простился с ней так, словно с радостью слагал с себя ее бремя. Не следует открывать новую повесть похоронным звоном колоколов или предварять ее надгробным словом. Все, кто читая или слышал проповедь, произнесенную тогда преподобным Бродбентом из Джеймстауна, недоумевали, где он позаимствовал подобное красноречие и украшавшую ее латынь. Быть может, это было известно мистеру Демнстеру, шотландцу-гувернеру мальчиков, который поправлял гранки проповеди после того, как она по желанию его превосходительства и многих именитых особ была напечатана в типографии мастера Франклина в Филадельфии. В Виргинии еще не видывали погребения столь пышного, как похороны, устроенные госпожой Эсмонд-Уорингтон своему отцу, который не преминул бы первым улыбнуться такому чванному горю. Процессию возглавляли каслвудские близнецы, полузадушенные

траурными покрывалами и лентами, а за ними следовал милорд Фэрфакс из Гринуэй-Корта, его превосходительство губернатор Виргинии (вернее, его карет), а также Рэндольфы, Кейри, Гаррисоны, Вашингтоны и многие, многие другие — все графство почитало усопшего, чья доброта, благородные таланты, мягкость и неизменная учтивость завоевали ему у соседей заслуженное уважение. Когда весть о кончине полковника Эсмонда достигла его пасынка лорда Каслвуда в Англии, последний выразил желание оплатить расходы на мраморную плиту, на которой были бы запечатлены имена и многие добродетели матери его сиятельства и ее мужа, и после надлежащих приготовлений памятник этот был установлен — пухленькие, льющие слезы херувимы поддерживали герб и коронку Эсмондов над эпитафией, на сей раз, против обыкновения, не содержащей ни слова лжи.

Глава IV

в которой Гарри находит новую родственницу

Добрые друзья, радушные, приятные, почтительные соседи, древнее имя, большое поместье и приличное состояние, уютный дом, комфортабельный и даже роскошный, толпа черных и белых слуг, ловящих на лету твои приказания, хорошее здоровье, любящие дети и, позволим себе смиренно добавить, прекрасный повар, погреб и библиотека — не правда ли, человек, располагающий всеми этими благами, может считаться счастливым? Госпожа Эсмонд-Уорингтон обладала всеми этими основаниями для счастья и ежедневно напоминала себе о них в утренних и вечерних молитвах. Она была щепетильно благочестива, добра к бедным и никогда никому с умыслом не причиняла вреда. В моем воображении она рисуется мне на престоле своего каслвудского княжества: местная знать является к ней на поклон, сыновья к ней всегда почтительны, слуги мчатся выполнять любое ее распоряжение, наступая друг другу на черные нитки, белые бедняки благодарны ей за щедрую помощь и безропотно глотают снадобья, которыми она их пичкает, стоит им захворать, соседи поплотше соглашаются с каждым ее словом и всегда проигрывают ей в триктрак, — и что же, располагая всеми этими благами, редко выпадающими на долю большинства смертных, миниатюрная принцесса Покахонтас, как ее называли, среди всего своего великолепия не заслуживала, мне кажется, ни малейшей зависти. Муж принцессы скончался в цвете юности — что, пожалуй, было только к лучшему. Не умри он вскоре после свадьбы, они постоянно ссорились бы или же он неизбежно оказался бы под башмаком у жены — сто лет назад еще встречались отдельные экземпляры подобных мужей. Дело в том, что миниатюрная госпожа Эсмонд немедленно пыталась подчинить себе любого человека, с которым ее сводила судьба, будь то мужчина или женщина. Если они подчинялись, то находили в ней доброго друга, а если сопротивлялись, она не оставляла своих попыток взять над ними верх до тех пор, пока они не сдавались или она не убеждалась в тщетности своих усилий. Все мы — жалкие грешники, в чем публично признаемся каждое воскресенье, и никто не произносил этого более ясным и твердым голосом, чем наша миниатюрная дама. Будучи, как и все смертные, несовершенной, она, разумеется, могла порой ошибаться, но лишь очень редко признавалась в этом себе самой, а уж другим — никогда. Ее отец в старости забавлялся, наблюдая за вспышками

деспотизма, надменности и упрямства своей единственной дочери. Она замечала это, и его юмор — чувство, которым она сама не обладала, — укрощал ее и ставил в тупик. Но после смерти полковника не осталось уже никого, перед кем она была бы склонна смиряться — и, по правде говоря, я рад, что мне не довелось жить сто лет тому назад в Каслвуде, в виргинском графстве Уэстморленд. Мне кажется, там не нашлось бы ни одного истинно Счастливого человека. Счастливого? Но кто счастлив? Ведь даже в раю таился змей, а будь Ева безоблачно счастлива до знакомства с ним, разве стала бы она его слушать?

Энергичные ручки миниатюрной дамы начали управлять господским домом Каслвудов задолго до того, как полковник почил последним сном. А после его кончины она установила строжайший надзор над хозяйством всего поместья. Она отказалась от услуг английского агента полковника Эсмонда и выбрала для себя другого; она строила, улучшала, сажала и выращивала табак, назначила нового управляющего и выписала нового гувернера. Как ни любила она отца, многим из его правил она вовсе не собиралась следовать. Разве не почитала она папеньку и маменьку всю их жизнь, как надлежит дочери, знающей свой долг? Все дети должны почитать своих родителей, дабы продлить свои дни на земле. Миниатюрная королева самодержавно правила своим миниатюрным государством, и принцы, ее сыновья, были лишь первыми из ее подданных. Очень скоро она отбросила фамилию мужа и стала называться госпожой Эсмонд. Ее притязания на знатность были известны всему графству. Она с большой охотой рассказывала о титуле маркиза, который король Иаков пожаловал ее деду и отцу. Разумеется, безграничное благородство ее папеньки могло подвигнуть его на отказ от своих титулов и придворных званий в пользу младшей ветви их рода — в пользу ее сводного брата лорда Каслвуда и его детей, но тем не менее она и ее сыновья принадлежат к старшей ветви Эсмондов, и она не допустит никаких посягательств на ее права. Лорд Фэрфакс был единственным человеком в виргинской колонии, которого она соглашалась считать выше себя. Она нимало не сомневалась, что на всех приемах и торжественных церемониях должна идти впереди вице-губернатора и судей, хотя супруге губернатора, представляющего особу монарха, она, разумеется, готова была сделать уступку. В семейных бумагах и письмах сохранились рассказы о двух-трех ожесточенных битвах, которые разыгрались из-за подобных тонкостей этикета между госпожой Эсмонд и женами колониальных сановников. Уорингтонов же, семью своего мужа, она не ставила ни во что. Если она и сочеталась браком с младшим сыном английского баронета из Норфолка, то лишь выполняя

волю своих родителей, как покорная дочь. В юные свои годы — а замуж она вышла почти девочкой, прямо из пансиона — она по единому слову своего папеньки даже бросилась бы с корабля в море. "Таковы Эсмонды", — добавляла она.

Английским Уорингтонам не слишком льстило отношение к ним миниатюрной американской принцессы, равно как и ее отзывы о них. Она имела обыкновение раз в год посылать торжественное поздравительное письмо Уорингтонам и своим благородным родственникам, Хэмширским Эсмондам, но вернувшись из Виргинии в Англию супруга судьи, которой госпожа Эсмонд в свое время сильно насолила, однажды, когда сэр Майлз Уорингтон приехал в Лондон на сессию парламента, встретила с леди Уорингтон и тотчас пересказала той, что именно принцесса Покахонтас имела обыкновение говорить о собственных английских родственниках и о родне своего мужа; миледи Уорингтон, я полагаю, не замедлила сообщить все это миледи Каслвуд, после чего, к большому удивлению и негодованию госпожи Эсмонд, она перестала получать ответы на свои послания, что вскоре побудило ее вообще прервать переписку.

Вот каким образом достойнейшая дама рассорилась с соседями, с родней и, как ни грустно признаться, с сыновьями.

Одно из первых разногласий между королевой и наследным принцем возникло из-за того, что она отказала от места мистеру Демпстеру, гувернеру мальчиков, который, кроме того, был секретарем покойного полковника. При жизни отца госпожа Эсмонд терпела его присутствие лишь с большим трудом впрочем, точнее будет сказать, что мистер Демпстер ее не выносил. Она питала к книгам ревнивую неприязнь и видела в нас, книжных червях, людей опасных, сеющих дурное семя. От кого-то она слышала, что Демпстер — переодетый иезуит, и бедняге пришлось построить себе хижину в лесу, где он кое-как перебивался, учительствуя и врачую, когда ему удавалось найти учеников и пациентов среди немногочисленных обитателей графства. Джордж поклялся, что никогда не забудет своего первого гувернера, и свято держал эту клятву. Гарри же всегда предпочитал удить рыбу или охотиться, а не сидеть над книгами, и между ним и его беднягой-наставником не было тесной дружбы.

Вскоре появилась причина для новых раздоров. После смерти тетушки покойного мистера Джорджа Уорингтона и кончины его отца Джордж и Гарри унаследовали шесть тысяч фунтов, а их мать была назначена душеприказчицей. Она никак не могла взять в толк, что она всего лишь душеприказчица и деньги эти ей не принадлежат, — когда второй душеприказчик, лондонский нотариус, отказался выполнить ее требование

и выслать ей немедленно всю сумму, она пришла в ярость.

— Да разве все, что у меня есть, не принадлежит моим сыновьям? вскричала она. — И разве ради их блага я не дала бы разрезать себя на мелкие кусочки? На эти шесть тысяч фунтов я купила бы поместье мистера Болтера вместе с неграми, а оно приносило бы нам не меньше тысячи фунтов в год и мой милый Гарри был бы обеспечен на всю жизнь.

Ее молодому другу и соседу, мистеру Джорджу Вашингтону из Маунт-Вернона, так и не удалось доказать ей, что лондонский нотариус совершенно прав и может вручить вверенные ему деньги только тем, кому они предназначены. Госпожа Эсмонд без обвиняков высказала нотариусу свое мнение о нем и, как я с огорчением должен упомянуть, сообщила мистеру Дрейперу, что он — наглый крючкотвор и заслуживает самой тяжкой кары, ибо посмел выказать недоверие матери и женщине, в чьих жилах течет кровь Эсмондов. Нельзя отрицать, что нрав у виргинской принцессы был не из кротких. Когда это пустячное недоразумение было доведено до сведения Джорджа Эсмонда, ее первенца, и мать, не слушая никаких отговорок, приказала ему прямо сказать, на чьей он стороне, мальчик присоединился к мнению мистера Вашингтона и мистера Дрейпера, лондонского нотариуса. Он сказал, что, хочет он того или не хочет, но они правы. Он был бы рад думать иначе — самому ему эти деньги не нужны, и он сразу отдал бы их матери, будь у него на то власть. Однако госпожа Эсмонд не вняла этим доводам. Любые доводы ей заменяло чувство. Вот случай обеспечить Гарри приличное состояние — бедняжке Гарри, у которого нет ничего, кроме жалких грошей, полагающихся младшему брату, а эти гнусные лондонские негодяи не желают ему помочь, и его собственный брат, унаследовавший все имение ее дорогого папеньки, тоже не желает ему помочь. Только подумать, ее родной сын — и такой скряга в четырнадцать лет! И так далее, и тому подобное. Добавьте к этому слезы, презрительные слова, непрерывные намеки, долгую отчужденность, злобные вспышки; страстные призывы к небесам и прочее — и мы без труда представим себе душевное состояние вдовы. Но разве и нынче нельзя отыскать слабых и любимых представительниц прекрасного пола, которые прибегают к точно такой же манере ведения спора? Книга женской логики вся испещрена следами слез, а их суду неведомо беспристрастие.

После этого случая вдова принялась упорно копить деньги для младшего обездоленного сына, как повелевал ей материнский долг. Приостановилось строительство дворца в Каслвуде, начатое полковником, который посылал корабли в Нью-Йорк за голландским кирпичом и, не считаясь с расходами, выписывал из Англии каменные полки, резные

карнизы, оконные рамы и стекло, ковры и дорогие ткани для обивки мебели и стен. Книг больше не покупали. Лондонскому агенту было приказано прекратить поставку вина. Госпожа Эсмонд глубоко сожалела о деньгах, истраченных на ее прекрасную английскую карету, и ездила в ней только в церковь, стелая в душе и твердя сыновьям, сидящим напротив нее:

— Ах, Гарри, Гарри! Лучше б я отложила эти деньги для тебя, мой бедный обездоленный мальчик! Только подумать — триста восемьдесят гиней наличными каретнику Хэтчетту!

— Вы же будете мне давать, сколько нужно, пока вы живы, а Джордж будет мне давать сколько нужно, когда вы умрете, — весело ответил Гарри.

— Ну нет, разве только он станет иным, — ответила его матушка, мрачно поглядев на старшего сына. — Разве только небо смирит его дух и научит его милосердию, о чем я молюсь денно и ночью, как известно Маунтин, не так ли, Маунтин?

Миссис Маунтин, вдова прапорщика Маунтина, компаньонка и домоправительница госпожи Эсмонд, занимавшая по воскресеньям четвертое место в семейной карете, ответила:

— Гм! Я, конечно, знаю, что вы вечно расстраиваетесь и ворчите из-за этого наследства, хотя причин для такого расстройства я никаких не вижу.

— Ах, вот как! — воскликнула вдова, зашуршав шелками, — Разумеется, мне незачем расстраиваться из-за того, что мой первенец — непокорный сын и бессердечный брат, из-за того, что у него есть имение, а у моего бедняжки Гарри — будь он благословен! — только чашка чечевичной похлебки!

Джордж в немом отчаянии смотрел на мать, пока слезы не застлали ему глаза.

— Я хочу, чтобы вы благословили и меня, матушка! — воскликнул он и разразился страстными рыданиями.

Гарри тотчас крепко обнял брата за шею и принялся его целовать.

— Ничего, Джордж! Ведь я знаю, какой ты хороший брат. Не слушай, что она говорит. Она ведь не думает того, что говорит.

— Нет, думаю, дитя мое! — воскликнула их мать. — И если бы небо...

— Да замолчите же! — закричал Гарри. — Как вам только не стыдно говорить про него такие вещи!

— Верно, Гарри, — вставила миссис Маунтин, пожимая мальчику руку. — Это вот истинная правда.

— Миссис Маунтин, да как вы смеете восстанавливать моих детей против меня! — вскричала вдова. — Чтобы нынче же, сударыня...

— Хотите выгнать меня и мою малютку на улицу? Сделайте милость!

перебила ее миссис Маунтин. — Вот уж чудная месть за то, что лондонский законник не отдает вам деньги Джорджа. Ищите себе другую компаньонку, которая будет белое называть черным вам в угоду, а меня от этого увольте! Так когда же мне уехать? Сборы у меня будут недолгими! Привезла я в Каслвуд немного и увезу не больше.

— Тшш! Колокола звонят, призывая к молитве, Маунтин. Так будьте любезны, дайте нам всем сосредоточиться, — сказала вдова и с величайшей нежностью посмотрела на одного из своих сыновей — а может быть, и на обоих. Джордж сидел, не поднимая головы, а Гарри и в церкви прижался к брату и, пока не кончилась проповедь, крепко обнимал его за шею.

Гарри рассказывал все это на свой лад, сопровождая повествование множеством восклицаний, как свойственно юности, и отвечая на вопросы, которые то и дело задавала ему баронесса. Почтенная дама, казалось, готова была слушать его без конца. Ее любезная хозяйка приходила сама, присылала дочерей спросить, не хочет ли она прокатиться, погулять, выпить чаю, сыграть в карты, но госпожа Бернштейн отказывалась от всех этих развлечений, говоря, что беседа с Гарри доставляет ей несравненно больше удовольствия. В присутствии членов каслвудской семьи она удваивала свою нежность, требовала, чтобы

Гарри пересел поближе к ней, и то и дело повторяла, обращаясь к остальным:

— Тшш! Да замолчите же, дорогие мои! Я не слышу, что говорит ваш кузен!

И они уходили, старательно сохраняя веселый вид.

— Так вы тоже моя родственница? — спросил простодушный юноша. — Вы, по-моему, гораздо добрее остальных моих родных.

Они беседовали в зале, отделанной дубовыми панелями, где владельцы замка уже больше двухсот лет имели обыкновение обедать в обычные дни и где, как мы уже говорили, висели фамильные портреты. Кресло госпожи Бернштейн стояло как раз под одной из жемчужин этой галереи, шедевром кисти Неллера, изображавшим молодую даму лет двадцати четырех в широком роброне времен королевы Анны — рука покоится на подушке, пышные каштановые локоны откинута с прекрасного лба и ниспадают на жемчужно-белые плечи и очаровательную шейку. У ног этой обворожительной красавицы сидела старая баронесса со своим вязаньем.

Когда Гарри спросил: "А вы тоже моя родственница?" — она ответила:

— Этот портрет написал сэр Годфри, вообразивший себя лучшим художником мира. Но он уступал Лели, написавшему твою бабушку, мо...

миледи Каслвуд, жену полковника Эсмонда. Уступал он и Сэру Антони Ван-Дейку, который написал вон тот портрет твоего прадеда — на портрете он выглядит куда более благородным джентльменом, чем был в жизни. Некоторых из нас пишут чернее, чем мы есть. Ты узнал свою бабушку вон на том портрете? Таких прелестных белокурых волос и фигуры не было ни у кого!

— Наверное, какое-то чувство подсказало мне, чей это портрет, — и еще сходство с матушкой.

— А миссис Уорингтон... прошу у нее прощения: она ведь, если не ошибаюсь, называет себя теперь госпожой Эсмонд или леди Эсмонд?

— Так называют матушку в нашей провинции.

— Она не рассказывала тебе, что у ее матери, когда она вышла за твоего деда, была еще одна дочь — от первого брака?

— Никогда.

— А твой дедушка?

— Нет. Но в своих альбомах, которые он дарил нам с братом, он часто рисовал головку, похожую на этот портрет над креслом вашей милости. Ее, виконта Фрэнсиса и короля Иакова Третьего он рисовал раз двадцать, не меньше.

— А этот портрет над моим креслом тебе никого не напоминает, Гарри?

— Нет, никого.

— Вот назидательный урок! — вздохнула баронесса. — Гарри, когда-то это лицо было моим, — да-да! — и я тогда называлась Беатрисой Эсмонд. Твоя мать — моя сводная сестра, мой милый, и она ни разу даже не упомянула моего имени!

Глава V

Семейные раздоры

Слушая безыскусственную повесть Гарри Уорингтона о его жизни на родине, госпожа Бернштейн, наделенная большим чувством юмора и прекрасно знавшая свет, несомненно, составила свое мнение об упомянутых им людях и событиях, и если ее суждение не было во всех отношениях благоприятным, то сказать на это можно лишь, что все люди несовершенны, а жизнь человеческая отнюдь не так уж приятна и гармонична. Привыкшая к придворной и столичной жизни, старая баронесса содрогалась при одной мысли о деревенском существовании, которое влачила ее сестра в Америке. И с ней, конечно, согласилось бы большинство столичных дам. Однако миниатюрная госпожа Уорингтон, ее знавшая ничего другого, была вполне довольна своей жизнью — не менее, чем собственной особой. Из того, что мы с вами эпикурейцы или просто очень разборчивы в еде, еще не следует, будто деревенский батрак чувствует себя несчастным, обедая хлебом с салом. Пусть занятия и обязанности, из которых состояла жизнь госпожи Уорингтон, могли кому-то показаться скучными, ей они, во всяком случае, были по душе. Эта энергичная и деловитая женщина входила во все мелочи управления огромным поместьем. Что бы ни происходило в Каслвуде, ко всему она прикладывала свою маленькую ручку. Она задавала пряхам их урок, она приглядывала за судомойками на кухне, она разъезжала на маленькой лошадке по плантации и присматривала за надсмотрщиками и неграми, трудившимися на табачных и кукурузных полях. Если какой-нибудь раб заболел, она тут же отправлялась в его хижину, невзирая на самую скверную погоду, и принималась лечить его с неукротимой решимостью. У нее имелась книга с рецептами всяких старинных снадобий, чуланчик, где она извлекала эссенции и смешивала эликсиры, а кроме того, аптечка — пугало ее соседей. Все они смертельно боялись заболеть, зная, что тогда к ним неминуемо явится миниатюрная дама со своими декоктами и пилюлями.

Сто лет тому назад в Виргинии почти не было городов: благородные землевладельцы и их вассалы обитали в усадьбах, напоминавших небольшие селения. Рэйчел Эсмонд властвовала в Каслвуде, как миниатюрная королева, а землями, расположенными вокруг, правили владетельные князья, ее соседи. Многие из этих последних были довольно

бедными владыками: жили они широко, но убого, распоряжались толпами слуг, чьи ливреи давно уже превратились в лохмотья, славились хлебосольством и гостеприимно распахивали дверь перед любым странником — гордые, праздные, превыше всего любящие охоту, как и подобает джентльменам благородного происхождения. Вдовствующая хозяйка Каслвуда была не менее хлебосольна, чем ее соседи, но умела вести хозяйство лучше большинства из них. Среди этих соседей, без сомнения, нашлось бы немало таких, кто с радостью разделил бы с ней право пожизненного пользования доходами с имения и заменил бы отца ее сыновьям. Но какой брак не оказался бы мезальянсом для дамы столь высокого происхождения? Одно время ходили слухи, что герцог Камберлендский станет вице-королем, а может быть, и королем Америки. Приятельницы госпожа Уорингтон со смехом утверждали, что она дожидается именно его. Она же с величайшим достоинством и серьезностью отвечала, что особы столь же высокого рождения, как его королевское высочество, не раз желали породниться с домом Эсмондов.

Правой рукой госпожи Эсмонд была офицерская вдова, имя которой мы уже упоминали, — она училась с ней в одном пансионе, а ее покойный муж служил в одном полку с покойным мистером Уорингтоном и был его другом. Когда английские девочки в "Кенсингтонской академии", где воспитывалась Рэйчел Эсмонд, дразнили и мучили маленькую американку, высмеивая королевские замашки, которыми она отличалась уже в те годы, Фанни

Паркер всегда становилась на ее сторону и защищала ее. Обе они вышли замуж за прапорщиков полка Кингсли и продолжали питать друг к другу самую нежную привязанность. Обмениваясь письмами, они не называли друг друга иначе как "моя Фанни" и "моя Рэйчел". Затем супруг "моей Фанни" скончался при весьма печальных и стесненных обстоятельствах, ничего не оставив своей вдове и малютке, и когда капитан Фрэнкс вернулся из очередного ежегодного плавания, с ним на "Юной Рэйчел" прибыла в Виргинию миссис Маунтин.

Места в Каслвуде было много, а миссис Маунтин весьма способствовала оживлению жизни в нем. Она играла в карты с хозяйкой дома, немного музицировала и могла поэтому помочь старшему мальчику в его увлечении, она развлекала гостей, распоряжалась их размещением в доме и заведовала бельевой. Она была добродушна, энергична в миловидна, так что не раз и не два местные холостяки предлагали привлекательной вдове сменить фамилию. Однако она предпочла сохранить фамилию Маунтин, хотя и не принесшую ей счастья, —

возможно, впрочем, что ее решение объяснялось именно этим. С нее довольно одного замужества, говаривала она. Мистер Маунтин весело промотал и ее маленькое состояние, и свое собственное. Последние оставшиеся у нее броши и кольца пришлось продать, чтобы заплатить за его похороны, и до тех пор, пока госпожа Уорингтон будет предоставлять ей приют, она предпочтет кров без мужа любому семейному очагу из тех, которые ей до сих пор предлагали в Виргинии. Госпожа Эсмонд и ее компаньонка часто ссорились, но они любили друг друга и всегда мирились, для того лишь, чтобы тотчас снова повздорить и снова стать друзьями. Стоило кому-нибудь из мальчиков заболеть, и обе они соперничали в материнской нежности и заботливости. В дни своей последней болезни полковник очень ценил миссис Маунтин за ее веселость и добродушие, а его память госпожа Уорингтон чтит так, как не чтит никого из живущих. И вот год за годом, когда капитан Фрэнкс перед очередным плаванием с обычной своей любезностью спрашивал миссис Маунтин, не собирается ли она вернуться в Англию, она каждый раз отказывалась, говоря, что погостит тут еще годик.

Если же к госпоже Уорингтон являлись претенденты на ее руку — а являлись они нередко, — то она, принимая их комплименты и знаки внимания с большой снисходительностью, спрашивала почти каждого из этих воздыхателей, не ради ли миссис Маунтин посещает он ее дом? О, она с удовольствием попытается уговорить Маунтин! Фанни — прекрасная женщина, происходит из достойного английского рода и сделает счастливым любого джентльмена. Ах, неужели сквайр имел в виду ее самое, а не ее компаньонку? Она делала ему величественный реверанс, говорила, что была в полном заблуждении относительно его намерений, и сообщала незадачливому жениху, что дочь маркиза Эсмонда посвятила свою жизнь тем, кто от нее зависит, и своим сыновьям и не намерена изменять своего решения. Разве вы не читали, что королеве Елизавете, здравомыслящей, практичной женщине, нравилось внушать своим подданным не только страх и почтительный трепет, но и любовь? Так и у миниатюрной виргинской принцессы были свои фавориты, чью лесть она благосклонно принимала, пока они ей не надоедали — она обходилась с ними то ласково, то жестоко, согласно своим монаршим капризам. Любой самый вычурный комплимент она милостиво принимала как должную дань. Эта ее маленькая слабость была всем известна, и многие шалопаи умело ею пользовались. Повеса Джек Файрбрейс из графства Энрико много месяцев жил в Каслвуде на всем готовом и был первым фаворитом хозяйки дома потому, что посвящал ей стихи, которые воровал из альманахов. Том

Хамболд из Спотсильвани поставил пятьдесят бочонков вина против пяти, утверждая, что заставит ее учредить рыцарский орден, — и выиграл пари.

Старший сын госпожи Эсмонд замечал все эти странности и причуды своей доброй матушки и втайне бесился и страдал из-за них. Еще в самом нежном возрасте он возмущался, слушая лесть и комплименты, расточаемые госпоже Уорингтон, и пуская в ход против них весь свой мальчишеский сарказм, на что его мать говорила с глубокой серьезностью:

— Ревность всегда была семейной чертой Эсмондов, и мой бедный мальчик унаследовал ее от моего отца и моей матери.

Джордж ненавидел Джека Файрбрейса, и Тома Хамболда, и всех им подобных. Гарри же охотился с ними, ловил рыбу, смотрел петушиные бои и принимал участие в прочих местных развлечениях.

В ту зиму, когда был уволен их первый гувернер, госпожа Эсмонд повезла сыновей в Уильямсберг, где они могли бы продолжать образование в тамошних школах и колледжах, и всей семье необыкновенно посчастливилось: они сподобились услышать проповеди прославленного мистера Уитфилда, который приехал в Виргинию, отнюдь не избалованную проповедями местных священников, чья жизнь к тому же никак не могла служить назидательным примером. В отличие от большинства соседних провинций, Виргиния придерживалась англиканского вероисповедания: священники получали от государства жалованье и церковный надел; а так как в Америке не было еще ни одного англиканского епископа, колонистам приходилось ввозить свое духовенство из метрополии. Естественно, что приезжали к ним далеко не самые лучшие и красноречивые служители божьи. Прихлебатели знатных вельмож, залезшие в долги, не поладившие с правосудием или с судебным приставом, — вот какие пастыри везли свои запятнанные ризы в колонию, надеясь получить тут богатый приход. Не удивительно, что проникновенный голос Уитфилда пробудил сердца, остававшиеся глухими к призывам ничем не примечательного священника уильямсбергской церкви мистера Бродбента. Вначале мальчики были покорены не меньше своей матери: они пели псалмы и слушали мистера Уитфилда с пылким благоговением, и останься он в колонии надолго, Гарри и Джордж, возможно, вместо мундиров облачились бы в черные сюртуки. Простодушные подростки делились друг с другом осенившей их благодатью и денно и ночью ожидали того священного "зова", услышать который в то время алкала вся протестантская Англия, кроме тех, кто уже восторженно внял ему.

Однако мистер Уитфилд не мог вечно оставаться с немногочисленной

уильямсбергской паствой. На него была возложена миссия просветить всех закосневших в невежестве сынов англиканской церкви, возвестить истину повсюду от Востока до Запада и пробудить дремлющих грешников. Тем не менее он утешал вдову бесценными письмами и обещал ей прислать учителя для ее сыновей, который сумеет не только преподать им суетные светские науки, но также утвердить и укрепить их в знании куда более драгоценном.

В назначенный срок из Англии прибыл избранный сосуд. Молодой мистер Уорд обладал голосом столь же громким, как голос мистера Уитфилда, и был способен говорить почти столь же красноречиво и долго. Ежевечерне в большом зале гремели его призывы. Слуги-негры толпились у дверей, ловя каждое его слово. А их соплеменники, вернувшиеся с поля, совсем заслоняли курчавыми головами окна веранды — так велика была их охота услышать его проповедь. Почему-то наибольшим влиянием мистер Уорд пользовался именно среди черных овец каслвудской паствы. Эти курчавые агнцы заворожено внимали его красноречию, и стоило ему затянуть псалом, как раздавался такой негритянский хор, что его слышали за Потомаком, — такой негритянский хор, какого нельзя было бы услышать при жизни полковника, ибо этот достойный джентльмен относился с подозрением ко всякому духовному облачению и вмел обыкновение повторять, что партия в триктрак — единственный вид спора, который он готов вести со священником. Однако никто не бывал щедрее его, когда требовались деньги для какой-нибудь благотворительной цели, и благодушный виргинский священник, к тому же большой любитель триктрака, утверждал, что милосердие полковника, несомненно, искупает все его недостатки.

Уорд был молод и красив. Его проповеди сразу понравились госпоже Эсмонд и, полагаю, доставляли ей не меньшее удовольствие, чем проповеди самого мистера Уитфилда. Разумеется, теперь, когда женщины получают столь превосходное образование, ни о чем подобном не может быть и речи, но сто лет назад они были простодушны, жаждали восхищаться и верить и охотно приписывали предмету своего восхищения всевозможные достоинства. Проходили недели, — нет, месяцы! — а госпожа Эсмонд все с тем же восторгом слушала громкий и звучный голос мистера Уорда, и ей нисколько не приедались банальные цветы его красноречия. Как это было у нее в обычае, она заставляла своих соседей приезжать на его проповеди и приказывала им обратиться на истинный путь. Особенно ей хотелось оказать благое влияние на своего молодого фаворита, мистера Вашингтона, и она без конца приглашала его погостить

в Каслвуде, дабы он мог вкушать там от духовных наставлений. Однако этот молодой джентльмен тут же вспоминал, что важное дело призывает его домой или, наоборот, куда-нибудь еще, и неизменно приказывал оседлать лошадь, едва приближался час, когда мистер Уорд начинал свои упражнения в красноречии. И — какие мальчики бывают справедливы к своим наставникам? близнецам их новый учитель вскоре надоел, и в них даже проснулся мятежный дух.

Они обнаружили, что он невежда, тупица, да к тому же еще плохо воспитан. Джордж знал латынь и греческий намного лучше своего наставника и постоянно ловил его на грубых ошибках и грамматических промахах. Гарри, которому сходило с рук гораздо больше, чем старшему брату, передразнивал манеру Уорда есть и говорить, причем так похоже, что миссис Маунтин и даже госпожа Эсмонд невольно раздражались смехом, а маленькая Фанни Маунтин захлебывалась от восторга. Госпожа Эсмонд, несомненно, скоро убедилась бы в том, что Уорд — вульгарный шарлатан, если бы не возмущение ее старшего сына, которое она стремилась подавить всей силой своей несокрушимой воли.

— Что за важность, если он и не силен в светских науках? — восклицала она. — Ведь в том, что драгоценней всего, мистер Уорд достоин быть учителем всех нас. Что, если он и неотесан? Небеса ищут своих избранных не среди знатных и богатых. Как мне хотелось бы, дети, чтобы одну книгу вы знали так же хорошо, как знает ее мистер Уорд. Это ваша грешная гордость — гордость Эсмондов — мешает вам внять ему. Идите к себе в спальню и на коленях молитесь об избавлении от этого ужасного порока.

В этот вечер Уорд повествовал о сирийце Неемане, о том, как он похвалялся реками своей земли — Аваной и Фарфаром, в суетной гордости полагая, что они превосходят целительные воды Иордана, — из чего следовала мораль, что он, Уорд, является хранителем и стражем истинных вод иорданских, а несчастные самодовольные мальчики обречены на верную гибель, если только не прибегнут к его заступничеству.

Джордж с этих пор дал волю саркастичности, которую, быть может, унаследовал от деда, — в тех случаях, когда тихий и умный мальчик прибегает к подобному оружию, он может отравить существование всей семье. Джордж подхватывал напыщенные сентенции Уорда и выворачивал их наизнанку, так что молодой священник, вне себя от ярости, чуть не давился самыми вкусными блюдами и не мог воздать должное обильному обеду. Госпожа Эсмонд гневалась на старшего сына — и особенно потому, что Гарри громко хохотал над его шутками. Упрямый мальчишка бросал ей

вызов, оскорблял и высмеивал ее полномочного представителя и портил ее младшего сына! И госпожа Эсмонд решилась на отчаянную и злосчастную попытку сохранить свою власть.

Близнецам было тогда четырнадцать лет; Гарри и ростом и силой намного превосходил брата, который отличался хрупкостью сложения и на вид казался моложе своего возраста. В те дни палочный метод был признанным способом убеждения. Сержанты, школьные учителя, надсмотрщики над рабами всегда были готовы пустить в ход трость. Мистер Демпстер, шотландец-гувернер маленьких виргинцев, не раз задавал им порку в те дни, когда еще был жив их дед, и Гарри в особенности настолько привык к этому наказанию, что не придавал ему ни малейшего значения. Но во время междуцарствия, наступившего после кончины полковника Эсмонда, трость оказалась в небрежении, и молодым каслвудским джентльменам была предоставлена полная свобода. Однако теперь, когда несчастная мать убедилась, что юные мятежники восстают против ее власти и власти избранного ею помощника, она решила принудить их к повиновению силой. И посоветовалась с мистером Уордом. Сей молодой, атлетически сложенный педагог без труда отыскал главу и стих, оправдывающие путь, который ему хотелось избрать, — впрочем, в ту эпоху никто не сомневался в полезности телесных наказаний. Мистеру Уорду жизнь в Каслвуде пришлось очень по вкусу, и, надеясь утвердиться там, он вначале всячески льстил мальчикам. Но они смеялись над его лестью, презирали его за дурные манеры и вскоре начали открыто зевать на его проповедях, — чем милостивее была с ним их мать, тем меньше нравился он им, и к этому времени наставник и его воспитанники уже искренне ненавидели друг друга. Миссис Маунтин, верный друг близнецов — и особенно Джорджа, с которым, по ее мнению, мать обходилась очень несправедливо, — предупреждала мальчиков, что против них готовится что-то недоброе, и просила их быть осторожнее.

— Уорд так и расстилается перед вашей маменькой. Просто сил нет слушать, как он льстит и как чавкает — мерзкий пролаза! Будьте осмотрительны, бедненькие мои, хорошенько учите уроки и не сердите своего учителя. А то быть беде, я это верно знаю. В прошлый вторник ваша маменька говорила о вас с майором Вашингтоном, когда я вошла в комнату. Не нравится мне этот майор Вашингтон, сами знаете. И нечего говорить "ну, Маунти!", мистер Гарри. Ты ведь всегда стоишь за своих друзей.

Майор, конечно, и высок, и красив, и может быть, отличный человек, да только, на мой взгляд, ведет он себя как старик, а не как молодым людям положено. Вот ваш папенька, голубчики мои, и мои бедняга Маунтин, когда

были прапорщиками в полку Кингсли, успели покуралесить — было бы им чем помянуть молодость. А скажите-ка, чем ее майор Вашингтон помянет? Ничем! Ну, так в прошлый вторник вхожу я в гостиную, а он там с вашей маменькой беседует — и я знаю, говорили они про вас, потому что он сказал: "Дисциплина есть дисциплина, и ее необходимо поддерживать. Распоряжаться в доме может только один человек, и у себя, сударыня, вы должны быть полной хозяйкой".

— Он и мне говорил то же самое! — воскликнул Гарри. — Он сказал, что не любит вмешиваться в чужие дела, но что наша матушка очень рассержена — вне себя от гнева, сказал он, и просил меня слушаться мистера Уорда, а главное, уговорить Джорджа, чтобы он его слушался.

— Пусть майор Вашингтон распоряжается в своем доме, а не в моем, надменно произнес Джордж. И все предостережения, вместо того, чтобы пойти ему на пользу, только укрепили его упрямство и высокомерие.

На следующий же день разразилась буря ж кара обрушилась на главу маленького мятежника. Во время утренних занятий между Джорджем и мистером Уордом вспыхнула ссора. Мальчик вел себя очень дерзко без всякой на то причины. Даже брат, всегда готовый встать на его сторону, вмешался и сказал, что он не прав. Мистер Уорд сдержался — загнать пробку поглубже в бутылку и подавить гнев, не дав ему сразу же воли, называется "сдержаться" — и сказал, что сообщит о случившемся госпоже Эсмонд. После обеда мистер Уорд попросил ее милость остаться и достаточно беспристрастно изложил ей суть их ссоры.

Он сослался на Гарри, и бедняжке Гарри пришлось подтвердить все сказанное учителем.

Джордж, стоя у камина под портретом деда, высокомерно заявил, что мистер Уорд говорит совершеннейшую правду.

— Быть наставником подобного ученика — нелепо, — начал мистер Уорд и произнес длинную речь, обильно уснащенную обычными ссылками на Писание, при каждой из них нераскаянный Джордж улыбался и презрительно хмыкал. В завершение Уорд обратился к ее милости с просьбой разрешить ему удалиться.

— Но прежде вы должны будете наказать этого дерзкого и непослушного ребенка! — ответила госпожа Эсмонд, которая во время филиппики Уорда приходила во все больший гнев, только усугубляемый поведением ее сына.

— Наказать! — воскликнул Джордж.

— Да, сударь, наказать! Если ласки и увещевания бессильны против твоей гордыни, придется научить тебя послушанию другим способом. Я

наказываю тебя сейчас, непокорный мальчишка, для того, чтобы спасти от горшей кары в иной жизни! Распоряжаться в доме может только один человек, и у себя я должна быть полной хозяйкой. Вы накажете этого, упрямого негодника, мистер Уорд, как мы с вами уговорились, и если он посмеет сопротивляться, вам помогут надсмотрщики и слуги.

Вдова, несомненно, сказала что-то в этом духе, но только, с многочисленными гневными ссылками на Писание, которые смиренному летописцу воспроизводить, однако, не подобает. Постоянно обращаться к священным книгам и приспособлять их заветы к своим целям, постоянно впутывать небесные силы в свои, частные дела и страстно призывать их к вмешательству в собственные семейные ссоры и неприятности, претендовать на близкое знакомство с помыслами и путями небес, которое позволило бы грозить ближнему своему их громами, и точно знать судьбу, уготованную провидением и этому нечестивцу, и всем другим, кто смеет не соглашаться с вашим непогрешимым мнением, — вот. чему научил нашу простодушную вдову ее молодой и неукротимый духовный наставник, но не думаю, чтобы наука эта принесла ей большое утешение.

Во время обличительной речи своей матушки, — и, возможно, вопреки ей, Джордж Эсмонд вдруг почувствовал, что был не прав.

— "Распоряжаться в доме может только один человек, и вы должны быть хозяйкой" — я знаю, кто первый сказал эти слова, — мысленно произнес он, бледнея, — и... и... я знаю, матушка, что вел себя с мистером Уордом очень дурно.

— Он сказал, что виноват! Он просит прощения! — воскликнул Гарри. Молодец, Джордж! Ведь этого достаточно, верно?

— Нет, этого недостаточно! — вскричала миниатюрная дама. — Непокорный сын должен понести кару за свою непокорность. Когда я упрямылась в детстве, — что иногда случалось до того, как мой дух переменился и исполнился смирения, — маменька наказывала меня, и я покорно терпела наказание. Того же я жду и от Джорджа. Прошу вас исполнить ваш долг, мистер Уорд.

— Погодите, маменька! Вы не понимаете, что вы делаете, — сказал Джордж в чрезвычайном волнении.

— Я знаю, неблагодарный, что тот, кто жалеет розги, губит свое чадо, ответила госпожа Эсмонд, присовокупив еще несколько подобных же афоризмов. Джордж слушал ее, весь бледный, с отчаянием в глазах.

На каминной полке под портретом полковника стояла чашка, которой вдова очень дорожила, так как именно из этой чашки всегда пил чай ее отец. Джордж внезапно взял чашку в руки, и по его побледневшему лицу

скользнула непонятная улыбка.

— Повремените минуту. Не уходите, — обратился он к матери, которая уже направилась к двери. — Вы ведь... вы очень любите эту чашку, матушка? Гарри с удивлением посмотрел на брата. — Если я разобью ее, она уже никогда не будет целой, не так ли? Никакие заклепки не сделают ее целой. Чашку моего любимого дедушки! Я вел себя дурно. Мистер Уорд, я прошу у вас прощения. Я постараюсь исправиться.

Вдова бросила на сына негодующий, исполненный презрения взгляд.

— Я думала, — сказала она, — я думала, что Эсмонд не может быть трусом, но... — Тут она вскрикнула, потому что Гарри с воплем кинулся к брату, протягивая руки.

Джордж посмотрел на чашку, поднял ее повыше, разжал пальцы и уронил ее на мраморную каминную доску.

— Поздно, Хел, — сказал он. — Она уже никогда не будет целой, никогда. А теперь, матушка, я готов, раз таково ваше желание. Может быть, вы придете посмотреть, трус ли я? Ваш слуга, мистер Уорд. Слуга? Раб! Когда я в следующий раз увижу мистера Вашингтона, сударыня, я поблагодарю его за совет, который он вам дал.

— Да исполняйте же ваш долг, сударь! — воскликнула миссис Эсмонд, топнув ножкой.

И Джордж, низко поклонившись мистеру Уорду, почтительно попросил его первым пройти в дверь.

— Остановите их, матушка! Ради бога! — крикнул бедный Хел. Но в сердце миниатюрной дамы кипела ярость, и она осталась глуха к мольбам мальчика.

— Ты рад его оправдывать! — вскричала она. — Но это будет сделано, даже если я буду вынуждена сделать это сама! — И Гарри с лицом, омраченным печалью и гневом, покинул комнату через ту же дверь, через которую только что вышли мистер Уорд и Джордж.

Вдова бросилась в кресло и некоторое время сидела неподвижно, невидящим взглядом уставившись на разбитую чашку. Затем она наклонила голову к двери полудюжину этих резных дверей красного дерева полковник выписал из Европы. Некоторое время стояла глубокая тишина, а затем раздался громкий крик, заставивший вздрогнуть бедную мать.

Мгновение спустя на пороге появился мистер Уорд — лоб его был залит кровью, лившейся из глубокой раны, а за ним шел Гарри, сверкая глазами и размахивая маленьким охотничьим ножом, который всегда висел вместе с другим оружием полковника на стене в библиотеке.

— И пусть! Это сделал я! — заявил Гарри. — Я не мог стерпеть, чтобы

этот мужлан бил моего брата, и когда он занес над ним руку, я бросил в него большую линейку. Я не мог удержаться. Я не собираюсь этого терпеть, и если кто-нибудь поднимет руку на меня или на моего брата, он мне заплатит за это жизнью, — кричал Гарри, размахивая ножом.

Вдова громко ахнула, а потом вздохнула, глядя на юного победителя и его жертву. Должно быть, она испытала невыразимые муки за те несколько минут, пока оставалась в столовой одна, и удары, которые в ее воображении ложились на спину ее первенца, исполосовали ей сердце. Она жаждала прижать к нему обоих своих мальчиков. Гнев ее прошел. И вполне вероятно, что ловкость и благородство младшего сына привели ее в восхищение.

— Ты гадкий непослушный мальчик, — сказала она чрезвычайно благодушным голосом. — Ах, бедный мистер Уорд! Ударил вас — какой негодник! Большой линейкой папеньки? Из черного дерева? Положи ножик, милый! Генерал Уэбб подарил его моему отцу после осады Лилля. Дайте я промою вам рану, мой добрый мистер Уорд — слава богу, что не случилось хуже. Маунтин! Принесите мне пластырь — он лежит в среднем ящике лакированного шкафчика. А вот и Джордж! Надень жилет и сюртук, дитя мое. Ты согласился вытерпеть наказание, и этого достаточно. Гарри, попроси у доброго мистера Уорда прощения за свою греховную несдержанность — и я от всего сердца прошу его простить тебя. Старайся укрощать свою вспыльчивость, милый... и помолись, чтобы твой проступок был прощен. Мой сын! О мой сын! — И, не в силах более сдерживать слезы, она обняла своего первенца, а Гарри, положив нож, с неохотой подошел к мистеру Уорду и сказал:

— Прошу у вас прощения, сэр. Но я не мог сдержаться, даю слово чести. Я не мог стерпеть, чтобы моего брата ударили.

Вдова посмотрела на бледное лица Джорджа и испугалась. В ответ на ее виноватые ласки он холодно поцеловал мать в лоб и высвободился из ее объятий.

— Вы хотели поступить, как лучше, матушка, — сказал он. — А я был неправ. Но чашка разбита, и вся королевская конница, и вся королевская рать не смогут вновь сделать ее целой. Но ничего... поставьте ее вот так, и трещина не будет заметна,

И госпожа Эсмонд вновь растерянно посмотрела на сына, а он поставил разбитую чашку на ее обычное место. Вдова почувствовала, что уже не имеет над ним власти. Он оказался сильнее. Но она об этом не жалела — ведь женщины любят не только побеждать, но и быть побежденными; в с этой минуты юный джентльмен стоя хозяином

Каслвуда. Его мать восхищенно смотрела, как он повернулся к Гарри, с милостивой снисходительностью протянул ему руку и сказал "благодарю тебя, брат!" — так, словно он был венценосцем, а Гарри генералом, помогшим ему выиграть решающую битву.

Затем Джордж подошел к мистеру Уорду, который с жалким видом все еще промывал глаза и ссадину на лбу.

— Я прошу у вас прощения за выходку Гарри, сэр, — величественно сказал он. — Видите ли, хотя мы и очень молоды, но мы джентльмены и не можем спокойно снести оскорбление от человека нам постороннего. Я покорился бы, потому что так пожелала матушка, но я рад, что она передумала.

— А какое же удовлетворение получу я, сударь? — осведомился мистер Уорд. — Кто загладит оскорбление, нанесенное мне?

— Мы очень молоды, — повторил Джордж со старомодным поклоном, — Скоро нам исполнится пятнадцать лет. Любое удовлетворение, принятое между джентльменами...

— И это, сударь, вы говорите проповеднику слова божьего! — вздрогнув, возопил мистер Уорд, который отлично знал, что оба мальчика прекрасно фехтуют, и десятки раз терпел поражение и от того, и от другого.

— Но ведь вы еще не священник. И мы думали, что вы хотите, чтобы вас считали джентльменом. Мы не знали.

— Джентльменом? Я христианин, сударь! — в ярости объявил Уорд, сжимая свои огромные кулаки.

— Ну, а если вы не хотите драться, почему вы отказываетесь простить? вмешался Гарри. — Если же вы не хотите простить, то почему вы отказываетесь драться? Вот это, по-моему, и есть рогатый силлогизм. — И он рассмеялся своим веселым заразительным смехом.

Впрочем, этот смех не шел ни в какое сравнение с хохотом, который раздавался несколько дней спустя, когда ссора была кое-как улажена, а лоб мистера Уорда почти зажил и злополучный наставник, по своему обыкновению, произносил вечернюю проповедь. Он надеялся силой красноречия вновь внушить мальчикам почтение к себе и пробудить в своей маленькой пастве былой восторг — он пытался преодолеть их несомненное равнодушие, он умолял небо исполнить прежним жаром их холодные сердца и ниспослать озарение тем, кто был готов отпасть. Но тщетно! Вдова более не обливалась слезами, слушая его обличения, не восхищалась громогласными метафорами и уподоблениями, не бледнела при самых палящих угрозах, которыми он уснащал свои тирады. Более того нередко, сославшись на головную боль, она сразу же уходила к себе, и в

этих случаях остальные бывали холоднее льда. Так вот: однажды вечером Уорд, все еще отчаянно старавшийся вернуть себе попорченную власть, избрал темой проповеди прелесть покорности, распушенный дух нынешнего века и необходимость во всем повиноваться нашим духовным и светским властителям.

— Ибо для чего, дорогие друзья, — величаво спросил он (у него была привычка задавать чрезвычайно скучные вопросы и тут же давать на них само собой разумеющиеся ответы), — для чего назначаются правители, как не для того, чтобы нами кто-то управлял? Для чего нанимают наставников, как не для того, чтобы учить детей? (Здесь он уставился на мальчиков.) Для чего ферула... — Тут он запнулся, и на его лице, повернутом к юным джентльменам, появилась растерянность. Их взгляд напомнил ему о житейском значении последнего злосчастного слова. Поперхнувшись, он стукнул кулаком по столу. Для чего, говорю я, ферула власти...

— "Ферула" значит "линейка", — сказал Джордж, глядя на Гарри.

— Линейка! — повторил Гарри и поднес руку ко лбу над глазом, к тому самому месту, где чело бедного учителя еще хранило след недавней стычки.

Линейка — ха-ха-ха! Удержаться было невозможно. Мальчики расхохотались. Смешливая миссис Маунтин не замедлила к ним присоединиться, а малютка Фанни, которая всегда вела себя на этой вечерней церемонии очень чинно и тихо, тут весело заворковала и захлопала в ладоши, радуясь общему смеху, хотя и не понимая, чем он вызван.

Это было уже слишком. Мистер Уорд захлопнул лежавшую перед ним книгу, в нескольких сердитых, но выразительных и мужественных словах высказал свое намерение никогда больше не тратить слов в стенах этого дома и покинул Каслвуд, не вызвав ни малейших сожалений у госпожи Эсмонд, которая всего три месяца назад души в нем не чаяла.

Глава VI

Виргинцы отправляются путешествовать

После отбытия ее злополучного духовного наставника и домашнего священника госпожа Эсмонд и ее первенец как будто совсем помирились; однако на Джорджа ссора с матерью, хотя он никогда об этом не говорил, произвела, по-видимому, тягчайшее впечатление, — во всяком случае, вскоре после описанных домашних бурь он заболел лихорадкой и в горячечном бреду раза два пронзительно кричал: "Разбита! Разбита! Она никогда уже не станет целой!" И безмолвный ужас сжимал сердце матери, ни на минуту не отходившей от своего бедного мальчика, который всю ночь беспокойно метался по постели. Перед этим недугом ее искусство оказалось бессильным: Джорджу становилось все хуже, и ему не помогали никакие снадобья из аптечки достойной вдовы, которыми она столь щедро пичкала своих подданных. Бедной женщине пришлось выдержать еще одно унижение, — однажды мистер Демпстер увидел, что вдова на своей лошадке подъезжает к его дверям. Она прискакала в метель, чтобы умолять его прийти на помощь ее бедному мальчику.

— Я перешагну через свою обиду, сударыня, — сказал он, — как вы перешагнули через свою гордость. Дай бог, чтобы я не опоздал помочь моему милому ученику!

Он сложил в сумку ланцет и весь небольшой запас имевшихся у него лекарств, кликнул своего единственного слугу — мальчика-негра, запер свою хижину и возвратился в Каслвуд. В эту ночь, как и в последующие дни, не раз казалось, что бедняжка Гарри вот-вот станет наследником Каслвуда, однако искусство мистера Демпстера победило лихорадку, приступы постепенно стали слабеть, и Джордж почти совсем поправился. Ему была предписана перемена воздуха, рекомендована даже поездка в Англию, но тут пришлось вспомнить, что вдова рассорилась с английской родней своих сыновей — из-за собственной вспыльчивости, как она теперь с раскаянием признала. Поэтому было решено, что юные джентльмены совершат путешествие по востоку и северу страны, и вот в сопровождении мистера Демпстера, снова ставшего их гувернером, и двух слуг они отбыли в Нью-Йорк, а оттуда по прекрасному Гудзону добрались до Олбани, где их принимали самые видные семьи колонии, а затем посетили французские провинции, где встретили самый радушный прием благодаря лестным рекомендательным письмам. Гарри ходил на охоту с индейцами, добывал

меха и стрелял медведей, а Джордж, никогда не любивший подобных развлечений и к тому же еще не совсем оправившийся после своей болезни, стал любимцем французских дам, которые редко встречали молодых англичан, столь бегло говоривших по-французски. И Джордж так усовершенствовался в произношении, что теперь легко мог бы сойти за француза. Все соглашались, что он настоящий красавец. Менуэт он танцевал с чрезвычайным изяществом. Он сразу же запоминал модные песни и романсы, только что привезенные из Франции, и превосходно играл их на скрипке — и не пел лишь потому, что как раз в это время у него ломался голос, переходя из дисканта в бас; в довершение всего, к величайшей зависти бедняги Гарри, как раз тогда отправившегося на медвежью охоту, он дрался на дуэли с юным прапорщиком Овернского полка шевалье де ла Жаботьером, которому проколол плечо, после чего они поклялись в вечной дружбе. Мадам де Муши, супруга суперинтенданта, сказала, что счастлива пять, имеющая такого сына, и написала госпоже Эсмонд весьма малое письмо, восхваляя поведение мистера Джорджа. Боюсь, мистер Уитфилд был бы не слишком доволен, знай он, в какой восторг привела вдову доблесть Джорджа,

Когда по истечении десяти восхитительных месяцев близнецы вернулись домой, их мать была поражена, увидев, насколько они выросли и повзрослели. Особенно вытянулся Джордж — он был теперь одного роста со своим младшим братом. Когда они пудрили волосы, их невозможно было отличить друг от друга, но простота деревенского обихода позволяла пренебрегать этой сложной процедурой, и наша юные джентльмены обычно не прибегали к пудре, а только подвязывали лентой свои волосы — Джордж иссиня-черные, а Гарри белокурые.

Читатель, по доброте своей ознакомившийся с первыми страницами безыскусственной биографии мистера Джорджа Эсмонда, несомненно, заметил, что этот молодой человек был по натуре ревнив и мятежен, великодушен, кроток и не способен на ложь; однако, слишком благородный, чтобы мстить, он тем не менее не умел забывать причиненные ему обиды. Отправляясь путешествовать, Джордж не питал особо добрых чувств к некоему достойному джентльмену, чье имя впоследствии стало одним из самых знаменитых в мире; и когда он вернулся, его мнение о друге его матери я деда ни на йоту не изменилось. Мистер Вашингтон, в то время едва достигший совершеннолетия, казался, да и ощущал себя много старше своего возраста. Его поведение неизменно отличалось необычайной простотой и серьезностью — он с самых юных лет управлял делами своей матери и всей семьи и пользовался среди

соседей-помещиков уважением, какое нелегко было бы заслужить человеку и вдвое старше.

Миссис Маунтин, подруга и компаньонка госпожи Эсмонд, нежно любившая и обоих мальчиков, и свою покровительницу, несмотря на постоянные ссоры с этой последней и ежедневные угрозы в скором времени покинуть ее кров, обладала незаурядным эпистолярным талантом и писала близнецам во время их странствий очень забавные и интересные письма. Туте следует упомянуть, что миссис Маунтин тоже была ревнивой натурой, а кроме того — великой свахой, а потому воображала, будто все питают намерение сочетаться браком со всеми остальными. Стоило приехать в Каслвуд неженатому мужчине, и Маунтин уже приписывала ему матримониальные замыслы в отношении хозяйки дома. Она твердо верила, что гнусный мистер Уорд пытался ухаживать за вдовой, и не сомневалась, что он ей нравится. Она знала, что мистер Вашингтон собирается жениться, была убеждена, что столь практичный молодой человек будет подыскивать себе богатую невесту. Ну, а разница в возрасте, так пусть майор (он был майором милиции) и моложе госпожи Эсмонд на пятнадцать лет — что из того? Ведь в их семье подобные браки — не редкость; на сколько лет миледи, ее матушка, была старше полковника, когда выходила за него? Когда стала его женой и так ревновала бедного полковника, что ни на шаг его от себя не отпускала! Бедный, бедный полковник! После смерти жены он тут же очутился под башмаком дочки. А она, по примеру матушки, конечно, снова выйдет замуж, можете не сомневаться. Госпожа Эсмонд была сущей пигалицей — менее пяти футов росту на самых высоких каблуках и с самой высокой прической, а мистер Вашингтон ростом был в добрых шесть футов два дюйма и широкоплеч. Высокие же и широкоплечие мужчины всегда женятся на пигалицах; откуда следовало, что мистер Вашингтон обязательно должен иметь виды на вдову. Что могло быть логичнее такого вывода?

Она сообщила эти мудрые заключения своему мальчику (как она называла Джорджа), а он просил ее во имя всего святого не давать воли языку. Это она сделать может, отвечала миссис Маунтин, но вот держать всегда закрытыми глаза ей никак не удастся; после чего она принялась описывать сотни всяких случаев, которые произошли за время его отсутствия и, как ей казалось, подтверждали ее правоту. Сообщила ли Маунтин свои милые подозрения его брату, сурово спросил Джордж. Нет. Ведь ее мальчик — Джордж, а Гарри мальчик своей матери.

— Она больше любит его, а я больше люблю тебя, Джордж, — вскричала Маунтин. — А кроме того, поговори я с ним, он сразу же обо

всем расскажет матери. Бедняжка Гарри не умеет молчать — а тогда у меня с ее милостью выйдет хорошенькая ссора!

— Я прошу тебя, Маунтин, молчать об этом, — произнес мистер Джордж с величайшим достоинством. — Иначе мы с тобой тоже поссоримся. Ни мне и никому другому на свете ты и заикаться не должна о столь нелепом подозрении.

Нелепом? Почему же нелепом? Мистер Вашингтон постоянно бывает у вдовы. Его имя не сходит с ее уст. Она без конца хвалит его сыновьям и ставит в пример. Она всегда советуется с ним о хозяйстве и делах имения. Она не купила ни одной лошади и не продала ни одного бочонка табака, не узнав предварительно его мнения. Одна из комнат в Каслвуде уже получила название "комната мистера Вашингтона". Когда он уезжает, то оставляет та" одежду и саквояж!

— О Джордж, Джордж! Настанет день, когда он не уедет! — простонала Маунтин, которая, разумеется, постоянно возвращалась к запретной теме.

Мистер Джордж в обращении с фаворитом своей матери пускал теперь в ход всю свою ледяную вежливость, которая весьма раздражала достойного джентльмена, либо жгучие сарказмы, через которые тот прорывался так, как прорывался через колючие заросли во время своих частых охотничьих прогулок с Гарри Уорингтоном, пока Джордж, удалившись в свои шатры, занимался математикой, французским языком или латынью, томясь в учебной комнате и чувствуя себя все более и более одиноким.

Однажды Гарри отлучился из дому с какими-то своими приятелями (боюсь, что в выборе друзей он далеко не всегда бывал осмотрителен, и мистер Вашингтон составлял среди них скорее исключение), когда этот последний приехал в Каслвуд. Он был так внимателен и нежен с хозяйкой дома, а она встретила его с такой сердечностью, что ревность Джорджа Уорингтона чуть-чуть не вырвалась наружу. Но оказалось, что это был прощальный визит. Майор Вашингтон отправлялся в длительное и опасное путешествие — к западной границе Виргинии и еще дальше. В течение последнего времени французы все чаще вторгались на нашу территорию. Правительство метрополии, так же, как и виргинские и пенсильванские власти, было встревожено этой воинственностью хозяев Луизианы и Канады. Французские солдаты уже согнали немало наших поселенцев с их земель, и губернаторы английских провинций решили положить конец этим набегам или хотя бы выразить протест.

Границы своих американских владений мы определяли согласно

принципу, во всяком случае, удобному для колонистов. Принцип этот заключался в следующем: те, кому принадлежало побережье, имели право и на все внутренние земли вплоть до Тихого океана — другими словами, английские договоры устанавливали только южный и северный рубежи американских колоний Британии, в западном же направлении они ничем не были ограничены. Французы, однако, владея колониями на севере и на юге континента, стремились соединить их по Миссисипи, реке Святого Лаврентия и цепи Великих внутренних озер, расположенных к западу от английских владений. Когда в 1748 году между Францией и Англией был подписан мир, вопрос о колониях остался неулаженным, и ему предстояло вновь стать причиной раздора, едва одно из этих королевств собралось бы с силами, чтобы потребовать его разрешения в свою пользу. Положение обострилось к 1753 году, когда английские и французские поселенцы столкнулись на реке Огайо. Разумеется, помимо французов и англичан, существовали и другие люди, считавшие себя законными хозяевами территории, за которую сражались дети их Белых Отцов, — речь шла об индейцах, исконных собственниках этих земель. Однако мудрецы в Сент-Джеймском дворце и в Версале благополучно предпочли считать указанный спор делом одних только европейцев, а не краснокожих, и лишили этих последних права участия в нем, хотя обе тяжущиеся стороны в случае необходимости охотно прибегали к помощи их томагавков.

Некая земельная компания, носившая название "Компания Огайо", получила от виргинского правительства земли по берегам этой реки, а затем в ее владения вторглись французские отряды и бесцеремонно выгнали оттуда английских поселенцев. Те попросили о защите виргинского губернатора мистера Динуидди, который решил отправить к командующему французскими войсками на Огайо посланника с требованием прекратить вторжения на территорию его величества короля Георга.

Мистер Вашингтон, понимая, какую возможность отличиться дает подобная миссия молодому человеку вроде него, поспешил предложить вице-губернатору свои услуги и, оставив свой виргинский дом, поместье и все занятия, отправился с его поручением к французскому командующему. В сопровождении проводника, переводчика и нескольких слуг бесстрашный молодой посол осенью 1753 года по индейским тропам пробрался от Уильямсберга почти к самым берегам озера Эри и встретился с французом в форте Ле-Беф. Ответ этого высокопоставленного офицера был краток: ему приказано удерживать этот край и изгнать из него всех англичан. Французы открыто объявили о своем намерении завладеть

Огайо. И с этим грубым ответом посланцу Виргинии пришлось пуститься в трудный и опасный обратный путь через дремучие леса и замерзшие реки, находя дорогу по компасу и ночуя в снегу у костра.

Гарри Уорингтон клял свою злосчастную судьбу — уехав на петушиный бой, он упустил возможность принять участие в предприятии куда более благородном и интересном. А майор Вашингтон по возвращении из поездки, во время которой он выказал столько героизма и скромности, продолжал пользоваться особым расположением хозяйки Каслвуда. Она постоянно ставила его в пример сыновьям.

— Ах, Гарри! — повторяла она. — Только подумать, что ты тратишь время на петушиные бои и лошадиные скачки, а майор в диких лесах должен был беречься французов и сражаться с замерзающими реками! Ах, Джордж! Ученость, разумеется, прекрасная вещь, но мне хотелось бы, чтобы мой старший сын послужил и своей родине!

— Я буду очень рад вернуться в отчизну и поступить там на службу, отвечал Джордж. — Не хотите же вы, чтобы я служил под командой мистера Вашингтона в его новом полку или попросил бы офицерский чин у мистера Динуидди?

— Эсмонд может принять офицерский чин только от короля! — возразила благородная дама. — И я скорее пойду с сумой, чем стану просить милости у вице-губернатора мистера Динуидди.

В это время мистер Вашингтон набирал полк — под эгидой виргинского правительства, предоставившего ему для этой цели весьма скудные средства — и намеревался с его помощью воспрепятствовать французским притязаниям более успешно, нежели это удалось ему, когда он был только послом. Власти уже отправили на запад небольшой отряд под командованием полковника Трента с приказом утвердиться там и отражать все нападения врага. Французские войска, численно значительно превосходившие наши, встретились с английскими аванпостами, которые пытались укрепиться на границе Пенсильвании в том месте, где теперь вырос огромный город Питтсбург. Виргинский офицер, имевший в своем распоряжении только сорок солдат, не мог оказать никакого сопротивления двадцатикратно сильнейшему неприятелю, который появился перед его недостроенным фортом. Французы позволили ему спокойно уйти, а сами завладели его крепостью, завершили ее постройку и назвали ее фортом Дюкен в честь канадского губернатора. Вплоть до этого времени не произошло еще никаких открытых военных действий. Войска двух враждующих держав противостояли друг другу, пушки были заряжены — но никто еще не отдал команды: "Пли!" Как странно, что молодому

виргинскому офицеру выпало на долю произвести в первобытном пенсильванском лесу роковой выстрел — и разбудить войну, которой суждено было длиться шестьдесят лет, захватить всю его родную страну и перекинуться в Европу, стоить Франции ее американских владений, отторгнуть от нас наши американские колонии и создать великую западную республику, а затем, утихнув в Новом Свете, вновь разбушеваться в Старом, причем из мириад участников этой гигантской схватки величайшая слава досталась тому, кто нанес первый удар!

Сам же он и не подозревал о том, что готовила ему судьба. Простой деревенский джентльмен, он, желая послужить своему королю и исполнить свой долг, добровольно взял на себя миссию посла и выполнил ее безупречно. В следующем году, командуя небольшим полком провинциальной милиции, он отправился в поход против французов. Встретившись с их авангардом, он открыл огонь и убил вражеского офицера. Затем ему пришлось отступить, а позже и капитулировать перед превосходящими силами французов. 4 июля 1754 года молодой полковник вывел свой небольшой отряд из маленького форта, где они наспех укрепились (назвав эту крепость "фортом Необходимость"), уступил его без боя победителю и отправился восвояси.

На этом его военная карьера прервалась: после бесплодного и бесславного похода его полк был распущен. Удрученный, исполнившийся смирения, молодой офицер через некоторое время навестил своих старых друзей в Каслвуде. Он был еще совсем юношей и, возможно, перед началом своей первой кампании не только питал радужные надежды на успех, но и высказывал их вслух.

— Я был сердит на вас, когда мы расстались, — сказал он Джорджу Уорингтону, протягивая ему руку, которую тот горячо пожал. — Мне казалось, Джордж, что вы считали ничтожными и меня, и мой полк. Я думал, что вы посмеиваетесь над нами, и это меня очень сердило. Я слишком много хвастался нашими будущими победами.

— Нет-нет, Джордж, вы сделали все, что было в ваших силах, — возразил его собеседник, в чьей душе былую ревность заслонило сочувствие к несчастью давнего друга их семьи. — Все понимают, что сто пятьдесят измученных голодом солдат, оставшихся почти без пороха, не могли противиться вооруженному до зубов неприятелю, к тому же впятеро превосходившему их численностью; те же, кто знает мистера Вашингтона, не сомневаются, что он исполнил свой долг до конца. Мы с Гарри в прошлом году видели французов в Канаде. Они повинуются единой воле, а в наших провинциях каждый губернатор поступает по-своему. Французы

послали против вас королевские войска...

— О, если бы у нас тут были королевские войска! — вскричала госпожа Эсмонд, гордо откинув голову. — Дайте нам два-три хороших английских полка, и французы побегут. — Вы презираете провинциальную милицию, и после нашей неудачи я ничего не могу вам возразить, — мрачно ответил полковник. — Но когда я был тут в прошлый раз, вы верили в меня! Разве вы не помните, какие победы вы пророчили мне... и как я сам, наверное, хвастал за стаканом вашего превосходного вина? Но все эти прекрасные мечты теперь рассеялись. Вы, сударыня, только по доброте своей оказали такой ласковый прием жалкому неудачнику. — И молодой солдат грустно поник головой.

Чувствительный Джордж Уорингтон был растроган этим безыскусственным признанием и искренней печалью. Он уже хотел сказать мистеру Вашингтону несколько дружеских слов ободрения, но его матушка, к которой обращался полковник, опередила его.

— Только по доброте, полковник Вашингтон? — сказала вдова. — Мне не приходилось слышать, чтобы наш пол отворачивался от своих друзей лишь потому, что они несчастны.

И она сделала полковнику изящнейший реверанс, который тотчас пробудил в груди ее сына ревность еще злейшую, чем прежде.

Глава VII

Приготовления к войне

Что может дать человеку больше права на сочувствие, чем храбрость, молодость, красота и несчастье? Будь у госпожи Эсмонд хоть двадцать сыновей, почему это должно было препятствовать ей восхищаться молодым воином? И комната мистера Вашингтона стала теперь еще больше комнатой мистера Вашингтона. Вдова бредила им и повсюду восхваляла его. Она даже чаще, чем прежде, указывала сыновьям на его достоинства и сравнивала высокие добродетели полковника с погоней за удовольствиями, которой предается Гарри (легкомысленный шалопай!), и с вечным корпением Джорджа над книгами. Эти неумеренные похвалы, да еще в устах его матери, отнюдь не уменьшали неприязни Джорджа к мистеру Вашингтону. Он продолжал лелеять демона ревности в своей душе до тех пор, пока, вероятно, не стал в тягость и самому себе и окружающим. Шутки его были теперь столь изощренными, что простодушная госпожа Эсмонд их не понимала и совсем терялась от этих сарказмов, не зная, чем объяснить его угрюмую желчность.

Тем временем в мире происходили события, которым суждено было оказать влияние на судьбу всех членов нашего скромного семейства. Ссора между французскими и английскими североамериканцами из колониальной превратилась в национальную. В Канаду уже прибыли подкрепления из Франции, а в Виргинии ожидалась английская войска.

"Увы, дорогой друг! — писала из Квебека мадам де Муши своему юному приятелю Джорджу Уорингтону. — Сколь немилостива к нам судьба! Я уже вижу, как вы покидаете объятия обожаемой матери, чтоб кинуться в объятия Беллоны. Я вижу раны, покрывающие вас после многих сражений. И мне трудно желать победы нашим лилиям, когда вы готовитесь к битве под знаменем британского льва. Есть вражда, которую не приемлет сердце, — и в эти дни тревог ее, конечно, нет между нами. Все ваши здешние друзья шлют поклоны и приветы вам и господину Любителю Медвежьей Травли, вашему брату (этому бесчувственному Ипполиту, который предпочитал радости охоты изящной беседе наших дам!). Ваш друг, ваш враг шевалье де ла Жаботьер жаждет встретиться со своим великодушным противником на полях Марса. Его превосходительство господин Дюкен говорил о вас вчера вечером за ужином. Господин Дюкен и мой муж шлют своему юному другу поклон, к

которому присоединяет самые лучшие свои пожелания искренне ваша президентша де М уши".

"Знамя британского льва", упомянутое прекрасной корреспонденткой Джорджа, действительно было уже развернуто, и под ним собиралось немало королевских солдат. Им предстояло отобрать у французов все, что они успели захватить в английских владениях. В Америке на средства короля было набрано два полка, а из метрополии туда отплыл флот с еще двумя полками под командованием опытного ветерана. В феврале 1755 года коммодор Кеппел на знаменитом корабле "Центурионе", на котором Энсон совершил свое кругосветное плавание, прибыл в Хемптон-Родс в сопровождении еще двух военных кораблей, имея на борту генерала Брэддока со штабом и частью армии. Командующим генерала Брэддока назначил герцог. Сто лет назад герцога Камберлендского называли в Англии просто "герцог" — как впоследствии еще одного знаменитого полководца. Конечно, вышеупомянутый принц не был столь велик, как считали его приверженцы, но уж наверное не был он и так плох, как утверждали его враги. Вслед за генералом принца Уильяма прибыли транспортные суда, привезшие множество припасов, солдат и денег.

Великий человек высадил свои войска в Александрии на реке Потомак и отбыл в Аннаполис в Мэриленде, куда созвал на совет губернаторов всех колоний и потребовал, чтобы они добились от своих провинций существенной помощи в этом общем деле.

Прибытие генерала и его маленькой армии вызвало чрезвычайное волнение во всех провинциях, а больше всего — в Каслвуде. Гарри немедленно отправился в Александрию, чтобы посмотреть военный лагерь. Стройные ряды палаток, бодрая музыка флейт и барабанов привели его в восторг. Он тут же перезнакомился с офицерами обоих полков и мечтал только о том, чтобы отправиться с ними в поход, а тем временем был желанным гостем за их столом.

Госпожа Эсмонд была очень довольна, что ее сыновьям представился случай побыть в обществе благородных английских джентльменов. Она не сомневалась, что такое знакомство может пойти им только на пользу и что офицеры, прибывшие из Англии, совсем не похожи на приятелей Гарри — виргинских помещиков, любителей скачек и петушиных боев, и на судейских, стряпчих и прихлебателей, окружавших вице-губернатора. Госпожа Эсмонд с необыкновенной зоркостью распознавала льстецов в чужих домах. А к небольшому правительственному кружку в Уильямсберге она относилась с особой насмешливостью, от души презирая тамошний этикет и смехотворные претензии на знатность.

Что же касается общества королевских офицеров, то мистер Гарри и его старший брат только улыбались, слушая похвалы, которые их матушка расточала элегантности и безупречным манерам господ армейцев. Если бы достойной даме была известна вся истина, если бы она слышала их шуточки и песни, которые они распевали за вином и пуншем, если бы она видела, в каком состоянии многих из них уносили после пирушки к ним на квартиры, она не стала бы с такой горячностью рекомендовать их общество своим сыновьям. Солдаты и офицеры наводнили окрестности города, пугая мирных фермеров и сельских жителей своим буйством; генерал бушевал и проклинал свою армию за бесчинства, а колонистов — за изменническую скаредность; солдаты вели себя так, словно находились в покоренной стране, — презирали ее обитателей и оскорбляли жен даже своих индейских союзников, которые присоединились к прибывшим в Америку английским воинам, чтобы вместе с ними выступить против французов. Генерал был вынужден изгнать индианок из лагеря. Их мужья, пораженные и возмущенные, ушли вместе с ними, о чем генералу пришлось очень пожалеть несколько месяцев спустя, когда их помощь оказалась бы неоценимой.

Возможно, до госпожи Эсмонд доходили кое-какие истории о лагерной жизни, но она ничего не желала слушать. Солдаты остаются солдатами, кто же этого не знает? А те офицеры, которых приглашали в Каслвуд ее сыновья, были чрезвычайно воспитанными и светскими людьми — "то соответствовало истине. Вдова принимала их очень любезно, а лучше охоты, чем в ее поместье, не было нигде. Вскоре сам генерал прислал хозяйке Каслвуда весьма вежливое письмо. Его отец служил с ее батюшкой под командой прославленного Мальборо, и в Англии еще помнят и чтут имя полковника Эсмонда. С разрешения ее милости генерал Брэддок хотел бы иметь честь посетить ее в Каслвуде и воздать дань уважения дочери столь заслуженного офицера.

Если бы госпожа Эсмонд знала причину любезности генерала Брэддока, она, возможно, не была бы так ею очарована. Главнокомандующий во время своего пребывания в Александрии устраивал утренние приемы для местного дворянства, и на один из них явились наши каслвудские близнецы, которые отправились представиться великому человеку верхом на лучших своих лошадях, в самых последних полученных из Лондона костюмах и в сопровождении двух лакеев-негров в великолепных ливреях. Генерал, сердитый на местную знать, не обратил на молодых джентльменов никакого внимания и только за обедом случайно спросил своего адъютанта, кто были эти деревенские увальни в красно-

сине-золотых камзолах.

С его превосходительством обедали тогда губернатор Виргинии мистер Динуидди, представитель Пенсильвании и еще кто-то.

— А! — сказал мистер Динуидди. — Это сынки принцессы Покахонтас.

После чего генерал с отменным ругательством спросил:

— А это еще кто?

Динуидди, сильно недолголюбивавший миниатюрную даму, так как эта властная особа сотни раз обходилась с ним весьма непочтительно, поспешил выставить госпожу Эмонд в очень забавном свете, высмеял ее чванство и непомерные претензии и продолжал развлекать генерала Брэддока анекдотами о ней, пока его превосходительство не задремал.

Когда генерал проснулся, Динуидди уже ушел, но филладельфиец еще сидел за столом, оживленно беседуя с офицерами. Генерал продолжил разговор с того места, на котором уснул, и, заговорив о госпоже Эсмонд в резких и не слишком изысканных выражениях, какие были в ходу у военных в те дни, осведомился еще раз, как бишь Динуидди назвал эту старую дуру. После чего с гневом и презрением начал поносить местное дворянство, да и всю страну вообще.

Филладельфиец, мистер Франклин, повторил имя вдовы, высказал о ее характере мнение, весьма отличное от мнения мистера Динуидди, сообщил множество сведений о ней, ее отце и ее поместье (впрочем, он всегда проявлял такую же осведомленность, о каком бы предмете или человеке ни зашла речь), объяснил генералу, что у госпожи Эсмонд есть большие стада, лошади и всяческие припасы, могущие оказаться очень полезными при настоящем положении дел, и посоветовал ему постараться завоевать ее расположение. Генерал давно уже пришел к выводу, что мистер Франклин — на редкость разумный и проницательный человек, и теперь соизволил приказать адъютанту пригласить этих двух юношей на следующий день к обеду. Когда они явились, он обошелся с ними очень благосклонно и ласково, а его приближенные были к ним весьма внимательны. Они же вели себя, как и подобало людям, носящим столь славное имя, — скромно, но с большим достоинством. Домой они вернулись чрезвычайно довольные, и их мать была не меньше польщена любезным приемом, который его превосходительство оказал ее мальчишкам. В ответ на письмо Брэддока госпожа Эсмонд начертала послание в лучшем своем стиле, благодаря его за память и прося назначить день, когда она будет иметь честь принять его превосходительство в Каслвуде.

Можно не сомневаться, что прибытие армии и будущая военная

экспедиция служили в Каслвуде предметом бесконечных обсуждений. Гарри мечтал отправиться в этот поход. Он бредил войной и сражениями и все время проводил в Уильямсберге в обществе офицеров; он вычистил и отполировал все ружья, шпаги и сабли в доме и, вернувшись к забаве своего детства, опять принялся муштровать негров. Его мать, в которой жил доблестный дух, понимала, что пришло время кому-то из ее сыновей расстаться с ней и отправиться служить королю. Но о том, на кого должен пасть жребий, она боялась и думать. Старшего она уважала, восхищалась им, однако чувствовала, что младшего любит более горячо.

Гарри же, как ни грезил он призванием солдата, как ни мечтал об этой славной судьбе, также почти не осмеливался заговаривать о своем заветном желании. Раза два, когда он попробовал коснуться этой темы с Джорджем, тот мрачно хмурился. Гарри питал к старшему брату чисто феодальную привязанность, обожал его и во всем был готов уступать ему, как главе рода. Теперь Гарри, к своему бесконечному ужасу, убедился, что Джордж со свойственной ему серьезностью предался военным занятиям. Джордж достал с полок все описания походов принца Евгения и Мальборо, все военные книги, принадлежавшие его деду, и наиболее воинственные из "Биографий" Плутарха. Он опять начал заниматься с Демпстером фехтованием. Старый шотландец был неплохим знатоком военного искусства, хотя и предпочитал скрывать, где он ему научился.

Госпожа Эсмонд послала ответ на письмо его превосходительству со своими сыновьями и сопроводила его такими великолепными подарками его штабу и офицерам обоих королевских полков, что генерал не раз и не два поблагодарил мистера Франклина, с чьей помощью он приобрел столь полезного союзника.

Быть может, кому-нибудь из молодых людей хотелось бы участвовать в кампании? — осведомился генерал. Один их друг, который часто о них рассказывал, — мистер Вашингтон, потерпевший такую неудачу в прошлогоднем походе, — уже обещал стать его адъютантом, и его превосходительство был бы рад зачислить в свою свиту еще одного виргинского джентльмена. При этом предложении глаза Гарри засияли, и, покрасневшись, он воскликнул, что будет счастлив отправиться в поход. Джордж, пристально глядя на младшего брата, сказал, что один из них сочтет за большую честь сопровождать его превосходительство, но долг другого — остаться дома и заботиться об их матушке. Гарри не произнес больше ни слова. Он по-прежнему повиновался воле Джорджа. Как ни хотелось ему отправиться на войну, он был готов молчать об этом, пока Джордж не объявит о своем решении. А кроме того, самая сила его

желания делала его робким. И когда они с Джорджем возвращались домой, он не решился коснуться этой темы. Миллю за милей они ехали молча или пытались завязать разговор о посторонних предметах, но каждый знал, о чем думает другой, и боялся коснуться рокового вопроса.

Дома юноши рассказали матери о предложении генерала Брэддока.

— Я знала, что так будет, — сказала она. — В такое тяжелое время наша семья не может оставаться в стороне. Вы... вы уже решили, кто из вас меня покинет? — Она переводила взгляд с одного на другого, равно страшась услышать и то и другое имя.

— Ехать должен младший, матушка! Конечно, ехать должен я! — воскликнул Гарри, багрово краснея.

— Конечно, ехать должен он, — подхватила миссис Маунтин, присутствовавшая при разговоре.

— Ну вот! И Маунтин говорит то же! И я это говорю, — повторил Гарри, искоса поглядывая на Джорджа.

— Ехать должен глава семьи, матушка, — печально сказал Джордж.

— Нет-нет! Ты нездоров. Ты так до конца и не оправился после твоей лихорадки. Ему ведь не следует ехать, верно, Маунтин?

— Милый мой Хел! Ты был бы лучшим солдатом, чем я. Вы с Джорджем Вашингтоном большие друзья и были бы рады обществу друг друга, а меня он не любит, как и я его, хоть им и очень восхищаются в нашей семье. Но видишь ли, таков закон чести, мой Гарри. (Он обращался к брату, и тут голос его стал удивительно ласковым и нежным.) Мне все это тяжело только потому, что я должен ответить тебе отказом. Ехать обязан я. Если бы судьба не мне, а тебе подарила те лишние полчаса, на которые я старше тебя, то это был бы твой долг и ты настоял бы на своем праве — конечно, настоял бы.

— Да, Джордж, — сказал бедняга Гарри. — Не спорю — так оно и было бы.

— Ты останешься дома и будешь заботиться о Каслвуде и о матушке. Если со мной что-нибудь случится, ты заменишь здесь меня. Я хотел бы уступить тебе, милый, как ты, я знаю, пожертвовал бы ради меня жизнью. Но каждый из нас должен исполнить свой долг. Что сказал бы наш дед, будь он жив?

Их мать с гордостью посмотрела на сыновей.

— Мой отец сказал бы, что его внуки — истинные джентльмены, прерывающимся голосом произнесла госпожа Эсмонд и удалилась, быть может, не желая, чтобы молодые люди видели, как она взволнована.

Слуги незамедлительно проведали, что мистер Джордж идет на войну.

Дина, его кормилица, начала громогласно оплакивать разлуку с ним, а Филлис, старая нянька Гарри, рыдала еще громче, потому что массу Джорджа, как всегда, предпочли массе Гарри. Сейди, слуга Джорджа, стал укладываться, без умолку похваляясь своими будущими подвигами, а Гамбо, слуга Гарри, притворно хныкал из-за того, что остается дома, хотя никогда не отличался воинственными наклонностями.

Но больше всех домочадцев решением Джорджа отправиться в поход была возмущена миссис Маунтин. Она очень на него сердилась. Он просто не хочет понять, какую ошибку совершает, покидая Каслвуд. Она просила, умоляла, требовала, чтобы он изменил свое решение, и клялась, что ничего хорошего его отъезд не принесет.

Джордж был удивлен упорными возражениями достойной дамы.

— Я знаю, Маунтин, что Гарри был бы лучшим солдатом, чем я, но в конце концов это мой долг!

— Твой долг — оставаться дома! — заявила Маунтин, топнув ногой.

— Но почему об этом не сказала матушка, когда мы только что все это обсуждали?

— Ваша матушка! — произнесла Маунтин с наигорчайшим сардоническим смешком. — Ваша матушка, мой бедный мальчик!

— Что означает твой горестный вид, Маунтин?

— А может быть, ваша матушка хочет, чтобы ты уехал, Джордж! продолжала миссис Маунтин, покачивая головой. — Может быть, мой бедный обманутый мальчик, вернувшись, ты найдешь тут отчима.

— О чем ты говоришь? — воскликнул Джордж, и кровь прихлынула к его щекам.

— Или, по-твоему, я слепа и не вижу, что здесь творится? Голубчик, я ведь уже говорила тебе, что полковнику Вашингтону нужна богатая жена. Когда ты уедешь, он сделает предложение твоей матери, и, вернувшись, ты узнаешь, что он стал здесь хозяином. Вот почему ты не должен уезжать, бедный, несчастный, простодушный мальчик! Разве ты не видишь, как она его любит? Как с ним носится? Как всегда его расхваливает и тебе, и Гарри, и всем, кто сюда приезжает?

— Но ведь он тоже идет в поход! — возразил Джордж.

— В брачный поход, голубчик, — стояла на своем вдова прапорщика.

— Да нет же! Сам генерал Брэддок сказал мне, что мистер Вашингтон согласился стать его адъютантом.

— Уловка! Уловка, чтобы отвести тебе глаза, бедный мой мальчик, вскричала Маунтин. — Его ранят, и он вернется — вот увидишь, так и будет. У меня есть доказательство, что я говорю правду... доказательство,

написанное его собственной рукой, — вот посмотри! — С этими словами она извлекла из кармана исписанный лист бумаги, и Джордж узнал хорошо ему известный почерк мистера Вашингтона.

— Откуда у тебя этот листок? — спросил Джордж, побелев.

— Я... я нашла его в спальне майора, — смущенно ответила Маунтин.

— Ты читаешь частные бумаги нашего гостя? Стыдись! — воскликнул Джордж. — Я не стану этого читать. — И он швырнул листок в горящий камин.

— Это была случайность, Джордж. Я нечаянно прочла. Даю тебе слово. Ты ведь знаешь, что комната майора предназначена для губернатора Динуидди, а парадную спальню готовят для генерала Брэддока, и мы ждем уж не знаю сколько гостей, и мне нужно было перенести вещи, которые майор вечно оставляет тут, — он уже ведет себя здесь словно у себя дома, — в его новую комнату, и этот листок выпал из его бюро, а я случайно увидела, что в нем, и решила тогда, что мой долг — прочесть все до конца.

— О да, ты ведь мученица долга, Маунтин! — мрачно сказал Джордж. Наверное, жена Синей Бороды полагала, что, подглядывая в замочные скважины, она исполняет свой долг.

— Я в жизни не подглядывала в замочные скважины, Джордж! Стыдно тебе говорить так! Ведь я растила тебя, лелеяла и нянчила, как мать, просиживала над тобой ночи, когда ты болел, вот на этих руках переносила тебя с кровати на софу. Нет, сударь, нечего сейчас их гладить! Твоя милая Маунтин, как бы не так! И слушать ничего не хочу. Ты злишься, ругаешься и обижаешь меня ту, кто любит тебя, точно твоя мать... Твоя мать? Ах, если бы она тебя хоть вполовину так любила! Все вы не знаете, что такое благодарность. Мой мистер Маунтин был негодяем, и вы все такие же.

В камине едва тлели два полена, и, без сомнения, Маунтин сразу заметила, что упавшей в золу бумаге не грозит никакая опасность, не то она выхватила бы злополучный листок, рискуя обжечь руки, и только потом разразилась бы вышеприведенной оправдательной речью. Быть может, Джордж был поглощен своими горькими мыслями, а может быть, ревность взяла в нем верх над всеми остальными чувствами, но как бы то ни было, он не помешал ей теперь нагнуться и поднять листок.

— Поблагодари свою счастливую звезду, голубчик, что я спасла это письмо, — воскликнула Маунтин. — Смотри! Вот его собственные слова, написанные четко, словно стряпчим. Не моя вина, что он их написал, а я их нашла. Прочти и убедись сам, Джордж Уорингтон, и скажи спасибо, что твоя бедная милая старушка Маунтин блюдет твои интересы.

Каждое слово, каждая буква на роковом листке были так разборчивы,

что Джордж против воли прочел этот документ.

— Никому ни слова, Маунтин, — приказал он, грозно взглянув на нее. Я... я верну этот листок мистеру Вашингтону.

Маунтин совсем перепугалась, увидев выражение его лица и сообразив, что она наделала и какие это может иметь последствия.

За обедом мать встревоженно спросила Джорджа, почему он так бледен — уж не заболел ли он?

— Неужели, сударыня, вы полагаете, — ответил он, наливая себе большой бокал вина, — что разлука со столь нежной матерью может не причинить мне жестокого горя?

Достойная дама не поняла, что означают его слова, его странный дикий взгляд и еще более странный смех. Он принялся поддразнивать всех, кто сидел за столом, окликал слуг, подшучивал над ними, а сам продолжал пить. Каждый раз, когда открывалась дверь, он оборачивался — как и Маунтин, чья нечистая совесть уже рисовала ей фигуру мистера Вашингтона, переступающего порог.

Глава VIII

в которой Джордж страдает от весьма распространенного недуга

В день, когда госпоже Эсмонд предстояло принять генерала, каслвудский дом был убран со всей возможной пышностью, а сама госпожа Эсмонд оделась куда великолепнонее обычного. Она старалась почтить своего гостя, насколько это было в ее силах, и хотела, чтобы приглашенное общество провело время как можно приятнее, хотя самой ей было не до веселья. Первым прибыл новый адъютант генерала. Вдова вышла ему навстречу в крытую галерею, служившую крыльцом. Он спрыгнул с коня у самых ступеней, и его слуги увели лошадей в хорошо знакомую им конюшню. Во всей Виргинии ни у кого не было таких прекрасных скакунов, как у мистера Вашингтона, и никто не мог сравниться с ним в искусстве верховой езды.

Прежде чем отправиться снимать сапоги, он некоторое время оставался со своей хозяйкой на галерее. Ей нужно было многое ему сообщить, узнать все подробности о том, как он был назначен адъютантом генерала Брэдока, и обсудить близкий отъезд ее сына. Пока они беседовали, мимо них то и дело пробегали слуги-негры с яствами для предстоящего пира, и они спустились на лужайку перед домом, где стали прогуливаться в прохладной тени.

Мистер Вашингтон сказал, что его превосходительство должен вот-вот прибыть и что с ним в карете едет мистер Франклин, представитель Пенсильвании.

Этот мистер Франклин, как слышала миссис Эсмонд, был когда-то подмастерьем у печатника, — до чего же мы дошли, если такие людишки разъезжают в карете главнокомандующего! Мистер Вашингтон заметил, что, разъезжает ли он в карете или ходит пешком, он чрезвычайно умный и осведомленный джентльмен. Миссис Эсмонд высказала мнение, что майор слишком уж снисходителен к этому господину, однако мистер Вашингтон невозмутимо продолжал утверждать, что печатник — чрезвычайно одаренный, полезный и достойный человек.

— Во всяком случае, я рада, что товарищами моего сына в походе будут не плебеи-ремесленники, а джентльмены, люди истинно благородные и светские, объявила госпожа Эсмонд самым величественным тоном.

Мистер Вашингтон не раз видел этих истинно благородных и светских людей после неумеренных возлияний и, возможно, подумал, что далеко не

все их слова и поступки окажутся столь уж поучительны и полезны для юноши, еще только вступающего в жизнь; однако он благоразумно промолчал и сказал только, что Гарри и Джордж, раз они выходят в широкий мир, должны быть готовы не только к хорошему, но и к дурному и к знакомству с людьми самых разных сословий.

— Но в обществе заслуженного ветерана лучшей армии в мире, — растерянно сказала вдова, — в обществе джентльменов, выросших при дворе, в обществе друзей его королевского высочества герцога...

Ее друг только наклонил голову. Обычное выражение достойной серьезности не покинуло его лица.

— И в вашем обществе, дорогой полковник Вашингтон, — в обществе того, кого всегда так высоко ценил мой отец! Вы не знаете, как он вам доверял! Вы ведь будете оберегать моего мальчика, сэ, не правда ли? Вы старше его всего на пять лет, и все же я доверяю вам больше, чем людям пожилым. Мой отец всегда говорил мальчикам и я им постоянно повторяю, что им следует брать пример с мистера Вашингтона.

— Вам известно, что я готов был сделать что угодно, лишь бы заслужить расположение полковника Эсмонда. Так на что я только не осмелюсь, сударыня, чтобы стать достойным расположения его дочери!

Кавалер поклонился не без изящества. Дама порозовела и сделала ему необыкновенно низкий реверанс (неподражаемые реверансы госпожи Эсмонд славились по всей провинции).

Мистер Вашингтон, сказала она, может всегда рассчитывать на приязнь матери, пока он выказывает такую дружбу к ее сыновьям. С этими словами она протянула ему ручку, которую он поцеловал с большой галантностью. Вскоре миниатюрная дама проследовала в дом, опираясь на руку своего высокого спутника. Там их встретил Джордж, в богатом наряде и напудренный по всем правилам, и приветствовал свою матушку и своего друга одинаково почтительными поклонами. Нынешние молодые люди врываются в комнату матери в охотничьих сапогах и шляпе, а вместо поклона дымят ей в лицо сигарой.

Впрочем, Джордж, хотя он и отвесил матери и мистеру Вашингтону самые низкие поклоны, был тем не менее полон злобы. Вежливая улыбка играла на нижнем этаже его лица, но два окна верхнего сверкали подозрением и гневом. Что было сказано или сделано? Любое их слово и движение могло быть повторено в самом взыскательном, чопорном и благочестивом обществе. Так почему же госпожа Эсмонд порозовела еще больше, а бравый полковник, пожимая руку своего друга, неожиданно покраснел?

Полковник спросил мистера Джорджа, хорошо ли он поохотился.

— Нет, — резко ответил Джордж. — А вы?

Тут он взглянул на портрет своего отца, висевший в гостиной.

Полковник, человек обычно немногословный, немедленно принялся подробнейшим образом описывать, как он утром охотился с королевскими офицерами, не забыв упомянуть, в каких лесах они побывали, сколько птиц подстрелили и какую дичь. Обычно не склонный к шутливости, полковник на этот раз подробно описал корпулентную фигуру генерала Брэддока и его огромные сапоги и рассказал, как главнокомандующий ехал по виргинскому лесу — "травя зверя", по его мнению — в сопровождении собачьей своры, собранной из разных имений, а также своры негров, которые лаяли еще громче собак, и иногда даже попадал в оленей, если они подвергались под выстрел. "Черт побери, сэр! восклицал генерал, пыхтя и отдуваясь. — Что бы сказал у себя в Норфолке сэр Роберт, если бы он увидел, как я тут охочусь с дробовиком в руке и со сворой, натасканной на индюков!"

— Ах, полковник, вы сегодня, право же, в ударе! — воскликнула госпожа Эсмонд со звонким смехом, хотя ее сын, слушая эту историю, только еще больше нахмурился. — А что это за сэр Роберт? Он приехал в Норфолк с последними подкреплениями?

— Генерал имел в виду Норфолк на родине, а не Норфолк в Виргинии, ответил полковник Вашингтон. — Мистер Брэддок рассказывал о том, как он гостил у сэра Роберта Уолпола, у которого в этом графстве имение, о том, какую великолепную охоту держит там старик-министр, о его пышном дворце и картинной галерее в Хотоне. Больше всего на свете хотел бы я посмотреть хорошую охоту на родине и лисью травлю! — со вздохом заключил любитель охоты.

— Тем не менее, как я уже говорил, и тут тоже есть неплохая охота, насмешливо процедил молодой Эсмонд.

— Какая же? — воскликнул мистер Вашингтон, пристально на него глядя.

— Но ведь вы и сами это знаете, так к чему смотреть на меня с таким бешенством и притопывать ногой, словно вы собираетесь драться со мной на шпагах? Разве вы не лучший охотник в наших краях? И разве не все рыбы полевые, и звери древесные, и птицы морские... ах, нет... рыбы древесные и звери морские и... а! Вы ведь понимаете, что я хочу сказать. Форели, и лососи, и окуни, и лани, и кабаны, и бизоны, и буйволы, и слоны — откуда мне знать? Я же не любитель охоты.

— О да, — подтвердил мистер Вашингтон с плохо скрытым

презрением.

— Да-да, я понимаю. Я неженка. Я рос под материнским крылышком. Взгляните на эти прелестные ленты, полковник! Кто не был бы рад таким путам? И какой очаровательный цвет! Я помню, когда они были черными в знак траура по моему деду.

— Но как было не оплакивать такого человека? — спросил полковник, а вдова с недоумением посмотрела на сына.

— От всего сердца хотел бы я, чтобы мой дед был сейчас здесь, восстал бы из могилы, как он обещает на своей надгробной плите, и привел бы с собой моего отца, прапорщика...

— Ах, Гарри! — воскликнула миссис Эсмонд, заплакав и бросаясь к младшему сыну, который в этот миг вошел в комнату в точно таком же кафтане с золотым шитьем и вышитом камзоле, с таким же шелковым шарфом на шее и при такой же шпаге с серебряным эфесом, как и его старший брат. — Ах, Гарри, Гарри!

— Что случилось, матушка? — спросил Гарри, обняв ее. — Что случилось, полковник?

— Честное слово, я ничего не понимаю, — ответил полковник, кусая губы.

— Пустой вопрос, Хел — о розовых ленточках, которые, мне кажется, весьма к лицу нашей матушке. Не сомневаюсь, что и полковник думает точно так же.

— Сударь, будьте любезны говорить только за себя, — в бешенстве вскричал полковник, но тотчас овладел собой.

— Он и так говорит слишком много! — рыдая, сказала вдова.

— Клянусь, источник этих слез мне так же неведом, как истоки Нила, продолжал Джордж. — И если бы вот этот портрет моего отца вдруг начал плакать, отчие слезы удивили бы меня лишь немногим меньше. Что я сказал такого? Упомянул про ленты! Неужели в них крылась отравленная булавка, поразившая сердце моей матери по вине какой-нибудь негодной лондонской швеи? Я только выразил желание носить эти восхитительные путы до конца моих дней. — И он изящно повернулся на высоких красных каблуках.

— Джордж Уорингтон, какой это дьявольский танец ты танцуешь? — спросил Гарри, который любил мать, любил мистера Вашингтона, но больше всех на свете любил своего брата и преклонялся перед ним.

— Мое дорогое дитя, ты ничего не понимаешь в танцах — ведь изящные искусства тебя не влекут, и из спинета ты способен извлечь ровно столько же гармонии, сколько из головы убитого кабана, если будешь

дергать его за ухо. Природа предназначила тебя для бурь — я имею в виду военные бури, полковник Джордж, а не те, с которыми встретился семидесятичетырехпушечный фрегат, доставивший в устье нашей реки мистера Брэддока. Его превосходительство также человек, Доблестно подвигающийся и на полях войны, и на полях охоты. Я же — неженка, как я уже имел честь вам объяснить.

— Ничего подобного! Ты ведь побил этого силача из Мэриленда, который был вдвое тяжелее тебя, — перебил его Гарри.

— Не по доброй воле, Гарри. Tupto, мой милый, или же tupto-mai {Бью, являюсь битым (древнегреч.)}, как было хорошо известно твоему заду, когда мы учились. Но у меня робкий характер, и я никогда не подниму руку, чтобы нажать курок или дать пощечину — нет-нет, только чтобы сорвать розу. — Тут он наклонился и стал теревить одну из ярко-розовых лент на платье госпожи Эсмонд. — Я ненавижу охоту, которую любите вы с полковником, и не хочу убивать живое существо, ни индюка, ни полевой мыши, ни вола, ни осла и никакую другую тварь с ушами. Как прелестно напудрены букли мистера Вашингтона!

Полковник милиции, которого эти речи сначала оскорбляли, а потом привели в полное недоумение, выпил немного яблочного пунша из большой фарфоровой чаши, которая, по виргинскому обычаю, всегда ожидала гостей в Каслвуде, и, чтобы совсем остыть, начал величественно прохаживаться по балкону.

Мать, вновь почти примиренная со своим первенцем и успокоившаяся, взяла обоих сыновей за руки, а Джордж положил свободную руку на плечо Гарри.

— Послушай, Джордж, я хочу сказать тебе одну вещь, — воскликнул тот взволнованно.

— Хоть двадцать, дон Энрико, — ответил его брат.

— Если ты не любишь охоту... и все прочее, и не хочешь убивать дичь, потому что ты умнее меня, так почему бы тебе не остаться дома и не отпустить меня с полковником Джорджем и мистером Брэддоком? Вот что я хотел тебе сказать, — выпалил Гарри единым духом.

Вдова в волнении переводила взгляд с темноволосого юноши на белокурого, не зная, с кем из них ей было бы легче расстаться.

— Честь требует, чтобы кто-нибудь из нашей семьи отправился в этот поход, и раз мое имя стоит в ней под номером первым, номер первый и отправится, — объявил Джордж.

— Так я и думал! — пробормотал бедный Гарри.

— Один из нас должен остаться дома, иначе кто же позаботится о

матушке? Мы не имеем права допустить, чтобы нас обоих скальпировали индейцы или превратили во фрикасе французы.

— Превратили во фрикасе французы?! — вскричал Гарри. — Превратили во фрикасе лучших солдат в мире? Англичан? Хотел бы я видеть, как это французы сделают из них фрикасе! Какую трепку вы им зададите! — И храбрый юноша тяжело вздохнул при мысли, что ему не придется участвовать в этой забаве.

Джордж сел за клавесин и, аккомпанируя себе, запел: "Malbrook s'en va t'en guerre. Mironton, mironton, miron-taine" {"Мальбрук в поход собрался, миронтон, миронтон, миронтэ-не" (франц.)}, — и при этих звуках мистер Вашингтон вернулся с балкона в комнату.

— Я играю "Боже, храни короля", полковник, в честь будущего похода.

— Я никогда не знаю, шутите вы или говорите серьезно, — ответил простодушный джентльмен. — Но разве это тот мотив?

Джордж принялся наигрывать на своем клавесине всяческие вариации, а их гость смотрел на него и, быть может, в душе удивлялся, что молодой человек из такой семьи предается этому дамскому развлечению. Затем полковник вынул часы, сказал, что карета его превосходительства прибудет с минуты на минуту, и попросил разрешения удалиться к себе в комнату, чтобы привести себя в порядок и явиться перед гостями ее милости в подобающем виде.

— Полковник Вашингтон прекрасно знает дорогу к себе в комнату, — бросил через плечо Джордж от клавесина и даже не подумал встать.

— В таком случае я сама провожу полковника, — в страшном гневе воскликнула вдова и выплыла из комнаты в сопровождении взбешенного и растерявшегося полковника, а Джордж продолжал барабанить по клавишам. Ее самолюбивый гость чувствовал себя оскорбленным, хотя сам не понимал, чем именно, он не находил слов от возмущения, и его душила ярость.

Гарри Уорингтон заметил состояние их друга.

— Во имя всего святого, Джордж, что это значит? Почему ему нельзя поцеловать ей руку? (Пока госпожа Эсмонд беседовала с полковником на лужайке, Джордж позвал брата из библиотеки именно для того, чтобы он мог увидеть эту безобидную любезность.) Ну, что тут такого? Простая вежливость.

— Простая вежливость? — взвизгнул Джордж. — Посмотри вот на это, Хел. Это тоже простая вежливость? — И он протянул младшему брату злополучный листок, над которым провел немало времени в тяжких раздумьях. Это был только отрывок, но смысл его был, однако, ясен:

"...старше меня, но ведь и я старше своих лет, а к тому же, как тебе известно, дорогой брат, всегда слыл серьезным человеком. Всем детям необходим отцовский надзор, и двое ее детей, надеюсь, найдут во мне доброго друга и опекуна".

— Друга и опекуна, будь он проклят! — крикнул Джордж, сжимая кулаки, а его брат продолжал читать:

"...лестное предложение, сделанное мне генералом Брэдкоком, разумеется, вынуждает меня отложить это до окончания кампании. Когда мы зададим французам достаточную таску, я вернусь отдыхать в моем вертограде в тепи моей смоковницы".

— Он подразумевает Каслвуд — вот его вертоград! — вновь перебил Джордж, грозя кулаком виноградным лозам на залитой солнцем стене за окном.

"...в тени моей смоковницы, где я надеюсь без промедления представить своего милого брата его новой невестке. У нее очень красивое имя, а именно..."

На этом письмо обрывалось.

— А именно Рэйчел, — с горечью закончил Джордж. — И в отличие от библейской, эта Рахиль отнюдь не плачет по детям своим и очень хочет, чтобы ее утешили. Что же, Гарри! Пойдем наверх, падем на колени, как от нас ждут, и скажем: "Милый папенька, добро пожаловать к себе в Каслвуд".

Глава IX

Виргинское гостеприимство

Его превосходительство главнокомандующий отправился в гости к госпоже Эсмонд со всей торжественностью и пышностью, подобающей первой особе во всех североамериканских колониях, плантациях и владениях его величества. В сопровождении драгунского эскорта он отбыл из Уильямсберга под оглушительные крики и вопли верноподданных толп, состоявших преимущественно из негров. Генерал ехал в своей карете. Капитан Толмедж, шталмейстер его превосходительства, ждал его у дверцы громоздкой, украшенной гербами колымаги и скакал рядом с ней от Уильямсберга до самого дома госпожи Эсмонд. Майор Дэнверс, адъютант главнокомандующего, занимал переднее сиденье вместе с маленьким почтмейстером из Филадельфии, мистером Франклином, который, хотя и был в свое время подмастерьем у печатника, отличался редкостным умом, как охотно признавали его превосходительство и господа его свиты, и обладал большим запасом весьма интересных сведений и о колониях, и об Англии, где ему довелось побывать не один раз.

— Право, удивительно, что человек столь скромного происхождения сумел приобрести такие разнообразные познания и такие прекрасные манеры, мистер Франклин! — соизволил заметить главнокомандующий и кивнул почтмейстеру, прикоснувшись к шляпе.

Почтмейстер поклонился и сказал, что время от времени ему выпадало счастье оказаться в обществе благородных особ вроде его превосходительства, и он не упускал случая присматриваться к манерам этих джентльменов и в меру своих возможностей подражал им. Что до образования, то он не может им особенно похвастать, так как средства его батюшки были невелики, а в Новой Англии, его родном краю, ученость не в слишком большой чести, однако он не жалел усилий и черпал знания, где и как мог, — впрочем, все это не идет ни в какое сравнение с их английской образованностью.

Мистер Брэддок расхохотался и сказал: что касается образованности, то в армии, черт побери, найдется немало благородных джентльменов, не знающих, через сколько "б" пишется слово "бык" — через одно или через два. Он слышал, что и герцог Мальборо не слишком умело владел пером. Сам он не имел чести служить под началом этого доблестного полководца, — его светлость был главнокомандующим задолго до его вступления на

службу, — однако он задал французам хорошую взбучку, хотя ученостью и не блистал.

Мистер Франклин ответил, что ему известны оба эти обстоятельства.

— И моего герцога тоже ученым не назовешь, — продолжал мистер Брэдок. — Ага, господин почтмейстер, вы и про это слышали! То-то вы прищурились.

Мистер Франклин немедленно погасил зловредные искры насмешки в своих глазах, и его взор, устремленный на круглое добродушное лицо генерала, приобрел выражение младенческой невинности.

— Он не ученый, но он справится с любым французским генералом, который похвается сделать из англичан *fricassee de crapaud* {Фрикасе из жабы (франц.)}. Он уже спасал корону лучшего из королей, своего августейшего отца, его все милостивейшего величества короля Георга.

Шляпа мистера Франклина мигом слетела с головы, и над крутыми буклями его пышного парика поднялся ореол пудры.

— Он — лучший друг солдат и показал себя непреклонным врагом всех нищих красноногих шотландских мятежников и римских интриганов-иезуитов, которые хотели бы отнять у нас нашу свободу и нашу религию, черт побери! Да, его королевское высочество, мой милостивый господин, — не великий ученый, но зато он один из благороднейших джентльменов во всем мире.

— Я видел его высочество на коне во время смотра гвардии в Хайд-парке, — сказал мистер Франклин. — Верхом у герцога действительно очень благородная осанка.

— Вы сегодня выпьете за его здоровье, почтмейстер. Он — самый лучший начальник, самый лучший друг, самый лучший сын своему августейшему старику-отцу, самый лучший джентльмен, когда-либо носивший эполеты.

— Ну, эполеты совсем не по моей части, сэр, — сказал, засмеявшись, мистер Франклин. — Ведь вам известно, что я живу в городе квакеров.

— Разумеется, они не по вашей части, мой добрый друг. Каждому человеку — свое занятие. Вы и другие джентльмены вашего сословия можете корпеть себе на здоровье над вашими книгами. Мы вам этого не запрещаем. Наоборот, мы вас поощряем. Мы же сражаемся с врагами и управляем страной. Э-эй, господа! Боже мой, ну и дороги в вашей колонии! Проклятую карету так и швыряет из стороны в сторону! А кто это там едет с двумя неграми в ливреях? Очень недурная лошадь.

— Это мистер Вашингтон, — сказал адъютант.

— Я бы взял его капралом в конногренадерский полк, — объявил

генерал. Отличная посадка. И он хорошо знает страну, мистер Франклин.

— О да.

— И чертовски прекрасные манеры, если вспомнить, где он рос. Настоящий европейский лоск, черт побери.

— Он старается, как может, — заметил мистер Франклин, простодушно глядя на дородного главнокомандующего, а этот образчик английской утонченности с лицом еще более красным, чем его мундир, раскачивался в такт толчкам кареты, уснащая ругательствами каждую свою фразу: полный невежда во всем, что лежало за пределами казармы и плац-парада, если не считать достоинств вина и хорошеньких женщин, далеко не знатного происхождения, но глупо чванящийся несуществующими предками, храбрый, как бульдог, жестокий, великодушный, распутник, мот, мягкосердечный в хорошем настроении, щедрый на смех и привязанности, тупоумный, ничего в жизни не читавший, свято верящий, что его родина — первая страна мира, а сам он — истинный джентльмен.

— Да, для провинциала он, честное слово, очень хорош. Его в прошлом году поколотили в форте... как его там?... на реке... на реке... Как называется этот форт, Толмедж?

— Бог его знает, сэр, — ответил Толмедж, — и еще, наверное, господин почтмейстер: недаром он посмеивается над нами обоими.

— О, что вы, капитан!

— Попал в настоящую ловушку. Впрочем, у него была только милиция и индейцы. Здравствуйте, мистер Вашингтон. Хорошая у вас лошадь! В прошлом году это ведь было ваше первое боевое крещение?

— В форте Необходимость? Да, сэр, — почтительно отдавая честь, ответил вышеупомянутый джентльмен, который подъехал к карете в сопровождении двух вышколенных черных грумов в щегольских ливреях и бархатных охотничьих шапочках. — Я начал очень неудачно, сэр, так как до этого злополучного дня ни разу не был в деле.

— Вы ведь все были необученные ополченцы, мой милый. Видели бы вы, как наша милиция улепетывала от шотландцев, проклятые зайцы! Будь у вас регулярные войска, все сложилось бы иначе.

— Вашему превосходительству известно, как горячо я желаю служить в таких войсках и посмотреть их в бою, — сказал мистер Вашингтон.

— Черт побери, мы попробуем удовлетворить ваше желание, сударь, ответил генерал, присовокупив одно из своих обычных громовых ругательств, и тяжелая колымага покатила дальше к Каслвуду, а мистер Вашингтон испросил позволения поскакать вперед, чтобы оповестить хозяйку о скором прибытии его превосходительства.

Карета главнокомандующего двигалась так неторопливо, что ее нагнали еще несколько менее важных особ, также приглашенных в Каслвуд, и они, не дерзая обогнать великого человека, образовали настоящий кортеж, смиренно следовавший в облаках пыли за его колесницей.

Возглавлял эту процессию мистер Динуидди, губернатор провинции, который ехал в сопровождении черных слуг и в обществе преподобного Бродбента, веселого уильямсбергского священника. К ним вскоре присоединился мистер Демпстер, учитель близнецов, в пышном старомодном парике, который он берег для подобных торжественных okazji. Затем подъехал мистер Лоус, судья, миссис Лоус сидела на подушке за спиной супруга, а парадный чепец ее милости вез их слуга негр, трусивший позади на муле. Эта процессия выглядела до того нелепо, что майор Дэнверс и мистер Франклин, вдруг заметив ее, невольно рассмеялись, — однако негромко, чтобы не разбудить его превосходительство, который тем временем погрузился в дремоту, — и послали сказать этому необычайному арьергарду, чтобы они смело ехали вперед, обогнав неторопливого главнокомандующего и его драгун.

В Каслвуде нашлось место для всех. Солдат его величества ждали жаркое, горячительные напитки и самый лучший табак, негров — смех и всякие забавы, а их хозяев — самый радушный прием и изобильное пиршество.

Почтенный генерал охотно отвеживал чуть ли не все подававшиеся кушанья — и не по одному разу — и то и дело подставлял дворецкому свой опустевший бокал; домашнее вино со специями он нашел превосходным и выпил его порядочно сразу же по прибытии, еще до обеда. Теперь же гости утоляли жажду сидром, элем, коньяком и чудесным бордоским вином, которое в свое время привез в колонию еще полковник Эсмонд и которое было достойно pontificis coenis {Трапезы жрецов (лат.)}, как объявил мистер Демпстер, подмигнув мистеру Бродбенту, священнику соседнего прихода. Мистер Бродбент кивнул и подмигнул в ответ, а затем допил вино, пропустив латинскую фразу мимо ушей, — да и как могло быть иначе, если он никогда не утруждал себя изучением латыни? Преподобный Бродбент играл в азартные игры, ел без меры, был любителем петушиных боев и значительную часть своего времени проводил во Флитской тюрьме и в Ньюмаркете, а также усердно исполнял всяческие поручения своего приятеля лорда Синкбарза, сына лорда Рингвуда (матерью мистера Бродбента была камеристка леди Синкбарз, что же касается его происхождения со стороны отца, то, пожалуй, современному читателю не

следует проявлять тут излишнего любопытства), и в конце концов был отослан в Виргинию, где ему был обещан приход. Они вместе с Гарри устраивали немало петушиных боев, подстрелили немало ланей, поймали бесчисленное количество форелей и лососей, охотились на диких гусей и диких лебедей, голубей и куропаток и сразили мириады нырков. Завистники утверждали, будто именно мистер Бродбент был тем браконьером, на которого мистер Вашингтон как-то ночью спустил в Маунт-Верноне собак и которого он на речном берегу проучил тростью. Браконьеру удалось вырваться из его рук и под покровом темноты добраться до своей лодки; как бы то ни было, следующие два воскресенья Бродбент, прикованный к одру болезни, не мог служить в церкви, когда же он наконец появился на людях, под его глазом еще виднелся синяк, а у его сюртука появился новый ворот. Гарри Эсмонд и преподобный Бродбент не только охотились вместе на всех птиц небесных, зверей лесных и рыб морских, но и играли во всевозможные карточные игры. Более того, когда юноши отправлялись верхом на занятия к мистеру Демпстеру, боюсь, что Гарри нередко отставал и брал уроки у другого профессора европейских наук и светских талантов — а Джордж ехал дальше, к своему учителю, читал свои книги и, конечно, ничего никому не говорил о времяпрепровождении младшего брата.

За столом госпожи Эсмонд его превосходительству и остальным английским и американским джентльменам подавались все птицы и все рыбы, каких только можно поймать в Виргинии в такое время года. Гамбо снискало всеобщие похвалы (черный слуга мистера Генри получил свое имя в честь этого блюда — покойный полковник однажды обнаружил его за дверью, как раз когда он сунул голову в миску с этим восхитительным супом, и тут же беспощадно окрестил его "Гамбо"), форель была нежной и свежей, а черепашие жаркое убогатствовало бы и лондонского олдермена, — черт побери, он с удовольствием угостил бы таким жарким самого герцога, соблаговолил объявить его превосходительство; впрочем, черепашие жаркое — блюдо, поистине достойное внимания любого герцога и даже императора. Негритянки вообще наделены большими кулинарными способностями, а каслвудские поварики к тому же постигали свое искусство под взыскательным оком и покойной госпожи Эсмонд, и нынешней. Некоторые блюда, а главное, сласти и пирожное, госпожа Эсмонд с большим умением и изяществом приготовила собственноручно. Она, согласно милому, но нелегкому обычаю тех времен, сама резала мясо, отогнув кружевные рукава по локоть и показывая прехорошенькие округлые ручки и запястья все время, пока исполняла этот древний обряд

гостеприимства, еще не ставшего таким худосочным, как в наши дни. Старинный застольный закон требовал, чтобы хозяйка потчевала своих гостей с любезной настойчивостью, бдительно следила, кому и когда предложить новый лакомый кусочек, в совершенстве знала кулинарно-анатомические секреты и по всем правилам искусства раскладывала рыбу, резала дичь, птицу, мясо и все прочее, уговаривала гостей непременно попробовать еще вот это кушанье и шептала своему соседу, мистеру Брэддоку: "Я берегла вот эту спинку лосося специально для вашего превосходительства и не стану слушать никаких отказов! Мистер Франклин, вы пьете только воду, сэр, а ведь вина нашего погреба очень полезны, и от них никогда не болит голова... Господин судья, вам нравится пирог с фазаном?"

— Потому что я знаю, кем он испечен, — отвечает мистер Лоус, судья, с глубоким поклоном. — Ах, сударыня, если бы у меня дома пеклись такие удачные пироги, как в Каслвуде! Я часто говорю жене: "Как мне хотелось бы, душенька, чтобы у тебя была рука госпожи Эсмонд..."

— Прелестная рука, которая, конечно, должна нравиться и многим другим, — говорит бостонский почтмейстер, и мистер Эсмонд бросает на него не слишком довольный взгляд.

— Ах, какая это рука, когда нужно сделать корочку пирога особенно легкой! — продолжает судья. — Ваш покорный слуга, сударыня.

Он не сомневается, что подобный комплимент должен доставить вдове большое удовольствие. Она скромно отвечает, что училась стряпать, когда жила на родине в Англии, где получала образование, и что ее матушка научила ее готовить кое-какие блюда, которые очень нравились ее отцу и сыновьям. И она очень рада, если гостям они также понравились.

Говорится еще много столь же любезных слов, подается еще много кушаний — в десять раз больше, чем могли бы съесть присутствующие. Мистер Вашингтон почти не принимает участия в общей беседе — между ним, мистером Толмеджем, майором Дэнверсом и почтмейстером завязался оживленный разговор о дорогах, мостах, повозках, вьючных лошадях и артиллерийских обозах, и полковник провинциальной милиции, разложив перед собой кусочки хлеба, прижимает пальцем тот форт, о котором он повествует своим братьям-адъютантам, и продолжает говорить до тех пор, пока лакей-негр, обнося гостей новым блюдом, не смахивает салфеткой Потомак и не подцепляет Огайо ложкой.

В конце обеда мистер Бродбент покидает свое место, становится позади стула вице-губернатора, произносит благодарственную молитву, возвращается к своему прибору и, исполнив свои благочестивые

обязанности, вновь берется за нож и вилку.

Теперь вносят сласти и пудинги — я мог бы подробно их вам перечислить, если бы вы пожелали, только какую барышню в наши дни интересуют пудинги, да к тому же еще пудинги, которые были съедены сто лет назад и которые госпожа Эсмонд приготовила для своих гостей с таким искусством и тщанием? Но вот со стола все убрано, и Натан, дворецкий, ставит бокалы перед гостями и наполняет бокал своей госпожи. Поклонившись гостям, она говорит, что предложит только один тост, но знает, с какой сердечной радостью его поддержат все присутствующие джентльмены. Затем она провозглашает: "Здоровье его величества!" — и кланяется мистеру Брэддоку, а он, его адъютанты и все местные джентльмены с верноподданническим жаром повторяют имя своего возлюбленного и всемилостивейшего государя. Затем, допив бокал и еще раз поклонившись обществу, вдова выходит из залы между рядами чернокожих слуг, сделав в дверях один из самых прекрасных своих реверансов.

Гостеприимная хозяйка Каслвуда столь безупречно исполняла свои обязанности, была так весела и красива, беседовала с гостями с таким одушевлением и мужеством, что немногие дамы, присутствовавшие там, поспешили выразить ей свое восхищение великолепием обеда и особенно тем, как она председательствовала за столом. Однако едва они вошли в гостиную, как притворная веселость покинула госпожу Эсмонд, она опустилась на кушетку рядом с миссис Лоус, и разразилась слезами, не дослушав хвалебную речь этой дамы.

— Ах, сударыня! — воскликнула она. — Конечно, вы правы, принимать у себя дома представителя короля — большая честь, хотя нашей семье случалось оказывать гостеприимство и особам более высоким, чем мистер Брэддок. Но ведь он приехал, чтобы разлучить меня с одним из моих сыновей. Кто знает, вернется ли мой мальчик? И вернется ли он целым и невредимым? Вчера я видела его во сне: он был ранен, и лицо его совсем побелело, а из раны в боку струилась кровь. Правила приличия заставляли меня скрывать мое горе в присутствии джентльменов, но моя добрая миссис Лоус знает, что такое разлука с детьми, в ее груди тоже бьется материнское сердце, и она справедливо осудила бы меня, если бы в такой вечер мое сердце не было преисполнено боли.

Дамы принялись утешать хозяйку дома словами, которые приличествовали случаю и могли быть ей приятны, а она старалась побороть печаль, памятуя о своих обязанностях, мешавших ей свободно предаваться грусти.

— У меня еще будет время горевать, сударыня, когда они уедут, — сказала она супруге судьи, своей добросердечной соседке. — Мой сын не должен видеть скорби на моем лице — я не хочу, чтобы наша разлука омрачилась еще больше из-за моей слабости. Джентльмену его ранга и положения надлежит быть там, куда призывает его отечество. Так всегда поступали Эсмонды, и я смиренно уповаю, что та же благая сила, которая милостиво хранила моего отца в двадцати великих битвах в дни королевы Анны, ныне, когда настал черед моего сына исполнить свой долг, возьмет его под свой святой покров.

Решительная миниатюрная дама не стала далее сетовать на жестокую судьбу и, ни словом больше не упомянув про свое горе, села, я полагаю, с гостями за карты и кофе, а джентльмены в соседней зале продолжали предлагать тосты и попивать вино.

Когда одна из дам заметила, что мужчины засиделись что-то слишком долго, госпожа Эсмонд ответила, что общество английских джентльменов интересно и поучительно для ее мальчиков. Подобный случай так редко выпадает в их глуши, и хотя господа офицеры иногда бывают излишне вольны в своих речах, она убеждена, что джентльмены и светские люди не забудут, как еще юны ее сыновья, и не скажут при них ничего такого, чего не следует слушать молодым людям.

Без сомнения, английские офицеры должным образом оценили предложенное им угощение. Дамы еще продолжали играть в карты, когда вошел Натан и что-то шепнул миссис Маунтин, которая тут же воскликнула: "Нет!" Нет, больше она его не даст: простое бордо пусть пьют на здоровье, если им хочется еще пить, но вина полковника она больше не даст! Оказалось, что джентльмены уже выпили дюжину бутылок драгоценного кларета, "не считая сидра, бургундского, лиссабонского и мадеры", — заявила миссис Маунтин, перечисляя подававшиеся напитки.

Однако госпожа Эсмонд и слышать не хотела о бережливости в подобный вечер. Поэтому миссис Маунтин волей-неволей отправилась со своими ключами под священные своды, где лежали бутылки собственного бордо полковника, пережившие своего хозяина, который, подобно им, также давно уже упокоился под землей. По дороге миссис Маунтин осведомилась у Натана, не хватил ли кто-нибудь из джентльменов лишку. По мнению дворецкого, мистер Бродбент был пьян — как всегда, и джентльмен, которого называли генералом, тоже, по его мнению, был пьян, и мистер Джордж — немножечко.

— Мистер Джордж! — вскричала миссис Маунтин. — Да он же месяцами ни капли в рот не берет!

И все же Натан стоял на своем: мистер Джордж был немножечко пьян. Он то и дело наливал себе, он громко разговаривал, он пел, он отпускал шуточки особенно про мистера Вашингтона, и мистер Вашингтон стал совсем красный от злости, сообщил Натан.

— Так что же здесь такого! — поспешно объяснила миссис Маунтин. Джентльмену в хорошей компании и положено веселиться, угощаться самому и угощать друзей. — С этими словами она поспешила к двери особого погреба, где хранилось бордо.

Развязный, почти дерзкий тон, какой в последнее время усвоил Джордж Эсмонд по отношению к мистеру Вашингтону, вызывал у того большое раздражение и досаду. Он был старше каслвудских близнецов всего лет на шесть, но всегда отличался серьезностью и степенностью не по годам, они же казались даже моложе своего возраста. До самого последнего времени они находились под заботливой и мелочной материнской опекой и видели в своем соседе из Маунт-Вернона наставника, советчика и друга — как, впрочем, почти все, кто приходил в соприкосновение с этим скромным и добродетельным молодым человеком. Сам мистер Вашингтон держался чрезвычайно учтиво и благовоспитанно, заставляя — или, во всяком случае, побуждая — и других в его присутствии вести себя так же. Он не снисходил до шуток и насмешек, и по отношению к нему они казались неуместными. Понимал он их с некоторым трудом, и они, как бы стесняясь, бежали его общества. "Он всегда казался мне великим, — писал Гарри Уорингтон в одном из своих писем много лет спустя. И я неизменно видел в нем героя. Он приезжал в Каслвуд, чтобы обучать нас, мальчиков, землемерной съемке, и когда он скакал за гончими, казалось, что он ведет за собой армию. Если он стрелял, я знал, что птица упадет мертвой, а если забрасывал невод, разумеется, ему попадалась самая крупная рыба, какая только водилась в реке. Говорил он мало, но его слова всегда были мудрыми, а не пустыми, как наши, — они были серьезными, трезвыми, вескими и неизменно уместными. Несмотря на свою антипатию к нему, мой брат уважал генерала и восхищался им так же, как я, — то есть уважал, как никого другого".

Мистер Вашингтон первым покинул веселое общество, с таким жаром воздававшее должное гостеприимству госпожи Эсмонд. Джордж Эсмонд, занявший место своей матери, когда она удалилась, не воздерживался от вина и не сдерживал свой язык. Он наговорил своему гостю десятки оскорбительных колкостей, на которые тот, как ни сердился, не знал, что ответить. Наконец, вне себя от гнева, мистер Вашингтон встал и через открытые стеклянные двери вышел на широкое крыльцо-галерею,

обычную для всех виргинских домов.

Госпожа Эсмонд увидела высокую фигуру своего друга, мелькавшую за окнами, и — то ли вечер был жарок, то ли она кончила партию — отдала свои карты одной из дам и вышла на галерею к своему молодому соседу. Он попытался придать себе спокойный вид, так как не мог объяснить хозяйке дома, почему и на кого сердится.

— Джентльмены что-то долго засиделись за вином, — заметила она. Господа офицеры вообще любят пить.

— Если пить значит быть хорошим солдатом, сударыня, то многие там выказывают незаурядную доблесть, — ответил мистер Вашингтон.

— И, наверное, генерал возглавляет свои войска?

— О, конечно, конечно, — ответил полковник, который всегда выслушивал любое замечание госпожи Эсмонд, и серьезное и шутовское, с какой-то особенной мягкостью и нежностью. — Но генерал — это генерал, и не мне обсуждать поведение его превосходительства за столом или где-нибудь еще. Я полагаю, что господа военные, родившиеся и выросшие в нашем отчем краю, отличаются от нас, жителей колоний. У нас здесь такое жаркое солнце, что нам; не нужно, по их обычаю, подогревать кровь вином. А пить, если предложен тост, для них, по-видимому, дело чести. Толмедж только что объяснил мне, икая, — шепотом, я хотел сказать, — что офицер так же не может отказаться выпить, когда предложен тост, как не может отказаться от вызова, и добавил, что вначале вино ему было противно и он научился пить лишь с большим трудом. Следует признать, что, преодолевая свою слабость, он показал редкую настойчивость.

— Но о чем вы разговариваете столько часов подряд?

— Боюсь, я не могу подробно ответить на этот вопрос, сударыня, — я не люблю сплетен. Мы говорили о войне, и о силах, которыми располагает мосье Контркер, и о том, как нам до него добраться. Генерал намерен проделать всю кампанию в карете и посмеивается и над походом, и над противником. В том, что мы разобьем врага, если встретимся с ним, сомнений, кажется, быть не может.

— Разумеется! — воскликнула дама, чей отец служил под командой Мальборо.

— Мистер Франклин, хотя он и из Новой Англии, — продолжал ее собеседник, — высказал немало весьма глубоких и дельных соображений и мог бы добавить еще многое, если бы английские джентльмены ему позволили, но они всякий раз отвечали, что мы — простаки-провинциалы и не знаем, на что способны дисциплинированные английские войска. Может быть, стоило бы выслать вперед отряд, чтобы проложить дороги и

приготовить удобный ночлег для его превосходительства по окончании дневного перехода? "Но ведь тут же имеются постоянные дворы? — возразил мистер Дэнверс. — Конечно, не такие удобные, как английские гостиницы, но ведь на это мы рассчитывать и не можем". — "Да, конечно, на это вы рассчитывать не можете", — ответил мистер Франклин, человек, по-видимому, очень проницательный и склонный к шуткам. Он попивает воду и посмеивается над англичанами, хотя, мне кажется, не очень честно пить только воду и подмечать слабости тех, кто рядом пьет вино.

— А мои мальчишки? Надеюсь, они ведут себя благоразумно? — спросила вдова, кладя ручку на локоть своего гостя. — Гарри обещал мне не пить много, а когда он дает слово, на него можно положиться. А Джордж всегда воздержан. Почему вы вдруг помрачнели?

— Право же, говоря откровенно, я не понимаю, что случилось с Джорджем за эти последние дни, — ответил мистер Вашингтон. — Он озлоблен против меня, а почему — я не знаю, спрашивать же о причине не хочу. Он говорил со мной в присутствии господ офицеров самым неподобающим образом. Нам предстоит вместе проделать эту кампанию, и очень жаль, что наша дружба омрачилась, как раз когда мы отправляемся в поход.

— Он ведь тяжело болел. И всегда был упрямым, капризным и каким-то непонятным. Но у него самое любящее сердце в мире. Вы будете к нему снисходительны, вы будете его оберегать — обещайте мне это.

— Даже если это будет стоить мне жизни, сударыня, — с большим жаром ответил мистер Вашингтон. — Вы знаете, что я с радостью отдам ее за вас и за тех, кого вы любите.

— Да будет с вами благословение моего отца и мое, дорогой друг! воскликнула вдова, исполненная благодарности и нежности.

Во время этой беседы они покинули галерею, куда доносился смех и тосты сидевших за столом джентльменов, и теперь расхаживали по лужайке перед домом. Джордж Уорингтон со своего места во главе стола мог видеть прогуливавшуюся пару и уже некоторое время весьма рассеянно слушал, что ему говорили его соседи, и отвечал им невпопад, но окружающие были слишком заняты разговорами, шутками и вином, чтобы обращать внимание на странности молодого хозяина дома. Мистер Брэддок любил после обеда послушать пение, и его адъютант, мистер Дэнверс, обладавший хорошим тенором, услаждал слух своего начальника наиновойшей песенкой из Мэрибон-Гарденс, а Джордж Уорингтон тем временем бросился к окну, затем вернулся и потянул за рукав брата, сидевшего к окну спиной.

— Что случилось? — спросил Гарри, которому очень нравились и песня и припев, который все подхватывали хором.

— Пойдем, — потребовал Джордж, топнув ногой, и младший брат покорно встал из-за стола.

— Что случилось? — повторил Джордж со злобным проклятьем. — Разве ты не видишь? Они ворковали сегодня утром и воркуют сейчас, перед тем как отправиться на покой. Не следует ли нам спуститься в сад, чтобы почтительно приветствовать маменьку и папеньку? — И с этими словами он указал на мистера Вашингтона, который как раз в этот миг очень нежно взял в свои руки ручку вдовы.

Глава X

Жаркий день

Когда генерал Брэдок и остальные гости были почтительно препровождены в отведенные им покои, юноши ушли в свою комнату и принялись горячо обсуждать самое важное событие дня. Они не допустят этого брака, нет! Неужели представительница рода маркизов Эсмондов выйдет замуж за младшего отпрыска колониальной семьи, которого к тому же предназначали в землемеры! Каслвуд и двое девятнадцатилетних юношей будут отданы под заботливую опеку двадцатитрехлетнего отчима! Чудовищно! Гарри заявил, что им следует немедленно пойти к матери в ее спальню (где черные горничные снимали в это время с ее милости скромные драгоценности и украшения, которые она надела ради званого обеда) и заявить, что они не потерпят этого противоестественного союза, а если ненавистное бракосочетание все же состоится, то они покинут ее навсегда, уедут в отчий край и поселятся в своем тамошнем имении.

Джордж, однако, предложил другой способ положить всему конец и объяснил свой план восхищенному брату в таких словах:

— Наша мать, — сказал он, — не может стать женой человека, с которым один из нас или мы оба дрались на дуэли и который ранил или убил нас или же которого мы ранили или убили. Мы должны его вызвать, Гарри!

Гарри по достоинству оценил всю глубину истины, скрытой в словах Джорджа, и мог только поразиться удивительной мудрости брата.

— Да, Джордж, — сказал он, — ты прав. Матушка не способна выйти замуж за нашего убийцу, не может же она быть настолько дурной женщиной. А если мы его проколем, ему конец. "Cadit quaestio" {Расследование закончено (лат.)}, как говаривал мистер Демпстер. Я тотчас пошлю моего лакея с вызовом к полковнику Джорджу, хорошо?

— Мой милый Гарри, — ответил старший брат, не без самодовольства припомнив свой квебекский поединок, — ты не привык к делам такого рода.

— Да, — со вздохом признался Гарри, глядя на главу семьи с завистью и восхищением.

— Мы не можем оскорбить гостя в нашем доме, — величественно продолжал Джордж. — Законы чести запрещают подобную неучтивость. Но, сэръ, мы можем поехать проводить его, и едва ворота парка закроются за

нами, мы сообщим ему о наших намерениях.

— Верно, черт подери! — воскликнул Гарри, хватая брата за руку. — Так мы и сделаем. Послушай, Джорджи... — Тут он побагровел, запнулся, и брату пришлось спросить, что он, собственно, хочет сказать. — Теперь моя очередь, брат, — умоляюще произнес Гарри. — Раз ты идешь на войну, значит, драться с ним должен я. Право же, право! — И он продолжал умолять об этом повышении в чине.

— И на этот раз глава рода обязан быть первым, мой милый, — ответил Джордж с великолепным достоинством. — Если я паду, мой Гарри отомстит за меня. Но драться с Джорджем Вашингтоном должен я, Хел, и это к лучшему: ведь я ненавижу его сильнее. Разве не по его совету матушка приказала негодяю Уорду поднять на меня руку?

— Ах, Джордж! — перебил более миролюбивый младший брат. — Должно забывать и прощать!

— Прощать? Нет, сударь, я не прощу, покуда буду помнить. А приказывать человеку забыть — бесполезно. Обида, причиненная вчера, остается обидой и завтра. Я, насколько мне известно, никому обид не наносил и сам их терпеть не намерен. Я придерживаюсь самого низкого мнения о мистере Уорде и все же думаю о нем не настолько дурно, чтобы предположить, будто он когда-нибудь простит тебе этот удар линейкой. Полковник Вашингтон — наш враг, и особенно мой. По его совету мне было причинено зло, а теперь он замышляет причинить нам зло даже еще большее. Повторяю, брат, мы должны его покарать.

Выдержанное бордоское вино его деда воспламенило обычно бледные щеки Джорджа. Гарри, пылкий поклонник брата, не мог не восхититься его надменным видом и стремительной речью и с обычной покладистостью приготовился следовать за своим вождем. После чего юноши легли наконец спать, и старший еще раз напомнил младшему, что он должен держаться учтиво со всеми гостями до тех пор, пока они будут оставаться под кровом их матери.

Благовоспитанность и нелюбовь к сплетням не позволяют нам рассказать читателю, кто из гостей госпожи Эсмонд первым пал под бременем ее хлебосольства. Почтенным потомкам господ Толмеджа и Дэнверса, адъютантов его превосходительства, вряд ли будет приятно узнать, как пьянствовали их прадеды сто лет назад; однако сами эти джентльмены ничуть не стыдились своей невоздержанности, и нет сомнений, что и они, и все их товарищи бывали навеселе не реже двух-трех раз в неделю. Представим же себе, как они, пошатываясь, отправляются на покой, сочувственно поддерживаемые заботливыми неграми, а их

нагрузившийся генерал, слишком доблестный питух, чтобы полдюжины бутылок бордоского могли взять над ним верх, удаляется в сопровождении юных хозяев дома в свою опочивальню и незамедлительно засыпает крепким сном, который дарует Бахус своим верным поклонникам.

Достойную госпожу Каслвуда состояние ее гостей не только не ввергло в ужас, но даже не удивило — она встала рано поутру, чтобы приготовить прохладительное питье для их разгоряченных глоток, и слуги разнесли его по спальням. За завтраком кто-то из английских офицеров принялся подшучивать над мистером Франклином, который вовсе не пил вина, а потому и утром отказался от холодного пунша: офицер утверждал, что филладельфиец лишил себя таким образом двух удовольствий — и вина, и пунша. Молодой человек заявил, что недуг был приятен, а лекарство — чудесно, и со смехом выразил желание продолжать болеть и лечиться. Новый американский адъютант генерала, полковник Вашингтон, был совершенно трезв и, по обыкновению, невозмутим. Английские офицеры поклялись, что возьмутся за него и научат обычаям английской армии, однако виргинец серьезно ответил, что эта часть английской военной науки его не манит.

Вдова, поглощенная накануне заботами о парадном обеде, а теперь — о парадном завтраке, не имела времени внимательно наблюдать за поведением сыновей, но, во всяком случае, она заметила, что Джордж безупречно учтив с ее любимцем, полковником Вашингтоном, и со всеми остальными гостями.

Перед отбытием мистер Брэддок побеседовал с госпожой Эсмонд с глазу на глаз и официально предложил взять ее сына в свою свиту; пока мать Джорджа и его будущий начальник договаривались о его отъезде, госпожа Эсмонд, что бы ни чувствовала она в душе, не выразила никакого чопорного ужаса перед радостями бутылки — одной из наиболее грозных и неизбежных опасностей, с которыми, по ее мнению, предстояло встретиться ее сыну. Она понимала, что ее первенец должен наконец выйти в широкий мир и изведать предназначенную ему долю добра и зла.

— Мистер Брэддок наутро держался как истинный джентльмен, — упрямо заявила она своей адъютантше, миссис Маунтин. — Конечно, папенька не пил, однако известно, что в Англии пьют многие люди, принадлежащие к самому высшему кругу.

Добродушный генерал ласково пожал руку Джорджу, который явился к его превосходительству, едва тот кончил беседовать с госпожой Эсмонд; мистер Брэддок приветствовал своего нового подчиненного и приказал ему через три дня быть в Фредерике, так как армии предстояло выступить

вскоре после этого срока.

Затем вновь была подана огромная карета, возле которой уже гарцевал эскорт; собрались в путь и прочие гости со своими слугами. Хозяйка Каслвуда проводила его превосходительство до крыльца, ее сыновья спустились по ступенькам и встали у дверец кареты. Драгунский трубач подал пронзительный сигнал, негры закричали "ура!" и "боже, храни короля!", мистер Брэдок весьма любезно простился с гостеприимными хозяевами и покатил в свою штаб-квартиру.

Поднимаясь на галерею, юноши увидели, что полковник прощается с их матерью. Без сомнения, она только что вновь поручила Джорджа заботам его тезки, так как мистер Вашингтон говорил:

— ...моей жизнью. Положитесь на меня.

Тут близнецы подошли к матери и еще не уехавшим гостям. Полковник был уже в сапогах и готовился сесть на лошадь.

— Прощай, милый Гарри, — сказал он. — С вами, Джордж, я не прощаюсь. Через три дня мы увидимся в лагере.

Молодые люди отправлялись навстречу опасности, может быть, даже смерти. Госпожа Эсмонд знала, что с полковником Вашингтоном она до выступления армии уже больше не увидится. Не удивительно, что она была очень расстроена.

Джордж Уорингтон заметил волнение матери, истолковал его по-своему, и сердце его сжалось от злобы и презрения.

— Погодите немного и утешьте нашу матушку, — сказал он с невозмутимым видом. — Мы с братом только наденем сапоги и проводим вас, Джордж.

Джордж Уорингтон заранее приказал оседлать их коней, так что уже вскоре трое молодых людей в сопровождении грумов отправились в путь, и миссис Маунтин, знавшая, какую вражду она между ними посеяла, и трепетавшая при мысли, чем это может кончиться, испытала большое облегчение: мистер Вашингтон уехал, не поссорившись с братьями и не сделав — во всяком случае, открыто — предложения их маменьке.

Джордж Уорингтон держался со своим соседом и тезкой чрезвычайно учтиво, и тот был очень доволен, хотя и удивлен такой переменой в поведении молодого человека. Опасности, которые им предстояло разделять, сознание, что в походе им следует быть товарищами, смягчающее влияние многолетней дружбы с семейством Эсмондов, недавнее нежное прощание с хозяйкой Каслвуда — все это побуждало полковника забыть последние неприятные дни, и он разговаривал со своим юным спутником даже более дружески, чем обычно. Джордж казался весел

и беззаботен — на этот раз мрачен был Гарри, который молча и угрюмо ехал рядом с братом, держась от полковника Вашингтона на расстоянии, хотя прежде он всегда настойчиво искал его общества. Если простодушный полковник и заметил непонятное поведение своего молодого друга, он, без сомнения, объяснил эту странность всем известной привязанностью Гарри к брату и естественным желанием не расставаться с Джорджем теперь, когда близок был день разлуки.

Они беседовали о войне и о возможном исходе кампании: никто из троих не сомневался в победе. Две тысячи английских ветеранов под начальством такого генерала, если только не станут мешкать, несомненно, возьмут верх над любыми силами, которые двинут против них французы. Молодой и пылкий виргинский воин питал безграничное уважение к испытанной храбрости и выучке регулярных войск. У короля Георга II не нашлось бы подданного более преданного, нежели новый адъютант мистера Брэдока.

Маленькая кавалькада продолжала ехать вперед все так же дружески, пока не приблизилась к бревенчатой хижине, принадлежавшей некоему Бенсону, который, следуя обычаям времени и страны, не гнушался брать со своих гостей деньги за предложенное им гостеприимство. У него квартировали вербовщики, и в большой комнате сидели несколько офицеров и солдат из полка Холкетта. Полковник Вашингтон предполагал, что его молодые друзья здесь с ним простятся.

Пока их лошадям задавали корм, они вошли в общую залу, где проголодавшегося путника ждала незатейливая еда. Джордж Уорингтон вошел в трактир с особенно веселым и оживленным видом, а лицо бедняги Гарри еще более побледнело и омрачилось.

— Можно подумать, мистер Гарри, что это вы идете драться с французами и индейцами, а не мистер Джордж, — сказал Бенсон.

— Я тревожусь за своего брата, — ответил Гарри, — хотя сам был бы рад принять участие в кампании. Не моя вина, что я должен остаться дома.

— Ну конечно, брат! — воскликнул Джордж.

— Мужество Гарри Уорингтона не нуждается в доказательствах, воскликнул мистер Вашингтон.

— Вы оказываете нашей семье большую честь, полковник, отзываясь о нас столь лестно, — сказал мистер Джордж с низким поклоном. — Осмелюсь заметить, в случае нужды мы умеем за себя постоять.

Пока полковник Вашингтон превозносил его мужество, Гарри, по правде говоря, выглядел скорее испуганным. В глазах своего брата привязчивый, прямодушный юноша прочел твердую решимость, которая

повергла его в отчаяние.

— Неужели ты хочешь сделать это теперь? — шепнул он Джорджу.

— Да, теперь, — неумолимо ответил мистер Джордж.

— Во имя всего святого, уступи это мне. Ты идешь на войну — и должен хоть что-то уступить мне... И, может быть, все это не так, Джордж. Вдруг мы ошибаемся?

— Пф! Ошибаться мы не можем. И заняться этим надо теперь же... но не тревожься! Никакие имена упомянуты не будут — я без труда найду какой-нибудь предлог.

На веранде перед чашей виргинского холодного пунша сидели два офицера из полка Холкетта, знакомые наших молодых джентльменов.

— Что вас сюда привело, господа? Не жажда ли? — осведомился один из них.

По их голосам и пылающим щекам легко было догадаться, что сами офицеры с утра уже не раз утоляли жажду.

— Вот именно, сэр, — весело воскликнул Джордж. — Чистые стаканы, мистер Бенсон! Как, у вас нет стаканов? Ну, так будем пить прямо из чаши.

— Из нее пило немало хороших людей, — сообщил мистер Бенсон, и юноши, поклонившись сперва знакомым, по очереди приложились к чаше. Когда они кончили пить, пунша как будто почти не убыло, хотя Джордж тоном заправского гуляки и объявил, что после прогулки верхом нет ничего восхитительнее такого напитка. Он окликнул полковника Вашингтона, стоявшего в дверях веранды, приглашая его присоединиться к ним и выпить.

Тон юноши был оскорбителен — он снова вернулся к той манере держаться, которая в последние дни так раздражала мистера Вашингтона. Полковник поклонился и сказал, что ему не хочется пить.

— Но ведь за пунш уже заплачено, — настаивал Джордж. — Вы можете быть спокойны, полковник.

— Я сказал, что не хочу пить. Я не говорил, что за пунш не заплачено, ответил тот, постукивая ногой.

— Когда пьют за здоровье короля, офицеру не к лицу отказываться. Пью за здоровье его величества, господа! — воскликнул Джордж. — Полковник Вашингтон волен пить или не пить. Здоровье короля!

Это был вопрос воинской чести. Оба холкеттовских офицера — капитан Грейс и капитан Уоринг — выпили за здоровье короля. Гарри Уорингтон выпил за здоровье короля. Полковник Вашингтон, яростно сверкнув глазами, также отпил глоток из чаши.

Затем капитан Грейс предложил выпить "за герцога и армию" — тост столь же обязательный. Полковнику Вашингтону пришлось проглотить герцога и армию.

— Этот тост вам как будто не по вкусу, полковник, — сказал Джордж.

— Я уже говорил вам, что не хочу пить, — ответил полковник. — Мне кажется, герцог и армия только выиграли бы, если бы за их здоровье пили пореже.

— Вы пока плохо знаете обычаи регулярных войск, — заявил капитан Грейс уже заметно осипшим голосом.

— Возможно, сэр.

— Британский офицер, — продолжал капитан Грейс с большой горячностью, но довольно неразборчиво, — ни при каких обстоятельствах не пренебрегает таким тостом, как и любым другим своим долгом. Человек, который отказывается выпить за здоровье герцога... черт меня побери, да такого человека надо судить военно-полевым судом!

— Как вы смеете разговаривать со мной подобным образом? Вы пьяны, сэр! — загремел полковник Вашингтон и, вскочив, стукнул кулаком по столу.

— Распроклятый провинциальный офицеришка говорит, что я пьян! взвизгнул капитан Грейс. — Уоринг, вы слышали это?

— Я слышал, сэр! — воскликнул Джордж Уорингтон. — Мы все это слышали. Он здесь по моему приглашению, пунш заказал я, все вы были моими гостями — и я возмущен, капитан Уоринг, что за моим столом были сказаны столь чудовищные слова, с какими полковник Вашингтон только что обратился к моему благородному гостю.

— Черт бы побрал вашу наглость, проклятый мальчишка! — взревел полковник Вашингтон. — Вы смеете оскорблять меня в присутствии английских офицеров и называть мои слова чудовищными? Это уже далеко не первая ваша наглая выходка, и если бы я не любил вашу мать... да, сэр, и вашего деда, и вашего брата, я бы... я бы... — Тут разгневанный полковник окончательно лишился дара речи и, побагровев, содрогаясь от бешенства, несколько мгновений безмолвно смотрел на своего юного врага сверкающими глазами.

— Так что же вы сделали бы, сэр? — очень спокойно спросил Джордж. Если бы не любили моего деда, моего брата и мою мать? Вы прячетесь за ее юбки, оправдывая этим какие-то свои намерения... так что же вы сделали бы, сэр, могу я спросить еще раз?

— Я положил бы вас поперек колена и выпорол бы, злобный щенок! Вот что я сделал бы! — воскликнул полковник, который к этому времени

успел перевести дух и снова дал волю ярости.

— Вы знаете нас с рождения и приезжали к нам, как к себе домой, но это еще не причина, чтобы вы нас оскорбляли! — Это крикнул Гарри, вскакивая на ноги. — То, что вы сказали, Джордж Вашингтон, это оскорбление не только моему брату, но и мне. Вы попросите у нас извинения, сэр!

— Извинения?

— Или дадите нам удовлетворение, как принято между джентльменами, продолжал Гарри.

Сердце доблестного полковника вдруг сжалось при мысли, что смертельная вражда неожиданно разделила его и юношей, которых он любил, и, быть может, ему даже придется пролить кровь одного из них. Глядя на Гарри, на его белокурые волосы и пылающее лицо, слушая его дрожащий голос, старший почувствовал, что сердце его исполнилось нежности: он был обезоружен.

— Я... я ничего не понимаю, — сказал он. — Возможно, мои слова были необдуманны. Но почему Джордж уже несколько месяцев ведет себя со мной так странно? Скажи мне, и, может быть...

Джордж Уорингтон был весь во власти злобы; его черные глаза метали молнии презрения и ненависти в стоявшего перед ним прямодушного и честного человека.

— Вы уклоняетесь от моего вопроса, сэр, как только что уклонились от тоста, — сказал он. — Я не мальчик и не желаю сносить ваше высокомерие. Вы публично оскорбили меня в публичном месте, и я требую удовлетворения.

— Пусть будет так, — ответил полковник Вашингтон с выражением глубочайшего горя на лице.

— И вы оскорбили меня! — заявил капитан Грейс, который, пошатываясь, приблизился к нему. — Что он сказал? Какой-то проклятый капитан милиции... полковник милиции, да кто он такой? Вы меня оскорбили! Ах, Уоринг! Только подумать, что меня оскорбил капитан милиции! — И при этой душещипательной мысли слезы оросили щеки благородного капитана.

— Я оскорбил вас? Боров! — опять загремел полковник, не наделенный чувством юмора, а потому, в отличие от остальных, не увидевший в этой сцене ничего смешного. И тотчас перед ним оказался четвертый противник.

— Силы небесные, сэр! — воскликнул капитан Уоринг. — Неужто вам мало троих и в эту ссору придется вмешаться еще, и мне? Вы оскорбили

этих двух молодых людей...

— Необдуманное слово, сэр! — воскликнул бедняга Гарри.

— Необдуманное слово? — повторил капитан Уоринг. — Джентльмен говорит другому джентльмену, что положит его поперек колена и выпорет, а вы называете это необдуманными словами? Позвольте сообщить вам, сэр, что скажи мне кто-нибудь: "Чарльз Уоринг" или "Капитан Уоринг, я положу вас поперек колена и выпорю", — я бы ответил: "Я проткну вас насквозь моим вертелом", и проткнул бы, будь он ростом хоть с Голиафа. Следовательно, вы должны дать удовлетворение мистеру Джорджу Уорингтону. Мистер Гарри, как подобает мужественному юноше, поддержит брата. Это уже двое. Примирение между Грейсом и полковником невозможно. И вот теперь... пусть меня проткнут насквозь! Вы в моем присутствии назвали офицера моего полка — полка Холкетта, сэр! боровом! Боже великий, сэр! Мистер Вашингтон, вы в Виргинии все такие? Прошу извинения, я воздержусь от оскорбительных намеков, как — черт побери! — сам их ни от кого не потерплю! Но, клянусь дьяволом, полковник, позвольте сказать вам, что такого любителя ссор, как вы, я в жизни не видывал. Назвать обессилевшего офицера моего полка... ведь он же обессилел... верно, Грейс? назвать его боровом в моем присутствии! Вы берете свои слова назад, сэр... берете?

— Это что, какой-то дьявольский заговор против меня и вы все в нем участвуете? — крикнул полковник. — Словно пьян я, а не вы, хоть вы все пьяны. Я ничего не беру назад. Я ни в чем не извиняюсь. Черт побери! Я готов драться, будь вас хоть дюжина — молодых и старых, пьяных и трезвых.

— Я не желаю выслушивать новых оскорблений, — воскликнул мистер Джордж Уорингтон. — Мы можем обо всем условиться, сэр, и без дальнейших поношений с вашей стороны. Когда вам угодно будет встретиться со мной?

— Чем скорее, тем лучше, сэр, — вскричал полковник вне себя от ярости.

— Чем скорее, тем лучше, — громко икнув, заявил капитан Грейс и, разразившись проклятиями, которые незачем здесь воспроизводить (в те дни проклятия были необходимым украшением речи любого джентльмена), он с трудом встал со стула, шатаясь, побрел к своей шпаге, которую оставил у дверей, взял ее и тут же упал навзничь.

— Чем скорее, тем лучше! — провозгласил с пола злополучный пьяница и, взмахнув своим оружием, нахлобучил шляпу себе на глаза.

— Этот джентльмен, во всяком случае, может подождать до утра, —

сказал полковник милиции, оборачиваясь ко второму королевскому офицеру. — Едва ли вы будете настаивать, чтобы ваш друг дрался сегодня, капитан Уоринг?

— Признаюсь, его рука, как и моя, сейчас не особенно тверда, — сказал капитан Уоринг.

— Зато моя тверда, — крикнул мистер Уорингтон, свирепо глядя на своего врага.

Его былой друг был полон такой же злобы и нетерпения.

— Хорошо! Какое оружие вы выбираете, сэр? — сурово спросил Вашингтон.

— Только не шпагу, полковник. Фехтуем мы лучше, чем вы. Это вам известно по нашим учебным поединкам. Лучше пусть будут пистолеты.

— Как вам угодно, Джордж Уорингтон... И да простит вас бог, Джордж, бог тебя прости, Гарри, за то, что вы втянули меня в эту ссору, — сказал полковник мрачно и с глубокой печалью.

Гарри понурил голову, но Джордж ответил с полной невозмутимостью:

— Я, сэр? Но ведь не я сыпал оскорблениями, не я говорил о порке, не я оскорбил джентльмена в публичном месте и в присутствии офицеров его величества. И вы не в первый раз изволили считать меня негром и говорить о порке.

Полковник вздрогнул и покраснел, словно пораженный внезапным воспоминанием.

— Боже великий, Джордж! Неужели вы все еще не забыли эту детскую обиду?

— Кто сделал вас каслвудским надсмотрщиком? — спросил юноша, скрежеща зубами. — Я не ваш раб, Джордж Вашингтон, и никогда им не буду. Я ненавижу вас тогда и ненавижу теперь. Вы оскорбили меня, а я джентльмен, и вы тоже джентльмен. Разве этого недостаточно?

— Более чем достаточно, — сказал полковник с выражением искреннего горя. — И ты тоже таил на меня злобу, Гарри? От тебя я этого не ждал.

108

— Я с братом, — ответил Гарри, отворачиваясь, чтобы избежать взгляда полковника, и крепко сжал руку Джорджа.

Лицо их противника оставалось по-прежнему грустным.

— Да смилуется над нами небо! Теперь все ясно, — пробормотал он как бы про себя. — Дайте мне время написать несколько писем, и я к вашим услугам, мистер Уорингтон, — произнес он громко.

— Ваши пистолеты у вас в седельной сумке. Я своих не взял и сейчас

пошлю за ними Сейди. Этого времени вам будет достаточно, полковник Вашингтон?

— О, вполне, сэр.

Джентльмены низко поклонились друг другу, и Джордж, взяв брата под руку, удалился. Виргинский полковник посмотрел на злополучных офицеров, которые к этому времени оказались уже в полной власти винных паров. Капитан Бенсон, владеец харчевни, нагнувшись над одним из них, накрывал его лицо шляпой.

— Их винить все же нельзя, полковник, — сказал трактирщик с угрюмой усмешкой. — Сегодня утром Джек Файрбрейс и Том Хамболд из Спотсильвании пробовали тут продать им лошадей. А после Джек и Том уговорили их перекинуться в картишки — и они проиграли, английские капитаны то есть. Тут Джек и Том вызвали их на состязание — пить за Старую Англию; и в этой игре они тоже нельзя сказать, чтобы победили. Люди они добрые и щедрые, когда трезвые, но дураки, тут уж не поспоришь.

— Капитан Бенсон, вы сражались с индейцами и были офицером нашей милиции, прежде чем стали фермером и завели трактир. Не согласитесь ли вы быть моим секундантом в этом деле с молодыми джентльменами?

— Я пригляжу, чтобы все было по-честному, полковник. А сверх этого я ни во что вмешиваться не хочу. Госпожа Эсмонд мне часто помогала, ухаживала за моей бедной женой во время родов и пользовала нашу Бетти от лихорадки. Вы ведь обойдетесь с этими бедными ребятками помягче? Оно правда, я видел, как они стреляют: белокурый, не мне вам говорить, хороший охотник, ну, а старший без промаха попадает в туза пик.

— Будьте так любезны, капитан, скажите моему слуге, в какую свободную комнату он может отнести мой чемодан. Я должен успеть написать до поединка несколько писем. Молю бога, чтобы все кончилось благополучно! И капитан провел полковника в одну из двух комнат своего жилья, с ругательствами выгнав из нее ораву чернокожих слуг, которые громко там разговаривали, без сомнения, обсуждая недавнюю ссору. Эдвин, слуга полковника, вернулся с портпледом своего господина, и тот, взглянув в окно, увидел, как Сейди, негр Джорджа Уорингтона, поскакал в направлении Каслвуда, — несомненно, выполняя поручение своего юного хозяина. Полковник, человек, несмотря на свою молодость и природную вспыльчивость, чрезвычайно благовоспитанный и щепетильный, привыкший неизменно сдерживать свои страсти, с большим изумлением обдумывал положение, в котором он внезапно очутился, когда три, а может

быть, и четыре врага готовы были посягнуть на его жизнь. Каким образом вспыхнули эти ссоры? Всего несколько часов назад он выехал из Каслвуда со своими юными спутниками, и между ними, казалось, царил дух дружбы. Внезапный ливень заставляет их укрыться в трактире, где они оказываются в обществе двух офицеров-вербовщиков, и не проходит и получаса, как он успевает рассориться со всеми присутствующими, оскорбляет одного, принимает вызов другого и грозит поркой третьему — сыну женщины, чья дружба ему так дорога!

Глава XI

в которой два Джорджа готовятся к кровопролитию

Пока виргинский полковник был занят мрачными приготовлениями к поединку в одной из двух комнат трактира, в другой его противник, также решивший сделать последние распоряжения, диктовал своему послушному брату и секретарю чрезвычайно велеречивое письмо к их матери, с которой он в этом послании торжественно прощался. Он высказал предположение, что она навряд ли "осуществит свои нынешние планы" (в слова "нынешние планы" был вложен жгучий сарказм) после того, что произойдет в это утро, если он падет мертвым, как скорее всего и случится.

— Милый, милый Джордж, не говори так! — воскликнул перепуганный секретарь.

— "Как скорее всего и случится", — величественно повторил Джордж. — Ты ведь знаешь, Гарри, что полковник Джордж — превосходный стрелок. И я сам стреляю неплохо. Вот почему нам обоим — и уж несомненно одному из нас наверное суждена гибель. "Я полагаю, что вы откажетесь от своих нынешних намерений", — эту фразу Джордж произнес с еще большей горечью, нежели предыдущую. Гарри, пока писал ее, не мог удержаться от слез. — Как видишь, я ничего не сказал. Имя госпожи Эсмонд в нашей ссоре никак не упоминалось. Помнишь, в своем жизнеописании наш дед рассказывает, как лорд Каслвуд дрался с лордом Мохэном якобы из-за недоразумения за карточным столом? И не допустил ни малейшего намека на имя дамы, которая была истинной причиной дуэли? Признаюсь, Гарри, я взял за образец именно этот случай. Наша мать ничем не будет скомпрометирована... Дитя мое, что ты написал? У кого ты научился делать такие ошибки?

Гарри вместо "планы" написал "нлаы", а мокрое соленое пятно, оставленное слезой, капнувшей из его детских простодушных глаз, возможно, уничтожило и еще какие-нибудь погрешности правописания.

— Не могу я, Джордж, думать сейчас о том, как пишутся слова, всхлипывая, пробормотал писец Джорджа. — Мне слишком тяжело. И я начинаю думать, что, может быть, все это чепуха, может быть, полковник Джордж вовсе и не помышлял...

— Не помышлял стать хозяином Каслвуда, не держался с нами высокомерно и снисходительно под нашим же кровом, не советовал матушке высечь меня, не собирался жениться на ней, не оскорблял меня в

присутствии королевских офицеров и не был оскорблен мною, не писал своему брату, что его отеческая опека будет нам очень полезна? Этот листок вот тут, — воскликнул молодой человек, хлопнув себя по грудному карману, — и если со мной что-нибудь случится, Гарри Уорингтон, ты найдешь его на моем бездыханном трупе!

— Пиши сам, Джорджи, а я не могу! — ответил Гарри, прижимая кулаки к глазам и размазывая локтем пресловутое письмо со всеми его ошибками.

Джордж, взяв чистый лист, уселся на место брата и сочинил послание, которое уснастил наидлиннейшими словами, великолепнейшими латинскими цитатами и глубочайшими сарказмами, на которые был великий, мастер.

Он изъявлял желание, чтобы его лакей Сейди был отпущен на свободу, чтобы его Гораций был отдан его любимому наставнику мистеру Демпстеру, а также и другие книги, какие тот выберет, и чтобы ему, если возможно, была назначена приличная пенсия; далее он просил, чтобы его серебряный фруктовый ножик, ноты и клавесин были отданы маленькой Фанни Маунтин и чтобы его брат срезал прядь его волос и всегда носил ее при себе в память о своем любящем и неизменно к нему расположенном Джордже. И он запечатал этот документ гербовой печаткой, некогда принадлежавшей его деду.

— Эти часы, разумеется, перейдут к тебе, — сказал Джордж, доставая золотые часы деда и глядя на циферблат. — Как, прошло уже два с половиной часа? Пора бы уже Сейди вернуться с пистолетами. Возьми часы, милый Гарри!

— К чему? — вскричал Гарри, обнимая брата. — Если он будет драться с тобой, то я тоже буду с ним драться. Если он убьет моего Джорджи, будь он... ему придется стрелять и в меня! — Бедный юноша употребил тут несколько тех выражений, которые, как говорят, особенно огорчают ангелов в небесных канцеляриях, когда им приходится записывать их в книги.

Тем временем новый адъютант генерала Брэдока своим обычным крупным и решительным почерком написал пять писем и запечатал их своей печаткой. Одно было адресовано его матери в Маунт-Вернон, другое брату; на третьем стояли только инициалы "М. К.". Еще одно предназначалось его превосходительству генералу Брэдоку, "а одно, молодые люди, написано вашей маменьке, госпоже Эсмонд", — сообщил юношам тот, от кого они получили эти сведения.

И вновь ангелу пришлось умчаться ввысь с несдержанными

выражениями, которые на сей раз сорвались с губ Джорджа Уорингтона. Вышеупомянутая канцелярия была перегружена подобными делами, и вестники, несомненно, летали без передышки. Боюсь, однако, что для юного Джорджа и его проклятия никаких оправданий найти нельзя, ибо это проклятие родилось в сердце, исполненном ненависти, бешенства и ревности.

О занятиях полковника юноши узнали от трактирщика. Капитан Е честь такого случая облачился в свой старый милицейский мундир и сообщил братьям, что полковник прогуливается по саду и ждет их, а армейцы почти совсем протрезвились.

Участок земли, прилегавший к бревенчатой хижине капитана, был обнесен изгородью из жердей и расчищен под огород; там-то и расхаживал полковник Вашингтон, заложив руки за спину и опустив голову, а на его красивом лице была написана глубокая печаль. За изгородью, глаза на него, толпились чернокожие слуги. Офицеры на веранде действительно проснулись, как и говорил трактирщик. Капитан Уоринг почти совсем твердым шагом прогуливался под навесом веранды вдоль стены, а капитан Грейс перевесился через перила, старательно тараща мутные глаза. Трактир Бенсона был излюбленным местом петушинных боев, конских скачек, боксерских и борцовских состязаний, на которые собирались все окрестные жители. В трактире Бенсона случалось немало ссор, и люди, явившиеся туда здоровыми и трезвыми, нередко покидали это заведение со сломанными ребрами и выбитыми глазами. В таких забавах принимали участие и помещики, и фермеры, и негры.

Итак, возле этого трактира ходил взад и вперед высокий молодой полковник, погруженный в тягостные размышления. Исход этого неприятного происшествия мог быть только один — тот жестокий исход, которого требовали законы чести и обычаи страны. Не стерпев наглых выходок мальчишки, он в ярости употребил оскорбительные слова. Молодой человек потребовал удовлетворения. Ему было тягостно думать, что Джордж Уорингтон мог так долго таить злобу и жажду мести, однако зачинщиком оказался сам полковник, и ему приходилось за это расплачиваться.

Вдруг вдалеке раздались вопли и гиканье (негры, вообще обожающие всякий шум, особенно любят орать во всю глотку, когда скачут на лошади), и все головы, курчавые и напудренные, повернулись в ту сторону, откуда доносились эти пронзительные звуки. А доносились они со стороны дороги, по которой за три часа до этого к трактиру подъехали наши молодые люди; вскоре послышался топот копыт, на взмыленном коне

появился мистер Сейди и даже выпалил в воздух из пистолета под оглушительный рев своих чернокожих собратьев. Затем он выстрелил и из другого пистолета, но его лошадь, не раз возившая Гарри Уорингтона на охоту, давно привыкла к пальбе. Вот он влетел во двор, где вокруг него тотчас столпилось человек двадцать громко вопящих негров, и, спешившись среди мечущихся кур и индеек, брыкающихся лошадей и обезумевших, визжащих свиней, тут же начал болтать с приятелями.

— Эй, Сейди, немедленно сюда! — рывкает мистер Гарри.

— Сейди, иди сюда! Черт бы тебя побрал! — кричит мистер Джордж (вновь находится дело ангелу, ведущему запись грехов, и он должен снова отправляться в один из своих бесчисленных полетов в Небесный Архив).

— Сейчас, масса, — отвечает Сейди и продолжает беседовать со своими курчавыми собратьями. Он ухмыляется. Он вновь достает пистолеты из седельных сумок. Он щелкает курками. Он наводит пистолет на поросенка, который опрометью мчится через двор. Он наводит пистолет на дорогу, по которой только что прискакал сюда, и курчавые головы вновь поворачиваются в ту же сторону. Он повторяет: — Сейчас, масса! Сейчас все здесь будут.

И вот с дороги вновь доносится стук копыт. Кто это там скачет? Щупленький мистер Демпстер шпорит и бьет каблуками свою низкорослую лошадь. А что это за дама в амазонке торопит кобылку госпожи Эсмонд? Неужели сама госпожа Эсмонд? Нет, она слишком дородна. Клянусь жизнью, это миссис Маунтин на серой кобыле своей хозяйки!

— Хвала господу! Ура! Вот они! Ура! И хор негров подхватывает:

— Бот они!

Мистер Демпстер и миссис Маунтин уже въехали во двор, уже спешили, проложили себе путь через толпу негров, кинулись в дом, пробежали по коридору на веранду, где в тупом недоумении сидят английские офицеры, сбегали по ступенькам в огород, где теперь в стороне от своего высокого противника расхаживают Джордж и Гарри, и Джордж Уорингтон не успевает сурово осведомиться: "Что вы тут делаете, сударыня?" — как миссис Маунтин бросается ему на шею и кричит:

— Ах, Джордж, голубчик мой! Это ошибка! Ошибка! Это я во всем виновата!

— Какая ошибка? — спрашивает Джордж, величественно высвобождаясь из ее объятий.

— В чем дело, Маунти? — восклицает Гарри, весь дрожа.

— Этот листок, который я вынула из его бювара... этот листок,

который я подобрала, дети! Где полковник пишет, что хочет жениться на вдове с двумя детьми. Кто это мог быть, как не вы, дети? И кто, как не ваша мать?

— И что же?

— Только это... это не ваша мать. Полковник женится на вдовушке Кертис. Он подыскал себе богатую невесту. Я всегда говорила, что так и будет. Он женится не на миссис Рэйчел Уорингтон. Он ей все сказал сегодня перед отъездом, и сказал, что свадьба будет после войны. И... и ваша маменька вне себя, мальчики. А когда Сейди приехал за пистолетами и рассказал всему дому, что вы собираетесь драться, я велела ему разрядить пистолеты и поскакала вслед за ним и чуть не переломала все свои старые кости, торопясь к вам.

— Я, пожалуй, переломаю кости мистеру Сейди, — грозно заявил Джордж. Я ведь предупреждал негодяя, чтобы он молчал!

— Слава богу, что он не послушался! — сказал бедняга Гарри. — Слава богу!

— А что подумает мистер Вашингтон и господа офицеры, когда узнают, как мой слуга оповестил мою мать, что я собираюсь драться на дуэли? — спросил мистер Джордж в сильнейшем гневе.

— Ты уже доказал свое мужество, Джордж, — почтительно заметил Гарри, и благодарение богу, что тебе не надо драться с нашим старинным другом... с другом нашего детства. Ведь это же была ошибка, и теперь вам не из-за чего ссориться, верно, милый? Ты был сердит на него, потому что заблуждался.

— Да, конечно, я заблуждался, — признал Джордж. — Однако...

— Джордж! Джордж Вашингтон! — кричит Гарри и, перепрыгнув через грядку капусты, бросается на лужайку для игры в шары, по которой расхаживает полковник. Нам не слышно, что он говорит, но мы видим, как он радостно, со всем юношеским пылом протягивает другу обе руки, и можем без труда вообразить, с какой нежностью и любовью в голосе, путаясь и перебивая сам себя, он объясняет происшедшее недоразумение.

В те дни еще существовал обычай, ныне совсем вышедший из употребления: когда Гарри закончил свой безыскусственный рассказ, его друг полковник горячо обнял юношу и прижал к сердцу, прерывающимся голосом произнося:

— Благодарение богу, благодарение богу!

— Ах, Джордж, — сказал Гарри, который теперь почувствовал, что любит своего друга всем сердцем, — как мне хотелось бы отправиться с вами в этот поход!

Полковник сжал обе его руки в знак дружбы, которой, как знали они оба, не суждено будет остыть.

Затем полковник направился к старшему брату Гарри и протянул ему руку. Возможно, Гарри удивился, почему они не обнялись, как только что обнялся с полковником он сам. Однако, хотя они и обменялись рукопожатием, оно было холодным и официальным с обеих сторон.

— Оказалось, что я дурно подумал о вас, полковник Вашингтон, — сказал Джордж, — и должен принести извинения — не за ошибку, а за мое поведение в последние дни, которое было этой ошибкой вызвано.

— Это я ошиблась! Это я нашла листок в вашей комнате, полковник, и показала его Джорджу, и ревновала к вам. Ведь все женщины ревнивы, вскричала миссис Маунтин.

— Очень жаль, что вы не могли удержаться от того, чтобы не заглянуть в мое письмо, сударыня, — ответил мистер Вашингтон. — Вы вынуждаете меня сказать вам это. Сколько бед произошло только из-за того, что я хранил тайну, касавшуюся лишь меня и еще одной особы! Долгое время Джордж Уорингтон питал ко мне ненависть, и, признаюсь, мои чувства к нему были ненамного более дружественными. Мы оба могли бы избежать этих страданий, если бы мои частные письма читали только те, кому они предназначались. Больше я ничего не скажу, так как слишком взволнован и могу наговорить лишнего. Господь да благословит тебя, Гарри! Прощайте, Джордж! И примите совет искреннего друга: попытайтесь впредь не столь поспешно верить дурному о своих друзьях. Мы встретимся в лагере, но оружие свое сбережем для врага. Господа, если вы завтра не забудете о том, что произошло, то вы знаете, где меня можно найти. — И, с большим достоинством поклонившись английским офицерам, полковник покинул смущенное общество. Вскоре он уже ехал своим путем.

Глава XII

Вести из лагеря

Вообразим, что братья уже распрощались, что Джордж занял свое место в свите генерала Брэддока, а Гарри, исполняя свой долг, вернулся в Каслвуд. Но сердце его отдано армии, и домашние занятия не доставляют ему ни малейшей радости. Он даже себе не признается, как тяжело ему оставаться под тихим родным кровом, который после отъезда Джорджа стал совсем унылым. Проходя мимо опустевшей комнаты Джорджа, Гарри отворачивает лицо; он занимает место Джорджа во главе стола и вздыхает, поднося к губам серебряную кружку. Госпожа Уорингтон каждый день неизменно провозглашает тост: "Здоровье короля!" — а по воскресеньям, когда Гарри во время домашнего богослужения доходит до молитвы о всех плавающих и путешествующих, она произносит: "Услыши нас, господи!" — с особой торжественностью. Она постоянно говорит о Джордже, и всегда весело, как будто в его благополучном возвращении нельзя даже сомневаться. Она входит в его пустую комнату с высоко поднятой головой и без видимых признаков волнения. Она следит, чтобы его книги, белье, бумаги и другие вещи содержались в полном порядке, говорит о нем с особым почтением, а за столом и в других подходящих случаях указывает старым слугам, что надо будет сделать, "когда мистер Джордж вернется домой". Миссис Маунтин всегда всхлипывает, едва кто-нибудь произносит имя Джорджа, а на лице Гарри лежит печать мучительной тревоги, однако его мать неизменно хранит величавое спокойствие. Правда, играя в пикет или в триктрак, она делает больше ошибок, чем можно было бы ожидать, а слуги, как бы рано они ни вставали, всегда застают ее уже на ногах и одетой. Она уговорила мистера Демпстера вновь поселиться в Каслвуде. Она не строга и не надменна с домашними (как, бесспорно, бывало прежде), а держится с ними мягко и кротко. Она постоянно говорит о своем отце и о походах, из которых он возвращался без серьезных ран, и уповает, что и ее старший сын вернется к ней целый и невредимый.

Джордж часто пишет домой брату, а иногда присылает с оказией и дневник, который начал вести, едва армия выступила. Юноша, которому адресован этот документ, прочитывает его с величайшей жадностью и восторгом, а затем его не раз и не два читают вслух в долгие летние вечера, когда госпожа Эсмонд, выпрямившись, сидит за чайным столиком (она никогда не снисходит до того, чтобы воспользоваться спинкой стула),

маленькая Фанни Маунтин прилежно склоняется над шитьем, мистер Демпстер и миссис Маунтин играют в карты, а старые преданные слуги бесшумно спуют в сумерках и ловят каждое слово, написанное их молодым господином. Послушайте, как Гарри Уорингтон читает вслух письмо брата! Когда мы видим изящные буквы на пожелтевших страницах, сохраненных с такой любовью, а потом забытых, нам начинает казаться, что живы и тот, кто их начертал, и тот, кто первым читал их. И все же их нет, и они словно никогда не жили; их портреты — только неясные образы в потускневших золоченых рамах. Были ли они когда-нибудь живыми людьми, или это лишь призраки, порожденные воображением? Правда ли, что они когда-то жили и умерли? Что они любили друг друга, как нежные братья и истинные джентльмены? Можем ли мы расслышать в далеком прошлом их голоса? Да-да, я различаю голос Гарри — вон он сидит в полумгле теплого летнего вечера и читает безыскусственное повествование своего юного брата:

— "Нельзя не признать, что провинции гнусно пренебрегают своим долгом перед его величеством королем Георгом II, и его представитель в бешенстве. Виргиния ведет себя достаточно неприглядно, бедный Мэриленд — немногим лучше, а Пенсильвания — хуже всех. Мы умоляем прислать нам из отечества войска для войны с французами и обещаем содержать их, если они придут. И мы не только не соблюдаем этого обещания и не поставляем припасов нашим защитникам, но к тому же заламываем неслыханные цены за скот и провизию и даже прямо обманываем солдат, которые явились сюда воевать ради нас же. Не удивительно, что генерал сыплет проклятиями, а армия очень недовольна. Задержкам и промедлениям несть числа. Из-за того, что несколько провинций не поставили обещанного провианта, лошадей и повозок, были потеряны недели и месяцы, а французы, без сомнения, тем временем укрепились на нашей границе и в фортах, откуда они нас выгнали. Хотя мы с полковником Вашингтоном никогда не будем питать друг к другу симпатии, должен признать, что твой любимец (я не ревную, Хел) — храбрый человек и хороший офицер. Здесь он пользуется большим уважением, и генерал постоянно обращается к нему за советом. Разумеется, он тут чуть ли не единственный, кто видел индейцев в боевой раскраске, и, признаюсь, на мой взгляд, он поступил правильно, когда в прошлом году открыл огонь по мосье Жюмонвиллю.

Вторая ссора, завязавшаяся в трактире Бенсона, будет иметь не больше последствий, чем поединок, предполагавшийся между полковником В. и неким молодым джентльменом, который останется неназванным. По прибытии в лагерь капитан Уоринг не хотел оставить дела так и явился от

капитана Грейса с вызовом, который твой друг, в храбрости не уступающий Гектору, полагал принять и потому просил собрата-адъютанта, полковника Уинфилда, быть его секундантом. Но когда Уинфилд узнал все обстоятельства ссоры, узнал, что завязалась она потому, что Грейс был пьян, а разгорелась потому, что Уоринг был сильно навеселе, и что два офицера сорок четвертого полка недостойно оскорбили офицера милиции, он поклялся, что полковник Вашингтон не будет драться с господами из сорок четвертого полка, что он немедленно доложит обо всем его превосходительству, и тот, конечно, отдаст обоих капитанов под суд за стычку в нетрезвом виде с милицией, пьянство и неподобающее поведение, после чего капитаны поторопились утишить свой гнев и вложить свои вертела в ножны. В трезвом же виде они оказались людьми скорее добродушными и с большим аппетитом проглотили свою обиду за обедом, который был дан в знак примирения между полковником В. и офицерами сорок четвертого и во время которого он был так же нелеп и безупречен, как принц Миловид. Черт бы его побрал! У него нет никаких недостатков, и за это-то я его и не люблю. Когда он женится на своей вдовушке... о боже, какую скучную жизнь ей придется вести!"

— Я только дивлюсь вкусу некоторых мужчин и бесстыдству некоторых женщин, — говорит госпожа Эсмонд, ставя свою чашку на столик. — Я дивлюсь, как может женщина, уже бывшая замужем, настолько забытья, чтобы снова вступить в брак. А вы, Маунтин?

— Чудовищно! — восклицает Маунтин с непонятым выражением на лице.

Демпстер не отрывает взгляда от стакана с пуншем. У Гарри такой вид, будто его душит смех или еще какое-то чувство, но тут его мать говорит:

— Продолжай, Гарри! Читай дальше дневник своего брата. Он пишет хорошо, но — ах! — будет ли он когда-нибудь писать, как мой папенька!

Гарри читает:

— "Здесь, в лагере, мы поддерживаем строжайший порядок, за пьянство и за нарушение дисциплины с солдат сурово взыскивают. Поверка в каждой роте проводится утром, в полдень и вечером, ротный передает список отлучившихся или повинных в каких-либо проступках командиру полка, а тот следит, чтобы они были надлежащим образом наказаны. Наказывают солдат, и барабанщики работают без передышки. Ах, Гарри, так тяжело видеть кровь, которая вдруг заливает крепкую белую спину, и слышать жалобные вопли бедняги!"

— Ужасно! — восклицает госпожа Эсмонд.

— "Право, я убил бы Уорда, если бы он меня высек. Слава богу, что он отделался ударом линейки! За солдатами, как я уже говорил, надзор достаточно строгий. О, если бы так же спрашивали и с офицеров! Индейцы только что снялись с лагеря и ушли в великом негодовании, потому что молодые офицеры постоянно пили со скво и... и..." хм... хм... э... — Тут мистер Гарри умолкает, не желая читать дальше — возможно, из-за присутствия малютки Фанни, которая чинно сидит с шитьем возле матери.

— Пропусти то, что он пишет про этих мерзких пьяниц, — приказывает госпожа Эсмонд, и Гарри громким голосом читает гораздо более уместное сообщение:

— "По воскресеньям в каждом полку бывает богослужение у знамени. Генерал делает все, что в человеческих силах, чтобы не допускать мародерства и поощрять местных жителей, доставляющих сюда провиант. Он объявил, что солдаты, которые посмеют чинить помехи или как-либо досаждают тем, кто везет провизию на продажу, будут расстреляны. Он приказал надбавить плату за провиант по пенни на фунт и дает собственные деньги на снабжение лагеря. Короче говоря, наш генерал — весьма противоречивая натура. Он не жалеет для солдат плетей, но не жалеет для них и денег. В разговоре он сыплет чрезвычайно крепкими словечками и рассказывает после обеда истории, которые привели бы в ужас Маунтин..."

— Почему именно меня? — спрашивает Маунтин. — И какое отношение имеют ко мне глупые истории генерала?

— Довольно об историях! Читай дальше, Гарри, — восклицает хозяйка дома.

— "...привели бы в ужас Маунтин, но не пропускает ни одного богослужения. Он обожает своего Великого Герцога и все время о нем говорит. Оба наши полка служили в Шотландии, где, полагаю, мистеру Демпстеру довелось познакомиться с цветом их выпушек..."

— Мы видели фалды их мундиров не реже, чем выпушки, — ворчит щупленький якобит.

— "Полковник Вашингтон перенес сильную лихорадку, и хотя уже оправился, но не настолько, чтобы легко терпеть тяготы походной жизни. Не лучше ли было бы ему вернуться домой, где за ним ухаживала бы его вдовушка? Когда кто-нибудь из нас заболевает, мы становимся почти такими же добрыми друзьями, какими были когда-то. Но у меня такое чувство, словно я не могу простить его за то, что думал о нем дурно. Силы небесные! Как я ненавижу его последние месяцы! Ах, Гарри! Тогда в трактире я был вне себя от гнева, потому что Маунтин явилась слишком

рано и помешала нашему поединку. Нам с ним следовало бы сжечь немного пороха — это очистило бы воздух. Но хотя, в отличие от тебя, я его не люблю, я знаю, что он хороший солдат, хороший офицер и храбрый, честный человек; и, уж во всяком случае, я не питаю к нему зла за то, что он не захотел стать нашим отчимом".

— Отчимом?! — восклицает матушка Гарри. — Ревность и предубеждение совсем затмили рассудок бедного мальчика! Неужели вы думаете, что дочь и наследница маркиза Эсмонда не нашла бы для своих сыновей других отчимов, кроме жалкого провинциального землемера? Если в дневнике Джорджа будут еще подобные намеки, прошу тебя, милый Гарри, пропускай их. Об этом глупом и нелепом заблуждении и так уже было слишком много разговоров.

— "Чудесное зрелище представляют собой солдаты в красных мундирах, продолжал Гарри читать дневник брата, — когда они длинными рядами проходят по лесу или разбивают бивак после дневного марша. Мы так тщательно и бдительно остерегаемся внезапного нападения, что даже индейским лазутчикам не удастся захватить нас врасплох, а наши аванпосты и краснокожие разведчики уже не раз тревожили врага и добыли скальп-другой. Эти французы и их размалеванные союзники такие гнусные негодяи, что мы не намерены давать им пощады. Представь себе, не далее как вчера мы нашли в одинокой хижине маленького мальчика, скальпированного, но еще живого — родители же его были зарезаны кровожадными дикарями; наш генерал был так возмущен этой беспримерной жестокостью, что объявил награду в пять фунтов стерлингов за каждый доставленный индейский скальп.

Видел бы ты, с какой осмотрительностью разбиваем мы лагерь после дневного перехода! Наш обоз, палатки генерала и его эскорт размещаются в самой середине. Мы выставляем аванпосты из двух, трех, десяти человек и целых рот. Им приказано при малейшей тревоге бегом отступать к главным силам и занимать позицию возле палаток и обоза, которые располагаются так, что образуют надежное укрепление. Должен сообщить тебе, что мы с Сейди теперь идем пешком, а лошадей я отдал в обоз. Пенсильванцы прислали нам таких кляч, что они вскоре совсем обессилели. И те, у кого еще оставались хорошие лошади, отдали их, повинувшись долгу: теперь вместо своего молодого хозяина Роксана везет пару вьюков. Она не забывает меня и всегда приветствует тихим ржанием, а я иду рядом с ней, и мы ведем на марше длинные разговоры.

4 июля. Дабы враг не застал нас врасплох, нам приказано внимательно прислушиваться к барабанному бою: останавливаться, если раздастся

частая дробь, и идти вперед под походный марш. Теперь мы еще более бдительно высматриваем врага. Число аванпостов удвоено, и на каждый пост становится двое часовых. Солдаты в аванпостах всю ночь остаются под ружьем, с примкнутым штыком, и сменяются через каждые два часа. Сменившийся караул ложится с оружием, но аванпоста никто не покидает. Мы, несомненно, находимся вблизи вражеских сил. Этот пакет я отправляю вместе с почтой генерала в лагерь полковника Дэнбара, следующего в тридцати милях за нами; оттуда он будет доставлен в Фредерик, а оттуда — в Каслвуд, дом моей досточтимой матери, которой я шлю нижайший поклон вместе с нежными приветами всем нашим друзьям там и моему — мне незачем говорить, насколько горячо — любимому брату, а засим остаюсь неизменно преданный ему Джордж Эсмонд-Уорингтон",

Весь край был теперь опален и иссушен июльской жарой. В течение десяти дней от колонны, уже приближавшейся к реке Огайо, не приходило никаких вестей. Хотя по дремучему лесу они могли продвигаться лишь очень медленно, встреча с врагом ожидалась со дня на день; войска, которые вели опытные командиры, постепенно привыкли к лесной глуши и больше не опасались внезапного нападения. Были приняты все меры, чтобы не попасть в засаду. Наоборот, ловкие разведчики и бдительные дозоры английской армии захватывали врасплох, обращали в бегство и уничтожали вражеские пикеты. По последним сведениям, армия продвинулась далеко за то место, где в предыдущем году потерпел поражение мистер Вашингтон, и через два дня должна была подойти к французскому форту. В том, что он будет взят, никто не сомневался: численность французских подкреплений, присланных из Монреаля, была известна. Мистер Брэддок с двумя полками английских ветеранов и отрядами из Виргинии и Пенсильвании был сильнее любого войска, которое удалось бы собрать под флагом с лилиями.

Так рассуждали в немногочисленных городах нашей провинции Виргинии, в помещичьих домах и в придорожных харчевнях, где окрестные жители толковали про войну. Немногие гонцы, присланные генералом, сообщали об армии только хорошие вести. Никто не сомневался, что враг не сможет ей противостоять и даже не попытается обороняться. Если бы противник думал о нападении, он мог бы воспользоваться десятком удобных случаев, когда наши войска вступали в узкие долины — и, однако, они миновали их беспрепятственно. Так, значит, Джордж, как истый герой, отдал свою любимую кобылу, а сам идет пешком, словно простой солдат? Госпожа Эсмоид поклялась, что взамен Роксаны он получит самого лучшего коня во всей Виргинии или Каролине. В этих провинциях за

деньги можно было купить сколько угодно лошадей. Получить их не удавалось только для королевской службы.

Хотя обитатели Каслвуда, собираясь за столом или коротая вместе вечера, всегда говорили о войне бодро, нисколько не сомневались, что поход может завершиться только блистательной победой, и не позволяли себе выказывать ни малейшей тревоги, все же надо признаться, что наедине с собой они терзались беспокойством и часто покидали дом и объезжали соседей, надеясь узнать какие-нибудь новости. Поразительно, с какой быстротой распространялись любые вести. Когда, например, некий известный пограничный воин, именованный полковником Джеком, хотел отдать в распоряжение главнокомандующего и себя, и своих молодцов, а тот отклонил условия негодя, как и его услуги, а фронт, который потерпел Джек и его отряд, тотчас же стал известен повсюду и обсуждался тысячами языков. Дворовые негры, отправляясь в свои полуночные прогулки в поисках пирушки или дамы сердца, разносили новости удивительно далеко. В течение двух недель после выступления они неведомо откуда узнавали все подробности похода. Им было известно, как надували армию поставщики лошадей, провианта и прочего, и они весело хохотали над этими историями; ибо нью-йоркцы, пенсильванцы и мэрилендцы были очень не прочь провести чужака с выгодой для себя, хотя, как всем известно, в дальнейшем американцы стали удивительно простодушным и бесхитростным народом и теперь никогда ничего не захватывают, не присваивают и вовсе не знают, что такое эгоизм. В течение трех недель после выступления армии все тысячи поступавших от нее вестей были самого ободряющего свойства, и, встречаясь за ужином, наши каслвудские друзья были веселы и обменивались только приятными новостями.

Однако 10 июля провинцию внезапно охватило глубочайшее уныние. На каждое лицо, казалось, пала тень сомнения и ужаса. Перепуганные негры боязливо поглядывали на своих господ, прятались по углам и о чем-то шептались и шушукались. Скрипки в хижинах веселого чернокожего племени умолкли: там больше не пели и не смеялись. Помещики рассылали слуг направо и налево в чаянии новостей. Придорожные харчевни были забиты верховыми, которые пили, ругались и ссорились у стоек, и каждый рассказывал историю одна мрачнее другой. Армию захватили врасплох. Войска попали в засаду, и их вырезали почти до последнего человека. Всех офицеров убили французские стрелки и краснокожие дикари. Генерал был ранен, и его унесли с поля сражения на его собственном шарфе. Четыре дня спустя говорили, что генерал убит и скальпирован французскими индейцами.

О, как закричала бедная миссис Маунтин, когда Гамбо привез эту весть с другого берега реки Джеймс, и малютка Фанни с плачем бросилась в объятия матери!

— Боже всемогущий, смилуйся над нами, спаси моего мальчика! — сказала миссис Эсмонд, падая на колени и простирая к небесам стиснутые руки. Когда прибыло это известие, мужчины отсутствовали, уехав, как обычно, за новостями, но они вернулись часа через два. Старый гувернер не решался поднять голову, избегая горестного взгляда вдовы. Гарри Уорингтон был так же бледен, как его мать. Возможно, подробности гибели генерала были и неверны, но сомневаться в его смерти не приходится. Индейцы напали на армию врасплох, солдаты обратились в бегство, но их повсюду настигала смерть, а они даже не видели врага. Из лагеря Дэнбара прибыла эстафета. Туда стекаются беглецы. Поехать ему и узнать? Да, пусть поедет и узнает.

Гарри и мистер Демпстер вооружились и ускакали в сопровождении двух слуг.

Они поехали на север по дороге, которую проложила для себя экспедиционная армия, и с каждым шагом, приближавшим их к месту сражения, несчастья рокового дня представлялись все более ужасающими. На следующий день после поражения первая горстка уцелевших в этой злосчастной битве, разыгравшейся 9 июля, добралась до лагеря Дэнбара в пятидесяти милях от поля сражения. Туда же направились бедняга Гарри и его спутник, останавливая всех встречных, расспрашивая, раздавая деньги и выслушивая от всех и каждого одну и ту же мрачную повесть: тысяча убитых... пало две трети офицеров... все адъютанты генерала ранены. Ранены? Но не убиты? Тот, кто оказывался на земле, уже не поднимался. Томагавки не щадили никого. О, брат, брат! Гарри с невыносимой мукой вспоминал все счастливые дни их юности, все радости их детства, взаимную нежную любовь, смех, романтические клятвы верности, которые они давали друг другу мальчиками. Раненые солдаты глядели на него и сострадали его горю; грубые женщины преисполнились нежности при виде печали, искажившей юное красивое лицо. Суровый старый наставник не мог смотреть на него без слез и скорбел о его горе даже больше, чем о гибели своего любимого ученика, сраженного ножом дикаря-индейца.

Глава XIII

Тщетные поиски

По мере того как Гарри Уорингтон приближался к Пенсильвании, подтверждались самые мрачные известия о поражении англичан. Два знаменитых полка, отличившиеся в Шотландии и на континенте, бежали от почти невидимого врага и, несмотря на свою хваленую доблесть и дисциплину, не смогли противостоять шайке дикарей и горстке французской пехоты. Их злополучный командир выказал в сражении величайшую храбрость и решимость. Четыре раза под ним убивали лошадь. Дважды он был ранен — вторая рана оказалась смертельной, и он скончался три дня спустя. Бедный юноша вновь и вновь выслушивал описание битвы от ее участников — как они перешли реку, как авангард, растянувшись, углубился в лесные дебри, как впереди раздались выстрелы, как тщетно пыталась пехота продвинуться вперед, а артиллерия очистить путь от врага; а потом — залпы со всех сторон, из-за каждого дерева и куста, смертоносная пальба, уложившая по меньшей мере половину экспедиционных сил. Но Гарри узнал также, что кое-кто из свиты генерала уцелел. Один из его адъютантов, виргинский джентльмен, полумертвый от изнурения, лежит в лихорадке в лагере Дэнбара.

Один из них — но кто? Гарри поспешил в лагерь. Но там в палатке он нашел больного Джорджа Вашингтона, а не своего брата. По словам мистера Вашингтона, страдания, причиняемые ему лихорадкой, были пустяками в сравнении с тон болью, которую он ощутил, когда увидел Гарри Уорингтона и ничего не мог сообщить ему о Джордже.

Мистер Вашингтон не решился рассказать Гарри всю правду. После сражения долг обязывал его оставаться возле генерала. В роковой день 9 июля он видел, как Джордж поскакал в авангард с приказом своего начальника, к которому он больше не вернулся. Три дня спустя, после смерти Брэздока, его адъютант нашел способ вернуться на поле битвы. Лежавшие там трупы были раздеты и страшно обезображены. Ему показалось, что в одном мертвце он узнал Джорджа Уорингтона, и он предал тело земле. Его старый недуг усилился, а быть может, и вспыхнул вновь из-за тех душевных мук, которые он испытывал, разыскивая несчастного юного добровольца.

— Ах, Джордж! Если бы вы любили его, вы бы нашли его живым или мертвым! — вскричал Гарри.

Он не мог успокоиться, пока сам не отправился к месту боя, чтобы тщательно его осмотреть. Деньги помогли ему подыскать двух проводников. Он перебрался через реку там же, где это сделала армия, и из конца в конец прошел страшное поле. Индейцы там уже больше не появлялись. Только стервятники терзали изуродованные гниющие тела. До этих пор Гарри видел лик Смерти только один раз — но его дед лежал в гробу в величавом покое, с безмятежной улыбкой на губах. Ужасное зрелище поруганных трупов заставило его отвернуться с дрожью отвращения. Что могли эти пустынные леса и разлагающиеся мертвецы поведать юноше о его пропавшем брате? Он собирался с белым флагом отправиться без оружия во французский форт, куда после победы удалился враг, но проводники отказались идти с ним. Французы могли бы отнестись к белому флагу с уважением, но индейцы, безусловно, не обратят на него никакого внимания. "Сохраните свои волосы для миледи вашей матери, молодой человек, — сказал проводник. — Достаточно и того, что она потеряла на этой войне одного сына".

Когда Гарри вернулся в лагерь Дэнбара, настал его черед заболеть лихорадкой, и он в бреду лежал в той же самой палатке и на той же самой постели, с которой только что поднялся его выздоравливающий друг. Несколько дней он не узнавал тех, кто ухаживал за ним, и бедный Демпстер, который не раз вылечивал его прежде, начинал уже опасаться, что вдове суждено потерять обоих ее сыновей; однако лихорадка все же утихла, и юноша настолько оправился, что мог сесть на лошадь. С ним поехал не только мистер Демпстер, но и мистер Вашингтон. Без сомнения, у всех троих горестно сжалось сердце, когда они вновь увидели ворота Каслвуда.

Они послали вперед слугу известить о своем прибытии. Первыми их встретили миссис Маунтин и ее дочка; проливая слезы, они бросились обнимать Гарри, но мистеру Вашингтону мать еле кивнула, а девочка заставила молодого офицера вздрогнуть и смертельно побледнеть, она подошла к нему, заложив руки за спину, и спросила:

— Почему вы не привезли домой и Джорджа? Гарри этого не слышал. К счастью, рыдания и поцелуи

его заботливого друга и нянюшки заглушили слова малютки Фанни.

Мистера Демпстера обе они приветствовали с чрезвычайной любезностью.

— Мы знаем, вы, мистер Демпстер, во всяком случае, сделали все, что можно было сделать, — сказала миссис Маунтин, протягивая ему руку. — Сделай реверанс мистеру Демпстеру, Фанни, и помни, дитя мое, что ты

должна быть благодарна всем, кто доказал свою дружбу к нашим благодетелям. Быть может, вам угодно перекусить перед дорогой, полковник Вашингтон?

Мистер Вашингтон уже проделал в тот день значительный путь и не сомневался, что найдет в Каслвуде столь же радушный прием, как и под собственной кровлей.

— Несколько минут, чтобы покормить мою лошадь, стакан воды для меня, и я более не стану злоупотреблять гостеприимством Каслвуда, — сказал мистер Вашингтон.

— Джордж, но ведь вас ждет здесь ваша комната, и матушка, наверное, сейчас наверху готовит ее, — воскликнул Гарри. — Ваша бедная лошадь то и дело спотыкается — вы не можете сегодня ехать дальше.

— Тсс, дитя мое! Твоя матушка не хочет его видеть, — прошептала миссис Маунтин.

— Не хочет видеть Джорджа? Но ведь он у нас в доме как родной, — сказал Гарри.

— Им лучше не встречаться. Я больше не вмешиваюсь в ваши семейные дела, дитя мое, но когда прискакал слуга полковника и предупредил, что вы скоро будете, госпожа Эсмонд вышла из комнаты, где читала "Дрелинкорта", и сказала, что она не в силах видеть мистера Вашингтона. Ты не пройдешь к ней?

Гарри извинился перед полковником, сказав, что сию же минуту вернется к нему, вышел из гостиной, где происходил этот разговор, и поднялся по лестнице.

Он торопливо шел по коридору и, поравнявшись с одной из дверей, отвернулся — ему было тяжело смотреть на нее, ибо она вела в комнату его брата, но из нее вдруг вышла госпожа Эсмонд и, нежно прижав его к сердцу, провела внутрь. Возле кровати стояла кушетка, на покрывале лежал псалтырь. Все же прочее оставалось точно в том же виде, как перед отъездом Джорджа.

— Мой бедный мальчик! Как ты исхудал, какой у тебя изможденный вид! Ну, ничего. Материнские заботы вернут тебе здоровье. Ты поступил благородно, когда, пренебрегая болезнью и опасностями, отправился на поиски брата. Будь и другие так же верны, как ты, он мог бы теперь быть здесь, с нами. Но ничего, милый Гарри, наш герой вернется к нам — я знаю, что он жив. Он был так хорош, так храбр, так нежен душой и так умен, что мы не могли его лишиться, я это знаю. (Быть может, Гарри подумал, что его матушка прежде отзывалась о своем старшем сыне несколько иначе.) Осуши слезы, мой дорогой! Он вернется к нам, я знаю,

он вернется.

Когда Гарри стал расспрашивать, чем порождена ее уверенность, она объяснила, что две ночи кряду видела во сне отца, и он сказал ей, что ее мальчик находится в плену у индейцев.

Горе не ошеломило госпожу Эсмонд, как оно ошеломило Гарри, когда он впервые услышал страшную весть; наоборот, оно словно разбудило ее и одушевило — ее глаза сверкали, на лице были написаны гнев и жажда мести. Юноша был даже поражен состоянием, в котором застал мать.

Однако когда он попросил госпожу Эсмонд сойти вниз к Джорджу Вашингтону, который проводил его домой, ее возбуждение еще больше возросло. Она объявила, что не вынесет прикосновения его руки. Она сказала, что мистер Вашингтон отнял у нее сына и она не сможет спать под одной с ним крышей.

— Он уступил мне свою постель, матушка, когда я заболел, а если наш Джордж жив, то как мог Джордж Вашингтон оказаться повинным в его смерти? Дай бог, чтобы это действительно было так, как вы говорите, — восклицал Гарри в полной растерянности.

— Если твой брат вернется, — а вернется он непременно, — то не благодаря мистеру Вашингтону, — ответила госпожа Эсмонд. — Он не оберегал Джорджа на поле боя и не захотел увести его оттуда.

— Но он выходил меня, когда я заболел лихорадкой! — перебил Гарри. — Он сам был еще болен, когда уступил мне свою постель; он заботился о своем друге, хотя любой человек на его месте думал бы только о себе.

— Друг! Прекрасный друг, нечего сказать! — вспыхнула вдова. — Из всех адъютантов его превосходительства только этот господин остался цел и невредим. Благородные и доблестные пали, а он, разумеется, не был даже ранен. Я доверила ему моего сына, гордость моей жизни, которого он поклялся оберегать, даже если это будет стоить ему жизни, лжец! И он бросает моего Джорджа в лесу, а мне возвращает самого себя! О, конечно, я должна встретить его с распростертыми объятиями!

— Никогда еще ни одному джентльмену не отказывали в гостеприимстве под кровом моего деда! — горячо воскликнул Гарри.

— Да, ни одному джентльмену! — вскричала миниатюрная дама. — Что же, спустимся вниз, если ты так желаешь, мой сын, чтобы приветствовать этого джентльмена. Дай я обопрюсь о твою руку. — И, опершись на руку, которая была слишком слаба, чтобы служить ей надежной поддержкой, она спустилась по широкой лестнице и прошествовала в комнату, где сидел полковник.

Она сделала церемонный реверанс и, протянув ему маленькую ручку,

почти тотчас ее отдернула.

— Я хотела бы, чтобы наша встреча произошла при более счастливых обстоятельствах, полковник Вашингтон, — сказала она.

— Вы не можете более меня печаловаться, сударыня, что это не так.

— Я предпочла бы, чтобы этой встречи не было и я не задерживала бы вас вдали от общества ваших друзей, которых вы, натурально, стремитесь увидеть поскорей, — чтобы недуг моего сына не отсрочил вашего возвращения к ним. Домашняя жизнь, его заботливая сиделка миссис Маунтин, его мать и наш добрый доктор Демпстер скоро вернут ему здоровье. И вам, полковник, человеку столь занятому делами и военными и семейными, право, не стоило становиться еще и врачом.

— Гарри был болен и слаб, и я думал, что мой долг — проводить его, растерянно произнес полковник.

— Вы сами, сэр, поистине удивительно перенесли труды и опасности похода, — сказала вдова с новым реверансом, глядя на него непроницаемыми черными глазами.

— Клянусь небом, сударыня, я был бы рад, если бы вместо меня вернулся кто-то другой.

— О нет, сэр! Вы связаны узами, делающими вашу жизнь особенно драгоценной и желанной для вас, и вас ждут обязанности, которые, я знаю, вам не терпится возложить на себя. В нашей унынии, когда нас гнетут неуверенность и горе, Каслвуд не может быть приятным местом для чужого человека, и еще менее — для вас, а потому я знаю, сэр, что вы недолго у нас пробудете. И вы простите меня, если мое душевное состояние не позволит мне выходить из моей комнаты. Однако мои друзья составят вам компанию на все то время, которое вам будет угодно оставаться под нашим кровом, пока я буду выхаживать моего бедного Гарри наверху. Маунтин! Приготовьте кедровую спальню на первом этаже для мистера Вашингтона, все, что есть в доме, — к его услугам. Прощайте, сэр. Поздравьте от меня вашу матушку — она будет счастлива, что ее сын вернулся с войны целым и невредимым; кланяйтесь от меня и моему молодому другу, любезной Марте Кертис: и ей и ее детям я желаю всяческих благ. Идем, сын мой! — С этими словами и еще одним леденящим реверансом бледная миниатюрная женщина отступила к дверям, не сводя глаз с полковника; который совсем лишился дара речи.

Как ни сильна была вера госпожи Эсмонд в то, что ее старший сын жив, Каслвуд, разумеется, погрузился в угрюмую печаль. Она могла не носить траура и запретить его всем домашним, однако какое бы спокойствие решительная маленькая дама ни выказывала перед всем

светом, сердце ее облеклось в черный цвет. Ожидать возвращения Джорджа значило надеяться вопреки надежде. Правда, достоверных известий о его гибели получено не было и никто не видел, как он пал; но ведь в этот роковой день сотни людей погибли столь же безвестно, и свидетелями их предсмертных мук были только невидимые враги да товарищи, умиравшие рядом. Через две недели после поражения, когда Гарри еще не возвратился из своих поисков, в Каслвуд вернулся слуга Джорджа Сейди, раненный и искалеченный. Но о битве он не мог сообщить ничего связного и рассказал только, как ему самому удалось спастись бегством из середины колонны, где он находился при обозе. В последний раз он видел своего господина в утро сражения и ничего о нем с тех пор не слышал. Много дней Сейди прятался от госпожи Эсмонд в негритянских хижинах, страшаясь ее гнева. Немногочисленные соседи этой дамы утверждали, что она подпала под власть болезненного заблуждения. Оно было настолько сильно, что порой Гарри и остальные члены домашнего каслвудского кружка почти начинали его разделять. Ей ничуть не казалось странным, что ее отец, явившись из иного мира, поручился за жизнь Джорджа. Она не сомневалась, что ее род равно пользуется почетом и в этом мире, и в загробном. Что бы ни приключилось с ее сыновьями в прошлом, она всегда заранее предчувствовала это — и ушибы, и легкие недомогания, и серьезные болезни. Она могла перечислить десяток случаев (их более или менее подтверждали и ее домашние), когда с мальчиками, пока они находились в отъезде, приключалась беда, и она знала об этом, и знала какая беда, как ни велико было разделявшее их расстояние. Нет, Джордж не убит, Джордж попал в плен к индейцам, Джордж вернется и будет править в Каслвуде, и сомневаться в этом так же нельзя, как и в том, что его величество пришлет из отечества новые войска, чтобы возродить померкшую славу британского оружия и изгнать французов из Америки.

Что же касается мистера Вашингтона, то она больше не желает его видеть. Он обещал оберегать Джорджа ценой собственной жизни. Так почему же ее сына более нет, а полковник еще жив? Как посмел он взглянуть ей в лицо после такого обещания, как посмел он явиться к матери без ее сына? Конечно, она помнит свой христианский долг и ни к кому не питает зла. Но она — Эсмонд и знает, что такое честь, а мистер Вашингтон забыл про свою честь, когда отпустил от себя ее сына. Он должен был выполнять приказ своего начальника? (Это говорилось в ответ на чье-либо возражение.) Какие пустяки! Обещание это обещание. Он обещал оберегать жизнь Джорджа ценой собственной — а где теперь ее мальчик? И разве полковник (полковник, нечего сказать!) не вернулся целым и невредимым?

Ах, не говорите мне, что его мундир и шляпа пробиты пулями! (Таков был ее ответ на еще одну робкую попытку заступиться за мистера Вашингтона.) Ведь и я могу хоть сию минуту пойти в кабинет и прострелить из пистолетов папеньки вот эту атласную юбку — и разве я буду убита? Она рассмеялась при мысли, что следствием подобной операции может быть смерть, — и смех ее был не очень приятен. Язвительные насмешки в устах людей, не наделенных юмором, редко доставляют удовольствие слушателям. Мне кажется *facetiae* {Шутки (лат.)} неумных людей чаще всего бывают жестоки.

Вот почему Гарри, желая повидать своего друга, должен был делать это тайком и назначал ему встречи в здании суда, в трактирах или в других увеселительных заведениях — или же в соседних городках, куда съезжались окрестные помещики. Госпожа Эсмонд твердила, что тот, в ком живет истинно благородный дух, не станет поддерживать знакомства с мистером Вашингтоном после того, как он так низко предал ее семью. И пришла в чрезвычайное волнение, когда с несомненностью убедилась, что полковник и ее сын продолжают видеться. Что за сердце у Гарри, если он подает руку тому, кого она считает почти убийцей Джорджа! Как не стыдно ей так говорить? Это ты должен стыдиться, неблагодарный мальчишка, — забыть самого лучшего, самого благородного, самого совершенного из братьев ради долговязого полковника, который только и знает, что гоняться за лисицами и мерзко ругаться! Как он может быть убийцей Джорджа, если я говорю, что мой сын жив? Он жив потому, что мои предчувствия еще никогда меня не обманывали, потому что, как сейчас я вижу его портрет, — только в жизни он выглядел намного благороднее и красивее, — точно так же две ночи подряд мне во сне являлся папенька. Но, вероятно, ты и в этом сомневаешься? Это потому, что никого не любил по-настоящему, мой бедный Гарри, иначе тебе, как и некоторым, было бы дано видеть их во сне.

— Мне кажется, матушка, я любил Джорджа, — воскликнул Гарри. — Я часто молюсь о том, чтобы увидеть его во сне, но не вижу.

— Как смеете вы, сударь, говорить о любви к Джорджу, а потом отправляться на скачки, чтобы встретить там своего мистера Вашингтона? Я не могу этого попятить! А вы, Маунтин?

— Нам многое непонятно в наших ближних. Но я могу понять, что наш мальчик несчастен, и что он никак не окрепнет, и что он без толку томится здесь, в Каслвуде, или болтается по трактирам и скачкам с разными бездельниками, — ворчливо ответила Маунтин своей патронессе; и компаньонка была совершенно права.

В Каслвуде воцарилось не только горе, но и раздоры.

— Не понимаю, какая тут причина, — сказал Гарри, завершая повествование, которое мы изложили в последних двух выпусках, в котором он излил душу своей новообретенной английской родственнице госпоже де Бернштейн, — но после этого рокового июльского дня в прошлом году и моего возвращения домой матушка очень переменялась. Она словно бы совсем разлюбила нас всех. Она все время хвалила Джорджа, а ведь пока он был с нами, он ей как будто не очень нравился. Теперь она целые дни читает всякие благочестивые книги и, по-моему, черпает в них только новое горе и печаль. Наш злосчастный виргинский Каслвуд погрузился в такое уныние, что все мы там стали больными и бледными, точно привидения. Маунтин говорила мне, сударыня, что матушка ночами почти не смыкает глаз. А иногда она подходила к моей кровати, и вид у нее был такой ужасный, такой измученный, что мне спросонок казалось, будто передо мной призрак. Она довела себя до такого возбуждения, что оно начинает смахивать на горячку. А я по-прежнему болел лихорадкой, и вся иезуитская кора Америки не могла меня вылечить. В новом городе Ричмонде у нас есть табачный склад и дом, и мы переехали туда, потому что Уильямсберг — место такое же нездоровое, как и наше поместье, и там мне полегчало, но совсем я все-таки не поправился, и врачи предписали мне морское путешествие. Сначала матушка думала поехать со мной, но (тут юноша покраснел и опустил голову) мы с ней плохо ладили, хотя я знаю, что мы нежно друг друга любим, и было решено, что я один отправлюсь посмотреть свет. И вот я в устье реки Джеймс сел на один из наших кораблей и приплыл на нем в Бристоль. И только девятого июля этого года, уже в море, я надел траур по брату — так мне разрешила матушка.

Как мы видим, миниатюрная хозяйка виргинского Каслвуда, которую, я убежден, все мы глубоко почитаем, обладала особым даром делать жизнь окружающих совершенно невыносимой; она постоянно ссорилась с теми, кого искренне любила, и так досаждала им ревнивыми капризами и тиранической властью, что расставались они с ней без всякой грусти. Деньги, друзья, прекрасное положение в обществе, почет, дом — полная чаша, а бедный Гарри Уорингтон был рад покинуть все это. Счастье! Кто счастлив? Что толку получать каждый день на обед жареного быка, если нет душевного покоя? Что лучше — быть любимым и терзаемым теми, кого ты любишь, или встречать под родным кровом нетребовательное, уютное равнодушие, следовать своим желаниям, жить без назойливого надзора и умереть, никому не причинив мучительного горя, не вызвав жгучих слез?

О, разумеется, едва ее сын уехал, госпожа Эсмонд сразу позабыла эти

мелкие стычки и неурядицы. Слушая, как она говорит о своих сыновьях, вы не усомнились бы, что оба они были совершенством и ни разу в жизни не причинили ей хотя бы минутной тревоги или неудовольствия. Лишившись сыновей, госпожа Эсмонд, естественно, занялась миссис Маунтин и ее дочкой, терзала их и досаждала им. Однако женщины легче мужчин переносят попреки и более склонны прощать обиды — а может быть, они умеют более искусно прятать злобу. Так будем надеяться, что домашние госпожи Эсмонд находили свою жизнь сносной, что они иногда платили ее милости той же монетой, что, поссорившись поутру, к вечеру они вновь мирились, в довольно добром согласии усаживались за карты и дружески беседовали за чаем.

Однако в отсутствие ее сыновей большой каслвудский дом наводил на вдову тяжелое уныние. Она поручила поместью заботам управляющего, а сама лишь изредка туда наезжала. Она перестроила и украсила свой дом в прелестном городке Ричмонде, который в последние годы стал быстро расти. Там она нашла приятное общество, карточные вечера и изобилие слуг и служителей божьих; и там она воздвигла свой миниатюрный трон, перед которым провинциальной знати позволялось склоняться сколько душе угодно. Ее дворовые негры, подобно всем своим сородичам любившие общество, были в восторге, сменив уединение Каслвуда на развлечения веселого и приятного городка, где мы и оставим на время достойную даму, пока сами будем следовать за Гарри Уорингтоном в Европе.

Глава XIV

Гарри в Англии

Когда прославленный троянский скиталец повествовал о своих несчастьях и приключениях царице Дидоне, ее величество, читаем мы, прониклась большим интересом к пленительному рассказчику, который так красноречиво живописал пережитые им опасности. Последовал эпизод, самый печальный во всей истории благочестивого Энея, и бедная монархиня по праву могла оплакивать тот день, когда она заслушалась вкрадчивых речей этого искусного и опасного оратора. Гарри Уорингтон не обладал красноречием благочестивого Энея, и мы можем предположить, что его почтенная тетушка была далеко не так мягкосердечна, как чувствительная Дидона, но все же безыскусственный рассказ юноши, его глубокая искренность были так трогательны, что госпожу Бернштейн не раз охватывала нежность, поддаваться которой у нее прежде не было в обычае. В пустыне этой жизни было очень мало освежающих источников, очень мало дарующих отдых оазисов. Она была исполнена бесконечного одиночества, пока вдруг не раздался этот голос и не зазвучал в ушах старухи, пробуждая в ее сердце непривычную любовь и сострадание. Ей стали безмерно дороги и этот юноша, и это новое, доселе неведомое чувство бескорыстной привязанности. Лишь однажды, в самой ранней юности, ей довелось испытать нечто похожее, но с тех пор ни один человек не вызывал в ней такого чувства. Несомненно, подобная женщина внимательно следила за движениями своей души и, наверное, не раз улыбалась, замечая, как в присутствии этого юноши ее сердце вдруг начинает биться сильнее. Она скучала без него. Она ловила себя на том, что краснеет от радости, когда он входит. Ее глаза встречали его любящим приветом и следовали за ним с нежностью. Ах, если бы у нее был такой сын, как бы она его любила! "Погоди! — вмешивалась Совесть, мрачный, насмешливый наблюдатель в ее душе. — Погоди, Беатриса Эсмонд! Ты ведь знаешь, что скоро эта привязанность тебе надоеет, как надоедали все прочие. Ты знаешь, стоит этому мимолетному капризу миновать, и ты не прольешь и слезы, даже если этот юноша погибнет, а его болтовня будет тебя только раздражать; ты знаешь, твой жребий — вечное одиночество... одиночество". Ну и что же? Пусть жизнь действительно подобна пустыне. В ней есть зеленые уголки, и благодетельная тень, и освежающая вода; так будем пользоваться ими сегодня. Мы знаем, что завтра нам снова придется

отправиться в путь, следуя своей судьбе.

Слушая рассказ Гарри, она не раз улыбалась про себя, когда узнавала в описании его матери знакомые семейные черты. Госпожа Эсмонд очень ревнива, не правда ли? Да, признал Гарри. Она любила полковника Вашингтона? Он ей нравился, но только как друг, уверял Гарри. Он сам сотни раз слышал, как его мать утверждала, что не питает к нему иных чувств. Ему стыдно сознаться, что одно время он сам испытывая к полковнику нелепую ревность.

— Вот увидишь, — сказала госпожа Беатриса, — что моя сводная сестра никогда его не простит. И уж вам, сударь, нечего удивляться тому, что женщины порой питают привязанность к мужчинам, которые много их моложе: разве я не без ума от тебя и разве все обитатели Каслвуда не crevent {Подышают (франц.).} от ревности?

Однако как бы жгуче ни ревновали члены каслвудского семейства к новому фавориту госпожи Бернштейн, они держались со своим молодым родственником так, что ни в их поведении, ни в их словах нельзя было подметить и тени недоброжелательства. Не пробыв и двух дней под кровом своих предков, мистер Гарри Уорингтон уже превратился в кузена Гарри и для молодых и для пожилых. Графиня Каслвуд — особенно в присутствии госпожи Бернштейн — была чрезвычайно любезна со своим юным родственником, и, оставаясь наедине с баронессой, по доброте душевной пользовалась каждым удобным случаем, чтобы восхищаться очаровательным молодым гуроном, хвалить изящество его манер и выражать удивление по поводу того, что в провинциальной глуши мальчик мог научиться этой истинно светской учтивости.

Все возгласы восторга и скрытые вопросы баронесса выслушивала с равной невозмутимостью. (Говоря в скобках и от собственного липа, автор настоящей хроники не может удержаться и не выразить своего почтительного восхищения перед тем, как дамы держатся друг с другом, перед тем, что они говорят вслух, о чем умалчивают и что сообщают за спиной друг друга. С какими улыбками и реверансами они наносят друг другу смертельные удары! С какими комплиментами они ненавидят друг друга! С какой долготерпеливой решимостью не снисходят до обиды, с какой невинной ловкостью умеют уронить каплю яда в чашу разговора, а затем пустить эту чашу вкруговую, дабы испила вся семья, и расстроить чуть ли не до слез любимый домашний круг!) Я вырываюсь из моих скобок. Я воображаю, как сто лет тому назад мои баронесса и графиня улыбаются друг другу, протягивают друг другу руку, подставляют щеку для поцелуя и называют друг друга "дорогая", "моя дорогая", "дорогая

графиня", "дорогая баронесса", "дражайшая сестра" — даже когда они наиболее расположены к военным действиям.

— Вы удивляетесь, дорогая Мария, откуда у мальчика такая учтивость? воскликнула госпожа де Бернштейн. — Но ведь его мать воспитывали родители, чьи манеры были само совершенство. Полковник Эсмонд был изысканно учтив и держался с таким благородным достоинством, какого я не замечаю у нынешних джентльменов.

— Ах, моя дорогая, мы все хвалим свое время! Моя бабушка твердила, что ничто не может сравниться с Уайтхоллом и Карлом Вторым.

— Моя мать провела некоторое время при дворе Иакова Второго, и хотя она не получила светского воспитания, — как вам известно, ее отцом был сельский священник, — но манеры у нее были обворожительные. Полковник, ее второй муж, отличался не только ученостью — он много ездил по свету, много повидал и вращался в лучшем обществе Европы. Они не могли, удалившись в глушь, забыть свои манеры, и мальчик, разумеется, их унаследовал.

— Вы простите меня, моя дорогая, если я скажу, что вы слишком пристрастны к своей матушке. Она никак не могла быть тем совершенством, какое рисует ваша дочерняя любовь. Она разлюбила собственную дочь, дорогая, вы сами это говорили! — а я не могу представить себе безупречную женщину с холодным сердцем. Нет-нет, дорогая золовка! Манеры, разумеется, чрезвычайно важны, и для дочери деревенского попа ваша маменька, вероятно, держалась прекрасно, — я знаю немало духовных лиц, которые держатся вполне благопристойно. Мистер Сэмпсон, наш капеллан, вполне благопристойен. Доктор Юнг вполне благопристойен. Мистер Додд вполне благопристойен. Но им не хватает истинного достоинства — да и откуда бы оно взялось? Ах, боже мой, прошу прощения! Я забыла милорда епископа, первого избранника вашей милости. Но, как я уже упоминала, женщина, чтобы быть безупречной, должна обладать тем, что есть у вас, что, осмелюсь сказать, возблагодарив за это небо, есть, мне кажется, и у меня, — добрым сердцем. Без нежных привязанностей, душечка, весь мир — лишь суета сует. Право же, я живу, существую, ем, пью, отдыхаю только ради моих милых, милых детей! Ради моего шалопая Уилли, ради моей упрямыцы Фанни — ради гадких моих сокровищ! (Тут она осыпает поцелуями браслеты на правой и левой своей руке, в которые вделаны миниатюры вышеупомянутых молодого человека и девицы.) Да, Мими! Да, Фаншон! Вы знаете, что это так, милые, милые мои крошки. Если они умрут или вы вдруг умрете, ваша бедная хозяйка тоже умрет! — Тут Мими и Фаншон, две нервические

левретки, вспрыгивают на колени своей госпожи и принимаются лизать ей руки, не дерзая касаться щек, покрытых слоем румян. — Нет, дорогая! Больше всего я благословляю небо за то (хотя нередко это и причиняет мне невыразимые муки), что оно даровало мне чувствительность и нежное сердце.

— Вы исполнены нежности, дражайшая Анна, — сказала баронесса. — Вы славитесь своей чувствительностью. Так уделите же частицу ее нашему американскому племяннику... кузену... право, не знаю, в каком именно родстве мы состоим.

— О, но ведь я теперь в Каслвуде лишь гостя. Дом принадлежит милорду Каслвуду, а не мне, хотя его сиятельство пока об этом любезно не напоминает. Что я могу сделать для молодого виргинца, что не было бы уже сделано? Он очарователен. Но разве мы ревнуем к нему из-за этого, дорогая моя? И хотя мы видим, как он понравился баронессе Бернштейн, разве племянники и племянницы вашей милости — настоящие племянники — ропщут? Возможно, мои бедные дети и огорчатся, — ведь за несколько часов этот очаровательный молодой человек достиг того, чего моим бедняжкам не удалось достичь за всю их жизнь, — но разве они сердятся? Уилл поехал с ним кататься верхом. А нынче утром Мария играла на клавесине, пока Фанни учила его танцевать менуэт. Ах, какая это была очаровательная картина, уверяю вас, у меня даже слезы на глаза навернулись при виде этих детей. Бедный мальчик! Мы полюбили его так же горячо, как и вы, дорогая баронесса!

Баронесса, надо сказать, уже слышала — или ее горничная слышала, каковы были последствия этой умилительной и невинной сцены. Леди Каслвуд вошла в комнату, где молодые люди развлекались и постигали науку танцев вышеуказанным образом, в сопровождении своего сына Уильяма, который явился туда в сапогах прямо из псарни.

— Браво, браво, прелестно! — сказала графиня, захлопав в ладоши, посылая Гарри Уорингтону одну из самых лучезарных своих улыбок и бросая на, его даму взгляд, который леди Фанни поняла очень хорошо, как, возможно, и леди Мария, сидевшая за клавесином, — во всяком случае, она заиграла с удвоенной энергией, склонив локоны к самым клавишам.

— Проклятый желторотый ирокез! Он, кажется, обучает Фанни военной пляске? А Фанни решила испробовать на нем свои штучки? — проворчал мистер Уильям, пребывавший в дурном расположении духа.

Взгляд леди Каслвуд сказал Фанни то же самое: "Ты, кажется, решила испробовать на нем свои штучки?"

Фанни сделала Гарри чрезвычайно низкий реверанс, он покраснел, и

оба они остановились в некоторой растерянности. Леди Мария встала из-за клавесина и удалилась.

— Нет-нет, продолжайте танцевать, молодые люди! Я не хочу расстраивать вашего веселья и сама буду вам играть, — сказала графиня, села за клавесин и заиграла.

— Я не умею танцевать, — пробормотал Гарри, опуская голову и заливаясь румянцем, с которым не мог соперничать самый лучший кармин графини.

— И Фанни вас обучала? Душенька Фанни, продолжай же, продолжай!

— Ну-ка, ну-ка! — подбодрил ее Уилл с глухим ворчанием.

— Я... мне не хочется показывать свою неуклюжесть перед таким обществом, — говорит Гарри, оправившись от смущения. — Когда я научусь танцевать менуэт, я непременно попрошу кузину протанцевать его со мной.

— Ах, я не сомневаюсь, что ждать этого придется совсем недолго, дорогой кузен Уорингтон, — любезнейшим тоном отвечает графиня.

"За какой это дичью она сейчас охотится?" — раздумывает мистер Уильям, не понимая, что кроется за поведением его матери, а сама эта дама, нежно подозвав к себе дочь, выплывает с ней из комнаты.

Но едва они оказываются в увешанном гобеленами коридоре, который ведет к их личным апартаментам, как от ласкового тона леди Каслвуд не остается и помина.

— Балбеска! — шипит она на свою обожаемую Фанни. — Двойная дура! На что тебе понадобился этот гурон? Неужто ты собралась замуж за этого дикаря и хочешь стать скво в его вигваме?

— Маменька, перестаньте! — шепчет леди Фанни, так как маменька до синяков щиплет руку благородной девицы. — Ведь наш кузен вполне достойный молодой человек, — хнычет Фанни, — вы сами так говорили!

— Достойный, достойный! И должен унаследовать болото, негра, бревенчатую хижину и бочонок табака! Миледи Фрэнсис Эсмонд, ваша милость, кажется, забыли свой ранг, свое имя и кто ваша мать, если на третий день знакомства вы уже затеваете танцы — премиленькие танцы, нечего сказать! — с этим мальчишкой из Виргинии!

— Мистер Уорингтон наш кузен, — жалобно возражает леди Фанни.

— Неведомо откуда взявшийся мужлан не может быть вашим кузеном! Откуда мы знаем, что он ваш кузен? А вдруг это лакей, укравший чемодан своего хозяина и сбежавший в его экипаже?

— Но ведь госпожа де Бернштейн говорит, что он наш кузен, — перебивает Фанни, — и к тому же он — вылитый Эсмонд.

— Госпожа де Бернштейн следует своим прихотям и капризам, то носитя с людьми, то их забывает, а теперь ей вздумалось обожать этого молодого человека. Но от того, что он ей нравится сегодня, будет ли он обязательно нравиться ей завтра? В обществе и в присутствии тетушки, ваша милость, извольте быть с ним любезной. Но я запрещаю вам разговаривать с ним наедине или поощрять его.

— А я знать не хочу, что ваше сиятельство мне запрещает, а что нет, восклицает леди Фанни, внезапно взбунтовавшись.

— Прекрасно, Фанни! В таком случае я немедленно поговорю с милордом, и мы вернемся в Кенсингтон. Если мне не удастся тебя образумить, то это сумеет сделать твой брат.

На этом разговор матери и дочери оборвался — или, может быть, горничной госпожи де Бернштейн ничего больше не удалось услышать, а значит, и поведать своей хозяйке.

Только много времени спустя она рассказала Гарри Уорингтону часть того, что было ей известно. А пока она видела, что родственники приняли его достаточно радушно. Леди Каслвуд была с ним любезна, барышни милы и приветливы, милорд Каслвуд, всегда сухой и сдержанный, обходился с Гарри не более холодно, чем с остальными членами семьи, а мистер Уильям охотно пил с ним, ездил с ним верхом, посещал скачки и играл в карты. Когда он выразил намерение уехать, они все до одного настойчиво уговаривали его остаться. Госпожа де Бернштейн не объяснила ему, чем было порождено такое горячее гостеприимство. Он не знал, чьим планам служит и какие планы расстраивает, чью и какую злобу вызывает. Он воображал, будто его приняли так ласково потому, что он приехал к своим родственникам, и ему даже в голову не приходило, что те, из чьей чаши он пил и чьи руки пожимал утром и вечером, могут оказаться его врагами.

Глава XV

Воскресенье в Каслвуде

На второй день пребывания Гарри в Каслвуде, в воскресенье, вся семья отправилась в замковую часовню, которая служила и деревенской церковью. Дверь в конце коридора вела на огороженное возвышение фамильной скамьи, где в надлежащее время они и расположились, а довольно многочисленные прихожане из деревни уселись на скамьях внизу. Со сводов свисало несколько старинных запыленных знамен, и Гарри с гордостью подумал, что знамена эти носили верные вассалы его семьи во время парламентских войн, в которых, как ему было хорошо известно, его предки достойно сражались за правое дело. В ограде алтаря виднелась надгробная статуя Эсмонда, современника короля Иакова I и общего прародителя всех тех, кто занимал сейчас фамильную скамью. Госпожа де Бернштейн, как и подобало вдове епископа, никогда не пропускала богослужений и молилась с тем же торжественным благочинием, с каким под пестрым гербовым щитом ее предок с квадратной бородой и в красной мантии вечно преклонял колени на каменной подушке перед огромным мраморным пюпитром и таким же молитвенником. Священник, высокий, румяный и красивый молодой человек, обладал очень приятным, выразительным голосом и читал главы из Священного писания в манере почти театральной. Музыка была хороша, за органом сидела одна из барышень — и могла бы оказаться еще лучше, если бы ее вдруг не прервали шум и чуть ли даже не смех, раздавшиеся на скамье слуг, когда Гамбо, лакей мистера Уорингтона, прекрасно зная псалом, запел его голосом столь сильным и звучным, что все присутствующие повернулись к Африканскому жаворонку, сам священник поднес ко рту носовой платок, а удивление ливрейных джентльменов из Лондона перешло границы приличия. Вероятно, очень довольный впечатлением, которое он произвел, мистер Гамбо продолжал усердствовать и вскоре пел уже почти соло — умолк даже причетник. Дело в том, что Гамбо, хотя он и смотрел в молитвенник хорошенькой Молли, той дочери привратника, которая первой приветствовала нежданных гостей в Каслвуде, но пел по слуху и по памяти, так как не знал нот и не был способен прочесть ни единого слова.

После пения псалма последовала недлинная проповедь, и Гарри даже пожалел, что она была такой короткой. Священник очень живо, наглядно и драматично описал сцену, свидетелем которой был на предыдущей неделе,

а именно казнь конокрада. Он описал этого человека, его былую добрую славу, его семью, любовь, которую они все питали друг к другу, и его муки, когда он прощался с ними. Он нарисовал картину казни — поражающую, ужасную и живописную. Его проповедь была лишена той библейской фразеологии, к которой Гарри привык, слушая проповедников несколько кальвинистского толка, особенно нравившихся его матери, — нет, он говорил скорее как обитатель нашего суетного мира с другими такими же грешниками, способными извлечь пользу из доброго совета.

Злополучный конокрад был когда-то зажиточным фермером, но он пристрастился к вину и картам, стал завсегдатаем скачек и петушиных боев эти пороки своего века молодой священник обличал с благородным негодованием. Затем он стал браконьером, а затем начал красть лошадей, за что и поплатился. Служитель божий быстро набросал выразительные и страшные картины этих сельских преступлений. Он потряс своих слушателей, показав, как Око Закона следит за браконьером в полночный час и как расставляет ловушки, чтобы поймать преступника. Он проскакал с ним на украденной лошади по дорогам и лугам из одного графства в другое, но показал, что возмездие гналось за злодеем по пятам, настигло его на деревенской ярмарке, поставило перед судьей и не размыкало его оков, пока он не сбросил их у подножия виселицы. Да смилуется небо над несчастным грешником! Священник разыграл эту сцену в лицах. Он склонялся к уху преступника в позорной повозке. Он уронил свой платок на голову причетника. Когда платок упал, Гарри вздрогнул и подался назад. Священник говорил двадцать с лишним минут. Но Гарри готов был слушать его хоть час, и ему показалось, что проповедь длилась не более пяти минут. Знатному семейству она доставила большое удовольствие. Раз два Гарри, поглядев на скамью слуг, замечал, что они слушают очень внимательно, а особенно его собственный лакей, Гамбо, на чьем лице была написана величайшая сосредоточенность. Однако домотканые куртки остались равнодушны и вышли из церкви как ни в чем не бывало. Дедушка Браун и бабушка Джонс слушали проповедь с полным безразличием, а розовощекие деревенские девицы в красных накидках хранили под своими чепчиками самое невозмутимое спокойствие. Милорд со своего места слегка кивнул священнику, когда голова и парик этого последнего вознеслись над краем кафедры.

— Наш Самсон сегодня был в ударе, — сказал его сиятельство. — Он с большой силой сокрушал филистимлян.

— Прекрасная проповедь! — отозвался Гарри.

— Ставлю пять против четырех, что он уже произносил ее во время

судебной сессии. Он ведь ездил в Уинтон служить, а заодно посмотреть собак, — вмешался Уильям.

Под звуки органа маленькая паства вышла из церкви на солнечный свет. Только сэр Фрэнсис Эсмонд, совр. е. в. Иакова I, все еще преклонял колени на мраморной подушке перед своим каменным молитвенником. Мистер Сэмпсон вышел из ризницы, уже сняв облачение, и поклонился господам из замка, задержавшимся на своем возвышении.

— Приходите рассказать про собак! — крикнул мистер Уильям, и служитель божий, смеясь, кивнул в знак согласия.

Джентльмены вышли в галерею, которая соединяла их дом с храмом, а мистер Сэмпсон прошел через двор и вскоре присоединился к ним. Милорд представил его своему виргинскому кузену, мистеру Уорингтону. Капеллан отвесил ему низкий поклон и выразил надежду, что добродетельный пример его европейских родственников принесет мистеру Уорингтону немало пользы. А не состоит ли он в родстве с сэром Майлзом Уорингтоном из Норфолка? Сэр Майлз старший брат отца мистера Уорингтона. Какая жалость, что у него есть сын! Такое отличное имение — а мистер Уорингтон, наверное, не отказался бы от титула баронета, да и от прекрасного поместья в Норфолке тоже.

— Расскажите мне про моего дядю! — воскликнул виргинец Гарри.

— Расскажите нам про собак! — одновременно с ним потребовал англичанин Уилл.

— Двух таких развеселых собак и пьяниц, не при вас будь сказано, мистер Уорингтон, как сэр Майлз и его сын, я в жизни не видывал. Сэр Майлз всегда был добрым другом и соседом сэра Роберта. Он способен перепить кого угодно в графстве, кроме собственного сына и еще двух-трех человек. Что же до тех собак, которые столь занимают мистера Уильяма, ибо господь создал его добычей собак и всяческих птиц, точно греков в "Илиаде"...

— Я знаю эту строку из "Илиады", — перебил Гарри, покраснев. — Всего я их знаю шесть, но эту как раз знаю.

Голова его поникла. Он думал: "А мой милый брат Джордж знал всю "Илиаду" и всю "Одиссею", не говоря уж о прочих книгах, какие только были написаны".

— О чем, ради всего святого (только он упомянул тут нечто совсем противоположное), вы разглагольствуете? — осведомился Уильям у его преподабиа.

Капеллан тотчас заговорил о собаках и о их качествах. По его мнению, собаки мистера Уильяма без труда могли с ними потягаться. Г собак они

перешли на лошадей. Мистер Уильям чрезвычайно интересовался состязанием шестилеток в Хантингдоне.

— Узнали что-нибудь новенькое, Сэмпсон?

— На Бриллианта ставят пять против четырех, — многозначительно ответил тот. — Однако Ясон — отличная лошадь.

— А кто хозяин? — спросил милорд.

— Герцог Анкастерский. Сын Картуша и Мисс Лэнгли, — пояснил священник. — А у вас в Виргинии бывают скачки, мистер Уорингтон?

— Еще бы! — воскликнул Гарри. — Но мне очень хотелось бы посмотреть настоящие английские скачки.

— А вы... вы немножко играете? — продолжал его преподобие.

— Случалось, — ответил Гарри с улыбкой.

— Ставлю на Бриллианта один к одному против всех остальных. Из двадцати пяти фунтов, идет, кузен? — поспешно предложил мистер Уильям.

— Я готов поставить на Ясона или против него три против одного, сказал священник.

— Я никогда не ставлю на незнакомых лошадей, — ответил Гарри, удивляясь словам священника: он еще не забыл, о чем тот проповедовал всего полчаса тому назад.

— Так напишите домой, спросите у маменьки, — насмешливо процедил мистер Уильям.

— Уилл, Уилл! — остановил его милорд. — Кузен Уорингтон волен заключать или не заключать пари, как ему заблагорассудится. Будьте осторожны с ними обоими, Гарри Уорингтон. Уилл — старый мошенник, хоть он и молод, а что до преподобного Сэмпсона, то пусть-ка враг рода человеческого попробует одержать над ним верх!

— И он, и все присные его, милорд, — с поклоном добавил мистер Сэмпсон.

Упоминание о его матери уязвило Гарри.

— Вот что, кузен Уилл, — сказал он. — Я имею обыкновение сам решать, как мне поступить, и помощи в этом ни у каких дам не прошу. И я привык делать ставки по моему собственному выбору, и мне, спасибо, не требуются для этого никакие родственники. Но раз я ваш гость и вам, без сомнения, хотелось оказать мне любезность, то я принимаю ваше пари... вот! По рукам!

— По рукам, — сказал Уилл, глядя в сторону.

— И, конечно, кузен, вы предложили мне обычную ставку, ту, которая дается в газете?

— Нет, — пробурчал Уилл. — На него ставят пять против четырех, что есть, то есть, и пусть будет так, коли вам угодно.

— Зачем же, кузен! Пари — это пари. Ваше пари я также принимаю, мистер Сэмпсон.

— Я предложил три к одному против Ясона. Идет! — сказал мистер Сэмпсон.

— Тоже из двадцати пяти фунтов, господин капеллан? — осведомился Гарри с величественным видом, словно у него в карманах было все золото Ломбард-стрит.

— Нет-нет. Тридцать фунтов против десяти. Куда уж бедному служителю божьему выигрывать больше.

"Вот я и распроцался со значительной частью тех ста фунтов, которые были даны мне на первые три месяца, — подумал Гарри. — Но не мог же я допустить, чтобы эти англичане вообразили, будто я их боюсь. Начал не я, но я поддержу честь Старой Виргинии и не пойду на попятный".

Когда все пари были заключены, Уильям Эсмонд, насупясь, отправился на конюшню, где любил выкурить трубку в обществе конюхов, а энергичный пастырь удалился, чтобы приветствовать дам и вкусить от воскресного обеда, который должны были подать незамедлительно. Лорд Каслвуд и Гарри остались вдвоем. За все время пребывания виргинца под его кровом милорд не сказал с ним и двух слов. Держался он с ним дружески, но был всегда так молчалив, что нередко вставал после обеда со своего места во главе стола, ни разу ни с кем не заговорив.

— Полагаю, ваше имение находится теперь в цветущем состоянии? — спросил милорд у Гарри.

— По размерам оно, пожалуй, не уступит иному английскому графству, ответил Гарри. — А земля к тому же очень плодородная и годится для многого.

Гарри не желал дать в обиду ни Старое Владение, ни свою долю в нем.

— Неужели! — произнес милорд удивленно. — Когда это имение принадлежало моему отцу, оно не приносило больших доходов.

— Прошу прощения, милорд! Вам ведь известно, почему оно принадлежало вашему отцу, — воскликнул Гарри с жаром. — Потому лишь, что мой дед не пожелал потребовать того, что принадлежало ему по праву.

— Разумеется, разумеется, — поспешно вставил милорд.

— Я хочу сказать, кузен, что мы, члены виргинской ветви нашего дома, ничем вам не обязаны, — продолжал Гарри Уорингтон. — Ничем, кроме благодарности за гостеприимство, которое вы мне сейчас оказываете.

— Оно полностью к вашим услугам, как и виргинское поместье. Предложенные вам пари были для вас как будто неприятны?

— Да, пожалуй, я немного обиделся, — ответил юноша. — Видите ли, ваше гостеприимство не похоже на наше, совсем не похоже! Дома мы бываем рады гостю, протягиваем ему руку и предлагаем все лучшее, что у нас есть. А вы тут принимаете нас, не скупитесь на говядину и кларет — что правда, то правда, — но не радуетесь, когда мы приезжаем, и не огорчаетесь, когда мы уезжаем. Вот о чем я все время думал, находясь в доме вашего сиятельства, и не мог не высказать это сейчас, так мне было тяжело, а теперь, когда я выговорился, у меня стало легче на душе. — Тут смущенный и взволнованный юноша послал бильярдный шар через весь стол, засмеялся и посмотрел на своего родственника.

— *A la bonne heure!* {И очень хорошо! (франц.).} Мы холодны с чужими людьми и у нас дома, и вне его. Мы не заключаем Гарри Уорингтона в объятия и не проливаем слез при виде своего кузена. Мы не проливаем слез, и когда он уезжает, — но ведь мы не притворяемся?

— О да! Но вы стараетесь навязать ему нечестное пари, — с негодованием заявил Гарри.

— А в Виргинии этого не случается и там любители пари не пытаются обойти друг друга? А что это за историю вы рассказывали тетушке про английских офицеров и Тома Как Бишь Его из Спотсильвании?

— Но это же было по-честному! — воскликнул Гарри. — То есть, так все делают, и чужому человеку следует быть начеку. Поэтому на священника я не обижаюсь: если он выигрывает, то пусть, на здоровье! Но чтобы родственник! Подумать только: мой собственный кузен хочет на мне нажиться!

— Завсегдатай Ньюмаркета и родного отца не пощадит. Мой брат отправился на ипподром прямо из Кембриджа. Если вы сядете играть с ним в карты, — а он был бы этому очень рад, — то он постарается обчистить вас, если сумеет.

— Что ж, я готов! — воскликнул Гарри. — Я буду играть с ним в любые игры, какие только знаю, буду состязаться с ним в прыжках, ездить верхом, стрелять — вот!

Главу рода эта тирада чрезвычайно позабавила, и он протянул юноше руку.

— Все, что угодно, только не надо с ним драться, — сказал милорд.

— И в этом случае я его побью, черт побери! — воскликнул Гарри, но выражение удивления и неудовольствия, появившееся на лице графа, заставило его опомниться. — Тысяча извинений, милорд! — сказал он,

багрово краснея и хватая руку кузена. — Я только что был обижен и сердился на дурное обхождение со мной, но куда более дурно с моей стороны давать волю гневу и хвастать своей ловкостью перед моим хозяином и родственником. У нас, американцев, хвастовство не в обычае, право же так, поверьте мне.

— Вы первый американец, с которым мне довелось познакомиться, так что я поверю вам на слово, — сказал с улыбкой милорд. — И я вас честно предупредил о пари и картах, вот и все, мой милый.

— Виргинца можно об этом не предупреждать! Мы потягаемся с кем угодно! — снова вспыхнул юноша.

Лорд Каслвуд не засмеялся. Только брови его на мгновение изогнулись, а серые глаза опустились.

— Так, значит, вам по средствам поставить пятьдесят гиней и проиграть их? Тем лучше для вас, кузен. Эти огромные виргинские поместья приносят, следовательно, большой доход?

— Вполне достаточный для нас всех — и будь нас вдесятеро больше, его все равно было бы достаточно, — ответил Гарри и подумал: "Он, кажется, решил выведать у меня всю подноготную".

— И ваша матушка назначила своему сыну и наследнику щедрое содержание?

— Такое, какого мне вполне достаточно, милорд, — горячо ответил Гарри.

— Черт побери! Если бы у меня была такая мать! — воскликнул милорд. Но мне приходится довольствоваться мачехой и не брать у нее, а давать ей. А, звонят к обеду. Не пройти ли нам в столовую? — И, взяв своего юного друга под руку, милорд направился с ним в указанную залу.

Душой обеда был преподобный Сэмпсон, который развлекал дам сотнями забавных историй. Будучи капелланом его сиятельства, он, кроме того, служил и в Лондоне, в новой мэйфэрской часовне, которой леди Уитлси (столь известная в царствование Георга I) завещала значительную сумму. Он знал самые пикантные сплетни обо всех клубах и светских интригах, самые последние новости о том, кто бежал и с кем, самую последнюю шутку мистера Селвина, самое последнее дерзкое пари Марча и Рокингема. Он знал, из-за чего старик-король поссорился с госпожой Вальмоден, знал, что герцог как будто завел новую пассию, знал, кто в фаворе в Карлтон-Хаусе у принцессы Уэльской, и кого повесили в понедельник, и как он держался на пути к месту казни. Капеллан милорда рассказывал обо всем этом снисходительно улыбающимся дамам и восхищенному провинциалу, сдабривая свое повествование такими

недвусмысленными выражениями и рискованными шутками, что Гарри только широко раскрывал глаза, — совсем недавно прибыв из колоний, он еще не успел свыкнуться с тонкостями столичной жизни. Дамы — и старые и молодые — весело смеялись этим рискованным шуткам. Ах, не пугайтесь, прекрасные читательницы! Мы не намерены смущать вашу безыскусственную скромность и вызывать краску на ваших девственных щеках. Но, как бы то ни было, каслвудские дамы, нисколько не возмущаясь, продолжали слушать пикантные истории священника, пока в часовне, возвещая вечернюю службу, не зазвонил колокол и не отозвал его преподобие из их общества на полчаса. Проповеди не предполагалось. Он успеет вернуться, чтобы выпить бургундского. Мистер Уилл потребовал новую бутылку, и капеллан выпил стаканчик, а потом уже выбежал вон.

Полчаса еще не истекли, когда господин капеллан вернулся и крикнул, чтобы подали еще одну бутылку. Воздав ей должное, джентльмены присоединились к дамам, были разложены два карточных стола — как их раскладывали на много часов каждый день, — и все общество расположилось вокруг них. Госпожа де Бернштейн могла обыграть в пикет любого из своих родственников, и из всех присутствующих потягаться с ней мог только священник.

Так приятно прошел воскресный день, а вечер был столь хорош, что кто-то предложил отправиться в беседку и сыграть партию в вист за освежающей кружкой. Однако большинство постановило никуда не ходить: дамы объявили, что три онера со сдачи и несколько старших карт кажутся им куда прекраснее самых прелестных картин природы. И вот солнце зашло за вязы, а они все еще играли; грачи вернулись в гнезда, каркая свою вечернюю песню, а они продолжали сидеть, поднимаясь, только чтобы поменяться партнерами; колокол в часовне отбивал час за часом, но ему никто не внимал — так приятно пролетали эти часы над зеленым сукном; поднялась луна, зажглись звезды, наконец пробило девять, и лакей доложил, что ужин подан.

Пока они ужинали, раздались хриплые звуки рожка — это в деревню въехал почтальон. Вскоре из деревни принесли почту милорда: его письма, которые он отложил, и его газету, которую он принялся читать. Дойдя до какого-то столбца, он улыбнулся, посмотрел на своего виргинского родственника и протянул газету Уиллу, который пребывал в превосходном расположении духа, так как этот вечер был ознаменован для него удачей и неумеренными возлияниями.

— Прочти вот тут, Уилл, — сказал милорд.

Мистер Уильям взял газету и, прочтя фразу, указанную братом,

испустил такое восклицание, что все дамы хором ахнули.

— Боже милостивый, Уильям! Что случилось? — вскричала одна из любящих сестер.

— Ах, дитя мое, почему ты так ужасно бранишься? — спросила любящая маменька.

— В чем дело? — осведомилась госпожа де Бернштейн, задремавшая было после обычной толики пунша и пива.

— Прочтите-ка, ваше преподобие! — сказал мистер Уильям и швырнул газету капеллану с таким свирепым видом, что посрамил бы любого турка.

— В пух и прах, черт побери! — возопил капеллан, бросая газету.

— Вам повезло, кузен Гарри, — сказал милорд и, взяв ее, прочел вслух: "Скачки в Хантингдоне выиграл Ясон, обойдя Бриллианта, Пифона и Рыжего. Ставки были: пять к четырем на Бриллианта против всех остальных, три к одному против Ясона, семь к двум против Пифона и двадцать к одному против Рыжего".

— Я должен вам половину моего скудного годового жалованья, мистер Уорингтон, — простонал священник. — Я заплачу вам, как только мой благородный патрон расплатится со мной.

— Проклятое невезенье! — проворчал мистер Уильям. — Вот что выходит, когда заключаешь пари в воскресенье. — И он попробовал найти утешение в еще одном бокале, полном до краев.

— Нет-нет, кузен Уилл. Это же было в шутку! — воскликнул Гарри. — Я не могу взять деньги моего родственника.

— Будь я проклят, сэр! Или вы думаете, что я не могу заплатить, если я проиграл? — спросил мистер Уильям. — И что я соглашусь принять от кого-нибудь одолжение? Ничего себе шуточка, а, ваше преподобие?

— Мне доводилось слышать шутки и лучше, — отозвался священник, на что Уильям ответил:

— А, к черту! Нальем-ка еще!

Будем надеяться, что дамы не стали ждать этой прощальной чаши: за вечер они успели выпить вполне достаточно.

Глава XVI

в которой Гамбо искусно пользуется старинных английским оружием

Наш молодой виргинец, выиграв такие большие деньги у своего кузена и у капеллана, должен был, как честный человек, дать им возможность отыграться, а посему боюсь, что его матушка и другие строгие блюстители нравов едва ли одобрили бы его образ жизни. Он чересчур много играл в карты. Кроме ежедневного виста или кадрили с дамами, — игра начиналась вскоре после обеда, подававшегося в три часа, и длилась до ужина, — порой затевались и другие игры, когда из рук в руки переходили значительные суммы, и в них принимали участие все джентльмены, включая милорда. После их воскресной беседы его сиятельство держался со своим родственником куда более дружески и ласково, чем прежде, заключал с ним пари и садился играть с ним в триктрак и пикет. Мистер Уильям и благочестивый капеллан тоже были не прочь попытать счастья, но предавались они этому удовольствию потихоньку, втайне от дам, которые несколько раз брали о кузена Уилла слово оставить юного виргинца в покое, не втягивать его в игру и не играть самому. Уилл обещал матери и тетке все, чего они хотели, дал им слово чести никогда не играть, — да, никогда! — но едва семья удалялась на покой, как кузен Уилл с костями и бутылкой рома являлся в спальню кузена Гарри, где он, Хел и его преподобие засиживались за игрой до самой зари.

Гарри, в столь радужных красках описывая лорду Каслвуду материнское поместье, вовсе не хотел вводить своего родственника в заблуждение, хвастать или лгать, так как он был по натуре прямым и правдивым юношей, хотя и надо признать, что, живя дома, он водил весьма странные знакомства — с жокеями, трактирными завсегдатаями, игроками и всякими другими искателями удачи, которых в большом числе можно было встретить в его родной колонии. Земельная знать, к чьим услугам было множество негров, чтобы обрабатывать ее поля и выращивать табак и кукурузу, не имела почти никаких иных занятий, кроме охоты и карт за чашей пунша. Колониальное радушие было безгранично: дом каждого человека был домом его соседа, и бездельничающие помещики непрерывно ездили по гостям, всюду находя примерно одно и то же — радостный прием и непритязательное изобилие. Лакеи виргинского помещика часто разгуливали босыми, седло у него было чиненое-перечиненое, но кукурузы лошадям задавалось вдоволь, а их хозяина за обветшавшей оградой и

треснувшими стеклами господского дома ждали неисчерпаемые запасы оленины и домашних напитков. Сколько раз Гарри спал на соломенных тюфяках и участвовал в долгих веселых попойках, потягивая кларет и пунш из глиняных кружек, пока не занималась заря и не наступало время выезда на охоту! Его бедный брат, со стыдом признавал юноша, был куда более благонравным. Но так уж создает людей природа: одни любят книги и чай, а другие — бургундское и быструю скачку по полям и лесам. Английские друзья нашего юноши скоро разгадали его вкусы. Они вовсе не были поклонниками пуританского самоограничения, и Гарри не стал им нравиться меньше оттого, что оказался далеко не маменькиным сынком. Видите ли, сто лет назад нравы были менее строгими, а речи — куда более вольными, чем теперь: назывались своими именами и проделывались такие вещи, при одном намеке на которые мы сейчас испустили бы вопль негодования. Да, сударыня, мы непохожи на своих предков. Разве не должны мы благодарить судьбу, которая так решительно исправила наши нравы и сделала нас столь безукоризненно добродетельными?

Вот так, зорко всматриваясь в окружавших его людей и придя к выводу — с полным на то основанием, — что кузен не прочь его обобрать, Гарри Уорингтон решил во всем поступать по своему усмотрению, ни с кем не советуясь, и оказалось, что во всех азартных играх и всяческих пари он вполне мог потягаться с теми джентльменами, в чьем обществе очутился. Даже бильярд, эта благородная игра, не оказался для него камнем преткновения, и, поупражнявшись несколько дней со своими кузенами и их духовным пастырем, он постиг все его тонкости. Его дед любил бильярд и привез для него стол из Европы, — в то время в провинции его величества Виргинии бильярд был редкостью. И мистер Уилл, хотя вначале он был, несомненно, сильнее, не сумел извлечь из этого обстоятельства большой выгоды. После их первого пари Гарри не слишком доверял мистеру Уиллу, и кузен Уильям с уважением признал, что американец во многом ему равен, а во многом и превосходит его. Но если Гарри играл так хорошо, что постоянно выигрывал у капеллана и вскоре мог уже на равных состязаться с Уиллом, который, разумеется, легко обыгрывал обеих девиц, то почему же в партиях с этими последними, и особенно с одной из них, мистер Уорингтон столь часто оказывался побежденным? Он был неизменно учтив с любым существом, носящим юбку, да и традиционная галантность еще не перевелась на его родине. Вся женская прислуга Каслвуда полюбила молодого джентльмена. Суровая экономка смягчалась в его присутствии, толстая кухарка встречала его широкой улыбкой, горничные, принадлежащие как к французской, так и к английской нации, улыбались

ему и хихикали, хорошенькая дочка привратника в сторожке всегда была готова ласково ответить на его ласковое приветствие. Госпожа де Бернштейн все это замечала, и хотя она ничего не говорила, но очень внимательно наблюдала за склонностями юноши и его поведением.

Кто может сказать, сколько лет было леди Марии Эсмонд? Тогда "Книги пэров" были далеко не столь распространены, как в наши благословенные времена, и я могу ошибиться на три-четыре года, а то и на одно-два пятилетия. Когда Уилл заявлял, что ей сорок пять, он просто старался ее уязвить, а кроме того, за ним всегда наблюдалась склонность к преувеличениям. Мария была сводной сестрой Уилла. Она и милорд были детьми первой супруги покойного лорда Каслвуда, немецкой графини, на которой, как известно, тот женился в эпоху войн королевы Анды. Барон Бернштейн, женившийся на тетушке леди Марии, Беатрисе, вдове епископа Тэшера, также был немцем, ганноверским вельможей и родственником первой леди Каслвуд. Если леди Мария родилась в царствование Георга I, а его величество король Георг II пребывал на троне уже тридцать первый год, то как могло ей быть двадцать семь лет, о чем она сообщила Гарри Уорингтону?

— Я старуха, дитя мое, — повторяла она. (У нее было обыкновение называть Гарри "дитя мое", когда они оставались наедине.) — Мне сто лет. Мне уже двадцать семь! Я почти гожусь вам в матери.

А Гарри на это отвечал:

— Ваша милость, вы, право же, годитесь в матери только купидонам. Вам никак не дашь больше двадцати, честное слово!

Леди Марии можно было приписать любой возраст, по вашему усмотрению. Она была белокурой красавицей с ослепительным бело-розовым цветом лица, пышными льняными локонами, ниспадавшими ей на плечи, и прекрасными округлыми руками, которые выглядели особенно авантажно, когда она играла на бильярде с кузеном Гарри. Когда же она наклонялась над столом, примериваясь к удару, взору этого молодого человека на миг открывалась стройная лодыжка, чулочек со стрелкой и черная атласная туфелька с красным каблучком, отчего его душа преисполнялась упоения и он готов был клясться, что мир еще не видывал подобной ножки, лодыжки, чулочка со стрелкой и атласной туфельки. А ведь о, глупый Гарри! — ножка твоей собственной матери была куда стройнее и на полдюйма меньше ноги леди Марии. Но почему-то юноши не глядят с упоением на туфельки и лодыжки своих маменек.

Без сомнения, леди Мария была очень ласкова с Гарри, когда они оставались наедине. В беседах с сестрой, тетушкой и мачехой она

посмеивалась над ним, называла его простачком, шалопаем и бог знает как еще. За его спиной, да и в глаза она передразнивала его манеру говорить, в которой чувствовалась его родная провинция. Гарри краснел и поправлялся по указанию своей наставницы. Тетушка объявила, что они скоро его совсем отполируют,

Лорд Каслвуд, как мы уже упоминали, день ото дня сходил со своим гостем и родственником все короче и держался с ним все более дружески. До уборки урожая об охоте не могло быть и речи, и ее любителям приходилось довольствоваться редкими петушиными боями в Винчестере и бычьей травлей на ярмарке в Хекстоне. Гарри и Уилл посетили немало веселых ярмарок и скачек в окрестностях, и молодой виргинец был представлен некоторым видным семействам графства — Хенли, владельцам Грейнджа, Кроули из Королевского Кроули, Редмейнсам из Лайонсдена и прочим. Соседи приезжали в огромных тяжелых каретах и, по деревенскому обычаю, оставались на два-три дня. Гостей могло бы собираться и больше, но каслвудское семейство боялось рассердить госпожу де Бершптейн. Она недолюбливала общество провинциальных помещиков, и их разговоры ее раздражали.

— У нас будет куда веселее, когда тетушка уедет, — признавалась молодежь. — Как вы понимаете, у нас есть причины быть с ней особенно почтительными. Вы знаете, как была она дорога нашему папа. И она заслуживала такой любви. Это она выхлопотала ему графский титул, когда была в особой милости при дворе и пользовалась расположением короля и королевы. Естественно, что она здесь распоряжается, хотя, быть может, и немножко деспотично. Мы все трепещем перед ней — даже мой старший брат ее побаивается, а моя мачеха слушается ее больше, чем в свое время — папа, которого она пасла жезлом железным. Но в Каслвуде становится куда веселее, когда тетушка уезжает. Во всяком случае, гости бывают у нас гораздо чаще. Вы ведь навестите нас, Гарри, в наши веселые дни? Ну конечно же — ведь вы здесь у себя дома, сэра. Я была так рада, так рада, когда брат сказал, что вы здесь — у себя дома.

В заключение этой любезной речи ему протягивается нежная ручка, два прекрасно сохранившихся голубых глаза глядят на него чрезвычайно ласково. Гарри пылко пожимает ручку кухни. Право, не знаю, на каких только привилегиях родства не стал бы он настаивать, не будь он так робок. Вот говорят, что англичане — холодные эгоисты. Его родственники сначала ему такими и показались, но как он ошибся! Как добры и как внимательны они все, а особенно граф и милая, милая Мария! Как он хотел бы вернуть то первое свое письмо миссис Маунтин и матушке, в котором намекнул, что

его приняли холодно! Граф, его кузен, ведет себя более чем по-родственному, обещал представить его ко двору, ввести в лондонское общество и в клуб Уайта. Он должен считать Каслвуд своим родным домом в Англии. Он был непростительно поспешен в своих суждениях о их хэмпширских родственниках. Все это со многими выражениями сожаления и раскаяния он изложил во втором своем послании в Виргинию. И он добавил — ведь уже намекалось, что наш молодой джентльмен в те дни не был в ладах с правописанием: "Моя кузина Мария настоящий англ".

— *Me praeter omnes angulus ridet* {Это место мне милее всех (лат.)}, пробормотал щупленький мистер Демпстер в виргинском Каслвуде.

— Неужто мальчик влюбился в эту англу, как он ее величает? — вскричала Маунтин.

— Какой вздор! Моей племяннице Марии сорок лет! — возразила госпожа Эсмонд. — Я прекрасно помню ее с тех пор, как жила на родине: неуклюжая, долговязая, рыжая девчонка со ступнями, как каминные мехи.

Так где же истина и кому она известна? Прекрасна ли Красота, или ее делает такой наш взгляд? Неужели Венера косит? И у нее косолапые ноги, рыжие волосы, кривая спина? Помажь мне глаза, добрый эльф Пэк, дабы я вечно видел в моей возлюбленной образец совершенства! А главное, почаще мажь самым сильным снадобьем дивные очи госпожи моего сердца — пусть моя физиономия будет ей всегда мила и она продолжает увенчивать розами мои честные уши.

Однако не только Гарри Уорингтон был любимцем некоторых обитательниц гостиных и всех дам людской половины: его лакей Гамбо также снискал значительное восхищение и уважение каслвудской прислуги. Гамбо обладал множеством талантов. Он славился как прекрасный рыболов, охотник и кузнец. Он умел прекрасно завивать волосы и усовершенствовался в этом искусстве под руководством камердинера милорда — швейцарца по происхождению. Он прекрасно готовил различные виргинские блюда и позаимствовал много новых кулинарных секретов у французского повара милорда. Мы уже слышали, как прекрасно и мелодично пел он в церкви — а петь он умел не только духовные, но и светские песни, причем, по обычаю своего народа, нередко сам сочинял мелодию и незатейливые слова. — На скрипке он играл так прелестно, что все девушки в людской Каслвуда сразу принимались танцевать, а в "Трех Замках" он всегда мог рассчитывать на даровую кружку эля, если с ним была его скрипка. Он был очень добродушен и любил играть с деревенскими ребятами. Короче говоря, негр мистера Уорингтона стал всеобщим любимцем во всех каслвудских пределах.

Однако обитатели людской без труда подметили, что мистер Гамбо большой врун — сомневаться в этом не приходилось, несмотря на все его превосходные качества. Например, в тот день в церкви, когда он притворялся, будто читает слова псалма по молитвеннику Молли, пел он совсем не то, что было в книге, так как не сумел бы прочесть в ней ни единого слога. Он сообщил между прочим, что умеет петь с листа, после чего камердинер-швейцарец принес ему какие-то ноты, а мистер Гамбо перевернул их вверх ногами. Эти уклонения от истины случались чуть ли не ежедневно и были очевидны для всех каслвудских слуг. Они знали, что Гамбо — лжец, и, возможно, эта слабость ничуть не роняла его в их глазах, но они не знали, какой он отчаянный лжец, и верили ему больше, чем следовало бы, потому, я полагаю, что им хотелось ему верить.

Какое бы изумление и зависть он ни ощутил, впервые узрев роскошь и комфорт Каслвуда, мистер Гамбо сумел скрыть свои чувства и осматривал дом, парк, службы и конюшню с полной невозмутимостью. Лошади, объявил он, очень недурны, но их маловато, а вот у них в виргинском Каслвуде их вшестеро больше, а ходят за ними четырнадцать — нет, восемнадцать конюхов. Кареты госпожи Эсмонд куда лучше, чем у милорда — много больше позолоты на стенках. А ее сады занимают много акров, и растут в них все цветы и плоды, какие только есть на свете. Ананасы и персики? Да в его стране ананасов и персиков столько, что ими кормят свиней. У них двадцать, нет, сорок садовников, и не белые, а только черные джентльмены вроде него. И в доме еще столько же ливрейных джентльменов, не считая служанок — а этих разве упомнишь, сколько их там, но как будто бы пятьдесят служанок — все собственность госпожи Эсмонд, и каждая стоит сотни и сотни дублонов. А сколько это — дублон? Да много больше гинеи, дублон-то. Дохода госпожа Эсмонд в год получает двадцать, нет, тридцать тысяч — у нее целые комнаты набиты золотом и серебряной посудой. В Англию они приехали на одном из ее кораблей, а кораблей этих у нее — не сосчитать, Гамбо их нипочем не сосчитать; а ее земли все сплошь под табаком и неграми, и чтобы объехать их, нужно не меньше недели. Наследник ли масса Гарри всего этого имущества? Конечно, раз массу Джорджа убили и скальпировали индейцы. Гамбо поубивал очень много индейцев, чтобы спасти массу Джорджа, но только он слуга массы Гарри, а масса Гарри такой богатый, такой богатый... ну, сколько ему денег нужно, столько у него и есть. Он сейчас ходит в черном, потому что масса Джордж умер, но видели бы вы его сундуки, которые остались в Бристоле, — сколько в них парчовой одежды, кружев и всяких драгоценностей. Конечно, масса Гарри самый богатый человек в Виргинии

и мог бы иметь хоть двадцать, хоть шестьдесят слуг, но только путешествовать он любит с одним слугой, самым лучшим — а самым лучшим слугой (едва ли стоит это пояснять) был, конечно, Гамбо.

Эта сказка была сочинена не сразу, а сплеталась постепенно из ответов на вопросы, и мистер Гамбо, который в своем повествовании, возможно, допускал сначала некоторые незначительные противоречия, к тому времени, когда он два или три раза повторил ее в людской и в личных апартаментах дворецкого, уже знал ее наизусть, не путался и точно помнил число рабов госпожи Эсмонд и цифру ее доходов. Впрочем, поскольку работу одного белого выполняют четверо, а то и пятеро чернокожих, слуг в американских домах гораздо больше, чем у нас, и дом госпожи Эсмонд действительно кишел неграми.

Рассказ Гамбо о богатстве и великолепии его хозяйки был сообщен милорду камердинером его сиятельства, а госпоже де Бернштейн, графине и барышням их камеристками, разумеется, ничего не потеряв при передаче, В Англии к молодым джентльменам никто не начинает относиться хуже, если проходит слух, что им предстоит унаследовать огромные богатства и имения; когда леди Каслвуд было доложено о блистательном будущем Гарри, она раскаялась в том, что сначала приняла его столь холодно, и в том, что исципала руку дочери до синяков за слишком дружеское с ним обращение. Но, может быть, еще не поздно вернуть его в объятия этих прекрасных рук? Леди Фанни получила настойчивое разрешение возобновить уроки танцев. Графиня готова была аккомпанировать им с искреннейшим удовольствием. Но ах, какая досада! Эта ужасная сентиментальная Мария никак не желала покидать комнату, где происходили уроки, а стоило Фанни выйти в сад или в парк, как ее сестрица упрямо следовала за ней. Что до госпожи де Бернштейн, то она весело смеялась над рассказом о великих богатствах ее виргинских родственников. Она была знакома с лондонским поверенным своей сводной сестры и, весьма возможно, имела достаточно верное представление о денежных делах госпожи Эсмонд. Однако она не опровергала слухи, пущенные Гамбо и каслвудскими слугами, и только развлекалась, наблюдая, как меняется под влиянием этих слухов отношение Каслвудского семейства к их юному родственнику.

— Черт побери! Неужели он так богат, Молли? — сказал милорд старшей сестре. — Тогда мы можем распрощаться со всеми надеждами на тетушку. Баронесса, конечно, оставит все свои деньги ему назло нам и потому, что он в них не нуждается. Тем не менее он довольно милый юноша, и не его вина, что он богат.

— Для такого богача он очень прост и скромен в привычках, — заметила Мария.

— С богатыми людьми так часто бывает, — ответил милорд. — Мне не раз казалось, что будь я богат, я был бы величайшим скрягой, ходил бы в лохмотьях и ел бы сухие корки. Поверь, нет удовольствия более непреходящего, чем копить деньги. Оно становится все более приятным, особенно к старости. Но потому, что я нищ, как Лазарь, я одеваюсь в пурпур и тонкое полотно и каждый день пирую.

Мария направилась в библиотеку, взяла "Историю Виргинии" Р. Гента и прочла про то, сколь благодетелен климат этой провинции, как там произрастают в изобилии всяческие плоды и кукуруза и как величавы и богаты рыбой реки Потомак и Раппаханок. И она задумывалась над тем, окажется ли этот климат ей полезен и понравится ли она своей тетке. Гарри же не сомневался, что его мать сразу же нежно ее полюбит, и Маунтин тоже. А когда его спросили, сколько слуг у его матери, он сказал, что, во всяком случае, много больше, чем ему приходилось видеть в английских домах, но сколько именно, он не знает. Но ведь от негров толку куда меньше, чем от английских слуг, потому-то и приходится держать их десятки. Когда же ему сообщили еще некоторые подробности, почерпнутые у Гамбо, он засмеялся, сказал, что его лакей — удивительный выдумщик и рассказывает подобные вещи, полагая, будто таким образом он поддерживает честь семьи своего господина.

Так, значит, Гарри не только богат, но и скромен! Его возражения лишь утвердили его родственников в убеждении, что ему предстоит унаследовать огромное состояние. Графиня и барышни становились с ним все нежнее и ласковее. Мистер Уилл все чаще предлагал ему пари и очень выгодные сделки. Простая одежда и экипаж Гарри лишь укрепляли веру его кузена в виргинское богатство. Молодой человек его положения, с его средствами — и обходится одним слугой, путешествует без собственной кареты и лошадей! Какая скромность! Ну, а хоть в Лондоне намерен он показать себя как следует? О, конечно. Каслвуд введет его в лучшее общество столицы, и ко двору он явится в надлежащем виде.

Трудно было бы найти другого столь любезного, остроумного, веселого и услужливого человека, как достойный капеллан мистер Сэмпсон. И он был бы счастлив познакомить своего юного друга со столичной жизнью — остерегать его от разных негодяев, оборонять от зла! Мистер Сэмпсон был очень мил с ним. Все были очень милы. Гарри весьма нравилось внимание, которое ему оказывали. Будучи сыном госпожи Эсмонд, он, возможно, принимал это как должное и считал, что родные

видят в нем именно ту важную персону, какой он и является на самом деле. Как мог он догадаться об истине, впервые покинув пределы своей провинции, и как мог не гордиться своим положением, когда другие люди выражали ему всяческое почтение? И вот тесный кружок обитателей Каслвуда, а за ними вся деревня, а потом и все графство вообразили, будто мистер Гарри Уорингтон — наследник сказочного богатства и весьма важная особа: и все потому, что его негру вздумалось плести о нем небылицы в людской.

Тетушке Гарри, госпоже де Бернштейн, недели через полторы уже успели сильно надоесть и Каслвуд, и его обитатели, и наезжающие в гости соседи. Этой умной женщине рано или поздно надоедало все и вся. Теперь она стала клевать носом и засыпать под пикантные истории капеллана, дремала за вистом и за обедом, стала очень резка со своими племянниками и племянницами Эсмондами, приняла с ними самый саркастический тон и постоянно нападала на милорда, на его брата-лошадника и на благородных обитательниц замка, как вдовствующих, так и незамужних, а они изнемогали под ее презрительными насмешками и сносили их со всем смирением, на какое были способны. Повар, которого она в первые дни так хвалила, теперь никак не мог ей угодить, вино отдавало пробкой, дом был сырым, унылым, отовсюду дуло, двери не закрывались, а камин дымили. Она пришла к заключению, что полезней всего ей сейчас были бы Танбриджские воды, и предписала доктору, приехавшему к ней из Хекстона, предписать ей для поправления здоровья эти воды.

— Только бы она поскорее уехала, — ворчал милорд, самый независимый среди них всех. — Пусть убирается хоть в Танбридж, хоть в Бат, хоть в преисподнюю, мне все равно.

— Может быть, мы с Фанни проводим вас в Танбридж, дорогая баронесса? спросила золовку леди Каслвуд,

— Ни в коем случае, дорогая! Доктор предписал мне полный покой, а если вы поедете со мной, дверной молоток не перестанет стучать весь день и в доме будет тесно от вздыхателей Фанни, — ответила баронесса, которой уже сильно приелось общество леди Каслвуд.

— Ах, если бы я могла быть вам чем-нибудь полезной, тетушка! вздохнула сентиментальная леди Мария.

— Но чем же, милое дитя? В пикет ты играешь хуже моей горничной, а все твои песенки я слышала столько раз, что они мне невыносимо надоели! Вот кто-нибудь из молодых людей мог бы со мной поехать — хотя бы только проводить до Танбриджа, чтобы охранять меня от разбойников.

— Я, сударыня, буду очень рад проводить вас, — заявил мистер Уилл.

— Нет, только не ты! Ты мне ни к чему, Уильям! — воскликнула его тетушка. — А почему ты молчишь и не предлагаешь меня проводить, нелюбезный Гарри Уорингтон? Где же твои американские манеры? Не ругайся, Уилл! Гарри куда более приятный собеседник, не говоря уж про его тон {Тон (франц.)}.

— Черт бы побрал его тон! — проворчал про себя Уилл, полный зависти.

— Наверное, и он мне со временем надоест, как и все прочие, продолжала баронесса. — Но в последние дни я Гарри почти совсем не видела. Ты проводишь меня до Танбриджа, Гарри?

К большому удивлению всех, а главное, его тетушки, в ответ на это прямое обращение мистер Гарри Уорингтон покраснел, помялся и наконец сказал:

— Я обещал кузену Каслвуду поехать с ним завтра в Хекстон на судебное заседание. Он считает, что мне следует ознакомиться со здешним судопроизводством... и... и... скоро начнется охота на куропаток, а я обещал быть тогда здесь, сударыня.

Произнося эти слова, Гарри покраснел как мак, а леди Мария, низко опустив свое кроткое лицо, прилежно делала стежок за стежком.

— Ты и в самом деле отказываешься поехать со мной в Танбридж-Уэлз? вскричала госпожа Бернштейн, и ее глаза вспыхнули, а лицо тоже побагровело, но от гнева.

— Не проводить вас, сударыня, — это я буду рад сделать от всего сердца. Но вот остаться там... я ведь обещал...

— Довольно, довольно, сударь! Я могу поехать одна и не нуждаюсь в вашей охране! — гневно воскликнула старая дама и вышла, из комнаты, шурша юбками.

Ее каслвудские родственники в изумлении переглянулись. Уилл присвистнул. Леди Каслвуд взглянула на Фанни, словно говоря: с ним все кончено. Леди Мария так и не подняла глаз от пялец.

Глава XVII

По следу

Бунт юного Гарри Уорингтона застал госпожу де Бернштейн настолько врасплох, что она смогла ответить на него лишь вспышкой гнева, как мы видели это, прощаясь с ней в предыдущей главе. Но прежде чем она удалилась, ее глаза метнули две злобные молнии в леди Фанни и в ее маменьку. Леди Мария за своими пальцами осталась незамеченной и даже не подняла голову, чтобы посмотреть вслед тетушке или перехватить взгляды, которыми обменялись ее сестра и мачеха.

"Так, значит, сударыня, несмотря ни на что, вы все-таки?.." — словно вопрошал материнский взгляд.

"Что — все-таки?" — спрашивали глаза леди Фанни.

Но что толку от невинного вида? Она казалась просто растерянной. И вид у нее был далеко не такой невинный, как у леди Марии. Будь она виновата, она сумела бы придать себе невинное выражение с гораздо большей ловкостью, заранее позаботившись отрепетировать его для нужной минуты. Но каким бы ни было выражение глаз Фанни, маменька смотрела на нее так грозно, словно хотела их вырвать.

Однако леди Каслвуд не стала производить означенную операцию тут же на месте, точно гнусные варвары в авторской ремарке "Короля Лира". Если ее сиятельству бывает угодно вырвать глаза дочери, она удаляется с улыбкой, обнимая свою дорогую девочку за талию, и выцарапывает их, когда остается с ней наедине.

— О, так вы не желаете поехать с баронессой в Танбридж-Уэлз? — вот все, что она сказала кузену Уорингтону, ни на секунду не переставая сиять светской улыбкой.

— И наш кузен совершенно прав, — вмешался милорд, (Глаза, опущенные на пальцы, вдруг на миг поднялись.) — Молодой человек не должен только бездельничать и развлекаться. Иногда ему следует перемежать забавы чем-нибудь полезным, а слушать скрипки и прогуливаться по курзалам в Танбридж-Уэлзе или Бате он еще успеет. Мистеру Уорингтону предстоит управлять большим поместьем в Америке, так пусть он ознакомится с тем, как ведется хозяйство в наших английских имениях... Уилл показал ему конюшню и псарню, а также модные игры, в которые, мне кажется, кузен, вы играете не хуже своих учителей. После уборки урожая мы покажем ему английскую охоту на птиц, а зимой

пригласим на лисью травлю. Хотя между нами и нашей виргинской тетушкой было некоторое охлаждение, мы все-таки кровные родственники. Прежде чем мы позволим кузену вернуться к его матушке, надо поближе познакомиться его с домашней жизнью английского джентльмена. Я хотел бы не только охотиться с ним, но и читать: вот почему я приглашал его остаться у нас подольше и составить мне компанию в моих занятиях.

Милорд говорил с такой подкупающей искренностью, что его мачеха, сводный брат и сводная сестра сразу же спросили себя, какие тайные замыслы он лелеет. Трое последних часто устраивали небольшие комплоты, составляли оппозицию или роптали против главы дома. Когда он пускал в ход этот искренний тон, догадаться о том, что под ним скрывалось, было невозможно: нередко проходили месяцы, прежде чем тайное становилось явным. Милорд не утверждал — "это истина", но только — "я хочу, чтобы мои домашние согласились с этими словами и поверили Им". Следовательно, отныне считалось, что у милорда Каслвуда появилось похвальное желание лелеять семейные привязанности, а также просвещать, развлекать и наставлять своего юного родственника, и что он очень полюбил юношу и желает, чтобы Гарри некоторое время оставался вблизи его особы.

— Что затевает Каслвуд? — осведомился Уильям у матери и сестры, когда они вышли в коридор. — Стойте! Ей-богу, знаю!

— Ну, Уильям?

— Он намерен втянуть его в игру и отыграть у него виргинское поместье. Вот что!

— Но ведь у мальчика нет виргинского поместья, чтобы его проигрывать, возразила маменька.

— Если мой братец не задумал чего-нибудь, так пусть меня...

— Перестань! Конечно, он что-то задумал. Но что?

— Не надеется же он, что Мария... Мария же Гарри в матери годится, задумчиво произнес мистер Уильям.

— Чепуха! С ее-то старушечьим лицом, белобрысыми волосами и веснушками! Невозможно! — воскликнула леди Фанни и как будто вздохнула.

— Разумеется, ваша милость тоже чувствует склонность к ирокезу! вскричала маменька.

— Право, сударыня, я не способна настолько забыть свой ранг и обязанности! Если он мне и нравится, это еще не значит, что я выйду за него. Этому, ваше сиятельство, вы меня, во всяком случае, научили.

— Леди Фанни!

— Но ведь вы вышли за папа, не питая к нему ни малейшей склонности. Вы мне тысячу раз это повторяли!

— А если вы не любили отца до брака, то уж потом и вовсе его не обожали, — со смехом вмешался Уильям. — Мы с Фан хорошо помним, как наши досточтимые родители изволили браниться. Верно, Фан? А наш братец Эсмонд поддерживал мир в семье.

— Ах, не напоминай мне об этих ужасных, вульгарных сценах, Уильям! вскричала маменька. — Когда ваш отец пил слишком много, он превращался в безумца, что должно бы послужить вам предостережением, сударь, ибо и вы приобретаете эту мерзкую привычку.

— Вы, сударыня, не нашли счастья, выйдя замуж за человека, который вам не нравился, и титул вашего сиятельства вам ничего с собой не принес, всхлипывая, сказала леди Фанни. — Что толку от графской короны, если приданого у тебя не больше, чем у жены какого-нибудь лавочника? Да и многие из них гораздо богаче нас! Недавно на нашей площади в Кенсингтоне поселилась вдова бакалейщика с Лондонского моста, и у ее дочек втрое больше платьев, чем у меня. И хотя им прислуживает только один слуга и две горничные, я знаю, что они едят и пьют в тысячу раз лучше нас, а не довольствуются, как мы, остатками холодного жаркого, пусть его и подадут на серебре и в доме у нас полно наглых, ленивых бездельников-лакеев!

— Ха-ха! Я рад, что обедаю во дворце, а не дома! — сказал мистер Уилл. (Мистер Уилл благодаря протекции тетушки получил через графа Пуффендорфа, Хранителя Королевской (и Высочайшей Курфюрстовой) Пудреной комнаты, одну из мелких придворных должностей — помощника хранителя пудры.)

— Почему я не могу быть счастливой, обходясь только моим собственным титулом? — продолжала леди Фанни. — Ведь таких людей очень много. Наверное, они счастливы даже в Америке.

— Да-с! Со свекровью, которая, судя по тому, что мне о ней известно, сущая мегера, с завывающими индейцами, и с опасностью лишиться скальпа или попасть на обед диким зверям всякий раз, когда ты идешь в церковь.

— Ну, так я не пойду в церковь, — сказала леди Фанни.

— Пойдешь, пойдешь — и с первым, кто тебя об этом попросит, Фан! захохотал мистер Уилл. — И старушка Мария тоже, да и любая женщина — все вы на один лад! — И Уилл продолжал смеяться, очень довольный своим остроумием.

— Чему это вы смеетесь, любезные мои? — осведомилась госпожа

Бернштейн, выглядывая из-за гобелена, которым была занавешена дверь на галерею, где они беседовали.

Уилл уведомил ее, что его матушка и сестрица грызутся (что отнюдь не было редкостью, как отлично знала госпожа Бернштейн), потому что Фанни решила выйти за кузена — за дикого индейца, а ее сиятельство ей не разрешает. Фанни возмутилась. С самого первого дня, когда маменька запретила ей разговаривать с этим молодым человеком, она и двумя словами с ним не обменялась. Она помнит, что приличествует ее положению. И она не хочет, чтобы ее скальпировали индейцы или съели медведи.

Лицо госпожи де Бернштейн выразило недоумение.

— Если он остается не из-за тебя, то из-за кого же? — спросила она. Возя его по гостям, вы старались выбирать такие дома, где все женщины или уроды, или еще не вышли из младенчества, а мне кажется, что мальчик достаточно горд и в молочницу не влюбится, а, Уилл?

— Гм! Это дело вкуса, сударыня, — ответил Уилл, пожимая плечами.

— Вкуса мистера Уильяма Эсмонта — верно. Но не этого мальчика. Эсмонды, воспитанные его дедом, не строят куры на кухне.

— Что же, сударыня, могу только сказать, что вкусы бывают разные. И людская моего брата — совсем не плохое место для таких походов. А если это не Фан, то остаются только горничные и старушка Мария.

— Мария! Невозможно! — Но госпожа Бернштейн не успела еще договорить, как ей внезапно пришло в голову, что "та перезрелая Калипсо и вправду могла пленить ее юного Телемака. Она припомнила десятки известных ей случаев, когда молодые люди влюблялись в пожилых женщин. Она вспомнила, как часто в последнее время Гарри Уорингтон исчезал из дома, — она приписывала эти отлучки его увлечению скачками. Она вспомнила, что нередко, когда он исчезая, Марии Эсмонт тоже нигде не было видно. Прогулки по тенистым аллеям, воркование в садовых беседках или за подстриженными, живыми изгородями, как бы случайное пожатие руки в полутемных коридорах, нежные и кокетливые взгляды при встречах на лестнице — живое воображение, глубокое знание света, а весьма вероятно, я значительный опыт, накопленный ею самой в былые дни, привели госпоже де Бернштейн на память эти уловки и ухищрения как раз в ту минуту, когда она произносила слово "невозможно".

— Невозможно, сударыня? Ну, не знаю, — возразил Уилл. — Маменька предупредила Фан, чтобы она держалась от него подальше.

— А, так ваша маменька действительно предупреждала Фанни об этом?

— Разумеется, дорогая баронесса?

— Еще как предупреждала! Она исщицпала Фанни руку до синяков. Ну, и грызлись они из-за этого!

— Глупости, Уильям! Постыдись, Уильям! — хором произнесли те, о ком шла речь.

— А когда мы узнали, какой он богач, то виноград, выходит, зелен, только и всего. Но теперь, когда молодую птичку от него отпугнули, он, может быть, охотится за старой, вот так! Невозможно! Почему? Ведь вы знавали старую леди Суффолк, сударыня?

— Уильям! Как ты смеешь упоминать леди Суффолк в разговоре с тетушкой?

По физиономии молодого джентльмена скользнула усмешка.

— Потому что леди Суффолк была при дворе в особом фаворе? Ну так ее уже сменили другие.

— Сударь! — вскричала госпожа де Бернштейн, у которой, возможно, были свои причины, чтобы оскорбиться.

— Но ведь сменили? А то кто же такая миледи Ярмут? И разве леди Суффолк не влюбилась в Джорджа Беркли и не вышла за него, когда была совсем старухой? Более того, сударыня, если я чего-нибудь не перекутал, — а мы за нашим столом слышим все, о чем говорят в городе, — так Гарри Эстридж был без ума от вашей милости, когда вам уже перевалило за двадцать, и, позволь вы ему, предложил бы вам сменить фамилию в третий раз.

Это упоминание о романтическом эпизоде, случившемся уже на закате ее дней и к тому же хорошо известном всему свету, не только не рассердило госпожу де Бернштейн, как предыдущий намек Уилла на то, что его тетушка была в фаворе при дворе Георга II, но наоборот, привел ее в хорошее расположение духа.

— *Au fait* {Действительно (франц.)}, — сказала она, задумчиво постукивая хорошенькой ручкой по столу и, без сомнения, вспоминая юного безумца Гарри Эстриджа, — ты прав, Уильям: в том, что и старики и молодые способны натворить глупостей, нет ничего невозможного.

— Но я все-таки не понимаю, какой молодой человек мог бы потерять голову из-за Марли, — продолжал мистер Уильям, — сколько бы ни влюблялись они в вас, сударыня. Это ведь оутер шоуз {Другое дело (ломаный франц.)}, как говорил наш гувернер-француз. Вы помните французского графа, сударыня? Ха-ха! — и Мария его не забыла!

— Уильям!

— И думаю, что граф тоже не забыл, как Каслвуд отделал его тростью.

Проклятый учительшка танцев выдает себя за графа и смеет влюбиться в девицу из нашей семьи! Когда мне хочется сделать старушке Марии что-нибудь очень приятное, я просто говорю ей парочку слов на парлей-ву {Начало вопроса; "Говорите ли вы по-французски?" (ломаный франц.)}. И она сразу понимает, к чему я клоню.

— И ты ругал ее своему кузену — Гарри Уорингтону? — спросила госпожа де Бернштейн.

— Ну... я ведь знаю, как она всегда меня ругает... и я говорил все, что о ней думаю.

— Болван! — вскричала старуха. — Ну кто, кроме прирожденного идиота, будет бранить женщину ее поклоннику? Он же все ей перескажет, и они оба тебя возненавидят!

— Именно так, сударыня! — воскликнул Уилл, раздражаясь громовым хохотом. — Видите ли, у меня были кое-какие подозрения на этот счет, и дня два назад, когда мы с Гарри Уорингтоном ездили верхом, я сказал ему, что думаю про Марию. Почему бы и нет, позвольте спросить? Она ведь всегда меня поносит, верно, Фан? И ваш любимчик стал краснее моего плюшевого камзола, спросил, как может джентльмен порочить своих кровных родственников, и, весь дрожа от ярости, заявил, что я не Эсмонд.

— Почему же вы не проучили его, сударь, как милорд — учителя танцев? воскликнула леди Каслвуд.

— Да видите ли, маменька, у палки два конца, — ответил мистер Уильям. И, по моему мнению, Гарри Уорингтон умеет отлично оберегать свою голову. Возможно, я именно по этой причине не дал кузену отведать моей трости. А теперь, после ваших слов, сударыня, я понимаю, что он все пересказал Марии. С тех пор она смотрит на меня так, словно готова убить меня на месте. И все это доказывает... — Он повернулся к тетушке.

— Так что же это доказывает?

— А то, что мы идем по правильному следу... и высмотрели Марию, старую лису! — И, приложив ладонь ко рту, находчивый молодой человек испустил оглушительное "ату ее!".

Как далеко зашла эта милая интрижка? Это был следующий вопрос. Мистер Уилл высказал мнение, что Мария в ее возрасте будет стараться ускорить дело, — ведь ей времени терять нельзя. Уилл и его сводная сестра не слишком любили друг друга.

— Но как все это распутать? Бранить его или ее нет смысла. В подобных случаях угрозы еще более укрепляют людей в их намерениях. Мне, молодые люди, только раз грозила подобная опасность, — сказала госпожа де Бернштейн, — и я думаю, потому лишь, что моя бедная мать

пыталась мне. воспрепятствовать. Если мальчик похож на других членов своей семьи, то чем больше мы будем ему перечить, тем более entete {Упрям (франц.).} он станет, и мы никогда не вызволим его из этой беды.

— А надо ли его вызволять, сударыня? — проворчал Уилл. — Мы со старушкой Марией не слишком-то любим друг друга, это правда. Но в конце концов разве дочь английского графа — не завидная партия для какого-то американского табачника?

Тут вмешались его мать и сестра. Они не потерпят этого брака! На что Уилл ответил:

— Вы просто собаки на сене. Самой он тебе не нужен, Фанни...

— Он мне?! Помилуйте! — воскликнула леди Фанни, вскидывая головку.

— Так почему же тебе жалко отдать его Марии? По-моему, Каслвуд хочет, чтобы она вышла за него.

— Почему жалко отдать его Марии? — с жаром воскликнула госпожа де Бернштейн. — Или вы не помните, кто такой этот бедный мальчик и чем ваша семья обязана его семье? Его дед был лучшим другом вашего отца и отказался от этого поместья, от этого титула, от этого самого замка, где вы сейчас готовы устроить заговор против бедного одинокого мальчика, приехавшего к вам из Виргинии, — отказался, чтобы вы все могли этим пользоваться. А в благодарность за подобную доброту вы только-только не захлопнули перед бедняжкой вашу дверь, когда он в нее постучался, а теперь хотите женить его на перезрелой дуре, которая ему в матери годится! Нет, он на ней не женится!

— Но ведь мы говорим и думаем точно так же, дорогая баронесса! вмешалась леди Каслвуд. — Мы вовсе не хотим этого брака, каковы бы ни были намерения Марии и Каслвуда.

— Вы предпочли бы приберечь его для себя, теперь, когда вы услышали, что он богат, — и он может стать еще богаче, запомните это, — воскликнула госпожа Беатриса, глядя на своих родственников.

— Пусть мистер Уорингтон сказочно богат, сударыня, но это еще не причина, чтобы вы, ваша милость, постоянно напоминали нам, что мы бедны, — с некоторой запальчивостью перебила ее леди Каслвуд. — Во всяком случае, Фанни и мистер Гарри почти ровесники, и вы, я думаю, уж во всяком случае не станете утверждать, будто девушка, носящая нашу фамилию, может быть недостаточно хороша для любого джентльмена, родился ли он в Виргинии или где-нибудь еще.

— Пусть Фанни изберет себе в мужья англичанина, графиня, а не американца. С такой фамилией и с такой заботливой матерью, с ее красотой

и дарованиями она, несомненно, сумеет найти человека, ее достойного. Но то, что мне известно о дочерях этого дома, и то, что, как мне кажется, я вижу в нашем молодом родственнике, убеждает меня в одном: их союз не будет счастливым.

— Но что такого, тетушка, вам известно обо мне? — спросила леди Фанни, багрово покраснев.

— Только твой нрав, моя дорогая. Неужели ты думаешь, что я верю всем сплетням и пустой болтовне, которую приходится выслушивать в лондонских гостиных? Но достаточно твоего нрава и полученного тобой воспитания. Стоит только представить, что кого-нибудь из вас насильственно разлучат с Сент-Джеймским дворцом и Пэл-Мэл и обрекут жить на плантации среди дикарей! Да вы умрете от тоски или изведете мужа вечными упреками. Вы, дочери благородных семей, рождены украшать королевские дворы, а не вигвамы. Пусть же этот мальчик вернется в свою дикую глушь с женой, которая ему подходит.

Невестка и племянница, в один голос заверив ее, что ничего другого они и не желают, сказали еще несколько незначащих фраз и удалились, а госпожа де Бернштейн через завешенную гобеленом дверь проследовала в свою спальню. Теперь ей все стало ясно, и, припоминая десятки многозначительных мелочей, она восхищалась извечной женской хитростью. Она дивилась собственной слепоте и недоумевала, каким образом она умудрилась не заметить эту нелепую интрижку, которая велась рядом с ней все последние дни. Как далеко зашло дело? Вот что было теперь важнее всего. Можно ли считать страсть Гарри серьезной и трагической, или это просто вспыхнувшая солома, от которой через день-два останется лишь пепел? Какие обещания он дал? Ее страшила пылкость Гарри и расчетливость Марии. Женщина в таком возрасте, — возможно, рассуждала госпожа Бернштейн, — уже настолько отчаялась, что ни перед чем не остановится, лишь бы обзавестись мужем. Скандал? Ба! Она уедет и будет жить принцессой в Виргинии, а в Англии пусть себе ужасаются и сплетничают, сколько им угодно,

Так, значит, всегда есть что-то, о чем женщины никогда не рассказывают друг другу и в чем согласились друг друга обманывать? Порожден ли этот обман скрытностью или скромностью? Мужчина, едва почувствовав склонность к представительнице другого пола, спешит к другу, чтобы излить ему свои восторги. Женщина по мере сил старается скрыть свою тайну от других женщин. Значит, эта старушка Мария день за днем, неделю за неделей обманывала весь дом? Мария, посмешище своих родных?

Я не стану из пустого любопытства наводить справки о прошлом леди Марии. И у меня есть свое мнение о прошлом госпожи Бернштейн. Сто лет назад люди большого света не были такими чопорными, как сейчас, когда все до единого добродетельны, чисты, нравственны, скромны, когда ни в чьих чуланах не спрятаны никакие скелеты, когда исчезли интриги, когда незачем бояться, что вдруг всплывут какие-то старые истории, когда нет девушек, продающих себя за богатство, и матерей, им в этом способствующих. Предположим, леди Мария и правда ведет свою маленькую игру, но так ли уж ее милость отступает от общепринятых обычаев?

Вот о чем, несомненно, размышляла в уединении своей спальни баронесса де Бернштейн.

Глава XVIII

Старая песня

Едва миледи Каслвуд с сыном и дочерью удалилась через одну из дверей гостиной, как милорд Каслвуд покинул ее через другую, и тогда кроткие очи поднялись от пялец, оторвавшись от невинных фиалок и нарциссов, которые они с таким упорством и столь долго рассматривали. Очи обратились на Гарри Уорингтона, стоявшего под семейным портретом возле огромного камина. Он тем временем успел собрать большую охапку тех алых роз, которые зовутся румянцем и так редко расцветают, едва минуют весенние дни благородных джентльменов и дам, и щедро украсил ими свою простодушную физиономию — щеки, лоб и даже юные уши.

— Почему вы отказались поехать с тетушкой, кузен? — осведомилась барышня за пяльцами.

— Потому что ваша милость приказали мне остаться, — ответил юноша.

— Я приказала вам остаться? Ах, дитя мое! Вы считаете серьезным то, что было сказано в шутку! Неужели у вас в Виргинии все джентльмены столь учтивы, что каждое случайное слово, сорвавшееся с женских губ, считают приказом? Если так, то Виргиния должна быть раем для нашего пола.

— Вы сказали... когда... когда мы гуляли по террасе в позапрошлый вечер... О, боже! — воскликнул Гарри голосом, дрожавшим от избытка чувств.

— О, этот дивный вечер, кузен! — воскликнули пяльцы.

— Ко... когда вы подарили мне эту розу с вашей груди! — возопил Гарри, внезапно извлекая из выреза камзола помятый и увядший цветок. — И я никогда с ней не расстанусь... не расстанусь, клянусь небом, пока будет биться мое сердце. И вы сказали: "Гарри, если тетушка захочет, чтобы вы поехали с ней, вы поедете, а если поедете, то забудете меня". Ведь вы же сказали это?

— Все мужчины забывчивы, — со вздохом произнесла дева.

— Может быть, кузина, у вас, в этой холодной, эгоистичной стране, но не у нас в Виргинии! — продолжал Гарри все в том же экстазе. — Мне было бы легче лишиться руки, чем отказать баронессе. Право же, мне было очень горько, когда пришлось ответить ей "нет", — ведь она была так добра

ко мне и ведь благодаря ей я узнал ту... ту... О, боже! (Оказавшийся на дороге спаньель получает пинок и с визгом отскакивает от камина, а говорящий стремительно бросается к пьедесталу.) Послушайте, кузина! Скажите, чтобы я прыгнул вон в то окно, и я прыгну. Скажите, чтобы я убил кого-нибудь, — и я убью.

— О! Но, право, незачем так крепко сжимать мою руку, глупое дитя! попеняла ему Мария.

— Я не могу совладать с собой — таковы уж мы, южане. Там, где мое сердце, я должен излить и душу, кузина, — а где мое сердце, вам известно. С того вечера... когда... О, боже! С тех пор я почти не смыкал глаз... Я все хочу совершить что-нибудь... подвиг... Стать великим. Ах, Мария, почему больше нет великанов, о которых я читал в... в книгах, и я не могу пойти сразиться с ними! О, если бы с вами случилось несчастье, а я помог бы вам! Если бы вам понадобилась моя кровь, чтобы я мог всю ее до последней капли пролить за вас! И когда вы велели мне не ездить с госпожой Бернштейн...

— Я велела тебе, дитя? Нет-нет.

— Так мне показалось. Вы сказали, что знаете, насколько моя тетушка мне дороже моей кухни, и я сказал тогда то, что повторю и теперь: "Несравненная Мария! Ты мне дороже всех женщин мира и всех ангелов рая! Повели-и я отправлюсь куда угодно, хоть в темницу!" И неужели вы думали, что я способен уехать, раз вы пожелали, чтобы я был подле вас? — добавил он, помолчав.

— Мужчины всегда говорят так... то есть... то есть я слыхала об этом, поспешно поправилась девица. — Что может знать о ваших хитростях девушка, выросшая в деревне? Говорят, вы, мужчины, готовы расточать нам восторги, пламенные обещания и уж не знаю, что еще, но стоит вам уехать — и вы забываете о самом нашем существовании.

— Но ведь я не хочу никуда уезжать, покуда я жив, — простонал молодой человек. — Мне все прискучило: не книги и тому подобные занятия — их я никогда не любил, — а охота и прочие развлечения, которые мне нравились в юности. До того как я увидел вас, я больше всего хотел стать солдатом; я волосы на себе рвал от досады, когда мой бедный брат отправился вместо меня в поход, в котором он погиб. Но теперь у меня только одно-единственное желание, и вам известно какое.

— Глупенькое дитя! Разве вы не знаете, что я почти гожусь вам...

— Я знаю, я знаю! Но что мне до этого? Ведь ваш бр... ну, все равно, кто... ведь кто-то из них пытался нарасказать мне о вас всякой всячины, и они показывали мне семейную библию, где записаны все ваши имена и дни

рождений.

— Ничтожества! Кто это сделал? — воскликнула леди Мария. — Милый Гарри, скажите мне, кто это сделал? Наверное, моя мачеха, жадная, гнусная, бессовестная, наглая гарпия? А о ней вам все известно? Известно, как она женила на себе моего отца, когда он был пьян — мерзкая тварь! — и...

— Нет-нет, это была не леди Каслвуд, — перебил Гарри в изумлении.

— Так, значит, тетушка! — продолжала разъяренная девица. Блюстительница нравов, нечего сказать! Вдова епископа! А чьей вдовой она была до и после, хотела бы я знать? Ведь у нее, Гарри, была интрига с Претендентом и всякие интриги при ганноверском дворе — и она вела бы их и при папском дворе, и при турецком, представься ей только случай. А вы знаете, кем был ее второй муж? Ничтожество, которое...

— Но тетушка ни разу не сказала о вас ни одного дурного слова, — вновь перебил ее Гарри, все больше и больше поражаясь бешеной вспышке своей нимфы.

Марая подавила свою ярость. Ей показалось, что на удивленном лице ее собеседника читается и некоторый испуг перед злобностью, которой она дала волю.

— Ах, какая я дуручка, — сказала она. — Но я хочу, чтобы ты думал обо мне хорошо, Гарри!

И пылкий юноша схватил и, без сомнения, осыпал поцелуями ручку, которую ему вдруг протянули.

— Ангел! — восклицает он и устремляет на нее взгляд, в котором говорит вся его честная и бесхитростная душа.

Два рыбных садка, озаренные двумя звездами, излучали бы не больше жара, чем эта пара очей не первой молодости, в которые, не отрываясь, смотрел Гарри. Тем не менее он погрузился в их голубые глубины и воображал, будто зрит небо в их спокойном блеске. Так глупая собака (о которой в детстве нам поведал не то Эзоп, не то букварь) увидела в пруду кость, попробовала схватить ее и лишилась той кости, которую несла. Ах, смешная собака! Она увидела лишь отражение своей же кости в коварном пруду, который, наверное, покрылся рябью самых ласковых улыбок, невозмутимо поглотил лакомый кусок и вновь обрел обычную безмятежность. О, сколько обломков кроются под иной такой спокойной поверхностью! Какие сокровища роняли мы туда! Какие чеканные золотые блюда, какие бесценные алмазы любви, какие кости, одну за другой, и самую плоть нашего сердца! И разве некоторые очень верные псы-неудачники не прыгают туда сами, чтобы Омут засосал их с ушами и

хвостом? Если бы души некоторых женщин можно было обшарить багром, чего только не отыскалось бы в их глубинах! Cavete, canes {Собаки, будьте осторожны! (лат.).}! Осторожнее лакайте воду. Что они ищут сделать с нами, эти злокозненные, бессердечные сирены? Зеленоглазая наяда не успокоится до тех пор, пока не увлечет беднягу под воду; она поет, чтобы завладеть им, она танцует, она обвиняется вокруг него, сверкающая и гибкая, она щебечет и нашептывает у его щеки сладостные тайны, она лобзает его ноги, она шлет ему улыбки из чащи камышей — и все речное лоно манит его! "Иди же, пленительный отрок! Сюда, сюда, розовощекий Гилас!" И Гилас — бултых! — уже под водой. (Не правда ли, этот миф все время обновляется?) А довольна ли поймавшая его? Дорожит ли она им? Да не больше, чем брайтонский рыбак — одной из сотни тысяч селедок, попавших в его сеть... Когда Одиссей в последний раз проплывал мимо острова Сирен, и он, и его гребцы сохраняли полнейшее равнодушие, хотя целый косяк сирен распевал свои песни и расчесывал самые длинные свои кудри. Юный Телемак хотел было прыгнуть за борт, но грубые старики мореходы крепко держали дурачка, как он ни вырывался и ни вопил. Они были глухи и не слышали ни его воплей, ни пения морских нимф. Их подслеповатые глаза не видели, как прекрасны колдуньи. Перезрелые, старые кокетки-колдуньи! Прочь! Полагаю, вы давно уже румяните щеки, ваши скучные старые песни вышли из моды, как Моцарт, а расчесываете вы накладные волосы!

В этой последней фразе Lector Benevolius {Благосклонный читатель (лат.).} и Scriptor Doc tissimus {Ученейший писатель (лат.).} фигурируют в качестве грубого старика Одиссей и его грубого старика боцмана, который и щепотки табака не дал бы за любую сирену с Сиреневого мыса} но в Гарри Уорингтоне мы находим зеленого Телемака, правда, ничуть не похожего на изнеженного юнца из напыщенной истории доброго епископа Камбрейского. Нет, ой не догадывается, что сирена красит ресницы, ир-под которых бросает на него смертоубийственны чарующие взгляды, что, опутав его кудрями, затем, по миновании надобности, она аккуратно уберет эти кудри в шкатулку, а удайся ей, как она намеревается, съесть его, то будет дробить его косточки с помощью новеньких-челюстей; только что полученных от дантиста и, по его словам, незаменимых для жевания. Песня не кажется Гарри Уорингтону на старой, ни скучной, а голос певицы — надтреснутым и фальшивым. Но... но... Ах, боже мой, братец Боцман! Вспомни, как нравилась нам эта опера, когда мы слушали ее в первый раз! "Cosi fan tutte" {"Так поступают все женщины" (итал.) — название оперы Моцарта.} — так она называлась... музыка Моцарта. Теперь, наверное,

слова уже другие и музыка другая, другие певцы и скрипачи, другая публика в партере. Ну так что же: "Cosi fan tutte" все еще значится в афишах, и ее будут петь снова, снова и снова.

Любой человек, имеющий ума на фартинг или собственного опыта на ту же внушительную сумму, или прочитавший прежде хотя бы один роман, должен был, когда Гарри минуту назад вытащил увядший цветочек, отвлечься и задуматься о чем-то своем, как и автор, готовый смиренно признаться, что он далеко отступил от темы, пока писал последние абзацы. Стоит ему увидеть, как влюбленная парочка шепчется в садовой аллее или в амбразуре окна, стоит ему перехватить взгляд, который Дженни посылает через комнату бесхитроственному Джессеми, и он начинает вспоминать былые дни, когда... и прочее, и прочее. Эти вещи следуют друг за другом, подчиняясь общему закону, который, конечно, не так стар, как земля, но не менее стар, чем люди, по ней ходящие. Когда, повторяю, юноша достает со своей груди пучок ампутированной, а теперь и увядшей зелени и начинает его целовать, то надо ли прибавлять к этому что-нибудь еще? Например назвать имя садовника, у которого был куплен этот розовый куст, сообщить, как его поливали, обрезают, подстригали, унавоживали, или описать, каким образом роза оказалась на груди у Гарри Уорингтона? *Rose, elle a vecu la vie des roses* {Подобная розе, она прожила, сколько живут розы (франц.)}, — ее подстригали, поливали, высаживали, подвязывали, а потом срезали, приколоты к платью, подарили, и она очутилась в бумажнике и на груди вышеупомянутого юноши, согласно законам и судьбам, управляющим розами.

А почему Мария подарила ее Гарри? А почему ему вдруг стал так нужен и так безмерно дорог этот пустячок? Разве все эти истории не одинаково банальны? Разве все они не похожи одна на другую? Так что толку, повторяю я, пересказывать их вновь и вновь? Гарри дорожит этой розой, потому что Мария строила ему глазки на старый испытанный лад, потому что она случайно встретилась с ним в саду — на старый испытанный лад, потому что он взял ее за руку — на старый испытанный лад, потому что они шептались за старой портьерой (дырявая старая тряпка, сквозь которую все видно), потому что утро было прекрасным, и оба они, встав очень рано, вышли прогуляться по парку, потому что у доброй бабушки Дженкинс разыгрался ревматизм и леди Мария пошла в деревню, чтобы почтить старушке и отнести ей студень из телячьих ножек, а кто-то ведь должен был нести корзинку. Можно было бы написать десяток глав, излагая все эти обстоятельства, но а *quoí bon?* {К чему? (франц.)} Житейские события, а особенно любовные увлечения, мне

кажется, настолько напоминают все другие, им подобные, что я дивлюсь, уважаемые дамы и господа, почему вы еще продолжаете читать романы. Вздор! Разумеется, роза в бумажнике Гарри когда-то прежде росла, дала бутон, распустилась, а теперь увядала и сохла, подобно всем остальным розам. Наверное; вам хочется, чтобы я упомянул, что юный дурачок ее целовал? Конечно, он ее целовал. А скажите, пожалуйста, разве губы не были созданы именно для того, чтобы улыбаться, и сюсюкать, и (может быть) лгать, и целовать, и открываться, принимая баранью отбивную, сигару и тому подобное? Я не могу подробно рассказывать об этом эпизоде в истории наших виргинцев, потому что сам Гарри не осмелился рассказать о нем кому-нибудь из своих виргинских корреспондентов, а если он и писал Марии (а писал он непременно, раз они жили под одной кровлей и могли видаться когда угодно без всяких помех), эти письма были уничтожены; потому что впоследствии он предпочитал хранить полное молчание относительно этой истории, а узнать ее от благородной девицы мы тоже не можем, так как она никогда и ни о чем правды не говорила. Но *cui bono* {К чему? (лат.).} повторяю я снова. Что толку пересказывать эту историю? Благосклонный читатель, возьми для примера собственную свою историю или мою. А завтра она уже будет принадлежать мисс Фанни, которая только что удалилась в классную комнату в сопровождении куклы и гувернантки (у бедняжки в бюро хранится свой вариант все той же избитой повести!), а послезавтра ее можно будет рассказывать уже про младенца, который сейчас вопит на лестнице, требуя соску.

Возможно, Марии было приятно чувствовать свою власть над юным виргинцем и этой властью пользоваться, однако ей вовсе не хотелось, чтобы из-за нее Гарри поссорился с тетушкой, и тем более ей не хотелось навлечь на себя гнев госпожи де Бернштейн. Гарри пока еще не стал виргинским владыкой — он был всего лишь принцем. Королева может вступить в новый брак и обзавестись новыми принцами, а неизвестно, обязательно ли в Виргинии поместье наследует старший сын — *qu'en savait elle?* {Что она об этом знает? (франц.).} Они с милордом ее братом не обменялись ни единым словом касательно этого деликатного дела. Но они хорошо понимали друг друга, а кроме того, граф умел о многом догадываться без расспросов. Он прекрасно знал свою сестрицу: значительную часть жизни Мария провела в обществе брата и под его кровом, так что глава рода до тонкости изучил все ее склонности, привычки, хитрости и недостатки — не раз его сиятельство по своему благоусмотрению препятствовал или споспешествовал планам сестры, причем оба они обходились без каких-либо объяснений. Таким образом, за

три дня до описываемых событий, когда леди Мария отправилась навестить в деревне бедную милую бабушку Дженкинс, у которой разыгрался ревматизм (а Гарри Уорингтон случайно прогуливался по лужайке под вязами), граф, окруженный собаками и сопровождаемый садовником, вышел во двор замка и окликнул сестру, как раз порхнувшую к воротам:

— Молли, ты идешь навестить бабушку Дженкинс? У тебя доброе сердце, дорогая моя. Передай бабушке Дженкинс от меня эти полкроны — если только наш кузен Уорингтон уже не дал ей денег. Желая приятной прогулки. Присмотри, чтобы она ни в чем не нуждалась.

А за ужином милорд расспрашивал мистера Уорингтона о положении бедняков в Виргинии и о помощи, которая им оказывается, и наш юный джентльмен отвечал ему, как мог. Его сиятельство посожалел, что в Англии бедняков гораздо больше, чем в Новом Свете, и посоветовал Гарри почаще посещать бедняков, да и людей всех сословий, низких и высших, в деревне знакомиться с ведением сельского хозяйства, в городе — с мануфактурами и муниципальными учреждениями. Гарри выслушал эти дружеские наставления с надлежащей скромностью и в молчании, а госпожа Бернштейн, игравшая в пикет с капелланом, одобрительно кивнула. На следующий день Гарри оказался в судебном зале милорда, а на следующий провел очень много времени с милордом на ферме, причем на обратном пути милорд, как попечительный помещик, разумеется, навестил в деревне занемогшую старушку. Вероятно, в этот день леди Мария также отсутствовала — она читала душеспасительную книжку бедной милой бабушке Дженкинс, — но я полагаю, что госпожа Бернштейн вряд ли осведомлялась о местопребывании своей племянницы.

"Каслвуд, Хэмпшир, Англия,

5 августа 1757 г.

Дорогая Маунтин!

Сначала, как я писал, Каслвуд и мои здешние родственники мне не понравились, то есть не слишком. Теперь я привык к их обычаям, и мы понимаем друг друга много лучше. Передай матушке вместе с моим нижайшим поклоном, что я надеюсь, что госпожа Эсмонд, узнав о большой доброте, с какой ее милость меня обласкала, помирится со своей сводной сестрой, баронессой де Бернштейн. Баронесса, как ты знаешь, была дочерью моей бабушки от ее первого мужа, лорда Каслвуда (только настоящим лордом по-настоящему был дедушка), однако это была не его вина, то есть того лорда Каслвуда, и он вел себя очень благородно с дедушкой, который всегда говорил нам о нем только хорошее, как ты знаешь.

Баронесса Бернштейн сначала была замужем за священником, преподобным мистером Тэшером, который был таким ученым и добродетельным и в такой милости у его величества, как и моя тетушка, что его сделали епископом. Когда он умер, наш всемилостивейший государь по-прежнему не оставлял дружбой тетушку, которая вышла за ганноверского вельможу, который состоял при дворе — и, кажется, оставил баронессе большое богатство. Мой кузен милорд Каслвуд очень много мне о ней рассказывал, и мне она, без сомнения, выказывает большую доброту и ласку.

Графиня (вдовствующая) Каслвуд, а также кузен Уилл и кузина Фанни описывались в моем предыдущем письме, отправленном с фалмутским пакетботом 20 июля с. г. Графиня и кузина с тех пор не переменились. С кузеном Уиллом мы добрые друзья. Часто катаемся верхом. Побывали на славных петушиных боях в Хемптоне и Уинтоне. Мой кузен — хитрая штука, но, по-моему, я ему показал, что мы в Виргинии тоже кое-что понимаем. Преподобный мистер Сэмпсон, семейный капилан — превосходнейший проповедник и совсем не ханджа.

Мой кузен граф становится любезнее с каждым днем, и я надеюсь, что в будущем году матушка пошлет его сиятельству с нашим кораблем лучшего нашего трубочного табаку (для арендаторов) и вичины. Он очень заботится о бедных. Его сестра леди Мария тоже. Она часами читает больным душеспасительные книги, и ее очень любят в деревне".

— Ах, вздор, — сказала некая девица, которой Гарри дал прочесть свой драгоценный манускрипт. — Зачем вы мне льстите, кузен?

— Да, вас любят в деревне... и не только там, — сказал Гарри с многозначительной паузой, — а дальше я вам и еще больше польстил, как вы это называете.

"Тут есть больная старушка, которая понравилась бы госпоже Эсмонд, такая это добрая и благочистивая женщина.

Леди Мария часто ходит читать ей, потому что для нее, говорит она, это большое утешение. Впрочем, хотя у ее милости голос удивительно прекрасный, и когда она разговаривает, и когда поет (она играет в церкви на органе и дивно поет там), я не думаю, чтобы бабушке Дженкинс он приносил большое утешение, потому что она совсем оглохла от старости. Однако память у нее сохранилась полностью, и она не забыла времени, когда моя досточтимая бабушка Рэйчел леди Каслвуд жила здесь. Она говорит, что лучше моей бабушки в мире не было женщины; она подарила ей корову, когда она выходила замуж, и вылечила ее мужа дедушку Дженкинса от коллек, от которых он очень мучился. Наверное, она

вылечила его теми пилюлями и каплями, которые моя досточтимая матушка положила мне в чемодан, когда я уезжал из милой Виргинии. Только я с тех пор не болел и в пилюлях не нуждался. Но дал их Гамбо, так как он опивается и объедается в людской. А второй ангел после бабушки (нота бене. В прошлом письме я, кажется, написал "ангел" с ошибкой), говорит матушка Дженкинс, это леди Мария, которая шлет почтительный поклон своей тетеньке в Виргинии и хорошо помнит ее и дедушку с бабушкой, которых видела маленькой девочкой, когда они приезжали в Европу. А знаешь, у них здесь висит портрет дедушки, и я живу в его прежних комнатах, и милорд Каслвуд говорит, что их теперь будут называть моими.

Больше мне пока писать нечего, и я кончаю, посылаю самый любящий и почтительный привет матушке, поклон мистеру Демпстеру, поцелуй Фанни и добрые пожелания старому Гамбо, Натану, старой и молодой Динам, пойнтеру и Нахалке и всем друзьям от помнящего их

Гарри Эсмонда-Уорингтона.

Написал и отослал письмо дяде Уорингтону в Норфолк. Ответа пока не получил".

— Написано, мне кажется, грамотно, кузина? — осведомился автор письма у критика, которому показал его.

— О, достаточно грамотно для светского человека, — ответила леди Мария, которая предпочитала не слишком углубляться в вопросы орфографии.

— Я знаю, что в письме к матушке одно слово — "ангел" — я написал с ошибкой, но теперь я научился писать его правильно.

— Каким же образом, сударь?

— Мне кажется — глядя на вас, кузина. — И с этими словами мистер Гарри отвесил ее милости низкий поклон, и на его щеках вновь расцвели розы, словно он с поклоном предложил ей букет.

Глава XIX

содержащая как Любовь, так и Удачу

Когда члены семьи вновь собрались за обеденным столом, на лице госпожи Бернштейн не было заметно ни малейшего неудовольствия, и она держалась со всеми, в том числе и с Гарри, очень ласково и сердечно. На этот раз она похвалила повара и сказала, что фрикасе превосходно и что нигде не водится таких угрей, как в каслвудских рвах; она не согласилась, будто вино отдает пробкой, и не пожелала даже слушать о том, чтобы откупорили новую бутылку для такой никому не нужной старухи, как она; а когда была подана новая бутылка, предложила тост за здоровье госпожи Эсмонд-Уорингтон и выразила надежду, что Гарри заручился разрешением своей матушки привезти с собой назад в Виргинию жену-англичанку. Он, конечно, не помнит свою бабушку — ее, баронессы Бернштейн, милую маменьку? И баронесса принялась развлекать общество рассказами про свою мать, про ее красоту и благочестие, про ее счастливую жизнь со вторым мужем, хоть она и была намного старше полковника Эсмонда. Она слышала, что это была чудесная пара. Их взаимной любовью восхищалась вся страна. Так как же после этого можно говорить о том, что разница в возрасте супругов имеет хоть какое-нибудь значение? Миледи Каслвуд, ее сын и дочь хранили молчание все время, пока госпожа Бернштейн продолжала болтать. Гарри был вне себя от восторга, а Мария недоумевала. Лорд Каслвуд старался отгадать, какой неожиданный каприз или хитрый ход кроется за этим необычайным добродушием его тетушки, однако не позволил появиться на своем лице и тени озабоченности или сомнения, и оно хранило выражение полнейшего удовольствия. Веселое настроение баронессы заразило все общество: никто из сидевших за столом не был обойден и должен был выслушать от нее любезность. Когда после какого-то комплимента по адресу мистера Уилла этот прямодушный юноша выразил удивление и радость по поводу такой перемены в тетушке, она откровенно призналась:

— Мила, мой дорогой? О, разумеется! Я хочу помириться с вами после того, как была чрезвычайно груба к каждому из вас сегодня утром. Когда я была маленькой девочкой и жила здесь с родителями, мне помнится, я поступала точно так же. Нашалив утром, вечером я всячески ласкалась к ним. Я помню, как в этой самой комнате за этим самым столом — о, много сотен лет назад! я вот так же ласкалась к отцу, матери и твоему деду, Гарри

Уорингтон; а на ужин были угри, как сегодня, — именно блюдо с угрями и привело мне на память эту сцену, Я была такой же своевольной и капризной в тот день, когда мне было семь лет, как и сегодня, когда мне семьдесят, а посему я признаюсь в своих грехах и прошу прощения, как подобает хорошей девочке.

— Отпускаю их вам все, ваша милость, — воскликнул капеллан, также сидевший за столом.

— Но вашему преподобию неизвестно, какой раздражительной и злой я была. Я выбрала мою сестрицу Каслвуд, я выбрала ее детей, накинулась на Гарри Уорингтона — и все только потому, что он не захотел поехать со мной в Танбридж-Уэлз.

— Но я хочу поехать, сударыня. Я буду сопровождать вас с величайшим удовольствием, — сказал мистер Уортон.

— Видите, господин капеллан, какие они все добрые, почтительные дети. Это я была сердитой и придирчивой. Я обошлась с ними попросту жестоко. Мария, прошу тебя прощения, моя милая.

— Право, сударыня, вы меня ничем не обидели! — ответила Мария смиренной просительнице.

— Нет-нет, дитя, очень обидела. Сама себе наскучив, я сказала тебе, что твое общество мне скоро наскучит. Ты предложила поехать со мной в Танбридж, а я ответила тебе грубым отказом.

— Ах, сударыня, если вы нездоровы и мое присутствие вам тягостно...

— Нисколько не тягостно! Ты сказала, что готова поехать, и это было очень мило с твоей стороны. И я решительным образом молю, прошу, настаиваю, требую, приказываю, чтобы ты поехала.

Милорд наполнил свою рюмку и отпил вино. Вид у его сиятельства был самый невинный. Так вот, значит, зачем разыгрывалась вся эта комедия!

— То, что может доставить удовольствие тетушке, для меня величайшая радость, — сказала Мария, стараясь придать своему лицу счастливое выражение.

— Ты должна погостить у меня, дорогая, а я обещаю быть хорошей и не приходить в дурное настроение. Милый граф, ты уступишь мне на время твою сестру?

— Леди Мария Эсмонд уже в том возрасте, когда подобные разрешения ей не нужны, — ответил милорд с поклоном. — Если кто-нибудь из нас может быть вам полезен, сударыня, вам достаточно только сказать об этом.

Истолковать же эту фразу следовало так: "Черт бы побрал старуху!"

Она увозит Марию, чтобы разлучить ее с виргинцем!"

— Ах, как приятно будет пожить в Танбридже! — вздохнула леди Мария.

— Мистер Сэмпсон будет вместо тебя навещать матушку Дженкинс, продолжал милорд.

Гарри чертил пальцем по столу. Какие восторги еще совсем недавно сулило ему будущее! Какие прогулки рисовало ему воображение, какие поездки верхом, какие бесконечные разговоры, какие восхитительные живые изгороди и пленительные уединенные беседки, какие часы над нотными тетрадями, какой лунный свет, какое нежное воркование! Да, этот день был уже близок. Все должны были уехать: миледи Каслвуд — к друзьям, госпожа Вернштейн — на воды, и он остался бы наедине со своей божественной чаровницей — наедине с ней и с неизъяснимой радостью! Мысль о подобном счастье сводила его с ума. Все они уедут. Он останется один в раю — будет сидеть у ног этого ангела, целовать край этого белого платья. О, боги, такое блаженство было слишком велико, чтобы сбыться. "Я знал, что этого не будет, — думал бедный Гарри, — Я знал, что-нибудь произойдет и ее у меня отнимут".

— Но ты проводишь нас в Танбридж, племянник Уорингтон, чтобы на нас не напали разбойники, — сказала госпожа де Бернштейн.

Гарри Уорингтон всеми силами души надеялся, что никто не заметил, как он покраснел. Он попытался говорить твердым и ровным голосом. Да, он их проводит, и они могут не страшиться никаких опасностей. Опасности! Гарри чувствовал, что был бы только рад им. Он сразил бы десять тысяч разбойников, посмей они приблизиться к экипажу его возлюбленной! Но, как бы то ни было, он будет ехать рядом с этим экипажем и иногда видеть в окошке ее глаза. Пусть он не сможет говорить с ней, но он будет подле нее. Вечером на постоялом дворе он будет пожимать несравненную ручку, а утром она будет опираться на его локоть, когда он поведет ее к карете. До Танбриджа они будут ехать целых два дня, и, наверное, день или два он пробудет там. Разве приговоренный к смерти не бывает рад даже двум-трем дням отсрочки?

Как видите, мы лишь намекнули на душевное состояние мистера Гарри Уорингтона, но не стали ни подробно его описывать, ни измерять ту пучину глупости, в которую погрузился бедный дурачок. Некоторые юнцы переносят недуг любви легко и спокойно. Другие, подхватив эту болезнь, находят свою гибель или, все-таки оправившись, хранят ее следы до могилы или до глубокой старости. Я считаю, что нечестно записывать слова молодого человека, бредящего в жару этой лихорадки. Пусть он

влюблен в женщину вдвое старше его, но разве нам всем не приходилось читать о юноше, покончившем с собою из-за роковой страсти к мадемуазель Нинон де Ланкло, которая, как оказалось, была его бабушкой? Пусть ты и стал настоящим ослом, юный виргинец Гарри Уорингтон! Но разве в Англии больше никто не кричит по-ослиному? Так лягайте и поносите его те, кому ни разу не довелось испустить ослиный рев, но будьте снисходительны к нему вы, честные пожиратели репейников. Длинноухие сотрапезники, примите дружески собрата-осла!

— Ты побудешь с нами день-другой в Танбридже, — продолжала госпожа Бернштейн. — Поможешь нам устроиться на квартире, а потом вернешься в Каслвуд стрелять куропаток и заниматься всеми теми прекрасными вещами, которые ты изучаешь вместе с милордом.

Гарри поклонился в знак согласия. Целая неделя небесного блаженства! Значит, жизнь еще не совсем пуста и никчемна.

— А так как на водах, несомненно, собралось большое общество, я смогу представить тебя многим людям, — милостиво добавила баронесса.

— Общество! А! Мне не нужно никакого общества, — со вздохом сказал Гарри. — То есть я хочу сказать, что мне будет вполне достаточно вашего общества и общества леди Марии, — добавил он пылко, и, без сомнения, мистер Уилл подивился вкусу своего кузена.

Так как эта ночь оказалась последней, которую кузену Гарри предстояло в этот приезд провести под каслвудским кровом, кузен Уилл заметил, что ему, его преподобию и Уорингтону не мешает встретиться в спальне последнего и рассчитаться, против чего Гарри, порядочно выигравший у вышеупомянутых джентльменов, отнюдь не возражал. И вот, когда дамы удалились на покой, а милорд, как было у него в обычае, ушел к себе, трое джентльменов собрались в маленькой комнате Гарри перед чашей пунша, обычной полуночной подругой Уилла.

Однако у Уилла был свой способ расчета: он достал две новые колоды карт и предложил Гарри сыграть на весь свой долг, чтобы либо удвоить его, либо полностью отыграть. У бедняги капеллана наличных было не больше, чем у младшего брата лорда Каслвуда. Гарри же вовсе не хотелось забирать их деньги. Разве мог он причинить страдание брату своей обожаемой Марии и дать повод кому-либо из ее близких усомниться в его великодушии и щедрости? Он готов дать им реванш, как они желают. Он будет играть с ними до полуночи, а ставки они пусть назначают, какие им угодно. И вот они взялись за дело: загремели кости в стаканчике, были стасованы и сданы карты.

Весьма вероятно, что Гарри вовсе не думал о картах. Весьма вероятно,

он думал: "Сейчас моя любимая сидит, распустив свои прекрасные золотые волосы, и над ними хлопочет горничная. Счастливая горничная! А теперь она опустилась на колени, моя святая, и возносит молитвы к небесам, где пребывают ангелы, подобные ей. А теперь она опочила за атласными занавесками. Да благословит, да благословит ее бог!"

— Вы удваиваете? Я прикуплю две карты к моим обеим. Благодарю вас, довольно... десятка... и еще? Дама — два раза чистые двадцать одно, и раз вы удвоили, так, значит, вы должны мне...

Могу себе представить, как мистер Уильям разражался проклятиями, а его преподобие — горькими сетованиями по поводу везенья молодого виргинца. Он выигрывал, потому что не стремился выиграть. Фортуна, эта бесстыдная кокетка, улыбалась ему, потому что он думал о другой богине, возможно, столь же неверной. Вероятно, Уилл и капеллан старательно увеличивали ставки в надежде, что богатый виргинец хочет дать им полностью отыграться. Однако Гарри Уорингтон ни о чем подобном не помышлял. У себя в Виргинии он играл в подобные игры сотни раз (откуда мы можем сделать вывод, что он скрывал от своей благородной матушки очень многие подробности своей жизни) и научился не только играть, "но и платить. А всегда честно расплачиваясь со своими друзьями, он ожидал того же и от них.

— Да, удача как будто и впрямь на моей стороне, кузен, — сказал он в ответ на угрюмые проклятия Уилла, — и я вовсе не хочу ею злоупотреблять, но ведь не думаете же вы, что я буду полным дураком и вовсе от нее откажусь? У меня уже накопилось много ваших векселей. Если мы будем играть и дальше, то, с вашего соизволения, только на наличные или же если не на деньги, то на какие-нибудь ценности.

— Вот вы, богачи, всегда так, — проворчал Уилл. — Никогда не дадите в долг без обеспечения и всегда выигрываете, потому что вы богаты.

— Право, кузен, вы что-то слишком часто попрекаете меня моим богатством. У меня хватает денег на мои нужды и на моих кредиторов.

— Ах, если бы каждый из нас мог сказать о себе то же! — простонал капеллан. — Как были бы счастливы и мы и заимодавцы! Так что же мы можем поставить, чтобы и дальше играть с нашим победителем?! Ах да, мое новое облачение, мистер Уорингтон. Согласны вы поставить против него пять фунтов? Если я проиграю, то смогу проповедовать и в старом. Пойдите-ка! У меня ведь есть еще "Проповеди" Иоанна Златоуста, "Мученики" Фокса и "Хроники" Бейкера, а также корова с теленком. Что вы поставите против них?

— Вексель кузена Уилла на двадцать фунтов, — воскликнул мистер

Уорингтон, доставая один из этих документов.

— Ну, так я поставлю мою вороную кобылу, но только не против векселей вашей чести, а против наличных.

— И я поставлю своего коня. Против шестидесяти фунтов! — крикнул Уилл.

Гарри принял ставки обоих джентльменов. Через десять минут и 1сонь и вороная кобыла переменяли владельца. Кузен Уилл принялся сыпать еще более яростными проклятиями. Священник швырнул на пол парик, соперничая со своим учеником в громогласности сквернословия. Мистер Гарри сохранял полнейшее спокойствие и не чувствовал ни малейшей радости по поводу своего триумфа. Они хотели, чтобы он играл с ними, и он согласился. Он знал, что непременно выиграет. "О возлюбленный дремлющий ангел! — думал он. — Как могу я не верить в победу, если ты ласкова со мной!"

Он устремил взгляд на окно по ту сторону двора — на окно ее спальни, как ему было известно. Его жертвы еще не успели перейти через двор, а он уже забыл про их стенания и проигрыш. Ведь вон под той сияющей трепетной звездой, за окном, в котором мерцает ночник, покоится его радость, его сердце, его сокровище!

Глава XX

Facilis descensus {Легок спуск (лат.).}

В своем недавно упомянутом романе добрый епископ Камбрейский описывает неутешное горе Калипсо из-за отъезда Одиссея, но я не помню, обмолвился ли он хоть словом о страданиях камеристки Калипсо, когда та прощалась с камердинером Одиссея. Слуги, наверное, вместе проливали слезы где-нибудь на кухне, пока господин и госпожа обменивались последним отчаянным поцелуем в гостиной; они, наверное, обнимались в кубрике, пока сердца их хозяев разрывались от тоски в капитанской каюте. Когда колокол прозвонил в последний раз и помощник Одиссея рявкнул: "Провожаящих просят сойти на берег!", Калипсо и ее служанка, наверное, обе прошли по одним сходням; их сердца одинаково сжимались, а из глаз струились слезы, и обе, наверное, махали с набережной носовыми платками (весьма различавшимися ценой и материей) своим друзьям на уплывающем судне, а толпа на берегу и команда на борту корабля кричали "гип-гип ура!" (то есть какое-нибудь греческое напутствие такого же рода) в честь отправляющихся в плаванье. Но важно одно; если Калипсо ne pouvait se consoler {Не могла утешиться (франц.)}, горничная Калипсо ne pouvait se consoler non plus {Тоже не могла утешиться (франц.)}. Им пришлось пройти по одним и тем же сходням горя и испытать одну и ту же боль разлуки. Пусть, вернувшись домой, они прижимали к глазам носовые платки разной цены и из разной материи, но, без сомнения, слезы, которые одна проливала в своих мраморных апартаментах, а другая в такой же людской, были равно солони и обильны.

Не только Гарри Уорингтон покидал Каслвуд, сраженный любовью, но и Гамбо расставался с указанным кровом, став добычей той же дивной страсти. Его остроумие, светские дарования, неизменная веселость, его таланты в области танцев, стряпни и музыки завоевали сердца всей женской прислуги. Кое-кто из мужчин, возможно, питал к нему ревнивую зависть, но дамы все были покорены. В те дни Англия еще не знала того неприязненного отношения к бедным чернокожим, которое появилось с тех пор у людей с белой кожей. Их, пожалуй, не считали равными белым, но все относились к ним с полной терпимостью и снисходительным сочувствием, а женщины, без сомнения, с куда более великодушной добротой. Когда Ледьярду и Парку в Краю Чернокожих грозила гибель от рук мужчин, разве не встречали они у черных женщин жалость и

сочувствие? Женщины всегда добры к нашему полу. К каким только (духовным) неграм они не питают нежности? Каких только (нравственных) горбунов не обожают? Каких только прокаженных, каких идиотов, каких тупиц и уродливых чудовищ (я выражаюсь фигурально) не ласкают они и не лелеют? Женщины расточали Гамбо ту же доброту, что и многим другим людям ничуть не лучше его, — отъезду виргинского слуги радовалась только мужская половина людской. Жаль, что я не был свидетелем этого отъезда! Жаль, что я не видел, как Молли, младшая горничная, еще до зари тайком пробирается в цветник нарвать грустный маленький букетик! Жаль, что я не видел, как Бетти, судомойка, отрезает один из своих пышных каштановых локонов в надежде обменять его на курчавый залог верности с макушки младого Гамбо. Разумеется, он сообщил, что он — *regum progenies*, потомок царей ашанти. В Кафрарии, Ирландии и других местах, где сейчас обитают наследственные голодранцы, в древности, вероятно, было необыкновенно много этих могучих владык, судя по количеству их ныне здравствующих потомков.

В то утро, на которое госпожа де Бернштейн назначила свой отъезд, вся многочисленная каслвудская прислуга толпилась у окон и в коридорах: кто стремился в последний раз увидеть лакеев ее милости и неотразимого Гамбо, кто желал проститься с камеристкой ее милости, и все надеялись подстеречь баронессу и ее племянника с тем, чтобы получить от них чаевые, на которые, по обычаю тех дней, гости не скупились. И госпожа Бернштейн с Гарри щедро вознаградили ливрейное общество, джентльменов в черных кафтанах и жабо, а также рой бесчисленных служанок. Каслвуд был приютом юности баронессы, а ее простодушный Гарри не только жил в доме без всяких расходов, но и выиграл лошадей и деньги (вернее, векселя) у своего кузена и злополучного капеллана, так что, будучи щедрым по натуре, он счел возможным дать в час отъезда полную волю своим природным склонностям. "Я знаю, — думал он, — матушке будет приятно, что я достойно вознаградил всех служителей семьи Эсмондов". Поэтому он раздавал золотые монеты направо и налево, словно и вправду был так богат, как утверждал Гамбо. Никто не отошел от него с пустыми руками. От мажордома до чистильщика сапог — для всех у мистера Гарри нашелся прощальный дар. Он вручил кое-что на память о себе и суровой экономке в ее белье, и дряхлому привратнику в сторожке. Когда человек влюблен, можно только удивляться, какой нежностью он проникается ко всем, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к предмету его страсти. Он заискивает у горничных; он любезен с дворецким; он внимателен к лакею; он выполняет поручения ее сестер; он

снабжает советами и деньгами ее младшего брата-студента; он гладит собачек, которым при других обстоятельствах дал бы хорошего пинка; он улыбается древним анекдотам, которые вызвали бы у него только зевоту, не рассказывая их ее папенька; он пьет сладкий портвейн, за который у себя в клубе проклял бы и секретаря, и всех старейшин; он мил даже с желчной тетушкой, старой девой; он отбивает такт, когда прелестная малютка Фанни барабанит на фортепьяно единственную известную ей вещицу, и весело смеется, когда гадкий Бобби опрокидывает кофе на его рубашку.

Гарри Уорингтон на свой лад и согласно обычаям того века в течение короткого срока перед своим отъездом (из чего я заключаю, что он объявил о своей страсти и услышал благосклонный ответ лишь совсем недавно) с помощью вышеупомянутых безыскусственных способов выказывал обитателям и обитательницам Каслвуда ту любовь, которую он питал к одной из этих последних. Он был бы только рад, если бы кузен Уилл вернул весь свой проигрыш или даже выиграл у него половину его собственных денег. Тем не менее Гарри, хоть он и был влюблен, сохранил и рассудительность, и азарт, и уважение к честной игре, и способность по достоинству оценить хорошую лошадь. Выиграв все деньги Уилла, не считая значительного числа ценных автографов мистера Эсмонда, Гарри был очень доволен, когда ему досталась и гнедая лошадь Уилла — то самое четвероногое, которое чуть было не столкнуло его в воду в первый вечер после его приезда в Каслвуд. С тех пор он не раз имел возможность убедиться в достоинствах этого животного и даже в самый разгар своей страсти и нежного романа отнюдь не огорчился, став владельцем такого сильного и быстрого породистого скакуна, к тому же выездного и для охоты. Достаточно налюбовавшись на звезды над окном своей возлюбленной, затмевавшие блеск ее ночника, он тоже удалился в спальню и, без сомнения, с юношеским восторгом думал о своей Марии и о своей лошади, мечтая о том, какое это было бы блаженство посадить одну на другую позади себя и объехать весь остров на подобном коне, когда его стан обвивали бы подобные белоснежные руки. Он уснул среди этих грез, мысленно посылая тысячи благословений своей Марии, чьим обществом ему предстояло наслаждаться, по крайней мере, еще неделю.

Рано утром бедный капеллан Сэмпсон прислал в замок вороную кобылу в сопровождении своего конюха, лакея и садовника, который долго плакал и осыпал поцелуями белое пятно на морде лошади, перед тем как передать повод Гамбо. Эта чувствительность произвела большое впечатление и на Гамбо, и на его хозяина: чернокожий слуга от сочувствия тоже расплакался, а Гарри удивил и быстро утешил мальчишку, протянув

ему две гиней. Затем Гамбо и бывший конюх отвели лошадь в конюшню, получив распоряжение оседлать ее и коня мистера Уильяма, когда кончится завтрак, так как госпожа Бернштейн приказала подать свои кареты именно к этому времени.

Хозяин дома был так изысканно любезен с тетушкой, — а может быть, так благодарен ей за отъезд, — что даже спустился к завтраку, чтобы попрощаться со своими гостями. За столом присутствовали и дамы и капеллан — не было только Уилла, оставившего, однако, для своего кузена записку, в которой он с массой грамматических ошибок объяснял, что должен был рано утром отбыть на Солсберийские скачки, но что Том, его конюх, вручит слуге мистера Уорингтона лошадь, выигранную кузеном накануне. Отсутствие мистера Уилла не помешало остальным мирно выпить чаю, и в назначенное время были поданы кареты, слуги погрузили в них многочисленные сундуки, баулы и картонки баронессы, и настала минута расставания.

Тучная баронесса и ее племянница сели в большое ландо, и на его козлах рядом с кучером водворились два лакея, вооруженные пистолетами и мушкетами на случай встречи с разбойниками. Во втором экипаже поместились горничные ее сиятельства и еще один лакей, охранявший сундуки, которые, как ни были огромны и многочисленны, все же далеко уступали обозам, сопровождающим в путешествии нынешних дам. Скромные чемоданы мистера Уорингтона были тоже помещены во вторую карету под присмотр горничных, и мистер Гамбо выразил намерение всю дорогу ехать возле ее дверцы.

Милорд, его мачеха и леди Фанни проводили свою родственницу до подножки кареты, где простились с ней после многочисленных почтительных объятий. За ней последовала леди Мария в амазонке, которая показалась Гарри Уорингтону самым прелестным нарядом в мире. Вокруг толпились слуги, призывая благословение небес на ее милость. Об отъезде баронессы было известно и в деревне, так что в аллее за воротами стояло множество поселян, которые махали шляпами и испускали приветственные крики, пока тяжелые колымаги не скрылись из вида.

Гамбо отправился за лошадьми мистера Уорингтона, а милорд, взяв своего молодого гостя под руку, начал прогуливаться с ним по двору.

— Я слышал, вы забираете из Каслвуда кое-каких наших лошадей? — заметил граф.

Гарри покраснел.

— Джентльмен не может отказаться, если другой джентльмен приглашает его сыграть в карты, — ответил он. — Я не хотел играть и, уж

конечно, не стал бы играть на деньги, если бы кузен Уилл меня не заставил. А выигрывать у капеллана мне и совсем не хотелось, но он был даже настойчивее кузена.

— Знаю, знаю. Вы ни в чем не виноваты, мой милый. В чужом монастыре приходится жить по чужому уставу, и я очень рад, что вы преподали Уиллу хороший урок. Он заядлый игрок и способен проиграть последнюю рубашку — мне и всем нам много раз приходилось платить его долги. Могу ли я спросить, сколько именно вы у него выиграли?

— Около восемнадцати фунтов в первые два дня, потом векселей еще на сто двадцать фунтов и гнедую лошадь — он ее ставил против шестидесяти фунтов. Значит, всего около двухсот. Но видите ли, кузен, это была честная игра, и я очень не хотел играть. Уилл играет хуже меня, милорд, право же так. Куда хуже!

— Хотя и лучше очень и очень многих, — отозвался милорд. — Если не ошибаюсь, вы сказали, что выиграли и его гнедого?

— Да. Его гнедого коня — Принца Уильяма, сына Конституции. Не думаете же вы, милорд, что я поставил бы шестьдесят фунтов против его каурой?

— Право, не знаю. Я видел, как Уилл уезжал сегодня утром, но не обратил внимания, какая была под ним лошадь. А у его преподобия вы выиграли вороную кобылу?

— Он поставил ее против четырнадцати фунтов. Она отлично подойдет Гамбо. Но почему этот негодяй мешкает?

Мысли Гарри устремлялись вслед пленительной Марии. Он торопил минуту, когда будет скакать с ней рядом.

— В Танбридже, кузен Гарри, берегитесь игроков поискусней Уилла и капеллана. На водах собирается самое странное общество.

— Мы, виргинцы, рано приучаемся быть начеку, милорд, — ответил Гарри, многозначительно кивнув.

— Да, я вижу. Поручаю сестру твоим заботам, Гарри. Хотя летами она уже не дитя, но наивна, как малый ребенок. Ты приглядишь, чтобы с ней не случилось ничего дурного?

— Я буду оберегать ее хотя бы ценой своей жизни, милорд! — воскликнул Гарри.

— Ты храбрый юноша! Кстати, кузен, если Каслвуд не совсем завладел вашим сердцем, то, пожалуй, вам не стоит особенно торопиться обратно в этот пустой, обветшалый дом. Мне надо побывать в другом моем поместье, и я вряд ли вернусь сюда до начала охоты на куропаток. Так будьте же их хранителем моей сестры и баронессы, хорошо?

— О, разумеется! — сказал Гарри, и его сердце забилось от счастья при этой мысли.

— А я напишу тебе, когда сестре будет пора возвращаться домой. Но уже ведут лошадей. Ты попрощался с графиней и леди Фанни? Вон они посылают тебе воздушные поцелуи с балкона угловой гостиной.

Гарри бегом бросился вверх по лестнице, чтобы попрощаться с графиней и ее дочерью. Он постарался не затягивать этой церемонии, так как торопился скорее отправиться вслед за владычицей своего сердца, и тотчас спустился во двор, чтобы сесть на своего недавно обретенного скакуна, которого Гамбо, уже вскочивший на вороную кобылку священника, держал под уздцы.

Гамбо действительно сидел на вороной кобыле и действительно держал под уздцы другую лошадь. Но это была каурая, а не гнедая лошадь: каурая с разбитыми коленями — дряхлый, никуда не годный одер.

— Что это такое? — воскликнул Гарри.

— Новый конь вашей милости, — ответил конюх, почтительно поднося руку к шапке.

— Эта кляча? — вскричал молодой джентльмен, прибавив два-три выражения, бывших тогда в ходу в Англии и Виргинии. — Иди приведи мне Принца Уильяма, коня мистера Уильяма, гнедого коня.

— На Принце Уильяме мистер Уильям уехал утром на Солсберийские скачки. А его последние слова были: "Сэм, сегодня оседлай для мистера Уорингтона моего каурого Катона. Он теперь принадлежит мистеру Уорингтону. Я ему его продал вчера вечером". Ваша милость — человек щедрый и не забудет конюха.

Милорд при этих словах конюха Сэма не мог удержаться от смеха, а Гарри, со своей стороны, произнес еще несколько тех фраз, которые благовоспитанность не позволяет нам привести тут.

— Мистер Уильям сказал, что он и не подумал бы расстаться с Принцем меньше, чем за сто двадцать гиней, — доложил конюх, глядя в лицо молодому человеку.

Лорд Каслвуд только засмеялся еще громче.

— Нет, с Уиллом ты все-таки тягаться не можешь, Гарри Уорингтон!

— Не могу, милорд? Точно так же я не могу тягаться с игроком, который всегда выбрасывает шестерки, потому что кости у него фальшивые! Это ведь не игра, а прямое мошен...

— Мистер Уорингтон! Будьте добры не говорить оскорбительных вещей про моего брата в моем присутствии! Я позабочусь, чтобы вы не понесли ущерба. Так прощайте же. Поторопитесь, не то кареты доберутся

до Фарнэма раньше вас. — И, помахав рукой, милорд вошел в дом, а Гарри и его спутник выехали за ворота. Юный виргинец думал только о том, как бы скорее догнать кареты и свою чаровницу, а потому не заметил, какие взгляды, полные невыразимой любви и нежности, посылали прекрасные глаза Гамбо некоему юному созданию в сторожке.

Когда молодой человек уехал, капеллан и граф вновь сели за стол, чтобы в мире и спокойствии продолжить прерванный завтрак. Леди Каслвуд и леди Фанни в столовую не вернулись.

— Уилл опять устроил одну из своих подлых штук, — заметил милорд. — Я ничуть не удивлюсь, если наш кузен проломит Уилду голову.

— Такая операция будет ему не внове, милорд. Но кстати, — добавил капеллан с усмешкой, — вчера, когда мы играли, о масти лошади не было сказано ни слова. Для меня спасения не было, ибо я владел лишь одной кобылкой. Вот чернокожий мальчишка и уехал на ней. Однако молодой виргинец, надо отдать ему справедливость, играет, как мужчина.

— Он выигрывает, так как не боится проиграть. Мне кажется, нет никаких сомнений в том, что он очень и очень богат. Его мать пользуется услугами моего поверенного, и от него я знаю, что имение — настоящее княжество и богатеет с каждым годом.

— Будь оно королевством, я знаю, кого мистер Уорингтон сделал бы его королевой, — сказал угодливый капеллан.

— У всякого свой вкус, ваше преподобие, — насмешливо заметил милорд. Это судьба всех мужчин. Первой женщине, в которую я сам был влюблен, перевалило за сорок, хотя ревновала она, словно пятнадцатилетняя. Это у нас в роду. Полковник Эсмонд (вон тот, в красном мундире и кирасе) женился на моей бабке, которая ему почти в бабушки годилась. Если этот мальчик решит увезти в Виргинию довольно пожилую принцессу, мы не должны мешать его намерениям.

— Можно лишь от всего сердца пожелать такого завершения дела! воскликнул капеллан. — А не поехать ли и мне в Танбридж-Уэдз, дабы я был на месте и мог данной мне от неба властью соединить молодую пару?

— Соедините, и вы получите пару лошадок, ваше преподобие, — ответил милорд.

На этом мы и оставим их мирно покуривать трубки после завтрака.

Гарри так спешил нагнать кареты, что даже не сразу сообразил снять шляпу в ответ на приветственные возгласы жителей деревни Каслвуд, которым всем очень нравился юноша, — впрочем, его дружелюбие, сердечность и открытое честное лицо делали его желанным гостем почти всюду. А в этой деревне еще жили предания о родителях его матери и о

том, как его дед, полковник Эсмонд, мог бы стать лордом Каслвудом, да не захотел. Старик Локвуд, посиживая у ворот, часто рассказывал о доблестных деяниях полковника на войне, когда правила королева Анна. Подвиги его преувеличивались, обычай нынешних господ сравнивался с обычаем тогдашних лорда и леди, — в свое время те, возможно, и не пользовались особой любовью, но все же были куда лучше теперешних. Лорд Каслвуд обходился со своими арендаторами сурово — но, может быть, его непопулярность объяснялась не столько его строгостью, сколько его всем известными бедностью и стесненными обстоятельствами. И к мистеру Уиллу никто не питал добрых чувств. Этот молодой джентльмен не раз затевал в деревне ссоры и потасовки, наносил и получал чувствительные повреждения, наделал в окрестных городках долгов, которые не мог или не желал уплатить, неоднократно вызывался в мировой суд за покушения на честь деревенских девушек и не раз бывал до полусмерти избит подстерегшим его оскорбленным мужем, отцом или женихом. Сто лет назад его характер и поступки могли бы послужить предметом подробного описания для какого-нибудь художника нравов, но нынешняя Муза Комедии не отдергивает занавески Молли Сигрим, она лишь намекает на чье-то присутствие за этой занавеской и с возгласом возмущения и ужаса чопорно проходит мимо, загораживаясь веером. В деревне все слышали о том, как молодой виргинский помещик постоянно побеждал мистера Уилла, когда они ездили верхом, и состязались в прыжках, и стреляли, и, наконец, за карточным столом, — ведь ничто никогда не остается скрытым. И благодаря этим победам Гарри снискал у поселян еще большее уважение. А истовее всего они почитали его за те сказочные богатства, которыми Гамбо наделил своего господина. Слава о них разнеслась по всему графству и теперь мчалась впереди него на козлах карет госпожи Бернштейн, — лакеи, когда они останавливались у придорожных гостиниц покормить лошадей, не жалели красок, расписывая знатность и великолепие молодого виргинца. У себя на родине он считается принцем. У него есть золотые россыпи, алмазные копи, меха, табак и кто знает, что еще и в каком количестве! Не удивительно, что честные британцы приветствовали и почитали его за принадлежащие ему богатства, как это в заводе у всех благородных людей. Меня только удивляет, почему в городах, через которые он проезжал, его не встречали торжественными речами олдермены и не преподносили ему в золотой шкатулке грамоту на почетное гражданство до того он был богат. О, какая гордость преисполняет сердце при мысли, что ты — британец, что в мире нет другой такой страны, где богатство чтилось бы столь высоко, как в нашей, и где

преуспеяние получало бы столь постоянные и трогательные знаки верноподданнического уважения.

Итак, оставив позади вопящих поселян и их реющие в воздухе шапки, Гарри пришпорил своего одра и в сопровождении верного Гамбо поскакал галопом, пока не нагнал тучу пыли, в глубинах которой скрывалась колесница его владычицы. Проникнув в эту тучу, он поравнялся с окном кареты. Леди Мария располагалась в одиночестве на переднем сиденье спиной к лошадям, так что, держась чуть позади колеса, он мог наслаждаться созерцанием ее божественных глаз и улыбки. Она поднесла палец к губам. Госпожа Бернштейн уже дремала, откинувшись на подушки. Гарри это нисколько не огорчило. Смотреть на кузину было уже достаточным блаженством. Картины природы вокруг могли быть прелестны, но он их не замечал. И голубые небеса, и деревья в летнем уборе меркли в сравнении с лицом за стеклом дверцы, и разве самые звонкие песни птиц среди кустов не уступали в сладостности одному-двум словам, которые иногда срывались с ее губ.

Упитанные лошади баронессы привыкли к коротким перегонам, неторопливым аллюрам и обильному корму, а потому, как ни плоха была кляча под Гарри Уорингтоном, ему было совсем не трудно держаться рядом с экипажами своей старой родственницы. В два часа они сделали остановку, чтобы пообедать. Мистер Уорингтон заплатил хозяину гостиницы по-княжески. Какая цена была бы слишком высока за наслаждение, которое он испытывал, находясь в обществе своей обожаемой Марии, когда счастливый случай позволил ему даже побеседовать с ней под ровное дыхание госпожи де Бернштейн, предавшейся после вкусной еды приятному получасовому сну? Мария и ее юный поклонник тихо и нежно болтали восхитительный вздор, который люди, находящиеся под властью того же чувства, что и Гарри, не устают слушать и повторять.

Они ехали на многолюдный курорт, где собирается весь цвет моды и красоты; робкая Мария не сомневалась, что среди юных красавиц Гарри непременно отыщет ту, чьи чары будут куда более достойны его внимания, чем ее простенькое лицо и фигура. Гарри в ответ поклялся всеми богами, что самой Венере не удастся затмить ее в его глазах. Нет, это ему должно страшиться. Стоит светским щеголям увидеть его несравненную Марию, и они толпой сбегутся к ее экипажу, и в их обществе она забудет неотесанного скромного американца, который не может равняться со светскими остроумцами и предлагает ей только свое преданное сердце.

Мария улыбается, она возводит глаза к небесам, она клянется, что Гарри просто не знает, как правдивы и верны женщины; наоборот,

коварство его пола вошло в поговорку, и мужчинам нравится играть сердцами бедных женщин. За этим следует небольшая суматоха, звякают десертные ножички и вилки, падает и разбивается рюмка. С наивных губ Марии срывается "ах!". Виновником этих событий был широкий обшлаг мистера Уорингтона, зацепивший рюмку, когда его протянули через стол с намерением схватить ручку леди Марии. Но, право, что могло быть естественнее или даже неизбежнее этого пылкого движения юноши, который, услышав поклеп, возводимый на его пол, попробовал завладеть рукой прекрасной обвинительницы, дабы запечатлеть на этих очаровательных пальцах клятву вечной верности?

Какую роль играют — или играли — руки в любовных ухаживаниях! Как забавно их пожимают в подобную пору жизни! Как упорно они вмешиваются в разговор! Какие нелепые клятвы и обеты обретают с их помощью вид истины! Казалось бы, что за радость — схватить и сжать большой палец и прочие четыре? Я словно слышу смех Алексиса, быть может, читающего эту страницу подле Араминты. Большие пальцы, как бы не так!.. Мария оглядывается: не разбудил ли госпожу Бернштейн звон бьющегося стекла. Но баронесса продолжает мирно спать в своем кресле, и ее племянница решает, что не будет ничего дурного, если она ответит на нежное пожатие Гарри.

Лошади запряжены, и райскому блаженству приходит конец, — во всяком случае, до следующей остановки. Когда является хозяин со счетом, Гарри стоит на довольно большом расстоянии от кухни и смотрит в окно на хлопочущих конюхов. Госпожа Бернштейн пробуждается и с улыбкой оглядывается, разумеется, ни о чем не догадываясь. С какой заботливостью и глубокой почтительностью мистер Уорингтон усаживает свою тетюшку в карету! С каким невинным и скромным видом садится в карету леди Мария! Вот экипажи и всадники трогаются, и низко кланяющийся хозяин гостиницы и его слуги остаются позади, а с ними и завсегдатаи, собравшиеся под сверкающей вывеской гостиницы, и лавочники, глядящие вслед кортежу из своих низеньких дверей, и мальчишки, и рыночные торговцы под аркадой старинной ратуши, и зеваки на узких кривых улочках. "Это знаменитая баронесса Бернштейн. Вон та старуха в капюшоне. А это молодой богач-американец: он только что приехал из Виргинии, и миллионов у него — не сосчитать, Ну конечно, лошадь он мог бы себе купить и получше". Кортеж исчезает из вида, и город погружается в обычное сонное спокойствие. Хозяин гостиницы возвращается к своим приятелям и спешит сообщить, что ночевать сегодня знатные господа будут в Фарнэме, в "Кусте".

Обед в гостинице был обильным, и все трое сотрапезников воздали ему должное. У Гарри был отличный аппетит, свойственный его возрасту, Мария и ее тетушка также любили поесть, а короткий послеобеденный сон, без сомнения, помог госпоже Бернштейн без дурных последствий перенести ту неумеренность, с которой она поглощала пирожки с мясом и пирожки с фруктовой начинкой, а также забористый эль и крепкий портвейн. В ландо она удобно раскинулась на сиденье, ласково оглядывалась на Гарри, ехавшего возле, улыбалась ему и весело с ним болтала. Но какой злой недуг овладел вдруг очаровательницей, сидевшей спиной к лошадям? Ее белоснежное лицо украшал румянец, который Гарри принимал за естественные розы (как видите, сударыня, ваши заключения о поведении леди Марии с ее кузеном совершенно неосновательны и даже злы этот робкий юноша, вопреки вашим подозрениям, вовсе не предпринимал исследований, которые помогли бы ему проверить, настоящие ли это розы или искусственные. Поцелуй — помилосердствуйте! Я краснею при мысли, что вы сочли автора этих строк способным намекнуть на столь возмутительную вещь). Итак, повторяю: ярко-розовые щеки Марии продолжали цвести несколько металлическим румянцем, но в остальном ее лицо, прежде соперничавшее белизной с лилиями, теперь уподобилось цветом желтому нарциссу. Ее глаза смотрели по сторонам с ужасающим выражением. Гарри испугали муки, написанные на лице чаровницы, которое не только исказилось от боли, но и стало чрезвычайно некрасивым. В конце концов госпожа де Бернштейн, тоже заметив недомогание племянницы, спросила, не кружится ли у нее голова оттого, что она сидит спиной к лошадям, и бедная Мария это подтвердила. После чего баронессе пришлось потесниться, чтобы дать племяннице место рядом с собой, и до самого Фарнэма старуха сердито и насмешливо ворчала, выражая величайшее неудовольствие по поводу дерзости Марии, которой вздумалось заболеть в первый же день пути.

Когда они добрались до гостиницы "Куст" в Фариэме, — это название знаменитая фарнэмская гостиница носит вот уже триста лет, — бесценная больная удалилась в сопровождении горничной в свою спальню, бросив на Гарри всего лишь один страдающий взгляд и оставив юношу в странном смятении: жалость в его сердце мешалась с горьким недоумением. Эти желтые-желтые щеки, эти мертвенно бледные морщинистые веки, эти страшные красные пятна — какой больной вид был у его дражайшей Марии! И не только больной, но и... прочь, гнусное слово, прочь, недостойное подозрение! Гарри попытался отогнать от себя эту мысль. За ужином он почти ни к чему не прикоснулся, хотя благодущная баронесса

ела с таким аппетитом, словно вовсе не обедала в этот день — и, уж во всяком случае, так, словно болезнь племянницы ее ничуть не тревожила.

Она послала своего дворецкого узнать, не желает ли леди Мария подкрепиться. Тот вернулся и доложил, что ее милости все еще сильно немогутся и кушать она не будет.

— Надеюсь, она соблаговолит выздороветь к утру, — воскликнула госпожа Бернштейн, постукивая миниатюрной ручкой по столу. — Терпеть не могу, когда начинают болеть в гостиницах или в пути. Ты сыграешь со мной в пикет, Гарри?

Гарри был очень рад сыграть с тетушкой в пикет.

— Ах, уж эта бестолковая Мария! — заметила госпожа Бернштейн, прихлебывая негус из внушительного стакана. — Она совсем не бережется. Здоровье у нее всегда было слабое. А теперь ведь ей уже сорок один год. Все верхние зубы у нее фальшивые, и она совсем не может ими жевать. Слава богу, у меня пока еще все зубы целы. Как неуклюже ты сдаешь, голубчик!

Помилуйте — неуклюже сдает! Да если бы в эту минуту дантист вырывал собственные зубы Гарри, неужели он все-таки должен был бы думать о картах и сдавать их легко и изящно? Когда человека в застенке инквизиции вздергивают на дыбу, естественно ли требовать, чтобы он улыбался, чтобы он учтиво и связно беседовал с инквизитором? Если не считать этого пустячного замечания относительно карт, инквизитор, пытавший Гарри, хранил полную невозмутимость. Лицо баронессы не выражало ни удивления, ни торжества, ни злорадства. Больше за этот вечер госпожа де Бернштейн не нанесла племяннице ни одного удара: она с удовольствием играла в карты, по обыкновению рассказывала Гарри множество историй о былых временах, а затем пожелала ему спокойной ночи с большой сердечностью и благодушием. Весьма возможно, что он не слушал ее рассказов. Весьма возможно, что в голове у него теснились совсем иные мысли. Марии сорок один год, у Марии вставные... О, ужас, ужас! Может быть, у нее и один глаз вставной? Или волосы накладные? Или деревянная нога? Не хотел бы я увидеть сны, которые снились юноше в ту ночь.

Утром госпожа Бернштейн сказала, что великолепно выпалась. Раскаяние ее не терзало — это было совершенно ясно. (Есть люди, которые, нанеся своей жертве смертельный удар, приходят в самое безмятежное состояние духа.) Леди Мария тоже спустилась к завтраку. Болезнь ее милости, к счастью, совсем прошла, и баронесса ласково заметила племяннице, что она выглядит прекрасно. Леди Мария села за

стол. Она нежно посмотрела на Гарри, а он с обычной своей находчивостью и оригинальностью сказал, что очень рад выздоровлению ее милости. Почему при звуке его голоса она вздрогнула и бросила на него испуганный взгляд? Великий Инквизитор сидел за тем же столом, улыбался как ни в чем не бывало и ел ветчину с поджаренным хлебом. О, бедная, корчащаяся на дыбе жертва! О, беспощадный инквизитор! О, баронесса Бернштейн! Это было жестоко, жестоко!

За Фарнэмом чудесно зеленели залитые солнцем хмельники, и пейзажи вокруг соперничали красотой друг с другом. Мария настояла на том, чтобы занять свое прежнее место. Она поблагодарила милую тетушку. Теперь это не причинит ей ни малейшего неудобства. Она, как и накануне, устремила взор на лицо юного рыцаря, скачущего рядом с каретой. Она ждала ответных сигналов, которые прежде вспыхивали в этих двух окнах, рассказывая о любви, пылающей внутри. Она тихо улыбнулась ему, а он попытался ответить на этот знак приязни тем же, но сумел лишь искривить рот в жалкой усмешке. Несчастный юноша! Зубы, которые он увидел, когда она улыбнулась, вовсе не были вставными. Но он этого не знал, и они рвали его и терзали.

Так и тянулся этот день, полный блеска и солнечного сияния, но для Гарри и Марии окутанный черными тучами. Он ничего не видел вокруг, он думал о Виргинии, он вспоминал, как был влюблен в дочку преподобного Бродбента в Джеймстауне и как быстро угасло это чувство. Его томило смутное желание вернуться домой. Черт бы побрал всех этих бездушных английских родственников! Разве они не старались провести его? Разве все они не плели против него интриги? Разве проклятый Уилл не подсунул ему никуда не годную клячу?

В этот миг Мария испустила такой громкий и пронзительный вопль, что госпожа Бернштейн сразу проснулась, кучер изо всех сил натянул вожжи, а сидевший рядом с ним лакей в ужасе спрыгнул с козел.

— Выпустите меня! Выпустите меня! — кричала Мария. — Пустите меня к нему! Пустите меня к нему!

— Что случилось? — спросила баронесса.

А случилось то, что лошадь Уилла упала на колени, сбросив своего седока через голову, и мистер Гарри, которому следовало бы быть повнимательнее, лежал ничком на дороге и не шевелился.

Гамбо, который ехал возле второй кареты, болтая с горничными, подскочил к хозяину и присоединил свои вопли к стенаниям леди Марии. Госпожа Бернштейн вышла из ландо и медленно, вся дрожа, приблизилась к нему.

— Он умер, он умер! — рыдала Мария.

— Не будь дурочкой, Мария! — сказала ее тетка. — Эй, кто-нибудь! Постучите в эти ворота.

Совершив свой подвиг, лошадь Уилла поднялась на ноги и застыла в неподвижности, но ее недавний наездник не подавал ни малейших признаков жизни.

Глава XXI

Добрые самаритяне

Опасаясь, не испугали ли мы какую-нибудь добросердечную читательницу, которая могла подумать, будто разбитая кляча мистера Гарри Уорингтона унесла его далеко за пределы и жизни, и этого повествования, мы хотели бы в самом начале главы успокоить ее страхи и заверить ее, что ничего серьезного не случилось. Разве можем мы убивать своих героев, когда они только-только переступили порог юности, а наше повествование еще далеко не достигло зрелости? Мы и так уже носим траур по одному из наших виргинцев, которого постигла злая судьба в Америке, и мы не можем убить второго в Англии, не правда ли? Героев не полагается отправлять на тот свет с такой поспешностью и жестокостью без достаточно веских причин. Если бы всякий раз, когда какого-нибудь джентльмена сбрасывала лошадь, он непременно погибал, то не только герой, но и автор этой хроники давно покоился бы в земле, тогда как первый сейчас всего лишь распростерт на ней сверху и будет приведен в чувство, едва его внесут в дом, у ворот которого уже позвонил лакей госпожи Бернштейн.

А чтобы у вас не было сомнений в том, что хотя бы младший из наших виргинцев остался жив после падения с разбитой клячи мистера Уилла, вот собственноручное письмо хозяйки дома, куда его внесли, — эта дама, по-видимому, приняла в нем самое горячее участие:

"Миссис Эсмонд-Уорингтон, владелице Каслвуда,
в собственный дом в Ричмонде, Виргиния.

Если миссис Эсмонд-Уорингтон вспомнит те времена, когда двадцать три года назад мисс Рэйчел Эсмонд училась в Кенсингтонском пансионе, она, быть может, припомнит и мисс Молли Бенсон, свою товарку, которая забыла все их смешные ссоры (виноватой в них очень часто бывала сама мисс Молли) и помнит только великодушную, вспыльчивую, шаловливую мисс Эсмонд, принцессу Покахонтас, которой все мы так восхищались.

Милостивая государыня, я не могу забыть, что когда-то вы были моей милой Рэйчел, а я — вашей дражайшей Молли. Правда, когда вы уезжали в Виргинию, расстались мы холодно, но вам известно, как мы некогда любили друг друга. У меня, Рэйчел, все еще хранится золотая *etui* {Шкатулка (франц.)}, которую подарил мне ваш батюшка, когда он приезжал к нам в пансион на публичные экзамены и мы с вами исполняли сцену ссоры Брута и Кассия из Шекспира, а не далее как вчера под утро

мне приснилось, что ужасная мисс Хартвуд вызвала нас обоих отвечать урок, а я его не выучила, и, как всегда, мисс Рэйчел Эсмонд показала свое превосходство передо мной. Как свежи в памяти все эти далекие дни! Как молодеешь, думая о них! Я помню наши прогулки и наши занятия и то, как наши милостивые король и королева прогуливались в сопровождении придворных по Кенсингтонскому саду, а мы, пансионерки "Академии" мисс Хартвуд, все вместе низко приседали. Я и сейчас могу перечислить все, что нам подавали за обедом в тот или иной день недели, и могу показать место, где была ваша клумба, которая всегда выглядела куда аккуратнее моей. Как и комод мисс Эсмонд — образец аккуратности, тогда как мой обычно в плачевном беспорядке. Помните, как мы рассказывали друг другу всякие истории в дортуаре, пока классная дама мадам Hibou {Сова (франц.)} не вскакивала с кровати и не прерывала нас негодующим "уханьем"? А помните бедного учителя танцев, который рассказал нам, что на него напали разбойники, хотя на самом деле его, кажется, избили лакеи милорда вашего брата? Дорогая! Ваша кузина леди Мария Эсмонд (в те времена ее папенька, если не ошибаюсь, был еще просто виконтом Каслвудом) только что посетила мой дом, но я, разумеется, не стала напоминать ей про эти печальные дни, о которых болтаю сейчас с моей милой миссис Эсмонд.

Ее милость побывала у меня вместе с другой вашей родственницей, баронессой де Бернштейн, а теперь они обе поехали дальше в Танбридж-Уэлз, однако еще один ваш родственник, куда более близкий, остался гостить у меня, и сейчас, надеюсь, спит крепким сном в соседней комнате. Зовут этого джентльмена мистер Генри Эсмонд-Уорингтон. Теперь вы понимаете, почему ваша старая товарка решила вам написать? Не тревожьтесь, моя дорогая! Я знаю, вы думаете сейчас: "Мой сын заболел! Вот почему мисс Молли Бенсон пишет мне!" Нет-нет, дорогая! Вчера мистер Уорингтон был, правда, нездоров, но сегодня уже совсем оправился. Наш доктор — а это не кто иной, как мой милый муж, полковник Ламберт, — пустил ему кровь, вправил вывихнутое плечо и объявил, что через два дня мистер Уорингтон будет совсем здоров и сможет продолжать свой путь.

Боюсь, я и мои девочки немного жалеем, что он так скоро поправится. Вчера вечером, когда мы сели пить чай, в наши ворота позвонили, да так громко, что все мы перепугались: в нашем тихом уголке редко раздается звон этого колокольчика, разве какой-нибудь прохожий нищий дернет за него, чтобы попросить милостыни. Наша прислуга выбежала посмотреть, что случилось, и оказалось, что молодой джентльмен упал с лошади и лежит на дороге бездыханный, а кругом стоят его спутники. Услышав это, мой полковник (добрейший из самаритян) спешит к злополучному

путешественнику и вскоре вместе со слугами и в сопровождении двух дам вносит в комнату такого бледного, бесчувственного красивого юношу! Ах, дорогая, как мне радостно знать, что ваше дитя нашло приют и помощь под моим кровом! Что мой муж спас его от страданий и лихорадки и вернул его здоровью и вам! Мы возобновим теперь нашу старую дружбу, не правда ли? В прошлом году я сильно хворала, и даже думали, что я умру. И знаете? Тогда я часто вспоминала вас и то, что вы были сердиты на меня, когда мы расстались много лет назад. Я тогда начала писать вам глупое письмо, которое у меня не хватило сил кончить, — я писала, что если меня ждет сейчас судьба, уготованная всем нам, то мне хотелось бы покинуть нашу юдоль примиренной со всеми, кого я знаю.

Ваша кузина, высокородная леди Мария Эсмонд, выказала истинно материнскую нежность и тревогу, когда с ее молодым родственником приключилась эта беда. Право, у нее, должно быть, очень доброе сердце. Баронесса де Бернштейн, дама столь преклонных лет, конечно, не может уже чувствовать так глубоко, как мы, молодежь, однако и она очень тревожилась, пока мистер Уорингтон не пришел в сознание, а тогда она объявила, что хочет как можно быстрее продолжить свой путь в Танбридж-Уэлз, ибо больше всего на свете боится ночевать там, где поблизости нельзя найти врача. Тут мой эскулап сказал со смехом, что, конечно, не может предложить своих услуг знатной даме, хотя и берется вылечить своего молодого пациента. И правда, мой полковник во время своих походов приобрел немалый опыт в такого рода ушибах, и могу ручаться, что, созови мы на консилиум хоть всех окрестных врачей, лучшего лечения мистеру Уорингтону все равно никто не предложил бы. Итак, поручив молодого джентльмена моим заботам и заботам моих дочерей, баронесса и леди Мария распрощались с нами, хотя последней очень не хотелось уезжать.

Когда он совсем поправится, мой полковник, и притом на собственных лошадях, проводит его до Уэстерема, где живет его старый товарищ по оружию. Письмо это будет отослано с почтовой каретой в Фалмут не ранее, чем, бог даст, ваш сын полностью обретет прежнее здоровье и силы, а поэтому вам нет никакой нужды тревожиться о нем, пока он находится под кровом вашей, милостивая государыня, покорнейшей слуги, любящей вас

Мэри Ламберт. P. S. Четверг. " " ?

Я была рада узнать (об этом приятнейшем обстоятельстве рассказал нашим людям черный лакей мистера Уорингтона), что Провидение ниспослало госпоже Эсмонд такое большое богатство и наследника, вполне его достойного. Наше состояние сейчас очень прилично, но, поделенное

между нашими детьми, когда мы покинем эту юдоль, оно окажется малым. Ах, дорогая! Я узнала о тяжком несчастье, постигшем вас в прошлом году. Хотя мы с полковником взрастили много детей (пятерых), двух мы потеряли, и материнскому сердцу понятно ваше горе; признаюсь вам, мое разрывалось от сострадания к вашему мальчику, когда сегодня он (голосом, невыразимо тронувшим меня и мистера Ламберта) упомянул своего милого брата. Нельзя увидеть вашего сына и не полюбить его. Я благодарю бога, что нам было дано помочь ему в беде и что, приняв в свой дом незнакомого человека, мы оказали гостеприимство сыну моей старинной подруги".

На лицах некоторых людей природа начертала аккредитив, который оплачивается почти всюду. Подобным лицом обладал в юности Гарри Уорингтон. На его щеках играл такой здоровый румянец, глаза были такими ясными, а выражение их — столь бесхитростным и открытым, что все, кто его видел — даже те, кто его обманывал, — преисполнились к нему доверия. Тем не менее, как мы уже намекали, этот юноша отнюдь не был простодушным простаком, каким казался. Как ни легко он краснел, он был далеко не наивен и, пожалуй, значительно более осторожен и себе на уме, чем стал в зрелые годы. Несомненно, проницательный и благородный человек (который вел честную жизнь и не знает тайных угрызений совести) с годами становится проще. Он решает примеры справедливости и добра с большей быстротой, с большей легкостью выучивается распознавать и отбрасывать ложные доводы и попадает в мишень истины с меньшим, чем раньше, трудом и душевным страданием. Или это всего лишь старческое заблуждение — наша вера в то, что преклонный возраст излечивает нас от многих суетных желаний и мы становимся менее пристрастны в своих суждениях о собственных наших недостатках и недостатках ближних?.. Я смиренно утверждаю, что молодые люди, хотя выглядят они красивее, хотя глаза у них больше, а на веках нет ни единой морщины, часто могут потягаться хитростью со многими из стариков. Невинные маленькие школьники — какие это чудовищные обманщики! Как они лгут маменьке! Как надувают папеньку! Как обводят вокруг пальца экономку! Как подличают перед старшеклассником, при котором состоят фэгом! И как ведут себя на глазах у директора, доктора Берча, — все эти пять долгих лет лицемерия, лжи и пресмыканий! А сестры маленьких школьников? Разве они лучше, и разве, только начиная выезжать в свет, эти ангелочки выучиваются кое-каким штучкам?

По вышеприведенному письму миссис Ламберт вы можете заключить, что она, как все хорошие женщины (да почти и все дурные тоже), была сентиментальна; и когда она посмотрела на Гарри Уорингтона, лежащего на

ее лучшей кровати, после того как полковник пустил ему кровь и вправил вывихнутое плечо, когда, держа мужа за руку, она увидела, что юноша спит сладким сном, порой что-то невнятно шепча, а на его щеках играет легкий румянец, она объявила, что он настоящий красавец, и с грустью признала, что оба ее сына — Джек, оксфордский студент, и Чарльз, только что вернувшийся в школу после осенних каникул, — наружностью далеко уступают виргинцу. Как прекрасно он сложен, а его рука, когда папочка отворял ему кровь, белизной поспорила бы с ручкой любой знатной девицы!

— Да, ты прав, Джек был бы не хуже, если бы не оспины, ну, а Чарли...

— Пошел в отца, милая Молли, — сказал полковник, глядя на свою честную физиономию, отражавшуюся в небольшом зеркале с гранеными краями и лакированной рамой, перед которым наиболее почитаемые гости достойного джентльмена и его супруги наклеивали мушки, пудрились или брились.

— Разве я сказала это, милый? — с некоторым испугом шепнула миссис Ламберт.

— Нет, но вы это подумали, миссис Ламберт.

— Почему ты умеешь так правильно угадывать чужие мысли, Мартин?

— А потому, что я фокусник, и потому, что ты постоянно высказываешь их вслух, душа моя, — ответил ее муж. — Не бойся — после лекарства, которое я ему дал, он не проснется. Потому что стоит тебе только увидеть молодого человека, и ты тут же принимаешься сравнивать его со своими сыновьями. Потому что стоит тебе только услышать про какого-нибудь молодого человека, и ты уже начинаешь раздумывать, которой из наших девочек он сделает предложение.

— Не говорите глупостей, сэра! — ответила его супруга, прижимая ладонь к губам полковника. К этому времени они уже тихонько вышли из спальни в соседнюю гардеробную — уютную комнату, отделанную дубовыми панелями, где стояли лакированные шкафы и комоды, хранился дорогой фарфор, в воздухе веял приятный запах свежей лаванды, а на окнах, выходящих в сад, висели муслиновые занавески.

— Не станете же вы отрицать, миссис Ламберт, — начал опять полковник, что минуту назад, пока вы смотрели на этого юношу, вы думали: "А на ком из моих девочек он женится? На Тео или на Эстер?" Вспомнили вы и Люси, хотя она сейчас в пансионе.

— От тебя ничего нельзя скрыть, Мартин Ламберт, — со вздохом сказала его жена.

— Твои глаза ничего не умеют скрывать, душа моя. И почему вам,

женщинам, так не терпится поскорее продать и выдать замуж своих дочерей? Нам, мужчинам, вовсе не хочется с ними расставаться. И мне, например, этот юноша нравился бы куда меньше, если бы я думал, что он собирается похитить у меня одну из моих милых девочек.

— Право, Мартин, я сама так счастлива, — ответила любящая жена и мать, бросая на мужа самый нежный взгляд, — что, натурально, хочу, чтобы мои дочери последовали моему примеру и тоже были счастливы!

— Ах, так вы считаете, миссис Ламберт, что хорошие мужья — совсем не редкость и их можно подбирать каждый день: стоит только выйти за ворота, а он уж там лежит, точно куль с углем?

— Но, сэр, разве не само провидение распорядилось, чтобы этот молодой человек упал с лошади у наших ворот, а потом оказался сыном моей школьной товарки и старинной подруги? — осведомилась его жена. — Это не может быть просто случай, уж поверьте, мистер Ламберт!

— И, конечно, это тот самый незнакомец, которого ты три вечера подряд видела в пламени свечи?

— И в камине тоже, сэр! Два раза уголек выскочил совсем рядом с Тео. Можешь, конечно, смеяться, а все-таки приметам лучше верить! Разве я не видела совершенно ясно, что ты возвращаешься с Минорки и разве ты не приснился мне в тот самый день и час, когда тебя ранили в Шотландии?

— А сколько раз ты видела, что меня ранили, когда я был цел и невредим, душа моя? Сколько раз ты видел; что я болен, когда со мной не случалось ровно никакой беды? Ты вечно что-нибудь предсказываешь, и, конечно, хоть изредка твои пророчества должны сбываться. Ну, пойдём. Оставим нашего гостя спать, а сами пойдём к девочкам: им пора заниматься французским.

С этими словами добрый джентльмен взял жену под руку, и они спустились по широкой дубовой лестнице в обширную старинную прихожую, где по стенам висели портреты многих усопших Ламбертов, достойных мировых судей, воинов и помещиков, каким был и полковник, с которым мы только что познакомились. Полковник обладал мягким лукавым юмором. Французский урок, который он разбирал со своими дочерьми, включал сцену из комедии господина Мольера "Тартюф", и папенька всячески подшучивал над мисс Тео, называл ее "мадам" и церемонно ей кланялся. Девушки прочитывали с отцом одну-две сцены его любимого автора (в те дни девушки были не менее скромны, чем теперь, хотя их речь и была несколько более вольной), и папенька очень смешно и с некоторой игривостью произносил слова Оргона из этой знаменитой пьесы.

Оргон

Ну вот, все хорошо. Вы, Марианна, мне
Всегда казались смиренною вполне,
Поэтому я вас всегда любил сердечно.

Марианна

Отцовская любовь ценна мне бесконечно.

Оргон

Отлично...

Что вы скажете о нашем новом друге?

Марианна

Кто? Я?

Оргон

Вы. Но к своим прислушайтесь словам.

Марианна

Что ж, я о нем скажу все, что угодно вам. (Читая эту последнюю строку, мадемуазель Марианна смеется и против воли краснеет.)

Оргон

Ответ разумнейший. Скажите же, что, мол, он

От головы до ног достоинств редких полон,

Что вы пленились им и вам милей всего

Повиноваться мне и выйти за него {*}.

{* Мольер. Тартюф, или Обманщик, д. II, явл. 1.

Перевод М. Лозинского.}

— Не правда ли, Эльмира, мы очень мило прочли эту сцену? — со смехом спросил полковник, поглядев на жену.

Эльмира и их дочери были в восторге от чтения Оргона — как, впрочем, почти от всего, что говорил или делал полковник Ламберт. А ты, о друг-читатель, можешь ли ты рассчитывать на верность безыскусственного и нежного сердца — и притом не одного? Можешь ли и ты среди милостей, которыми одарило тебя небо, назвать любовь верящих в тебя женщин? Очисти собственное твое сердце и постарайся, чтобы оно было достойно их. И на коленях, на коленях благодари за ниспосланную тебе милость! С ней не сравнятся никакие иные сокровища. Все награды, сулимые честолюбием, богатством, наслаждениями, — лишь суета, не приносящая нам ничего, кроме разочарования. Их жадно хватают, за них радостно дерутся, но вновь и вновь усталый победитель убеждается, что они не стоят ровно ничего. Но любовь не кончается с жизнью, простирается за ее пределы. Мне кажется, мы уносим ее с собой за порог могилы. Разве мы не любим тех, кто ушел от нас? Так неужели мы не можем надеяться, что и они нас любят и что когда мы, в свою очередь, умрем, любовь к нам

останется жить в двух-трех верных сердцах?

Но скажите, почему, с какой стати, зачем эта проповедь? Видите ли, о семье Ламбертов я знаю гораздо больше, чем вы, снисходительный читатель, кому я только что их представил, — да это и естественно: как вы могли их знать, если никогда прежде о них не слышали? Возможно, мои друзья вам не понравятся: людям редко нравятся новые знакомые, когда им представляют их с неумеренными и пылкими похвалами. Вы говорите (вполне естественно): "Как! Н это все? И вот от этих-то людей он без ума? Но ведь дочка вовсе не красавица, маменька добродушна и, возможно, была когда-то недурна, хотя от ее прелестей не сохранилось ничего, а что до папеньки, то он человек самый заурядный". Пусть так. Но признайтесь, разве зрелище честного человека, его честной любящей жены и любящих, послушных детей вокруг них не трогает вас и не радует? Если вас познакомят с таким отцом семейства и вы увидите горячую нежность на любящих лицах, окружающих его, и то ласковое доверие и любовь, которые сияют в его собственных глазах, неужели вы останетесь холодны и равнодушны? Если вам доведется гостить в доме такого человека и увидеть, как поутру или ввечеру он, его, дети и слуги соберутся вместе во имя Некое, неужели вы не присоединитесь смиренно к молитве этих слуг и не завершите ее благоговейным "аминь"? В этот первый вечер его пребывания в Окхерсте Гарри Уорингтону в полубреду, вызванном снотворным питьем, вдруг почудилось, что он слышит вечерний псалом, и что поет его любимый брат Джордж, и что он дома, — и, успокоенный этой мыслью, больной снова крепко заснул.

^ТГГлава XXII^U

Выздоровление

Убаюканный этими гармоничными звуками, наш юный больной погрузился в сладостный сон и всю ночь провел в приятном забытии, а проснувшись, увидел, что в окно льются лучи летнего солнца и что у полога кровати, улыбаясь, стоят его добрые хозяин и хозяйка. Он почувствовал невероятный голод, и доктор разрешил ему тут же съесть вареного цыпленка, которого, как объяснила ему супруга доктора, приготовила одна из ее дочерей.

Одна из ее дочерей? Юноше вдруг припомнился смутный образ молоденькой девушки с розовыми щеками и черными локонами — двух молоденьких девушек, которые с улыбкой стояли у его ложа и внезапно исчезли, едва он пришел в себя. А затем, затем в его воображении возник образ другой женщины — правда, прелестной, но пожилой... ну, во всяком случае, далеко не молоденькой... и со встав... О, ужас и раскаяние! Он в

отчаянии завертелся на постели, оттого что в его памяти всплыли кое-какие обстоятельства. Бездонная пропасть времени зияла между ним и прошлым. Давно ли он услышал, что эти жемчуга были фальшивыми... что эти золотые локоны — всего лишь накладка? Очень, очень давно, когда он был мальчиком, наивным мальчиком. А теперь он — мужчина, почти старик. С тех пор ему обильно пустили кровь, у него был небольшой жар, он почти сутки ничего не ел > он выпил снотворное и долго спал крепким сном.

— Что с вами, дитя мое? — воскликнула добрейшая миссис Ламберт, заметив его движение.

— Ничего, сударыня, в плече закололо, — ответил Гарри. — Я, конечно, говорю с моим хозяином и хозяйкой? Вы были ко мне так добры!

— Но ведь мы с вами старые друзья, мистер Уорингтон. Мой муж, полковник Ламберт, знал вашего батюшку, а я училась вместе с вашей маменькой в Кенсингтонском пансионе. Вы сразу перестали быть чужим для нас, как только ваша тетушка и кузина сказали нам, кто вы такой.

— Они здесь? — спросил Гарри с несколько растерянным видом.

— Эту ночь они провели, наверное, уже в Танбридж-Уэлзе. Вчера они прислали из Рейгета верхового узнать, как вы себя чувствуете.

— Ах, я вспомнил! — сказал Гарри, поглядывая на свое забинтованное плечо.

— Я все вам отлично вправил, мистер Уорингтон. И теперь вы поступаете под опеку миссис Ламберт и кухарки.

— Ну нет, мистер Ламберт, цыпленка и рис приготовила Тео! Может быть, мистер Уорингтон захочет после завтрака встать? Мы пришлем вам вашего лакея.

— Если вопли служат доказательством преданности, то более верного и любящего слуги найти невозможно, — заметил мистер Ламберт.

— Он не спохватился вовремя и оставил ваш багаж в карете вашей тетушки, — сказала миссис Ламберт. — Вам придется надеть белье моего мужа, хотя оно, наверное, сшито не из такого тонкого полотна, к какому вы привыкли.

— Вздор, душа моя! Мои рубашки годятся для любого доброго христианина, — воскликнул полковник.

— Их шили Тео и Эстер, — объявила маменька, на что ее супруг поднял брови и поглядел ей прямо в глаза. — А Тео подпоролла и подшила рукав вашего кафтана, чтобы вашему плечу было удобно, — добавила миссис Ламберт.

— Какие чудные розы! — воскликнул Гарри, увидев прекрасную фарфоровую вазу с этими цветами, которая стояла на туалетном столике

перед зеркалом в лакированной раме.

— Моя дочь Тео срезала их сегодня утром. Что такое, мистер Ламберт? Ведь она их правда срезала.

Наверное, полковник, считая, что его супруга слишком уж часто упоминает про Тео, наступил на туфлю миссис Ламберт, или дернул ее за платье, или еще каким-нибудь способом напомнил ей о приличиях.

— А вчера вечером кто-то чудесно пел вечерний псалом — или мне это только приснилось? — спросил молодой страдалец.

— И это тоже была Тео, мистер Уорингтон! — ответил полковник, засмеявшись. — Слуги говорили мне, что ваш негр на кухне подпевал так, что потягался бы и с церковным органом.

— Этот псалом поют у нас дома, сэр. Мой дедушка очень его любил. Отец его жены был большим другом епископа Кенна, который его написал, и... и мой милый брат тоже очень его любил, — dokonчил юноша дрогнувшим голосом.

Я думаю, что именно в эту минуту миссис Ламберт захотелось поцеловать бедняжку. Приключившееся с ним несчастье, жар, выздоровление и доброта тех, кто его окружал, смягчили сердце Гарри Уорингтона и сделали его восприимчивым к влиянию лучшему, нежели то, которому он подвергался последние полтора месяца. Он дышал теперь воздухом более чистым, чем отравленная атмосфера эгоизма, суетности и порока, в которую он погрузился сразу после своего приезда в Англию. Порой судьба, склонности или слабость молодого человека толкают его в объятия легкомыслия и тщеславия; и счастлив тот, кому выпадет жребий оказаться в более достойном обществе, где все светильники заправлены и чистые сердца смиренно бодрствуют.

Очень довольная матрона удалилась, оставив юношу усердно расправляться с цыпленком и рисом мисс Тео, а полковник сел возле кровати своего пациента. Радушные гостеприимных хозяев, вкусная еда — все это привело и дух и тело мистера Уорингтона в весьма приятное состояние. Он стал даже несколько болтлив, хотя обычно — кроме тех случаев, когда бывал сильно увлечен или взволнован, — он был скорее молчалив и сдержан в разговорах и отнюдь не обладал богатым воображением. С книгами наш юноша был не очень-то в ладах, а его суждения о тех немногих романах, которые ему все же довелось прочитать, не отличались ни глубиной, ни оригинальностью. Впрочем, в собаках, лошадях и обычных житейских делах он разбирался намного лучше и с теми, кого интересовали эти предметы, разговаривал вполне свободно.

Хозяин Гарри, наделенный незаурядной проницательностью, хорошо

знавший и книги, и скот, и людей, во время этой беседы со своим молодым гостем успел прекрасно понять, с кем имеет дело. Именно теперь наш виргинец услышал, что миссис Ламберт в юности дружила с его матерью и что отец полковника служил с дедом Гарри, полковником Эсмондом, в знаменитых войнах королевы Анны. Он оказался среди друзей. Вскоре он уже чувствовал себя совсем легко в обществе достойного полковника, который держался с большой простотой и сердечностью и казался совершенным джентльменом, хотя одет был в невзрачный саржевый кафтан и камзол без единой кружевной нашивки.

— Оба мои сына в отъезде, — сказал хозяин Гарри, — не то они показали бы вам наши края, когда вы поправитесь, мистер Уорингтон. Теперь же вам придется довольствоваться обществом моей жены и дочерей. Миссис Ламберт уже рассказала вам про одну из них — нашу старшую, Тео, которая сварила вам цыпленка, нарезала для вас роз и починила ваш кафтан. Она вовсе не такое чудо, как кажется ее маменьке, однако малютка Тео прекрасная хозяйка, а к тому же хорошая и веселая девочка, хотя отцу, может быть, и не следовало бы так говорить.

— Я очень благодарен мисс Ламберт за ее доброту ко мне, — сказал молодой человек.

— Ну, она была к вам не добрее, чем положено быть к ближним, и только исполнила свой долг. — Тут полковник улыбнулся. — Я посмеиваюсь над их матерью за то, что она вечно расхваливает наших детей, — добавил он, — но и сам я, боюсь, не лучше. По правде говоря, господь дал нам очень добрых и послушных детей, и с какой стати должен я притворяться равнодушным к такой милости? У вас, кажется, нет сестер?

— Нет, сэр. И теперь я остался совсем один, — ответил мистер Уорингтон.

— Ах да! Прошу у вас прощения за мой неуместный вопрос. Ваш слуга рассказал нашим людям, какое несчастье постигло вас в прошлом году. Я служил с Брэддоком в Шотландии и могу только надеяться, что перед смертью он исправился. Распутник, сэр, но была в нем и честность, и немалая доброта, хоть она и пряталась под грубостью и хвастовством. Ваш чернокожий без всякого стеснения болтает про своего хозяина и его дела. Вероятно, вы спускаете ему эти вольности потому, что он вас спас...

— Спас меня? — воскликнул мистер Уорингтон.

— От орды индейцев во время этого похода. Мы с Молли и не подозревали, что принимаем у себя столь богатого человека. Он говорит, что вам принадлежит половина Виргинии, но владей вы хоть всей Северной Америкой, мы все равно могли бы предложить вам только то

лучшее, что у нас есть.

— Эти негры, сэр, лгут, как сам отец лжи. Они считают, что прибавляют нам чести, если скажут, что мы вдесятеро богаче, чем есть на самом деле. В Англии поместье моей матери было бы огромным, да и у нас оно считается недурным. Мы не беднее большинства наших соседей, сэр, но и не богаче, а наша сказочная пышность — плод глупой фантазии мистера Гамбо. Он ни разу в жизни не спасал меня даже от одного индейца, а при виде краснокожих сразу бросился бы бежать — как лакей моего бедного брата в тот роковой день, когда его убили.

— И самый храбрый человек обратится в бегство, когда удача против него, — заметил полковник. — Я сам видел, как при Престоне лучшая в мире армия бежала перед ордой дикарей-горцев.

— Это потому, что шотландские горцы отстаивали правое дело, сэр.

— Как по-вашему, — спросил хозяин Гарри, — французские индейцы в прошлогодней битве отстаивали правое дело?

— Негодяи! Я бы скальпировал их всех до последнего, краснокожих убийц! — крикнул Гарри, сжав кулаки. — Они грабили мирных поселенцев и вторгались на английскую территорию. Ну, а шотландцы ведь сражались за своего короля.

— А мы сражались за нашего короля и в конце концов победили, — сказал полковник, засмеявшись.

— Не отступи его высочество принц при Дерби, — вскричал Гарри, — вашим королем и моим был бы теперь его величество король Иаков Третий!

— Кто сделал из вас такого тори, мистер Уорингтон? — осведомился полковник Ламберт.

— Никто, сэр! Эсмонды были всегда верны своему законному государю, ответил юноша. — Если бы мы с братом жили на родине и родились на двадцать лет раньше, то наши с ним головы были бы в опасности — мы об этом часто говорили. Конечно, мы были бы готовы сложить их за дело нашего короля.

— Вашей голове гораздо уютнее на ваших плечах, чем на шесте в Темпл-Баре. Я видел их там, мистер Уорингтон, и это зрелище не из приятных.

— Я буду снимать шляпу и кланяться им каждый раз, когда пройду там, воскликнул юноша. — И пусть на это смотрят хоть сам король и весь двор!

— Не думаю, что ваш родственник лорд Каслвуд — такой же стойкий сторонник короля за Ла-Маншем, — с улыбкой сказал полковник Ламберт, — или ваша тетушка, баронесса Бернштейн, которая поручила вас нашим

заботам. Каковы бы ни были ее прежние привязанности, она отреклась от них, она перешла на нашу сторону, выхлопотала своим племянникам придворные должности, а теперь подыскивает приличных женихов для своих племянниц. Если вы тори, мистер Уорингтон, то послушайте совета старого солдата и держите свое мнение при себе.

— Но ведь я не думаю, сэ, что вы способны меня предать! — сказал Гарри.

— О, разумеется! Не стану возражать. Однако самые близкие родственники иной раз бывают способны сыграть с человеком не очень приятную шутку, и ему приходится расплачиваться за то, что он им доверял. Я не хочу сказать ничего обидного ни для вас, ни для кого-либо из ваших родственников, но ведь у лакеев есть уши, как и у их хозяев, и они разносят по округе всяческие сплетни. Например, ваш негр готов разболтать все, что ему про вас известно, и добавить, по-видимому, еще многое сверх того.

— А он рассказал вам про мою лошадь? — спросил Гарри, пунцово покраснев.

— По правде говоря, мой конюх как будто что-то знает, и, по его мнению, не годится джентльмену продавать такую клячу другому джентльмену, да к тому же родственнику. Я вовсе не хочу брать на себя роль вашего ментора или передавать сплетни слуг. Когда вы поближе познакомитесь с вашими родственниками, вы составите о них собственное мнение, а пока я могу только еще раз повторить совет старого солдата: смотрите, с кем вы имеете дело, и будьте осторожнее в своих речах.

Вскоре после этой беседы гость мистера Ламберта поднялся с постели и оделся с помощью Гамбо, которому он, по крайней мере в сотый раз, пригрозил поркой, если тот и впредь посмеет разглагольствовать в людской о делах своего господина, — и Гамбо торжественно поклялся отныне и вовеки ус нарушать этого запрета. Однако я не сомневаюсь, что он уже выболтал все каслвудские секреты своим новым друзьям на кухне полковника Ламберта, — во всяком случае, хозяйка Гарри вынуждена была выслушать от экономки немало историй про молодого виргинца — о, разумеется, мне и в голову не придет обвинить эту достойную даму, а с ней и весь прекрасный пол, да и наш тоже, в неуместном любопытстве касательно дел наших ближних. Но разве можно помешать слугам болтать между собой или не слушать, когда эти верные, преданные создания что-нибудь вам рассказывают?

Дом мистера Ламберта стоял на окраине городка Окхерст, каковой городок терпеливый читатель, если только не заблудится, найдет на дороге

между Фарнэмом и Рейгетом, — когда Гарри упал с лошади, слуги госпожи Бернштейн постучались, конечно, в ближайшие ворота. В сотне-другой ярдов начиналась длинная улица старинного городка, где можно было найти и стол и кров под огромной раскачивающейся вывеской с двумя бочонками, а также и помощь врачевателя, о чем свидетельствовала сверкающая позолотой ступка с пестиком. Но какой костоправ оказался бы искуснее хозяина Гарри, не бравшего с него к тому же никакой платы, и какой трактирщик принял бы его более радушно?

За выходящими на проезжую дорогу высокими воротами с геральдическими чудищами на столбах подъездная аллея поднималась по склону к аккуратно выложенной камнем широкой террасе, на которой стоял Окхерст-Хаус квадратное кирпичное здание с каменными наличниками на окнах, множеством печных труб и крутой крышей, обнесенной изящной балюстрадой. Позади тянулся обширный сад с огородом — места там хватало и для капусты, и для роз, а перед домом, отделенный от него проезжей дорогой, простирался большой луг, где паслись коровы и лошади полковника. Над центральным окном те же чудища, которые гарцевали и резвились на воротах, поддерживали геральдический щит, а увенчивала этот щит коронка. Дело в том, что дом этот был некогда собственностью владельцев Окхерстского замка, расположенного поблизости, его трубы и башенки вздымались над темной летней зеленью парка. Дом мистера Ламберта считался первым в городке, но замок был куда важнее всего городка. Между замком и этим домом существовала давняя дружба. Отцы их нынешних владельцев сражались бок о бок в войнах королевы Анны. Перед домом стояли две маленькие кулеврины и шесть перед замком, — эти восемь пушек были сняты с каперского судна, которое мистер Ламберт и его родственник и начальник лорд Ротем привели в Гарвич, когда были посланы из Фландрии в Англию с депешами герцога Мальборо.

Наконец Гарри Уорингтон с помощью Гамбо завершил свой туалет: его белокурые волосы были тщательно причесаны этим же темнокожим искусником, больная рука удобно уложена в привязанный к шее платок, распоротый рукав кафтана прихвачен лентой, и молодой виргинец вслед за своим хозяином вышел из спальни и по широкой дубовой лестнице, вдоль которой висели старинные пики и мушкеты, спустился в квадратную прихожую с мраморным полом, куда выходили двери жилых комнат. Стены прихожей также украшало всевозможное оружие — пики и алебарды прошлых веков, пистолеты и мушкетоны, отслужившие свою службу сто лет назад в кромвелевских войнах, разорванный французский значок, с которым скакал французский кирасир при Мальплаке, и два тяжелых

обоюдоострых шотландских меча, которые, побывав у самого Дерби, были брошены на роковом Куллоденском поле. Тут висели кирасы и черные каски солдат Оливера, а с ними рядом — портреты суровых воинов в кожаных куртках и с коротко остриженными волосами.

— Они сражались против ваших предков и короля Карла, мистер Уорингтон, — сказал хозяин Гарри. — Я этого не скрываю. Они приехали в Эксетер, чтобы присоединиться к войску Оранского. Мы всегда были вигами, молодой человек, и более того: генерал-майор Джон Ламберт — родственник нашего дома, и мы все в той или иной мере предпочитали короткие волосы и длинные проповеди. А вам, по-видимому, не по вкусу и то и другое? — Действительно, лицо Гарри, рассматривавшего портреты воинственных сторонников парламента, не выражало ни малейшего восторга. — Но не тревожьтесь: теперь мы стали верными сынами англиканской церкви. Мой старший сын скоро будет рукоположен. Сейчас он в качестве гувернера путешествует с сыном лорда Ротема по Италии. Ну, а все женщины в нашей семье — ревностные англиканки и не позволяют мне сбиться с пути истинного. Любая женщина — тори в сердце своем. Правда, мистер Поп употребил тут словечко "распутница", но "тори" звучит менее обидно. Ну, так пойдете же к ним. — И, распахнув темную дубовую дверь, полковник Ламберт ввел молодого виргинца в гостиную, где сидели его жена и дочери.

— Вот это — мисс Эстер, — сказал полковник, — а это мисс Тео, варительница супов, швея и певунья, аккомпанирующая себе на клавикордах, которая убаюкивала вас вчера. Сделайте реверанс джентльмену, девицы! Ах да, я забыл: Тео — хозяйка тех роз, которыми вы столь недавно восхищались у себя в спальне. Мне кажется, две из них она сберегла на своих щеках.

И правда, пока папенька говорил, мисс Тео, делая реверанс, стыдливо порозовела. Я не собираюсь ее описывать, хотя до конца этой истории нам придется видеться с ней очень часто. Ослепительной красавицей она не была. Гарри не влюбился в нее по уши с первого взгляда, коварно изменив той... той, другой особе, которой, как мы знаем, еще совсем недавно было отдано его сердце. У мисс Тео были кроткие глаза, приятный голос и румяные веснушчатые щечки, а на ее округлую белую шейку из-под белого чепчика, какие в те времена носили молодые девицы, падали пышные пряди волнистых темно-каштановых волос. В ней не было заметно ни томности, ни чувствительности. Ее руки, открытые по моде тех времен по локоть, были полненькими и розовыми. Ножки ее вовсе не отличались такой миниатюрностью, что разглядеть их можно было бы только в

подзорную трубу. И талией она не могла бы соперничать с осой. Ей было шестнадцать лет, но она казалась старше своего возраста. Право, не знаю, зачем ей понадобилось краснеть, когда она делала реверанс незнакомому молодому человеку. Таких глубоких церемонных реверансов нынче уже не увидишь. Когда мисс Тео выпрямилась после этого приветствия, папенька взял ее за подбородок (довольно пухленький) и со смехом продекламировал строку, которую читал накануне:

— Так что вы скажете о нашем новом друге?

— Вздор, мистер Ламберт! — воскликнула маменька.

— Но вздор иной раз бывает разумнее всякой мудрости, — возразил полковник Ламберт, и на лице его гостя появилось озадаченное выражение.

— А вам нравится вздор? — спросил полковник у Гарри, заметив по глазам юноши, что тот не любит и не понимает подобного рода шуток, которые ему самому были очень по душе. — У нас в доме он поглощается в больших количествах. Мой любимец — Рабле. Жена отдает предпочтение мистеру Фильдингу и Теофрасту. Тео, кажется, больше всех нравится Том Браун, а наша мисс Этти любит доктора Свифта.

— Папенька говорит то, что любит сам, — возразила мисс Этти.

— И что же это такое, мисс? — спросил отец у младшей дочери.

— Но ведь вы сами сказали, сэр, что любите вздор! — ответила юная девица, своенравно вскинув голову.

— А кого из них предпочитаете вы, мистер Уорингтон? — спросил добряк полковник.

— Из кого из них, сэр?

— Кюре из Медона, настоятеля собора Святого Патрика, честного Тома или мистера Фильдинга?

— А кто они были такие, сэр?

— Они? Они писали книги.

— Неужели? А я про них в жизни не слышал, — сказал Гарри, потупившись. — Боюсь, я дома не очень-то сидел над книгами, сэр. Вот мой брат прочитал, наверное, все книги, какие только есть на свете. Он мог бы говорить с вами о них без конца.

Пока Гарри произносил эту небольшую речь, миссис Ламберт посмотрела на старшую дочь, а мисс Тео, покраснев, опустила глаза.

— Ну, ничего, честное сердце куда лучше книжных знаний, мистер Уорингтон, — воскликнул полковник. — Можно быть очень достойным человеком, не прочитав ни одной из тех книг, о которых я говорил, тем более что некоторые из них могут доставить вам больше удовольствия, нежели пользы.

— Я лучше разбираюсь в лошадях и собаках, чем в латыни и греческом, сэр. Мы, виргинцы, почти все такие.

— Как сыны Персии, вы умеете ездить верхом и говорить правду.

— А что, пруссаки хорошие кавалеристы, сэр? Я бы очень не прочь посмотреть на их короля и повоевать с ним — хоть на их стороне, хоть против них, — сообщил гость полковника Ламберта.

Почему Тео вдруг посмотрела на мать и почему лицо этой доброй женщины стало печальным?

Почему? Неужели, по-вашему, молоденькой девушке должны быть чужды романтические мечты только потому, что она выросла в маленьком провинциальном городке? Неужели, по-вашему, она не способна ни о чем думать сама только потому, что она скромна и еще прячется под материнским крыльшком? Что в конце концов случается, несмотря на все меры предосторожности, которые принимают король и королева, дабы оберечь свою ненаглядную принцессу? Несмотря на всех их драконов, непроходимые леса и неприступные железные башни? Прекрасный принц проходит через непроходимый лес, отыскивает уязвимое место в стальной чешуе дракона и берет верх над всеми людоедами, охраняющими железную башню. К нему навстречу выбегает принцесса. Она узнала его сразу. Все ее лучшие наряды и драгоценности уже уложены в саквояжи и картонки. Она давным-давно была готова отправиться с ним в путь!

Конечно, вы понимаете, что речь идет только о сказках, где прекрасный юноша обязательно является в назначенный час, у ворот замка трубит рог из слоновой кости, и в своей далекой светлице принцесса слышит этот звук и поднимает головку, зная, что явился именно тот рыцарь, которого она ждала. Он готов броситься в бой. Смотрите, как летят с плеч головы великанов, а он с соколом на рукавице мчится по подъемному мосту на своем белом скакуне! Откуда этой деве, запертой в неприступной крепости, где она не видела иных мужчин, кроме восьмидесятилетних старцев, горбунов и собственного отца, откуда ей могло стать известно, что в мире бывают такие существа, как юноши? Наверное, на то есть свой инстинкт. Наверное, на то есть своя пора. Мне самому не доводилось беседовать со сказочными принцессами или выслушать объяснение тайны из уст расколдованной или околдовывающей красавицы. Ни одна из них ни разу не шепнула мне своих милых секретов и, возможно, не поверяла их ни самой себе, ни маменьке, ни любимой подруге. И все же они влюбляются! Их сердечки постоянно стучат у окошка надежды в ожидании рыцаря. Они всегда слышат звук его рога. Сестрица Анна, сестрица Анна, ты видишь его? Ну конечно же, это рыцарь с вьющимися усами, со сверкающей саблей

и в серебряных латах. О нет! Это всего только зеленщик на осле с корзиной капусты! Сестрица Анна, сестрица Анна, что это за облако пыли? О, это всего только фермер гонит с рынка стадо свиней. Сестрица Анна, сестрица Анна! Кто этот дивный воин в пурпурном с золотом наряде? Он скачет к замку, он проезжает подъемный мост, он берется за тяжкий дверной молот. Горе мне? Он стучит дважды! Это всего лишь почтальон с заказным письмом из Нортгемптоншира! Вот так мы и промахиваемся на пороге жизни. По моему мнению, того, что зовется первой любовью, вообще не существует — во всяком случае, в людской памяти. Ни один мужчина и ни одна женщина так же не могут припомнить свою первую пылкую страсть, как собственное крещение. Что? Вы тешите себя фантазией, что владычица вашей души, ваша беспорочная дева, ваша наивная крошка, едва покинувшая классную комнату, никогда никого не любила, кроме вас? И она вам это говорит? О, глупец! Когда ей было четыре года, она питала нежное чувство к мальчишке, приносившему уголь в детскую, или к маленькому трубочисту на перекрестке, или к учителю музыки, или... неважно к кому. Она втайне вздыхала по школьному товарищу братца или по мальчику из приюта, который ходил в церковь в третьей паре, и, подвернись подходящий случай, комедия, разыгранная с вами, была бы исполнена с кем-нибудь другим. Я вовек не хочу сказать, что она признавалась в своем чувстве, однако она его испытывала. Отложите книгу и подумайте, сколько, сколько, сколько раз вы влюблялись, прежде чем предложили нынешней миссис Джонс свое имя и сердце.

И вот из того, как Тео опустила голову и обменялась взглядом с матерью, когда бедняга Гарри ничтоже сумняшеся спутал персов с пруссаками и выразил желание повоевать с этими последними, я заключаю, что ей было стыдно и что она подумала: "И это — герой, в которого я и маменька были влюблены целые сутки, которого мы наделили всеми совершенствами? Каким красивым, бледным и изящным был он вчера, когда лежал без чувств на земле! Как ниспадали кудри на его лицо! Как грустно было смотреть на его бедную, совсем белую руку и на капавшую из нее кровь, когда папенька сделал ему кровопускание! И вот он поправился и сидит с нами в гостиной, и он правда очень красив, но ах! неужели он... неужели он глуп?" Когда Психея зажгла светильник и поглядела на Амура, не разгадала ли она его? И не в этом ли смысл древнего мифа? Крылышки любви опускаются при подобном открытии. Воображение уже не может воспарять к горним высям и порхать там, предмет любви мгновенно низвергается с небес и навеки остается на земле, совсем не романтический и не эфемерный.

Глава XXIII

Приятное времяпрепровождение

Розовые грезы миссис Ламберт рассеялись без следа. Мисс Тео и ее маменька были вынуждены в глубине души признать, что их герой оказался самым обыкновенным человеком. Они не говорили на эту тему, но каждая знала, о чем думает другая, как свойственно людям любящим, и мать стала особенно ласкова и нежна с дочерью, чтобы утешить ее в ее разочаровании. "Ничего, милочка, шептал материнский поцелуй, запечатленный на дочерней щеке, — наш герой оказался самым обыкновенным человеком, а такие не годятся для моей Тео. Но скоро ты найдешь своего суженого, если только в Англии есть кто-нибудь, кто достаточно для этого хорош. Мне самой едва исполнилось пятнадцать лет, когда твой отец увидел меня на ассамблее в Бери, и я еще в пансионе дала клятву, что ни за кого другого замуж не выйду. Раз уж господь послал мне такого мужа — лучшего человека во всем королевстве, — то он, конечно, окажет подобную милость и моей дочке, которая достойна стать женой хоть короля, если только она его полюбит!" Право, я не поручусь, что миссис Ламберт, которая, разумеется, прекрасно знала, и сколько лет принцу Уэльскому, и какой он красивый и добрый, не ожидала в глубине души, что и он проедет мимо ее ворот, вот так же упадет с лошади, будет внесен в дом и исцелен, после чего выхлопочет у своего августейшего дедушки полк для Мартина Ламберта и по уши влюбится в Тео.

Полковник же и его дочь Этти, наоборот, принадлежали к лагерю неверующих насмешников. Милая маменька ведь только и думает, что о свадьбах! И правда, миссис Ламберт была большой любительницей романов и с большим усердием проливали над ними слезы. Стоило показаться на дороге какому-нибудь экипажу, и она уже ждала, что сейчас из него выйдет будущий муж одной из ее девочек и позвонит у ворот. Что до мисс Этти, то она дала волю своему острому язычку и исподтишка всячески язвила их гостя. Она постоянно и дерзко упоминала в разговоре то Персию, то Пруссию. Она спрашивала, не носит ли нынешний прусский король титул Шаха, и не зовется ли он Софи, и далеко ли от Исфагани до Саксонии, куда сейчас вторглись войска его величества, — ведь из-за этой войны папенька целыми днями сидит теперь над картами и газетами. Она отыскала в материнском шкафу "Персидские сказки" и незаметно положила их на столике в гостиной, где собиралась вся семья. Вот она, например, ни

за что бы не вышла за персидского принца, ей больше по душе джентльмены, которым разрешается иметь одновременно только одну жену. Она называла нашего виргинца кавалером Тео, принцем Тео. Она спрашивала маменьку, не угодно ли ей, чтобы она, Этти, выбрала себе второго их гостя, чернокожего принца. По правде говоря, она дразнила сестру и мать, высмеивая их сентиментальность, до тех пор, пока они не начинали сердиться, а тогда она тоже плакала, бурно их целовала и улещивала, пока они вновь не приходили в хорошее расположение духа. По простодушный Гарри Уорингтон тем временем даже не подозревал, что служит ни в чем не повинной причиной всех этих шуток, слез, ссор, примирений, матримониальных планов и прочего. На него сыпались постоянные упоминания про пруссаков и персов, но эти парфянские стрелы отскакивали от него, не причинив ему никакого вреда. Шах? Софи? Наверное, это какая-то дама, решил он и счел бы полной нелепостью предположение, будто это имя мог носить мужчина с большой черной бородой. Мы попадаем в лоно тихой семьи, как камень падает в спокойный пруд: мы целы и невредимы и чувствуем себя превосходно, ничего не зная о том, какое подняли тут волнение — потревожили рыбу, распугали уток и взбаламутили всю воду. Мог ли Гарри знать, как подействовало его внезапное появление на это мирное и сентиментальное семейство? Во многом он был о себе самого высокого мнения, но не в том, что касалось женщин, ибо еще не вышел из возраста, когда молодые люди не умеют преодолеть робость и нуждаются в поощрении, а к тому же полученное им воспитание привило ему самое скромное и почтительное отношение к прекрасному полу. И как ни вились вокруг него шуточки мисс Этти, он обращал на них не больше внимания, чем на комаров. И он вовсе не был глуп, как, без сомнения, полагала она, — он был только простодушен и слишком поглощен собственными делами, чтобы замечать других людей. Подумать только, какие трагедии, комедии, интермедии, интриги и фарсы разыгрываются у нас под носом в гостиных наших хороших знакомых, где мы бываем ежедневно, а мы самодовольно и слепо пребываем в полном о них неведении! Когда сестры расчесывали на ночь свои пышные кудри или шептались в огромной кровати, на которой они, по обычаю того времени, спали вместе, мог ли Гарри догадаться, какое большое место занимает он в их мыслях, шутках, разговорах? Три дня спустя его новые радушные друзья прогуливались с ним в прекрасном парке лорда Ротема, всегда для них открытом, и вышли к маленькому озеру, где жили лебеди, которых барышни имели обыкновение кормить кусочками хлеба. Когда лебеди поплыли к ним, Этти бросила странный взгляд на мать и сестру,

посмотрела на отца, который стоял рядом — добродушный, всем довольный, в красном камзоле, — и сказала:

— Маменькины волшебные лебеди похожи на этих, правда, папенька?

— Какие лебеди, милочка? — спросила ее мать.

— Похожи, но не совсем. Шеи у них покороче, и они десятками расхаживают по нашему лугу, — продолжала мисс Этти. — Я видела сегодня утром, как Бетти ошипывала одного из них на кухне. Его нам подадут за обедом под яблочным соусом, с...

— Какая ты глупенькая, — заметила Тео.

— С шафраном и луком. А вы любите лебедей, мистер Уорингтон?

— Прошлой зимой я подстрелил трех на нашей реке, — ответил виргинец. У нас они не такие белые, но все равно вкусные. — Простак и не подозревал, что был в эту минуту аллегорической фигурой и что мисс Этти рассказывала сказочку про него самого. В одном чрезвычайно ученом латинском труде я читал, что задолго до открытия Виргинии другие люди бывали столь же недогадливы.

Итак, предчувствие обмануло мисс Тео — тот нежный трепет в груди, который, признаемся, она ощутила, когда в первый раз увидела виргинца бледного, окровавленного и такого красивого! Нет, это не была та великая страсть, которую, как она знала, могло вместить ее сердце. Подобно птицам, оно пробудилось и начало петь, приняв за утреннюю зарю ложный рассвет. Вернись же на свою ветку и вновь спрячь головку под крыло, трепетный, взволнованный комочек! Еще не начало светать, и пока еще время спать, а не петь. Но скоро настанет утро, все небо заалет и ты взовьешься ввысь, приветствуя солнце звонкой трелью.

Быть может, внимание прекрасной и подозрительной читательницы строчек сорок назад привлекли слова о том, что три дня спустя Гарри прогуливался и т. д. Но если он мог уже прогуливаться, — а это, по-видимому, сомнений ад вызывало, — то почему он прогуливался не по променаду в Танбридж-Уэлзе с леди Марией Эсмонд? Его плечо зажило, его здоровье полностью восстановилось, и у него, как мы знаем, не было даже второго кафтана, так что он пользовался гардеробом полковника. Казалось бы, молодой человек, оказавшийся в подобном положении, не имел ни малейшего права медлить в Окхерсте, когда долг, приличия, любовь, родственная почтительность, нежное сердце, томившееся в разлуке с ним, и, наконец, прачка — все призывало его поспешить в Танбридж-Уэлз. Так почему же он не откликнулся на этот зов — уж не влюбился ли он в одну из дочерей дома? Но на это мы сразу можем ответить — "нет". Так неужели ему просто не хотелось ехать? Что, если за

эти два дня злодейский замысел его тетушки преуспел и его недавняя любовь была убита ее ядовитыми намеками, точно Прекрасная Розамунда — ядом царственной и законной супруги своего возлюбленного? Неужто Геро зажигает светильник и готовит ужин, а Леандр тем временем приятно проводит время в обществе других красавиц и вовсе не собирается никуда плыть? Добрые сердца не могли не исполниться жалости к леди Марии Эсмонд с той минуты, когда близкая родственница нанесла ей этот коварный удар в спину. Я знаю, что леди Мария не лишена недостатков — а к тому же носит накладные волосы и... неважно что. Но когда женщина несчастна — неужели мы не пожалеем ее? Когда девица достигает определенных лет — неужели мы будем смеяться над ней из-за ее возраста? Несомненно, общество старухи-тетки и собственное злосчастное заблуждение делают жизнь леди Марии Эсмонд в Танбридж-Уэлзе не слишком приятной. Ее некому защитить. Она в полной власти госпожи Беатрисы. Леди Мария бедна и надеется, что тетушка о ней позаботится. У леди Марии есть кое-какие тайны, которые старуха знает и пользуется этим, чтобы держать ее в руках. Я, например, преисполняюсь жалости и сочувствия, когда думаю теперь о леди Марии. Представьте себе, как она одинока, как терзает ее эта старуха! Нарисуйте в своем воображении эту древнюю Андромеду (с вашего разрешения, мы не станем лишать ее пышных локонов, ниспадающих на плечи), прикованную к скале на горе Ефраим и отданную на растерзание этому дракону-баронессе. На помощь, Персей! Спешите на окрыленных ногах, рази сверкающим мечом! Но Персей несколько не торопится. Дракон может день изо дня мучить Андромеду в свое удовольствие.

Гарри Уорингтон, который сразу забыл бы про свое вывихнутое и вправленное плечо, если бы ему предстояло отправиться на охоту, откладывал свой отъезд из Окхерста со дня на день, и с каждым днем приютившая его добрая семья нравилась ему все больше. Пожалуй, со смерти деда ему ни разу не довелось быть в таком прекрасном обществе. Его жизнь проходила среди виргинских помещиков, любителей лисьей травли, и он охотно водил с ними дружбу, ездил на их лошадях, принимал участие в их заботах и забавах и прикладывался к их застольной чаше. Дамы — знакомые его матери и его собственные — были, без сомнения, чрезвычайно благовоспитанными, тонкими и благочестивыми, но при этом несколько ограниченными. Ведь его родной дом был таким крохотным со всей своей церемонностью, своим игрушечным этикетом и игрушечными интригами, мелким угодничеством, мелкими сплетнями и болтовней. Только покинув этот мирок, он некоторое время спустя понял, какой узкой

и стесненной была его прежняя жизнь. Конечно, он не был пленником. У него были собаки и лошади, он мог охотиться на птиц и травить зверя по всем окрестностям, но дома властвовала его миниатюрная мать, и, возвращаясь домой, он должен был во всем подчиняться ее воле.

А здесь он оказался в дружном кружке, где все было несравненно веселее, приятнее, свободнее. Здесь он жил рядом с супругами, которые знали свет, хотя и удалились от него, которые с юности умели ценить не только хорошую книгу, но и хорошую компанию — живые книги, знакомство с которыми очень приятно, а иногда и очень поучительно. Общество обладает, во всяком случае, одним прекрасным качеством: оно отучает нас от самодовольства, показывая нам наше ничтожество, и сводит нас с теми, кто лучше нас во всех отношениях. Если вы молоды, читатель, то для вашей же пользы, сударь, — или сударыня, поверьте мне: научитесь признавать чужое превосходство и всегда ищите знакомства с такими людьми. Если бы это зависело от меня, то мой сын Томас не был бы первым учеником по латыни и греческому, первым гребцом и силачом своей школы. И для души и для тела мальчика было бы куда лучше, если бы он числился хорошим, но не самым лучшим, чтобы его окружали равные ему по силам соперники и чтобы время от времени ему задавали порядочную трепку, а потом он пожимал бы проучившую его руку. Какой честный человек, будь ему дано право выбрать свой жребий, пожелал бы стать, например, принцем, чтобы в его присутствии все пятились, не смея повернуться к нему спиной, чтобы ему не с кем было разговаривать, кроме угодливых придворных, и весь мир безмолвствовал бы до тех пор, пока ваше высочество не задаст вопрос и не разрешит на него ответить? Среди благ, которые принесло Гарри Уорингтону знакомство с семьей, у чьих ворот судьба сбросила его с лошади, одно из главных заключалось в следующем: он начал постигать всю глубину своего невежества и понял, что в мире есть много людей куда лучше него. Гарри, умевший при случае вести себя надменно, в обществе тех, чье превосходство над собой он признавал, держался с искренней скромностью и почтительностью. Мы уже видели, как преданно он обожал брата и восхищался своим другом, доблестным молодым полковником из Маунт-Вернона, что же касается его каслвудских кузенов, он считал себя по меньшей мере равным им. В своем новом окхерстском знакомом он нашел человека, который прочел столько книг, сколько Гарри и не снилось, который повидал свет и не попал ни в одну из его ловушек, как уцелел и среди сражений и опасностей войны; чье лицо и речь дышали добротой и честностью, — качества же эти всегда вызывали в нашем виргинце инстинктивную симпатию и уважение.

А таких добрых, веселых и приятных женщин, как хозяйка дома и ее дочери, ему еще никогда не приходилось встречать. Они были куда милее дочки преподобного Бродбента, черноглазой девицы, чей смех заглушал ружейные выстрелы. Их манеры были не менее изысканны, чем у каслвудских дам — за исключением госпожи Беатрисы, которая порой бывала величественна, как императрица. Но почему-то после разговоров с госпожой Беатрисой, как пи смешны и интересны были ее истории, у нашего юноши оставался во рту скверный привкус и мир вокруг казался скопищем зла. Его новые знакомые вовсе не были жеманны или чопорны: они смеялись над страницами мистера Фильдинга и рыдали над томами мистера Ричардсона, где попадались шутки и эпизоды, от которых волосы миссис Гранди встали бы дыбом, — и все же их веселая болтовня не оставляла после себя ни малейшей горечи, историйки, которые они рассказывали о тех или иных своих ближних, были забавны, но не ядовиты, в городке их встречали самые приветливые реверансы и поклоны, а их доброта была такой сердечной, такой искренней! Поистине, общество хороших людей — великое благо. Какое великое, Гарри Уорингтон в то время, пожалуй, еще не знал и понял только в дальнейшем, когда его последующий опыт дал ему обильную пищу для сравнений и раскаяния. В жизни беспокойной и бурной это были тихие солнечные дни — два-три счастливых часа, навеки сохранившиеся в памяти. За эти два-три счастливых часа ничего особенного не произошло. Сладкий сон, приятное пробуждение, дружеские слова приветя, безмятежное времяпрепровождение. Ограда старинного дома, казалось, надежно защищала его от зол мира, оставшегося снаружи, и его обитатели были словно лучше других людей, добрее, чище душой. Гарри не был влюблен. О нет, нисколько! Ни в шаловливую Этти, ни в кроткую Теодозию. Но когда настало время уезжать, он крепко пожал руки им обеим и почувствовал, что очень их любит. Он пожалел, что так и не познакомился с их братьями, — какие это, наверное, прекрасные юноши! Что же касается миссис Ламберт, то она, прощаясь с ним, расчувствовалась так, будто он был последним томом "Клариссы Гарлоу".

— Он очень добр и прямодушен, — сказала Тео с грустью, когда они смотрели вслед Гарри и полковнику Ламберту, которые в сопровождении слуг поскакали по дороге к Уэстерему.

— Теперь я вовсе не считаю его глупым, — объявила Этти, — и, маменька, он правда похож на волшебного лебедя.

— Мы словно проводили кого-то из ваших братьев, — вздохнула маменька.

— Да, — печально сказала Тео.

— Я рада, что папенька проводит его до Уэстерема, — снова заговорила мисс Этти, — и что он купил лошадь у фермера Бригса. Очень жалко, что он поехал к своим Каслвудским родственникам. Право же, госпожа Бернштейн очень гадкая старуха. Я бы не удивилась, если бы она тогда улетела отсюда на своей клюке.

— Этти, замолчи!

— Вы думаете, она поплыла бы, если бы ее для проверки бросили в пруд, как бедную матушку Хели в Элмхерсте? А другая старушка, кажется, очень к нему привязана — та, с белокурой *tour* {Накладкой (франц.)}. У нее был очень печальный вид, когда она уезжала, но госпожа Бернштейн зацепила ее клюкой, и ей пришлось сесть в карету. И пусть, Тео! Я знаю, что она гадкая старуха. Ты всех считаешь хорошими просто потому, что сама никогда ничего плохого не делаешь.

— Моя Тео правда очень хорошая девочка, — сказала миссис Ламберт, с любовью посмотрев на дочерей.

— Тогда почему мы называем ее жалкой грешницей?

— Потому что все мы — жалкие грешники, милочка.

— Как, и папонька тоже? Вы ведь не думаете этого! — воскликнула мисс Эстер, и миссис Ламберт лишь с трудом удержалась от того, чтобы согласиться с ней.

— А что вы велели Джону передать черному слуге мистера Уорингтона?

И маменька не без смущения призналась, что в свертке была бутылка домашней настойки и пирог, который по ее приказу испекла Бетти.

— Право же, милочки, он мне стал почти как сын, а вы знаете, что наши мальчики всегда рады взять с собой в школу или в колледж такой пирожок.

Глава XXIV

Из Окхерста в Танбридж

Миссис Ламберт махала белоснежным платочком вслед всадникам и вместе с дочками смотрела, как те неторопливо проехали первые сотни ярдов своего пути и исчезли за поворотом дороги, где росло несколько деревьев. Сколько раз добрая женщина видела, как за этой купой лип скрывались из вида самые дорогие ей люди! Муж, отправлявшийся навстречу битвам и опасностям, сыновья, уезжавшие в школу, — каждый в свой черед исчезал за этими зелеными деревьями, чтобы с соизволения небес вернуться в назначенный срок и принести любящей маленькой семье радость и счастье. Не говоря уж о женской природе вообще (а она, разумеется, много этому содействует), досуг и созерцательная жизнь, которую ведут у домашнего очага наши женщины, возвращают в их душах нежность и верность. Когда мужа, братья и сыновья уезжают, в распоряжении женщин остается весь день, чтобы думать о них, и о следующем дне, и о следующем, когда обязательно придет письмо, — и так без конца. Можно подняться в опустевшую спальню, где еще вчера спал ее сын и постель хранит отпечаток его саквояжа. В передней на стене висит его хлыстик, в углу стоят удочка и корзинка для рыбы — немые свидетели быстро промчавшихся радостей. За обедом на десерт подают вишневый пирог, половину которого, несмотря на свою печаль, скушал перед отъездом наш дорогой мальчик в обществе двух плачущих сестренок. Когда читается вечерняя молитва, звонкий голос нашего школьника уже не присоединяется к ней в положенных местах. Наступает полночь, принося с собой нерушимую тишину, а любящая мать лежит без сна и думает о своем птенце, выпорхнувшем из родимого гнезда. Занимается заря, дом и каникулы остались в прошлом, и вновь его ждут тяжкие труды. Вот почему эти шелестящие липы были как бы ширмой, загораживающей широкий мир от наших окхерстских знакомок. Добросердечная миссис Ламберт всегда становилась молчаливой и задумчивой, если случайно оказывалась вблизи этих деревьев, гуляя с дочерьми в отсутствие мужа и сыновей. Она говаривала, что хотела бы вырезать их имена на серебристо-серых стволах, связав их "узлом любящих сердец", согласно тогдашнему милому обычаю, а мисс Тео, сочинявшая весьма изящные стихи, написала об этих деревьях элегию, которую восхищенная мать не замедлила послать в какой-то альманах.

— Теперь нас из дома уже не видно, — взмахнув на прощанье шляпой, сказал полковник Ламберт, когда он и его молодой спутник проехали мимо вышеупомянутых лип. — Я знаю, моя жена не отойдет от окна, пока мы не минуем этот поворот. Надеюсь, вы не в последний раз видите эти деревья и наш дом, мистер Уорингтон. А если тогда вернутся и мальчики, вы, наверное, проведете время повеселее.

— Я и так был совершенно счастлив в вашем доме, сэр, — ответил мистер Уорингтон. — Не сочтите за дерзость, если я скажу, что у меня такое чувство, будто я расстаюсь с давними и дорогими друзьями.

— У моего друга, в чьем доме мы будем сегодня ужинать, есть сын, также старинный друг нашей семьи, и моя жена, неисправимая сваха, мечтала устроить брак между ним и одной из наших дочек, только полковник взял да и влюбился в совсем постороннюю девицу.

— А! — заметил со вздохом мистер Уорингтон.

— Не он первый, не он последний. Были храбрые воины и до Агамемнона.

— Прошу прощения, сэр. Этого джентльмена зовут Аг.. Ага.. я не совсем расслышал, — смиренно осведомился юный спутник мистера Ламберта.

— Нет. Его зовут Джеймс Вулф, — с улыбкой ответил полковник. — Он еще очень молод. Во всяком случае, ему совсем недавно исполнилось тридцать. Он самый молодой подполковник в нашей армии, если, конечно, исключить отпрысков знатных фамилий, которые получают повышения в чинах быстрее нас, простых смертных.

— Ну, разумеется, — ответил его юный спутник, чьи взгляды на права и привилегии знати были самыми колониальными.

— И я видел, как он отдавал распоряжения капитанам, — и очень храбрым ветеранам к тому же, — которые были старше его лет на тридцать, но не имели его заслуг и не сделали такой карьеры. Однако никто ему не завидует, потому что почти все мы готовы признать его превосходство. Его любят все солдаты в нашем полку, а он знает имя каждого из них. Он не только прекрасный офицер, но и очень образованный человек и знает много языков.

— Ах, сэр! — сказал Гарри Уорингтон со смиренным вздохом. — Я чувствую, что потратил свои молодые годы без толку и приехал в Англию жалким невеждой. Будь жив, мой дорогой брат, он с большей честью сумел бы представить здесь нашу семью, да и нашу колонию тоже. Джордж был очень образован. Джордж был музыкантом. Джордж разговаривал с самыми учеными людьми у нас дома, как с равными, и думаю, что и здесь

он не ударил бы в грязь лицом. Вы знаете, сэръ, я рад, что приехал на родину, а главное, познакомился с вами, хотя бы потому, что понял, какой я невежественный человек.

— Если вы действительно это поняли, то уже многому научились, — сказал полковник с улыбкой.

— Дома, и особенно в последнее время, с тех пор как мы потеряли моего дорогого брата, я воображал о себе невесть что, а все кругом, без сомнения, мне льстили. Теперь я поумнел... то есть, надеюсь, что поумнел, хотя, возможно, это вовсе не так, а просто я опять хвастаю. Видите ли, сэръ, у нас в колонии джентльмены мало в чем осведомлены, кроме собак, лошадей, пари да азартных игр. Вот если бы я в книгах разбирался так же хорошо, как во всем этом.

— Ну, лошади и собаки по-своему тоже прекрасные книги, и благодаря им мы узнаем немало истин. У некоторых людей нет склонности к учености, но их необразованность не мешает им быть достойными гражданами своего отечества и джентльменами. Да кто мы все такие, чтобы быть особенно учеными и мудрыми или занимать в мире первое место? Его королевское высочество главнокомандующий, Мартин Ламберт — полковник, а Джек Хаит, который трусит позади нас, был солдатом, а теперь он — честный и достойный грум. Пока мы все, каждый на своем месте, стараемся как можно лучше выполнять свои обязанности, то не имеет никакого значения, высоко это место или низко. Да и как мы можем знать, что высоко, а что низко? И скребница Джека, и мои эполеты, и жезл его высочества могут оказаться в конце концов равными между собой. Когда я вступал в жизнь, *et militavi non sine* {Воевал не без (лат.).} — неважно чего, — я грезил славой а почестями, а теперь я думаю только о своем долге и о тех, с кем мы расстались час назад. Пришпорим-ка лошадей, иначе мы доберемся до Уэстерема только к ночи.

В Уэстереме наших двух друзей приветливо встретили величественная хозяйка дома, ее супруг, старый ветеран, прекрасно помнивший все события сорокапятилетней давности, когда он начинал службу, и сын этой четы, подполковник полка Кингсли, расквартированного тогда в Мейдстоне, откуда он приехал навестить родителей. Гарри с некоторым любопытством поглядел на этого офицера, который, несмотря на свою молодость, участвовал в стольких кампаниях и пользовался столь высокой репутацией. Его никак нельзя было назвать красивым. Он был очень худощав и бледен, рыжеволос и скуласт. Однако его искренняя учтивость со старшими, сердечность с друзьями и живость его разговора скоро заставляли забыть про его некрасивое лицо, а некоторым оно даже

начинало казаться прекрасным.

Мистер Уорингтон едет в Танбридж? Их Джеймс составит ему компанию, сказала за ужином хозяйка дома и что-то шепнула полковнику Ламберту, который лукаво улыбнулся и многозначительно подмигнул. Затем полковник попросил вина и предложил выпить за здоровье мисс Лоутер.

— От всего сердца, — пылко воскликнул полковник Джеймс и осушил бокал до последней капли. Маменька же шепнула своему старому другу, что Джеймс и упомянутая девица намерены сочетаться браком и что она происходит из знаменитого на севере Англии рода Лоутеров.

— Да будь она хоть дочерью Карла Великого, — воскликнул полковник Ламберт, — все равно такая невеста не была бы слишком хороша для Джеймса Вулфа и для сына его матери!

— Если бы мистер Ламберт был с ней знаком, он не сказал бы этого, объявил молодой полковник.

— О, конечно! Она — бесценная жемчужина, а ты — полное ничтожество, вскричала его мать. — Нет, я согласна с полковником Ламбертом, и принеси она тебе в приданое хоть весь Камберленд, я бы сказала, что Джеймс меньшего и не заслуживает. Вот так они все, мистер Уорингтон. Мы выхаживаем наших детей от лихорадок, кори, коклюша и оспы, мы отпускаем их в армию и по ночам не смыкаем глаз от страшных мыслей, мы горюем в разлуке с ними, а они приезжают домой на неделю-две в год или, может быть, раз в десять лет, чтобы после всех наших забот и тревог вдруг появилась девушка с красивыми глазами и наш мальчик покинул нас навсегда и даже не вспоминал про нас.

— Но скажи, пожалуйста, душенька, как же ты сама вышла замуж за отца Джеймса? — осведомился старший полковник Вулф. — Почему ты не осталась дома ее своими родителями?

— Наверное, потому, что отец Джеймса страдал подагрой и за ним некому было ухаживать, а вовсе не потому, что он мне хоть чуточку нравился, ответила его супруга; и в такой непринужденной и шутливой беседе вечер незаметно подошел к концу.

Наутро полковник Ламберт после многих любезных изъявлений дружбы расстался со своим недавним гостем и, поручив молодого виргинца заботам мистера Вулфа, повернул коня домой, а молодые люди поскакали в Танбридж-Уэлз. Вулф торопился добраться туда как можно скорее, но Гарри Уорингтон, пожалуй, не разделял его нетерпения — более того, его мысли с тоской следовали за полковников Ламбертом, возвращавшимся домой, и ему больше всего хотелось бы вновь очутиться в Окхерсте, где он

провел три тихих и счастливых дня. Мистер Вулф был вполне согласен с пылкими похвалами, которые Гарри расточал мистеру Ламберту, его жене, дочерям и всей этой прекрасной семье.

— Я считаю теперь, что высший предел всякого честолюбия — это прожить жизнь так, как прожил ее полковник Ламберт, заслуживший всеобщее уважение, заметил Вулф.

— А слава и честь? — спросил Уорингтон. — Разве они ничего не значат и вы не хотите их добиться?

— Когда-то я мечтал только о них, — ответил полковник, который давно уже представлял себе счастье совсем по-иному. — Но теперь мои желания стали много скромнее. Я служу в армии с четырнадцати лет. Мне пришлось познакомиться почти со всеми обязанностями, связанными с моей профессией. Я знаю все гарнизонные города нашей страны и имел честь принимать участие во всех кампаниях последних десяти лет. Нет таких обязанностей офицера, каких мне не случалось исполнять, — я только не командовал армией, на что человек моих лет, конечно, надеяться не может, и теперь меня больше всего влекут покой и книги, я хочу иметь любящую жену и нянчить своих детей. Вот какой элизиум манит меня, мистер Уорингтон. Истинная любовь лучше славы, а тихий семейный очаг, у которого сидит избранница твоего сердца, — это величайшее благо, какое только могут ниспослать нам боги.

Гарри представил себе картину, нарисованную его спутником. Он ответил "да", но, по-видимому, произнес это подтверждение без особой горячности, так как собеседник поглядел на его лицо и сказал:

— Вы говорите "да" так, словно семейный очаг и любимая женщина не кажутся вам особенно привлекательной мечтой. — Видите ли, полковник, пока человек молод, он, наверное, может найти многое другое, более привлекательное. Вы шестнадцать лет сами себе хозяин, а я всего несколько месяцев, как вышел из-под материнской опеки. Когда я проделаю одну-две кампании, а то и шесть, как вы, когда я заслужу такую же славу, как мистер Вулф, и заставлю людей говорить обо мне, тогда я, быть может, и захочу удалиться от света.

На эти слова мистер Вулф, чье сердце было полно совсем иными чувствами, ответил новыми восхвалениями радостей супружества и принялся превозносить красоту и достоинства своей возлюбленной: тема эта была чрезвычайно интересна для него, но, пожалуй, не для его слушателя, чьи взгляды на брачную жизнь — если он позволил себе обзавестись таковыми — были несколько меланхоличны и унылы. Прекрасный летний день начинал клониться к вечеру, когда они достигли

цели своей поездки, которая прошла мирно и благополучно, если не считать одного промаха Гарри Уорингтона: в нескольких милях от Танбридж-Уэлза их окликнули два всадника, и он собирался было ринуться на них с пистолетом, полагая, что перед ними разбойники. Однако полковник Вулф со смехом попросил мистера Уорингтона убрать пистолет в седельную сумку, так как всадники эти — всего лишь агенты хозяина гостиницы, а вовсе не грабители (если, конечно, откинуть их профессиональное занятие). Гамбо, чья лошадь именно в эту тревожную минуту вздумала понести, после некоторого промедления вернулся, вняв громовым крикам своего господина, и они въехали в городок, оставили лошадей в гостинице, а затем разошлись, чтобы увидеться с теми дамами, ради которых они сюда прибыли.

Мистер Уорингтон нашел свою тетушку в снятых для нее роскошных апартаментах, где в прихожей расположился целый отряд лондонских лакеев, сопровождавших ее портшез, когда она покидала дом. Баронесса встретила Гарри чрезвычайно ласково. Его кузина миледи Мария отсутствовала, когда он явился, и, право, не могу сказать, был ли молодой человек огорчен тем, что не увидел ее, сумел ли он скрыть свои чувства и догадалась ли о них госпожа Бернштейн.

В гостях у баронессы, когда племянник явился к ней на поклон, сидели две вдовствующие знатные дамы, густо нарумяненные и в пышных фижмах, а также щеголь в богато вышитом кафтане — первый образчик этой породы, который довелось увидеть Гарри. Она представила молодого человека этим особам как своего племянника, того юного виргинского креза, о котором они уже слышали. Она заговорила о его огромном поместье, не уступающем по величине Кенту, но с землей, если верить книгам, куда более плодородной. Она упомянула, что ее сводную сестру, госпожу Эрмонд, у нее на родине называют принцессой Покахонтас. Она без устали расточала похвалы и матери и сыну — их богатству и их душевным достоинствам. Щеголь пожал Гарри руку и выразил восторг по поводу столь приятного знакомства. Дамы наговорили о нем ей тетушке множество лестных вещей, и притом столь громко, что молодой человек совсем смутился от их комплиментов. Затем они удалились, чтобы оповестить танбриджское общество о его приезде. Вскоре в городке только и говорили что о богатстве, прекрасных манерах и красоте молодого виргинца.

— Ты не мог бы явиться в более подходящую минуту, мой милый, — сообщила баронесса племяннику, когда ее гости после бесконечных реверансов и поклонов наконец ушли. — Эти трое — самые заядлые

разносчики новостей на здешних водах. Они протрубят о твоих достоинствах всюду, где сегодня побывают. Я представила тебя таким образом уже сотне людей и — господи, прости мне! насочиняла множество небылиц о географии Виргинии, когда описывала твое поместье. Оно и правда очень велико, но боюсь, я его еще увеличила. Я снабдила его всевозможными редкостными зверями, богатейшими рудниками, пряностями — а может быть, и алмазами, право, не помню. Что же до негров, то с моей легкой руки их у твоей матери появились легионы, да, собственно говоря, она у меня стала настоящей владетельной принцессой, правящей великолепным краем. Так, впрочем, оно и есть — я не могу с точностью до нескольких сотен тысяч фунтов назвать ее годовой доход, но, во всяком случае, он очень велик, в этом я не сомневаюсь. Итак, сударь, будьте готовы к тому, что с вами тут станут обходиться, как с наследником этой царственной дамы. Постарайтесь, чтобы у вас не закружилась голова. С этого дня вам будут льстить так, как никогда еще не льстили.

— Но к чему все это, сударыня? — осведомился молодой человек. — Я не понимаю, с какой стати я должен слыть столь богатым и зачем мне вся эта лесть.

— Во-первых, сударь, вы не должны опровергать слова своей старухи-тетки, которая вовсе не желает оказаться в глупом положении перед лицом общества. Что до вашей репутации богача, то она была уже почти создана, когда мы только приехали сюда. Одна лондонская газета каким-то образом прослышала про тебя и подробно описала богатства некоего юного виргинского джентльмена, который недавно прибыл в Англию и доводится кузеном лорду Каслвуду. Ты сказочно богат и никак этого изменить не можешь. Все сторают желанием с тобой познакомиться. Завтра утром ты отправишься в церковь и увидишь, как все прихожане оторвутся от молитвенников и псалтырей, чтобы поклониться золотому тельцу, воплотившемуся в твоей особе. Неужели ты хотел бы, чтобы я рассеяла их заблуждение и говорила дурно о моих кровных родственниках?

— Но какая мне польза от того, что меня будут считать богатым? спросил Гарри.

— Ты вступаешь в свет, и золотой ключ отомкнет перед тобой почти все двери. Слыть богатым — это не хуже, чем быть богатым. И тебе вовсе не надо тратить много денег. Люди будут говорить, что ты бережешь деньги, и репутация скупца пойдет тебе вовсе не во вред, а во благо. Вот увидишь, как маменьки будут тебе улыбаться, а дочки — делать реверансы! Чему ты удивляешься? Когда я была молода, я поступала, как все, и предпринимала не одну и не две отчаянные попытки сделать хорошую

партию. Твоя бедная бабка, которая, конечно, была святой во плоти, если только посмотреть сквозь пальцы на ее несколько ревнивый нрав, постоянно бранила меня за суетность. Суетность, мой милый! Но разве свет не суетен? И мы должны поступать так, как он нас учит, и ничего не давать даром. Мистер Генри Эсмонд-Уорингтон, хоть я и старуха, но первые два имени я не могу не любить, в чем и готова сознаться, — сам по себе и здесь и в Лондоне не привлек бы ничьего внимания. Наше покровительство мало чем ему помогло бы. Наша семья не пользуется большим кредитом, да и — *entre nous* {Между нами (франц.).} — хорошей репутацией. Полагаю, тебе известно, что в сорок пятом году Каслвуд сильно себя скомпрометировал, а с тех пор игра его совсем разорила?

Гарри ничего не знал ни о прошлом лорда Каслвуда, ни о его репутации.

— Терять ему было почти нечего, но он сумел потерять значительно больше — его злополучное поместье заложено и перезаложено. Он придумывал все возможные средства, чтобы раздобыть денег, — милый мой, иногда его положение бывало настолько отчаянным, что я начинала опасаться за свои бриллианты ж не возила их в Каслвуд.

Говорить подобные вещи о собственном племяннике ужасно, не правда ли? Но ведь ты тоже мой племянник, и свет еще не успел тебя испортить, а поэтому я хочу предостеречь тебя против пороков этого света. Я слышала про твою игру с Уиллом и капелланом, но они не были для тебя опасны — мне даже говорили, что ты их обыграл. Но если бы ты сел играть с Каслвудом, тебе повезло бы меньше — а ты сел бы с ним играть, если бы только твоя старая тетка не приказала ему держаться от тебя подальше.

— Как, сударыня, вы вмешались, чтобы защитить меня?

— Я охранила тебя от его когтей — радуйся, что ты выбрался из логова этого людоеда, сохранив мясо на костях! Мой милый, это самая главная и самая роковая страсть нашей семьи. Мой бедный глупый брат играл, обе его жены играли, а особенно вторая — теперь ей почти не на что жить, кроме как на карточные выигрыши, и в Лондоне она не пропускает ни одного карточного вечера. Я побоялась бы оставить тебя с ней в Каслвуде — страсть к игре владеет всеми ими, и они набросились бы на тебя и ограбили бы дочиста, а потом передрались бы друг с другом из-за добычи. Если не считать его придворной синекуры, у моего бедного племянника нет ничего; таков же удел и Уилла, и Марии, и ее сестры.

— А они тоже любят играть в карты?

— Нет. Не будем несправедливы к бедняжке Молли, она не азартна, но малютка Фанни в Лондоне бывает готова поставить на карту собственные

глаза. Мне хорошо знакома эта страсть, сударь, и не делайте такого удивленного лица, я переболела ею, как в детстве — корью, и еще не совсем вылечилась. Ведь у несчастной старухи нет иных развлечений. Сегодня вечером ты увидишь настоящую игру. Тшш, мой милый! Именно этого мне и недоставало, оттого-то я и захандрила в Каслвуде! Выигрывать у моих племянниц и их матушки мне нет никакой радости. Они ведь не заплатили бы свой проигрыш. Лучше предупредить тебя заранее, мой милый, чтобы это открытие меньше тебя поразило. Я не могу жить без карт, вот и вся правда!

Еще несколько дней назад, гостя у своих каслвудских родственников, Гарри, который сам любил карты, петушиные бои, пари и другие столь же азартные развлечения, весьма возможно, только посмеялся бы над этим признанием. Семья, в лоне которой он очутился, привыкла смеяться над очень многим, и в том числе над тем, что другим людям вовсе не кажется смешным. Верность и честь служили предметом насмешек, чужая чистая жизнь подвергалась сомнению, эгоизм провозглашался всеобщим свойством, священные обязанности презрительно осмеивались, а порок шуточно оправдывался. Они не были фарисеями, не притворялись лицемерно поклонниками добродетели, не бросали камней в разоблаченных грешников — они улыбались, пожимали плечами и шли дальше своей дорогой. Члены этой семьи не стремились казаться лучше своих ближних, которых от всего сердца презирали, они поддерживали дружеское знакомство с людьми, о которых, как и о их женах, рассказывали такие пикантные, такие смешные историйки, они брали свою долю удовольствий или добычи, которая им попадалась, и жили нынешним днем, пока он не оказывался их последним днем на земле. Разумеется, теперь подобных людей нет вовсе, и за последние сто лет человеческая натура чрезвычайно изменилась. Во всяком случае, карточная игра почти вышла из моды — в этом нет никаких сомнений, и в Лондоне не наберется и шести светских дам, которые знали бы разницу между мизером и ремизом.

— Как смертельно скучны, наверное, показались тебе провинциалы, у которых нам пришлось тебя оставить, — впрочем, эти дикари отнеслись к тебе, дитя, с большой добротой! — заметила госпожа де Бернштейн, ласково погладив молодого человека по щеке еще красивой рукой.

— Они были очень добры и вовсе не скучны, сударыня! По-моему, в мире трудно найти людей лучше, — ответил Гарри, покраснев. Тон тетюшки был ему неприятен. Он не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь говорил или думал о его новых друзьях без уважения. Ему не хотелось, чтобы они оказались в таком обществе.

Властная и вспыльчивая старая дама обиделась было на его дерзость, но тут ей в голову пришла новая мысль. "Эти две девочки, — подумала она, интересный больной... привлекательный незнакомец... ну конечно, он влюбился в одну из них!" Госпожа Бернштейн обернулась и бросила насмешливый взгляд на леди Марию, которая в эту минуту вошла в комнату.

Глава XXV

Новые знакомства

Кузина Мария вошла в сопровождении двух посыльных, нагруженных корзинами с цветами, которыми предстояло украсить гостиную госпожи де Бернштейн перед тем, как начнется съезд приглашенных на этот вечер. Три лакея в ливреях, щедро украшенных золотым шнуром, расставили шесть карточных столиков. Дворецкий в черном кафтане, в парике с кошельком и пышных кружевных манжетах, величественный, словно на боку у него висела шпага, явился вслед за слугами, которые принесли связки свечей, и принялся вставлять по две свечи в канделябры на столиках, а также в серебряные бра над дубовыми панелями, позолоченными лучами заходящего солнца, как и зеленые лужайки за окном, скалы, купы деревьев и озаренные вечерним светом дома. По лужайкам, испещряя их пятнами теней, прогуливались группы разноцветных фигур в фижмах, пудренных париках и парче. Напротив окон баронессы располагалась открытая галерея и Променад, где всегда царило оживление, шаркали бесчисленные подошвы, слышался нестройный хор голосов. Рядом играл оркестр, улаждая слух съехавшихся на воды. Парадная гостиная госпожи Бернштейн могла бы не подойти отшельнику или любителю наук, но те, кому нравятся оживленная суматоха, веселье, яркий свет и возможность видеть все, что происходит в этом нарядном многолюдном городке, не могли бы отыскать лучшей квартиры. А когда ее окна освещались, публика, прогуливавшаяся внизу, понимала, что ее милость дома и устраивает карточный вечер, на который совсем нетрудно получить приглашение. Да, кстати, о былых временах: мне кажется, ночная жизнь светского общества сто лет назад была довольно темной. Тогда в гостиных зажигалось не более одной восковой свечи там, где теперь их горят десятки, не говоря уж о газовых рожках и чудесном новом освещении клубов. Отвратительные, оплывающие сальные огарки чадили и коптили в коридорах. В каждом театре имелась важная должность гасителя свечей. Взгляните-ка на картины Хогарта! Как они темны, а его пирушки словно покрыты копотью сальных свечей. В "Модном браке" в пышной анфиладе гостиных виконта Мота, где он и его супруга, когда разъехались их гости, сидят, зевая вслед отчаявшемуся управителю, можно насчитать не более восьми свечей — по одной на двух карточных столах и шесть в медной люстре. Когда теперь Джон Бриффлес, адвокат без практики, приглашает друзей на устрицы к себе

на квартиру в Колодезном дворе в Темпле, он зажигает вдвое больше свечей. Так будем утешаться мыслью, что Людовик XIV во всей славе своей устраивал блистательные праздники во мраке, и благословим мистера Прайса и других светноосцев за то, что они уничтожили гнусное баранье сало нашей юности.

Итак, Мария, явившись с цветами (сама — прекраснейший цветок), принялась расставлять по вазам розы, турецкие гвоздики и прочее, украшая комнату со всем присутствующим ей уменьем. Она медлила в томном раздумье то над широкой чашей, то над кувшинчиком с драконом, тайком бросая робкие взгляды на юного кузена Генри, чей румянец пошел бы любой девушке, и вы могли бы предположить, что она замыслила дожидаться ухода тетушки; однако баронесса и не думала подниматься с кресла: сжимая в руке палку с изогнутой черепаховой ручкой, она отдавала слугам властные распоряжения и строго выговаривала им Джону за заплатку на чулке, Тому за чересчур щедро насаленные букли, и так далее, и тому подобное, держа их в страхе и трепете. Еще одно отступление касательно судьбы бедных Джеймсов прошлого века: Джеймсы спали по двое в одной кровати, по четверо в одной комнате — чаще всего каморке в подвале — и мылись в деревянных лоханях, каких в нашем Лондоне уже не увидишь — разве что в казармах пешей гвардии ее величества.

Если Мария мечтала о разговоре наедине, ее нежному сердцу было суждено разочарование.

— Где ты думаешь обедать, Гарри? — спросила госпожа де Бернштейн. — Нам с племянницей Марией подадут в малую гостиную цыпленка, а тебе следует столоваться в лучшей ресторации. В "Белом Конне" обед подают в три, и через минуту-другую мы услышим тамошний колокол. И запомните, сударь, вам не следует бояться расходов — ведите себя, как сын принцессы Покахонтас. Твой багаж отправлен на квартиру, которую я сняла для тебя. Молодому человеку незачем проводить все свое время в обществе двух старух. Не так ли, Мария?

— Да, — ответила леди Мария, опуская кроткий взор, а в глазах баронессы вспыхнуло торжество. По-моему, последние пять-шесть дней дракон не щадил Андромеды, и если бы Персей отрубил его жестокую голову, это было бы извинительное драконоубийство. Но с ним не было ни меча, ни щита, и он лишь рассеянно следил, как лакеи в коричнево-голубых ливреях снуют по комнате, скрипя башмаками.

— Когда в Танбридж-Уэлз съезжается избранное общество, сюда перебираются хорошие лондонские портные и торговцы материями. Тебе следует побывать у них, мой милый, потому что твой костюм не слишком

моден. Чуточку кружев...

— Я не могу снять траура, сударыня, — возразил молодой человек, поглядев на свой черный кафтан.

— Вздор, сударь! — вскричала старуха, оперлась на трость и, зашуршав юбками, поднялась с кресла. — Носите траур по своему брату хоть до скончания века, если вам нравится. Я не собираюсь вам мешать. Я хочу только, чтобы вы одевались и вели себя, как принято, и были бы достойны своего имени.

— Сударыня, — величественно ответил мистер Уорингтон. — Насколько мне известно, я его еще ничем не опозорил!

Почему старая дама вдруг умолкла и вздрогнула, словно ее ударили? Пусть прошлое хоронит своих мертвецов. У нее с Гарри случалось немало таких стычек, когда шпаги скрещивались, нанося и парируя молниеносные удары. И Гарри нравился ей ничуть не меньше оттого, что у него хватало смелости ей перечить.

— В том, что ты станешь носить рубашку из более тонкого полотна, право же, нет ничего позорного! — сказала она с принужденным смехом.

Гарри поклонился и покраснел. Рубашка эта была одним из тех скромных подарков, которые он получил от своих окхерстовских друзей. Ему почему-то было приятно носить ее и с бесконечной нежностью вспоминать этих новых его друзей, таких хороших, чистых сердцем, простых и добрых; пока рубашка была на нем, он чувствовал, что никакое зло не может его коснуться. Он сказал, что пойдет к себе на квартиру и вернется, надев самое тонкое свое белье.

— Возвращайтесь, возвращайтесь, сударь, — сказала госпожа Бернштейн. И если наши гости еще не придут, мы с Марией подыщем для вас кружева!

И баронесса отрядила одного из лакеев проводить молодого виргинца в его новое жилище.

Оказалось, что Гарри ждали там не только обширные и прекрасно убранные комнаты, но и грум, желавший поступить на службу к его милости, а также лакей — на случай, если он захочет нанять камердинера для мистера Гамбо. Не успел он пробыть у себя и нескольких минут, как к нему явились посланцы лондонского портного и сапожника с карточками и почтительными приветствиями от своих хозяев господ Ренье и Тулла. Гамбо уже приготовил самый лучший костюм из всего его скромного гардероба и самое топкое белье, каким только бережливая виргинская мать снабдила своего сына. Перед глазами Гарри встала картина родного дома среди зимних снегов, когда в камине трещали огромные поленья, а у огня

тихо и чинно склонялись над шитьем его мать, миссис Маунтин и маленькая Фанни. И юноше впервые пришло в голову, что сшитая дома одежда может быть недостаточно щегольской, а белье из домашнего полотна недостаточно тонким. Неужели он может устыдиться того, что принадлежит ему, и того, что он привез из Каслвуда? Странно! Простодушные обитатели этого последнего были неизменно довольны и горды всем, что делалось, говорилось или изготовлялось в Каслвуде, и госпожа Эсмонд, отправляя сына в Англию, полагала, что он экипирован не хуже любого молодого вельможи. Конечно, его платье могло быть более модным, да и сшито получше, однако, когда молодой человек, завершив свой туалет, вышел из дома, он выглядел вполне сносно. Гамбо подозвал портшез и важно зашагал рядом: и так они добрались до ресторации, где Гарри намеревался пообедать.

Там он думал найти щеголя, с которым познакомился в этот день у тетушки, так как тот сообщил ему, что за табльдотом в "Белом Конне" собирается лучшее общество Танбриджа. Гарри поспешил назвать имя своего нового друга хозяину заведения, но хозяин и половые, улыбаясь и кланяясь, проводили его в залу, заверили его милость, что его милости не требуется никаких рекомендаций, кроме его собственной, помогли ему повесить плащ и шпагу на колышек, осведомились, желает ли он пить за обедом бургундское, понтак или шампанское, и подвели его к столу.

Хотя "Белый Конь" и был самой модной ресторацией городка, в этот день зала пустовала, и хозяин заведения мосье Барбо уведомил Гарри, что нынче на Саммер-Хилле устраивается большое празднество и почти все посетители вод отбыли туда. И правда, за столом, кроме Гарри, сидело лишь четверо джентльменов. Двое из них уже кончили обедать и допивали вино, а остальные двое — люди совсем молодые — только приступили к трапезе, и хозяин, проходя мимо, вероятно, шепнул им имя новоприбывшего гостя, так как они поглядели на Гарри с видимым интересом и слегка ему поклонились через стол, когда улыбающийся хозяин упорхнул, чтобы заняться обедом молодого виргинца.

Мистер Уорингтон поклонился в ответ на приветствие двух молодых людей, которые выразили свое удовольствие по поводу его приезда сюда и надежду, что Танбридж при ближайшем знакомстве ему понравится. Тут они усмехнулись и обменялись лукавыми взглядами, смысла которых Гарри не понял, как не понял и того, почему они многозначительно посмотрели на двух других посетителей, сидевших за вином.

Один из этих последних носил несколько потрепанный бархатный кафтан с пышными кружевами и вышивками, а необычайно длинная

косица его парика была уложена в кошелек. Его собеседник, которого он пронзительным голосом называл "ваше сиятельство" и "милорд", был низенький сутулый человек с мохнатыми бровями и крючковатым носом. Милорд, продолжая попивать вино, едва поглядел на Гарри, а потом повернулся к своему сотрапезнику.

— Итак, вы знакомы с племянником старухи, с крезом, который только что приехал сюда?

— Тут тебе и конец, Джек! — заметил один молодой джентльмен другому.

— Да, я этого наречия так и не постиг, — согласился Джек. Дело в том, что те двое говорили по-французски.

— Без сомнения, любезнейший милорд, — ответил господин с длинной косицей.

— Вы показали редкостное проворство, любезный барон! Он ведь приехал не более двух часов назад. Слуги сказали мне об этом, только когда я сел обедать.

— Но я был знаком с ним прежде! Я часто видел его в Лондоне у баронессы и его кузена графа, — возразил барон.

Тут хозяин, сияя улыбками, подал Гарри благоухающий суп.

— Отведайте, сударь! Сварено по моему собственному рецепту, — сказал он и шепотом сообщил Гарри знаменитое имя вельможи, сидевшего напротив. Гарри поблагодарил мосье Барбо на его родном языке, после чего иностранец обернулся, послал Гарри самую любезную улыбку и объявил:

— Fous bossédez notre langue barfaidement, Monsieur {Вы прекрасно владеете нашим языком, мосье (франц. с немецким акцентом)}. Когда мистер Уорингтон был в Канаде, ему ни разу не доводилось слышать, чтобы французские слова произносились на такой лад. Он ответил иностранцу поклоном.

— Расскажите мне еще что-нибудь про этого крeza, милейший барон, продолжал милорд, говоря со своим собеседником несколько сверху вниз и не обращая на Гарри ни малейшего внимания, что, пожалуй, сильно уязвило юношу.

— Что вы хотели бы услышать от меня, милорд? Этот крез — молодой человек, как все молодые люди. Он высок, как все молодые люди. Он неловок, как все молодью люди. У него черные волосы, как у всех, кто приезжает из Индий. Квартиру ему здесь сняли над игрушечной лавкой миссис Роуз.

"И я тоже живу там, — подумал мистер Уорингтон. — О каком крeze они говорят? А суп очень вкусный!"

— Он путешествует с большой свитой, — продолжал барон, — четверо слуг, две дорожные коляски и двое форейторов. Его камердинер — негр, который спас ему жизнь, когда он в Америке попал в руки дикарей, а теперь и слышать не хочет, чтобы его отпустили на свободу. Он упорно носит траур по брате, от которого унаследовал свои владения.

— А вас разве что-нибудь могло бы утешить, если бы ваш брат умер, милейший кавалер? — воскликнул пожилой джентльмен.

— О, милорд! Его имение! — ответил иностранец. — Как вам известно, оно не так уж мало.

— Ваш брат живет на доходы с родового имения, которое, как вы мне говорили, очень велико, а вы — своими трудами, дражайший кавалер.

— Милорд! — вскричал иностранец, которого его собеседник стал теперь называть кавалером.

— Своими трудами и умом, что гораздо благороднее! А вы будете нынче у баронессы? Она ведь, кажется, немного вам сродни?

— Я вновь не понимаю вас, ваше сиятельство, — с досадой ответил его собеседник.

— Но как же! Она — очень умная женщина, знатного происхождения, испытала невероятные приключения, почти без принципов (тут, к счастью, вы имеете перед ней преимущество). Но что до этого нам, людям света? Без сомнения, вы пойдете туда, чтобы играть с юным креолом и выиграть у него как можно больше. Между прочим, барон, а что, если этот юный креол на самом деле *guet a pens*? {Ловушка (франц.).} Что, если наша почтенная дама попросту сочинила его в Лондоне и приписала ему сказочные богатства, чтобы он мог обирать здешних простаков?

J'у а souvent pense {Я часто об этом думал (франц.)}, милорд, ответил барон, многозначительно прижимая палец к носу. — Ведь баронесса способна на что угодно.

— Барон, баронесса — *que voulez-vous* {Что вы хотите (франц.)}, друг мой? Я имею в виду покойного супруга. Вы его знали?

— Близко. Более законченный негодяй еще не садился за карточный стол. В Венеции, в Брюсселе, в Спа, в Вене — ему были хорошо известны тюрьмы всех этих городов. Да, я его знал, милорд.

— Я так и полагал. Я видел его в Гааге, где имел честь познакомиться и с вами, — столь отъявленный мошенник не часто переступал мой порог. Но послу приходится открывать свои двери самым разным людям, барон, — шпионам, шулерам, злодеям и всяким мерзавцам.

— *Parbleu* {Черт побери (франц.)}, милорд! Как вы их трактуете! заметил собеседник милорда.

— Человек моего ранга, милейший, — моего тогдашнего ранга, разумеется, обязан принимать всевозможных людей — в том числе и вашего друга. Зачем его жене могло понадобиться подобное имя, я, право, не могу понять.

— По-видимому, оно было лучше ее собственного.

— Вот как? Мне приходилось слышать про ирландца, который обменялся одеждой с огородным пугалом. Не берусь судить, какое имя более благородно английского епископа или немецкого барона.

— Милорд! — покричал его собеседник, вскакивая и прижимая руку к большой звезде у себя на груди. — Вы забываете, что я тоже барон и кавалер ордена...

— Шпоры Священной Римской Империи! Ничуть не забываю, любезный кавалер и барон! Вы не хотите еще вина? Так мы встретимся сегодня вечером у госпожи Бернштейн.

Кавалер ордена Шпоры и барон встал из-за стола, пошарил в вышитом кармане, словно в поисках монеты для полового, который подал ему большую, отделанную галуном шляпу, затем, взмахнув кружевной манжетой и рукой в сверкающих перстнях, сделал ему знак посторониться и величественно вышел из залы.

Только когда тот, кого называли милордом, заговорил о вдове епископа и супруге немецкого барона, Гарри Уорингтон наконец понял, что предметом беседы этих двух джентльменов служат его тетушка и он сам. Однако прежде, чем он окончательно в этом уверился, один из них покинул залу, а другой повернулся к двум молодым джентльменам и сказал: — Какой пройдоха! Все, что я говорил о Бернштейне, относится *gaulato nomine* {С заменой имени (лат.).} и к нему. Он всегда был шпионом и плутом. Он менял веру уж не помню сколько раз. По моему настоянию его выслали из Гааги, когда я был там послом, и мне известно, что в Вене он был бит тростью.

— Не понимаю, как может лорд Честерфилд поддерживать знакомство с подобным негодяем! — воскликнул Гарри. Молодые люди оглянулись на него, но, к его удивлению, вельможа, которого он столь резко перебил, и не подумал прервать свою речь.

— Второго такого *fieffe coquin* {Отъявленного негодяя (франц.).}, как Польниц, не отыскать. Благодарение небу, он оставил мне мою табакерку! Вы смеетесь? Мошенник вполне способен украсть ее. — Милорд не сомневался, что молодые люди смеются его шутке.

— Вы совершенно правы, — сказал один из обедающих, поворачиваясь к мистеру Уорингтону, — хотя я и не знаю, какое вам, прошу

прощения, до этого дело. Милорд будет играть с любым, кто его пригласит. Не тревожьтесь — он глух как пень и не слышал ни одного вашего слова: вот почему милорд будет играть с любым, кто положит перед ним колоду карт, и вот почему он не брезгует обществом этого мошенника.

— Черт побери, я знаю и других вельмож, которые не слишком-то разборчивы в знакомствах, — заметил мистер Джек.

— Ты имеешь в виду меня и мое знакомство с тобой? Видишь ли, мой милый, я всегда знаю, с кем имею дело, и никому не удастся меня провести.

Не обратив ни малейшего внимания на гневную вспышку мистера Уорингтона, милорд разговаривал теперь с мосье Барбо на своем любимом французском языке и милостиво хвалил обед. Хозяин отвечивал поклон за поклоном; он был в восторге, что его превосходительство доволен и что он сам еще не забыл искусства, которое постигал в молодости в Ирландском королевстве его превосходительства. Сальми понравилось милорду? Он только что подал сальми молодому знатному американцу напротив, джентльмену из Виргинии...

— Кому?! — Бледное лицо милорда на миг покраснело, когда он задал этот вопрос и посмотрел на Гарри Уорингтона, сидевшего напротив.

— Молодому джентльмену из Виргинии, который только что прибыл в Танбридж и в совершенстве владеет нашим прекрасным языком, — сказал мосье Барбо, надеясь с помощью этого комплимента убить двух зайцев.

— И которому ваше сиятельство ответит за выражения, оскорбительные для моей семьи и произнесенные в присутствии этих джентльменов, — прокричал мистер Уорингтон громовым голосом, твердо решив, что на этот раз обидчик его услышит.

— Подойдите и крикните ему прямо в ухо — тогда он, быть может, вас услышит, — посоветовал один из молодых людей.

— Я постараюсь, чтобы его сиятельство так или иначе меня понял, — с достоинством произнес мистер Уорингтон. — И не потерплю, чтобы он или кто-нибудь иной чернил моих родственников в моем присутствии!

Низенький вельможа напротив Гарри не слышал ни единого его слова, но воспользовался этим временем, чтобы подготовить собственную речь. Он встал, раза два провел платком по губам и оперся о стол изящными тонкими пальцами.

— Милостивый государь, — сказал он, — даю вам слово джентльмена, что я не знал, в чьем присутствии я говорю, и, очевидно, мой собеседник, мосье де Польниц, также не знаком с вами. Знай же я, кто вы такой, то, поверьте, я ни в коем случае не произнес бы ни единого слова, которое могло бы задеть вас. Я приношу вам мои оправдания и извинения перед

присутствующими здесь лордом Марчем и мистером Моррисом.

На это мистер Уорингтон мог только поклониться и пробормотать несколько вежливых слов, после чего милорд, сделав вид, будто прекрасно их расслышал, отвесил Гарри еще один глубокий поклон, сказал, что будет иметь честь посетить мистера Уорингтона, и, кивнув молодым людям, покинул залу.

Глава XXVI

в которой мы оказались очень далеко от Окхерста

В пределах владений трактира "Белый Конь", под самым окном большой залы, простиралась лужайка для игры в шары, где стояло несколько столиков, за которыми можно было выпить пуншу или чаю. Когда трое молодых джентльменов почти одновременно кончили обедать, мистер Моррис предложил выйти на лужайку, чтобы в прохладе распить бутылочку.

— Джек Моррис готов отправиться в тартарары, лишь бы придраться к случаю, чтобы еще раз выпить, — заметил милорд.

После чего Джек заявил, что каждый джентльмен идет к гибели своим путем. И он не отрицает, что его слабость — вино.

— Путь лорда Честерфилда устлан зеленым сукном, — отозвался лорд Марч. — Его сиятельство жить не может без карт и костей.

— Милорда Марча одолевает не один бес, а несколько. Он любит карты, он любит скачки, он любит пари, он любит пить, он любит есть, он любит деньги, он любит женщин, — познакомившись с его сиятельством, вы попали в дурное общество, мистер Уорингтон. Он сыграет с вами на каждый акр, который есть у вас в Виргинии.

— С величайшим удовольствием, мистер Уорингтон, — вмешался милорд.

— И на весь ваш табак, и на все ваши пряности, и на всех ваших рабов, и волов, и ослов, и на все, что только у вас есть.

— Не начать ли нам сейчас? Джек, вы никогда не выходите из дома без стаканчика с костями и пробочника. Я сыграю с мистером Уорингтоном, на что он пожелает.

— К сожалению, милорд, табак, рыба и ослы и волы мне не принадлежат. Я только что достиг совершеннолетия, а моя матушка старше меня лет на двадцать, не больше, и, без сомнения, может прожить дольше, чем я.

— Держу пари, что вы ее переживете. Я уплачу вам сейчас, а после ее смерти вы вернете мне эту сумму в четырехкратном размере. И я готов сейчас же поставить хорошие деньги против вашего виргинского поместья, когда оно перейдет к вам после кончины вашей матушки. Как оно называется?

— Каслвуд.

— Говорят, настоящее княжество. Держу пари, что здешние сплетники преувеличили его богатства в десять раз, не меньше. А почему вашему имению дали такое название? Или вы в родстве с лордом Каслвудом? Постойте-постойте, я знаю... миледи ваша матушка — дочь истинного главы рода. В пятнадцатом году он поставил на битую карту. Я десятки раз слышал его историю от моей старушки герцогини. Она знавала вашего деда. Он был приятелем Аддисона, и Стиля, и Попа, и, наверное, Мильтона, и всех прочих умников. Жаль, что он не остался дома и не отправил на плантации младшую ветвь семьи.

— Я только что гостил в Каслвуде у моего кузена, — заметил мистер Уорингтон.

— Гм! А вы с ним играли? Он любит и карты и кости.

— Нет. Только с дамами, по шесть пенсов.

— Тем лучше для вас обоих. Но с Уиллом Эсмондом, если он был дома, вы играли. Ставлю десять против одного, что с Уиллом Эсмондом вы играли!

Гарри покраснел и признался, что по вечерам они с кузеном иногда играли в карты.

— А Том Сэмпсон, их капеллан? — воскликнул Джек. — Он тоже был там? Бьюсь об заклад, что Том был у вас третьим, а если вы играли против Тома и Уилла Эсмонда вместе, то да помилует вас бог!

— По правде говоря, я обыграл их обоих, — сказал мистер Уорингтон.

— И они расплатились? Бывают же в мире чудеса!

— О чудесах я ничего не говорил, — ответил мистер Гарри, улыбнувшись и прихлебывая вино.

— А вы умеете молчать — *volto sciolto* {С безразличным видом (итал.)}, э, мистер Уорингтон? — сказал милорд.

— Прошу прощения, — заявил прямолинейный Гарри. — Кроме родного языка, я еще немного знаю французский, и только.

— Лорд Марч изучал итальянский язык в Опере, и уроки обошлись ему недешево, — объяснил Джек Моррис. — Нам надо показать ему Оперу, верно, Марч?

— А надо ли, Моррис? — спросил милорд, словно ему не слишком понравилась такая фамильярность.

На обоих джентльменах были одинаковые маленькие парики без пудры, синие сюртуки с серебряными пуговицами, лосины, сапоги для верховой езды и маленькие шляпы с узким галуном, — ничто не выдавало в них щеголей.

— Опера меня не очень манит, милорд, — сказал Гарри, все больше

оживляясь от вина. — Но мне хотелось бы побывать в Ньюмаркете и посмотреть хорошую английскую охоту.

— Мы покажем вам и Ньюмаркет и охоту, сэра. Вы хороший наездник?

— По-моему, недурной, — ответил Гарри. — Кроме того, я неплохо стреляю, и прыгаю тоже,

— А сколько вы весите? Держу пари, что мы весим одинаково или я больше. Держу пари, что Джек Моррис побьет вас в стрельбе по птицам и по мишени с двадцати пяти шагов. Держу пари, что я прыгну дальше вас на ровной земле... вот здесь, на лужайке!

— Я не знаю, как стреляет мистер Моррис — ведь я никогда вас не видел, господи, — но я принимаю ваши пари по вашим ставкам, милорд! — воскликнул Гарри, который к этому времени совсем оживился от бургундского.

— По двадцать пять фунтов каждое! — объявил милорд.

— Идет! — воскликнули оба. Молодой виргинец считал, что ради чести родного края не должен отказываться ни от одного пари, которое ему предлагают.

— Последнее пари мы можем разыграть сейчас же, если вы еще твердо держитесь на ногах, — сказал милорд, вскочил со стула, потянулся и посмотрел на сухую пыльную траву. Он снял сапоги, сбросил сюртук и жилет и, швырнув их на землю, застегнул пояс потуже.

Гарри относился к своей одежде с гораздо большим уважением. На нем был его лучший костюм. Он снял свой бархатный кафтан и камзол, тщательно их сложил и, заметив, что все столики вокруг залиты вином, через открытую дверь вернулся в залу, намереваясь положить свою одежду на чистый стол.

Там уже обедал новый посетитель. Это был не кто иной, как мистер Вулф, перед которым стоял цыпленок с салатом и скромная пинта пива. Гарри был в превосходнейшем расположении духа. Он сообщил полковнику, что держит пари с лордом Марчем — не хочет ли полковник Вулф войти с ним в долю? Полковник Вулф ответил, что он слишком беден, чтобы держать пари. Но, может быть, он выйдет на лужайку и будет свидетелем? С большим удовольствием. И, поставив стакан, полковник Вулф вышел на лужайку вслед за своим юным другом.

— Что это за рыжий мужлан с постной физиономией? — осведомился Джек Моррис, который также испытывал живящее влияние бургундского.

Мистер Уорингтон сообщил, что это полковник двадцатого полка Вулф.

— Ваш покорный слуга, господи, — сказал полковник с сухим

военным поклоном.

— Впервые в жизни вижу такую фигуру! — воскликнул Джек Моррис.
— А вы, Марч?

— Прошу прощения, вы, кажется, сказали "Марч"? — спросил полковник с очень удивленным видом.

— Я граф Марч, к вашим услугам, полковник Вулф, — сказал молодой вельможа с поклоном. — Мой друг, мистер Моррис, так накоротке со мной, что после обеда мы делаемся точно братья.

"Почему этого не слышит весь Танбридж-Уэлз!" — подумал Моррис и пришел в такое восхищение, что воскликнул:

— Держу два против одного за милорда!

— Идет! — отозвался мистер Уорингтон, и восторженному Джеку пришлось повторить "идет!".

— Примите его пари, полковник, — шепнул Гарри своему другу.

Но полковник ответил, что его средства не позволяют ему проигрывать, а поэтому он не должен рассчитывать и на выигрыш.

— Я вижу, что вы уже выиграли одно из наших пари, мистер Уорингтон, заметил лорд Марч. — Я выше вас дюйма на два, но вы шире в плечах.

— Вздор, милейший Уилл! Готов держать с вами пари, что вы весите вдвое больше него, — воскликнул Джек Моррис.

— Идет, Джек! — со смехом ответил милорд. — Все пари по двадцать пять фунтов. Вы принимаете это его пари, мистер Уорингтон?

— Нет, мой милый... хватит и одного, — сказал Джек.

— Прекрасно, мой милый, — ответил милорд. — А сейчас мы займемся нашим последним пари.

Гарри, облаченный в лучшие свои шелковые чулки, черные атласные штаны и изящные гетры, в отличие от своего противника, не решился спать башмаки, впрочем, тяжелые сапоги со шпорами, которые были на том, меньше всего подходили для состязания в прыжках. Перед ними была ровная полоса дерна ярдов в тридцать в длину, так что места хватало и для разбега и для прыжка. Лужайку окаймляла усыпанная песком дорожка, за которой находилась ограда и ворота с вывеской — на лазурном поле между двумя кеглями ганноверский белый копь в прыжке, а вместо девиза фамилия хозяина и название вышеупомянутого животного.

Друг лорда Марча положил на землю платок, указывавший место, откуда соперники должны были прыгать, а мистер Вулф встал по другую сторону лужайки, чтобы отмечать длину их прыжков.

"Милорд прыгал первым, — сообщил мистер Уорингтон в письме,

адресованном миссис Маунтин, Каслвуд, Виргиния, которое сохранилось до наших дней. — Он хотел, чтобы начал я, но я вспомнил историю про сражение при Фантенуа, которую часто рассказывал мой любимый Джордж, и сказал: "Monseigneur le Comte, tirez le premier, s'il voua play {Господин граф, стреляйте первым, пожалуйста (франц.)}. И он прыгнул в одних чулках, а я в честь Старой Виргинии имел удовольствие побить его сиятельство больше, чем на два фута, и именно на два фута девять дюймов, потому, что я прыгнул на двадцать один фут три дюйма по мерке троктирщика, а его сиятельство только на восемнадцать футов шесть дюймов. Я уже до этого выиграл у него парри по поводу нашего веса (я ведь сразу увидел, что он весит меньше). Так что он и мистер Джек заплатили мне свои два проигрыша. Передай матушке мой самый почтительный поклон — она на меня не рассердится, потому что я держал парри ради чести Старого Доминиона, а мой противник был знатный вельможа; у него у самого есть два графства, а после смерти отца он будет герцогом. Парри тут в большой моде, и все молодые арестакраты и светские люди держат парри с утра до вечера.

Я сказал им, — может быть, напрасно, — что у нас в Виргинии есть джентльмен, который прыгает дальше меня на добрый фут, а когда они спросили, кто это, и я ответил, что полковник Дж. Вашингтон, — это же правда, ты знаешь, и побить меня может он один и в своем графстве и в моем, — то мистер Вулф стал меня без конца спрашивать про полковника Дж. В. и сказал, что слышал о нем, и говорил про неудачную прошлогоднюю экспедицию так, словно знал там каждый дюйм земли, и еще он знал названия всех наших рек, только Потомак назвал "Потамаком", и мы все очень смеялись. Лорд Марч другой его титул лорд Раглен — совсем не агарчился из-за проигрыша, и он с его приятелем отдали мне деньги из своих кошельков, что пришлось очень кстати, потому что мой совсем опустел после того, как я одарил слуг кузена Каслвуда и купил лошадь в Окхерсте, и мне иначе пришлось бы снова обратиться за деньгами к лондонскому или бристолюскому агенту моей досточтимой матушки".

Когда состязание окончилось, четверо джентльменов вышли из сада "Белого Коня" на Променад, где к этому времени собралось немало гуляющих, по чьему адресу мистер Джек, человек непосредственный и откровенный и к тому же наделенный весьма громким голосом, принялся отпускать замечания, далеко не всегда лестные. Когда же шутил лорд Марч, — а его сиятельство на шуточки не скупился, — мистер Джек гомерически хохотал.

— Ха-ха-ха! О, господи! Милейший граф, ваше сиятельство, дорогой

мой, вы меня убьете!

"Прямо казалось, будто он хочет, — писал проницательный Гарри миссис Маунтин, — чтобы все знали, что его друг и собеседник — графф!"

Мимо них, надо сказать, дефилировало самое разнообразное общество. Мосье Польниц, одетый не более пышно, чем за обедом, улыбнулся им и взмахнул огромной шляпой, отделанной позументом и грязноватыми перьями. Затем молодым людям поклонился лорд Честерфилд в кафтане жемчужного цвета, при синей ленте и звезде.

— Готов поставить на старикана против всего королевства, да и Франции тоже, что в умении снимать шляпу с ним не сравнится никто! — заметил лорд Марч. — Он не менял ее фасона уже лет двадцать. Вон поглядите! Опять снята! А видите этого неуклюжего рябого мужлана с табачной физиономией, который в ответ только прикоснулся к своей касторовой шляпе? Черт бы побрал его наглость! Вы знаете, кто он?

— Нет, чтоб он провалился ко всем чертям! А кто это, Марч? — с проклятием осведомился Джек.

— Некий Джонсон, составитель словаря, о котором лорд Честерфилд, когда этот лексикон должен был выйти, написал несколько превосходных заметок, — он покровительствовал этому невеже. Я знаю, что заметки были превосходные. Так говорит Хорри Уолпол, а он в таких вещах разбирается. Черт бы побрал этого наглого учителяшку!

— Таких надо сажать в колодки и выставять у позорного столба! загремел Джек.

— А толстяк, с которым он прогуливается, тоже один из этих писак печатник по фамилии Ричардсон, он написал "Клариссу".

— Боже великий! Неужели, милорд, это великий Ричардсон? Автор "Клариссы"? — в один голос воскликнули полковник Вулф и мистер Уорингтон.

Гарри бросился вперед, чтобы лучше рассмотреть старика, который, переваливаясь, шел по аллее в сопровождении роя восхищенных дам.

— Ах, любезный сэръ! — говорила одна из них. — Вы слишком велики и хороши для этого мира; но, конечно, вы были посланы наставить его в добродетели!

— О дражайшая мисс Мулсо! Но кто наставит наставника? — спросил добросердечный старый толстячок, поднимая к небу ласковое круглое лицо. — И у него есть свои недостатки и заблуждения. Даже возраст и опытность не мешают ему споты... Боже мой, мистер Джонсон! Прошу прощения, я, кажется, наступил вам на мозоль!

— Совершенно верно, сударь: вы наступили мне на мозоль и получили

прощение, — ответил мистер Джонсон и продолжал бормотать какие-то стихи, уставясь в землю, заложив руки за спину и раскачиваясь так, что по временам его внушительная трость оказывалась в опасной близости от честных кротких глаз его собрата по перу.

— Они видят не слишком хорошо, милейшая мисс Мулсо, — сказал тот, вновь обращаясь к молодой девице, — но все же я предпочту держать плеть моих ресниц подальше от обуха мистера Джонсона. Ваш слуга, сударь! — Тут он снял шляпу и отвесил низкий поклон мистеру Уорингтону, который, залившись румянцем, приветствовал прославленного писателя и поспешил скрыться в толпе. Прославленный писатель привык к поклонению. Еще никогда человеческое тщеславие не раздувалось столь нежным ветерком. Восхищенные старые девы осыпали его чайнками и кадили ему кофейниками. Матроны лобызали туфли, которые вышивали для него. Вокруг его ночного колпака сиял ореол добродетели. Было время, когда вся Европа волновалась, вздыхала, восторгалась, трепетала и лила слезы над страницами этого бессмертного, низенького, доброго человека с круглым животиком. Гарри вернулся к своим спутникам, весь сияя и полный гордости, потому что великий человек ответил на его приветствие.

— Ах! — сказал он. — Я очень рад, милорд, что увидел его.

— Увидели его? Да, черт побери, вы, наверное, можете его видеть хоть каждый день у него в печатне, — заметил Джек со смехом.

— Мой брат говорил, что он и мистер Фильдинг, если я не перепутал фамилию, — самые великие гении Англии, и часто повторял, что первое свое паломничество, когда мы приедем в Европу, он совершит к мистеру Ричардсону! — воскликнул Гарри, всегда готовый горячо встать на защиту мнения своего самого любимого друга.

— Ваш брат говорил, как подобает мужчине! — воскликнул и полковник Вулф, чье бледное лицо также вспыхнуло. — Я скорее предпочел бы стать гением, чем пэром королевства!

— У всякого свой вкус, полковник, — ответил милорд, которого все это чрезвычайно позабавило. — Ваша пылкость — я не хочу сказать ничего обидного! — так освежающая! Даю вам слово чести.

— Она освежила и меня, черт побери! Удивительно освежила! — подхватил Джек.

— Ну, вот видите — и Джека тоже. Она освежила и Джека. Послушай, Джек, кем ты предпочел бы стать — стариком-печатником, который написал историю про какую-то дуру и ее соблазнителя, или пэром с десятью тысячами дохода?

— Марч... милорд Марч, вы считаете меня болваном? — осведомился

Джек плаксивым голосом. — Чем я заслужил от вас такое поношение?

— Я же предпочту честь почестям и талант — богатству. Я предпочту сам заслужить громкое имя, а не унаследовать его от отца, хотя, благодарение богу, мой отец носит честное, ничем не запятнанное имя, — ответил молодой полковник. — Но прошу извинить меня, господа! — И, поспешно им поклонившись, он бросился навстречу двум дамам — старой и молодой, которых сопровождал пожилой джентльмен.

— Это красавица мисс Лоутер. Теперь я вспомнил! — сказал милорд. Смотрите, он взял ее под руку! По слухам, они помолвлены.

— Неужто этот мужлан помолвлен с девицей из рода Лоутеров? — вскричал Джек. — Черт побери, к чему мы идем со всеми этими печатниками, отставными прапорщиками, учительшками и прочим сбродом!

В эту минуту автор лексикона, не выказавший никакого желания поклониться лорду Честерфилду, когда этот знаменитый вельможа учтиво его приветствовал, почтительно склонился почти до земли перед краснолицым толстяком в большой круглой шляпе и в мантии, который теперь появился на Променаде. Это был милорд епископ Солсбервийский, не без самодовольства выставлявший напоказ синюю ленту и звезду Подвязки, какового благородного ордена он был прелатом.

Доктор Джонсон держал шляпу в руках все время, пока беседовал с доктором Гилбертом, а тот наговорил много весьма лестных и похвальных слов мистеру Ричардсону, утверждая, что он — столп добродетели, проповедник истинной нравственности и оплот религии, в чем честный печатник и сам нимало не сомневался.

Пусть ни одна юная барышня, наслушавшись этих похвал, не торопится к книжному шкафу дедушки и опрометчиво не снимает с полки "Клариссу". Ей не доставят удовольствия эти тома, хотя сто лет назад над ними трепетали и плакали ее прелестные прабабушки, священники рекомендовали их с кафедр своим прихожанам и они вызывали восторг всей Европы. Хотел бы я знать, добродетельнее ли ваши женщины своих бабушек или просто чопорнее их? Если верно первое, то в этом случае мисс Смит из Нью-Йорка, несомненно, более скромна и благовоспитанна, чем мисс Смит из Лондона, ибо последняя еще же смущается, говоря, что у столов, роялей и жареной птицы есть ножки. О мой верный, добрый старый Сэмюел Ричардсон! Ведомо ли тебе в Аиде, что твои превосходные романы пылятся в дальних углах и нашим дочерям так же не дозволяется читать "Клариссу", как и "Тома Джонса"? Восстань, Сэмюел, и примиришь со своим собратом, которого при жизни ты так горячо ненавидел. Кто знает,

через сто лет, возможно, нынешние романы будут храниться под замком и вызывать краску на хорошеньких щечках юных девиц.

— А что это за странная особа в высоком головном уборе времен моей бабушки разговаривает сейчас с мистером Ричардсоном? — осведомился Гарри, когда вычурно одетая дама подошла к склонившемуся в поклоне печатнику и, сделав реверанс, сказала ему какой-то комплимент.

Джек Моррис тревожно ткнул Гарри в бок рукояткой своего хлыста. Лорд Марч засмеялся.

— Эта странная особа — моя досточтимая родственница Катарина герцогиня Дуврская, герцогиня Куинсберри, к вашим услугам, мистер Уорингтон. Когда-то она была знаменитой красавицей! С, тех пор она сильно изменилась, не правда ли? Настоящая дряхлая горгона! Она большая покровительница всяких писак, и когда эта карга была молода, они даже воспевали ее в стихах.

Граф оставил своих друзей и направился к старой герцогине, а Джек Моррис объяснил мистеру Уорингтону, что после смерти герцога лорд Марч и Рагяен унаследует титулы своего родственника.

— Наверное, — сказал Гарри простодушно, — его сиятельство приехал сюда, сопровождая свою родственницу?

Джек громко расхохотался.

— А, да! Вот именно! Без всяких сомнений! — сказал он. — Неужели, мой милый, вы ничего не слышали про малютку-танцовщицу из Оперы?

— Я совсем недавно приехал в Англию, мистер Моррис, — с улыбкой ответил Гарри. — А в Виргинии, признаюсь, мы редко получаем новости о малютках-танцовщицах из Оперы.

К счастью для нас, тайна малютки-танцовщицы так и не была раскрыта, ибо разговор молодых людей прервало появление дамы в алом плаще с капюшоном и в шляпе, весьма похожей на те очаровательные головные уборы, которые вновь вошли в моду сто лет спустя после описываемых нами событий. Дама эта сделала реверанс обоим джентльменам, и они поклонились в ответ. Подойдя к Гарри, она, к его удивлению, протянула ему руку.

— Неужели вы уже успели забыть меня, мистер Уорингтон? — спросила она.

И шляпа Гарри тотчас слетела с его головы. Он вздрогнул, покраснел и воскликнул "боже великий!" так, словно силы небесные сотворили какое-то чудо. Это была леди Мария, которая вышла прогуляться. А он совсем забыл про нее! Она, сказать по правде, настолько полно изгладилась из памяти молодого джентльмена, что ее внезапное возвращение туда и появление

перед ним во плоти совсем ошеломило мистера Уорингтона и вызвало на его щеках виноватую краску.

Да. Он совсем про нее не вспоминал! Неделю назад — год, сто лет назад, как казалось ему теперь, — он не удивлялся, где бы ее ни встречал. Тогда она возникала из-за темной купы кустов, проходила по зеленым лужайкам, медлила на лестницах и в коридорах, реяла в его снах — и днем и ночью, и наяву и в грезах он привык постоянно видеть ее. Неделю назад его сердце билось при мысли о ней. Неделю назад он не успевал проснуться, как ему уже улыбался ее образ. Его любовь была безжалостно убита всего лишь в прошлый вторник, а он не только перестал ее оплакивать, но и совсем о ней забыл!

— Может быть, вы немного пройдетесь со мной? — спросила леди Мария. Или вы предпочтете слушать музыку? Наверное, музыка вам будет приятнее.

— Вы знаете, — сказал Гарри, — что я не очень люблю музыку и она мне нравится, только когда... (он вспомнил вечерний псалом)... когда играете вы.

При этих словах он опять багрово покраснел, чувствуя, что гнусно лжет.

Бедная леди Мария сама взволновалась, заметив трепет и волнение своего юного собеседника. Боже милостивый! Неужели эта робость, это смущение означают, что она ошиблась и юноша по-прежнему ей верен?

— Дайте я обопрюсь о вашу руку, и погуляем, — сказала она, делая реверанс его спутникам. — Тетушка после обеда уснула.

Гарри оставалось только предложить ей руку и прижать к сердцу ручку, легко коснувшуюся его локтя. Мария сделала еще один реверанс спутникам Гарри, склонившимся в поклоне, и удалилась со своим призом. И в горе, и в бешенстве, и в страдании, и в ревнивых муках женщина, даже безжалостно покинутая, не забывает улыбаться, делать реверансы, любезничать, притворяться. С какой решимостью соблюдают они правила хорошего тона — у них всегда найдется приветливое слово, кивок, ласковый вопрос или ответ для случайного знакомого, который, ни о чем не подозревая, врывается в самый разгар трагедии, роняет одно-два тонких замечания (счастливый самодовольный бездельник!) и идет дальше своей дорогой. Он идет своей дорогой и думает, что его слова доставили ей большое удовольствие. "А моя шутка была на редкость удачна. Право же, леди Мария посматривает на меня очень благосклонно, а она чертовски недурна, чертовски!" О, воплощенное самодовольство! Именно так обстояло дело с Джеком Моррисом, и именно это думал он, пока шел под

руку со своим благородным другом, воображая, будто все светское общество Танбриджа не сводит с него глаз. Он отпустил несколько блистательных замечаний о том, какой редчайшей сдачей был отмечен карточный вечер леди Тузингтон накануне, а леди Мария ответила очень любезно и впопад, и посему Джек удалился чрезвычайно довольный.

Глупец! Я утверждаю, что мы ничего ни о ком не знаем (впрочем, вот это я знаю, и с каждым днем все тверже). Вы с улыбкой являетесь навестить вашу новую знакомую миссис А. и ее очаровательное семейство? Вы расшаркиваетесь в изящной гостиной мистера и миссис Б.? Знайте же, что, бредя по пути жизни, вы то и дело попираете грубой, неуклюжей ногой безмолвные невидимые раны кровоточащих трагедий. Быть может, все чуланы в доме миссис Б. набиты скелетами. Загляните-ка под подушку софы. Точно ли это куколка младшей дочки или рука задушенного Амура? Как по-вашему, что за пепел остывает в камине? Весьма возможно, что перед вашим приходом тут свершился обряд сати: верное сердце было предано огню на бесчувственном трупe, и вы смотрите сейчас на *cinerī doloso* {Пепел, скрывающий в себе огонь (лат.)}. Вы видите, как Б. и его супруга встречают гостей, приглашенных к обеду. Всеблагие силы! А вы знаете, что букетик, приколотый к ее платью, — это знак капитану В. и его ждет записка под бронзовым Шекспиром на каминной полке в кабинете? И вот тут вы подходите и говорите миссис Б. необыкновенно удачную фразу (как кажется вам) о нынешней погоде (ах, умница!), или о последнем званом вечере леди Д. (ах, светский лев!), или о милых детках в их спальне (ах, вкрадчивый плут!). Во имя неба и земли, дорогой сэр! Откуда вы знаете, что Б. не собирается в этот же вечер вышвырнуть всех деток в окно их спальни или что его супруга не решила навсегда покинуть их и бежать с капитаном? Откуда вы знаете, что эти лакеи — не переодетые судебные приставы? Что тот внушительный дворецкий (подлинный скелет) — не служащий закладчика? И что на блюдах под крышками не покоятся вареные и жареные скелеты? Посмотрите-ка, из-под скатерти торчат их ноги. Осторожней ставьте ваши прелестные тувельки, сударыня, не то вы сломаете ребро-другое. Обратите внимание на бабочку "мертвая голова", которая порхает над цветами. Взгляните на белесые саваны в мерцании восковых свечей! Я знаю, это древняя история, а нынешний проповедник уже пятьсот раз до этого кричал о суеете сует. Но я не могу не возвращаться к этой теме и не вопиять в тоске — и особенно удрученно, когда я вижу мертвую любовь, прикованную к любви живой. Ха! Я поднимаю голову от письменного стола и гляжу на улицу — вон мистер и миссис Г. возвращаются с прогулки по Кенсингтонскому саду. Как нежно она

опирается на его руку, какой веселый и счастливый у него вид, как радостно резвятся вокруг них дети! Мой бедный, милый, одураченный мистер Г. — в мире есть не только Кенсингтонский сад, но и Риджент-парк. Входи же, ласковая обманщица! С улыбкой ставь перед ним за обедом его любимые кушанья. Показывай ему прописи детей и отзывы их наставников. Иди со старшей дочкой к роялю, разыгрывайте в четыре руки свои бесхитростные пиесы и воображайте себя счастливыми!

Вон Гарри и Мария совершают вечернюю прогулку по лугу, за пределами городка, который теперь очнулся от послеобеденного сна: улицы наполняются ЛЮДБМИ, играет музыка. Мария знает, что госпожа Бернштейн пробуждается, когда раздается музыка, и, прежде чем зажгутся свечи, она должна поспешить к чайному столику и картам. Но пусть! Эта минута — ее минута. Быть может, моя любовь умерла, но настал миг склонить колени на ее могиле и помолиться. Он, несомненно, совсем забыл про нее — он вздрогнул и даже не узнал ее. Он смеялся и болтал с Джеком Моррисом и лордом Марчем. Он на двадцать лет моложе ее. Но пусть! Сегодня — это сегодня, и в нем мы все равны. Этот миг принадлежит нам. Так погуляем же по лугу, Гарри. Она идет, хотя и полна мертвящей уверенности: сейчас он скажет ей, что между ними все кончено и что он любит темноволосую девушку, которую она видела в Окхерете.

Глава XXVII

Plenum opus aleae {Труд, полный риска (лат.).}

— Расскажите мне, дитя, об этих детках, которые резвились в доме, куда вас внесли, бедный мальчик, после вашего ужасного падения, — начала Мария, когда они вышли на луг. — О, это падение, Гарри! Я думала, что умру, когда увидела, что случилось! Не нужно так прижимать мой локоть. Вы ведь знаете, что я для вас ничего не значу.

— Это самые лучшие, самые добрые, самые милые люди на свете! воскликнул мистер Уорингтон. — Миссис Ламберт была подругой моей матери, когда она училась в Европе. Полковник Ламберт благороднейший джентльмен, и где только он не служил! Он воевал в Шотландии под командой его высочества, и во Фландрии, и на Минорке. Родные отец и мать не могли бы нежнее обо мне заботиться. Как мне выразить им мою благодарность? Я хотел бы сделать им подарок. Я должен сделать им подарок! — объявил Гарри, сунув руку в карман, где покоились хрустящие трофеи, отобранные у Морриса и Марча.

— Мы можем зайти в игрушечную лавку и купить две куклы для детей, сказала леди Мария. — Вы обидите родителей, если предложите им плату за их доброту.

— Куклы для Тео и Эстер! Неужели вам все женщины моложе сорока лет кажутся маленькими девочками, Мария? (Локоть под рукой Гарри, быть может, дрогнул — чуть-чуть). Поверьте, мисс Эстер со временем не считает себя ребенком, а мисс Тео старше сестры. Они знают множество языков. И они прочли уж не знаю сколько книг — целые груды. Они играют на клавесине и прелестно поют, а Тео сочиняет и поет собственные песни.

— Неужели! Но я их почти не видела. Они мне показались совсем девочками. У них очень детский вид. Мне и в голову не пришло, что они наделены всеми этими совершенствами, — поистине новое чудо света.

— Ну вот, вы, женщины, всегда так! Дома, если мне или Джорджу случалось похвалить какую-нибудь женщину, миссис Эсмонд, да и Маунтин тоже, непременно начинали выискивать в ней недостатки! — воскликнул Гарри.

— Право, я не способна находить недостатки в тех, кто был добр к вам, мистер Уорингтон, — вздохнула Мария. — Но ведь вы не будете сердиться на меня, если я и питала к ним зависть потому, что они могли ухаживать за вами, когда вы были ранены и больны, а я... я должна была

покинуть вас?

— Дражайшая, добрейшая Мария!

— Нет, Гарри! Я не дражайшая и не добрейшая. И вам незачем, сэр, оказывать мне столь пылкие знаки внимания. Взгляните! Вон идет ваш негр с дюжиной других ливрейных бестий. Мерзкие создания напьются в чайном павильоне по образу и подобию своих господ. Этот ужасный мистер Моррис был совсем пьян, когда я подошла к вам и так вас напугала.

— Я только что выиграл у них обоих большие пари. Что вам подарить, дорогая кузина?

И Гарри рассказал о своих недавних славных победах. Он был в превосходном настроении, он смеялся и немножко хвастал.

— Ради чести Виргинии я решил им показать, что такое настоящие прыжки, — сказал он. — Мне бы только поупражняться, и я смогу прыгнуть еще фута на два дальше.

Мария была довольна победами своего молодого рыцаря.

— Но берегитесь карточной игры, дитя! — сказала она. — Вы ведь знаете, что карты погубили нашу семью. Мой брат Каслвуд, Уилл, наш бедный отец, наша тетушка, даже леди Каслвуд — все они стали жертвами азарта. А лорд Марч ужасный игрок и самый удачливый среди всех молодых аристократов.

— Ну, я не побоюсь его, да и его приятеля, мистера Джека Морриса, тоже, — ответил Гарри, вновь нащупывая восхитительные банкноты. — А во что играют у тетушки Бернштейн? Криббедж, бостон, штосе, вист, пикет, кадриль? Меня не пугает ни одна из этих игр! Часы бьют... Уже семь!

— Вам не терпится скорее сесть за игру, — сказала печальная Мария. — Вы скучаете, гуляя с вашей бедной кузиной! А еще недавно вам это нравилось.

— Молодость — это молодость, кузина! — воскликнул мистер Гарри, (вскидывая голову. — Молодому человеку надо повеселиться! — И он гордо зашагал рядом со своей спутницей, уверенный в себе, счастливый, полный предвкушения всяческих удовольствий.

Еще недавно ему действительно нравилось гулять с ней. Только вчера ему нравилось общество Тео, Эстер и доброй миссис Ламберт, но его манили также удовольствия, жизнь, веселье, желание блистать и покорять, и он, подобно многим другим юношам, жадно подносил к Губам чашу, не заботясь, какой головной болью придется ему расплачиваться за это поутру. Пока они с леди Марией беседовали, на открытой оркестровой эстраде у Променада повизгивали и пели скрипки, настраиваемые перед обычным вечерним концертом. Мария знала, что тетушка уже проснулась и ей пора

возвращаться под иго рабства. Гарри не расспрашивал ее про это рабство, хотя мог бы про него догадаться, потрудись он хоть немного задуматься. Он нисколько не жалел свою кузину. Он просто о ней не думал. А ведь когда с ним приключилась беда, она страдала гораздо более жестоко, чем он. И она все время о нем думала, хотя и скрывала это за лицемерными улыбками, как в обычае у ее пола. Я полагаю, дражайшая миссис Гранди, вы считаете ее старой дурой? Неужели же вы думаете, что волосы под дурацким колпаком обязательно должны быть черными или каштановыми, а не седыми? Будьте снисходительнее к *fredaines* {Юношеским проказам (франц.)} наших зрелых лет, о вы, Минерва среди женщин! Но, может быть, вы так добродетельны и мудры, что вовсе не читаете романов. А я знаю одно: пора безумств наступает не только весной, но иногда и осенью, и я убедился (из наблюдений над собой и ближними), что цветы страсти продолжают заманчиво цвести до самых последних дней года.

Подобно светским родителям, торопящимся отослать на покой непоседливого ребенка, чтобы поскорее отбыть на званый вечер, госпожа Бернштейн и ее присные уложили солнце в постель еще засветло, задернули занавески и занялись своими картами и свечами, своим чаем, негусом и прочими напитками и закусками. Один портшез за другим доставлял к дверям баронессы более или менее накрашенных дам в мушках и парче. Туда же являлись джентльмены в парадных одеяниях. Звезда мистера Польница была самой большой, а его кафтан — самым раззолоченным. В гостиной баронессы лорд Марч и Раглен был совсем не похож на того молодого человека, с которым Гарри познакомился в "Белом Конне". Гладкий каштановый паричок уступил место напудренному серой пудрой пышному парикку с кошельком, а жокейская куртка и кожаные штаны — щегольскому французскому костюму. Мистер Джек Моррис явился в точно таком же парике и в платье из той же материи и почти того же покроя, что у его сиятельства. Мистер Вулф также был здесь, ибо он сопровождал красавицу мисс Лоутер и ее тетушку, большую любительницу карт. Когда в гостиную вошла леди Мария Эсмонд, ее облик решительно опровергал то, что говорила о ней госпожа Бернштейн. Формы ее были прелестны, и платье отнюдь этого не скрывало. Ее шейка, от природы чрезвычайно белая, казалась совсем белоснежной от обвивавшей ее черной гофрированной ленты с драгоценной застежкой. Румянец на ее щеках был не ярче, чем у всех остальных дам, чьи розы совершенно открыто покупались в парфюмерных лавках. Одна-две искусно посаженных мушки должны были еще усилить ее чары. Обруч ее юбки нисколько не превосходил шириной железные приспособления, которыми обвешиваются

дамы наших дней, и мы должны сказать, что ее наряд, хотя и нелепый кое в чем, в целом был очень приятен для глаза. Предположим, что наши дамы начнут носить браслеты на щиколотках и кольца в носу. Думаю, мы станем посмеиваться над этими украшениями, вовсе их не осуждая, а влюбленные будут спокойно приподнимать кольцо, чтобы открыть себе доступ к розовым губкам под ним.

Что до баронессы Бернштейн, то в парадном туалете она являла собой зрелище еще прекрасное и величественное, но в то же время грустное и даже страшное. Есть старые лица, в которых читается их прошлое, в то время как другие говорят лишь о безмятежности и покорности судьбе. Когда вокруг некоторых глаз начинают лучиться морщинки, огонь в них угасает навсегда, и они уже более не сверкают презрением, гневом или любовью; они глядят — и никто не тает под их сапфировыми взорами; они раскрываются — и никто не ослеплен. Моя прелестная юная читательница, если вы не столь совершенная красавица, как несравненная Линдамира, царица бала, если, вернувшись домой и опустившись на ложе сна, вы грустно вспоминаете, как вас приглашали два-три кавалера, а Линдамиру весь вечер окружала толпа вздыхателей, то утешьтесь мыслью о том, что у вас и в пятьдесят лет будет такое же милое и приятное лицо, как теперь, в восемнадцать. Вам не придется расстаться с вашей колесницей красоты, уступить ее другой, а самой до конца своих дней ходить пешком. Вам не придется отвыкать от фимиама, вы не будете с горечью наблюдать, как утрачивают цену ваши улыбки. Вы не узнаете предательства света, пыльная и мрачная паутина не затянет ваши некогда столь великолепные апартаменты, и в ваших печальных, пустых и заброшенных окнах не появится записочка: "Сдается внаем". Пусть величие не выпало на вашу долю, но зато вы не узнаете и боли утраты. Вам не дано будет сорить миллионами, но зато вас минует и банкротство.

— Наша хозяйка, — сказал лорд Честерфилд приятелю доверительным шепотом, даже не подозревая, как далеко его слышно, — напоминает мне Ковент-Гарден дней моей юности. Тогда это была самая аристократическая часть города, где жил весь цвет общества. Теперь же дворец вельможи обратился в игорный дом или заведение, куда можно пригласить друга распить бутылочку.

— Что ж! Бутылка и трактир — по-своему вещи неплохие, — ответил лорд Марч, пожимая плечами. — Я родился уже после воцарения Георгов, хотя и намереваюсь прожить лет до ста. Баронессу я застал уже старухой, но если она и правда была красавицей, то на что, черт меня подери, она растратила свою красоту?

— Да, черт меня подери, на что она ее растратила? — со смехом подхватил Джек Моррис.

— Вот свободный стол. Не сыграть ли нам?.. Только не с французом! Он не заплатит. Не возьмете ли карточку, мистер Уорингтон?

Мистер Уорингтон и лорд Честерфилд оказались партнерами против мистера Морриса и графа Марча.

— Опоздали, барон, — сообщил пожилой вельможа пожилому вельможе, который приблизился к ним. — Мы уже составили партию. Как, неужели вы забыли мистера Уорингтона из Виргинии — того молодого джентльмена, с которым вас познакомили в Лондоне?

— Молодой человек, которого мне представили в кофейне Артура, был черноволосым, курносым и далеко не обладал такой счастливой наружностью, как мистер Уорингтон, — с большой находчивостью ответил барон. — Уорингтон, Дорингтон, Хэрингтон? Мы, континентальные европейцы, плохо запоминаем ваши островные имена. Во всяком случае, этот джентльмен — не тот, о ком я говорил за обедом.

И, одарив виргинца любезным взглядом, старый щеголь направился в дальний угол залы, где в оконной амбразуре о чем-то беседовали мистер Вулф и мисс Лоутер. Тут барон счел за благо завязать с подполковником разговор о прусской маршировке, которую недавно ввели в армии его величества короля Георга II, — предмет, прекрасно знакомый мистеру Вулфу и, несомненно, очень для него интересный — но только не в эту минуту. Тем не менее барон продолжал высказывать критические и иные мнения в полной уверенности, что его собеседники им совсем очарованы.

В начале вечера баронесса сама встречала гостей, обменивалась с ними обычными любезностями и занимала новоприбывших разговором. Но по мере того, как комнаты наполнялись народом, партии составлялись и свободных столиков становилось все меньше, госпожа де Бернштейн начинала проявлять растущее нетерпение и в конце концов удалилась с тремя друзьями в свой уголок, где ее дворецкий оберегал приготовленный для нее стол. Почтенная дама с решительным видом опустила в кресло и уже не вставала с него и не прерывала игру до самых петухов. Обязанности хозяйки легли теперь на леди Марию, которая не любила карт, — она обходила комнаты, присматривая, чтобы гости ее тетюшки ни в чем не нуждались, и ее платье часто шуршало возле стола ее молодого кузена и трех его друзей.

— Снимите за нас! — воскликнул лорд Марч, когда ее милость шествовала мимо во время одного из своих печальных обходов. — Снимите за нас, леди Мария, и принесите нам удачу! Она нас совсем покинула, и

выигрывает только мистер Уорингтон.

— Гарри, я надеюсь, вы играете не по очень высоким ставкам? — робко осведомилась леди Мария.

— О нет, всего по шесть пенсов! — воскликнул граф, начиная сдавать.

— Всего по шесть пенсов, — повторил мистер Моррис, партнер его сиятельства. Но, по-видимому, мистер Моррис очень высоко ценил шестипенсовики, раз утрата горстки этих монет вызвала на его круглой физиономии выражение столь горестного отчаяния. Лорд Честерфилд, сидевший напротив мистера Уорингтона, разбирал свои карты. Глядя на его невозмутимое лицо, невозможно было угадать, доволен он ими или нет.

С уст мистера Морриса сорвалось не совсем восторженное словцо, и его партнер воскликнул:

— Черт побери, Моррис! Играйте и помалкивайте! Если вспомнить, что играли они по шесть пенсов, раздражение его сиятельства также казалось необъяснимым.

Мария, с нежностью медлившая возле Гарри, положив руку на спинку его стула, видела его карты — всю левую сторону занимал целый выводок козырей. Значит, она не отняла у него удачу. Ей было приятно, что она сняла карты и вот ему достались все эти чудесные козыри.

Когда лорд Марч сдавал, он негромко спросил мистера Уорингтона:

— Ставки прежние, мистер Уорингтон, или удвоим?

— Как вам угодно, милорд, — так же негромко ответил мистер Уорингтон.

— Ну, в таком случае играем на... шиллинги.

— Хорошо, на шиллинги, — ответил мистер Уорингтон, и игра продолжалась.

Чем она закончилась в этот день и в последующие дни, можно узнать из приводимого ниже письма, которое так и не попало к адресату, а отправилось в Америку среди прочих бумаг мистера Генри Уорингтона.

"Танбридж-Уэлз,

10 августа 1756 года.

Дорогой Джордж!

Мне известно, что две бутылки бургундского у Уайта и колода карт составляют единственную радость твоей жизни, и я не сомневаюсь, что ты пребываешь сейчас в Лондоне, предпочитая табачный дым и фараон свежему воздуху и свежему сену. Письмо это вручит тебе молодой джентльмен, с которым я недавно познакомился и от которого ты будешь в восторге. Он будет играть с тобой в любую игру и по любым ставкам до любого часа ночи или утра, выпивая при этом любое число бутылок, не

выходящее за пределы разумного. Мистер Уорингтон — тот самый Юный Счастливец, о котором столько рассказывал "Глашатай" и другие газеты. У него есть в Виргинии поместье величиной с Йоркшир, обремененное в настоящее время маменькой, царствующей монархиней, но климат там нездоровый, лихорадки часты и свирепы, и будем уповать, что миссис Эсмонд не замедлит скончаться, оставив этого добродетельного юношу единственным хозяином всего имения. Она доводится теткой мошеннику Каслвуду, который никогда не платит карточных долгов — разве что с тобой он вел себя более достойно, чем со мной. Мистер Уорингтон — джентльмен *de bonne race* {Хорошей крови (франц.)}. И мы должны принять его в наш круг, хотя бы для того, чтобы я мог отыграть у него мои деньги.

Ему тут чертовски везло, и он без конца выигрывал, в то время как его старуха-тетка без конца проигрывала. Несколько вечеров тому назад, когда злополучный случай познакомил нас, он побил меня в прыжках (постигнув это искусство среди дикарей и спасаясь бегством от медведей в родных лесах), он выиграл у Джека Морриса и у меня пари о моем весе, а вечером, когда мы сели играть у старухи Бернштейн, он обыграл нас всех. Если ты можешь рассчитаться со мной за наше последнее эпсомское пари, то будь добр, отдай мистеру Уорингтону 350 фунтов, которые я остался ему должен после того, как он совсем опустошил мой кошелек. Честерфилд тоже проиграл ему шестьсот фунтов, но милорд не желает, чтобы об этом стало известно, так как он поклялся бросить карты и вести нравственную жизнь. Джек Моррис, хотя он и потерял меньше, чем мы, а мог бы без большого ущерба потерять и больше, так как этому жирному олуху не приходится содержать замки и *train* {Здесь; челядь (франц.)}, а все денежки его треклятого отца находятся в его распоряжении, ревет из-за своих проигрышей, как телец васанский. На следующий вечер мы играли *en petit comite* {В тесной компании (франц.)} в отдельной комнате у Барбо, накормившего нас вполне сносным обедом. Мистер Уорингтон молчит, как подобает джентльмену, и мы трое никому не рассказываем о нашем проигрыше, но весь Танбридж только о нем и говорит. Вчера Катарина ходила мрачнее тучи оттого, что я не захотел куний, ей бриллиантовое кольцо, и заявила, будто я отказал ей потому, что проиграл виргинцу пять тысяч. Моя старушка, герцогиня К., повторила мне то же слово в слово, а кроме того, знала до последнего фаринга, сколько проиграли Честерфилд и Джек.

Уорингтон дал в собрании званый завтрак с музыкой для всего общества, и видел бы ты, как женщины рвали его на части! Эта чертовка

Катарина строила ему глазки из кабриолета под самым моим носом, когда мы ездили в Пенсхерст, и, конечно, уже успела послать ему billet-deux {Любовную записку (франц.)}. Он состязался с Моррисом в стрельбе, и Моррис и тут проиграл: надо будет испытать его на куропатках, когда начнется сезон.

Он, несомненно, счастливец. Он молод (а в Виргиния молодость не хиреет из-за всяческих распутств, как у нас в Англии), красив, здоров и удачлив.

Короче говоря, мистер Уорингтон выиграл наши деньги, как благородный человек, а так как он мне нравится и я хочу отыгаться, то я и передаю его под безгрешную опеку вашей милости.

Adieu! Я уезжаю на Север и вернусь к Донкастерским скачкам.

Всегда твой, дорогой Джордж,

М. и Р.

Джорджу Огастесу Селвину, эсквайру, кофейня Уайта, Сент-Джеймс-стрит".

Глава XXVIII

Так повелось в свете

Пробыв на Танбриджских водах два-три дня, наш юный виргинец стал чуть ли не самой важной персоной в этом веселом городке. Ни один вельможа не вызывал там большего любопытства. Такого почтения не выказывали даже самому епископу Солсберийскому. На улицах люди смотрели Гарри вслед, а фермеры, приезжая на рынок, искали случая поглазеть на него. В залах собрания матроны любезно подзывали его к себе и находили способ оставить его наедине со своими дочками, которые почти все обворожительно ему улыбались. Каждому были известны размеры его поместья до последнего акра и его доходы до последнего шиллинга. За всеми чайными столами Танбриджа обсуждались и подсчитывались его карточные выигрыши. Поистине замечательно, сколько знают наши ближние о наших делах! Интерес и любопытство, вызываемые Гарри, были так велики, что многие даже обхаживали его слугу и угощали Гамбо холодным мясом и элем, чтобы расспросить его про молодого виргинца. Мистер Гамбо растолстел от этих знаков внимания, занял видное место в обществе местных лакеев и врал еще более беспардонно, чем прежде. Ни один вечер не считался удачным, если на нем не было мистера Уорингтона. Эти успехи немало удивляли и забавляли юношу, и он вел себя в своем новом положении с большим достоинством. Дома ему привили излишне высокое мнение о собственной особе, и то лестное внимание, которым он был окружен теперь, разумеется, дало новую пищу его самомнению. Однако голова у него не закружилась. Он не хвастал своими победами и не задира нос. Садясь играть с джентльменами и заключая с ними пари, он следовал своему кодексу чести. Он считал, что не имеет права уклоняться и обязан принять любой вызов: приглашают ли его на скачки, на пирушку или на карточную игру, он ради чести Старой Виргинии не должен отказываться. Новые знакомые мистера Гарри охотно испытывали его сноровку во всевозможных состязаниях. У него была крепкая голова, твердая рука, отличная посадка и сверх всего этого — упрямое мужество. И в дружеском соперничестве с сынами отчей страны представитель Старой Виргинии не ударил лицом в грязь.

Госпожа де Бернштейн, которая каждый вечер играла в карты досыта и, без сомнения, с избытком возместила потери, упомянутые в предыдущей главе, чрезвычайно радовалась победам и успехам племянника. Он

состязался в стрельбе с Джеком Моррисом и побил его, он скакал наперегонки с мистером Скэмпером и пришел первым. Он играл в теннис с капитаном Бэтсом, и хотя познакомился с этой игрой впервые, через несколько дней мог уже потягаться с кем угодно. Он понтировал против таких прославленных игроков, как лорд Честерфилд и лорд Марч, и оба они хвалили его хладнокровие, любезность и хорошие манеры. Разумеется, во всем, что касалось книжной премудрости, Гарри не слишком блистал, но писал он ничуть не хуже многих и многих светских людей, а его наивное невежество очень забавляло старую даму. В свое время она много читала и могла поддержать интересный разговор со знатоками литературы, ей нравился юмор, и она любила Мольера и мистера Фильдинга, но свет манил ее больше библиотеки, и она готова была отложить любую книгу ради партии в пикет. Она с нежностью и удовольствием заботилась о том, чтобы Гарри выглядел щеголем; отыскивала в своих сундуках тончайшие кружева для его манжет и рубашки и подарила ему бриллиантовую булавку для жабо. Среди всех ее племянников и прочих родственников он, бесспорно, был главным ее фаворитом. Боюсь, леди Мария была только довольна успехами юноши и не сердилась на него за то, что он оказался удачливее ее братьев, но сами эти джентльмены, несомненно, бледнели от страха и зависти, когда до них доходили слухи о блистательных успехах мистера Уорингтона и о том, как благоволит к нему их богатая тетка.

Через две недели мистер Гарри стал в Танбридже весьма важной персоной. Он познакомился с лучшим тамошним обществом. Его ли вина, если заодно он познакомился и с худшим? Так ли уж плохо он поступал, если принимал мир таким, каким нашел его, и пил из искристой сладкой чаши радостей, которая для него была наполнена до самых краев? Старуха тетка наслаждалась его триумфами и только поощряла его погоню за развлечениями. Она отнюдь не была брюзгливой старой моралисткой, но, пожалуй, и не слишком годилась в наставницы юности. Если бы упомянутая выше Катарина действительно написала ему *billet-doux*, боюсь, тетушка Бернштейн начала бы уговаривать его принять приглашение, однако юноша привез с собой из своего колониального дома порядочный запас скромности, с которой пока не расставался, как и со скромным бельем из домашнего полотна. Распутство было редкостью в тех малонаселенных краях, где он родился. Грубоватые городки Американского континента не знали пороков европейских столиц. Гарри Уорингтон краснел, как девушка, от вольных историй своих новых знакомых, и даже рассказы и шутки тетушки Бернштейн так удивляли юного виргинца, что многоопытная старуха называла его Иосифом и простачком.

Однако, каким бы невинным и простодушным он ни был, свет нимало не сомневался, что он столь же скверен, как и все остальные. Откуда он мог знать, что от кокетки Катарини следует держаться подальше? Он видел, как лорд Марч катал ее в своем фаэтоне. И Гарри не думал, что поступает опрометчиво, прогуливаясь с ней в публичных местах. Ей понравилась безделушка в окне лавки, и Гарри, чьи карманы были набиты деньгами, с удовольствием преподнес ей восхитивший ее медальон. На следующий день она возжелала кружев, и снова Гарри удовлетворил ее причуду. На третий день последовало новое желание, — фантазиям госпожи Катарини не было конца, — но на этот раз молодой джентльмен со смехом и шуткой отклонил ее просьбу. Он был отнюдь не глуп, и хотя щедр, во не мот и не расточитель. И вовсе не собирался украшать бриллиантовыми сережками хорошенькие ушки капризной красавицы.

Но кто верил в его добродетель? Старуха Бернштейн предпочитала думать, что ее племянник — настоящий Дон-Жуан и стал преемником лорда Марча. Особенно упорствовала она в своем заблуждении в присутствии бедной леди Марии: ей нравилось поражать ударами нежное сердце этой девы, а жалобное молчание и горечь племянницы ее только тешили.

— Право, моя милая! Мальчикам положено перебеситься, — объявляла баронесса. — В нашей семье еще не бывало маменькиных сынков, и я не хочу, чтобы Гарри оказался первым.

Хлеб тетушки, который ела Мария, порой застревал у нее в горле. Увы, каким черствым и неудобоваримым умеют сделать его некоторые женщины!

Мистер Вулф постоянно наезжал из Уэстерема, чтобы вздохнуть у ног своей возлюбленной, и, зная, что полковник отдает этому занятию все свободное время, мистер Уорингтон не рассчитывал часто с ним видеться, хотя ему были очень приятны общество этого офицера и беседы с ним. Его разговор был совсем непохож на болтовню светских бездельников, окружавших Гарри. Мистер Вулф никогда не рассуждал о картах или о лошадиных родословных, не хвастал своими охотничьими подвигами, не кичился успехом у женщин и не смаковал бесчисленные скандальные истории, которыми изобиловала та эпоха. Эпоха эта не была добродетельной. Нравы ее были гораздо более распущенными по сравнению с нашими. Вспомним хотя бы старика-короля, чьи любовницы открыто появлялись при дворе, где перед ними склонялись самые знатные ж великие люди страны. Вспомним вельмож, которые в погоне за удовольствиями творили всяческие безумства, вспомним вольность в

словах и поступках, о чем мы, как добросовестные историки, должны упомянуть, не вдаваясь в подробности, дабы без особой нужды не возмущать добропорядочного читателя. А наш молодой джентльмен оказался в компании самых буйных из этих гуляк и попал под крылышко старухи-родственницы, которая обитала в самой гуще этого общества.

По вышеупомянутой причине Гарри не заметил, что полковник Вулф начал избегать его, и сначала не обратил внимания, что при их редких встречах полковник держится теперь с ним холодно в сухо. Он не знал, какие про него ходят сплетни. Да и кто это знает? Кто распускает их? Кто отцы подобной поразительной лжи? Бедняга Гарри и не подозревал, какую он приобретает репутацию. Ему даже в голову не приходило, что пока он катается верхом, играет в карты и безобидно развлекается, многие почтенные люди начинают считать его отъявленным распутником.

Увы, увы! Подумать только! Юноша, который так нам нравился, такой кроткий и тихий, пока он жил у нас, такой простой и неприхотливый, оказался распутником, мотом, безбожным игроком, покровителем погибших женщин! Эти истории достигли слуха честного полковника Ламберта в Окхерсте — сначала одна, лотом другая, а потом целый поток их, преисполняя сердце добряка горем и заботой, и в конце концов его домашние заметили, что его что-то гнетет и тревожит. Сперва он не желал говорить об этом и оставлял без ответа ласковые расспросы жены. Миссис Ламберт решила, что произошло страшное несчастье, что ее муж — разорен, что его посылают на войну с опасным поручением, что кто-то из их сыновей заболел, покрыл себя позором, умер! Кто способен сохранить твердость духа перед испуганной женщиной или уклониться от допроса на супружеской подушке? Ламберту пришлось рассказать часть того, что ему стало известно про Гарри Уорингтона. Его жена была поражена и огорчена не меньше мужа. Из спальни папеньки и маменьки горе, придушенное было там подушками, потихоньку скользнуло вниз. Вслед за родителями недуг поразил Тео и Эстер, и переносили они его очень тяжело. О, нежные раненые сердечка! Сначала Эстер покраснела, вознегодовала, сжала кулачки и поклялась, что не верит ни единому слову из этих гадких сплетен, но в конце концов она им поверила. Злословие почти всегда одерживает победу над людьми — особенно над хорошими и простодушными. Какую змею приютили они у своего очага! О, несчастный, несчастный мальчик! Только подумать: показывается на людях с этой ужасной накрашенной француженкой, дарит ей бриллиантовые ожерелья и щеголяет своим позором перед всем Танбриджем! Жена и дочери полковника Ламберта рыдали из-за этой истории, а отец семейства в

чрезвычайном расстройстве поведал обо всем священнику. Но напрасно тот в ближайшее воскресенье прочел свою любимую проповедь о злословии и обличал нашу склонность всегда верить дурному о наших ближних. Мы каемся, мы обещаем исправиться — и верим следующей же сплетне. Так и добрые несчастные окхерстцы верили всему, что слышали про беднягу Гарри.

Сам же Гарри Уорингтон тем временем был по-прежнему полон самодовольства и даже не догадывался, как дурно думают о нем его друзья, он вел весьма приятную, хотя и бесполезную жизнь светского вертопраха, не имея ни малейшего представления о том, какой скандал вызывает его поведение и как строго порицают его многие достойные люди. Однажды после партии в теннис с мистером Бэтсом Гарри, очень довольный и собой и всем миром, нагнал полковника Вулфа, который возвращался от дамы своего сердца. Гарри протянул ему руку, и полковник пожал ее, но так холодно, что молодой человек не мог этого не заметить, тем более что в ответ на изысканный поклон мистера Бэтса мистер Вулф едва приложил указательный палец к полям своей шляпы. Капитан-теннисист удалился с несколько обескураженным видом, а Гарри задержался, намереваясь поболтать со своим уэстеремским приятелем. Некоторое время мистер Вулф шел рядом с ним, держась чрезвычайно прямо и храня холодное молчание.

— Я давненько вас не видел, — сказал Гарри.

— У вас есть много новых друзей, — сухо ответил мистер Вулф.

— Но мне куда приятнее быть с вами, чем с ними! — воскликнул юноша.

— Да, пожалуй, мое общество было бы для вас лучше общества некоторых из них, — сказал его собеседник.

— Вы имеете в виду капитана Бэтса? — спросил Гарри.

— Признаюсь, я не питаю к нему особой приязни: в армии у него была прескверная репутация, и не думаю, чтобы с тех пор, как его уволили в отставку, он хоть немного исправился. Да, конечно, вы могли найти себе более достойного друга, чем капитан Бэте. Простите мне мою прямооту, — сурово сказал мистер Вулф.

— Друга? Он мне вовсе не друг — он только учит меня теннису, к тому же он большой приятель милорда и всех светских людей, которые играют в теннис.

— Я не светский человек, — ответил мистер Вулф.

— Дорогой полковник! В чем дело? Я вас чем-нибудь рассердил? Вы говорите так, словно сердитесь на меня, а я, право, не сделал ничего, что

могло бы лишить меня вашей дружбы, — сказал мистер Уорингтон.

— Я буду откровенен с вами, мистер Уорингтон, — очень серьезно произнес полковник. — И скажу вам без обиняков, что мне не нравятся некоторые из ваших друзей.

— Но ведь эти люди принадлежат к самым знатным фамилиям Англии и вращаются в самом высшем свете! — воскликнул Гарри, решив не обижаться на прямогу своего собеседника.

— Вот именно: для бедного солдата вроде меня они слишком знатны и принадлежат к слишком высокому свету, и если вы будете и дальше водить с ними компанию, вы убедитесь, что многие из нас, простых людей, не могут позволить себе того же. Мистер Уорингтон, я имею честь быть помолвленным с благородной девицей. Вчера я встретил вас, когда вы открыто прогуливались с французской балетной танцовщицей, и вы мне поклонились. Я должен прямо сказать вам, что прошу вас не кланяться мне, когда вы находитесь в подобном обществе.

— Сэр! — сказал мистер Уорингтон, багровея. — Означают ли ваши слова, что я вообще должен отказаться от чести быть знакомым с полковником Вулфом?

— Во всяком случае, когда вы находитесь в обществе подобной особы, гневно ответил полковник Вулф, употребив, правда, слово, которое теперь мы не смеем написать, хотя Шекспир и вкладывает его в уста Отелло.

— Боже великий! Какой позор говорить так о женщине, кем бы она ни была! — вскричал мистер Уорингтон. — Неужели кто-нибудь смеет сомневаться в честности этой бедняжки?

— Вам виднее, сэр, — ответил его собеседник, с некоторым удивлением глядя на Гарри. — Или свет вас очернил?

— Что мне виднее? Вот бедная французская танцовщица, которая приехала сюда с матерью, потому что доктора прописали ей пить здешние воды. Я знаю, что человек моего положения обычно не водит компанию с людьми ее круга, но право же, полковник Вулф! Неужели вы так чопорны? Ведь вы же сами говорили, что не цените благородное происхождение и что все честные люди должны быть равны между собой! Так почему же я не могу во время прогулки предложить руку этой бедняжке? Ведь тут не наберется и пяти человек, которые умели бы говорить на ее родном языке. Я же немного изъясняюсь по-французски и рад доставить ей такое удовольствие, а если полковник Вулф не желает кланяться мне, когда я иду рядом с ней, то, черт подери, я обойдусь без его поклона! воскликнул Гарри, вновь покраснев.

— Неужели вам правда неизвестна репутация этой женщины? —

спросил мистер Вулф, уставившись на Гарри.

— Разумеется, известна, сэр. Она танцовщица, и, наверное, не лучше и не хуже всех ей подобных. Но я имел в виду другое: будь она герцогиней или вашей бабушкой, я не мог бы обходиться с ней с большим уважением,

— Вы что же, не выиграли ее в кости у лорда Марча?

— Выиграл?

— В кости. У лорда Марча. Эту историю знают все. В Танбридже не найдется ни единого человека, который бы ее не слышал. Мне только что рассказали ее в обществе почтенного мистера Ричардсона, и дамы утверждали, что с вас можно было бы писать колониального Ловласа.

— А что они еще про меня говорили? — спросил Гарри, и полковник поведал ему все сплетни, которые знал. Перед ним развернулись чудовищные картины его порочности и распутства. Он был губителем добродетели, закоренелым пьяницей и игроком, отъявленным богохульником и вольнодумцем и, наконец, достойным собутыльником лорда Марча и прочих прожигателей жизни, с которыми он проводил время.

— Я говорю вам все это, — объяснил мистер Вулф, — так как, мне кажется, вам следует знать, что о вас говорят. К тому же ваше возмущение по поводу последней приписанной вам выходки убедило меня, что вы не виновны ни в чей другом тоже. Я вижу, мистер Уорингтон, что думал о вас незаслуженно дурно, и искренне прошу вас простить меня.

Конечно, Гарри был рад принять извинения своего друга, и они обменялись рукопожатием — на этот раз искренним и сердечным. Большинство обвинений Гарри опроверг без труда, но не отрицал, что играл много. Он полагал, что джентльмен не может отклонить честный вызов других джентльменов, если игра ему по средствам, — а он никогда не будет вести игру не по средствам. Так как вначале он много выиграл, то и мог позволить себе крупные ставки, потому что играл на чужие деньги. Игра, по его мнению, велась честно, а развлечение это очень приятное. И ведь в Англии играют все, кроме методистов, не так ли? Разве он сам не видел, как лучшее общество Танбриджа садится за карты — и в том числе его собственная тетка?

Мистер Вулф ничего не сказал по адресу особ, которые, как считал Гарри, составляли лучшее общество Танбриджа, но он откровенно побеседовал с молодым человеком, чье прямодушие вновь завоевало его уважение, и предостерег его, заметив, что его нынешняя жизнь, хотя, быть может, и очень приятна, однако никак не может быть названа полезной.

— Человек, сэр, — сказал полковник, — вряд ли создан для того лишь,

чтобы проводить свои дни на скачках или играя в теннис, а ночи — в пирушках или за карточным столом. Несомненно, на каждого человека возложен какой-то долг, и джентльмену, которому нечего делать, следует подыскать себе занятие. Знаете ли вы законы своей страны, мистер Уорингтон? Вы крупный землевладелец и, без сомнения, когда-нибудь станете мировым судьей у себя на родине. А вы поездили по стране, чтобы ознакомиться с ее ремеслами и мануфактурами? Это предметы, вполне достойные внимания джентльмена — не менее, чем петушинные бои и крикетные состязания. А о моей профессии вам что-нибудь известно? Что это благородное занятие, вы, конечно, согласитесь, но поверьте мне, для того, чтобы стать хорошим солдатом, нужно многому научиться, и, на мой взгляд, это призвание подходит для вас больше всего. Я говорю так потому, что, насколько я могу судить, книги и ученые занятия вас не влекут. Но целью жизни должна быть честь! — воскликнул мистер Вулф. — И каждый человек может так или иначе послужить своей родине. Поверьте, сэр, нет хлеба опаснее хлеба праздности, а карты и иные развлечения могут служить отдыхом после дневных трудов, но заменять эти труды и занимать весь день они не должны. И знаете, мистер Уорингтон, мне кажется, вы вовсе не Юный Счастливец, как вас прозвали, но скорее Уорингтон Злополучный, так как вас ежедневно и ежечасно подстерегают праздность, лень, соблазны, и могу только пожелать вам, чтобы господь избавил вас от подобного счастья.

Однако, когда наш виргинец затем побывал у тетушки, ему не захотелось объяснять ей, отчего у него такой мрачный вид. Он твердо решил, что не будет больше пить, но в ресторации собралось очень приятное общество и бутылку пустили по кругу; он твердо вознамерился не садиться в этот вечер играть, но за столиком тетушки не хватало одного партнера, так как же он мог отказаться? Несколько раз в течение вечера он оказывался партнером баронессы, и ему чрезвычайно везло, так что он вновь встретил рассвет на ногах и позавтракал на заре цыплятами и шампанским.

Глава XXIX

в которой Гарри продолжает наслаждаться *otium sine dignitate* {Недостойной праздностью (лат.).}

Пока у госпожи де Бернштейн не было недостатка в партнерах и у нее дома, и на вечерах в собрании, она с удовольствием жила в Танбридже, бранила племянницу и играла в карты. В возрасте Гарри любое место кажется приятным, лишь бы там было веселое общество, свежий воздух и много всяческих забав и развлечений. В двадцать лет нам нравится любое удовольствие. Мы торопимся познакомиться с ним, предвкушаем его, считаем дни до назначенной встречи. А как равнодушно и спокойнозираем мы на него в конце долгого сезона Жизни! Сударыня, разве в те минуты, пока вы сидите, украшая собой стену, а ваши дочери танцуют, вам не вспоминается ваш первый бал и ваши мысли не обращаются к счастливому прошлому? Я, например, помню дни, когда мне казалось, будто нет ничего приятнее, чем отобедать у старого капитана Джонса. А теперь — разве я был бы теперь рад прошагать три мили, чтобы пообедать с Джонсом и выпить его портвейна? Разумеется, портвейн этот покупался у скромного виноторговца в соседнем городке и стоил недорого, но потчевали им с великим радушием, а юность пьющего придавала ему букет, которым никакой возраст ни вина, ни человека не одарит нынешнего портвейна!

Viximus purer {И мы жили прежде (лат.).}. Я не склонен осуждать поведение юного Гарри и его праздность столь же строго, как его суровый друг, полковник двадцатого полка. О, благословенная лень! Божественная нимфа-бездельница! Поддай мне роман, когда в три часа дня я лежу на диване в халате, смешай для меня шерри-коблер и принеси мне сигару! Милая неряха... улыбающаяся волшебница! Пусть осыпают тебя бранными кличками, чернят твою репутацию и называют тебя Матерью всех зол — все равно сладостнее твоего общества нет ничего на свете!

Лорд Марч уехал на север, а лорд Честерфилд, убедившись, что Танбриджские воды не исцелили его глухоты, вернулся в свое уединение в Блекхите, но прочие джентльмены остались и развлекались по-прежнему, так что у мистера Уорингтона всегда были веселые сотрапезники за его столом в "Белом Коне". Он вскоре научился заказывать французские блюда столь же непринужденно, как самый искушенный лондонский щеголь, болтал с мосье Барбо на родном языке этого последнего с большей

легкостью, чем все его приятели, открыл в себе утонченный и разборчивый вкус к винам и отличал "кло вужо" от бургундского, как настоящий знаток. Он был юным королем Танбриджа, а завсегдатаев вод, светских людей, снисходительных к слабостям ближних, нисколько не пугала репутация волокиты и мота, которой пользовался Гарри и которая привела в такой ужас мистера Вулфа.

Хотя наш виргинец жил среди праздных гуляк и резвился в одной воде со странными рыбками, природная сообразительность и честность спасали юношу от ловушек и приманок, несущих гибель неосторожным и беспечным. Он не соглашался держать неосмотрительные пари с веселыми бездельниками, которые его окружали, и самые опытные обманщики не могли ничего с ним поделаться. Он играл во всяческие игры, как на вольном воздухе, так и в помещении, потому что любил их, был в них искусен и мог потягаться с любым честным соперником. При этом он играл и заключал пари только с теми, кого хорошо знал, и всегда щепетильно платил свой проигрыш тут же на месте. Хотя на университетских экзаменах он явил бы собой печальную фигуру, это не мешало ему обладать благоразумием и верным сердцем, проницательностью, благородством и величайшей храбростью.

И ему не раз представлялся случай показать, что он не так уж прост. Например, когда бедняжка Катарина, навлекшая на него столько неприятностей, переступила границу, назначенную Гарри для его щедрости, он с полным спокойствием и хладнокровием выпутался из сетей балетной сирены и предоставил ей очаровывать какую-нибудь более легковверную добычу. Тщетно матушка морской девы, вся в слезах явившись к Гарри, клялась, что жестокий судебный пристав наложил арест на имущество ее дочери за долги, а ее почтенный батюшка томится в лондонской тюрьме. Гарри объявил, что не собирается вступать ни в какие объяснения с судебным приставом. К тому ж хотя ему и выпало счастье познакомиться с мадемуазель Катариной и преподнести ей несколько побрякушек и безделушек, которые ей понравились, он все же не видит причин, почему ему следует платить старые долги ее семьи, и он не станет вносить залог за ее батюшку в Лондоне и оплачивать ее колоссальные счета в Танбридж-Уэлзе. Матушка Катаринины сперва назвала его чудовищем и неблагодарным, а затем с многоопытной усмешкой спросила его, почему он не взял платы за услуги, которые оказал молодой девице. Сначала мистер Уорингтон не мог понять, о какой плате идет речь, но когда старуха растолковала ему это, честный юноша вскочил, пораженный ужасом при мысли, что есть женщины, способные торговать позором своего дитяти,

сказал ей, что он приехал из страны, где даже дикари с отвращением отвергли бы подобную сделку, и, церемонно проводив свою гостью до дверей, приказал Гамбо хорошенько запомнить эту даму и никогда больше не пускать ее в дом. Она удалилась, призывая на этого ирокеза грома небесные, — ни один турок или перс, объявила она, не обошелся бы с женщиной столь грубо. После чего достойная матрона и ее дочь отбыли в Лондон, едва лишь бдительный домохозяин перестал их удерживать.

Затем Гарри обнаружил, что игра, как и галантность, таит свои опасности. Играя в шары, берегись синяков — гласит пословица. Как-то после обеда в ресторации Гарри наотрез отказался играть в пикет с капитаном Бэтсом, а когда тот грубо потребовал объяснения, заявил ему напрямик, что играет только с теми джентльменами, которые, подобно ему самому, платят свои проигрыши; затем он с таким жаром изъявил полную готовность дать удовлетворение капитану Бэтсу, как только тот уплатит свой должок, что капитан объявил себя заранее удовлетворенным и незамедлительно покинул Танбридж, не заплатив ни Гарри, ни другим своим кредиторам. Выпал ему случай доказать и свое мужество: он избил носильщика, который нагрубил старушке мисс Уифлер, когда она в портшезе отправлялась в собрание, а узнав, что гнусную сплетню о нем и злополучной танцовщице повторяет мистер Гектор Баклер, усерднейший завсегдагай Танбриджских вод, мистер Уорингтен подошел к мистеру Баклеру, когда последний у источника за стаканом целебной воды развлекал компанию этой же самой сплетней, а при свидетелях сообщил ему, что вся история — ложь от первого до последнего слова и он потребует удовлетворения от каждого, кто посмеет ее повторить.

Итак, хотя наш друг, живя с волками, несомненно, был по-волчьи, он тем не менее показал себя достойным и благородным волком, и *hurlant avec les loups* {Воя с волками (франц.)}, был самым мистером Вулфом признан равным по храбрости самым храбрым из волков.

Если мистер Вулф сообщил полковнику Ламберту истории, причинившие последнему такое огорчение, то мы можем не сомневаться, что, убедившись в их лживости, он поспешил при первой же возможности очистить молодого виргинца от возведенного на него гнусного поклепа. Эта новость вызвала в семье Ламберт восторг, по природе своей схожий с той радостью, которую дарит существам более высоким, чем мы, раскаяние грешников. Никогда еще эта маленькая семья не испытывала такого счастья, — даже когда пришла весть, что братец Том получил стипендию, они радовались меньше, чем когда полковник Вулф прискакал рассказать о своем разговоре с Гарри Уорингтоном.

— Джеймс, если бы ты привез приказ о том, что мне дают полк, я, право, был бы не так доволен, — сказал мистер Ламберт.

Миссис Ламберт позвала из сада дочерей, расцеловала их, когда они вошли, и со слезами поведала им утешительную новость. Эtti запрыгала от радости, а Тео в этот вечер играла на клавесине с особенным чувством, когда же преподобный доктор Бойл, по своему обыкновению, зашел сыграть в триктрак с полковником, он сначала не мог понять, почему у них у всех такие сияющие лица, но тут дамы хором объясняли ему, как он был прав в своей проповеди и как непростительно обидели они бедного, милого, доброго мистера Уорингтона.

— Что же мы будем делать, душа моя? — спросил полковник у жены. — Сено убрано, жатва начнется не раньше, чем через две недели, лошади совсем застоялись. Так может быть, мы... — И, наклонившись через стол, он что-то прошептал ему на ухо.

— Мой милый Мартин! Ты не мог бы придумать ничего лучше! — воскликнула миссис Ламберт, нежно пожимая руку мужа.

— Лучше, чем что, маменька? — любопытно спросил юный Чарли, вернувшийся домой на августовские каникулы.

— Чем пойти ужинать. Идемте, доктор! Мы сегодня откупорим бутылочку и выпьем за то, чтобы все закаялись думать дурно о ближнем своем.

— Аминь! — ответил священник. — С большим удовольствием.

И с этим достойное семейство отправилось ужинать.

Глава XXX

которая содержит письмо в Виргинию

Как-то раз, войдя в залу "Белого Коня", где он имел обыкновение обедать, мистер Уорингтон с радостью узрел за общим столом красивую, добродушную физиономию преподобного Сэмпсона, угощавшего своих сотрапезников бесчисленными анекдотами и mots {Остротами (франц.)}, так что они покатывались от хохота. Хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мистер Сэмпсон покинул Лондон, он знал все последние столичные новости или, во всяком случае, то, что могло сойти за новости для посетителей провинциальной ресторации: что происходит у короля в Кенсингтоне и что у герцога на Пэл-Мэл, как ведет себя в тюрьме мистер Бинг и кто его там посещает, каковы ставки в Ньюмаркете и за кого теперь пьют завсегдатаи Ковент-Гардена — обо всем этом веселый капеллан мог сообщить компании кое-что новенькое; пожалуй, его сведения не всегда точно соответствовали истине, но для деревенских джентльменов, которые его слушали, это не составляло ни малейшей разницы. Пусть виконт Мотфилд разоряется из-за красотки Полли, а Сэмпсон назвал ее красоткой Люси, что из того? Что из того, что в актера влюбилась леди Джейн, а не леди Мэри? Что с кавалером Золингеном поссорился конногвардеец Гарри Хилтон, а не Томми Раффлер из пешей гвардии? Ну что такое имена и точные даты! Были бы истории смешны и пикантны, а правдивы ли они — разве это важно? Мистер Сэмпсон смеялся и болтал без умолку, развлекая деревенских джентльменов, очаровывал их остроумием и осведомленностью и выпивал свою долю из все новых и новых бутылок, которые не уставали заказывать его восхищенные слушатели. Сто лет назад светский священник, усердно посещавший театры, кабаки, скачки и балы, не был в Англии редкостью: на лисьей травле он кричал "ату ее" громче всех, он пел разудалые песенки в "Розе" или "Голове Бедфорда", когда кончался спектакль в "Ковент-Гардене", и выбрасывал кости из стаканчика с небрежной ловкостью опытного игрока.

Розовое лицо его преподобия совсем покраснелось то ли от смущения, то ли от бордоского, но как бы то ни было, едва увидев в дверях мистера Уорингтона, он шепнул "maxima debetur" {Начало стиха Ювенала ("Сатиры", XIV, 47), в котором рекомендуется оберегать слух юношей от непристойностей: "Maxima debetur pictis reberentia" — "к мальчику следует относиться с величайшим уважением" (лат.)} своему хохочущему соседу,

помещику в рыжем кафтане из толстого сукна и красном камзоле с золотым шнуром, вскочил и, пошатываясь, побежал — нет, опрометью кинулся навстречу виргинцу, чтобы поскорее его приветствовать.

— Любезный сэр, любезнейший сэр! Мой победитель в пиках и трефах... да и в червонных сердечках тоже! Я в восторге, что у вашей чести такой свежий, такой здоровый вид! — восклицал капеллан.

Гарри с большим удовольствием отвечал на приветствия капеллана: он очень рад вновь свидеться с мистером Сэмпсоном, и его преподобие тоже выглядит очень бодрым и румяным.

Помещик в рыжем кафтане был знаком с мистером Уорингтоном и, тотчас подвинувшись, предложил ему стул возле себя, а затем громогласно потребовал, чтобы капеллан вернулся на свое место рядом с ним и досказал, что же произошло с лордом Бабни и женой бакалейщика в... он не успел договорить, где именно, и, вскрикнув, осыпал проклятиями священника, который наступил ему на подагрическую ногу.

Капеллан попросил извинения и, поспешно повернувшись к мистеру Уорингтону, сообщил ему, а заодно и всему столу, что милорд Каслвуд шлет сердечные приветы кузену и нарочно отправил его (мистера Сэмпсона) в Танбридж-Уэлз, дабы он последил за благонравием молодого джентльмена, что ее сиятельство графиня и леди Фанни отбыли на воды в Харрогет, что мистер Уилл порядочно выиграл в Ньюмаркете и теперь намерен погостить у герцога, что Молли, горничная, все глаза проплакала в разлуке с Гамбо, лакеем мистера Уорингтона — короче говоря, он поведал все новости Каслвуда и его окрестностей. Мистер Уорингтон — любимец всей округи, объявил мистер Сэмпсон обедающим и не преминул ввернуть в свою речь несколько горделивейших имен.

— Весь Хэмишир слышал про его успехи в Танбридже — успехи на самых разных поприщах, — добавил мистер Сэмпсон с лукавым видом.

Милорд и миледи даже немного опасаются, как бы Гарри не стал теперь скучен его тихий хэмпширский приют.

Обедающие понемногу расходились, и вскоре наш виргинец остался с глазу на глаз с капелланом и бутылкой, вина.

— Хотя я выпил уже немало, — объявил веселый священник, — это не помешает мне выпить еще больше. — И он принялся предлагать тост за тостом и пить бокал за бокалом, к большому удовольствию Гарри, которому капеллан всегда нравился.

К тому времени, когда Сэмпсон "выпил еще больше", сам Гарри также успел стать чрезвычайно добрым, великодушным и гостеприимным. Гостиница? С какой стати мистеру Сэмпсону тратить лишнее и жить в

гостинице, когда в квартире Гарри есть свободная комната? И сундук капеллана был тотчас отправлен туда, а Гамбо было приказано устроить мистера Сэмпсона поудобнее — как можно удобнее! Мистер Уорингтон не успокоился, пока Сэмпсон не отправился с ним в конюшню посмотреть его лошадей — теперь у него было несколько лошадей; когда же Сэмпсон, войдя в конюшню, узнал свою кобылку, которую Гарри у него выиграл, и когда привязчивое животное заржало от радости и начало тереться мордой о сюртук своего прежнего хозяина, Гарри произнес два-три энергичных словца и поклялся Юпитером, что Сэмпсон должен получить свою лошадь обратно — он отдаст ее Сэмпсону, отдаст, и все тут. Капеллан принял этот дар схватив Гарри за руку, он призвал на него благословение небес, а затем обнял кобылку за шею и начал проливать слезы, исторгнутые благодарностью и бордоским вином. Рука об руку друзья вошли в гостиную госпожи Бернштейн, принеся в апартаменты ее милости ароматы конюшни. Их пылающие щеки и блеск в глазах не замедлили выдать, какому развлечению они предавались. В те дни щеки многих джентльменов имели обыкновение пылать и по той же причине.

Госпожа Бернштейн приняла капеллана своего племянника довольно ласково. Старой даме время от времени нравились двусмысленные шутки капеллана и его приперченная сплетнями болтовня — как нравилось ей острое блюдо или закуска, сочиненные ее поваром, когда она отвеживала их в первый или второй раз. Но, по ее собственному признанию, карты были единственным развлечением, которое ей никогда не приедалось.

— Карты не лицемерят, — говаривала она. — Плохая сдача говорит вам правду прямо в глаза, и в мире нет ничего более лестного, чем козырная корона.

Когда же она, садясь за карты, бывала в особенно хорошем настроении, то со смехом просила капеллана своего племянника прочесть предобеденную молитву. Приехав в Танбридж-Уэлз, честный Сэмпсон вначале не хотел играть. Ставки ее милости слишком высоки для него, признавался он, с комически жалобным видом похлопывая себя по карману, содержимое которого перешло к счастливцу Гарри еще в Каслвуде. Как большинство людей ее возраста (да, по правде говоря, и почти весь ее пол), госпожа Бернштейн была скуповата. И если капеллан в скором времени все же смог занять место за карточным столом, то, полагаю, свой небольшой запас наличности он получил от Гарри Уорингтона, чье сердце было столь же полно великодушия, как его кошелек — гиней.

Наш юный джентльмен охотно делился с мистером Сэмпсоном и деньгами, и всеми другими благами, которые оказались в его

распоряжении. Право, можно удивляться тому, как быстро молодой виргинец приспособился к обычаям и привычкам тех, среди кого он теперь жил. Его одежда по-прежнему оставалась черной, но была теперь самого лучшего покроя и шилась из самых дорогих материй. "При ленте и звезде, со спущенным чулком и волосами до плеч он был бы премиленьким Гамлетом", — заметила веселая старая герцогиня Куинсберри. "И, уж конечно, он принес гибель не одной Офелии и здесь, и среди индейцев", — добавила она, ничуть не осуждая Гарри за его предполагаемые победы над прекрасным полом. Кружева Гарри и его рубашки были настолько тонки, что даже его тетушка оставалась довольна. Он купил прекрасный бритвенный прибор и два парчовых халата, чтобы нежиться поздно поутру в кровати, попивая шоколад. У него появилось множество шпаг, тростей, французских часов с картинками на крышках и бриллиантовыми инкрустациями на циферблатах и эмалевых табакерок прелестных изделий той же нации искусников. Каждое утро в его прихожей толпа грумов, жокеев и торговцев дожидалась, пока его высочество встанет, а тогда камергер Гамбо по одному вводил их в спальню, где его господин пил шоколад в обществе преподобного Сэмпсона. У нас нет никаких сведений о том, какой штат слуг находился под началом мистера Гамбо, но, несомненно, один негр был бы не в силах надлежащим образом заботиться о прекрасных вещах, которые принадлежали теперь мистеру Уорингтону, не говоря уж о лошадях и карете, купленных молодым виргинцем. Кроме того, Гарри усердно изучал все искусства, знание которых считалось необходимым для джентльмена тех дней. Когда он прибыл в Танбридж, там проживали француз — учитель фехтования и танцмейстер той же национальности; наш юноша начал прилежно посещать этих ученых мужей и приобрел немалое совершенство как в мирной, так и в воинственной науке, которым они обучали. Через несколько недель он уже дрался на рапирах немногим хуже своего учителя и мог постоять за себя в поединке с любым посетителем фехтовальной школы, а леди Мария (которая сама танцевала чрезвычайно грациозно) со вздохом признала, что при дворе нет джентльмена, который танцевал бы менуэт так изящно, как Уорингтон. Что до верховой езды, то хотя мистер Уорингтон и взял на своем могучем коне несколько уроков у заезжего учителя, но заявил, что для него годится и их виргинская манера ездить и что ни у одного джентльмена и ни у одного жокея здесь он не видел такой прекрасной посадки, как у своего друга полковника Джорджа Вашингтона из Маунт-Вернона.

Угодливый Сэмпсон зажил так, как никогда прежде не жывал. Он неплохо знал большой свет, а рассказывал о нем еще лучше, и Гарри был в

восторге от его историй — как истинных, так и сочиненных. Двадцатилетний юноша смотрит снизу вверх на тридцатилетнего мужчину, восхищается его старыми шутками, лежалыми каламбурами и заплесневелыми анекдотами, которые залиты вином сотен званых обедов. Столичные и университетские шутки Сэмпсона чаровали юного виргинца новизной. Сто лет назад — теперь, конечно, таких людей нет и в помине — в Лондоне имелся круг зрелых мужчин, любивших водить дружбу с богатыми и знатными юнцами, только-только вступающими) в жизнь, распалить юную фантазию забавными историями, играть роль менторов в "Ковент-Гардене" и церемониймейстеров в долговой тюрьме, сопровождать птенцов к игорным столам, за которыми, быть может, держали банк их знакомые банкометы, потягивать лимонад, пока их питомец бутылку за бутылкой пил бургундское, и выходить на улицу, пошатываясь, но с ясной головой, когда заплетающиеся ноги юного лорда несли его бить городских стражников. Вот к этой-то, несомненно, ныне вымершей расе и принадлежал мистер Сэмпсон, — как приятно думать (тем, кто хочет в это верить), что в царствование королевы Виктории совсем не осталось ни льстецов, какими изобиловало царствование ее августейшего пращура, ни прихлебателей, услужливо потворствующих любым разорительным безумствам молодых людей, — короче говоря, какое счастье, что, вылизав дочиста все блюда, все блюдолизы задолго до наших дней погибли от недостатка пищи.

Как мне доводилось читать, некоторые соусы и подливки, остававшиеся на блюдах в те времена, были весьма густы, сытны и душисты. И наш друг Сэмпсон, усердно предававшийся вышеупомянутому занятию, выглядел на диво розовощеким и здоровым. Он стал доверенным поводырем нашего виргинца и, судя по нижеприведенному письму, сохранившемуся в семейном архиве Уорингтонов, мистер Гарри обзавелся не только учителем танцев и учителем фехтования, но еще и наставником, капелланом и секретарем.

"Миссис Эсмонд-Уорингтон, владелице Каслвуда,
в собственный дом в Ричмонде, Виргиния.

Дом миссис Блай, Променад, Танбридж-Уэлз,
25 августа 1756 года.

Милостивая государыня дражайшая матушка!

Ваше милостивое письмо от 20 июня, посланное в Бристоль мистеру Трейлу, было переслано мне без замедления, и я от всей души благодарю вас за доброту и ласку, с какой вы преподали мне благие советы, а также за весточку из милого сердцу дома, который я не стал любить меньше,

побывав в английском доме наших предков.

Я отослал вам письмо с последним ежемесячным пакетботом, уведомляя мою досточтимую матушку о небольшом несчастье, случившемся со мной по дороге сюда, и о добрых друзьях, которые я нашел и которых меня приютили. С тех пор я получил много удовольствия и от превосходной погоды, и от здешнего прекрасного общества в завел много друзей среди нашей аристократии, каковыми знакомствами, полагаю, вы не будете огорчены. Среди этих знатных вельмож я йогу упомянуть прославленного графа Честерфилда, бывшего прежде послом в Голландии и вице-королем Ирландии, а также графа Марча и Раглена, каковой станет герцогом Куинсберри после кончины его светлости, и ее светлость герцогиню, прославленную красавицу времен королевы Анны: она вспомнила, что знавала тогда при дворе моего деда. Эти и другие столь же знатные особы посещают ассамблеи моей тетушки, и в этом многолюдном городке нигде не бывает столь многолюдно, как на ее собраниях. Кроме того, на пути сюда я останавливался в Уэстереме, в доме заслуженного офицера генерал-лейтенанта Вулфа, который служил с моим дедушкой ж генералом Уэббом в знаменитых кампаниях герцога Мальборо. У мистера Вулфа есть сын, подполковник Джеймс Вулф, помолвленный с благородной и красивой девицей, которая сейчас тоже приехала сюда на воды, — мисс Лоутер, и хотя ему только тридцать лет, он слывет одним на лучших офицеров во всей нашей армии и доблестно служил под началом его королевского высочества герцога повсюду, где бряцало наше оружие.

Благодарю мою досточтимую матушку за ее сообщение о том, что мистеру Трейлу поручено выплатить мне 52 фунта 10 шиллингов, как четверть моего годового содержания, В настоящее время я не испытываю нужды в деньгах и, практикуя строжайшую экономию, которая будет необходима (не стану скрывать) для содержания лошадей, Гамбо, экипажа и прочего, без чего не может обойтись молодой джентльмен из хорошей семьи, надеюсь прожить на свои средства, не слишком злоупотребляя вашей щедростью. Белье и одежда, которые я привез с собой, при надлежащей заботе, несомненно, проносятся несколько лет — как вы написали. Светские люди носят здесь более тонкое белье, и мне, возможно, придется купить несколько рубашек самого тонкого полотна для балов и собраний, но для будничных дней мои рубашки очень хороши.

Рад сообщить, что у меня ни разу не было случая прибегнуть к помощи ваших превосходных семейных пилюль. Но их с большой пользой принимает Гамбо, который растолстел и обленился от английской говядины, эля и воздуха. Он шлет своей госпоже смиреннейший поклон и

просит миссис Маунтин передать от него приветы всем его товарищам-слугам, а больше всех — Дине и Лили, которым он на Танбриджской ярмарке купил по колечку с надписью.

Но, предаваясь здешним удовольствиям, прошу мою досточтимую матушку верить, что я не забываю и о моем образовании. Я беру уроки фехтования и танцев, а капеллан милорда Каслвуда, преподобный мистер Сэмпсон, приехавший сюда для пользования водами, был так добр, что занял свободную комнату в моей квартире. Мистер С. завтракает со мной, и мы по утрам вместе читаем он говорит, что я вовсе не такой тупица, каким казался дома. Мы читали "Историю" мистера Рейпина и проповеди доктора Барроу, а для развлечения Шекспира, Гомера в переводе мистера Попа и (по-французски) перевод арабских сказок, очень забавных. Кроме светских людей, сюда прибыло немало литераторов и среди них — мистер Ричардсон, автор прославленных книг, которые так нравились вам, и Маунтин, и моему любимому брату. Он был очень доволен, когда я сказал ему, что его труды хранятся в вашем будуаре в Виргинии, и просил меня передать нижайший поклон госпоже моей матушке. Мистер Р. — низенький толстяк, и в его взоре и в лице не заметно огня гения.

Тетушка и кузина леди Мария посылают вам нежные приветы. Поклонитесь от меня Маунтин, которой я прилагаю записочку от себя, и остаюсь,

милостивая государыня досточтимая матушка, ваш покорный сын
Г. Эсмонд-Уорингтон".

Приписка почерком госпожи Эсмонд:

"От моего сына. Получено 15 октября в Ричмонде. Послано 16 банок персикового варенья, 224 ф. лучшего табака и 24 лучших окорока с "Принцем Уильямом" на Ливерпуль: 8 банок персиков, 12 окороков — моему племяннику высокородному графу Каслвуду, 4 банки, 6 окороков баронессе Бернштейн, столько же того и того миссис Ламберт в Окхерст, графство Суррей, и 50 ф. табака. Баночку целебных семейных пилюль для Гамбо. Большие серебряные с позолотой пряжки папеньки для Гарри и красную попонку с серебряным шнуром".

Э 2 (вложено в Э 1):

"Миссис Маунтин.

Счево это ты, глупая моя Маунтин, вздумала послать мне акредитиф на свои дурацкие праценты, выплачиваемые к рождеству? Мне твои 7 фунтов 10 шиллингов не нужны, и я порвал твой окредитиф на тысячу кусочков. Денег у меня много. Но все равно, я тебе очень признателен. Поцелуй Фанни за твоего любящего

Гарри".

Приписка почерком госпожи Эсмонд:

"Эта записка, которую по моему желанию Маунтин мне показала, доказывает, что у нее доброе сердце и что она хотела выразить свою благодарность нашей семье, отдав свой полугодовой доход (3% годовых от 500 ф. ст.) моему сыну. Поэтому я лишь слегка пожурела ее за то, что она посмела послать деньги мистеру Эсмонду-Уорингтону без ведома его матери. Записка Маунтин написана не так грамотно, как письмо ко мне.

Не забыть. Написать преп. м-ру Сэмпсону о своем желании узнать, какие богосл. книги он читает с Г. Рекомендовать Лоу, Бакстера, Дрелинкорта. Попросить Гарри заняться с м-ром С. катехизисом, в котором он всегда был нетверд. Со следующим кораблем послать персиков (3), табака 25 ф. и окорока для м-ра С."

Мать виргинцев и ее сыновья давно уже ушли в лучший мир. Так как же мы можем объяснить тот факт, что из двух писем, посланных в одном конверте и с одной почтой, первое написано грамотно, а во втором попадаются кое-какие орфографические ошибки? Может быть, Гарри отыскал какого-нибудь чудесного учителя, подобного существующим в наши счастливые времена, который научил его писать грамотно за шесть уроков? Я же, внимательно изучив оба письма, пришел к следующему выводу: письмо Э 1, в котором имеется одна грамматическая погрешность ("о добрых друзьях, которые я нашел и которых меня приютили"), по-видимому, переписывалось с черновика, возможно, проверенного секретарем или приятелем. Более безыскусственное сочинение за Э 2 не было отдано ученому, подготовившему Э 1 для материнского ока, после чего мистер Уорингтон по рассеянности поменял местами "которые" и "которых". Кто знает, что его отвлекло? Гарри мог заглядеться в окно на хорошенькую модисточку, на лужайке мог начать отплясывать ученый медведь под волынку и бубен, к его окну мог подъехать жокей, чтобы показать ему лошадь. Выпадают дни, когда на любого из нас находит противуграмматический стих и мы делаем ошибки. И, наконец, предположим, что Гарри просто не хотел щеголять перед миссис Маунтин столь элегантным правописанием, как перед госпожой своей матушкой — так какое до этого дело нынешнему летописцу, нынешнему веку, нынешнему читателю? А если вы возразите, что мистер Уорингтон в вышеприведенном послании к матери выказал в отношении этой почтенной особы немалое лицемерие и немалую сдержанность, то, милые молодые люди, вы в ваше время, не сомневаюсь, написали не одно и не два чинных письма папеньке, и маменьке, в которых описывали отнюдь не все события

вашей жизни — или же описывали их в свете, наиболее для себя благоприятном... Да и вы, милые старички, и вы в ваше время тоже были не намного откровеннее. Между мной и моим сыном Джеки не может не быть некоторой дистанции. Между нами должна существовать малая толика почтительного, дружеского, добродетельного лицемерия. Я вовсе не хочу, чтобы он обходился со мной как с равным, возражал мне, располагался в моем кресле, первым читал газету за завтраком, звал к обеду неограниченное число приятелей, когда я приглашаю своих друзей, и так далее. А там, где нет равенства, без лицемерия не обойтись. Оставайтесь по-прежнему слепы к моим недостаткам, сидите тихо, как мышки, когда я засыпаю после обеда, смейтесь моим старым шуткам, восхищайтесь моими изречениями, удивляйтесь наглости беспардонных критиков, будьте милыми, послушными притворщиками, дети мои! Я — король в своем замке. Так пусть же все мои придворные почтительно пятятся передо мной. Это не их обычная манера ходить, я знаю, но зато она достойна, приличествует их положению, скромна и весьма мне приятна. Вдали от меня пусть они ведут себя... да нет, они и ведут себя, как хотят. Пусть они прыгают, скачут, танцуют, бегают, кувыркаются и дрыгают ногами, как душе угодно, когда не находятся в моем августейшем присутствии. А посему, юные мои друзья, не удивляйтесь, если ваша маменька или тетушка негодуяюще воскликнет: "Мистер Уорингтон вел себя очень безнравственно и неприлично, посылая своей милой мамочке притвора" скромные письма, когда на самом деле он занимался всякими проказами и шалостями!" — но сделайте книксен и скажите: "Да, милая бабушка (или тетенька, смотря не тому, с кем вы будете беседовать), он поступал очень дурно, и, наверное, вы, когда были молоды, нисколько не веселились". Разумеется, она не веселилась! И солнце не вставало по утрам, и бутоны не распускались, и кровь не играла, и скрипки не пели в ее весенние дни. Eh, Babette! Mon lait de roule et mon bonnet de nuit! {Эй, Бабетта! Подай мне гоголь-моголь и ночной колпак! (франц.)} Эй, Бетти! Мою овсянку и ночные туфли! А вы идите, резвые малютки! И танцуйте, и весело ужинайте пирогами и пивом!

^ТГлава XXXI ^U

Медведь и поводырь

Наши великодушные читатели знают, что на самом деле произошло между Гарри Уорингтоном и злополучной Катариной, однако в Танбридже немало старых дам считало, будто виргинец в распущенности не уступит ни одному из самых знатных великосветских молодых повес, и меньше всех верила в невинность своего племянника госпожа де Бернштейн. Старуха была твердо убеждена, что Гарри ведет не только веселую, но и

беспутную жизнь, и вера эта порождалась тайным желанием, чтобы он оказался не лучше своих ближних. Она была рада, что ее племянник усердно соблюдает устав ее монастыря. Сплетня о ловласовских похождениях мистера Уорингтона доставляли ей немалое удовольствие. Мы уже знаем, при каких обстоятельствах Гарри раза два развлекал танбриджское общество чаем и музыкой, и он был так галантен и любезен с дамами (притом с дамами куда более красивыми и добродетельными, чем бедуяжка Катарина), что госпожу Бернштейн совсем перестала тревожить глупенькая любовная интрижка, завязавшаяся в Каслвуде, и она больше уже не следила за леди Марией с прежней бдительностью. Некоторые люди — и особенно люди преклонных лет — слишком эгоистичны, чтобы долго заниматься делами ближних. Баронессе нужно было думать о козырях, об обедах, о ревматических болях, и ее подозрения, касавшиеся Марии и Гарри, еще недавно столь сильные, теперь понемногу рассеивались, и она почти прекратила наблюдение за этой парой. Быть может, баронесса думала, что опасность миновала, быть может, это перестало ее заботить, а может быть, коварная Мария своей кроткой покорностью совсем улестила, успокоила и сбила с толку старого дракона, под охрану которого она была отдана. В возрасте Марии — о нет, даже еще раньше девицы постигают все тонкости лукавства, а в возрасте госпожи Бернштейн драконы несколько утрачивают былую свирепость и бдительность. У них уже нет прежней быстроты, их старые зубы могли и выпасть, а старые глаза требуют больше сна, чем в те дни, когда драконы эти были наиболее стремительны, ядовиты и опасны. Я, со своей стороны, знаю кое-каких драконш, *de par le monde* {Кое-где (франц.)}, и, вспоминая теперь, какими они были прежде, я восхищаюсь умиротворяющим влиянием, которое оказали годы на былых губителей мужчин и женщин. Неуязвимая чешуя стала такой мягкой, что любой рыцарь, с умеренным искусством владеющий копьем, сумеет пронзить ее, когти, некогда способные вырвать тысячу глаз, теперь лишь бессильно скользят, — почти не царапая кожу, а языки мечут из-за беззубых десен яд неприятный, но уже не смертельный. Взгляните, как волочат они свои утомленные хвосты, с каким трудом уползают в пещеру на ночь. О, как мало могут они теперь вредить! Их злокозненность — какой безобидной она стала] До чего переменились они с тех далеких дней, когда их глаза брызгали жестоким пламенем, языки источали яд, дыхание испепеляло репутации и они пожирали каждый день не менее одной жертвы!

Если доброе окхерстское семейство не устояло против представленных ему свидетельств дурного поведения Гарри, так почему же

госпожа Бернштейн, которая за свою долгую жизнь повидала куда больше зла, чем все члены окхерстской семьи, вместе взятые, почему она должна была оказаться более недоверчивой? Разумеется, любая старуха из кружка ее милости свято верила всем историям о распущенности мистера Гарри Уорингтона и готова была столь же свято поверить каждой новой сплетне. Когда малютка танцовщица в конце концов уехала в Лондон, она поступила так только потому, что бессердечный Гарри ее покинул. А покинул он ее ради... тут с уверенностью называлось имя — но чье же? Любое из десятка имен, которые в подобных случаях имело обыкновение сообщать шепотом общество на Танбриджских водах, где собирались люди всех рангов и положений, дамы большого света, дамы с репутацией, дамы с сомнительной репутацией, добродетельные и недобродетельные — все они смешивались в одном курзале, танцевали под одни скрипки, пили у источников из одних и тех же стаканов и равно искали здесь здоровья, общества или развлечений. В прошлом веке наши предки, и самые веселые, и самые чопорные, имели обыкновение встречаться на полдюжине курортов, вроде того, где происходили описываемые события, и танцевали, проказничали, играли в азартные игры и пили в Эпсоме, Бате, Танбридже, Харрогете, как теперь в Гамбурге и Бадене.

Таким образом, скверная репутация Гарри чрезвычайно утешала его тетушку, и страсть юноши к леди Марии больше ее не беспокоила. Настолько не беспокоила, что госпожа Бернштейн, услышав, что капеллан приехал, чтобы сопровождать ее милость на обратном пути домой, не пожелала расстаться с племянницей. Баронессе было приятнее держать леди Марию при себе, беседовать с ней о шалостях ее повесы-кузена, шептать ей, что мальчики остаются мальчиками, рассказывать Марии о своем намерении подыскать для Гарри жену девушку, подходящую ему по возрасту... девушку, подходящую ему по состоянию, и бедная Мария должна была переносить это со всем терпением, на какое у нее хватало сил.

В прошлом веке жил некий французский герцог и маркиз, который равно отличался в Европе и в Америке и облагодетельствовал потомков изысканными мемуарами, заглядывать в которые прелестным читательницам отнюдь не следует. Сыграв роль Дон-Жуана в своей стране, в нашей и в иных частях Европы, он любезно записал имена многих придворных красавиц, не устоявших перед его чарами, — как, наверное, приятно читать это внукам и правнукам тех знатных особ, в обществе которых вращался наш блистательный вельможа, и обнаруживать, что остроумные писания господина герцога украшены именами их бабушек и прабабушек, о чьих проступках не счел нужным умолчать откровенный

автор, в них повинный.

Во время своих странствований этот вельможа посетил Северную Америку, и, как было у него в обычае, незамедлительно поспешил влюбиться. И довольно любопытно сравнить элегантную утонченность европейского общества, где, если верить его светлости, ему достаточно было только повести осаду красавицы, чтобы она тотчас сдалась, с простотой жизни и обычаев обитателей колоний, где европейскому волоките не удалось, по-видимому, одержать ни единой победы. Если бы дело обстояло иначе, он, несомненно, не преминул бы перечислить свои успехи в Пенсильвании и Новой Англии, как перечислил победы над своими соотечественницами и нашими. Путешественники, знакомившиеся с Америкой, достаточно громко вопиют о грубых и варварских заокеанских манерах, так позвольте же автору этой хроники смиренно засвидетельствовать, что, по его опыту, американские джентльмены обычно скромны в своих речах, а женщины там, насколько ему известно, чисты и целомудренны.

Мы уже говорили, что Гарри Уорингтон привез с собой в отчий край и свою скромность, и хотя он не мог не слушать вольных разговоров великосветских бездельников, в чьем обществе проводил время, сам он среди их несдержанной болтовни хранил молчание, никогда не позволял себе *double entendre* {Двусмысленности (франц.).} с женщинами, не одерживал никаких побед и не хвастал ими, а когда выслушивал повесть о чужих победах, смущался и чувствовал большую неловкость.

Мистер Сэмпсон подметил эту юношескую застенчивость еще в Каслвуде, так как мистер Уорингтон терялся и краснел, когда мистер Уилл принимался рассказывать свои любимые историйки. В конце концов милорд сурово отчитал брата, попросив его приберечь свои шуточки для стола придворных чинов в Кенсингтоне и не докучать ими кузену. Потому-то капеллан с такой настойчивостью попросил о *Reverentia pueris* {Уважении к юности (лат.).} своего соседа за столом в "Белом Конне", когда туда явился Гарри. Сам же мистер Сэмпсон, хотя у него и не хватало силы воли вести праведную жизнь, во всяком случае, был настолько порядочен, что не смущал своим цинизмом простодушных юношей.

Капеллан был очень тронут тем, что Гарри вернул ему лошадь, и почувствовал к юному виргинцу искреннее расположение.

— Видите ли, сэр, — объяснял он, — я живу в мире и должен поступать, как поступают все. Мне живется не очень-то легко, мистер Уорингтон, и я не могу быть щепетильнее тех, с кем имею дело. *Video meliora, deteriora sequor* {Вижу лучшее, но следую худшему (лат.).}, как мы

говаривали в колледже. У женя есть сестричка, — она учится в пансионе неподалеку отсюда, — и раз я слежу за своим языком, когда разговариваю с моей маленькой Пэтти, и от других требую того же, то должен сделать столько же и для вас.

Капеллан не скупился на похвалы Гарри в беседах с его тетушкой, старой баронессой. Ей доставляло удовольствие слушать, как хвалят ее племянника. Она отдавала ему всю любовь, на какую была способна; ей нравилось его общество, его красота, его мужественные манеры, краска застенчивости, так легко заливавшая его щеки, нравились его ясные глаза, его юношеский басок. Его здравый смысл и простодушие постоянно развлекали ее. Будь он умен, учен или остроумен — будь он не таким, каким он был, — он давно ей надоел бы.

— Нам надо подыскать ему хорошую жену, капеллан, — сказала она как-то. — У меня есть для него кое-кто на примете. Мы должны помочь ему утвердиться здесь, — ведь теперь ему будет непереносимо вернуться к своим дикарям, да он уже и не сумеет ужиться с этой методисточкой, его матушкой.

Тема эта также очень занимала мистера Сэмпсона, у которого тоже была на примете жена для Гарри. Вероятно, в Каслвуде у него были еще разговоры с милордом, который, как мы слышали, выразил намерение наградить своего капеллана хорошим приходом или еще чем-нибудь стиль же доходным, если бы тому удалось споспешествовать желаниям его сиятельства касательно замужества леди Марии. Сэмпсон был готов всеми силами помочь этой благородной девице, озабоченной поисками мужа, и теперь он старался разобраться, как обстоят дела, чтобы в нужную минуту пустить в ход свое влияние.

Сэмпсон был очень приятным собеседником, и уже через несколько часов они с молодым виргинцем сошлись очень коротко. Священник был наделен веселым характером, прекрасным аппетитом и добродушием, же отличался большой разборчивостью и чуждался ханжеских душеспасительных нравоучений, но при этом тщательно избегал легкомысленных и вольных разговоров, которые могли быть неприятны его молодому другу, — возможно, он совестился посвящать своего ученика в тайны, им самим, увы, слишком хорошо постигнутые, и он ограничивался, так сказать, второстепенными секретами. Для Гарри Сэмпсон был только веселым, находчивым и неутомимым товарищем в развлечениях, всегда готовым принять участие в пирушке, в любом состязании, в петушиных боях, в карточной игре или верховой прогулке, но его речи были пристойны, и он старался доставить удовольствие молодому виргинцу, а не

свести его с пути истинного. И в этом капеллан преуспевал: он обладал не только природным умом, то и плотским жизнелюбием, а также не только богатым опытом в лизоблюдстве, но и истинным призванием к этому занятию, которым он снискивал себе хлеб насущный с ранней юности — с тех самых пор, как он был принят в колледж служителем и начал изыскивать способы преуспеть. Когда мы выше заметили, что блюдолизы теперь перевелись, это была лишь саркастическая шутка. Без сомнения, и ныне множество людей следует призванию Сэмпсона более того, родители отсылают маленьких мальчиков в пансионы с соответствующими наставлениями, и там они в самом нежном возрасте начинают обучаться лизоблюдству. Только лесть теперь стала не столь явной, как сто лет назад. У молодых людей и у старых есть свои прихлебатели и льстецы, во они держатся с фамильярностью равных, занимают деньги, блюда лижут, только когда этого никто не видит, и разгуливают под руку с великим человеком, называя его просто по имени, без всяких титулов. В те добрые старые времена, когда Гарри Уорингтон впервые посетил Европу, прихлебатель не позволял себе ни малейшей фамильярности, открыто пресмыкался перед своим патроном, именуя его так в разговорах с другими людьми, выполнял его поручения — любые, какие только могли прийти патрону на ум, — называл его "сэр", садился в его присутствии, только когда его приглашали сесть, и льстил ему *ex officio* {По долгу службы (лат.)}. Мистер Сэмпсон, нисколько не стыдясь, именовал Гарри своим молодым патроном — юным виргинским вельможей, которого поручил его заботам другой его благородный патрон, граф Каслвуд. Он гордился тем, что может появляться на людях вместе с Гарри в качестве его смиренного служителя, рассказывал про него сотрапезникам за табльдотом, отдавал распоряжения поставщикам Гарри, от которых, будем надеяться, ему перепала некоторая толика в благодарность за рекомендацию, и вообще исполнял обязанности адъютанта — как исполнял бы некоторые другие, буде наш юный джентльмен потребовал бы их от услужливого священника, который уже столько раз с величайшей радостью играл роль *ami du prince* {Друга принца (франц.)} при многих молодых вельможах. Приходится сознаться, что далеко не все знакомства, которые завел мистер Уорингтон со времени своего прибытия в Англию, были очень удачными.

— Какую репутацию создали вам здесь, сэр! — сообщил мистер Сэмпсон своему патрону, вернувшись из кофейни. — Мосье де Ришелье — ничто в сравнении с вами!

— При чем тут мосье де Ришелье? Я в жизни не бывал на Минорке, — заявил бесхитростный Гарри, ничего не знавший о победах, которыми этот

французский герцог прославился у себя на родине.

Мистер Сэмпсон рассеял его недоумение. Хорошенькая вдовушка миссис Пэтчем, только что приехавшая на воды, без всякого сомнения, потеряла голову из-за мистера Уорингтона: ее вчерашнее поведение в курзале — верное тому доказательство. Ну, а про миссис Хупер известно всем — олдермен увез свою супругу в Лондон только по этой причине. В Танбридже ни о чем другом не говорят.

— Кто это выдумал? — вскричал Гарри в негодовании. — Дайте мне встретиться с этим негодяем, и я его обличу!

— Ну, я побоялся бы указать вам его, — со смехом ответил мистер Сэмпсон. — Ему, наверное, не поздоровилось бы.

— Какая гнусность — чернить так репутацию женщин... да и мужчин тоже, продолжал мистер Уорингтон, в бешенстве расхаживая по комнате.

— Это я им и сказал, — объявил капеллан, печально покачивая головой с самым серьезным и возмущенным видом, хотя на самом деле он и не думал сердиться, когда в его присутствии Гарри приписывали такого рода шалости.

— Повторяю, это гнусность — чернить людей, как это принято здесь. У нас в Виргинии подобный сплетник скоро лишился бы ушей, а перед самым моим отъездом трое братьев застрелили мерзавца, который посмел злословить о их сестре.

— Негодяй получил по заслугам! — вскричал мистер Сэмпсон.

— Они уже успели распустить обо мне клевету, Сэмпсон, — обо мне и бедняжке французской танцовщице.

— Слышал-слышал, — отозвался мистер Сэмпсон, скорбно вытряхивая пудру из парика.

— Гнусность, верно?

— Неслыханная гнусность!

— И то же самое они говорили про лорда Марча. Мерзость, верно?

— О, несомненно! — поддакнул мистер Сэмпсон, сохраняя на лице невозмутимую серьезность.

— Просто не знаю, что было бы, дойди эти рассказы до ушей матушки. Они разбили бы ей сердце — право, разбили бы. Да всего за несколько дней до вашего приезда сюда мой друг полковник, мистер Вулф, сказал мне, какие чудовищные ходят обо мне сплетни. Боже великий! Неужто они верят, будто джентльмен с моим именем, уроженец моей страны способен... Я — соблазнитель? Почему бы не назвать меня заодно конокрадом или грабителем с большой дороги? Клянусь, если кто-нибудь посмеет при мне сказать что-либо подобное, я отрежу ему уши!

— Мне приходилось читать, сэр, что турецкому султану иногда присылают засоленные уши целыми бочками, — со смехом заметил мистер Сэмпсон. — Если вы начнете отрезать все уши, которые слышали сплетни про вас или про других людей, вам не напастись для них корзин!

— И пусть, Сэмпсон! Я не дам им спуску — ни одному мерзавцу, который посмеет сказать хоть слово в поношение благородной дамы или джентльмена! воскликнул виргинец.

— Если вы прогуляетесь у источника, то соберете богатый урожай ушей. Я только что оттуда — там бушует настоящая буря сплетен и злословия. И вы можете наблюдать *pumphas discentes* {Ученых нимф (лат.)} и *aures satirorum acutas* {Острые рога сатиров (лат.)}, — объявил капеллан, пожимая плечами.

— Может быть, все это и так, Сэмпсон, — ответил мистер Уорингтон, — но если я услышу, как кто-нибудь чернит меня, я его проучу! Помяните мое слово.

— Мне будет очень его жаль, сэр, потому что ему придется несладко, ведь я знаю, что вы держите свои обещания.

— Не сомневайтесь, Сэмпсон. Ну, а теперь не пойти ли нам пообедать, перед тем как отправиться на чай к леди Тузингтон?

— Вам известно, сэр, что я не в силах устоять ни перед колодой карт, ни перед бутылкой, — ответил мистер Сэмпсон. — Давайте начнем с последней, чтобы кончить первой. — И оба джентльмена отправились в свою излюбленную ресторанцию.

В том веке винопитие было куда более в ходу, чем в наши благонравные времена, и молодой виргинец после прибытия в его родные края армии генерала Брэддока почувствовал большой вкус к этому занятию и охотно наполнял свой бокал и провозглашал тосты, узнав от офицеров, что человек чести не отказывается ни от тоста, ни от вызова. Поэтому Гарри с капелланом спокойно и усердно попивали бордо, поднимая каждый бокал, по безыскусственному обычаю тех дней, за здоровье какой-нибудь дамы.

Капеллану по какой-то своей причине очень хотелось узнать, как обстоят дела между Гарри и леди Марией, — длится ли еще их роман или он подошел к концу, а к этому времени бордо уже достаточно развязало им языки и придало беседе то дивное красноречив, ту откровенность и дружескую непринужденность, которые дарит нам хорошее вино посла неблагоразумно обильных возлияний. О, благодатные плоды аквитанских лоз! О, солнечные берега Гаронны! О; милые погреба Гледстейна и Морела, где покоятся пыльные бутылки! Неужели нам нельзя вознести

благодарность за те радости, которыми мы обязаны вам? Или только одним поборникам трезвости разрешается вопить на площадях? Только вегетарианцам можно реветь: "Да здравствует капуста во веки веков!"? А нам, скромным винолюбам, нельзя воспеть хвалу возлюбленному нашему растению? Когда пьешь доброе бордоское вино, то рано или поздно достигаешь черты (я не говорю — "чарки"), за которой пробуждаются и обретают полную силу все благороднейшие свойства души, за которой начинает блистать свежайшее остроумие, за которой разум становится острым и всеобъемлющим, за которой сокровенные слова и заветные мысли вырываются из плена и резвятся на свободе, за которой нежнейшая благожелательность жарко жмет руку всем и каждому и робкая истина без покровов выходит из своего колодца и объявляет о себе всему свету. О, как под благодетельным влиянием вина пригреваем мы сырых и обездоленных! Как доблестно бросаемся мы на помощь обиженным! Перед лицом всех насосов, когда-либо качавших воду, я торжественно заявляю, что бутылка хорошего вина таит в себе минуту, которая, удайся ее удержать, навеки одарила бы пьющего остроумием, мудростью, храбростью, великодушием, красноречием и счастьем, но минута эта уходит невозвратно, и следующая рюмка почему-то бесповоротно губит состояние благодати. А утром голова трещит от боли, и мы уже не будем выставлять свою кандидатуру в парламент от нашего родного городка и не будем стреляться с французскими офицерами, непочтительно отозвавшимися о нашей стране, а когда в одиннадцать часов бедняга Джереми Диддлер является за вторым полусовереном, мы совсем больны и не можем его принять, и он уходит с пустыми руками.

Итак, наши друзья предавались щедрым возлияниям, и когда остальное общество разошлось, а мосье Барбо принес ...надцатую бутылку бордо, капеллан почувствовал прилив красноречия и властное желание проповедовать высокие нравственные принципы, а Гарри ощутил непреодолимую потребность поведать своему новому другу всю историю своей жизни и посвятить его во все тайны своей души. Заметьте это! Почему, ну почему должен человек сообщать вслух то, что больше всего занимает его благородные мысли, — и потому лишь, что он выпил на полпинты больше вина, чем обычно? Предположим, я совершил убийство (разумеется, за обедом у меня подают херес и шампанское), так неужели, когда за десертом будет откупорена третья бутылка бордо, я должен буду объявить об этом прискорбном обстоятельстве (дружеской мужской компании)? Безусловно вот этим-то и объясняется приверженность к жидкой кашке, о которой упоминалось несколько страниц назад.

— Я рад, что узнал, как вы вели себя с Катариной на самом деле, мистер Уорингтон. От всей души рад! — объявил пылкий Сэмпсон. — Ваш черед наливать. Вы показали, что можете противостоять злословию и не поддаваться соблазну. Ах, любезный сэр! Не все люди столь счастливы! Что за превосходное вино! — И, допив рюмку, он добавил: — Какой же тост предложите вы теперь, любезный сэр?

— Здоровье мисс Фанни Маунтин из Виргинии, — сказал мистер Уорингтон, наливая вино, а его мысли унеслись за много тысяч миль домой.

— Наверное, одна из ваших американских побед? — заметил капеллан.

— Да нет, ей пошел только одиннадцатый год, а в Виргинии я никогда никаких побед не одерживал, мистер Сэмпсон, — ответил молодой человек.

— Вы истинный джентльмен, сэр, — целуя, вы молчите об этом.

— Я не целую и молчу. У нас в Виргинии, Сэмпсон, не в обычае губить девушек или проводить время в обществе потерянных женщин. Мы, виргинские джентльмены, чтим женщин и не ищем их позора, — вскричал Гарри, и вид у него при этом был очень гордый и красивый. — Та, чье имя я назвал, росла в нашей семье с младенчества, и я застрелю негодяя, который посмеет ее обидеть. Небом клянусь — застрелю!

— Ваши чувства делают вам честь. Позвольте пожать вашу руку. Я должен пожать вам руку, мистер Уорингтон, — вскричал восторженный капеллан. — И разрешите сказать вам, что это было самое искреннее, самое дружеское пожатие, а вовсе не попытка бедняка угодить богатому патрону. Нет! Такое вино уравнивает всех людей... да, всяк богат, пока оно не иссякло. И с этой бутылкой Том Сэмпсон не беднее вас с вашим княжеством.

— Так разопьем еще бутылочку злата, — сказал со смехом Гарри. — *Encore du cachet jaune, mon bon Monsieur Barbeau!* {Еще одну желтую головку, мой добрый мосье Барбо! (франц.).} — И мосье Барбо удалился в погреб.

— Еще бутылочку злата! Превосходно! А как чудесно вы говорите по-французски, мистер Гарри.

— Да, я хорошо говорю по-французски, — объявил Гарри. — Во всяком случае, мосье Барбо меня понимает.

— По-моему, вы все делаете хорошо. Вы преуспеваете во всем, за что ни возьметесь. Вот почему тут воображают, сэр, что вы завоевали сердца стольких женщин.

— Ну вот, опять вы про женщин! Сколько раз мне повторять, что мне не нравятся эти историйки про женщин! Черт меня подери, Сэмпсон, ну зачем им надо чернить репутацию джентльмена?

— Во всяком случае, сэр, одна такая женщина есть, если только глаза меня не обманывают! — воскликнул капеллан.

— О ком вы? — спросил Гарри, багрово краснея.

— Нет, имен я не называю. Не бедняку капеллану вмешиваться в дела тех, кто выше его, или проникать в их мысли.

— Мысли? Какие еще мысли, Сэмпсон?

— Мне казалось, что я замечал в Каслвуде у одной прелестной и знатной особы явные признаки сердечной склонности. Мне казалось, что некий благородный молодой джентльмен пылает страстью, но, может быть, я ошибся и смиренно прошу прощения.

— Ах, Сэмпсон, Сэмпсон! — перебил его юноша. — Я очень несчастен. Я давно хотел кому-нибудь довериться, попросить совета. Так, значит, вы знаете, что происходило... между мной и... Налейте мистеру Сэмпсону, мосье Барбо... и... и одной особой?

— Я наблюдал это весь прошлый месяц.

— Черт побери, сударь, вы признаетесь, что шпионили за мной? — гневно воскликнул Гарри.

— Шпионил? Но ведь вы ничего и не скрывали, мистер Уорингтон, а ее милость — тоже плохая обманщица. Вы все время были вместе. В беседках, в аллеях, в деревне, в коридорах замка — вы всегда находили предлог искать общества друг друга, а за вами наблюдало много глаз помимо моих.

— Боже милостивый! Так что же вы видели, Сэмпсон? — воскликнул юноша.

— О нет, сэр! О поцелуях следует молчать. Я готов снова это повторить, — объявил капеллан.

Молодой человек покраснел еще больше.

— Ах, Сэмпсон, — вскричал он, — могу ли я... могу ли я довериться вам?

— Любезнейший сэр! Милейший, великодушнейший юноша! Вы ведь знаете, что я готов пролить за вас кровь моего сердца! — восклицал капеллан, пожимая руку своего покровителя и возводя блестящие глаза к потолку.

— Ах, Сэмпсон, как я несчастен! Послушайте, я тут играю в карты и пью вино, но только для того, чтобы рассеяться. Признаюсь вам, что в Каслвуде между некой особой и мной что-то произошло.

Капеллан присвистнул над рюмкой бордо,

— И от этого-то я и несчастен. Понимаете, если джентльмен дал слово, то, значит, он его дал и должен сдержать. Понимаете, я думал, что люблю ее, — да, и люблю очень сильно, потому что она милая, добрая, нежная и, кроме того, хорошенькая — настоящая красавица, но ведь вам известна разница в нашем возрасте, Сэмпсон. Подумайте, какая между нами разница в возрасте, Сэмпсон! Она не моложе моей матери!

— Которая вам этого никогда не простит.

— Я не позволю вмешиваться в мои дела! Ни госпоже Эсмонд, ни кому бы то ни было еще! — воскликнул Гарри. — Но понимаете, Сэмпсон, она, правда, немолода и... О, черт возьми! Зачем только тетушка сказала мне это!

— Но что?

— То, чего я не могу открыть никому, то, что причиняет мне невыносимые муки!

— Но не про... не про... — Капеллан припомнил интрижку ее милости с французским учителем танцев и кое-какие другие историйки, бросавшие некоторую тень на ее репутацию, но вовремя умолк. Выть может, он выпил слишком мало и вино еще не успело расположить его к полной откровенности, а может быть, слишком много, я минута душевного благородства осталась уже позади.

— Да-да! Они все фальшивые — все до одного! — возопил Гарри.

— Силы небесные, о чем это вы? — осведомился его друг.

— Вот о чем, сударь, вот о чем! — ответил Гарри, выбивая дробь на своих белоснежных зубах. — Я не знал этого, когда делал ей предложение. Клянусь, не знал! Как это ужасно, как ужасно! Сколько мучительных ночей провел я из-за этого, Сэмпсон. У моего милого дедушки были вставные челюсти — их ему изготовил один француз в Чарлстоне, — и мы подглядывали, как они скалились в стакане с водой, а когда он их вынимал изо рта, щеки у него сразу западали... Мне и в голову не приходило, что у нее тоже...

— Но что, сэр? — снова спросил капеллан.

— Черт побери, сударь! Разве вы не понимаете, что я говорю о зубах? сказал Гарри, стуча по столу.

— Но ведь их таких только два.

— А вам откуда это известно, сударь, черт побери? — в ярости осведомился молодой человек.

— Я... от ее горничной. Ей выбило два зуба камнем, который, кроме того, немного рассек губу, и их пришлось заменить.

— Ах, Сэмпсон! Неужели вы хотите сказать что они не все поддельные? воскликнул юноша.

— Всего два, сэр. Во всяком случае, так говорила Пегги, а она выболтала бы всю подноготную и об остальных тридцати — они такие же настоящие, как ваши собственные зубы, а у вас зубы прекрасные.

— А ее волосы, Сэмпсон, они тоже настоящие? — спросил молодой джентльмен,

— Они изумительны — это я могу подтвердить хоть под присягой. Ее милость может сидеть на них, а фигура у нее великолепна, казна белее снега, а сердце — добрейшее в мире, и я знаю.... то есть, я убежден, что оно полно вами, мистер Уорингтон.

— Ах, Сэмпсон! Пусть небо, пусть небо благословит вас! Какую тяжесть вы сняли с моей души этими... этими... ну, неважно! Ах, Сэм! Как счастлив... то есть... нет-нет, как я несчастлив! Она не моложе госпожи Эсмонд — черт побери, это так! Она не моложе моей матери! Неужели человек должен жениться на женщине, которая не моложе его матери? Это уж слишком, черт возьми! Да, слишком! — И тут, как ни прискорбно, Гарри Эсмонд-Уорингтон, эсквайр из Каслвуда в Виргинии, вдруг расплакался. Видите ли, блаженная черта была пройдена уже несколько рюмок тому назад.

— Так, значит, вы не хотите жениться на ней? — спросил капеллан.

— А вам-то что до этого, сударь? Я дал ей слово, а у Эсмонда — у виргинского Эсмонда, заметьте, мистер... как бишь вас?.. Сэмпсон... кроме его слова, нет ничего.

Мысль была, безусловно, благородной, но выразил ее Гарри несколько заплетающимся языком.

— Заметьте, я сказал "виргинский Эсмонд", — продолжал бедняга Гарри, назидательно поднимая палец. — Я не говорю о здешней младшей ветви. Я не говорю о Уилле, который надул меня с лошастью, — я ему переломаю все кости. Леди Мария тут ни при чем... да благословит ее бог! И да благословит бог вас, Сэмпсон! Вы заслуживаете, чтобы вас сделали епископом, старина!

— Я полагаю, вы обменивались письмами? — спросил Сэмпсон.

— Письмами! Черт возьми, она только и делает, что пишет мне письма. Чуть отведет меня в оконную нишу, и уже засовывает письмо мне за манжету. Письма — насмешили просто! Вот они, письма! — И юноша бросил на стол бумажник с пачкой эпистол бедняжки Марии.

— Да, это письма, ничего не скажешь! Целая почтовая сумка! — заметил капеллан.

— Но тот, кто посмеет коснуться их... будет убит... на месте! — возопил Гарри, встал со стула и, пошатываясь, побрел за своей шпагой.

Обнажив ее, он притопнул ногой, сказал "ха-ха!" и сделал выпад, целясь в грудь мосье Барбо, ловко укрывшегося за спиной капеллана, который не на шутку встревожился. Я знаю, нашлось бы немало более интересных картин, чем те, которые мы посвящали Гарри в этом месяце, однако наш юноша, когда он со всклокоченными волосами метался по зале *flamberge au vent* {Со шпагой наголо (франц.)}, стараясь заколоть перепуганных трактирщика и капеллана, мог бы дать недурную пищу карандашу. Но увы, он споткнулся о табурет и был повержен в прах врагом, похитившим его рассудок. Эй, Гамбо! Помоги своему господину добраться до постели!

Глава XXXII

в которой приказывают заложить семейную карету

Теперь нам предстоит выполнить приятную обязанность, а именно — открыть секрет, который мистер Ламберт шепнул на ушко жене в конце главы двадцать девятой, — секрет, вызвавший такое ликование, когда наутро его узнали все члены окхерстского семейства. Так как сено было уже убрано, а хлеба еще не созрели и рабочие лошади томились от безделья, то почему бы, спросил мистер Ламберт, не запрячь их в карету и не отправиться всем нам в Танбридж-Уэлз, заехав по дороге за нашим другом Вулфом в Уэстерем?

Маменька с восторгом согласилась на это предложение, не преминув, я полагаю, нежно поцеловать добросердечного джентльмена, его сделавшего. Все дети запрыгали от радости. Девицы немедленно отправились паковать свои лучшие казакины, карако, рюши, оборки, мантильи, накидки, редингтоны, пеньюары, шали, шляпки, ленты, пелерины, чулочки со стрелками, туфельки на высоких каблуках и уж не знаю какие еще принадлежности туалета. Парадные наряды маменьки были извлечены из шкафов, откуда они появлялись на свет лишь в самых редких и торжественных случаях, чтобы затем вновь упокоиться там в лаванде и уединении; бравый полковник достал шляпу с позументом, парадный камзол и шпагу с серебряным эфесом; Чарли ликовал, получив праздничный кафтан своего отца, в котором полковник венчался и который миссис Ламберт перешла не без некоторой грусти. Хвосты и гривы Бочонка и Клецки были подвязаны лентами, и к ним припрягли Серого, старого водовозного коня, чтобы он помогал им тащить карету первые пять миль по холмам между Окхерстом и Уэстеремом. Карета была весьма почтенной колымагой и, по семейной легенде, участвовала в кортеже, который сопровождал Георга I из Гринвича в Лондон, когда он прибыл в Англию, дабы воссесть на ее престол. Карета эта перешла к ним от отца мистера Ламберта, и вся семья всегда считала ее одним из великолепнейших экипажей Соединенного Королевства. На козлы водворился Брайан, кучер, а также — неужели надо признаться и в этом? — пахарь окхерстского семейства, рядом с ним уселся мистер Чарли. Драгоценные наряды покоились в сундуках на крыше. Пистолеты полковника были положены в карман кареты, а мушкет повешен за козлами, под рукой у Брайана, который был старым солдатом. Однако ни

один разбойник не напал на наших путешественников, и даже содержателям гостиниц не удалось ограбить полковника Ламберта, который, как обладатель тощего кошелька и большого семейства, не собирался позволить этим или иным хищникам большой дороги поживиться за его счет. Его молодой друг полковник Вулф снял для них за умеренную плату скромное помещение в доме, где имел обыкновение останавливаться сам и куда не преминул теперь их проводить.

Оказалось, что квартира эта расположена напротив жилища госпожи Бернштейн, и окхерстское семейство, прибывшее в Танбридж в субботу вечером, имело удовольствие созерцать, как бесчисленные портшезы извергали напудренных щеголей и красавиц в мушках и парче у дверей баронессы, дававшей один из своих обычных карточных вечеров. Солнце еще не зашло (ибо наши предки приступали к своим развлечениям спозаранку и пировали, пили или играли в карты с трех часов пополудни до поздней ночи, а то и до позднего утра), и ваши провинциалочки вместе с маленькой могли из своего овна без помех рассматривать гостей, прибывавших на раут госпожи де Бернштейн. Полковник Вулф называл им имена большинства входивших; это было почти так же весело, решили Этти и Тео, как самим отправиться на вечер, — они ведь не только видели приглашенных у подъезда, во могли следить за ними через открытые окна и в апартаментах баронессы. Кое с кем из этих особ мы с вами, любезный читатель, уже немножко знакомы. Когда прибыла герцогиня Куинсберри и мистер Вулф назвал ее, Мартин Ламберт немедленно продекламировал несколько строф своего любимого Мэта Прайора про "Китти, юную красу".

— Подумать только, девочки, что эта почтенная дама некогда была такой же, как вы! — заметил полковник.

— Как мы, папенька? Но ведь мы никогда не считали себя красавицами! заявила мисс Этти, вскинув головку.

— Да, как вы, дерзкая плутовка! Совсем как вы сейчас — недаром же вы сгораєте от желания отправиться на эту ассамблею:

Сердясь на маменькин наказ,
Досадуя, что ей велят
Быть чинным ангелом в тот час,
Когда краса и ум царят.

— Но ведь нас не приглашали, папенька, а судя по той красе, которую мы видели до сих пор, ум тоже, наверное, не столь уж блистателен, — заявил семейный сатирик.

— Нет, Мэт Прайор — редкостный поэт, — продолжал полковник, — Только помните, девочки: стихи, которые я пометил крестиком, вы

пропускаете, не читая! Да-да, редкостный поэт, и подумать только, что вам довелось увидеть одну из его героинь! "Но ласкам маменька сдалась" (маменьки всегда сдаются, миссис Ламберт!).

Но ласкам маменька сдалась,

И, настоявши на своем,

В карете Китти понеслась

И вспыхнули сердца огнем!

— Как же легко тогда вспыхивали сердца! — промолвила маменька.

— Верно, душа моя! Лет двадцать назад они вспыхивали куда легче, чем теперь, — заметил полковник.

— Вздор, мистер Ламберт, — был ответ.

— Смотрите! Смотрите! — вскрикивает Этти, бросаясь вперед и указывая на маленькую площадь и на открытую галерею, где находилась дверь, ведущая в апартаменты госпожи Бернштейн и где толпились уличные мальчишки, зеваки и деревенские жители, явившиеся поглазеть на знатных господ.

— Да это же Гарри Уорингтон! — восклицает Тео и машет платком молодому виргинцу. Но Уорингтон не заметил мисс Ламберт. Виргинец шел под руку с дородным священником в хрустящей шелковой рясе, и оба они скрылись в дверях госпожи де Бернштейн.

— В прошлое воскресенье я слышал его проповедь в здешней церкви, сказал мистер Вулф. — Он говорил несколько по-актерски, но очень выразительно и красноречиво.

— Вы, кажется, проводите тут чуть ли не каждое воскресенье, Джеймс! заметила миссис Ламберт.

— А также понедельник и так далее до субботы, — подхватил ее супруг. Поглядите-ка, Гарри уже стаи заправским щеголем, парик на нем с буклями, и, уж конечно, он был зван на ассамблею.

— Я люблю проводить субботние вечера за тихими занятиями, — сказал серьезный молодой полковник. — Во всяком случае, подальше от сплетен и карт, но что поделать, дорогая миссис Ламберт, я повинуюсь приказам. Может быть, прислать к вам мистера Уорингтона?

— Нет, зачем же мешать ему развлекаться. Мы повидаемся с ним завтра. Ему ведь будет неприятно оставить такое блестящее общество ради нас, простых деревенских жителей, — ответила скромная миссис Ламберт.

— Я рада, что с ним священник, который так хорошо проповедует, тихонько промолвила Тео, а ее глаза сказали: "Вот видите, добрые люди, он вовсе не такой скверный, каким его считали вы, а я в это никогда не верила". — У этого священника очень доброе красивое лицо.

— Но вон священник куда более известный, — воскликнул мистер Вулф. Это епископ Солсберийский — он при своей синей ленте, и его сопровождает капеллан.

— А это кто же? — изумленно перебила миссис Ламберт, когда носильщики в золотых галунах, предшествуемые тремя лакеями в таких же пышных ливреях, поставили перед дверьми госпожи де Бернштейн раззолоченный портшез, который венчали целых пять графских коронок.

Епископ, уже переступивший порог, поспешил назад, почтительно кланяясь на ходу, чтобы подать руку даме, которая выходила из портшеза.

— Да кто же это? — спросила миссис Ламберт.

— Sprechen Sie deutsch. Ja, mein Herr. Nichts verstand {Говорите по-немецки. Да, сударь. Не понял (нем.)}, — ответил шутник-полковник.

— Вздор, Мартин!

— Ну, если ты не понимаешь немецкого, душа моя, то я-то чем виноват? Тебя плохо учили в пансионе. Но в геральдике ты разбираешься, так ведь?

— Я вижу, — воскликнул Чарли, всматриваясь в герб, — три шлема на золотом поле с графской короной.

— Точнее будет сказать, сын мой: с короной графини. Графиня Ярмут, сын мой.

— А кто она такая?

— У наших августейших монархов издавна был обычай награждать титулами особ, заслуживающих высокой чести, — с невозмутимой серьезностью объяснил полковник. — И наш всемилостивейший государь возвысил эту досточтимую даму, даровав ей титул графини своего королевства.

— Но почему, папенька? — в один голос спросили дочери.

— Не задавайте таких вопросов, девочки! — сказала маменька.

Однако неисправимый полковник все-таки продолжал:

— "Почему", дети мои, — чрезвычайно злобное слово. Когда я вам что-нибудь рассказываю, вы всегда говорите — "почему?". Почему милорд епископ лебезит перед этой дамой? Поглядите-ка, как он потирает пухлые ручки и улыбается, заглядывая ей в лицо. Это лицо уже более не пленяет красотой. Оно размалевано белилами и румянами, как у Скарамуша в пантомиме. Смотрите, вон поспешает еще одна синяя лента, клянусь честью! Лорд Бамборо. Потомок Хотсперов. Самый надменный человек Англии. Он остановился, он кланяется, он улыбается, он тоже держит шляпу в руке. Смотрите, она похлопывает его веером по плечу. Прочь, прочь, скверные мальчишки, не смейте наступать на шлейф дамы, которую

читит сам король!

— Но почему король ее читит? — снова спросили девицы.

— Опять это злокозненное слово! Вы когда-нибудь слышали о ее светлости герцогине Кендалской? Нет. О герцогине Портсмутской? Тоже нет. О герцогине де Лавальер? О Прекрасной Розамунде, наконец?

— Тсс! Зачем заставляя краснеть моих милых девочек, Мартин Ламберт? сказала маменька, прижимая палец к губам мужа.

— Но я тут ни при чем, это их августейшие величества повинны в подобном позоре! — воскликнул сын старого республиканца. — Только подумать: прелаты и знатнейшие вельможи мира подличают и заискивают перед этой крашеной немецкой Иезавелью! Это позор, позор!

— А! — воскликнул полковник Вулф и, схватив шляпу, выбежал из комнаты: он увидел, что избранница его сердца идет с тетушкой пешком по галерее, направляясь к дверям баронессы Бернштейн, — они достигли их, когда графиня Ярмут-Вальмоден еще беседовала с лордами духовным и светским, и не преминули сделать графине самый глубокий реверанс, а потом почтительно подождали, пока она не вошла в дверь, опираясь на руку епископа.

Тео отвернулась от окна с печальным, почти испуганным лицом. Этти продолжала смотреть на улицу негодующим взором, а на ее щеках пылали два красных пятна.

— О чем это задумалась наша маленькая Этти? — сказала маменька, подходя к окну, чтобы увести от него дочку.

— Я думаю о том, что бы я сделала, если бы увидела, что папенька кланяется этой женщине, — ответила Этти.

Тут появилась Тео с посвистывающим чайником, и семья приступила к вечерней трапезе, позволив, впрочем, мисс Этти сесть напротив окна, которое она упросила брата не закрывать. Этот юный джентльмен выходил на улицу, чтобы потолкаться среди зевак, — несомненно, ради изучения гербов на портшезе графини и на других портшезах, — а также чтобы по поручению маменьки и по велению собственного сердца потратить шесть пенсов на покупку сырного пирога, с каковым лакомством, завернутым в бумагу, он вскоре и вернулся.

— Поглядите, маменька, — начал он еще на пороге. — Видите вон того высокого человека в коричневом, который стучит тростью по всем колоннам? Это ученый мистер Джонсон. Он иногда приезжает к нам в школу повидать директора. Он только что сидел с друзьями за столиком перед пирожной лавкой миссис Браун. Они там пьют чай по два пенса за чашку, и я слышал, как мистер Джонсон сказал, что выпил семнадцать

чашек — потратил два шиллинга десять пенсов. Многовато денег за один чай!

— Чего тебе положить, Чарли? — спросила Тео.

— Пожалуй, сырного пирога, — ответил Чарли и вздохнул, когда его зубы впелись в большой кусок. — А джентльмен, который был с мистером Джонсоном, продолжал Чарли с набитым ртом, — это мистер Ричардсон, который написал...

— "Клариссу"! — воскликнули хором маменька и дочки, бросаясь к окну, чтоб увидеть своего любимого писателя. К этому времени солнце уже зашло, в небе замерцали звезды, и лакеи зажигали свечи в апартаментах баронессы напротив окна, к которому приникли наши соглядатаи.

Тео стояла, обняв мать, и обе смотрели на освещенную пирожную лавку миссис Браун, — света было вполне достаточно, чтобы наши друзья могли увидеть, как одна дама подавала мистеру Ричардсону его шляпу и палку, а другая повязывала шарфом его шею, после чего он отправился дамой.

— Ах, он совсем-совсем не похож на Грандисона! — воскликнула Тео,

— Пожалуй, было бы лучше, милочка, если бы мы его вовсе не видели! вздохнула маменька, которая, как мы уже знаем, была весьма сентиментальна и обожала романы, но тут их опять перебила мисс Этти, вскричав:

— Оставьте этого толстячка и поглядите вон туда, маменька?!

И они поглядели вон туда. И увидели, как мистеру Уорингтону была оказана высокая честь — его представили графине Ярмут, которую по-прежнему сопровождали угодливый пэр и угодливый прелат в синих лентах. Затем графиня милостиво села за карточный стол — партнерами ее были епископ, граф и еще один сиятельный вельможа, А затем мистер Уорингтон удалился в оконную нишу с дамой, той самой, которую они мельком видели у себя в Окхерсте.

— Он, одет куда наряднее, — сказала маменька.

— Он очень похорошел. Как это ему удалось? — спросила Тео.

— Поглядите на его кружевное жабо и манжеты! Милочка, он больше не носит наших рубашек! — воскликнула матрона.

— О чей вы говорите, деточки? — осведомился папенька с дивана, на котором он, возможно, тихонько дремал, по обычаю всех честных отцов семейств.

Девочки ответили, что Гарри Уорингтон стоит в оконной нише и разговаривает со своей кузиной леди Марией Эмомлд.

— Отойдите оттуда! — воскликнул папенька. — Вы не имеете права

подглядывать за ним. Сейчас же опустите шторы!

Шторы были опущены, и в этот вечер девочки больше не видели гостей госпожи Бериштейн и не наблюдали за тем, что они делают.

Прошу вас, не сердитесь, если я позволю себе сказать (хотя бы для сравнения этих двух противостоящих друг другу домов), что пока госпожа Бернштейн и ее гости — епископ, вельможи, государственные мужи и все прочие — играли в карты, или сплетничали, или ублажали себя шампанским и цыплятами (что я считаю извинительным грехом) или лебезили перед сиятельной фавориткой короля графиней Ярмут-Вальмоден, наши провинциальные друзья в своей скромной квартире опустили на колени в столовой, куда пришел и мистер Брайан, кучер, ступая настолько бесшумно, насколько позволяли его скрипучие башмаки, а мистер Ламберт стоя прочел тихим голосом молитву, прося небо осветить их тьму и охранить их от опасностей этой ночи, и заключил ее мольбой о даровании милости тем, кто собрался тут вместе.

Наши юные девицы встали в воскресенье спозаранку, облеклись в те новенькие модные наряды, которым предстояло обворожить танбриджцев, и под охраной братца Чарли прошли по улицам городка, по старинной галерее и по прелестному лугу задолго до того, как общество село завтракать или зазвонили церковные колокола. Во время этой прогулки Эстер обнаружила жилище Гарри Эсмонда, увидев, как мистер Гамбо в неглиже и с папильотками в великолепных волосах отдернул красные занавески, открыл окно и, высунувшись наружу, глубоко вдохнул душистый утренний ветерок. Мистер Гамбо не заметил окхерстскую молодежь, хотя они его хорошо разглядели. Он изящно перегнулся через подоконник, помахивая метелочкой из перьев, с помощью которой изволил смахивать пыль с мебели внутри. Он вступил в любезный разговор с краснощекой молочницей, остановившейся под его окном, и, глядя на нее, запечатлел поцелуй на своей лилейной руке. Рука Гамбо блистала кольцами, и вся его персона была щедро изукрашена драгоценностями, — без сомнения, подарками красавиц, питавших симпатию к юному африканцу. До завтрака девицы успели еще два раза пройти мимо этого окна. Оно по-прежнему было открыто, но комната казалась пустой. Там не мелькнуло лицо Гарри Уорингтона. Сестры ничего не сказали друг другу о том, что занимало мысли обеих. Этти рассердилась на Чарли, который хотел идти домой завтракать, и заявила, что он всегда думает только о еде. В ответ на ее саркастический вопрос Чарли простодушно признался, что был бы не прочь отведать еще один сырный пирог, и добрая Тео, смеясь, сказала, что у нее есть с собой шесть пенсов и, если пирожная лавка по

воскресеньям открыта, Чарли получит свой пирог. Лавка была открыта, и Тео достала кошелечек, связанный ее самой любимой школьной подругой и хранивший монетку-талисман, гинею, подаренную бабушкой, а также скудный запас шиллингов — нет, просто медяков — в единственном своем отделении, и угостила Чарли его любимым лакомством.

В церкви собралось весьма избранное общество. И старушка герцогиня, и госпожа Бернштейн с леди Марией, и мистер Вулф, который сидел рядом с мисс Лоутер и пел с ней по одному псалтырю, и мистер Ричардсон со своими дамами. Среди последних была мисс Фильдинг, сообщил дочерям полковник Ламберт, когда они вернулись из церкви.

— Сестра Гарри Фильдинга. Ах, девочки, что за приятный собеседник это был! А его книги стоят десятка ваших сладеньких "Памел" и "Кларисс", миссис Ламберт! Но какой женщине нравится настоящий юмор? Мистер Джонсон сидел среди приютских детей. Вы заметили, как он повернулся к алтарю, когда читали "Верую", и столкнул со скамейки двух-трех перепуганных мальчуганов в кожаных штанишках? А священник нашего Гарри сказал отменную проповедь! Проповедь о злословии. Он задел за живое кое-кого из сидевших там старых сплетниц. А почему мистера Уорингтона не было в церкви? Очень жаль, что он не пришел.

— А я даже не заметила, был он там или нет! — объявила мисс Этти, вздернув головку.

Но неизменно правдивая Тео сказала:

— Нет, я думала о нем и огорчилась, что его там не было; и ты тоже думала о нем, Этти.

— Ничего подобного, мисс, — стояла на своем Этти.

— Но ведь ты шепнула мне, что проповедь читает священник Гарри.

— Думать о священнике мистера Уорингтона не значит думать о мистере Уорингтоне. Проповедь была действительно прекрасная, но дети фальшивили самым ужасным образом. О, вон леди Мария в окне напротив нюхает розы, а это идет мистер Вулф, узнаю его военный топот. Правой-левой, правой-левой! Здравствуйте, полковник Вулф!

— Почему у тебя такой мрачный вид, Джеймс? — спросил полковник Ламберт с обычным добродушием. — Твоя красавица побранила тебя за что-нибудь, или проповедь разбудила твою совесть? Священника зовут мистер Сэмпсон, ведь так? Прекраснейший проповедник, клянусь честью!

— Проповедует он одни добродетели, а практикует другие! — ответил мистер Вулф, пожав плечами.

— Когда проповедь кончилась, мне показалось, что и десяти минут не прошло — госпожа Ламберт даже ни разу не вздремнула, верно, Молли?

— А вы видели, когда этот молодчик явился в церковь? — с негодованием спросил полковник Вулф. — Он вошел в открытую дверь ризницы в самую последнюю минуту, когда уже допели псалом.

— Возможно, он служил дома у какого-нибудь больного — здесь ведь много больных, — возразила миссис Ламберт.

— Служил! Ах, моя добрая миссис Ламберт! Вы знаете, где я его нашел? Я отправился на поиски вашего молодого шалопа, виргинца.

— У него, по-моему, есть имя, и очень красивое, — воскликнула Этти. — И зовут его вовсе не Шалопай, а Генри Эсмонд-Уорингтон, эсквайр.

— Мисс Эстер, сегодня утром без четверти одиннадцать, когда звонили все колокола, я застал этого проповедника в полном облачении и Генри Эсмонда-Уорингтона, эсквайра, в спальне этого последнего, где они разбирали партию в пикет, которую сыграли накануне вечером!

— Ну и что же! Многие достойные люди играют в карты по воскресеньям. Король играет в карты по воскресеньям.

— Тсс, милочка!

— Нет, играет, я знаю, — объявила Этти. — С этой накрашенной особой, которую мы видели вчера, с этой графиней, как бишь ее?

— Мне кажется, дорогая мисс Эстер, что священнику в подобный день приличнее держать в руках божьи книги, а не дьявольские, — и я взял на себя смелость сказать это вашему проповеднику. (Да, непростительную смелость! объявили глаза мисс Этти.) И я сказал нашему молодому другу, что ему следовало бы не нежиться дома в халате, а спешить в церковь.

— Неужто, полковник Вулф, вам хотелось, чтобы Гарри пошел в церковь в халате и ночном колпаке? Хорошенькое это было бы зрелище, ничего не скажешь! — яростно воскликнула Этти.

— А вот мне хотелось бы, чтобы язычок моей девочки дал бы себе отдых, заметил папенька, поглаживая дочку по раскрасневшейся щеке.

— Молчать, когда нападают на друга и никто за него не вступается? Да, никто!

Тут две губки плотно сомкнулись, тоненькая фигурка задрожала, и, метнув в полковника Вулфа прощальный негодующий взгляд, девочка выбежала из комнаты — как раз вовремя, чтобы, закрыв дверь, разрыдаться на лестнице.

Мистер Вулф совсем растерялся,

— Право же, тетушка Ламберт, я не хотел обидеть Эстер.

— Конечно, нет, Джеймс, — ответила она очень ласково и протянула ему руку. Молодой офицер называл ее тетушкой Ламберт, когда был маленьким мальчиком.

Мистер Ламберт насвистывал свой любимый марш "За горами далеко", выбивая пальцами по подоконнику барабанную дробь.

— Папенька, нельзя свистеть в воскресенье! — воскликнул благонравный воспитанник Серых Монахов и тут же добавил, что после завтрака прошло уже три часа и од был бы не прочь доесть сырнй пирог, купленный Тео.

— Ах ты, маленький обжора! — воскликнула Тео, но с лестницы донесся какой-то странный звук, и она выбежала из комнаты, старательно притворив за собой дверь. Мы не последуем за ней. Звук этот был рыданием, которое вырвалось из самой глубины трепещущего измученного сердечка Эстер, и хотя мы этого не видели, я не сомневаюсь, что девочка бросилась на шею сестре и расплакалась на груди доброй Тео.

Когда под вечер семья отправилась погулять по лугу, Этти осталась дома — она лежала в постели с головной болью, а ее мать ухаживала за ней. Чарли вскоре встретил школьного приятеля, мистер Вулф, разумеется, не замедлил удалиться в обществе мисс Лоутер, а Тео с отцом, чинно прогуливаясь под ясным воскресным небом, увидели госпожу Бернштейн, которая грелась на солнышке, сидя на скамье под деревом, окруженная заботами племянницы и племянника. Гарри, просияв от радости, бросился навстречу своим дорогим друзьям, дамы весьма любезно поздоровались с полковником и его дочерью, которые были так добры к их Гарри.

Каким красивым и благородным он выглядит, подумала Тео и назвала его по имени, точно он и правда был ее братом.

— Почему мы не видели вас сегодня утром, Гарри? — спросила она.

— Я ведь не знал, что вы приехали в Танбридж, Тео.

— И все-таки вы могли бы увидеть нас, если бы захотели!

— Где же? — осведомился Гарри.

— Вон там, сэр, — ответила она с упреком, указывая на церковь. И ее бесхитростное личико излучало нежность и доброту. Ах, юный читатель, бродящий по свету и борющийся с искушениями, да будут и о вас с любовью молиться две-три чистые души!

Глава XXXIII

содержащая монолог Эстер

Когда вспышка Этти выдала отцу ее секрет, Мартин Ламберт в первую минуту очень рассердился на юношу, который отнял у него и у всей семьи сердце его девочки.

— Чума на всех повес, англичан и индейцев! — вскричал полковник, обращаясь к жене. — И зачем только этому шалопаю понадобилось расквасить нос именно об наши ворота!

— Может быть, милый, нам удастся его исправить, — кротко возразила миссис Ламберт. — А к нашим дверям его привело Провидение. Вы смеялись надо мной, мистер Ламберт, когда я говорила это раньше, но если не само небо привело молодого человека к нам, то кто же? И, может быть, он принес с собой счастье и радость для нас всех!

— Как это тяжело, Молли! — простонал полковник. — Мы ласкаем, лелеем и растим их, мы ухаживаем за ними в дни болезней, мы хлопочем и строим планы, мы копим деньги, и штопаем, и перештопываем старую нашу одежду, а если у них болит голова, мы глаз не смыкаем от тревоги, мы трудимся день и ночь, чтобы исполнять их прихоти и капризы, и слышим: "папочка", "милый папенька" и "у кого еще есть такой отец?". Утром во вторник я — король в своем доме и семье. А во вторник вечером является принц Фу-ты Ну-ты — и моему царствованию приходит конец. Целая жизнь забыта и отринута ради пары голубых глаз, пары стройных ног и копны рыжих волос.

— Нам, женщинам, повелено оставлять все и следовать за мужем. И, помнится, милый Мартин, у нас с тобой дело сладилось очень скоро, — сказала миссис Ламберт, кладя руку на плечо супруга.

— Такова человеческая природа и чего еще можно ждать от девчонки? — со вздохом сказал полковник.

— И мне кажется, я исполнила свой долг перед мужем, хотя, признаюсь, ради него я оставила моего отца, — тихонько добавила миссис Ламберт.

— Умница! Провалиться мне на этом месте, я тебя очень люблю, Молли, сказал добряк-полковник. — Но вспомни-ка, зато твой отец меня очень не любил, и если я когда-нибудь обзаведусь зятьями...

— Если! Нет, вы подумайте! Конечно, мои девочки непременно выйдут замуж, мистер Ламберт! — вскричала маменька.

— Ну, так когда они явятся, сударыня, я возненавижу их, как ваш батюшка возненавидел меня — и по заслугам! — за то, что я отнял у него его сокровище.

— Мартин Ламберт, перестаньте кощунствовать и говорить противоестественные вещи! Да, противоестественные, сударь! — возразила его супруга.

— Нет, душа моя! Вот тут слева у меня больной зуб, и лишиться его, конечно — вещь самая естественная. Однако когда зубодер начнет его выдирать, мне естественно будет почувствовать боль. А неужто вы думаете, сударыня, что Этти мне не дороже всех моих зубов? — спросил мистер Ламберт.

Однако еще не бывало женщины, которой не хотелось бы выдать замуж свою дочь, как бы ни бунтовали отцы против вторжения зятя в их семью. А матери и бабушки на свадьбах дочерей и внучек вновь переживают собственное замужество — их души облакаются в муслин и кружева двадцатилетней или сорокалетней давности, вновь белые ленты украшают кучера, и это не новобрачные, а они сами вновь впархивают в карету и уносятся прочь. У какой женщины, даже самых преклонных лет, не хранится в потаенных шкафчиках сердца ее пересыпанный лавандой свадебный наряд?

— Так грустно будет расставаться с ней, — со вздохом продолжала миссис Ламберт.

— Ты уже все решила, Молли, — со смехом сказал полковник. — Не пойти ли мне заказать изюм и коринку для свадебного пирога?

— И мне придется оставить дом на тебя, когда я поеду к ней в Виргинию. А сколько миль до Виргинии, Мартин? Наверное, много тысяч.

— Сто семьдесят три тысячи триста девяносто две мили с тремя четвертями, душа моя, если ехать кратчайшей дорогой, — невозмутимо сообщил Ламберт. — Той, которая ведет через владения пресвитера Иоанна. Другой же дорогой, через Персию...

— Выбери, пожалуйста, такую дорогу, чтобы было поменьше моря и этих мерзких кораблей, которых я терпеть не могу! — вскричала полковница. Надеюсь, мы с Рэйчел Эсмонд сойдемся ближе, чем прежде. Когда мы учились в пансионе, она была очень властной.

— А не подумать ли нам и о пеленках, миссис Мартин Ламберт? — с усмешкой перебил ее супруг.

Впрочем, я полагаю, миссис Ламберт не видела тут ничего смешного и уже успела присмотреть очень миленькие кружевные чепчики и слюнявчики в лавке миссис Боббинит. И в это воскресенье, когда секрет

малютки Этти был разгадан и она с закрытыми глазами и пылающими от жара щеками лежала в постели, ее мать смотрела на грустное личико с полным душевным спокойствием и, казалось, даже радовалась мукам девочки.

Этти же не только мучилась, но и была полна ярости на себя за то, что выдала всем свою заветную тайну. Возможно, она и сама ни о чем не подозревала, пока внезапная вспышка не открыла ей состояния ее собственных чувств, и теперь бедная девочка терзалась стыдом так, словно совершила какой-то дурной поступок и была застигнута на месте преступления. Она негодовала на собственную слабость и гневно себя бранила. Она клялась, что никогда не простит себе этого унижения. Так юная пантера, раненная дротиком охотника, мечется в бешенстве по лесу, злобно грызет впившееся в ее бок жалящее железо, рычит, кусает своих сестер и свою пятнистую мать.

Малютка Этти рвала когтями, грызла и рычала так, что мне не хотелось бы оказаться на месте ее брата и сестры или ее пятнистых родителей.

— Как может девушка позволять себе подобные глупости? — восклицала она. — Маменька, меня следовало бы высечь и отослать в кровать. Я прекрасно знаю, что мистер Уорингтон ни чуточки обо мне не думает. Наверное, французские актрисы и самые простые белошвейки нравятся ему больше, чем я. И правильно! Ведь они куда лучше меня! Какая я дурочка! Расплакаться без всякой причины только потому, что мистер Вулф сказал, что Гарри играет в карты по воскресеньям! Я знаю, что он не так умен, как папенька. Я думаю, что он глуп, — я уверена, что он глуп, но я еще глупее. Я ведь не могу выйти за него замуж. Как я вдруг уеду в Америку и расстанусь с вами и с Тео? Конечно, ему нравится другая — в Америке, в Танбридже, на Луне или еще где-нибудь. У себя на родине он — принц, и ему даже в голову не придет взять в жены дочь бедного офицера в отставке, у которой нет никакого приданого. Вы ведь рассказывали мне, что я, когда была совсем маленькой, плакала и требовала, чтобы мне дали Луну. Я и теперь такой же младенец — глупый и капризный младенец... не спорьте, миссис Ламберт, так оно и есть. Хорошо хоть, что он ничего не знает, а я скорее себе язык отрежу, чем признаюсь ему.

Страшны были кары, которыми Этти грозила Тео в случае, если сестра ее выдаст. Что до юного Чарли, то он был всецело поглощен сырными пирогами и остался равнодушен к чувствам Этти, даже не заметив ее вспышки, родители же и добросердечная сестра, разумеется, обещали свято

хранить тайну девочки.

— Я уж думаю, не лучше ли нам было бы остаться дома! — со вздохом сказала мужу миссис Ламберт.

— Нет, душа моя, — ответил полковник. — Человеческая природа берет свое, и разве маменька Этти сама не открыла мне, что уже чувствовала склонность к одному молодому священнику, когда вдруг по уши влюбилась в некоего молодого офицера полка Кингсли? Ну, а мое сердце получило с десятков ран, прежде чем им всецело завладела мисс Молли Бенсон, Наши сыновья и дочери должны, я полагаю, пройти тем же путем, которым некогда прошли их родители. Да ведь не далее как вчера ты бранила меня за то, что я был недоволен слишком ранними фантазиями; мисс Этти. Надо отдать девочке справедливость: она умеет скрывать свои чувства, и ручаюсь чем угодно, мистер Уорингтон не догадается по ее поведению о том, что она к нему равнодушна.

— Наша с тобой дочь, Мартин, — вскричала с величавым достоинством любящая мать, — никогда не бросится на шею молодому человеку.

— И не бросит в него чайной чашкой! — ответил полковник. — Малютка Этти обращается с мистером Уорингтоном, как суцая ведьма. Стоит им встретиться, как она обязательно найдет способ уколоть его. Право — она почти невежлива с ним, но, зная, что творится в душе этой маленькой лицемерки, я не сержусь на нее за такую грубость.

— Но ей вовсе не следует быть грубой, Мартин. Наша девочка достаточно хороша для любого английского или американского джентльмена. Раз по годам они подходят друг другу, то почему бы им и не пожениться?

— Почему он не просит ее руки, если хочет на ней жениться, душа моя? Я жалею, что мы приехали сюда. Давай-ка прикажем заложить карету и повернем лошадей домой.

Но маменька с уверенностью возразила:

— Поверь, милый, что все решено за нас высшей мудростью. Поверь, Мартин, Гарри Уорингтон не случайно попал в наш дом таким образом, и не случайно он вот так встретился вновь с нашими детьми. Суженого конем не объедешь.

— Хотел бы я знать, Молли, в каких годах женщины становятся свахами и в каких годах оставляют это занятие? Если наша девочка влюбится, а потом разлюбит, она будет не первой и не последней, миссис Ламберт. Я от всего сердца хотел бы вернуться домой, и будь моя воля, мы уехали бы сегодня же.

— Он обещал прийти сегодня к нам пить чай, Мартин. Неужели ты захочешь лишиться девочки этой радости? — вкрадчиво спросила маменька.

Отец на свой лад был не менее мягкосердечен.

— Ты ведь знаешь, душа моя, — ответил полковник, — что, приди им фантазия отведать наших ушей, мы тотчас бы их отрезали и состряпали бы из них фрикасе.

Мэри Ламберт рассмеялась при мысли о том, во что превратились бы тогда ее хорошенькие ушки. У ее супруга была привычка прятать нежность под самыми экстравагантными шутками. И когда он легонько дернул хорошенькое маленькое ушко, за которое были зачесаны прекрасные волосы, кое-где тронутые серебром, то, наверное, не причинил ей особенной боли. Полагаю, она вспоминала дорогое сердцу незабвенное время ее собственной тихой юности и сладостную пору перед свадьбой. Осиянные воспоминания священных минут! Зрелище юной любви приятно, но насколько больше чарует привязанность, которую не угасили ни ушедшие годы, ни горести, ни, быть может, увядшая красота, ни все жизненные заботы, неурядицы и беды!

Дав себе слово скрывать свои чувства от мистера Уорингтона, мисс Этти сдержала его даже с лихвой. Гарри не только пил чай со своими друзьями, но и пригласил их на бал, который он намеревался дать в их честь на следующий день в курзале.

— Бал! И в нашу честь! — восклицает Тео. — Ах, Гарри, как это мило! Я так люблю танцевать!

— Для дикого виргинца, Гарри Уорингтон, вы весьма и весьма цивилизованный молодой человек! — говорит полковник. — Душа моя, можно ли ангажировать тебя на менуэт?

— Нам уже случалось его танцевать, Мартин Ламберт, — отвечает любящая супруга.

Полковник начинает напевать менуэт, хватает с чайного столика пустую тарелку и отвешивает церемонный поклон, взмахнув тарелкой, будто шляпой, а полковница отвечает ему самым лучшим своим реверансом.

Одна только Этти хранит мрачный и недовольный вид.

— Душечка, неужели у тебя не найдется для мистера Уорингтона ни словечка благодарности? — спрашивает Тео у сестры.

— Я никогда не любила танцевать, — объявляет Этти. — Что за удовольствие встать против какого-нибудь дурака кавалера и прыгать с ним по зале?

— *Merci du compliment* {}, — сказал мистер Уорингтон.

— Я вовсе не говорю, что вы глупы... то есть... то есть я... я думала о контрдансе, — отвечает Этти, встречая лукавый взгляд сестры и закусывая губку. Она вспомнила, как называла Гарри глупым, и хотя Тео не обронила ни слова, мисс Этти рассердилась так, словно услышала жестокий упрек.

— Терпеть не могу танцев — вот! — заявила она, вскинув головку.

— Да нет же, милочка, ты всегда их любила, — вмешалась маменька.

— Но ведь это, душа моя, когда было! Разве ты не видишь, что она уже дряхлая старуха? — заметил папенька. — А может быть, у мисс Этти разыгралась подагра?

— Вздор! — отрезала мисс Этти, постукивая ножкой.

— Танцы? Ну, разумеется, — невозмутимо отозвался полковник.

Лицо Гарри омрачилось. "Я изо всех сил стараюсь доставить им удовольствие, даю для них бал, а эта девчонка говорит мне в глаза, что ненавидит танцы. У нас в Виргинии мы не так платим за доброту и любезность. Да... и с родителями так дерзко не разговариваем!"

Боюсь, что вот тут обычай в Соединенных Штатах за истекшие сто лет очень переменялись и тамошняя молодежь тоже научилась дерзить старшим.

Не удовлетворившись этим, мисс Этти принялась безжалостно высмеивать все общество, собравшееся на водах, и особенно занятия Гарри и его приятелей, так что простодушный юноша совсем расстроился и, оставшись наедине с миссис Ламберт, спросил, чем он снова провинился, что Эстер так на него сердита. После того как ее дочь обошлась с ним подобным образом, добрая женщина почувствовала к молодому человеку еще большее расположение и пожалела, что не может открыть ему тайны, которую Эстер столь яростно оберегала. Тео тоже попеняла сестре, когда они остались вдвоем, но Эстер ничего не желала слушать и в уединении их спальни вела себя так же, как в материнской гостиной в присутствии всего общества.

— Предположим, он возненавидел меня, — сказала она. — Так оно, наверное, и есть. Я сама ненавижу себя и презираю за то, что я такая дурочка. Как же он мог не возненавидеть меня? Разве я не высмеивала его, не называла простачком и всякими другими обидными словами? И ведь я знаю, что он вовсе не умен. Я знаю, что я куда умнее, чем он. И нравится он мне только потому, что он высок, потому что глаза у него синие, а нос красивый. До чего же глупа девушка, если мужчина ей нравится потому лишь, что у него синий нос и глаза с горбинкой! Значит, я дура, и не смей мне возражать, Тео!

Однако Тео не желала соглашаться, что ее сестра дурочка, а напротив,

считала ее чудом из чудес и твердо верила, что если есть на свете девушка, достойная руки любого принца в мире, то девушка эта — Этти.

— Ты, правда, иногда бываешь глупенькой, Этти, — сказала она. — Но только когда сердисься на людей, которые хотят сделать тебе приятное, — вот как сегодня за чаем на мистера Уорингтона. Когда он с такой любезностью пригласил нас на свой бал, почему ты сказала, что не любишь ни музыку, ни танцы, ни чай? Ты ведь знаешь, что очень их любишь.

— Я сказала так, Тео, только чтобы досадить себе, позлить себя и наказать, как я того заслуживаю, душенька. А кроме того, неужели ты не понимаешь, что дурочка вроде меня способна делать только глупости? Знаешь, мне было приятно, когда он обиделся. Я подумала: "А! Вот я и сделала ему больно! Теперь он скажет, что Этти Ламберт — отвратительная злая ломака и ведьма. И это покажет ему, — и уж, во всяком случае, тебе, маменьке и папеньке, — что я вовсе не охочусь за мистером Гарри". Нет, наш папенька в сто раз лучше него. Я останусь с папенькой, и, Тео, если бы он попросил меня завтра поехать с ним в Виргинию, я отказалась бы. Моя сестра стоит дороже всех виргинцев, какие только жили на свете с начала времен.

И тут, я полагаю, сестры заключают друг друга в объятия, а мать, услышав, что они разговаривают, стучит к ним в дверь и говорит:

— Дети, пора спать!

Глаза Тео быстро смыкаются, и она погружается в спокойный сон. Но бедная, бедная малютка Этти! Подумайте, как медленно ползут часы, а глаза девочки все еще широко открыты, и она мечется на постели, и боль новой раны не дает ей уснуть.

— Это бог, меня карает, — говорит она, — за то, что я плохо думала и говорила о нем. Но только за что меня карать? Я ведь только шутила. Я с самого начала знала, что он мне очень нравится, но я думала* что он нравится и Тео, а ради моей милой Тео я пожертвую чем угодно! Если бы она его любила, я и под пыткой не сказала бы ни слова, я бы даже раздобыла веревочную лестницу, чтобы помочь ей бежать с Гарри — непременно раздобыла бы, и нашла бы священника, который их обвенчал бы. А сама осталась бы совсем-совсем одна и стала бы заботиться о папеньке и маменьке и о деревенских бедняках, и читала бы сборники проповедей, хотя я их терпеть не могу, и умерла бы, не сказав ни слова, ни единого словечка... И теперь я скоро умру. Я знаю, что умру.

Но когда занимается заря, девочка крепко спит, прильнув к сестре, и на ее нежной раскрасневшейся щечке видны следы слез.

Все мы в ту или иную пору своей жизни играем с острыми

инструментами, и без царапин дело не обходится. Сначала порез жжет и болит, и мы роняем нож и плачем, как маленькие обиженные дети — да мы и есть дети. Очень-очень редко какой-нибудь несчастливец, занявшись этой игрой, начисто отрезает себе голову или смертельно себя ранит, после чего тут же гибнет, и делу конец. Но — да смилуется над нами небо! — многие люди неосторожно касались этих *ardentes sagittas* {Пылающих стрел (лат.)}, которые Любовь острит на своем точильном камне, и царапались о них, наносили себе раны, пронзали себя, покрывались с ног до головы настоящей татуировкой из рубцов и шрамов, а потом выздоравливали и чувствовали себя превосходно. *Wir auch* {Мы тоже (нем.)} вкусили *das irdische Gluck* {Земное счастье (нем.)}, мы также *haben gelebt und... und so weiter* {Пожили и... и так далее (нем.)}, чирикай свою предсмертную песню, нежная Текла! Захачни и сгинь, бедная жертва слабых легких, раз тебе так этого хочется! Если бы ты, дорогая моя, протянула немного подольше, то, разочаровавшись в любви, уже не приплетала бы к этому гробовщика. Будем надеяться, что мисс Этти в ближайшее время не понадобится могильщик. Но пока, стоит ей проснуться, и вновь ее сердце исполнится мукой, которая дала ей несколько часов передышки, без сомнения, растрогавшись ее юностью и слезами.

Глава XXXIV

в которой мистер Уорингтон угощает общество чаем и танцами

Наш молодой виргинец, радушный и любезный по натуре, щедро тративший легко полученные деньги, хотел доставить удовольствие своим провинциальным друзьям и в своей новой роли светского человека устроил для них в курзале бал, на который, по обычаю тех дней, пригласил и все общество, еще остававшееся на водах. В одной из комнат были расставлены карточные столы для тех, кто не мог провести вечер без этого занятия, которым столь самозабвенно увлекалась тогда вся Европа; в соседней комнате был сервирован ужин с обилием шампанского и прохладительных напитков; большая зала была отведена для танцев, каковому времяпрепровождению гости Гарри Уорингтона и предавались в строгом согласии с чинными обычаями наших предков. Право, не думаю, что это развлечение было очень уж веселым. Бал начинался с менуэтов, и два-три менуэта протанцевало такое же число пар. Открывали бал наиболее знатные девицы в собрании, и так как леди Мария была дочерью графа и самой знатной особой в зале (не считая леди Огасты Костыльри, но та сильно прихрамывала), то мистер Уорингтон протанцевал первый менуэт с кузиной, снискав своим изяществом одобрение всех присутствующих и намного превзойдя мистера Вулфа, который танцевал с мисс Лоутер. Проводив леди Марию на место, мистер Уорингтон попросил мисс Тео сделать ему честь пройти с ним в следующем менуэте, который она с ним и протанцевала, краснея и сияя радостью, к восхищению своих родителей и злой досаде мисс Сутулби, дочери сэра Джона Сутулби из Липхука, питавшей твердую уверенность, что второй после леди Марии должна быть она. За менуэтами наступила очередь контрдансов под аккомпанемент арфы, скрипки и флажолета, которые, пристроившись на маленьком балкончике, весь вечер оглашали залу довольно заунывными звуками. Возьмите любой альбом старинной музыки, сыграйте какую-нибудь из этих пьес, и вы удивитесь, как люди прежде не замечали всей их меланхоличности. Но нет! Они любили, резвились, смеялись и ухаживали под этот тоскливый аккомпанемент. Среди этих мотивов не сыщется ни одного, в котором не было бы *amarī aliquid* — привкуса печали. Быть может, разгадка в том, что они одряхлели, ушли в небытие, и их жалобные звуки доносятся к нам из царства теней, в котором они заключены вот уже столетие. Быть может, они, пока были живы, дышали истинной веселостью,

и наши потомки, услышав... — нет, не надо называть имен... — услышав произведения неких маэстро, ныне весьма популярных, скажут только: "Боже мой! И эта музыка казалась нашим предкам веселой?"

За чаем мистер Уорингтон имел честь принимать герцогиню — воспетую любимцем полковника Ламберта мистером Прайором герцогиню Куинсберри. Однако, хотя герцогиня старательно поворачивалась спиной к присутствовавшей там некоей графине, громко смеялась, оглядывалась на нее через плечо и указывала в ее сторону веером, тем не менее все общество дефилировало, кланялось, заискивало, улыбалось и почтительно пяtilось перед этой графиней, совсем не замечая ее светлости герцогини Куинсберри, ее шуточек, веера и надменных взглядов. Ведь графиня эта была графиня Ярмут-Вальмоден, та дама, которую изволил осыпать милостями его величество Георг II, король Великобритании, Франции и Ирландии, Защитник Веры. Утром в этот день она встретила Гарри Уорингтона на Променаде и обласкала молодого виргинца. Она сказала, что вечером они непременно сыграют в карты, и подслеповатый полковник Бельмонсон, вообразивший, будто приглашение относится к нему, склонился в почтительнейшем поклоне. "Фстор! Фстор! — объявила английская и ганноверская графиня. — Я не фам сказала, а молодому фиргинцу". И присутствующие принялись поздравлять юношу. А вечером все гости, — несомненно, в доказательство своих верноподданнических чувств, — толпились вокруг леди Ярмут: и лорд Бамборо, мечтавший быть ее партнером в кадрили, и леди Бланш Пендрагон, это воплощение добродетели, и лорд Ланселот Квинтен, этот безупречнейший и доблестнейший рыцарь, и настоятель собора в Илинге, этот прославленный проповедник и святейшей жизни человек, а также еще множество благородных джентльменов, вельмож, генералов, полковников, знатнейших дам и девиц угодливо ловили ее улыбку и готовы были по первому знаку броситься вперед, чтобы занять место за ее карточным столом. Леди Мария ухаживала за дамой из Ганновера с кроткой почтительностью, а госпожа де Бернштейн была с ней чрезвычайно учтива и любезна.

Поклон Гарри был не более глубок, чем того требовали законы гостеприимства, но тем не менее мисс Этти сочла за благо вознегодовать. Когда настала ее очередь танцевать с Гарри, она не сказала своему партнеру почти ни слова, не нарушив этого обета молчания в тогда, когда он проводил ее в залу, где был сервирован ужин. По пути туда им пришлось пройти мимо карточного стола госпожи Вальмоден, в она, благодушно окликнув своего хозяина, осведомилась, "люпит ли эта тушенька танцен".

— Благодарю вас, ваше сиятельство, но я не люблю танцен и не

люблю играть в карты, — ответила мисс Этти, вскинув головку, сделала книксен и гордо удалилась от стола графини.

Мистер Уорингтон был глубоко оскорблен. Насмешки младших по адресу старших возмущали его, неуважение к нему в его роли хозяина причиняло ему боль. Сам он был безыскусственно учтив со всеми, не и от всех ожидал равной учтивости. Этти прекрасно понимала, что обижает его, и, косясь на своего кавалера уголком глаза, отлично замечала, как его лицо краснеет от досады; но тем не менее она попыталась изобразить невинную улыбку и, подойдя к буфету, на котором были расставлены закуски, сказала простодушно:

— Что за ужасная вульгарная старуха. Не правда ли?

— Какая старуха? — спросил молодой человек.

— Эта немка... леди Ярмут, перед которой склоняются и лебезят все мужчины.

— Ее сиятельство была очень добра со мной, — угрюмо ответил Гарри. Можно положить вам этого торта?

— И вы ей тоже отвешивали поклоны! У вас такой вид, словно этот негус очень невкусен, — невинно продолжала мисс Этти.

— Он не слишком удачен, — сказал Гарри, сделав судорожный глоток.

— И торт тоже! В него положено несвежее яйцо! — воскликнула мисс Ламберт.

— Мне очень жаль, Эстер, что и угощение и общество вам не нравятся! сказал бедняга Гарри.

— Да, конечно, но вы, наверное, тут ничего не могли поделать! воскликнула юная девица, вскидывая кудрявую головку.

Мистер Уорингтон застонал про себя — а может быть, и вслух — и стиснул зубы и кулаки. Хорошенький палач продолжал как ни в чем не бывало:

— У вас, кажется, дурное настроение? Не пойти ли нам к маменьке?

— Да, идемте к вашей матушке! — вскричал мистер Уорингтон и, сверкнув глазами, прикрикнул на ни в чем не повинного лакея. — Черт тебя подери, что ты все время мешаешься под ногами?

— О! Вот, значит, как вы разговариваете в вашей Виргинии? осведомилась мисс Ехидность.

— Иногда мы бываем грубоваты, сударыня, и не всегда умеем скрыть дурное настроение, — ответил он медленно, сдерживая дрожь гнева, а взгляд обращенных на нее глаз метал молнии. После этого Этти уже ничего не видела ясно, пока не оказалась рядом с матерью. Никогда еще лицо Гарри не казалось ей таким красивым и благородным.

— Ты что-то бледна, милочка! — восклицает маменька, тревожась, как тревожатся все *pravidae matres* {Заботливые матери (лат.)}.

— Тут холодно... то есть жарко. Благодарю вас, мистер Уорингтон. — И она делает ему трепетный реверанс, а Гарри отвечает ей глубочайший поклон и удаляется к другим своим гостям. Его душит такой гнев, что сперва он ничего не замечает вокруг.

Из рассеянности его выводит новая перепалка — между его тетушкой и герцогиней Куинсберри. Когда королевская фаворитка проходила мимо герцогини, ее светлость устремила на ее сиятельство испепеляющий взор надменных глаз, которые были теперь далеко не так ослепительны, как в дни ее юности, когда они "все сердца зажгли огнем", с аффектированным смехом повернулась к соседу и обрушила на добродушную ганноверскую даму непрерывный огонь высокомерного смеха и язвительных шуток. Графиня продолжала играть в карты, не замечая, а может быть, не желая замечать, — как ее враг поносит ее. Между герцогским домом Куинсберри и королевской семьей существовала давняя неприязнь.

— Как вы все поклоняетесь этому идолу! Я ничего и слушать не хочу! И вы ничуть не лучше всех остальных, добрейшая моя госпожа Бернштейн! — заявила герцогиня. — Ах, мы живем в поистине христианской стране! Как умилился бы ваш почтенный первый муж, епископ, при виде этого зрелища!

— Прошу извинения, но я не вполне поняла вашу светлость.

— Мы обе стареем, добрейшая моя Бернштейн, а может быть, мы не понимаем тогда, когда не хотим понимать. Таковы уж мы, женщины, мой юный ирокез.

— Я не поняла слов вашей светлости о том, что мы живем в христианской стране, — сказала госпожа де Бернштейн.

— Ну что тут понимать, добрейшая моя! Я сказала, что мы — истинные христиане, потому что мы так легко прощаем! Разве вы не читали в юности или не слышали, как ваш супруг, епископ, повествовал с кафедры, — о том, что иудейскую женщину, обличенную в несправедной жизни, фарисеи тут же побивали камнями? О, мы теперь не только не побиваем подобную женщину камнями, но и взгляните! — холим ее и лелеем! Любой человек здесь поползет на коленях вокруг всей залы, прикажи ему эта женщина. Да-да, госпожа Вальмоден, можете сколько угодно поворачивать ко мне свою накрашенную физиономию и хмурить свои крашенные брови! Вы знаете, что я говорю про вас, и я буду и дальше говорить про вас! Я сказала, что любой мужчина в этой комнате проползет вокруг вас на коленях, если вы ему это прикажете.

— Я мог бы назвать вам, сударыня, двух-трех, кто этого не сделает, — с гневом возразил мистер Уорингтон.

— Так не медлите же! Дайте мне прижать их к сердцу! — воскликнула старая герцогиня. — Кто они? Представьте их мне, мой милый ирокез! Составим партию из четырех честных мужчин и женщин — то есть если нам удастся подобрать еще двух партнеров, мистер Уорингтон.

— Нас трое, — заметила баронесса Бернштейн с вымученным смешком. — Мы можем играть с болваном.

— Но, сударыня, кто же третий? — спросила герцогиня, оглядываясь по сторонам.

— Сударыня! — вскричала старая баронесса. — Ваша светлость может сколько ей угодно похваляться своей честностью, которая, без сомнения, выше всяких подозрений, но будьте любезны не подвергать сомнению мою честность в присутствии моих близких родственников!

— Ах, как она вспылила из-за какого-то слова! Право же, милочка, я убеждена, что вы так же честны, как почти все собравшееся здесь общество.

— Которое, быть может, недостаточно хорошо для ее светлости герцогини Куинсберри, герцогини Дуврской (хотя в этом случае она, разумеется, могла бы сюда и не приезжать!), но это лучшее общество, какое только мой племянник был в силах собрать здесь, сударыня, и он предложил лучшее, что у него было. Гарри, мой милый, ты, кажется, удивлен — и не без основания. Он не привык к нашим обычаям, сударыня.

— Сударыня, он обрел здесь тетушку, которая может научить его всем нашим обычаям и еще многому другому! — воскликнула герцогиня, постукивая веером.

— Она попытается научить его быть равно обходительным со всеми его гостями — старыми и молодыми, богатыми и бедными. Таков виргинский обычай, не правда ли, Гарри? Она скажет ему, что Катерина Хайд сердита на его старую тетку, что в молодости они были подругами и что им не следует ссориться теперь, когда они обе состарились. И она скажет ему правду, не так ли, герцогиня? — Тут баронесса сделала своей собеседнице несравненный реверанс, и битва, грозившая разразиться между ними, так и не началась.

— Черт побери, точь-в-точь Бинг и Галиссоньер! — заметил преподобный Сэмпсон, когда Гарри на следующее утро пересказывал своему наставнику происшествия прошлого вечера. — А я-то думал, что нет на земле силы, которая была бы способна помешать им вступить в бой!

— Но ведь им обеим под семьдесят пять, не меньше! — со смехом

возразил Гарри.

— Однако баронесса уклонилась от сражения и с неподражаемым искусством вывела свой флот из-под вражеского огня.

— Но чего ей было бояться? Вы же сами говорили, что моя тетушка находчивостью и остроумием поспорит с любой женщиной, и, значит, ей не страшно никакое злоязычие вдовствующих герцогинь!

— Гм... Быть может, у нее были свои причины для миролюбия!

Сэмпсон прекрасно знал, в чем заключались эти причины: репутация бедняжки баронессы была вся в изъянах и прорехах, так что любая насмешка по адресу госпожи Вальмоден могла быть равно отнесена и на ее счет.

— Сударь! — в изумлении вскричал Гарри. — Вы, кажется, намекаете, что репутация моей тетки баронессы де Бернштейн не безупречна!

Капеллан поглядел на юного виргинца с безграничным удивлением, и Гарри понял, что в жизни его тетушки была какая-то неблагоприятная история, о которой Сэмпсон предпочитает умалчивать.

— Боже великий! — со стоном произнес Гарри. — Так, значит, их в нашем роду две таких...

— Каких две? — осведомился капеллан.

Но Гарри прервал свою речь и густо покраснел. Он вспомнил, от кого (как мы вскоре откроем) почерпнул сведения о втором пятне на семейной чести, и, закусив губу, умолк.

— В прошлом всегда можно отыскать много неприятного, мистер Уорингтон, — сказал капеллан. — Поэтому лучше его совсем не касаться. Человек, будь то мужчина или женщина, живущий в нашем греховном мире, непременно становится жертвой сплетен, и, боюсь, достойнейшая баронесса не была в этом отношении счастливее своих ближних. От злоречия нет спасенья, мой юный друг. Вы лишь недавно поселились среди нас, но уже, к сожалению, могли в этом убедиться. Однако была бы чиста совесть, а остальное — пустяки! — При этих словах капеллан возвел очи горе, словно желая показать, что его собственная совесть белее потолка над ним.

— Так, значит, тетушке Бернштейн приписывают что-то очень дурное? спросил Гарри, вспоминая, что его мать ни разу ни единым словом не обмолвилась о существовании баронессы.

— O sancta simplicitas! {О, святая простота! (лат.).} — пробормотал капеллан. — Все это сплетни, любезный сэр, восходящие к тем временам, когда ни вас, ни даже меня еще не было на свете. Истории вроде тех, которые рассказывают о ком угодно — de me, de te {Обо мне, о тебе (лат.).}.

А вам известно, какая доля истины была в том, что рассказывали о вас самих.

— Черт бы побрал этого негодяя! Пусть только какой-нибудь мерзавец посмеет чернить милую старушку! — воскликнул юный джентльмен. — Ах, ваше преподобие, мир полон лжи и злословия!

— А вы только теперь начинаете в этом убеждаться, любезный сэр? подхватил священник с самым елейным видом. — Чью репутацию не пытались очернить? Милорда, вашу, мою — да кого угодно! Мы должны безропотно переносить это и прощать по мере сил.

— Прощайте себе на здоровье! Этого требует ваш сан. Но я, черт побери, не собираюсь прощать! — провозгласил мистер Уорингтон, и вновь его кулак со стуком опустился на стол. — Пусть только кто-нибудь посмеет в моем присутствии чернить милую старушку, и я оттаскаю его за нос, не будь мое имя Генри Эсмонд... Здравствуйте, полковник Ламберт. Вы снова, сэр, застаете нас, когда мы только-только встаем. Мы с его преподобием и кое с кем из молодежи засиделись вчера допоздна после того, как дамы разъехались. Надеюсь, сэр, ваша супруга и дочери в добром здравии? — Гарри поспешно поднялся, сердечно здороваясь со своим другом полковником Ламбертом, который явился к нему с утренним визитом и вошел в комнату в сопровождении мистера Гамбо (последний все предпочитал делать неторопливо) как раз в ту минуту, когда Гарри, переходя от слов к делу, показывал, как именно он будет таскать Злоречие за нос.

— Мои дамы чувствуют себя прекрасно. А кого это вы таскали за нос, когда я вошел, мистер Уорингтон? — со смехом спросил полковник.

— Ведь это же гнусность, сэр! Его преподобие только что сказал мне, что есть негодяи, которые чернят репутацию моей тетки баронессы Бернштейн!

— Да не может быть! — воскликнул мистер Ламберт.

— Я не устаю повторять мистеру Гарри, что клевета не щадит никого, объявил капеллан тоном проповедника, но тут же посмотрел на полковника и подмигнул ему, словно говоря: "Он ничего не знает — так не рассеивайте его неведенья".

Полковник понял его взгляд.

— Да, — сказал он. — Злые языки не знают отдыха. Пример тому — сплетни о вас и о танцовщице, Гарри, которым мы все поверили.

— Как, сэр, все поверили?

— Нет, не все. Этти не поверила. Слышали бы вы, Гарри, как она защищала вас на днях, когда наш... когда маленькая птичка рассказала нам

про вас еще одну историю — о том, как вы играли в карты в воскресенье, когда и вам и вашему партнеру следовало бы найти себе более пристойное занятие. — И полковник посмотрел на священника с мягкой, но укоризненной усмешкой.

— Признаюсь, признаюсь, сэр, — сказал капеллан. — *Mea culpa, mea maxima...* {Мой грех, мой величайший... (лат.)} нет-нет, *mea minima culpa* {Мой ничтожнейший грех (лат.)} — Мы ведь просто разложили карты, разбирая сыгранную накануне партию в пикет.

— И мисс Эстер заступилась за меня? — спросил Гарри.

— Да, мисс Эстер за вас заступилась. Но почему это вас так удивляет?

— Она выбрала меня вчера, как... как уж не знаю кого, — ответил прямодушный Гарри. — Я еще ни разу не слышал, чтобы барышня говорила подобные вещи. Она над всеми смеялась — не щадила ни молодых, ни старых, и я в конце концов не выдержал, сэр, и сказал ей, что у меня на родине, — во всяком случае, в Виргинии, потому что янки, говорят, очень развязны, молодежь не смеет отзываться о старших так непочтительно. И знаете, сэр, мы почти поссорились, и я очень рад, что вы сказали мне, как Она за меня заступалась, — объяснил Гарри, пожимая руку полковника, а его глаза и щеки горели юношеским волнением.

— Ну, если все ваши враги будут такими, как Эстер, мистер Уорингтон, вам ничто не грозит, — серьезно сказал отец юной девицы, с живым интересом наблюдая, как покраснелось лицо и увлажнились глаза его юного друга.

"Нравится ли она ему? — думал полковник. — И если нравится, то насколько? Несомненно, он ничего не подозревает, а мисс Эtti не скупилась на обычные свои штучки. Он — прекрасный, честный юноша, да благословит его бог".

И полковник Ламберт поглядел на юного виргинца с той доброй симпатией, которую наш счастливчик Гарри часто внушал людям, так как был красив, легко краснел и загорался — вернее сказать, умягчался — от доброго слова. Его смех был заразителен, в глазах светилось прямодушие, в голосе звучала искренность.

— А юная барышня, танцевавшая менуэт с таким совершенством, что восхитила все общество? — осведомился учтивый священник. — Надеюсь, мисс... мисс...

— Мисс Теодозия чувствует себя прекрасно и готова хоть сейчас пуститься в пляс с вашим преподобием, — ответил ее отец. — Впрочем, капеллан, вы, наверное, танцуете только по воскресеньям? — И полковник вновь обратился к Гарри. — А вы, господин Лыстец, очень галантно

ухаживали за своей именитой гостьей. Леди Ярмут сегодня у источника пела вам громкие хвалы. Она говорит, что в Ганновере у нее есть маленьки мальшик, ошень похоший на вас, и что вы — ошеровательны юнош.

— С ее сиятельством все почтительны, словно с самой королевой, заметил капеллан.

— Будем называть ее вице-королевой, ваше преподобие, — ответил полковник, и глаза его насмешливо заблестели.

— Ее величество выиграла у меня в кадрили сорок гиней! — со смехом объявил мистер Уорингтон.

— На этих условиях она сядет играть с вами в любой вечер. Графиня любит карты и почти всегда выигрывает, — сухо сказал полковник. — Почему бы вам, капеллан, не предложить ее сиятельству пари на пять тысяч фунтов, что вас не сделают епископом? Я слышал о некоем священнослужителе, который заключил такое пари, стал епископом и заплатил свой проигрыш.

— Ах! Кто одолжит мне пять тысяч фунтов? Может быть, вы, сэр? — спросил капеллан.

— Нет, сударь. Я не дал бы ей пяти тысяч фунтов, даже если бы меня за это сделали главнокомандующим или римским папой, — сурово ответил полковник. — Я не кину камнем в эту женщину, но и не стану ползать перед ней на коленях, как ползают всякие мерзавцы. Не обижайтесь — я говорю не о вас. И не о Гарри Уорингтоне, который был учтив с ней, как подобало, и не огорчается из-за своего проигрыша. Гарри, мой милый, я пришел проститься с вами. Мы хорошо повеселились... мои деньги на исходе, и нам пора возвращаться в Окхерст. Может быть, вы когда-нибудь побываете у нас?

— Теперь же, сэр, теперь же! — вскричал Гарри. — Я поеду вместе с вами.

— Но... нет... не теперь, — в замешательстве ответил полковник. — У нас нет свободной комнаты... то есть мы... мы ждем друзей (господи, прости мне эту ложь, — пробормотал он про себя). Но... но вы навестите нас, когда... когда Том приедет домой... да-да, когда приедет Том. Это будет прекрасно... и я хочу сказать вам, друг мой, что моя жена и я искренне любим вас... и девочки тоже, как бы они вас ни бранили. А если когда-нибудь вы попадете в беду, — такие вещи случаются, господин капеллан! — то рассчитывайте на меня. Не забудьте об этом, друг мой.

И полковник уже собрался распрощаться с Гарри, но молодой человек проводил его по лестнице и заявил, что непременно хочет проститься с

милой миссис Ламберт и с барышнями.

Однако вместо того, чтобы сразу отправиться к жилищу полковника, они свернули на луг, и мистер Сэмпсон, следивший за ними из окна комнаты Гарри, увидел, что они ведут какой-то серьезный разговор. Сперва мистер Ламберт улыбался с несколько лукавым видом. Затем он вдруг всплеснул руками и сделал еще несколько жестов, выражавших удивление и озабоченность.

— Мальчик ему во всем признался, — сказал себе капеллан.

Когда час спустя мистер Уорингтон вернулся домой, его преподобие усердно занимался сочинением проповеди. Лицо Гарри было мрачным и грустным; он швырнул шляпу в сторону, кинулся в кресло, и с его губ сорвалось что-то весьма напоминавшее проклятие.

— Значит, барышни отбывают и сердце наше печалуется? — осведомился капеллан, отрываясь от своей рукописи.

— Сердце! — насмешливо повторил Гарри.

— Какой же из барышень принадлежит победа, сэр? Мне казалось, что взор младшей следовал за вами на вашем балу повсюду.

— Маленькая чертовка! — вспыхнул Гарри. — С какой стати она без конца говорит мне дерзости? Ведет себя со мной, словно я дурак!

— Мужчина не бывает дураком в глазах женщины, — ответил автор проповеди.

— Разве, ваше преподобие? — И Гарри пробормотал еще несколько нехороших слов, указывавших на душевное смятение.

— Кстати, есть ли какие-нибудь новости о вашей потере? — несколько минут спустя спросил капеллан, вновь отрываясь от рукописи.

Гарри ответил: "Нет!" — сопроводив отрицание словом, которое я ни за что на свете не решился бы напечатать.

— Я начинаю думать, сэр, что в этом бумажнике было больше денег, чем вы готовы признать. Ах, если бы их нашел я!

— В нем были банкноты, — угрюмо отозвался Гарри, — и... и бумаги, которые мне очень не хотелось бы потерять. Куда он мог деваться? Он был со мной, когда мы обедали вместе.

— Я видел, как вы положили его в карман! — воскликнул капеллан. — Я видел, как вы вынули его, расплачиваясь в лавке за золотой наперсток и рабочую шкатулку для одной из ваших барышень. Конечно, сэр, вы справлялись там?

— Конечно, справлялся, — ответил мистер Уорингтон, погружаясь в меланхолию.

— В постель вас уложил Гамбо, — во всяком случае, если мне не

изменяет память. Я сам был в таком состоянии, что почти ничего не помню. А можно доверять чернокожим, сэр?

— Я доверю ему хоть мою голову. Мою голову? — с горьким вздохом произнес мистер Уорингтон. — Себе я ее доверить не могу.

— Подумать только, что человек сам впускает в свой рот врага, который крадет его разум!

— Враг — это вы верно сказали, капеллан. Черт побери, я готов дать обет не пить больше ни капли. Когда человек пьян, он способен наговорить что угодно!

Капеллан засмеялся.

— Ну, вы, сэр, умеете молчать! — сказал он.

И действительно, в последние дни, когда бесхитростный Сэмпсон случайно заговаривал о потерянном бумажнике своего патрона, никакое количество вина не могло развязать язык мистера Уорингтона.

— Итак, эти деревенские нимфы отбыли, сэр? Или отбывают? — спросил капеллан. — Очень миленькие простушки, но, право же, маменька — самая красивая из них трех. По моему мнению, женщина в тридцать пять лет или около того — это женщина в самом расцвете. А вы что скажете, сэр?

Мистер Уорингтон смерил священника сердитым взглядом.

— Черт бы побрал всех женщин! Вот что я скажу, — пробормотал юный женоненавистник. Такое непохвальное желание должно, разумеется, уронить его в глазах каждого здравомыслящего человека.

Глава XXXV

Силки и ловушки

Без сомнения, наш добрый полковник посоветовался со своей добрейшей супругой, и они решили как можно скорее увезти свою малютку Этти подальше от пленившего ее молодого человека. От недуга, подобного тому, который, как считалось, томил бедняжку, мужчины частенько вылечиваются с помощью разлуки и дальних расстояний; но женщин, мне кажется, разлука исцеляет не столь легко. Они уезжают очень далеко и очень надолго, но упрямая болезнь не проходит вопреки самым большим расстояниям и перемене мест. Вы можете бить их, осыпать бранью, пытаться, оскорблять — и все же эти беспомощные создания останутся верны своему заблуждению. Более того, внимательные наблюдения и вдумчивое исследование этого предмета позволяют мне сделать вывод, что обеспечить неизменную преданность и обожание прекрасных спутниц наших жизней надежней всего можно, пуская в ход чуточку дурного обхождения вперемешку с бодрящими дозами рукоприкладства, а в качестве постоянной здоровой диеты освежающее и неизменное небрежение. Изредка давайте ложечку-другую любви и доброты, однако не каждый день и пореже, ибо это лекарство от частого приема утрачивает силу. Очаровательные создания, которые наиболее равнодушны к своим мужьям, — это, как правило, те, кто перекормлен пастилой и леденцами Любви. Я видывал, как избалованная юная красавица зевала в лицо обожающему супругу, предпочитая беседы и *petit soins* {Ухаживания (франц.)} тупого болвана, а с другой стороны, я видел, как Хлоя (в которую Стрефон швырнул утром сапожным рожком, а может быть, выругал за обедом в присутствии слуг) вечером, когда он благодушествует, сладко вздремнув после бутылки хорошего вина, робко ластится к нему, гладит его по голове, играет его любимые песенки, и когда старый Джон, дворецкий, или старая Мэри, горничная, входят со свечами для спальни, она гордо оглядывается на них, словно говоря: "Поглядите, Джон, как добр мой любимый Генри!" Так делайте же вашу игру, господа! Есть путь уговоров, нежности, обожания, когда вы давно уже под башмаком, а Луиза холодна с вами и томится от скуки. И есть мужественная, эгоистичная, беспроегрышная система — когда она прибегает на ваш свист, ходит на задних лапках, хорошо знает своего хозяина, резвится вокруг него, ласково трется о его колени и "лизжет занесенную руку" — руку, занесенную для ее же пользы,

как (я цитирую по памяти) тонко замечает мистер Поп. Что любил повторять светлой памяти О'Коннел, которому благодарная страна воздвигла такой великолепный памятник? "Прирожденные рабы, — говаривал он, — ужель не знаете, что тот, кто хочет быть свободным, сам должен нанести удар?" Разумеется, так оно и есть — и в политике и у домашнего очага. Так беритесь же за дубины, мои порабощенные, угнетенные друзья!

Эти замечания доставят удовольствие женщинам, так как они любят юмор и понимают иронию, и меня не удивит, если юный Грабстрит, подвизающийся в грошовых листках и снабжающий их описаниями господ, с которыми он встречается в своих "клубах", объявит: "А что я вам говорил! Он советует бить женщин! У него нет душевного благородства! У него нет сердца!" Нету, нету, почтеннейший юный Грабстрит! Точно так же, как у вас нет ушей. Дражайшие дамы! Уверю вас, все вышесказанное говорилось не всерьез — я вовсе не советую бить вас, а раз вы не понимаете самых простых шуток, то разрешите без обиняков сказать вам, что я считаю ваш пол в сто раз более способным любить и хранить верность, чем наш.

И что пользы родителям Этти увозить ее домой, если малютка твердо намерена питать к отсутствующему Гарри те же чувства, какие она питала к Гарри присутствующему? Почему прежде, чем Клецка и Бочонок будут запряжены, не позволить ей увидеться с ним и сказать: "До свидания, Гарри! Вчера вечером я была очень своевольной и капризной, а вы были очень добры со мной. Так до свидания, Гарри!" Она не выкажет особого волнения — она так стыдится своей тайны, что не выдаст ее. А Гарри слишком занят своими мыслями, чтобы самому о ней догадаться. Он и не подозревает, какое горе кроется за взглядами Этти и прячется за невинным лукавством ее юных улыбок. Быть может, и его самого томит какая-то тягостная тайна. Он расстанется с Этти спокойно и будет воображать, что она с радостью возвращается к своей музыке, к своим цыплятам и цветам.

Он даже не поехал верхом проводить своих друзей. На этот день он был куда-то приглашен, а когда вернулся, семейство Ламберт уже покинуло Танбридж-Уэлз. Окна их комнат были распахнуты, а карточка в одном из них извещала, что комнаты эти вновь сдаются внаем. Быть может, вид этих опустелых комнат, где еще столь недавно ему улыбались дружеские лица, наваял мимолетную грусть на нашего молодого джентльмена, но в четыре часа он уже обедает в "Белом Конне" и грозно требует бутылку вина. Бедняжка Эстер примерно в этот час, когда Ламберты остановятся на ночь у своих уэстеремских друзей, будет через силу пить чай. Утром розы

юности не распустятся на ее щеках, а под глазами у нее лягут черные круги. Во всем виновата гроза, ночь была такой душной, она не могла уснуть, завтра, когда они вернутся домой, она совсем оправится. И они приезжают домой. Вот ворота, у которых он упал с лошади. Вот кровать, на которой он лежал, кресло, в котором он сидел, сколько веков миновало с тех пор! Какая пропасть легла между нынешним днем и минувшим! Что это за девочка сзывает там своих цыплят и поливает розы? Неужели эта девчушка и она — одна и та же Эстер Ламберт? Да ведь теперь она гораздо старше Тео — а Тео всегда была старше своего возраста, такой спокойной и разумной. Но за одну-две ночи Эстер прожила — о, долгие, долгие годы! Как и многие другие, — и ни мак, и ни мандрагора уже не подарят им того сладкого сна, какой они вкушали еще вчера.

Мария Эсмонд видела отъезд Ламбертов и испытала угрюмое облегчение. Она пылающими глазами смотрит на Гарри, когда он появляется у карточного стола тетушки, разгоряченный превосходным вином мосье Барбо. Он смеется и отщучивается, когда тетушка спрашивает, в которую из этих девчонок он влюбился. Он весело отвечает, что любит обеих, как сестер. Он не знает человека лучше полковника Ламберта, не знает семьи лучше. Почему Ламберт не генерал? Он весьма заслуженный офицер, его королевское высочество герцог очень его любит. Госпожа Бернштейн замечает, что Гарри следует походатайствовать перед леди Ярмут за своего протеже.

— Elle ravvole fous, cher bedid anche {Она без ума от вас, милый ангелочек (испорченный франц.)}, — говорит госпожа Бернштейн, передразнивая немецкое произношение графини. Баронесса в восторге от успехов своего милого мальчика. — Ты обвораживаешь всех старух. Не правда ли, Мария? — И она с усмешкой поворачивается к племяннице, которая вздрагивает от этого болезненного укола.

— Мой милый, ты поступил совершенно правильно, не показав и вида, что замечаешь, как она плурует, и играл, как истинный джентльмен, — продолжает госпожа де Бернштейн.

— Но разве она плутовала? — восклицает изумленный Гарри. — Право же, сударыня, я не заметил, чтобы она передергивала.

— И я тоже, мой милый, но, конечно же, она плутовала. Так поступают все женщины! Включая и меня, и Марию, если нам подвертывается удобный случай. Однако, играя с Вальмоден, ты не останешься внакладе, если немножко ей проиграешь, и очень многие ее партнеры плутуют, чтобы проиграть. Поухаживай за ней. Ее очаровали твои beaux yeux {Красивые глаза (франц.)}. Почему бы вашему превосходительству не стать

губернатором Виргинии? Тебе следует представиться герцогу и его величеству в Кенсингтоне. Графиня Ярмут будет при дворе твоим лучшим другом.

— А почему не представите меня вы, тетушка? — спросил Гарри.

Нарумяненные щеки старой дамы стали чуть-чуть краснее.

— В Кенсингтоне меня не слишком жалуют, — сказала она. — Когда-то все обстояло иначе, а для королей нет лиц неприятнее тех, которые они хотели бы забыть. Все мы хотели бы забыть кого-нибудь или что-нибудь. Думаю, и наш ingenu {Простачок (франц.)} был бы рад стереть кое-что со своей грифельной доски. Верно, Гарри?

Гарри, в свою очередь, покраснел, а за ним и Мария — и их тетушка рассмеялась тем своим смехом, который был не слишком приятен для слуха. Что означали эти эмблемы нечистой совести на щеках ее племянника и племянницы? Что хотели бы они стереть с табличек своей памяти? Боюсь, госпожа Бернштейн была права и совести большинства людей есть в чем их укорить, как ни рады мы были бы забыть об этом.

Если бы Мария знала одну из причин смущения Гарри, эта пожилая дева встревожилась бы еще больше. Он уже несколько дней не мог отыскать свой бумажник. Он помнил, что бумажник был еще цел в тот день, когда он выпил в "Белом Конне" столько бордоского и Гамбо пришлось уложить его в постель. Утром он хватился бумажника, но никто из слуг его не видел. Гарри спросил о нем в "Белом Конне", но и там никто ничего не знал. Объявить о пропаже открыто было нельзя, и справки приходилось наводить очень осторожно. Он во что бы то ни стало хотел скрыть потерю бумажника. Каково было бы на душе у леди Марии, если бы она узнала, что ее сердечные излияния попали в чужие руки! Письма эти содержали всевозможные разоблачения: их бесхитростная авторша раскрывала в них сотни семейных секретов и всячески высмеивала и поносила многих из тех, с кем доводилось встречаться ей и мистеру Уорингтону. В них она выговаривала ему за знаки внимания, оказываемые другим дамам. Насмешки, сплетни, анекдоты, мольбы, клятвы в вечной верности обычная чепуха, милостивая государыня, какую и вы, если помните, писали вашему Эдварду, когда были помолвлены с ним, перед тем как стать миссис Джонс. Хотели бы вы, чтобы эти письма прочел кто-нибудь еще? Вы ведь не забыли, что писали в двух-трех этих письмах об обеих мисс Браун и как безжалостно разделались с репутацией миссис Томпсон? А вспомните, какими словами описывается в них тот самый Джонс, за которого вы затем вышли замуж (когда ваша помолвка с Эдвардом была расторгнута из-за спора о некоторых статьях брачного контракта), — хотели бы вы, чтобы

мистер Дж. прочел эти строки? Конечно, не хотели бы. Так будьте добры, верните леди Марии Эсмонд право на ваше уважение, которого вы уже готовы ее лишиться. Несомненно, письма ее были глупыми, как и все любовные письма, но из этого еще не следует, что в них было что-либо неблагоприятное. Эти письма всегда глуповаты, даже когда ими обмениваются молодые люди, — так насколько же кажутся они глупее, когда их пишет старичок юной деве или старая дева юному мальчику! Не удивительно, что леди Марии не хотелось, чтобы ее письма прочли посторонние. Ведь даже правописание... впрочем, в век ее милости это не имело большого значения, а нынче люди не стали умнее, хотя и пишут без орфографических ошибок. Нет, дело тут не в орфографии, а в том, чтобы не писать вовсе! Я, например, в будущем твердо намерен не говорить и не писать того, что я на самом деле думаю о том или ином человеке, о том или ином предмете. Я намерен о любой женщине говорить, что она целомудренна и прекрасна собой, о любом мужчине что он красив, умен и богат, о каждой книге — что она восхитительна, о манерах Снобмора — что они в высшей степени благородны, об обедах Скуперби что они изысканны, о болтовне Сой-кингтоиа — что она остроумна и поучительна, о Ксантиппе — что она добра и уступчива, о Иезавели — что цвет ее лица ослепителен от природы, о Синей Бороде — что он был нежнейшим и снисходительнейшим из мужей, а жены его скончались, по-видимому, от бронхита. Что? Осуждать безупречнейшую Мессалину? Какой черный взгляд на человеческую природу! Что? Царь Хеопс не был совершеннейшим государем? О, хулигель монархий, лаятель всего, что благородно и высоко! Когда эта книга будет завершена, я сменю желчные ливреи, которые носили мои книги с тех пор, как я только начал лепетать выпусками, и облачу их в розовые одежды с херувимами на переплетах, а все действующие лица в них будут чистейшей воды ангелами.

Но пока мы обретаемся в обществе мужчин и женщин, на чьих спинах еще не выросли крылья, и всем им, без сомнения, свойственны всякие мелкие недостатки. Вот, например, госпожа Бернштейн: она заснула после обеда, за которым ела и пила не в меру, — таковы мелкие недостатки ее милости. Мистер Гарри Уорингтон отправился сыграть на бильярде с графом Карамболи подозреваю, что его можно упрекнуть в праздности. Именно это и говорит леди Марии преподобный Сэмпсон — они беседуют вполголоса, чтобы не потревожить тетушку Бернштейн, которая дремлет в соседней комнате.

— Джентльмен с таким состоянием, как у мистера Уорингтона, может позволить себе быть праздным, — отвечает леди Мария. — Да ведь и вы

сами, любезный мистер Сэмпсон, любите карты и бильярд.

— Я не утверждаю, сударыня, что мои слова соответствуют моим делам, но слова мои здравы, — возражает капеллан со вздохом. — А нашему молодому джентльмену следовало бы чем-нибудь заняться. Ему следует представиться королю и начать служить своей стране, как подобает человеку его положения. Ему следует остепениться и найти себе невесту из какого-нибудь знатного рода. — Говоря это, Сэмпсон не спускает глаз с лица ее милости.

— Да, правда, кузен напрасно предается безделью, — соглашается леди Мария, слегка краснея.

— Мистеру Уорингтону надо было бы навестить своих родственников по отцу, — говорит капеллан.

— Суффолкских мужланов, которые только и знают, что пить пиво и травить лисиц! Не вижу, мистер Сэмпсон, чем ему может быть полезно такое знакомство.

— Но это очень древний род, и его глава вот уже сто лет, как носит титул баронета, — отвечает капеллан. — Я слышал, что у сэра Майлза есть дочка одних лет с мистером Гарри и к тому же красавица.

— Мне, сударь, не известен ни сэр Майлз Уорингтон, ни его дочери, ни его красавицы! — восклицает в волнении леди Мария.

— Баронесса пошевелилась... нет-нет — ее милость крепко спит, — тихим шепотом произносит капеллан. — Сударыня, меня очень тревожит кузен вашей милости мистер Уорингтон. Я тревожусь из-за его юности, из-за того, что он может стать жертвой корыстолюбцев, из-за мотовства, всевозможных шалостей, даже интриг, в которые его вовлекут, из-за соблазнов, которыми его все будут прельщать. Его сиятельство, мой добрый покровитель, поручил мне присматривать за ним — потому-то я сюда и приехал, как известно вашей милости. Я знаю, каким безумствам предаются молодые люди. Быть может, я и сам им предавался. Признаюсь в этом, краснея от стыда, — добавляет мистер Сэмпсон с большим чувством, однако так и не подтверждает свое раскаяние обещанной краской стыда, — Говоря между нами, сударыня, я опасаюсь, что мистер Уорингтон поставил себя в затруднительное положение, — продолжает капеллан, не спуская глаз с леди Марии.

— Как! Опять! — взвизгивает его собеседница.

— Тсс! Ваша милость, вспомните о вашей дражайшей тетушке, — шепчет капеллан, вновь указывая на госпожу Бернштейн. — Как вам кажется, ваш кузен не питает особой склонности к... к кому-нибудь из семейных мистера Ламберта? К старшей мисс Ламберт, например?

— Между ней и ним нет ничего, — объявляет леди Мария.

— Ваша милость уверены в этом?

— Говорят, что женщины, мой добрый; Сэмпсон, в подобного рода делах обладают большой зоркостью, — безмятежно отвечает ее милость. — Вот младшая, мною показалось, следовала за ним, как тень.

— Значит, я вновь впал в заблуждение, — признается прямодушный капеллан. — Об этой барышне мистер Уорингтон сказал, что ей следовало бы вернуться к ее куклам, и назвал ее дерзкой, невоспитанной девчонкой.

— А! — произносит леди Мария, словно успокоенная этим известием.

— В таком случае, сударыня, тут замешан кто-то еще, — продолжает капеллан. — Он не доверился вашей милости?

— Мне, мистер Сэмпсон? Что? Где? Как? — восклицает Мария.

— Дело в том, что дней шесть назад, после того как мы отобедали в "Белом Конне" и, может быть, выпили лишнего, мистер Уорингтон потерял бумажник, в котором хранились какие-то письма.

— Письма? — ахает леди Мария.

— И, возможно, больше денег, чем он готов признаться, — добавляет мистер Сэмпсон, печально кивнув. — Пропажа бумажника очень его расстроила. Мы оба осторожно наводили о нем справки... Мы... Боже праведный, вашей милости дурно?

Леди Мария испустила три на диво пронзительных крика и соскользнула со стула.

— Я войду к принцу! Я имею на это право! Что такое?.. Где я?.. Что случилось? — вскрикнула госпожа Бернштейн, просыпаясь.

Наверное, ей снилось былое. Старуха дрожала всем телом — ее лицо побагровело. Несколько мгновений она растерянно озиралась, а потом заковыляла к ним, опираясь на трость с черепаховым набалдашником.

— Что... что случилось? — опять спросила она. — Вы убили ее, сударь?

— Ее милости вдруг стало дурно. Разрезать ей шнуровку, сударыня? Послать за лекарем? — восклицал капеллан простодушно и с величайшей тревогой.

— Что произошло между вами, сударь? — гневно спросила старуха.

— Даю вам слово чести, сударыня, я не знаю, в чем дело. Я только упомянул, что мистер Уорингтон потерял бумажник с письмами, и миледи упала в обморок, как вы сами видите.

Госпожа Бернштейн плеснула воды на лицо племянницы, и вскоре тихий стон возвестил, что та приходит в себя.

Баронесса послала мистера Сэмпсона за доктором и бросила ему вслед

суровый взгляд. Сердитое лицо тетушки, которое увидела леди Мария, очнувшись от обморока, ничуть ее не успокоило.

— Что случилось? — спросила она в растерянности, тяжело дыша.

— Гм! Вам, сударыня, лучше знать, что случилось. Что прежде случилось в нашей семье? — воскликнула баронесса, глядя на племянницу свирепыми глазами.

— А! Да! Пропали письма... Ach, lieber Himmel! {О, праведное небо! (нем.)} — И Мария, как случилось с ней в минуты душевного волнения, начала говорить на языке своей матери.

— Да! Печать была сломана, и письма пропали. Старая история в роду Эсмондов! — с горечью сказала старуха.

— Печать сломана, письма пропали? Что означают ваши слова, тетушка? слабым голосом произнесла Мария.

— Они означают, что моя мать была единственной честной женщиной, когда-либо носившей эту фамилию! — вскричала баронесса, топая ногой. — А она была дочкой священника и происходила из незнатного рода, не то и она пошла бы не той дорогой. Боже великий! Неужели нам всем суждено быть...

— Чем же, сударыня? — воскликнула леди Мария.

— Тем, чем нас вчера вечером назвала леди Куинсберри. Тем, что мы есть на самом деле! Ты знаешь, каким словом это называют, — гневно ответила старуха. — Что, что тяготеет над нашей семьей? Мать твоего отца была честной женщиной, Мария. Почему я ее покинула? Почему ты не могла остаться такой?

— Сударыня! — возопила Мария. — Небом клянусь, я так же...

— Ба! Обойдемся без сударынь! И не призывайте небо в свидетели — мы же одни! Можете клясться в своей невинности, леди Мария, пока у вас не выпадут оставшиеся зубы, я вам все равно не поверю!

— А, так это вы ему сказали! — ахнула Мария, распознав стрелу из колчана тетушки.

— Я увидела, что вы с мальчиком затеяли какую-то нелепую интрижку, и сказала ему, что ты ровесница его матери. Да, сказала! Неужто ты думаешь, что я допущу, чтобы внук Генри Эсмонда погубил себя и свое богатство, наткнувшись на выдавшуюся всякие виды скалу вроде тебя? В нашей семье никто не ограбит и не обманет этого мальчика. Никто из вас не получит от меня и шиллинга, если с ним случится что-нибудь дурное!

— А! Так вы ему сказали! — воскликнула Мария, внезапно взбунтовавшись. — Ну, хорошо же! Позвольте вам сказать, сударыня, что ваши жалкие гроши меня не интересуют! У меня есть слово мистера Гарри

Уорингтона, да-да, и его письма! И я знаю, что он скорее умрет, чем нарушит свое слово.

— Он умрет, если сдержит его! (Мария пожала плечами.) Но тебе все равно! Ты же бессердечна...

— Как сестра моего отца, сударыня! — вновь воскликнула Мария. Забыв обычное смирение, она восстала на свою мучительницу.

— Ах, почему я не вышла замуж за честного человека? — вздохнула старуха, грустно покачивая головой. — Генри Эсмонд был благороден и добр и, быть может, сделал бы такой же и меня. Но нет — в нас всех дурная кровь, во всех! Ты ведь не будешь настолько безжалостна, чтобы погубить этого мальчика, Мария?

— *Madame ma tante* {Госпожа тетушка (франц.)}, неужели, по-вашему, я в мои годы все еще дурочка? — спросила Мария.

— Верни ему его слово! Я дам тебе пять тысяч фунтов в... в моем завещании, Мария. Клянусь тебе!

— Когда вы были молоды и вам нравился полковник Эсмонд, вы бросили его ради графа, а графа ради герцога?

— Да.

— А! *Von sang ne peut mentir!* {Хорошая кровь всегда скажется (франц.)} У меня нет денег и нет друзей. Мой отец был мотом, мой брат нищий. У меня есть слово мистера Уорингтона, сударыня, и я знаю, что он его сдержит. И вот что я скажу вашей милости, — продолжала леди Мария, взмахивая ручкой. Предположим, завтра мои письма станут известны всему свету. *Arres?* {Ну и что? (франц.)} Я знаю, что в них есть вещи, которые я не предназначала для чужих глаз. И вещи, касающиеся не только меня одной. *Comment!* {Как же! (франц.)} Или вы считаете, что в нашей семье ни о ком, кроме меня, нельзя ничего рассказать? Нет, моих писем я не боюсь, сударыня, до тех пор, пока у меня есть его письма. Да, его письма и его слово — я твердо полагаюсь и на то и на другое!

— Я пошлю за моим поверенным и тут же отдам тебе эти деньги, Мария, умоляюще произнесла баронесса.

— Нет. У меня будет мой миленький Гарри и не пять тысяч фунтов, а вдесятеро больше! — воскликнула Мария.

— Только после смерти его матери, сударыня, а она вам ровесница!

— Мы можем и подождать, тетушка. В моем возрасте, как вы изволили выразиться, я не тороплюсь обзавестись мужем, точно молоденькая девчонка.

— Однако необходимость ждать смерти моей сестры все-таки портит дело?

— Предложите мне десять тысяч фунтов, госпожа Тэшер, и мы посмотрим! объявила Мария.

— У меня нет таких денег, Мария, — ответила старуха.

— В таком случае, сударыня, разрешите мне самой о себе позаботиться, сказала Мария.

— Ах, если бы он тебя слышал!

— Apres? У меня есть его слово. Я знаю, что он его сдержит, а потому могу подождать. — С этими словами она выбежала из комнаты, как раз когда вернулся капеллан. Сердечные капли понадобились теперь баронессе. Она была чрезвычайно потрясена и расстроена всем тем, что ей пришлось так внезапно узнать.

Глава XXXVI

которая как будто чревата бедой

Хотя баронесса Бернштейн, несомненно, проиграла сражение, описанное в предыдущей главе, при следующей встрече с племянницей она не выказала ни гнева, ни досады.

— Разумеется, миледи Мария, — сказала она, — вы вряд ли могли предполагать, что я, близкая родственница Гарри Уорингтона, обрадуюсь тому, что он выбрал себе в невесты ровесницу своей матери, да к тому же бесприданницу, но если он вознамерился сделать подобную глупость, это в конце концов его дело, и не стоит принимать *au serieux* {Всерьез (франц.).} мое предложение уплатить пять тысяч фунтов, которое я сделала в пылу нашего спора. Итак, эта прелестная помолвка состоялась еще в Каслвуде? Знай я, моя милая, что дело зашло так далеко, я не стала бы тратить время на бесполезные возражения. Когда кувшин разбит, словами уже не поможешь.

— Сударыня! — вспыхнула леди Мария.

— Прошу прощения — я вовсе не намекала на честь или репутацию вашей милости, которые, без сомнения, в полной сохранности. Это утверждает Гарри и это утверждаете вы — так чего же еще можно желать?

— Вы беседовали с мистером Уорингтоном, сударыня?

— И он признался, что дал тебе в Каслвуде слово — что у тебя есть его письменное обещание.

— Разумеется, сударыня, — сказала леди Мария.

— О, — старуха и бровью не повела. — И признаюсь, вначале я неверно истолковала содержание твоих писем к нему. Они задевают других членов нашей семьи.

— Которые говорили обо мне всяческие гадости и старались очернить меня в глазах моего дорогого мистера Уорингтона. Да, сударыня, не стану отрицать, что я писала о них резко, так как была вынуждена опровергнуть возводимые на меня поклепы.

— И, разумеется, тебя весьма огорчает мысль, что какой-нибудь негодяй использует эти историйки во вред нашей семье, сделав их всеобщим достоянием. Потому-то ты так и тревожишься.

— Вот именно! — ответила леди Мария. — С недавних пор я ничего не скрываю от мистера Уорингтона и в письмах изливала ему свою душу. Но это еще не значит, что я хотела, чтобы весь свет узнал про ссоры в столь

знатной семье, как наша.

— Право же, Мария, ты меня восхищаешь, и я вижу, что не отдавала тебе должного все эти... ну, скажем, все эти двадцать лет.

— Я в восторге, сударыня, что вы хоть и поздно, но отдали мне должное, — сказала племянница.

— Когда я смотрела вчера, как ты открывала бал с моим племянником, знаешь ли, милочка, о чем я тогда думала?

— Как я могу знать, о чем думала баронесса де Бернштейн? — надменно уронила леди Мария.

— Я вспомнила, милочка, как ты под этот же самый мотив отплясывала со своим кенсингтонским учителем танцев.

— Сударыня, это мерзкая клевета!

— И бедняга танцмейстер ни за что ни про что попробовал палок.

— Воскрешать эту клевету — жестоко и бессердечно, сударыня... и я должна буду отказаться от чести жить под одним кровом с теми, кто ее повторяет, — продолжала Мария с большим достоинством.

— Ты хочешь вернуться домой? О, я понимаю, почему Танбридж тебе разонравился. Если эти письма обнаружатся, ты не сможешь показаться на людях.

— В них, сударыня, не было ни единого дурного слова о вас: можете ничего не опасаться.

— Это сказал и Гарри, защищая вашу милость. Ну что ж, моя милая, мы надоели друг другу, и нам будет лучше на время расстаться.

— Таково и мое мнение! — ответила леди Мария, делая реверанс.

— Мистер Сэмпсон проводит тебя в Каслвуд. Ты можешь поехать с горничной в почтовой коляске.

— Мы можем взять почтовую коляску, и мистер Сэмпсон меня проводит, повторила леди Мария. — Вот видите, сударыня, я веду себя, как почтительная племянница.

— Знаешь ли, моя милая, мне кажется, что письма у Сэмпсона, доверительно сказала баронесса.

— Признаюсь, такая мысль приходила в голову и мне.

— И ты собираешься отправиться домой в почтовой коляске, чтобы выманить у него письма? Далила! Что же, мне они ни к чему, и я надеюсь, ты сумеешь их заполучить. Когда ты думаешь ехать? Чем скорее, тем лучше, говоришь ты? Мы светские женщины, Мария. Мы бранимся только в пылу гнева. Нам не нравится общество друг друга, и мы расстаемся, сохраняя прекрасные отношения. Не поехать ли нам к леди Ярмут? У нее сегодня прием. Перемена обстановки превосходное средство от легких

нервических припадков, которым ты подвержена, а карты развеивают тягостные мысли лучше всяких докторов.

Леди Мария согласилась поехать на карточный вечер леди Ярмут и, одевшись первой, дожидалась тетушку в гостиной. Госпожа Бернштейн, спускаясь туда, заметила, что дверь в спальню Марии не притворена. "Она носит письма с собой", — подумала старуха. Каждая уселась в свой портшез, и они отправились развлекаться, продолжая выказывать друг другу очаровательную нежность и учтивость, как это умеют женщины после — и даже в разгаре — самых ожесточенных ссор.

Когда они вернулись ночью от графини и леди Мария, удалившись в спальню, позвонила в колокольчик, на ее зов явилась миссис Бретт, горничная госпожи Бернштейн. Миссис Бетти, вынуждена была со стыдом объяснить миссис Бретт, сейчас в таком виде, что не может показаться на глаза ее милости. Миссис Бетти кутила и веселилась в обществе черного камердинера мистера Уорингтона, лакея лорда Бамборо и других джентльменов и дам того же круга, и вино — миссис Бретт содрогнулась при этих словах — ударило в голову негодяйке. Угодно миледи, чтобы миссис Бретт помогла ей раздеться? Миледи сказала, что разденется сама, и разрешила миссис Бретт удалиться. "Письма у нее в корсете", — решила госпожа Бернштейн. А ведь на лестнице они пожелали друг другу доброй ночи самым сердечным образом.

Когда на следующее утро миссис Бетти покинула примыкавший к спальне леди Марий чуланчик, где она спала, и предстала перед своей госпожой, та сурово ее выбранила. Бетти в раскаянии созналась в слабости к ромовому пуншу, который мистер Гамбо варит с необыкновенным искусством. Она смиренно выслушала выговор и, исполнив свои обязанности, удалилась.

Надо сказать, что Бетти, одна из каслвудских служанок, покоренных чарами мистера Гамбо, была очень хорошенькой синеглазой девушкой, и мистер Кейс, доверенный слуга госпожи Бернштейн, также обратил на нее благосклонный взор. Поэтому между господином Гамбо и господином Кейсом вспыхнула ревнивая вражда, нередко переходившая в открытые ссоры, и Гамбо, человек по натуре чрезвычайно мирный, предпочитал держаться подальше от челяди госпожи де Бернштейн с тех пор, как дворецкий баронессы поклялся переломать ему все кости и даже убить его, если он и впредь осмелится ухаживать за миссис Бетти.

Однако в тот вечер, когда был сварен ромовый пунш, хотя мистер Кейс застиг Гамбо и Бетти, когда они шептались в дверях на холодном сквозняке, и Гамбо побелел бы от страха, будь он на то способен,

дворецкий обошелся с ним очень любезно. Именно он первым заговорил о пунше, который был затем сварен и распит в комнатке миссис Бетти и в который Гамбо вложил все свое уменье. Мистер Кейс весьма лестно отозвался о пении Гамбо. Вопреки своим трезвым привычкам он то и дело пускал чашу вкруговую, и наконец бедняжка Бетти впала в то состояние, которое навлекло на нее справедливый гнев ее госпожи.

Что до мистера Кейса, который квартировал на стороне, то пунш так расстроил его здоровье, что он весь следующий день провел в постели и только перед ужином собрался наконец с силами и смог приступить к исполнению своих обязанностей. Его хозяйка добродушно попеняла ему, заметив, что подобного греха за ним прежде не водилось.

— Да неужели, Кейс! А я готов был поклясться, что утром видел, как вы во весь опор скакали по лондонской дороге, — сказал мистер Уорингтон, ужинавший у своих родственниц.

— Я? Господи, сударь, да я пластом лежал и думал, что голова у меня вот-вот расколется. В шесть часов я немножко поел и выпил стаканчик слабого пива и теперь совсем оправился. Ну, уж этот Гамбо, не при вашей чести будь сказано. Чтобы я еще когда-нибудь выпил хоть глоток его пунша!

И честный мажордом принялся наполнять рюмки ужинающих, как того требовал его долг.

После ужина госпожа Бернштейн была очень ласкова с племянником и племянницей. Она рекомендовала Марии подкрепляющие напитки на случай, если у нее опять начнутся обмороки, столь часто ей досаждающие. Баронесса настаивала, чтобы леди Мария посоветовалась с ее лондонским врачом, — она может послать ему с Гарри описание своего недуга. С Гарри? Да. Гарри по поручению тетушки на два дня уезжает в Лондон.

— Не стану скрывать от тебя, милочка, что речь идет о его же благе. Я хочу, чтобы мистер Дрейпер вписал его в мое завещание, а к тому же, когда мы расстанемся, я намерена посетить кое-каких моих друзей в их поместьях и попрошу поэтому мистера Уорингтона на всякий случай забрать с собой в Лондон шкатулку с моими драгоценностями. Последнее время участились грабежи на больших дорогах, и я опасаюсь встречи с разбойниками.

Мария несколько растерялась, услышав о предполагаемом отъезде юного джентльмена, однако выразила надежду, что он проводит ее в Каслвуд, куда уже вернулся ее старший брат.

— Ничего, — ответила тетушка. — Мальчик засиделся с нами в Танбридже, и день в Лондоне ему не повредит. Он успеет выполнить мое

поручение и вернуться в субботу.

— Я предложил бы сопровождать мистера Уорингтона, по в пятницу я проповедую перед ее сиятельством, — сказал мистер Сэмпсон.

Ему очень хотелось блеснуть своим проповедническим даром перед леди Ярмут, и госпожа Бернштейн, пустив в ход свое влияние на королевскую фаворитку, заручилась ее согласием послушать капеллана.

Гарри очень понравилась мысль съездить в Лондон и повеселиться там денька два. Он обещал держать пистолеты наготове и доставить бриллианты банкиру в целости и сохранности. Остановиться ему в лондонском доме тетушки? Нет, ему будет там неудобно — ведь дом стоит пустой и из прислуги там остались только горничная и конюх. Он остановится в "Звезде и Подвязке" на Пэл-Мэл или в какой-нибудь гостинице вблизи Ковент-Гардена.

— Ах, как часто я обсуждал эту поездку! — сказал Гарри грустно.

— С кем же это, сударь? — осведомилась леди Мария.

— С тем, кто собирался приехать сюда вместе со мной, — ответил молодой человек, как всегда с глубокой нежностью вспоминая о погибшем брате.

— Он не такой бессердечный, как многие из нас, Мария, — заметила тетушка Гарри, догадавшись о его чувствах.

Наш молодой человек по-прежнему нередко испытывал необоримые приступы горя. Ему вспоминалось расставание с братом, поле сражения и обстоятельства, при которых год назад погиб Джордж, его слова, планы путешествия по Англии, которые они строили, вместе, и его охватывала печаль.

— Право, сударыня, — шепнул капеллан на ухо госпоже Бернштейн, некоторые ваши общие знакомые в Англии вряд ли стали бы так тосковать из-за смерти старшего брата.

Но, конечно, грусть рассеивалась, и мы без труда представим себе, как мистер Уорингтон с большой охотой отправляется в Лондон — счастливый и радостный уже потому, приходится признаться, что он избавляется при этом от общества своей пожилой возлюбленной. Да. Что поделаешь! В Каслвуде он в один злосчастный вечер предложил сердце и руку своей перезрелой кузине, и она приняла предложение глупого юнца. Но о скором браке не могло быть и речи. Ему предстояло испросить согласие матери, которая была пожизненной владелицей виргинского поместья. И, разумеется, она не могла не воспротивиться подобному союзу. Поэтому было решено пока отложить все на неопределенное время. Но эта помолвка тяжким бременем лежала на душе молодого человека, горько

раскаивавшегося в своей опрометчивости.

Не удивительно, что он становился все веселее, приближаясь к Лондону, и что он глядел в окошко кареты на поднимавшийся перед ним город с любопытством и восторгом. Разбойники не остановили нашего путешественника, когда он проезжал Блекхит. И вот впереди уже заблестели купола Гринвича, обрамленные зеленью деревьев. А вот прославленная Темза с бесчисленными судами, а вот самый настоящий лондонский Тауэр. Смотри, Гамбо! Вон Тауэр!

— Да, хозяин, — отвечает Гамбо, который знать не знает, что такое Тауэр.

Но Гарри знает — он вспоминает, как читал про Тауэр в "Медулле" Хауэлла и как они с братом играли в Тауэр, и начинает с восторгом думать, что вскоре он своими глазами увидит старинное оружие, драгоценности и львов. Они минуют Саутуорк и въезжают на знаменитый Лондонский мост, который еще два года назад был весь застроен домами, как улица. Но теперь от них остались одни-единственные ворота, да и те уже ломают. Карета катит по городу...

— Смотри, Гамбо, вон собор Святого Павла!

— Да, хозяин, собор Святого Павла! — подхватывает Гамбо, хотя красота собора оставляет его равнодушным.

Так мы наконец добираемся до Темпла, и Гамбо и его господин с трепетом глядят на головы мятежников на его воротах.

Карета подъехала к конторе мистера Дрейпера в Миддл-Темпл-лейн, и Гарри вручил мистеру Дрейперу шкатулку с драгоценностями, а также письмо от тетушки, которое стряпчий прочел с заметным интересом и по прочтении спрятал. Затем он убрал драгоценности в железный шкафчик и удалился на несколько минут со своим писцом в соседнюю комнату, после чего изъявил полную готовность проводить мистера Уорингтона в гостиницу. Лучше всего ему будет поселиться где-нибудь в Ковент-Гардене.

— Мне придется задержать вас в Лондоне на два-три дня, мистер Уорингтон, — объяснил стряпчий. — Вряд ли бумаги, которые нужны баронессе, будут готовы раньше. А пока, если вы захотите осмотреть Лондон, я к вашим услугам. Сам я живу за городом — у меня небольшой домик в Кемберуэлле, где я был бы счастлив видеть мистера Уорингтона моим гостем, но полагаю, сэр, для молодого человека всегда приятнее ничем не стесненная жизнь в гостинице.

Гарри согласился, что в гостинице ему будет удобнее, и карета покатила к "Бедфорду", увозя только писца мистера Дрейпера, так как было решено, что молодой виргинец и мистер Дрейпер отправятся туда пешком

позже.

Мистер Дрейпер и мистер Уорингтон еще некоторое время беседовали в конторе. Дрейперы, отец и сын, были поверенными семьи Эсмонд с незапамятных времен, и стряпчий поведал мистеру Уорингтону немало историй о его каслвудских предках. Мистер Дрейпер уже не был поверенным в делах нынешнего графа: его батюшка и граф поссорились, после чего его сиятельство отказался от услуг фирмы, но баронесса по-прежнему оставалась их досточтимой клиенткой, и мистер Дрейпер был весьма рад, что ее милость питает такое расположение к своему племяннику.

Когда они собрались уходить и уже надели шляпы, младший писец остановил патрона в коридоре и сказал:

— Прошу прощения, сэръ, но бумаги баронессы были вручены дворецкому ее милости, мистеру Кейсу, два дня назад.

— Будьте добры не вмешиваться в то, что вас не касается, мистер Браун, — ответил стряпчий с некоторым раздражением. — Сюда, мистер Уорингтон. Лестницы у нас в Темпле темноваты. Разрешите, я пойду впереди.

Гарри перехватил прощальный гневный взгляд, который мистер Дрейпер бросил на мистера Брауна.

"Так, значит, два дня назад Кейс и вправду ездил в Лондон, — подумал он. — Что могло понадобиться здесь старому лису?" Но чужие секреты его не интересовали, и он более не размышлял об этом.

Так с чего же они начнут осмотр города? Гарри хотел прежде всего побывать на том месте в Лестер-Филд, где его дедушка и лорд Каслвуд дрались на дуэли пятьдесят шесть лет тому назад. Мистер Дрейпер хорошо знал и это место, и всю связанную с ним историю. А к Лестер-Филд они могут пройти через Ковент-Гарден и посмотреть, удобные ли комнаты отвели мистеру Уорингтону. И заказать обед, добавил мистер Уорингтон. О нет! На это мистер Дрейпер никак не мог согласиться. Он выразил надежду, что мистер Уорингтон окажет ему честь в день своего приезда отобедать у него. Ведь он даже взял на себя смелость уже заказать обед в "Петухе". Мистер Уорингтон, разумеется, не мог отклонить столь настойчивое приглашение и весело отправился в путь со своим новым другом, — когда они проходили под отрубленными головами над аркой ворот, мистер Уорингтон, к немалому удивлению стряпчего, снял шляпу.

— Эти джентльмены отдали жизнь за своего короля, сэръ! Мы с моим милым братом Джорджем всегда говорили, что поклонимся им, когда их увидим.

— Но ведь за вами увяжется чернь, сударь! — испуганно сказал стряпчий.

— К черту чернь, сэр! — высокомерно ответил Гарри, но прохожие думали о собственных делах и не обратили ни малейшего внимания на выходку мистера Уорингтона, а он пошел дальше по людному Стрэнду, с восторгом глядя по сторонам и, я думаю, на всю жизнь запоминая новые картины и впечатления; тем не менее он старался скрыть свой интерес, не желая, чтобы стряпчий заметил его волнение, а встречные догадались, что он в столице впервые. Гарри почти не слышал рассказов своего спутника, хотя тот всю дорогу говорил без умолку. Впрочем, надменное молчание Гарри ничуть не обижало мистера Дрейпера: сто лет назад джентльмен был джентльменом, а поверенный в делах — его очень и очень смиренным слугой.

В "Бедфорде" управляющий проводил мистера Уорингтона в его комнату с заискивающими и радостными поклонами, ибо Гамбо не преминул вострубить хвалу величию своего хозяина, а писец мистера Дрейпера подтвердил, что их новый постоялец — "знатная персона". Осмотрев апартаменты, мистер Уорингтон и его провожатый отправились на Лестер-Филд (мистер Гамбо важно шествовал за своим господином), осмотрели место, где был ранен дед молодого виргинца, а злосчастный лорд Каслвуд получил смертельный удар, а затем вернулись в Темпл, в контору мистера Дрейпера.

Какому неряшливо одетому толстяку поклонился мистер Уорингтон, когда они после обеда отправились прогуляться по саду? Это был мистер Джонсон, литератор, с которым он познакомился в Танбридж-Уэлзе.

— Послушайте совета человека, знающего свет, сударь, — сказал мистер Дрейпер, бросая презрительный взгляд на поношенный костюм писателя. — Чем дальше вы будете держаться от подобных людей, тем лучше. Мы, юристы, знаем, каких пакостей можно ожидать от этих писак, поверьте мне.

— О, неужели! — отозвался мистер Уорингтон, которому его новый знакомый нравился тем меньше, чем фамильярнее он становился.

Театры были закрыты. Не отправиться ли им в Сэдлерс-Уэлз? Или в Мэрибон-Гарденс? Или в Раниле?

— Только не в Раниле! — объявил мистер Дрейпер. — Ведь аристократия сейчас покинула Лондон.

Но, прочитав в газете, что в Азлингтоне, в Сэдлере-Уэлз, почтенную публику будет развлекать неподражаемой игрой на восьми колокольчиках мистер Франклин, а также несравненная синьора Катарина, Гарри

благоразумно решил посетить Мэрибон-Гарденс, где его ожидала музыка, выбор между чаем, кофе и всевозможными винами, а также неумолчные разглагольствования мистера Дрейпера. Только у дверей своей спальни Гарри наконец расстался с услужливым стряпчим, — там наш молодой джентльмен с надменным величием пожелал своему разговорчивому спутнику доброй ночи.

На следующее утро мистер Уорингтон, облачившись в парчовый халат, позавтракал и прочитал газету, наслаждаясь привольем жизни в гостинице. В газете были напечатаны известия из его родной колонии. И когда он увидел слова "Уильямсберг. Виргиния, 7 июня", его глаза вдруг затуманились. Он только что получил нисьма с этой же июньской почтой, но его мать не упомянула про то, как "многие виднейшие землевладельцы колонии встали под команду высокородного Пейтона Рандольфа, эсквайра, чтобы отправиться на выручку своим угнетенным соотечественникам и отмстить за жестокости, творимые французами и их союзниками-дикарями. Им присвоена военная форма: одноцветный синий мундир, нанковый коричневый камзол и панталоны и простые шляпы. Каждый вооружен легким кремневым ружьем, пистолетами и саблей".

— Ах, почему мы не там, не с ними, Гамбо! — вскричал Гарри.

— Да, почему мы не там! — возопил Гамбо.

— Почему я тут таскаюсь за дамскими шлейфами! — продолжал виргинец.

— По-моему, мистер Гарри, таскаться за дамскими шлейфами очень приятно! — заметил материалист Гамбо, который ничуть не огорчился, когда его господин прочел и другую весть с их родины: виргинское судно "Красотка Салли" было захвачено у входа в порт французским капером.

Затем он узнал из газеты, что в гостинице "Бык", в нижнем конце Хаттон-Гарденс, будут продаваться лучшая кобыла во всей Англии и пара весьма породистых гнедых иноходцев. Гарри решил взглянуть на этих лошадей и поспешил узнать дорогу к "Быку". Он тут же купил пару породистых гнедых иноходцев и заплатил за них, не торгуясь. Он никому не рассказывал о том, что еще делал в тот день, боясь показаться провинциалом, однако есть основания полагать, что он нанял экипаж и отправился в Вестминстерское аббатство, а оттуда велел везти себя в Тауэр, затем на выставку восковых фигур миссис Солмен, а затем в Хайд-парк и к Кенсингтонскому дворцу. Затем он решил ехать на биржу, но по дороге увидел Ковент-Гарден и приказал свернуть к гостинице, где заставил умолкнуть возницу, принявшегося было перечислять все места, куда они заезжали, бросив ему гинею.

Оказалось, что в его отсутствие заходил мистер Дрейпер и сказал, что зайдет еще раз, однако мистер Уорингтон, прекрасно пообедав наедине с самим собой, поспешил еще раз посетить Мэрибон-Гарденс с тем же благородным спутником.

Когда он вышел из гостиницы на следующее утро, колокола Святого Павла в Ковент-Гардене звонили к обедне и напомнили ему о том, что в этот день его друг Сэмпсон должен был прочесть свою проповедь. Гарри улыбнулся. Он уже начал оценивать проповеди мистера Сэмпсона справедливо и по достоинству.

Глава XXXVII

в которой мы видим несколько схваток

Прочитав в "Лондон адвертайзер", который был подан его милости вместе с завтраком, что все любители мужественной истинно британской забавы приглашаются присутствовать при том, как будут меряться силами великие чемпионы Саттон и Фигг, мистер Уорингтон решил поглядеть на этот бой, для чего и отправился в Вуден-Хаус, на Мэрибон-Филдс в экипаже, запряженном парой, которую он купил накануне. Юный возничий плохо знал дорогу и менял направление куда чаще, чем требовалось, так что в конце концов заплутался в лабиринте зеленых проулков позади круглой молельни мистера Уитфилда на Тотнем-роуд и в лугах, посреди которых стояла Миддлсекская больница. Однако в конце концов он добрался до места своего назначения и увидел перед деревянным павильоном многочисленное общество, намеревавшееся полюбоваться подвигами двух чемпионов.

У дверей этого храма британской доблести собрался всякий лондонский сброд, а также несколько аристократических экипажей, владельцы которых, подобно мистеру Уорингтону, явились сюда оказать покровительство мужественной истинно британской забаве. Вокруг нашего молодого джентльмена тотчас столпились всевозможные нищие и калеки, кланча милостыню. Чистильщики сапог отталкивали друг друга, соперничая за честь наваксить сапоги его милости, а цветочницы и продавцы фруктов усердно навязывали свои товары мистеру Гамбо. Место схватки окружали пирожники, карманные воры, бродяги и всякие праздношатающиеся зеваки. Над зданием развевался флаг, а на возвышении у дверей под аккомпанемент барабана и трубы то и дело появлялся распорядитель, чтобы оповестить толпу о том, что благородная британская забава вот-вот начнется.

Мистер Уорингтон заплатил за вход и был препровожден на галерею, откуда был прекрасно виден помост, на котором должен был происходить бой. Мистер Гамбо сидел в амфитеатре под галереей или, когда ему надоедало смотреть, выходил наружу, чтобы выпить кружку пива или перекинуться в картишки с братьями-лакеями и кучерами, восседавшими на козлах в ожидании своих хозяев. Ливрейные лакеи, форейторы, всяческие прочие слуги — старое общество было обременено огромным их количеством. Благородные господа и дамы не могли и шагу ступить, если

их не сопровождал хотя бы один служитель, а чаще их бывало и два и три. В каждом театре имелась галерка для лакеев, полки ливрей маршировали у дверей любой церкви, они кишели в передних, они возлежали на полу в прихожих и на площадках лестниц, они обжирались, опивались, буянили, мошенничали, играли в карты, вымогали у посетителей чаевые — это древнее благородное племя лакеев ныне почти вымерло. Нам осталось их не более нескольких тысяч. Величавые, рослые, прекрасные, меланхоличные — такими иногда нам еще бывает дано узреть их в дни торжественных приемов вместе с их букетиками и пряжками, их плюшем и пудрой. Точно так же я видел в Америке образчики, а вернее — стоянки и деревни краснокожих индейцев. Но раса эта обречена. Веление Рона свершилось, и Ункас с томагавком и орлиным пером, как Джеймс с треуголкой и длинной тростью, навеки покидают мир, где некогда шествовали, осиянные славой.

Перед тем как на помост вступили главные соперники, там состязались бойцы помельче. Первыми вышли боксеры, но дрались они без особого задора, и ни один не потерпел значительного урона, так что мистер Уорингтон и все прочие зрители не получили от этого зрелища никакого удовольствия. Затем начался бой на дубинках, однако проломленные головы были настолько неизвестными, а ушибы и раны настолько пустяковыми, что зрители, вполне понятно, начали свистеть, вопить и всякими иными способами выражать свое недовольство.

— Чемпионов! Чемпионов! — вопила толпа, и после некоторого промедления на помост наконец соблаговолили выйти указанные знаменитости.

Первым по ступеням поднялся неустрашимый Саттон, держа в руке шпагу, он отсалютовал публике этим грозным оружием и отвесил низкий поклон в сторону частной ложи-балкона, в которой сидел тучный джентльмен, особа, по-видимому, важная. Вслед за Саттоном на помосте появился прославленный Фигг, которому тучный джентльмен одобрительно помахал рукой. Оба бойца были в рубашках и обриты наголо, так что взору зрителей открылись шрамы и рубцы, полученные ими в бесчисленных великолепных схватках. На могучей правой руке оба доблестных чемпиона повязали свои "цвета" — широкие ленты. Гладиаторы обменялись рукопожатием, и, как выразился некий поэт, их современник, "заговорила сталь" {* Читателю, любящему старину, несомненно, известны простодушные стихи, помещенные в шестом томе антологии Додели, в которых описывается эта схватка. (Прим. автора.)}.

В начале схватки великий Фигг нанес противнику удар такой

чудовищной силы, что, придись он по благородной шее этого последнего, туловище его лишилось бы своего изящного украшения, отсеченного с легкостью, с какой нож рубит морковь. Однако Саттон принял клинок соперника на свой, и мощь удара была такова, что шпага Фигга переломилась, уступив в упорстве сердцу того, чья рука ее направляла. Бойцам подали новые шпаги. Первая кровь брызнула на вздымающейся груди Фигга под восторженные вопли приверженцев Саттона, однако ветеран воззвал к зрителям — и не столько к ним всем, сколько к тучной персоне в ложе — и показал, что ранила его собственная шпага, сломавшаяся при предыдущем выпаде.

Пока продолжался спор, вызванный этим происшествием, мистер Уорингтон заметил, что в ложу тучного незнакомца вошел джентльмен в костюме для верховой езды и в простом парике — и, к своему большому удовольствию, узнал в нем своего танбриджского друга, лорда Марча и Раглена. Лорд Марч, который отнюдь не был щедр на любезности, казалось, питал к тучному джентльмену величайшее почтение, и Гарри обратил внимание на то, с каким глубоким поклоном его сиятельство принял банкноты, которые хозяин ложи вынул из бумажника и вручил ему. В эту минуту лорд Марч заметил нашего виргинца и, кончив свои переговоры с тучным джентльменом, прошел туда, где сидел Гарри, и радостно поздоровался со своим молодым другом. Они сели рядом и продолжали следить за боем, который велся с переменным успехом, но с величайшим искусством и мужеством с обеих сторон. После того как бойцы наработались шпагами, они сменили их на дубинки, и это долгое восхитительное сражение завершилось тем, что победа еще раз осенила своего верного слугителя Фигга.

Пока бой еще длился, разразилась гроза; и мистер Уорингтон с благодарностью принял приглашение милорда Марча поехать в его карете, на козлы же его собственного экипажа сел грум. Благородное зрелище, которое он наблюдал, привело Гарри в неистовый восторг: он объявил, что ничего лучше он в Англии еще не видел, и, как обычно, почувствовав сожаление, что не может разделить такое удовольствие с любимым товарищем своих детских игр, начал со вздохом:

— Как бы я хотел... — Но тут же умолк и закончил: — Нет, этого бы я не хотел.

— Чего вы хотели бы и не хотели бы? — осведомился лорд Марч.

— Я вспомнил своего старшего брата, милорд, и жалел, что его нет со мной. Видите ли, мы собирались приехать на родину вместе и много раз говорили об этом. "Но такая грубая забава ему не понравилась бы — он не

любил подобных вещей, хотя нельзя было найти человека храбрее его.

— О! Храбрее его нельзя было найти человека? — повторил милорд, откидываясь на подушку сиденья и поглядывая на своего виргинского друга с некоторым любопытством.

— Видели бы вы его, когда он поссорился с одним доблестным офицером, нашим другом, — ссора была нелепой, но Джордж не дал бы ему пощады. Богом клянусь, я не видел, чтобы человек мог быть так хладнокровен, так полон ярости и решимости. Для чести Виргинии было бы куда лучше, если бы он мог приехать сюда вместо меня и показать вам, что такое настоящий виргинский джентльмен!

— Право, сударь, для этого вполне годитесь и вы. Поговаривают, что вы в милости у леди Ярмут, не так ли?

— Да, конечно, я не хуже других. Я умею ездить верхом и, пожалуй, стреляю лучше Джорджа, но зато у моего брата была голова на плечах, сударь, голова! — заявил Гарри, постукивая по собственному лбу. — Даю вам слово, милорд, что он прочел чуть ли не все книги, какие только есть на свете, а еще он умел играть и на скрипке, и на клавесине и сочинял стихи и проповеди, самые изящные. А я — что я умею? Ездить верхом, да играть в карты, да пить бургундское. — И кающийся грешник уныло поник головой. — Но зато уж в этом я с кем угодно потягаюсь. По правде говоря, милорд, тут я поставлю на себя без всяких опасений, — dokonчил он, к немалому удовольствию своего собеседника.

Лорд Марч смаковал *naivete* {Наивность (франц.)} молодого виргинца, как пресыщенный чревоугодник, который до конца своих дней будет смаковать сочную баранью отбивную.

— Черт побери, мистер Уорингтон, — сказал он, — вас следовало бы повезти на Эксетерскую ярмарку и показывать в балагане.

— С какой это стати?

— Как джентльмена из Виргинии, который лишился старшего брата и искренне его оплакивает. У нас тут эта порода не водится. Честью и совестью клянусь, я верю, что вы обрадовались бы, если бы он воскрес.

— Верите! — воскликнул виргинец, и лицо его побагровело.

— То есть, вы верите, что обрадовались бы этому. Но не сомневайтесь: никакой радости вы не почувствовали бы. Это противно человеческой натуре как я ее понимаю, во всяком случае. А сейчас вы увидите несколько недурных домов. Вон тот на углу принадлежит сэру Ричарду Литлтону, а этот большой особняк — лорду Бингли. Как жаль, что с этим пустырем, с Кавендиш-сквер, еще ничего не сделали и только обнесли его безобразным забором. Черт побери! Во что превращается Лондон! Из Монтегью-Хаус

устроили дурацкую кунсткамеру на манер музея дона Сальтеро, набили его книгами, а также чучелами птиц и всяких носорогов. Проложили дурацкую новую улицу через сады Бедфорд-Хауса и нарушили покой герцога, хотя, полагаю, возмещение его утешит. Право, не знаю, что еще придумают городские власти! Как мы поедем? По Тайберн-роуд и через парк или по Своллоу-стрит прямо в кварталы, где обитают приличные люди? Мы можем пообедать на Пэл-Мэл или, если вы предпочтете, у вас; и вечер проведем так, как вам будет угодно, — с дамой пик или...

— С дамой пик, ваше сиятельство, — перебил мистер Уорингтон, розовея.

Засим карета покатила к его гостинице в Ковент-Гардене, хозяин выбежал ему навстречу с обычным подобострастием, а узнав милорда Марча и Раглена, поспешил смиренно приветствовать его сиятельство, склонив кудри парика к самым башмакам графа. Кем вы предпочли бы стать — богатым и молодым английским пэром в царствование Георга II или богатым патрицием в царствование Августа? Вот прекрасный вопрос, который могли бы обсудить нынешние молодые джентльмены на заседании какого-нибудь своего дискуссионного клуба.

Разумеется, молодому виргинцу и его благородному другу был подан наилучший английский обед. За обедом в обильном количестве последовало вино, настолько недурное, что эпикуреец-граф остался доволен. За вином они обсуждали, отправиться ли им в Воксхолл посмотреть на фейерверк или сесть за карты. Гарри, который никогда в жизни не видел фейерверка, если не считать десятка шутих, запущенных в Уильямсберге 5 ноября (зрелище, показавшееся ему великолепным), предпочел бы Воксхолл, по уступил желанию своего гостя, выбравшего пикет, и вскоре они уже были поглощены этой игрой;

Вначале Гарри, по обыкновению, выигрывал, но через полчаса удача ему изменила и улыбнулась лорду Марчу, который уже давно сердито хмурился. Тут в комнату с поклонами вошел мистер Дрейпер, поверенный мистера Уорингтона, и принял приглашение Гарри присесть и выпить вина. Мистер Уорингтон всегда приглашал всякого гостя присесть и выпить вина и потчевал его лучшим, что у него было. Имей он одну черствую корку, он делился бы ею, имей он оленью ногу, он угощал бы олениной, имей он графин воды, он пил бы ее с удовольствием, имей он бутылку бургундского, он весело распил бы ее с другом, томимым жаждой. И не воображайте, будто гостеприимство и хлебосольство — такая уж обычная добродетель. Вы прочитали о ней в книгах, мой дорогой сэр, и считаете себя хлебосолом, потому что даете шесть обедов в год на двадцать

кувертов, оплачивая своим знакомым любезностью за любезность, но где радушие, где дружеский дух и доброе сердце? Поверьте мне, они в нашем эгоистическом мире — большая редкость. Возможно, мы в юности привозим их с собой из деревни, но перемена почвы обычно идет им во вред, и они чахнут и погибают в душном лондонском воздухе.

Дрейпер не слишком любил вино, зато общество графа было для него неотразимой приманкой. Он рассыпался в уверениях, что для него нет наслаждения выше, чем следить, как играют в пикет два искуснейших знатока, да еще принадлежащих к большому свету. И, придвинув стул поближе, стряпчий погрузился в созерцание игры, нисколько не смущаясь хмурыми взглядами, которые бросал на него искоса лорд Марч. Гарри не мог быть серьезным противником для опытного игрока, завсегда лондонских клубов. И к тому же в этот вечер лорду Марчу шла хорошая карта, помогавшая его искусству.

Ставки, по которым они играли, мистера Дрейпера не касались: молодые люди сказали, что будут играть на шиллинги, а потом подсчитали свои выигрыши и проигрыши без лишних слов и вполголоса. Обмен поклонами, церемонная вежливость с обеих сторон, и игра продолжалась.

Однако ей суждено было прерваться еще раз, и с уст лорда Марча сорвалось проклятие. Сперва за дверью послышалась какая-то возня, потом шепот, потом женские рыдания, и, наконец, в комнату ворвалась какая-то женщина, чье появление и заставило лорда Марча употребить слова, которые употреблять не полагается.

— Я предпочел бы, чтобы ваши бабы выбирали для своих визитов другое время, черт бы их побрал! — сказал милорд, сердито бросая на стол свои карты.

— Как — Бетти? — воскликнул мистер Уорингтон.

И действительно, это была Бетти, камеристка леди Марии, а позади нее стоял Гамбо, и его прекрасное лицо было вымазано слезами.

— Что случилось? — спросил мистер Уорингтон с немалой тревогой. Баронесса здорова?

— Помогите, сударь, ваша честь, помогите! — выкрикивает Бетти и падает на колени.

— Кому?

Слышится вопль Гамбо.

— Гамбо, негодяй! Между Бетти и тобой что-нибудь произошло? спрашивает его хозяин.

Мистер Гамбо величественно отступает на шаг, кладет руку на сердце и говорит:

— Нет, сэр, между мной и этой леди ничего не произошло.

— Беда случилась с моей хозяйкой, сударь, — восклицает Бетти. Помогите, помогите! Вот письмо, которое она вам написала, сударь! Они ее схватили!

— Весь шум только из-за старушки Молли Эсмонд? Она в долгу, как в шелку, это всем известно! Осушите свои слезы в соседней комнате, Бетти, и не мешайте нам играть, — объявил милорд, беря свои карты.

— Помогите, помогите ей! — вновь вопиет Бетти. — Ах, мистер Гарри! Не станете же вы играть в ваши карты, когда моя госпожа призывает вас на помощь! Ваша честь не мешкали, когда миледи посылала меня за вами в Каслвуде!

— Черт тебя возьми! Замолчишь ты или нет? — говорит милорд, добавляя несколько изысканных проклятий.

Но Бетти не унималась, и лорду Марчу в этот вечер не пришлось более выигрывать. Мистер Уорингтон встал из-за стола и направился к сонетке со словами:

— Мой милый граф, сегодня мы больше играть не сможем. Моя родственница пишет мне в величайшем расстройстве, и я должен ехать к ней.

— Черт бы ее взял! Не могла она подождать до завтра? — раздраженно воскликнул милорд.

Мистер Уорингтон приказал немедленно заложить коляску. До Бромли он намеревался добраться на своих лошадях.

— Держу пари, за час вы туда не доберетесь! Держу пари, что вы туда не доберетесь и за час с четвертью! Ставлю четыре против одного, — или предлагайте любые условия, — что вас ограбят на Блекхите! Держу пари, что вы не доберетесь до Танбридж-Уэлза раньше полуночи! — восклицал лорд Марч.

— Идет! — ответил мистер Уорингтон, и милорд аккуратно занес условия четырех пари в свою записную книжку.

Письмо леди Марии гласило:

"Дорогой кузен,

Я попала в лавушку, расставленную мне злодеями. Я подарестом. Бетти вам все расскажет. О, мой Энрико! Спаси свою Молли".

Через полчаса после получения этого послания мистер Уорингтон уже мчался в своей коляске по Вестминстерскому мосту, торопясь на выручку к своей родственнице.

Глава XXXVIII

Сэмпсон и филистимляне

В юности мне по милости судьбы довелось стать другом весьма почтенного человека, уроженца некоего острова, объявленного лучшей жемчужиной океана несомненно, беспристрастными судьями и знатоками океанских драгоценностей. Истории, которые имел обыкновение рассказывать мне мой друг о своих родственниках, населявших означенную жемчужину, были таковы, что моя юная кровь стыла у меня в жилах, когда я представлял себе, какие невероятные гнусности творятся на белом свете. Все мыслимые преступления, попрание единым махом всех десяти заповедей, плутовство и мошенничество, каких не измыслил бы ни один романист, убийства и грабежи, перед которыми отступили бы Терпин и Тертел, — все это мой приятель помнил, во всех мельчайших подробностях и рассказывал про своих ближайших родственников любому, кто соглашался его слушать. Можно было только дивиться, каким образом членам этой семейки так долго удавалось избежать каторги. Братец Тим свел в могилу седины удрученного отца, братец Майк раз за разом грабил приходскую церковь, сестрица Анна Мария сбежала от жениха капитана с прапорщиком, подделала завещание бабушки и украла серебряные ложки, а Ларри, кухонного мальчишку, повесили за эту кражу. Атрей и его семейство не шли ни в какое сравнение с родом О'Имяреков, отпрыском которого был мой друг, но, разумеется, я ни за что на свете не открою названия страны, уроженцем которой он был.

Как же велико было мое бесхитростное удивление, когда мне стало известно, что все эти убийцы, фальшивомонетчики, отцеубийцы, закоснелые поддельватели завещаний и прочее и прочее писали нежные письма "дражайшему братцу" или "дражайшей сестрице" и годами жили в сердечном согласии! Руками, на которых еще дымилась кровь их убиенных родителей, Тим смешивал пунш и наливал стаканчик Марии. Губами, черными от клятвопреступления и ложных показаний в суде относительно похищенной духовной их бабушки или убийства беспомощных сироток его бедного брата Тэдди, Майк целовал лилейную щечку сестрицы Джулии, и они весело коротали вечерок, со слезами умиления предаваясь воспоминаниям о былых временах, о милом сердцу старинном родовом замке О'Имяреков, где они увидели свет, о расквартированном там боевом Цатьпервом полке, о том, как майор сделал предложение Каролине, и о

могиле их незабвенной святой матушки (которая ловко присвоила их имущество), да будет ей земля пухом! Они так щедро лили слезы и целовались при встречах и расставаниях, что нельзя было не растрогаться. При виде их объятий невольно забывались вышеупомянутые историйки и бесконечные заверения, что, если бы им заблагорассудилось рассказать все, то они перевешали бы друг друга — всех до единого.

Что может быть прекраснее всепрощения? Не верх ли разумности, исчерпав запас бранных слов, извиниться, взять назад необдуманные выражения, а также и графин (говоря к примеру), запущенный в голову врага, и восстановить былую дружбу? Некоторые люди наделены этим восхитительным, этим ангельским даром всепрощения. Как трогательно, например, было наблюдать за нашими двумя дамами в Танбридж-Уэлзе, когда они прощали друг другу, улыбались, шутили, чуть ли не лобызались, несмотря на размолвку накануне, — да, и не поминали старое, словно совсем про него забыв, хотя, без всякого сомнения, отлично его помнили. А вот мы с вами — сумели бы мы поступить так? Будем же тщиться, друг мой, обрести эту христианскую кротость. Я убежден, что можно научиться прощать бранные слова, которыми вас осыпают, но для этого нужна хорошая практика и привычка слушать ругань и ругаться самому. Мы обнимаемся после ссоры и взаимных поношений. Боже мой! Брань — пустяки, когда к ней привыкаешь и обе стороны не обращают на нее внимания.

Вот так тетушка и племянница сели играть в карты самым дружеским образом, пили за здоровье друг друга и обе взяли по крылышку цыпленка, весело сломав дужку, и (в разговоре) выцарапывали глаза только ближним, но не друг другу. Вот так, читали мы, воины на Пиренейском полуострове, когда трубы возвещали о перемирии, братались, обменивались кисетами и бутылками вина, готовые в любую минуту, едва истечет срок перемирия, вновь схватить ружья и начать дырявить друг друга. Да, наши ветераны, закаленные в войнах, но знающие и прелести мирной жизни, ненадолго складывали оружие и предавались дружескому веселью. Разумеется, попивая с французишкой, следовало держать ружье под рукой, чтобы разнести ему череп, если бы он вдруг схватился за свое — ну, а пока а *votre sante, mon camarade!* {За ваше здоровье, приятель! (франц.)} За ваше здоровье, мусью! И все превосходно. У тетушки Бернштейн, кажется, грозила разыгаться подагра? О, боль совсем прошла. Ах, Мария так рада! А обмороки Марии? Они ее больше не мучат. Правда, вчера вечером ее охватила легкая слабость. Баронессу это чрезвычайно огорчило! Ее племяннице следует посоветоваться с самым лучшим врачом, принимать

всяческие укрепляющие средства и пить железо, даже когда она уедет из Танбриджа. Тетушка Бернштейн так любезна, предлагая ей прислать корзину бутылок целебной воды! Что же, если госпожа Бернштейн и говорит камеристке в уединении своей спальни: "Обмороки! Вздор! Падучая, которую она унаследовала от этой ужасной золотушной немки, своей маменьки!" Откуда нам известны конфиденциальные беседы старой дамы и ее прислужницы? Предположим, леди Мария прикажет миссис Бетти, своей горничной, пробовать каждый стакан присланной воды, предварительно объявив, что тетушка вполне способна отравить ее? Весьма вероятно, что подобные разговоры происходили. Это всего лишь предосторожности — всего лишь ружья, которые сейчас мирно лежат под рукой у наших ветеранов, заряженные и со взведенным курком.

Располагая кабальным письмом Гарри, ветеранша Мария не торопилась требовать оплаты. Для этого она слишком хорошо знала жизнь. Он был связан с ней нерушимыми узами, но она давала ему достаточно досуга и отпусков под честное слово. Она вовсе не хотела без нужды досаждать своему юному рабу и сердить его. Она помнила о разнице их возрастов и понимала, что Гарри должен вкусить свою долю удовольствий и развлечений. "Веселитесь и забавляйтесь, кузен", — говорила леди Мария. "Резвись, резвись, мой миленький мышонок", говорит старая серая Котофеевна, мурлыча в уголке и ни на мгновение не смыкая зеленых глаз. Обо всем, что Гарри предстояло увидеть и проделать во время первого посещения Лондона, его родственницы, конечно, много говорили и шутили. Обе они прекрасно знали, в чем заключались обычные забавы молодых джентльменов той эпохи, и беседовали о них с откровенностью, которая отличала те менее стеснительные времена.

Итак, наша хитроумная Калипсо не горевала в отсутствие своего юного скитальца и не пренебрегала ни одним представлявшимся ей развлечением. Одним из этих развлечений был мистер Джек Моррис, джентльмен, которого мы описали, когда он блаженствовал в обществе лорда Марча и мистера Уорингтона. Пребывание вблизи титулованных особ составляло главную радость жизни Джека Морриса, и проигрывать деньги за карточным столом дочери графа было для него почти удовольствием. А леди Мария Эсмонд была такой дочерью графа, которая очень любила выигрывать деньги. Она добилась для мистера Морриса приглашения на ассамблею леди Ярмут и играла там с ним в карты — так что все были довольны.

Таким образом, первые сорок восемь часов после отъезда мистера Уорингтона прошли в Танбридж-Уэлзе весьма приятно, а затем настала

пятница, когда должна была быть произнесена проповедь, за составлением которой мы видели мистера Сэмпсона. Общество на водах не имело ничего против того, чтобы ее послушать. Сэмпсон слыл весьма остроумным и красноречивым проповедником, и за неимением званого завтрака, фокусника, танцующих медведей или концерта оно благодушно соглашалось довольствоваться проповедью. Сэмпсон знал, что в церкви обещала быть леди Ярмут, и знал также, как много значит ее слово при раздаче приходов и бенефиций, ибо августейший Защитник Веры тех дней питал удивительнейшее доверие к мнению ее сиятельства в подобных вопросах — и мы можем не сомневаться, что мистер Сэмпсон приготовил для ее ушей лучший плод своего вдохновения. Когда Великий Человек пребывает у себя в замке и, пройдя пешком через парк с своими гостями, герцогом, маркизом и двумя-тремя министрами, переступает порог маленькой деревенской церкви, доводилось ли вам когда-нибудь сидеть среди прихожан и следить за тем, как произносит свою проповедь мистер Троттер, младший священник? Он, волнуясь, поглядывает на Фамильную Скамью" он запинается, произнося первую фразу, и думает: "А вдруг его светлость даст мне приход!" Миссис Троттер и ее дочери также с волнением смотрят на Фамильную Скамью и следят за тем, какое впечатление производит проповедь папеньки — самая его любимая и лучшая — на восседающих там вельмож. Папенька справился с первоначальной робостью, его звучный голос обретает силу, он воодушевляется, он полон огня, он достает носовой платок, он приближается к тому чудесному периоду, который дома исторг у них у всех слезы, он начал его! Ах!.. Что это за жужжание возносится к сводам церкви, заставляя Мелибея в подбитых гвоздями сапогах с ухмылкой оглянуться на Титира в сермяге? Это высокородный лорд Носби захрапел у камина на своей огороженной скамье! И с этими звуками исчезает митра, рисовавшаяся воображению бедняги Троттера.

Сэмпсон был домашним капелланом племянника госпожи Бернштейн. И дамы семейства Эсмонд покровительствовали ему. В день проповеди баронесса Бернштейн устроила в его честь небольшой завтрак, и Сэмпсон явился к ней румяный, красивый, в заново завитом парике и в щегольской шуршащей новой рясе, которую он взял в кредит у какого-то благочестивого танбриджского торговца. После завтрака мистер Сэмпсон прошествовал в церковь в обществе своих покровительниц, за которыми лакеи несли большие раззолоченные молитвенники. По всеобщему мнению) баронесса Бернштейн выглядела прекрасно; она смеялась и была особенно нежна со своей племянницей, у нее для каждого находился

поклон и милостивая улыбка, и так она шла в церковь, опираясь на трость с черепаховым набалдашником. К дверям храма стекалась блистательная толпа богомольцев — туда явилось все избранное общество, съехавшееся на воды; и сиятельная графиня Ярмут, поражавшая взоры пунцовостью щек и нарядом из тафты огненного цвета. Явились туда и простолюдины, хотя в гораздо меньшем числе, чем аристократы. Какая, например, странная пара — эти двое в потрепанной одежде, которые вошли в церковь в ту минуту, когда смолк орган! У одного из-под гладкого паричка выбиваются собственные рыжие волосы, и он, по-видимому, не протестант, потому что на пороге перекрестился и сказал товарищу: "Дьявол меня возьми, Том, помстилось!" — из чего я заключаю, что он был уроженцем острова, упоминавшегося в начале главы. Они распространяют сильнейшее спиртное благоухание. Человек может быть еретиком и обладать редкостным талантом — эти почтенные католики пришли отдать дань восхищения мистеру Сэмпсону.

О, да тут присутствуют не только сыны старейшей церкви, но и последователи еще более древней веры. Кто такие эти два субъекта с крючковатыми носами и смуглыми лицами, которые вошли в храм после некоторого противодействия церковного сторожа? Заметив этих непрезентабельных иудейских странников, он было не пожелал их впустить. Но первый шепчет ему на ухо: "Мы хотим обратиться в христианство, хозяин", — а второй всовывает ему в руку монету, страж убирает жезл, — которым преграждал вход, и джентльмены иудейского вероисповедания входят. Звучит орган! Двери закрываются. Войдем послушать проповедь мистера Сэмпсона или повалеемся на травке снаружи?

Предшественный золотоголунным сторожем, Сэмпсон направился к кафедре, розовощекий и благодушный на загляденье. Но потом, когда он воздвигся над ней, почему лик его преподобия покрылся смертельной бледностью? Он взглянул на западную дверь церкви — там по обеим ее сторонам стояли жуткие иудейские кариатиды. Тогда он перевел взгляд на дверь ризницы рядом со скамьей священника, на которой он сидел все время службы рядом со своими покровительницами. Внезапно два благоуханных иберийских джентльмена вскочили с соседней скамьи и расположились на сиденье возле самой двери в ризницу и скамьи священника, где и просидели до конца проповеди, смиренно потупив очи долу. Как описать нам эту проповедь, если сам проповедник не знал, что он говорил?

Тем не менее ее сочли превосходной. Когда она подошла к концу,

прекрасные дамы начали шушукаться, наклоняясь через барьеры своих скамей, обсуждать ее на все лады и хвалить. Госпожа Вальмоден, сидевшая по соседству с нашими друзьями, сказала, что проповедь была тшутесная и она вся сотрокалась. Госпожа Бернштейн сказала, что проповедь была прекрасная. Леди Мария выразила свое удовольствие по поводу того, что их семейный капеллан так отличился. Она посмотрела на Сэмпсона, который все еще не сходил с кафедры, и, стараясь перехватить его взгляд, ласково помахала ему рукой, сжимавшей платочек. Капеллан, казалось, не заметил этого любезного приветствия: его лицо было бледно, глаза неотрывно смотрели на купель, возле которой по-прежнему пребывали упоминавшиеся выше иудеи. Мимо них текли люди, сначала бурным потоком, скрыв их из вида, затем спокойной струей... прерывистым ручейком, по двое и по трое... каплями по одному... Церковь опустела. Два иудея по-прежнему стояли у двери.

Баронесса де Бернштейн и ее племянница еще медлили на скамье священника, с которым старая дама вела оживленную беседу.

— Что это за отвратительные люди у дверей? И какой ужасный запах спиртного перегара! — восклицала леди Мария, обращаясь к миссис Бретт, камеристке своей тетушки, проводившей их в церковь.

— Прощайте, ваше преподобие... У вас прелестный мальчик, он тоже станет священником? — спрашивает госпожа де Бернштейн. — Ты готова, милочка?

Дверца ограждения открывается, и госпожа Бернштейн, чей отец был всего лишь виконтом, настаивает; чтобы ее племянница леди Мария, дочь графа, первой вышла в проход.

Едва леди Мария покидает ограждение, как два субъекта, которых ее милость столь недавно назвала отвратительными людьми, приближаются к ней. Один из них достает из кармана какую-то бумагу, и ее милость, вздрогнув, бледнеет. Она кидается к ризнице в смутной надежде успеть скрыться там, заперев за собой дверь. Но перед ней вырастают два наспиртованных джентльмена, один из них дерзко кладет ей руку на плечо и говорит:

— По иску миссис Пинкотт, проживающей в Кенсингтоне, портнихи, имею честь арестовать вашу милость. Мое имя Костиган, сударыня, обедневший ирландский дворянин, волей судеб обреченный следовать не слишком приятному призванию. Ваша милость пойдет пешечком, или послать моего служителя за портшезом?

В ответ леди Мария Эсмонд испускает три коротких вопля и без чувств падает на пол.

— Подержи-ка дверь, Майк! — кричит мистер Костиган. — Лучше никого не пускать сюда, сударыня, — почтительно говорит он госпоже де Бернштейн. — У ее милости обморок, так пусть придет в себя без помехи.

— Распустите ей шнуровку, Бретт! — приказывает старая дама, а глаза ее странно поблескивают. И едва камеристка выполняет распоряжение, как госпожа Бернштейн хватается мешочек, подвешенный к волосяной цепочке, которую леди Мария носит на шее, и рвет цепочку пополам.

— Плесните ей в лицо холодной водой, — распоряжается затем баронесса. Это всегда приводит ее в чувство! Оставайтесь с ней, Бретт. Какова сумма вашего иска, господа?

Мистер Костиган отвечает:

— Нам поручено взыскать с ее милости сто тридцать два фунта, каковые она задолжала миссис Элизе Пинкотт.

Но где же тем временем пребывал преподобный мистер Сэмпсон? Подобно легендарному опоссуму — мы с вами читали, как он, завидев со своего эвкалипта меткого стрелка, сказал: "Что делать, майор, спускаюсь!" — Сэмпсон отдался в руки своих преследователей.

— Чей это иск, Саймонс? — спросил он грустно. Он был знаком с Саймонсом, так как много раз встречался с ним и раньше.

— Баклби. Кордвейнера, — ответил мистер Саймонс.

— Да-да, сорок восемь фунтов и судебные издержки! — произнес мистер Сэмпсон со вздохом. — Заплатить я не могу. А кто это с вами?

Товарищ мистера Саймонса мистер Лайонс выступил вперед и сказал, что его дом чрезвычайно удобен и благородные джентльмены часто гостят под его кровом: он будет горд и счастлив принять у себя его преподобие.

У дверей церкви ждали два портшеза. Леди Мария Эсмонд и мистер Сэмпсон сели в них и отправились в обитель мистера Лайонса в сопровождении джентльменов, с которыми мы только что имели честь познакомиться.

Баронесса Бернштейн не замедлила послать к племяннице своего доверенного слугу мистера Кейса с запиской, в которой заверяла ее в самой горячей привязанности и сожалела, что значительные карточные проигрыши, к несчастью, не позволяют ей уплатить за леди Марию ее долг. Однако она с этой же почтой пишет миссис Пинкотт, умоляя ее об отсрочке, и едва только получит ответ, как не замедлит ознакомить с ним дражайшую племянницу.

Миссис Бетти явилась утешать свою госпожу, и они вместе принялись раздумывать над тем, как раздобыть денег на почтовую коляску для Бетти, которая и сама чуть было не угодила в беду. В карты ей везло не более, чем

леди Марии, и на двоих у них нашлось всего лишь восемнадцать шиллингов, а потому было решено, что Бетти продаст золотую цепочку своей госпоже с тем, чтобы на вырученные деньги поспешить в Лондон. Но Бетти отнесла цепочку тому самому ювелиру, который продал ее мистеру Уорингтону, преподнесшему эту безделицу своей кухне, и тот, решив, что Бетти украла цепочку, пригрозил послать за констеблем. Тут уж ей пришлось признаться, что ее госпожа находится в заточении, и еще до наступления ночи весь Танбридж знал, что леди Мария Эсмонд арестована за долги. Однако деньги Бетти получила и умчалась в Лондон за рыцарем, на чью помощь уповала бедная пленница.

— Смотри, не проговорись, что это письмо пропало. Мерзавка! Я еще с ней рассчитаюсь!

(По моим предположениям, слово "мерзавка" леди Мария адресовала своей тетушке.)

Мистер Сэмпсон прочел ее сиятельству проповедь, и они скоротали вечер за планами мести и триктраком, лелея хорошо обоснованную надежду, что Гарри Уорингтон поспешит на выручку, едва услышит о постигшем их несчастье.

Хотя до истечения вечера весь Танбридж уже знал, в каком положении очутилась леди Мария и еще многое сверх того, хотя каждому было известно, что она находится под арестом, и где именно, и за какую сумму (только в десять раз преувеличенную), и что ей пришлось заложить последние побрякушки, чтобы раздобыть денег на пропитание в узилище, и хотя все утверждали, что это — дело рук старой ведьмы Бернштейн, общество было сама учтивость, и на карточном вечере у леди Тузингтон, где присутствовала госпожа Бернштейн, никто ни словом не обмолвился об утреннем происшествии, — во всяком случае, так, чтобы она могла расслышать. Леди Ярмут осведомилась у баронессы, как пошивает ее ошеровательный племянник, и узнала, что мистер Уорингтон находится в Лондоне. А леди Мария будет нынче у леди Тузингтон? Леди Мария занемогла — утром у нее был обморок, и ей пока следует оставаться в постели. Шелестели карты, пели скрипки, наполнялись бокалы, благородные дамы и господа беседовали, смеялись, зевали, шутили, лакеи таскали куски с блюд, носильщики пили и ругались возле своих портшезов, а звезды усыпали небосклон, словно никакая леди Мария не томилась в заключении и никакой мистер Сэмпсон не изнывал под арестом.

Возможно, госпожа Бернштейн уехала с ассамблеи одной из последних, потому что не желала дать обществу возможность перемывать ей косточки у нее за спиной. Ах, какое утешение, скажу я еще раз, что у нас

есть спины и что на спинах нет ушей! Имеющий уши, чтобы слышать, да заткнет их ватой! Может быть, госпожа Бернштейн и слышала, как люди осуждали ее за бессердечие: выезжать в свет, играть в карты и развлекаться, когда у ее племянницы такое несчастье! Как будто Марии было бы легче, если бы она осталась дома! И к тому же в ее возрасте всякое нарушение душевного спокойствия бывает опасным.

— Ах, оставьте! — говорит леди Ярмут. — Бернштейн села бы играть в карты и на гробе своей племянницы. Сердце! Откуда оно у нее? Старая шпионка отдала его Кавалеру тысячу лет назад и с тех пор отлично без него обходилась. А за какую сумму арестовали леди Марию? Если долг невелик, мы его уплатим — ее тетушка будет очень недовольна. Фукс, узнайте утром, за какую сумму арестовали леди Марию Эсмонд.

И верный Фукс с поклоном заверил сиятельную даму, что ее поручение будет исполнено.

Итак, госпожа Бернштейн отправилась домой около полуночи и вскоре уже спала крепким сном. Пробудившись от него поздно утром, она призвала верную камеристку, которая тотчас подала ее милости утренний чай. Если я скажу вам, что она приняла с ним малую толику рома, вы, конечно, будете шокированы. Но наши прабабушки имели обыкновение хранить в своих шкапчиках "укрепляющие средства". Разве не читали вы у Уолпола про знатную даму, сказавшую: "Если я выпью еще, то приду в захмеленибус"? Да, ваши прародительницы не стесняли себя в употреблении крепких напитков, и это так же верно, как и то, что мистер Гоф здравствует и поныне.

И вот, отхлебнув укрепляющего средства, госпожа Бернштейн окончательно пробуждается и спрашивает у миссис Бретт, что случилось нового.

— А это уж пускай он вам скажет, — сердито отвечает камеристка.

— Он? Кто он?

Миссис Бретт называет Гарри и сообщает, что мистер Уорингтов приехал накануне после полуночи и что с ним была Бетти, горничная леди Марии.

— А леди Мария просит передать вашей милости ее нежный привет и нижайший поклон и уповаet, что вы хорошо почивали, — говорит Бретт.

— Очень хорошо, бедняжка! А Бетти отправилась к ней?

— Нет, она тут, — говорит миссис Бретт.

— Так пусть же войдет! — приказывает старая дама.

— Я ей сейчас скажу, — отвечает подобострастная миссис Бретт и удаляется выполнять распоряжение своей госпожи, которая удобно

откидывается на подушки. Вскоре раздается стук двух пар высоких каблуков по паркету спальни — в те дни ковры в спальне были еще неслыханной роскошью.

— А, голубушка Бетти, так вы вчера были в Лондоне? — спрашивает из-за полога госпожа Бернштейн.

— Это не Бетти, это я! Доброе утро, тетушка, надеюсь, вы хорошо спали? — восклицает голос, от которого старуха вздрагивает и приподнимается с подушек.

Это голос леди Марии, которая, откинув полог делает тетушке глубокий реверанс. Леди Мария выглядит очень хорошенькой, розовой и веселой. И на этом ее появлении у кровати госпожи Бернштейн мы, я думаю, можем завершить настоящую главу.

Глава XXXIX

Гарри на выручку

"Дорогой лорд Марч (писал мистер Уорингтон из Танбридж-Уэлза утром в субботу 25 августа 1756 года). Спешу сообщить вам (с удовольствием), что я выиграл все наши три парри. В Бромли я был ровно через час без двух минут. Мои новые лошади бежали очень резво. Правил я сам, почтальона посадил рядом, чтобы он показывал дорогу, а мой негр сидел внутри с миссис Бетти. Надеюсь, им поездка была очень приятна. На Блекхите нас никто не остановил, хотя к нам было подскакали два всадника, но наши физиономии им как будто пришлись не по вкусу и они отстали, а в Танбридж-Уэлз (где я уладил свое дело) мы въехали без четверти двенадцать. Так что мы с вашей милостью квитты за вчерашний пикет, и я буду рад дать вам отыгаться, когда вам будет угодно, а пока остаюсь весьма благодарный и покорный ваш слуга

Г. Эсмонд-Уорингтон".

Теперь, быть может, читатель поймет, каким образом утром в субботу леди Марии Эсмонд удалось выйти на свободу и застать свою дорогую тетушку еще в постели. Отправив миссис Бетти в Лондон, она никак не ожидала, что ее посол вернется в тот же день, и в полночь после легкого ужина, которым их угостила супруга бейлифа, они с капелланом, мирно играли в карты, когда на улице послышался стук колес, и леди Мария, чье сердце вдруг забилося много быстрее обычного, поспешила открыть свои козыри. Стук стал громче и смолк — экипаж остановился перед домом, начались переговоры у ворот, а затем в комнату вошла миссис Бетти с сияющим лицом, хотя ее глаза были полны слез, а за ней... Кто этот высокий юноша? В силах ли мои читатели догадаться, кто вошел следом за ней? Очень ли они рассердятся, если я сообщу, что капеллан швырнул карты на стол с криком "ура!", а леди Мария, побелев как полотно, поднялась со стула, шатаясь сделала шаг-другой и с истерическим "ах" бросилась в объятия своего кузена? Сколькими поцелуями он ее осыпал! Пусть даже mille, deinde centum, dein mille altera, dein secimda centum {Тысяча, а потом сотня, а после другая тысяча, а затем вторая сотня (лат.)}, и так далее, я ничего не скажу. Он явился спасти ее. Она знала, знала! Он ее рыцарь, он избавил ее от плена и позора. Она проливали на его плече потоки самых искренних слез, и в этот миг, вся во власти глубокого чувства, она, право же, выглядит такой красивой, какой мы ее еще не

видели с начала этой истории. В обморок она на этот раз не упала, а отправилась домой, нежно опираясь на руку кузена, и хотя на протяжении ночи у нее и случилось два-три приступа истерических рыданий, госпожа Бернштейн спала крепко и ничего не слышала.

— Вы оба свободны, — таковы были первые слова Генри. — Бетти, подайте миледи ее шляпу и пелерину, а мы с вами, капеллан, выкурим у себя по трубочке — это освежит меня после поездки.

Капеллан, также отличавшийся легко возбудимой чувствительностью, совсем утратил власть над собой. Он заплакал, схватил руку Гарри, запечатлел на ней благодарный поцелуй и призвал благословение небес на своего великодушного юного покровителя. Мистер Уорингтон ощутил сладкое волнение. Как это приятно — приходить на помощь страждущим и сирым! Как это приятно — обращать печаль в радость! И пока наш юный рыцарь, лихо заломив шляпу, шагал рядом со своей спасенной принцессой, он был весьма горд и доволен собой. Его чувства, так сказать, устроили ему триумфальную встречу, и счастье во всяческих прекрасных облициях улыбалось ему, танцевало перед ним, облекало его в почетные одежды, разбрасывало цветы у него на пути, трубило в трубы и гобои сладостных восхвалений, восклицая: "Вот наш славный герой! Дорогу победителю!" И оно ввело его в дом царя и в зале самолюбования усадило на подушки благодущия. А ведь совершил он не так уж и много. Всего лишь добрый поступок. Ему достаточно было достать из кармана кошелек, и могучий талисман отогнал дракона от ворот, принудил жестокого тирана, обрешшего леди Марию на казнь, в бессилии уронить роковой топор. Ну, да пусть он потешит свое тщеславие. Он ведь правда очень добрый юноша и спас двух несчастных, исторгнув из их глаз слезы благодарности и радости, а потому, если он слегка и расхвастался перед капелланом и рассказывает ему про Лондон, про лорда Марча, про кофейню Уайта и про ассамблею у Олмэка с видом столичного вертопраха, мне кажется, нам не следует ставить ему это в особую вину.

Сэмпсон же все никак не мог успокоиться. Он обладал на редкость впечатлительной натурой и чрезвычайно легко страдал и радовался, проливал слезы, пылал благодарностью, смеялся, ненавидел, любил. К тому же он был проповедником и так развил и вышколил свою чувствительность, что она стала для него немалым подспорьем в его профессии. Он не просто делал вид, но действительно на мгновение испытывал все, о чем говорил. Он плакал искренне, потому что слезы сами навертывались ему на глаза. Он любил вас, пока был с вами, и печаль его, когда он соболезнавал горю вдов и сирот, была неподдельной, но, выйдя из

их дверей и повстречав Джека, он заходил в трактир напротив, и хохотал, и пел за стаканом вина. Он щедро одалживал деньги, но никогда не возвращал того, что занимал сам. В эту ночь его признательность Гарри Уорингтону была поистине беспредельной, и он льстил ему, не зная удержу. Пожалуй, и во всем Лондоне Юный Счастливец не мог бы отыскать более опасного собутыльника.

Его преисполняла благодарность и самые горячие чувства к благодетелю, который исторг его из узилища, и с каждым бокалом его восхищение росло. Он превозносил Гарри — лучшего и благороднейшего из людей, а простодушный юноша, как мы уже говорили, был склонен самодовольно считать все эти похвалы вполне заслуженными.

— Младшая ветвь нашего дома, — надменно объявил Гарри, — обошлась с вами мерзко, но, черт побери, милейший Сэмпсон, я о вас позабочусь.

Под воздействием винных паров мистер Уорингтон имел обыкновение говорить о знатности и богатстве своего семейства с большим жаром.

— Я очень рад, что мне выпал случай оказать вам помощь в беде. Рассчитывайте на меня, Сэмпсон. Вы ведь, кажется, упоминали, что отдали сестру в пансион. Вам будут нужны для нее деньги, сэр. Вот бумажка, которая может прийтись кстати, когда надо будет платить за ее учение. — И щедрый молодой человек протянул капеллану новенькую банкноту.

Тот вновь не удержался от слез. Доброта Гарри потрясла его до глубины души.

— Мистер Уорингтон! — сказал он, слегка отодвинув банкноту. — Я... я не заслуживаю ваших забот. Да, черт побери, не заслуживаю. — И он выругался, клятвенно подтверждая свое чистосердечное признание.

— Пф! — говорит Гарри. — У меня их еще много остается. В бумажнике, который я потерял на прошлой неделе, чтоб его черт побрал, денег ведь не было.

— Да, сэр, не было, — говорит мистер Сэмпсон, опуская голову.

— Э-эй! А вам это откуда известно, господин капеллан? — спрашивает молодой человек.

— Мне это известно, сэр, потому что я негодяй. Я недостойн вашей доброты. Я же вам это уже сказал. Я нашел ваш бумажник, сэр, в тот же вечер, когда выхватили лишнего у Барбо.

— И прочли письма? — спросил мистер Уорингтон, вздрагивая и краснея.

— В них не было ничего, мне прежде не известного, сэр, — объявил капеллан. — Вы были окружены соглядатаями, сэр, о которых даже и не

догадывались. И вы слишком молоды и простодушны, чтобы вам удалось уберечь от них свою тайну.

— Так, значит, все эти рассказы про леди Фанни и проделки моего кузена Уилла — чистая правда? — осведомился Гарри.

— Да, сэр, — вздохнул капеллан. — Судьба была немилостива к дому Каслвудов с тех пор, как старшая ветвь семьи, ветвь вашей милости, отделилась от него.

— А леди Мария? О ней вы ни слова сказать не посмеете! — вскричал Гарри.

— Да ни в коем случае, сэр, — говорит капеллан, бросая на своего юного друга непонятный взгляд. — Разве только, что она старовата для вашей чести и вам было бы лучше найти жену, более подходящую вам по годам, хотя, надо признать, для своего возраста она выглядит очень молодо и наделена всеми добродетелями и достоинствами.

— Да, она для меня старовата, Сэмпсон, я знаю, — величественно говорит мистер Уорингтон, — но я дал ей слово. И вы сами видите, сэр, как она ко мне привязана. Пойдите, сэр, принесите письма, которые вы нашли, и я постараюсь простить, что вы их скрыли.

— Благодетель мой! Прощу ли я себе! — восклицает мистер Сэмпсон и удаляется, оставляя своего патрона наедине с вином.

Однако вернулся Сэмпсон очень скоро, и вид у него был чрезвычайно расстроенный.

— Что случилось, сэр? — властно осведомился Гарри.

Капеллан протянул ему бумажник.

— На нем ваше имя, сэр, — сказал он.

— Имя моего брата, — возразил Гарри. — Мне его подарил Джордж.

— Я хранил его в шкатулке под замком, сэр, и запер ее нынче утром, до того как меня схватили эти люди. Вот бумажник, сэр, но письма пропали. Кроме того, кто-то открывал мой сундук и саквояж. Я виновен, я жалок, я не могу вернуть вам вашу собственность!

Произнося эти слова, Сэмпсон являл собой картину глубочайшего горя. Он умоляюще сложил ладони и только что не пал к ногам Гарри в самой трогательной позе.

Кто же побывал в комнатах мистера Сэмпсона и мистера Уорингтона в их отсутствие? Хозяйка была готова на коленях присягнуть, что туда никто не входил, и в спальне мистера Уорингтона ничего тронуту не было, да и скудный гардероб мистера Сэмпсона, а также прочее его имущество не понесли никакого ущерба, — исчезло только содержимое бумажника, потерю которого он оплакивал.

Кому же понадобилось его похищать? Леди Марии? Но бедняжка весь день провела под арестом, включая и те часы, когда могли быть похищены письма. Нет, она, конечно, в этом не участвовала. Но внезапный их арест... тайная поездка Кейса, дворецкого, в Лондон — Кейса, который знал сапожника, в чьем доме проживал мистер Сэмпсон, наезжая в Лондон, а также все тайные дела семейства Эсмонд... Все это, взятое вместе и по отдельности, могло навести мистера Сэмпсона на мысль, что тут не обошлось без баронессы Бернштейн. Но зачем понадобилось арестовывать леди Марию? Капеллану пока еще ничего не было известно о письме, которого лишилась ее милость, ибо бедняжка Мария не сочла нужным доверить ему свой секрет.

Что же касается бумажника и его содержимого, то мистер Гарри в этот вечер, выиграв три пари, выручив двух своих друзей и превосходно поужинав холодными куропатками со старым бургундским, которое услужливый мосье Барбо прислал ему на квартиру, пребывав в таком прекрасном расположении духа, что принял клятвенные заверения капеллана в его глубоком раскаянии и будущей нерушимой верности, милостиво протянул ему руку и простил его. Когда же Сэмпсон призвал всех богов в свидетели, что с этих пор он будет самым преданным, самым смиренным другом и покорнейшим слугой мистера Уорингтона, готовым в любую минуту отдать за него жизнь, Гарри признал величественно:

— Полагаю, Сэмпсон, что так оно и будет. Мой род... род Эсмондов привык иметь вокруг себя преданных друзей и привык вознаграждать их за верность. Вино налито, капеллан. Какой тост вы предложите?

— Я призываю благословение божье на дом Эсмондов-Уорингтонов, вскричал капеллан, и на глаза его навернулись вполне искренние слезы.

— Мы старшая ветвь, сэр. Мой дед был маркизом Эсмондом, — заявил Гарри с гордым достоинством, хотя и несколько невнятно. — Ваше здоровье, капеллан... я вас прощаю, сэр... и будь у вас долгов хоть втрое больше, я бы все равно их уплатил. Что там блестит за ставнями? Вот те на, да это солнце встало! Можно спать ложиться без свечей, ха-ха-ха! — И, вновь призвав благословение божье на капеллана, молодой человек отправился спать.

В полдень явился слуга госпожи де Бернштейн и передал, что баронесса будет очень рада, если ее племянник выкушает у нее чашечку шоколада, после чего наш юный друг поспешил встать и отправиться к тетушке. Она не без удовольствия заметила некоторые изменения в его костюме: как ни кратко было его пребывание в Лондоне, он успел посетить одного-двух портных, а лорд Марч рекомендовал ему кое-кого из своих

поставщиков.

Тетушка Бернштейн назвала его "милым мальчиком" и поблагодарила за благороднейшую, великодушнейшую помощь милочке Марии. Как поразил ее этот арест в церкви! И поразил тем сильнее, что не далее как в среду вечером она проиграла леди Ярмут триста гиней и осталась совершенно а sec {Без гроша (франц.)}.

— Мне даже пришлось послать Кейса в Лондон к моему агенту за деньгами, — сказала баронесса. — Не могу же я уехать из Танбриджа, не расплатившись с ней!

— Так, значит, Кейс и правда ездил в Лондон? — говорит мистер Гарри.

— Ну, разумеется! Баронессе Бернштейн никак нельзя признаться, что она court d'argent {Охотится за деньгами (франц.)}. А ты не мог бы одолжить мне что-нибудь, дитя?

— Я могу дать вашей милости двадцать два фунта, — сказал Гарри, пунцово покраснев. — У меня есть только сорок четыре фунта — все, что осталось, пока из Виргинии не пришлют еще. Я ведь купил лошадей, новый гардероб и ни в чем себе не отказывал, тетушка.

— И к тому же вызволял своих бедных родственников из беды, добрый, щедрый мальчик. Нет, дитя, мне твоих денег не нужно. Я сама могу тебе кое-что дать. Вот записка к моему агенту на пятьдесят фунтов, шалопай! Повеселись на них. Думаю, твоя маменька мне их вернет, хотя она меня и недолюбливает.

И она протянула ему хорошенькую ручку, которую юноша почтительно поцеловал.

— Твоя мать меня не любит, но отец твоей матери любил меня когда-то. Помните, сударь, в случае нужды вы всегда можете прийти ко мне.

Когда Беатриса Бернштейн решала быть любезной и обворожительной, с ней никто не мог сравниться.

— Я люблю тебя, дитя, — продолжала она, — и все же я так на тебя сердита, что разговаривать с тобой не хочу. Так, значит, ты и правда обручился с бедняжкой Марией, ровесницей твоей матери? Что скажет госпожа Эсмонд? Она еще может сто лет прожить, а на что вы будете существовать?

— У меня есть собственные десять тысяч фунтов отцовского наследства. Теперь, когда мой несчастный брат погиб, они принадлежат мне все, — сказал Гарри. — Как-нибудь проживем.

— Но процентов с такой суммы не достанет даже на карточные расходы!

— Нам придется бросить карты, — говорит Гарри.

— Ну, Мария на это не способна. Она заложит твою последнюю рубашку, лишь бы наскрести денег на ставки. Страсть к игре в крови у всех детей моего брата. Да и в моей, признаюсь, тоже. Я ведь предостерегала тебя. Я умоляла тебя не садиться играть с ними — и вот двадцатилетний мальчишка обручается с сорокадвухлетней бабой! Пишет письма, стоя на коленях, расписывается кровью своего сердца (делая в этом слове две ошибки) и клянется, что не женится ни на ком, кроме своей несравненной кузины леди Марии Эсмонд. О, это жестоко, жестоко...

— Боже милостивый! Сударыня, кто показал вам мое письмо? — спросил Гарри, и щеки его вновь запылали.

— Это вышло случайно. Когда ее арестовали, она упала в обморок, и Бретт распустила ей шнуровку, а после того как ее, бедняжку, унесли, мы увидели на полу маленькое саше. Я его открыла, не подозревая, что в нем хранится. А в нем хранилось бесценное письмо мистера Гарри Уорингтона. Вот в этом медальоне.

Сердце Гарри сжалось. Боже великий, почему она его не уничтожила? Вот такая мысль мелькнула у него в голове.

— Я... я верну его Марии, — сказал он, протягивая руку за медальоном.

— Милый мой, твое глупое письмо я сожгла, — объявила старуха. — Если ты меня выдашь, мне придется вытерпеть все, что из этого впоследствии вытекает. Если ты вздумаешь написать еще одно такое же, я помешать тебе не могу. Но в этом случае, Гарри Эсмонд, я предпочту тебя больше никогда не видеть. Ты сохранишь мой секрет? Ты поверишь старухе, которая тебя любит и знает свет лучше, чем ты? Послушай, если ты сдержишь это глупое обещание, тебя ждут горе и гибель. В руках хитрой опытной женщины такой мальчик, как ты, игрушка. Она искусно выманила у тебя обещание, но твоя старуха тетка порвала тенета, и ты теперь свободен. Так вернись же к ней! Предай меня, Гарри, если хочешь!

— Я не сержусь на вас, тетушка, хотя это и нехорошо, — сказал мистер Уорингтон с большим чувством. — Я... я никому не повторю того, что услышал от вас.

— Мария ни в коем случае... Вот попомни мое слово, дитя... Она ни за что не признается, что потеряла письмо, — поспешно сказала старуха. — Она скажет тебе, что оно у нее.

— Но ведь она... она очень ко мне привязана. Видели бы вы ее вчера ночью!

— Неужели мне необходимо рассказывать о моих кровных

родственников то, о чем лучше бы умолчать! — с рыданием произнесла баронесса. — Дитя, ты не знаешь ее прошлого!

— И не хочу его знать! — восклицает Гарри, вскакивая. — Написано или сказано — неважно. Но мое слово дано! Возможно, в Англии на такие вещи смотрят легко, но мы, виргинские джентльмены, слова не нарушаем. Если она потребует, чтобы я сдержал свое обещание, я его сдержу. А если мы будем несчастны, как, наверное, и случится, я возьму мушкет и отправлюсь служить прусскому королю или подставлю лоб под пулю.

— Мне... мне больше нечего сказать. Позвоните, будьте так добры. И... и желаю вам всего доброго, мистер Уорингтон.

Старуха сделала величавый реверанс, оперлась на черепашковую трость и повернулась к двери, но, не пройдя и шагу, прижала руку к сердцу, вновь опустилась на кушетку и заплакала,

Это были первые слезы Беатрисы Эсмонд за долгие, долгие годы.

Гарри, глубоко растроганный, упал на колени, схватил ее холодную руку и поцеловал. С безыскусственной простотой он сказал, что понимает, как она его любит, и сам любит ее всем сердцем.

— Ах, тетушка! — сказал он. — Вы не представляете, каким негодяем я себя чувствую. Когда вы мне сейчас сказали, что это письмо сожжено... стыдно вспомнить, как я обрадовался.

Он склонил красивую голову, и она почувствовала, как на ее руку закапали горячие слезы. Да, она полюбила этого мальчика. Уже полвека — а может быть, и ни разу в ее суетной жизни — ей не доводилось испытывать такого чистого и нежного чувства. Каменное сердце смягчилось, оно было ранено, побеждено. Она положила руки ему на плечи и поцеловала его в лоб.

— Ты не расскажешь ей о том, что я сделала, дитя? — спросила она.

— Никогда! Никогда! — заверил он ее, и чинная миссис Бретт, войдя на зов своей госпожи, застала тетку и племянника в этой чувствительной позе.

Глава XL

в которой Гарри уплачивает старые долги и делает новые

Нашим танбриджским друзьям теперь прискучили воды, и они торопились уехать. Осенью госпожу де Бернштейн манил Бат с его карточными вечерами, избранным обществом, веселым оживлением. Она намеревалась погостить кое у кого из своих друзей, а затем отправиться туда. Гарри скрепя сердце обещал поехать с леди Марией и капелланом в Каслвуд. Путь их опять вел через Окхерст и мимо гостеприимного дома, где Гарри видел столько внимания и забот. Мария не скупилась на язвительные замечания по адресу окхерстских барышень, их по́быток пленить Гарри и явного желанья их маменьки женить его на одной из них, а потому мистер Уорингтон в сильной досаде заявил, что не заглянет к своим друзьям, раз ее милость питает к ним такую злобную неприязнь, и когда они остановились в гостинице в нескольких милях дальше по дороге, он весь вечер держался холодно и надменно,

За ужином улыбки леди Марии не находили ответа на лице Гарри, ее слезы (которые были у ее милости всегда наготове) его как будто нисколько не трогали, он досадливо огрызался на ее сердитые вопросы, и миледи в конце концов пришлось удалиться на покой, так ни разу и не оставшись со своим кузеном тет-а-тет, — этот назойливый капеллан упрямо не уходил, словно ему было велено не оставлять их наедине. Уж не приказал ли Гарри, чтобы Сэмпсон никуда от них не отлучался? Она со вздохом удалилась. Он с поклоном проводил ее до двери и с неколебимой учтивостью поручил заботам горничной и хозяйки гостиницы.

Чей это конь карьером вылетел из ворот через десять минут после того, как леди Мария удалилась в свою комнату? Час спустя миссис Бетти сошла в залу, где они ужинали, за нюхательными солями своей госпожи и увидела, что преподобный Сэмпсон сидит там в одиночестве, покуривая трубку. Мистер Уорингтон ушел спать... решил прогуляться при луне... откуда ему знать, где мистер Гарри, ответил Сэмпсон на расспросы горничной. На следующее утро мистер Уорингтон занял свое место у кареты леди Марии, готовый сопровождать ее. Но чело его было по-прежнему омрачено, и он пребывал все в том же черном расположении духа. За всю дорогу он ей и двух слов не сказал. "Боже милостивый! Значит, она призналась ему, что украла письмо", — размышляла леди Мария.

А ведь когда они поднимались пешком по крутому склону холма, на который уэстеремская дорога взбирается в трех милях от Окхерста, леди Мария Эсмонд, опираясь на руку своего кавалера, влюбленно щебетала ему на ухо самые чувствительные клятвы, заверения и нежные слова. Но чем больше она пылала, тем холоднее становился он. Когда она заглядывала ему в глаза, то подставляла лицо солнечным лучам, которые, как ни было оно свежо и молодо, безжалостно высвечивали все морщинки и складочки, оставленные на нем сорока годами, и бедняга Гарри находил, что рука, опирающаяся на его локоть, нестерпимо тяжела, так что прогулка вверх по склону холма не доставляла ему ни малейшего удовольствия. Только подумать, что эта обуза будет тяготить его всю жизнь! Будущее не сулило ничего хорошего, и он клял про себя прогулку при луне, жаркий вечер и крепкое вино, которые исторгли у него дурацкое, но роковое обещание.

Похвалы и восторги Марии невыносимо раздражали Гарри. Бедняжка сыпала строчками из тех немногих известных ей пьес, в которых можно было найти положения, сходные с ее собственным, и прилагала все усилия, чтобы очаровать своего юного спутника. Она вновь и вновь называла его своим рыцарем, своим Энрико, своим спасителем и клялась, что его Молинда будет вечно верна ему.

— Ах, дорогой! Разве не храню я вот здесь твой милый образ, милую прядь твоих волос, твое милое письмо? — сказала она, заглядывая ему в глаза. — И не погребут ли их со мной в могиле? Так и будет, сударь, если мой Энрико поступит со мной жестоко! — заключила она, вздыхая.

Как странно! Госпожа Бернштейн отдала ему шелковый мешочек — она сожгла прядь волос и письмо, спрятанные в нем, но Мария по-прежнему хранит этот мешочек на груди! И вот в это мгновение, когда Гарри вздрогнул и, казалось, был готов отнять у нее свою руку, на которую она опиралась, леди Марии в первый раз стало стыдно, что она солгала, а вернее, что ее поймали на лжи, причина для стыда куда более основательная. Да смилуется над нами небо! Ведь если некоторые люди начнут каяться в произнесенной ими лжи, они так все время и будут ходить в рубище, обсыпанные пеплом.

Когда они добрались до Каслвуда, настроение Гарри не улучшилось. Милорд был в отъезде, дамы тоже, и единственным членом семьи, кого Гарри застал в замке, был мистер Уилл, который вернулся с охоты на куропаток как раз в ту минуту, когда карета и всадники въезжали в ворота, и побелел как бумага, узнав своего кузена, свирепо нахмурившегося при виде него.

Тем не менее мистер Уилл решил ничего не замечать, и они встретились за ужином, где в присутствии леди Марии беседовали сначала достаточно мирно, хотя и не слишком оживленно. Мистер Уилл побывал на скачках? И не на одних. И заключал удачные пари, выразил надежду мистер Уорингтон. Более или менее.

— И моя лошадь цела и невредима? — осведомился мистер Уорингтон.

— Ваша лошадь? Какая лошадь? — спросил мистер Уилл.

— Какая лошадь? Моя лошадь! — резко говорит Гарри.

— Я что-то не понимаю, — говорит Уилл,

— Гнедая лошадь, на которую мы играли и которую я у вас выиграл вечером, а утром вы на ней ускакали, — сурово говорит мистер Уорингтон. — Вы помните эту лошадь, мистер Эсмонд?

— Мистер Уорингтон, я прекрасно помню, что мы с вами играли на лошадь, которую мой слуга передал вам в день вашего отъезда.

— Капеллан присутствовал при том, как мы играли. Мистер Сэмпсон, вы нас рассудите? — мягко спрашивает мистер Уорингтон.

— Я не могу не указать, что мистер Уорингтон играл на гнедую лошадь, объявляет мистер Сэмпсон.

— Ну, а получил другую, — с ухмылкой сказал мистер Уилл.

— И продал ее за тридцать шиллингов! — заметил мистер Уорингтон, сохраняя спокойный тон.

Уилл засмеялся.

— Тридцать шиллингов — очень неплохая цена за клячу с разбитыми коленями, ха-ха!

— Ни слова больше. Речь идет всего лишь о пари, дорогая леди Мария. Могу ли я положить вам еще цыпленка?

До тех пор, пока дама оставалась с ними, никто не мог бы превзойти мистера Уорингтона любезностью и веселостью. Когда же она встала из-за стола, Гарри проводил ее до двери, которую притворил за ней с учтивейшим поклоном. Постояв немного у закрытой двери, он приказал слугам удалиться. Когда они ушли, мистер Уорингтон запер за ними тяжелую дверь и положил ключ в карман.

Услышав щелканье замка, мистер Уилл, который потягивал пунш и искоса поглядывал на кузена, спросил его с одним из тех проклятий, которыми обычно украшал свою речь, какого... мистер Уорингтон запер дверь.

— Я полагаю, кое-каких объяснений не миновать, — ответил мистер Уорингтон. — Ну, и незачем им глазеть, как ссорятся их господа.

— А кто это ссорится, хотел бы я знать? — спросил Уилл, бледнея, и схватил нож.

— Мистер Сэмпсон, вы присутствовали при том, как я поставил пятьдесят гиней против гнедой лошади мистера Уилла?

— Просто лошади! — вопит мистер Уилл.

— Я не такой (эпитет) дурак, каким вы меня считаете, — говорит мистер Уорингтон, — хотя я и приехал из Виргинии.

Затем он повторяет свой вопрос:

— Мистер Сэмпсон, вы присутствовали при том, как я поставил пятьдесят гиней против гнедой лошади высокородного Уильяма Эсмонда, эсквайра?

— Не могу не признать этого, сэр, — говорит капеллан, обращая укоризненный взор на брата своего сиятельного патрона.

— А я ничего подобного не признаю, — заявляет мистер Уилл с несколько вымученным смехом.

— Да, сударь, не признаете, потому что вам соврать не трудней, чем смошенничать, — сказал мистер Уорингтон, подходя к кузену. — Отойдите, мистер капеллан, и будьте свидетелем честной игры! Потому что вы ничем не лучше...

Не лучше чего, мы сказать не можем и так никогда этого и не узнаем, ибо в этот миг дражайший кузен мистера Уорингтона запустил ему в голову бутылкой, но Гарри успел уклониться, так что метательный снаряд пролетел до противоположной стены, пробил насквозь писанную маслом физиономию какого-то предка Эсмондов и сам разлетелся вдребезги, оросив доброй пинтой старого портвейна лицо и парик капеллана.

— Боже милостивый, джентльмены, умоляю вас, успокойтесь, — вскричал священник, обгаренный вином.

Но джентльмены не были склонны прислушиваться к гласу церкви. Потерпев неудачу с бутылкой, мистер Эсмонд схватил большой нож с серебряной рукояткой и кинулся на своего кузена. Однако Гарри, вспомнив боксеров в Мэрибоне, левой рукой отбил руку мистера Эсмонда, а правой нанес ему такой сокрушительный удар, что он отлетел к стене, стукнулся о дубовую обшивку и, надо полагать, узрел десять тысяч разноцветных огней. Ретируясь к стене, он уронил нож, и его стремительный противник отбросил это оружие ногой под стол.

Но и Уилл тоже бывал в Мэрибоне и в Хокли-ин-де-Хоул — переведа дух и сверкнув глазами над кровоточащим носом, он кинулся вперед, опустил голову, точно таран, и нацеливаясь в живот мистера Генри Уорингтона.

Гарри видел и этот прием в Мэрибоне, а также и в материнском имени, где поссорившиеся негры сталкивались в поединке, точно два пушечных ядра, одно тверже другого. Но Гарри взял на заметку и цивилизованные методы белых: он отпрыгнул в сторону и приветствовал своего врага сокрушительным ударом в правое ухо. Тот стукнулся лбом о тяжелый дубовый стол, рухнул на пол и застыл без движения.

— Капеллан, вы свидетель, что все было честно, — сказал мистер Уорингтон, еще дрожа от возбуждения, но стараясь подавить его и принять хладнокровный вид. Затем он вынул из кармана ключ и отпер дверь, за которой толпилось четверо слуг. Звон бьющегося стекла, крик, вопль, два-три проклятия подсказали им, что в комнате творится что-то неладное, и теперь, войдя, они увидели две багряные алые жертвы — капеллана, исходящего портвейном, и высокородного Уильяма Эсмонта, эсквайра, распростертого в луже собственной крови.

— Мистер Сэмпсон подтвердит, что я дрался честно и что начал мистер Эсмонт, — сказал мистер Уорингтон. — Эй, кто-нибудь! Развяжите его шейный платок, а то как бы он не умер. Гамбо, принеси ланцет и пусти ему кровь. Стой! Он приходит в себя. Подними-ка его, вон ты! И скажите горничной, чтобы она подтерла пол.

И правда, минуту спустя мистер Уилл очнулся. Сначала он медленно повел глазами по сторонам, вернее, — вынужден я сказать с большим сожалением, одним глазом, ибо второй основательно заплыл в результате первого удара мистера Уорингтона. Итак, сначала он медленно повел одним глазом по сторонам, затем охнул и испустил нечленораздельный стон, после чего начал сыпать проклятиями и ругательствами весьма щедро и членораздельно.

— Ну вот, он уже оправился, — сказал мистер Уорингтон.

— Слава тебе господи, — вздохнула чувствительная Бетти.

— Спроси у него, Гамбо, не желает ли он еще, — приказал мистер Уорингтон строго.

— Масса Гарри спрашивает, вы еще не желаете ли? — осведомился послушный Гамбо, склоняясь над лежащим джентльменом.

— Нет, будь ты проклят, черный дьявол, — говорит мистер Уилл и бьет в черную мишень перед собой.

— Чуть язык мне пополам не перервал, — сообщил Гамбо сердобольной Бетти.

— Нет, то есть да! Адское ты исчадие! Почему его не гонят отсюда в три шеи?

— Потому что не смеют, мистер Эсмонт, — величественно заявил

мистер Уорингтон, поправляя манжеты.

— И не хотят, — пробурчали слуги, которые все любили Гарри, тогда как для мистера Уилла ни у кого не нашлось бы доброго слова. — Мы знаем, сэр, что все было по-честному. У мистера Уильяма это уже не первый случай.

— Да и не последний, дай-то бог! — визгливо восклицает миссис Бетти. Чтобы неповадно было бить черных джентльменов!

К этому времени мистер Уильям уже поднялся на ноги, утер салфеткой окровавленную физиономию и угрюмо направился к двери.

— Учтивость требует прощаться с обществом. Доброй ночи, мистер Эсмонд, — говорит мистер Уорингтон, который шутил хотя и редко, но плохо. Впрочем, ему самому этот блестящий выпад пришелся очень по вкусу, и он весело про себя посмеялся.

— Скушал ужин и пошел на боковую, — заявляет миссис Бетти, после чего все захохотали уже открыто, то есть все, кроме мистера Уильяма, который удалился, изрытая, так сказать, черные клубы проклятий из жерла своего рта.

Приходится сознаться, что охота шутить не прошла у мистера Уорингтона и на следующее утро. Он послал мистеру Уиллу записочку, осведомляясь, не собирается ли он в "столицу или куда-нибудь еще". Если он намерен посетить Лондон, то насмерть перепугает "разбойников" на Хаунслоу-хит, а в "Щиколадной никто, конечно, не будет так разукрашен", как он. Боюсь, что мистер Уилл с обычной своей грубостью послал автора письма куда-то значительно дальше, чем в Хаунслоу-хит.

Однако дело не ограничивается перепиской только между Уиллом и Гарри: у двери мистера Уорингтона появляется хихикающая девица, и Гамбо приближается к своему господину с белым треугольником в черных пальцах.

Гарри немедленно догадывается, что это такое.

— Записочка! — стонет он.

Молинда приветствует своего Энрико, и т. д., и т. д., и т. д. В эту ночь она не смежила глаз, и прочее, и прочее, и прочее. Хорошо ли спалось Энрико в родовом замке его предков? Und so weiter, und so weiter {И так далее, и так далее (нем.)}. Пусть он больше никогда не "сорится" и не будет "таким злым". Kai ta Loira {И прочее (древнегреч.)}. Нет, я не стану цитировать это письмо дальше. А таблички, некогда золотые, что вы теперь, как не увядшие листья? Где фокусник, который преобразал вас, и почему исчез ваш блеск?

Достоинство мистера Уорингтона не позволяло ему оставаться в

Каслвуде после его легкого недоразумения с кузеном Уиллом, и он написал величественное письмо милорду, объясняя, что произошло. Так как он призвал преподобного Сэмпсона просмотреть эту эпистола, она, вероятно, не содержала ни одного из тех капризов правописания, которыми столь изобиловала его обычная корреспонденция в тот период. Он объяснил бедняжке Марии, что подбив глаз и расквасив нос столь близкому родственнику хозяина дома, он никак не может дольше оставаться под его кровом, и она была вынуждена согласиться, что при подобных обстоятельствах ему все-таки лучше уехать. Разумеется, прощаясь с ним, она проливала обильные слезы. Он поедет в Лондон и увидит там более юных красавиц, но не найдет ни одной, — ни одной! — которая бы любила его так, как Мария, его Мария. Боюсь, что, расставшись с ней, он не испытал особого горя. Более того, он очень повеселел, едва каслвудский мост остался позади, и пустил своих лошадей такой резвой рысью, что они делали не меньше девяти миль в час. Всю дорогу он пел, кивал хорошеньким девушкам у обочины, потрепал миленькую служанку по щеке, — нет, неутешная тоска его не терзала. По правде говоря, ему не терпелось вернуться в Лондон, блистать в Сент-Джеймском дворце или в Ньюмаркете, — словом, там, где собиралась золотая молодежь. Он уже вкусил от радостей лондонской жизни, и танбриджское общество, сплетничающие дамы и их карточные вечера теперь его совсем не прельщали.

К тому времени, когда он вновь добрался до Лондона, от сорока четырех фунтов, которые, как мы знаем, были у него в Танбридже, не осталось почти ничего, и нужно было изыскать средства на дальнейшие расходы. Но это его не смущало. Ведь в его распоряжении были две суммы по пять тысяч фунтов каждая, положенные на его имя и на имя его брата. Он возьмет сколько будет надо достаточно только полосы везенья в игре, и он все возместит. Но он должен жить, как приличествует его положению, и необходимо втолковать госпоже Эсмонд, что джентльмен его ранга не может поддерживать знакомства с равными себе и блистать в обществе на жалкие двести фунтов в год.

Мистер Уорингтон снова поселился в "Бедфорде", но ненадолго. Он начал подыскивать достойное жилище неподалеку от королевского дворца и избрал квартиру на Бонд-стрит, где и обосновался с Гамбо, лошадей же поставил в конюшню неподалеку. Затем ему потребовались услуги портных, торговцев материями и башмачников. Не без некоторых угрызений он снял траур и надел шляпу с галунами и расшитый золотом камзол. Гамбо уже постиг столичные тонкости парикмахерского искусства,

и припудренные светлые локоны мистера Уорингтона выглядели столь же модно, как у самого изысканного щеголя на ПэлМэл. Он появился на Кругу в Хайд-парке в собственном фаэтоне. Слухи о его сказочном богатстве достигли Лондона задолго до него самого, и баловень судьбы из Виргинии возбуждал немалое любопытство.

В ожидании того времени, когда ему можно будет баллотироваться по всем правилам, лорд Марч записал нашего юного друга в клуб в кофейне Уайта как знатного джентльмена из Америки. Свет еще не начал съезжаться в Лондон, но молодому человеку двадцати одного года от роду, с карманами, набитыми деньгами, не обязательно ждать начала сезона, чтобы жить в свое удовольствие, а Гарри твердо решил наслаждаться жизнью.

И он распорядился, чтобы мистер Дрейпер продал на пятьсот фунтов его ценных бумаг. Что бы сказала его бедная мать, знай она, что молодой расточитель уже начал проматывать отцовское наследство? Он обедал в ресторации, он ужинал в клубе, где Джек Моррис, не скупясь на самые жаркие хвалы, познакомил его с джентльменами, находившимися тогда в столице. Он вкушал от жизни, от молодости, от наслаждений — чаша была полна до краев, и пылкий юноша жадно припал к ней. Видите ли вы далеко-далеко на западе благочестивую вдову, молящуюся за сына? Под деревьями Окхерста нежное сердечко тоже, может быть, бьется для него. Когда Блудный Сын предавался буйному веселью, разве его не ждали любовь и прощение?

Среди неизданных писем покойного лорда Орфорда есть одно, которое нынешний их издатель, мистер Питер Каннингем, не включил в сборник, возможно, усомнившись в его подлинности. Я и сам видел среди уорингтоновских бумаг только его копию, сделанную аккуратным почерком госпожи Эсмонд с пометкой: "Рассказ мистера Х. Уолпола о пребывании моего сына Генри в Лондоне и о баронессе Тэшер. Написано ген. Конвею".

"Арлингтон-стрит, вечером в пятницу.

Я на день-другой, мой милый, прервал свои молитвы богородице Строберрийской. Разве не простоял я перед ней на коленях все три последние недели и разве мои бедные суставы не терзает ревматизм? Мне пришла охота побывать в Лондоне, посетить Воксхолл и Раниле, quoi {Ну и что? (франц.)}? Ведь могу же и я немножко поиграть, как другие престарелые младенцы? Предположим, после столь долгого пребывания на стезе добродетели меня потянуло на пироги с пивом, ужли ваше преподобие скажет мне — "нет"? Джордж Селвин, Тони Сторер и ваш покорный слуга сели под вечер в Вестминстере в лодку... во вторник? Нет,

во вторник я был у их светлостей герцога и герцогини Норфолкских, только что прибывших из Танбриджа. Так в среду. Откуда мне знать? Разве не упился я до бесчувствия у Уайта целой пинтой лимонада?

Норфолки развлекали меня во вторник рассказами о юном дикаре — ирокезе, чоктау или виргинце, который наделал последнее время некоторого шуму в нашем уголке земного шара. Это отпрыск бесславного семейства Эсмондов-Каслвудов, в котором все мужчины — игроки и моты, а все женщины... ну, я не стану писать этого слова из опасения, что леди Эйлсбери заглядывает через твое плечо. Я слышал от отца, что оба покойных лорда состояли у него на жалованье, и последний из них, красавчик времен королевы Анны, был возведен из виконтов в графы благодаря заслугам и ходатайству его прославленной старой сестрицы, Бернштейн, ранее Тэшер, урожденной Эсмонд — так* же в свое время знаменитой красавицы и фаворитки старого Претендента. Она продала его тайны моему папеньке, который уплатил ей за них, и, забыв о своей любви к Стюартам, перешла на сторону августейшего Ганноверского дома, ныне над нами царствующего. "Неужели Хоресу Уолполу не надоест сплетничать?" — говорит твоя жена из-за твоего плеча. Целую ручки вашей милости. Я нем. Бернштейн воплощение добродетели. У нее не было никаких веских причин выходить за капеллана своего отца. Ведь столько знатных особ отлично обходилось без брака. Она не стыдилась быть миссис Тэшер и взяла себе во вторые мужья немецкого барончика, которого никто за пределами Ганновера не видел. Ярмут не питает к ней злобы. Есфирь и Астинь — добрые подруги и все лето в Танбридже по мере сил обманывали друг друга за карточным столом.

"Но при чем тут ирокез?" — спрашивает ваша милость. Ирокез тоже был в Танбридже и играл в карты, возможно, не передергивая, но без конца выигрывая. Говорят, что он обчистил лорда Марча не на одну тысячу — лорда Марча, который пролил столько крови, рассорился со всеми, дрался со всеми, охотился со всеми, влюблял в себя всех чужих жен, исключая жену мистера Конвея и не исключая ее нынешнего величества, графини Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, королевы Вальмодена и Ярмута, да хранит ее небо на радость нам.

Ты знаешь этого плюгавого мерзавца *de par le monde* {Неведомо откуда взявшегося (франц.)}, некоего Джека Морриса, который шныряет по всем лондонским домам. Когда мы были в Воксхолле, мистер Джек кивнул нам из-под подбородка миловидного юнца, на руку которого он опирался и которого соблазны сада, по-видимому, приводили в неистовый восторг. Господи, как упоенно он глазел на фейерверк! Боги, как он рукоплескал

гнуснейшей покрашенной певичке, чей визг немилосердно терзал мои уши. Грошовая нитка бус и яркая тряпка в земле ирокезов — великие сокровища, и наш дикарь был совсем ослеплен таким великолепием.

Кругом зашептались, что это тот самый Счастливец. Накануне у Уайта он самым благородным образом выиграл у Рокингема и моего драгоценного племянника триста гиней, а теперь вопил и бесновался, очарованный музыкой, так что смотреть было приятно. Я не люблю кукольных представлений, но я очень люблю водить на них детей, мисс Конвей! Шлю вашей милости нижайший поклон и, надеюсь, мы как-нибудь вместе отправимся посмотреть Кукол.

Когда певичка сошла со своего трона, Джек Моррис во что бы то ни стало возжелал представить ей моего виргинца. Я увидел, как он покраснел до ушей и отвесил ей весьма изящный поклон, какого я никак не ждал от обитателя вигвама, а засим, как мне кажется, дикарь и дикаресса удалились вместе.

Всего за три часа до этого мои спутники съели и выпили так много, что в Воксхолле они непременно пожелали скушать цыплят с пуншем, после чего Джордж уснул, а мне за мои грехи вздумалось рассказать Тони Стореру во, что я знал о милом семействе виргинца, и, в частности, кое-какие подробности о бершштейновских похождениях, а также историю еще одной пожилой красотки, ее племянницы, некоей леди Марии, которая была au mieux {В наилучших отношениях (франц.).} с покойным принцем Уэльским. Что я сказал? Да меньше половины того, что мне было известно, и, разумеется, не больше десятой доли того, что я намеревался сказать, но кто тут бросается на нас, как не наш дикарь, на этот раз совсем уж багровый и в полной боевой раскраске! Оказывается, он пил огненную воду в соседней ложе!

Дикарь сдвигает шляпу на затылок, хватается за рукоятку шпаги и осведомляется, кто из джентльменов чернил его родных. Так что я вынужден был попросить его не поднимать такого шума и не будить моего друга мистера Джорджа Селвина. И я добавил: "Уверяю вас, сэр, я понятия не имел, что вы находитесь неподалеку, и приношу вам самые искренние извинения".

Вняв этим миролюбивым словам, гурон выпустил томагавк, не без изящества отвесил поклон и сказал, что, разумеется, ничего, кроме извинения, он от джентльмена моего возраста (merci, Monsieur {Благодарю вас, сударь (франц.).}) требовать не может. Услышав же фамилию мистера Селвина, он еще раз поклонился а сообщил, что имел к нему письмо от лорда Марча, которое, к несчастью, потерял. Выяснилось, что Джордж

вкупе с Марчем предложил его в члены клуба, и, без сомнения, эти три агнца остригут друг друга наголо. А тем временем мой умиротворенный дикарь сел за наш стол и утопил томагавк в еще одной чаше пунша, которую эти господа обязательно пожелали заказать. Помилуй бог! Уже одиннадцать, и вот идет Бенсон с моей овсяной кашкой.

Х. Уолпол.

Высокородному Г. С. Конвею".

Глава ХLI

Карьера мота

Во времена Гарри Уорингтона люди все еще усердно старались определить соотношение литературных достоинств древних и новых авторов (не то чтобы наш юный джентльмен особенно интересовался этим спорой), и ученые мужи, а вслед за ними и свет, почти все отдавали предпочтение первым. Новые авторы тех дней стали древними в наши, и мы сегодня рассуждаем о них так же, как наши внуки через сто лет будут судить о нас. Что же до вашей книжной премудрости, о почтенные предки (хотя, бесспорно, среди вас вы можете числить могучего Гиббона), то, мне кажется, вы признаете себя побежденными — я мог бы указать на двух-трех профессоров в Кембридже и Глазго, которые лучше осведомлены в греческом языке, чем все университеты в ваше время, включая и афинский, если такой тогда имелся. В естественных же науках вы продвинулись немногим дальше тех язычников, которых в литературе признавали выше себя. А нравы общественные и частные? Какой год лучше — нынешний 1858-й или его предшественник сто лет назад? Господа, заседающие в дизраэлевской палате общин, есть ли У каждого из вас своя цена, как в дни Уолпола и Ньюкасла? Или же (это весьма щекотливый вопрос!) почти все вы ее уже получили? Дамы, я не скажу, что ваше общество — это общество весталок, но хроники столетней давности содержат такое количество скандальнейших историй, что вам надо благодарить небо, судившее вам жить в не столь опасные времена. Нет, я искренне верю, что и мужчины и женщины стали теперь лучше. И не только Сусанны встречаются чаще, но старцы далеко не так порочны. Приходилось ли вам слышать о таких книгах, как "Кларисса", "Том Джонс", "Родерик Рэндом", о полотнах, изображающих людей, жизнь а общество, современные их авторам? Предположим, мы описали бы поступки таких мужчин и женщин, как мистер Ловлас, леди Белластон или та поразительная "знатная леди", которая одолжила свои мемуары автору "Перегринна Пикля". О, целомудренная матрона, имя которой — Деятнадцатый Век, как она возмутилась бы, как покраснела! С какими возгласами негодования выбежала бы из комнаты, приказав барышням удалиться, и потоп попросила бы мистера Мьюди больше ни поя каким видом не присылать ей книг этого ужасного сочинителя!

Вам пятьдесят восемь лет, сударыня, может быть, вы так мнительны,

что кричите, когда вам еще никто не причинил боли, когда никто даже не думал оскорбить вашу милость. И ведь может быть также, что искусство романиста терпит ущерб из-за узды, которую на него налагают, подобно тому как многие честные и безобидные статуи в соборе Святого Петра и в Ватикане обезображены мишурными одеяниями, под которые старухи в сутанах упрятали их прекрасные мраморные члены. Но в вашем жеманстве есть резон. Как и в государственной цензуре. Страница может содержать нечто опасное для bonos mores {Добрых нравов (лат.)}. Бери же ножницы, цензор, и вырежь крамольный абзац! Нам остается только смириться. Деспот Общество издал свой августейший указ. Нам может казаться, что статуя выглядела бы куда прекраснее без одеяния, мы можем доказывать, что мораль только выиграла бы, будь нам позволено продекламировать всю басню. Прочь его — и ни слова! Мне не доводилось видеть в Соединенных Штатах фортепиано в панталончиках из плоеного муслина на ножках, но не сомневайтесь: муслин скрывал не только красное дерево, но и звуки, приглушал музыку, пианист переставал играть.

К чему подводит нас эта прелюдия? Я думаю о Гарри Уорингтоне, эсквайре, в его лондонской квартире на Бонд-стрит, и о жизни, которую он и многие светские повесы вели в те времена, и о том, что так же не могу познакомить с ними мою очаровательную юную читательницу, как не может леди Чопоринг повезти свою дочь в Креморнский сад в обычный вечер. Дражайшая мисс Диана! (Пф! Я знаю, вам тридцать восемь лет, хотя вы так дивно робки и стараетесь внушить нам, будто только-только перестали обедать в детской и носить переднички.) Когда ваш дедушка был молодым человеком, членом клуба, собиравшегося у Уайта, обедал у Понтака, вкушал яства Браунда и Лебека, ездил в Ньюмаркет с Марчем и Рокингом и поднимал бокал за первых красавиц Англии вместе с Гилли Уильямсом и Джорджем Селвином (и не понимал шуток Джорджа, которые, впрочем, заметно выдохлись после укупорки) — почтенный старец вел тогда жизнь, о которой ваша благородная тетушка (чье перо начертало "Легенды Чопоринга, или Прекрасные плоды фамильного древа") не обмолвилась ни словом.

Это было до того, как ваша бабушка обзавелась теми серьезными взглядами, которыми славилась, когда доживала свой век в Бате, до того как она остепенилась, а полковник Тибболт женился на мисс Лай, дочери богатого мыловара. Когда ее милость была молода, она кружилась в том же вихре удовольствий, что и весь высший свет. В ее доме на Хилл-стрит по вечерам в среду и воскресенье ставилось не менее десяти карточных столов (исключая то недолгое время, когда двери Раниле были открыты и в

воскресенье). Каждый вечер она играла в карты по восемь, девять, десять часов. Как и весь свет. Она проигрывала, она выигрывала, она мошенничала, она закладывала свои драгоценности — и кто знает, чего бы еще она ни заложила, лишь бы найти средства продолжать игру. А дуэль после ужина в "Голове Шекспира" в Ковент-Гардене между вашим дедом и полковником Тибболтом, когда они обнажили шпаги и скрестили их без свидетелей, если не считать сэра Джона Скруби, который валялся под столом мертвецки пьяный? Их поединок прервали люди мистера Джона Фильдинга, и вашего деда, раненого, отнесли домой на Хилл-стрит в портшезе. Поверьте мне, эти напудренные джентльмены в кружевных манжетах, столь изящно выворачивающие носки своих туфель с пряжками, вели себя ужасно. Шпаги обнажались ежеминутно, бутылки осушались одна за другой, ругательства и божба обильно уснащали беседу. Эти искатели удовольствий, еле держась на ногах, для потехи кололи шпагами и калечили трактирных служителей и городских сторожей, избивали носильщиков портшезов, оскорбляли мирных обывателей. Вы, разумеется, бывали в Креморне с надлежащими "поручителями"? А вы помните, какими были наши столичные театры тридцать лет назад? Вы были слишком добродетельны, чтобы присутствовать на спектаклях. Ну, так вы и понятия не имеете, что делалось в театральных залах, что делалось в зеленых ложах, перед которыми играли Гаррик и миссис Причард! И я, думая о моих детях, исполняюсь благодарности к удалившемуся на покой великому актеру, который первым очистил театр от этого позора. Нет, сударыня, вы ошибаетесь: я не чванюсь своей высокой нравственностью. Я не утверждаю, что вы от природы выше и лучше своей бабушки в дни ее буйно нарумяненной, азартной, бессонной, головокружительной юности или даже бедняжки Полли Фогл, которую только что арестовали за кражу в лавке, — сто лет назад ее за это повесили бы. Нет, я лишь полон смиренной благодарности, что меня в нынешнем веке окружает меньше соблазнов, хотя мне и этих более чем достаточно.

А потому, если Гарри Уорингтон ездит в Ньюмаркет на октябрьские скачки и проигрывает там свои деньги или приумножает их, если он пирует с друзьями в "Голове Шекспира" или в "Голове Бедфорда", если он обедает у Уайта, а потом играет в макао или ландскнехт, если он дерется на кулаках с ночным сторожем и попадает на съезжую, если он на краткое время превращается в повесу и шалопаю, я, зная слабость человеческую, ничуть не удивляюсь и, памятуя о собственных недостатках, не собираюсь быть неумолимо строгим к недостаткам ближнего моего. В отличие от мистера Сэмпсона: тот в своей часовне в Лонг-Акре свирепо бичевал порок, не

давал пощадь Греху, яростно поносил Божбу в самых крепких выражениях, повергал Пьянство ниц и попирал ногой бесчувственную скотину, валяющуюся в канаве, обличал Супружескую Неверность и побивал ее камнями нескончаемой риторики — а после службы шел обедать в "Звезду и Подвязку", варил пунш для Гарри и его приятелей в "Голове Бедфорда" или садился играть в вист на квартире у мистера Уорингтона, а может быть, у лорда Марча, — короче говоря, там, где мог найти ужин и избранное общество.

Однако мне часто кажется, что на лондонскую жизнь мистера Уорингтона я, возможно, смотрю с той суровостью и придирчивостью, с какой вообще отношусь к нему, — ведь его поведение не вырвало у меня ни единого слова добродетельного негодования, а если оно не было предосудительным, то я, бесспорно, слишком уж к нему строг. О Правдивость, о Красота, о Скромность, о Благожелательность, о Чистота, о Нравы, о Краснеющая Стыдливость, о Слащавость — с больших, только с больших букв пишу я ваши славные наименования! О Чопорность, о Жеманство! Как посмею я сказать, что молодой человек был молодым человеком?

Несомненно, милая барышня, я черню мистера Уорингтона в свойственной мне бессердечной манере. И в доказательство — вот письмо из уорингтоновского архива от Гарри его матушке, в котором нет ни единого слова, позволяющего заподозрить, будто он вел тогда бурную жизнь. А подобное письмо от единственного сына любящей и образцовой родительнице, конечно же, содержит одну только правду.

"Бонд-стрит, Лондон,

25 октября 1756 года.

Милостивая государыня!

Я беру перо, дабы сообщить, что ваше досточтимое послание, прибывшее 10 июля с виргинским пакетботом, было переслано сюда нашим бристольским агентом и благополучно получено, и я восхищен, что виды на урожай столь хороши. Туллий говорит, что сельское хозяйство есть благороднейшее из занятий, и как прекрасно, когда оно еще и прибыльно.

Со времени моего последнего письма с Танбриджских вод случились одно-два прившествия {* Это слово раза два подскабливалось перочинным ножичком, но оставлено в таком виде, несомненно, к полному удовлетворению его творца. (Прим. автора.)}, о которых мне следует известить мою досточтимую матушку. Наше общество разъехалось оттуда в конце августа, с началом охоты на куропаток. Баронесса Бернштейн, чья доброта ко мне оставалась неизменной, отбыла в Бат, где обычно она

проводит зиму, сделав мне весьма приятный подарок, банкноту в пятьдесят фунтов. Я поехал обратно в Каслвуд верхом с преп. мистером Сэмпсоном, чьи наставления нахожу безценишими, и моей кузиной леди Марией {** Не диктовал ли преподобный Сэмпсон эту часть письма? (Прим. автора.)}. По дороге я посетил моих добрых друзей, полковника Ламберта и его супругу в Окхерст-Хаусе, и они посылают моей досточтимой матушке сирдешные поклоны. С грустью узнал, что младшая мисс Ламберт хворает и ее родители очень встревожены.

В Каслвуде, как ни печально, пребывание мое было кратким из-за ссоры с кузеном Уильямом. Этот молодой человек наделен необузданными страстями и, увы, привержен горячительным напиткам, и уж тогда совсем перестает сдерживаться. Мы поспорили по пустякам, из-за лошади, разгорячились, и он хотел нанести мне удар, чего внук моего деда и сын моей досточтимой матушки снести не мог. Я тоже ударил, и он повалился на пол, и его почти бесчувств отнесли в спальню. Утром я послал справиться о его здоровье, но, не получив от него больше никаких известий, отправился в Лондон, где и нахожусь с тех пор почти безотлучно.

Зная, что вам будет приятно, если я побываю в Кембриджском унирсите, где учился мой дорогой дедушка, я недавно отправился туда в обществе некоторых моих друзей. Мы ехали через Хартфоршир, и я спал в Уэре на знаменитой кровати. В Кембридже как раз начинались занятия. Я видел студентов в мантиях и шапочках и съездил посмотреть знаменитое Ньюмаркетское поле, где как раз устраивались скачки — лошадь моего друга лорда Марча Ключица от Резака пришла первой и выиграла большой приз. День был очень интересный — жоккеи, лошади и все прочее. Нам дома такое и не снилось. Парри заключались направо и налево, и богатейшие вельможи тут якшаются со всяким сбородом и все бьются об заклад друг с другом. Кембридж мне очень нравится, и особенно часовня в Кинг-Колледже с ее пышной, но изячной готтикой.

Я выезжал в свет и был избран членом клуба у Уайта, где познакомился с самыми знатными джентльменами. Среди моих друзей назову Рокингема, Карлейля, Орфорда, Болинброка и Ковентри — они все лорды, и меня с ними познакомил милорд Марч, про которого я уже писал раньше. Леди Ковентри очень красивая женщина, но худая. Все дамы тут красятся, и старые и молодые, так что если вы с Маунтин и Фанни хотите быть совсем по моде, мне надо будет прислать вам румяна. И тут все играют в карты — в каждом доме на каждом званом вечере ставится восемь, а то и десять карточных столов. Плохо только, что не все играют честно, а иные так и не расплачиваются честно. Ну, и мне тоже

приходилось садиться за карты, и я своими глазами видел, как некоторые дамы без всякого стеснения забирали все мои фишки!

Как-то на днях мой друг мистер Вулф, когда его полк, двадцатый полк, был на смотре в Сент-Джеймском парке, сделал мне честь представить меня его королевскому высочеству главнокомандующему, и он был со мной очень милостив. Такой толстый веселый принц, простите мне мою вольность, а его манера держаться напомнила мне злосчастного генерала Брэддока, с которым, на свое горе, мы познакомились в прошлом году. Когда ему назвали мою фамилию и сообщили, что милый Джордж участвовал в злополучном походе Брэддока и пал на поле брани, он долго со мной разговаривал — спрашивал, почему такой молодой человек, как я, не служит. И еще, почему я не поехал к прусскому королю, великому полководцу, чтобы принять участие в одной-двух кампаниях: ведь это же было бы лучше, чем шляться в Лондоне по раутам и карточным вечерам. Я сказал, что с радостью поехал бы, но что я теперь единственный сын и, хотя матушка на время меня отпустила, мое место с ней в нашем виргинском поместье. Генерал Брэддок, сказал его высочество, писал сюда о преданности госпожи Эсмонд, и он будет рад быть мне полезным. Потом мы с мистером Вулфом были приняты его высочеством в его резиденции на Пэл-Мэл. Мистер Вулф, хотя он еще совсем молод, служил во время шотландской кампании под командой его высочества, которого мистер Демпстер у нас дома так горячо любит. Да, конечно, он был излишне суров, если только можно быть излишне суровым с мятежниками.

Мистер Дрейпер перевел половину ценных бумаг, принадлежавших моему покойному папеньке, на мое имя. Вторая же половина должна оставаться в ведении душеприказчиков, пока вне всяких сомнений не подтвердится наша горькая потеря, а я бы правую руку отдал, лишь бы она не подтвердилась. Ах, милая матушка! Не проходит дня и даже часа, когда бы я не вспоминал о нем. Я часто сожалею, что его тут нет со мной. Мне кажется, что я становлюсь лучше, когда думаю о нем, и был бы счастлив, ради чести нашей семьи, если бы ее здесь представлял он, а не

ваш, милостивая государыня, послушный и любящий сын
Генри Эсмонд-Уорингтон.

P. S. Я похож на ваш прекрасный пол, который, как говорят, всегда о самом главном пишет в поскритуме. Мне следует рассказать вам об особе, которой отдано мое сердце. Я напишу об этом после, спешить ведь некуда. А пока скажу только, что она самого благородного происхождения и ее семья не уступает в знатности нашей".

"Кларджес-стрит, Лондон,

23 октября 1756 года.

Мне кажется, любезная сестра, что хоть родство между нами и близкое, мы всегда были далеки друг от друга, если вспомнить поэта, которого так любил ваш незабвенный отец. Когда вы увидели свет в наших Западных Владениях, моя мать была, конечно, много моложе матери Исаака, но я-то уже годилась вам чуть ли не в бабушки. И хотя она отдала вам все, что у нее было, включая и ту малую толику любви, которая должна была бы принадлежать мне, все же мы можем обойтись и без любви, если положимся на доброжелательность друг друга, а я ведь имею некоторое право на ваши добрые чувства, как ради вашего сына, так и ради вашего отца, которого я любила и ставила выше всех мужчин, каких мне довелось знать в этом мире, — он превосходил почти всех, хотя и не нашел в нем славы. Но среди тех, кто нашел ее, — а я видела таких немало, — почти никто, поверьте, не мог сравниться с мистером Эсмондом умом и сердцем.

Будь мы с вами ближе, я могла бы вам кое-что посоветовать касательно знакомства вашего юного джентльмена с Европой, а вы бы последовали моим советам или пропустили бы их мимо ушей, как делается в этом мире. Но, во всяком случае, вы могли бы сказать потом: "А она советовала правильно, и послушай Гарри госпожу Беатрису, ему было бы лучше". Любезная сестра, вы не могли знать, а я, кому вы никогда не писали, не могла вас предостеречь, но, приехав в Англию, в Каслвуд, ваш сын нашел там только дурных друзей, если не считать старой тетки, о которой уже пятьдесят лет говорят и рассказывают всякие скверности — и, возможно, не без основания.

Я должна сказать матери Гарри то, что ее, без сомнения не удивит: он нравится почти всем, с кем его сводит судьба. Он воздержан на язык, щедр, смел как лев и держится с гордым достоинством, которое очень ему идет. Вы сами знаете, красив он или нет, и я люблю его нисколько не меньше оттого, что он не остро слов и не умник, — мне никогда не были по душе господа, которые звезды с неба хватают, настолько они умнее своих ближних. Прославленный друг вашего отца мистер Аддисон мне казался поверхностным педантом, а его прихвостень сэр Дик Стиль был противен и пьяный и трезвый. А ваш мистер Гарри (*revenons a lui* {Вернемся к нему (франц.)}) звезд с неба, несомненно, не хватает. В книжной премудрости он осведомлен не больше любого английского лорда и нисколько от этого в моем мнении не теряет. Если небеса не скроили его по этой мерке, то ничего ведь не поделаешь.

Памятуя, какое положение он займет в колонии по своем возвращении, а также знатность его рода, должна сказать вам, что его средств

недостаточно для того, чтобы жить как ему подобает, а из-за ограниченности своих доходов он может наделать больше долгов, не находя иных возможностей и начав мотать, что от природы ему не свойственно. Но он не хочет отставать от своих приятелей, а между нами говоря, возвращается он сейчас в обществе избраннейших повес Европы. Он боится уронить честь своего рода и требует жареных жаворонков и шампанского, тогда как с удовольствием пообедал бы говядиной и пивом. И судя по тому, что он мне рассказывал, — он ведь очень *paif* {Безыскусствен (франц.)}, как говорят французы, — дух этот и высокое о себе мнение укрепляла в нем его маменька. Мы, женщины, любим, чтобы наши близкие блистали, хотя нам и не нравится платить за это. Хотите ли вы, чтобы ваш сын занял видное место в лондонском обществе? Тогда, по крайней мере, утрите его содержание, а его тетка Бернштейн (с соизволения его достопочтенной матушки) также кое-что добавит к назначенной вами сумме. Иначе он растратит то небольшое состояние, которым, как я узнала, он располагает сам, а ведь стоит мальчику начать *manger* {Есть (франц.)}, и от булки скоро не останется ни крошки. С божьего соизволения, я смогу кое-что оставить внуку Генри Эсмонда после моей смерти, но сбережения мои невелики, а пенсия, пожалованная мне моим милостивым монархом, кончается с моей смертью. Что до *feu* {Покойного (франц.)} мосье де Бернштейна, то он не оставил после себя ничего, кроме долгов, — придворные чины ганноверского двора его величества получают весьма скудное жалованье.

Дама, которая в настоящее время пользуется большим доверием его величества, весьма расположена к вашему мальчику и не преминет обратить на него милостивое внимание нашего государя. Его высочеству герцогу он уже был представлен. Если уж ему суждено жить в Америке, то почему бы мистеру Эсмонду-Уорингтону не возвратиться туда губернатором Виргинии и с титулом? Надеюсь, что так оно и будет.

А пока я должна быть с вами откровенной и сообщить, что он, боюсь, связал себя очень глупым обещанием жениться. Брак со старухой даже ради ее денег — глупость едва ли простительная, игра не *valant queres la chandelle* {Не стоящая свеч (франц.)}, как не раз заверял меня господин Бернштейн, пока еще был жив, и я верю ему, бедняге! Но жениться на старухе без денег только потому, что ты дал слово, — это, на мой взгляд, безумие, на которое способны только желторотые юнцы, и, боюсь, мистер Уорингтон входит в их число. Не знаю, каким образом и ради чего, но моя племянница Мария Эсмонд *escamote* {Заполучила (франц.)} у Гарри обещание. Он ничего не знает о ее *antecedens* {Прошлом (франц.)}, но мне

известно все. За последние двадцать лет она пыталась поймать в мужья двадцать человек. Мне все равно, как она выманила у него обещание, но стыд и позор, что женщина сорока с лишком лет играет на чести мальчика и отказывается вернуть ему слово. Она совсем не такая, какой представляется. Ни один лошадиный барышник (так он говорит) его не проведет... но вот женщина!

Я сообщаю вам эту неприятную новость не просто так. Быть может, вы решите приехать в Англию, но я бы на вашем месте была очень осторожной, а главное, очень мягкой, — попытка обуздать его строгостью только раздражит его пылкий нрав. Боюсь, что имение ваше — майорат, и угроза лишить его наследства Марию не испугает. Иначе при ее корыстолюбии она (хотя такой красавчик и очень ей по вкусу) и слышать о нем не захотела бы, окажись он бедняком. Я сделала все, что могла, и даже больше, чем допустимо, лишь бы расстроить этот брак. А что именно, я предпочту не доверять бумаге, но ради Генри Эсмонда я остаюсь искренним другом его внука и, сударыня,

вашей преданной сестрой. Беатрисой, баронессой де Бернштейн.

Миссис Эсмонд-Уорингтон. Каслвуд. Виргиния".

На обороте этого письма почерком госпожи Эсмонд написано:

"Письмо моей сестры Бернштейн, полученное вместе с письмом Генри 24 декабря, по получении какового было решено, что мой сын должен немедленно возвратиться домой".

Глава XLII

Fortunatus nimium {Чрезмерно богатый (лат.).}

Хотя Гарри Уорингтон был исполнен решимости сдержать злополучное обещание, которое вырвала у него кузина, мы льстим себя надеждой, что благосклонный читатель не составит о нем совсем уж дурного мнения, вообразив, будто молодой человек радовался этой помолвке и не расторгнул бы ее с восторгом, если бы мог. Весьма вероятно, что и беднягу Уилла он проучил не без задней мысли, рассуждая примерно так: "Семья теперь, конечно, со мной рассорится. В этой ссоре Мария, возможно, станет на сторону брата. Я, разумеется, откажусь принести извинения или как-либо иначе загладить случившееся. Тогда Уилл, пожалуй, пошлет мне вызов, а ведь он мне не противник. Вражда ожесточится, наша помолвка будет расторгнута, и я вновь стану свободным человеком".

Вот так наш простодушный Гарри заложил свою мину и поджег фитиль. Однако вскоре выяснилось, что взрыв никакого вреда не причинил, если не считать того, что Уильям Эсмонд неделю ходил с распухшим носом и синяком под глазом. Вызова своему кузену Гарри Уорингтону он не послал, а потому не убил Гарри и не был им убит. Уилл полетел на пол и поднялся с пола. Да и сколько людей поступило бы иначе, будь у них возможность свести счеты втихомолку, так, чтобы не посвящать в это посторонних? Мария отнюдь не встала в ссоре на сторону семьи, а высказалась в пользу своего кузена, как, впрочем, и граф, когда он узнал об этой стычке. Драку начал Уилл, сказал лорд Каслвуд. Это подтверждает капеллан, да и Уилл не первый и не десятый раз, напившись, затевает ссору. Мистер Уорингтон только ответил подобающим образом на оскорбление, и извиняться должен не он, а Уилл.

Гарри заявил, что не примет извинений до тех пор, пока ему не будет возвращена его лошадь или не будет уплачено пари. Про то, как в конце концов разрешился вопрос о пари, в бумагах, которые были в распоряжении автора настоящей хроники, не говорилось ничего, но известно одно: кузены после этого встречались в домах общих знакомых неоднократно и без членовредительства.

Вначале старший брат Марии был очень не прочь, чтобы его сестра, остававшаяся незамужней столько лет, в течение которых грязь и репы, прорехи и пятна, естественно, все больше лишали ее одежды былой

белизны, вступила наконец в брак, каким бы ни был жених. А если он окажется джентльменом из Виргинии — тем лучше. Она удалится в его лесной вигвам — и конец всем заботам. Согласно с естественным ходом вещей Гарри переживет свою далеко не молодую невесту и после ее кончины утешится или нет — это уж как он пожелает.

Но, приехав в Лондон и побеседовав с тетушкой Бернштейн, его сиятельство переменяет мнение и даже попробовал отговорить Марию от брака, испытывая жалость к юноше, который обречен влачить горестную жизнь из-за глупого обещания, данного в двадцать один год.

Горестную! Но почему? Мария отказывалась понять, почему его жизнь должна стать горестной. Жалость, как бы не так! Что-то в Каслвуде его сиятельство жалость не мучила. Попросту ее братец добывал у тетушки Бернштейн, и тетушка Бернштейн обещала ему кругленькую сумму, если этот брак не состоится. О, она прекрасно понимает милорда, но мистер Уорингтон человек чести, и она ему верит. Засим милорд удаляется в кофейню Уайта или в какое-либо еще из своих излюбленных заведений. Возможно, его сестра слишком точно угадала, о чем беседовала с ним госпожа Бернштейн.

"Итак, — размышляет он, — моя добродетель привела лишь к тому, что юный могок станет добычей других, и я щадил его совершенно напрасно. "Quem Deus vult..." {Начало латинской поговорки: "Кого бог хочет погубить, у того он отнимает разум".}, как там выражался школьный учитель? Не я, так еще кто-нибудь, это ясно, как божий день. Мой брат уже заполучил кусок, милая сестрица намерена проглотить его целиком. А я-то, я-то оберегал у себя в доме его юность и простодушие, играл по маленькой и разыгрывал из себя его ментора и опекуна. Глупец! Я лишь откармливал гуся, чтобы ели его другие! Не так уж много творил я добрых дел на своем веку, и вот — доброе дело, но кому от него польза? Другим! Вот, говорят, раскаяние. Да клянусь всеми огнями и фуриями, я раскаиваюсь только в том, что мог бы сделать и не сделал! Зачем я пощадил Лукрецию? Она только возненавидела меня, а ее муж все равно изведет уготованную ему судьбу. Зачем я отпустил этого мальчика? Чтобы его общипали Марч и прочие, которым это и не нужно вовсе! И это у меня скверная репутация! Это на меня кивают люди и называют распутным лордом! Это со мной умоляют матери своих сыновей не водить знакомства! Pardieu {Черт побери (франц.)}, я ничем не хуже моих ближних, только везет мне меньше, и величайший мой враг — моя же собственная слабость!" Автор этой хроники, приводя тут в виде связной речи то, что граф лишь думал, бесспорно, мог истощить свой кредит у терпеливого читателя, и тому дано

полное право не платить доверчивостью по этому чеку. Но разве Тит Ливий с Фукидидом и десяток других историков не влагали в уста своих героев речи, которые, как нам прекрасно известно, те и не думали произносить? Так насколько больше оснований имеем мы, досконально зная характер милорда Каслвуда, рассказывать о мыслях, мелькавших в его мозгу, и запечатлеть их на бумаге! Как? Целая стая волков готова наброситься на ягненка и пообедать им, а голодный матерый охотник будет стоять в стороне и не поживится хотя бы котлеткой? Кого не привела в восторг благородная речь лорда Клайва, которому после его возвращения из Индии поставили в вину несколько вольное обращение с джегирами, лакхами, золотыми мугурами, алмазами, жемчугами и прочим? "Честное слово! — воскликнул герой Плесси. — Когда я вспоминаю, какие у меня были возможности, я не могу понять, почему я взял так мало!"

Чувствительным натурам всегда бывает неприятно рассказывать неблагоприятные истории о джентльмене, и делаешь это лишь по принуждению. Вот почему, хотя еще до того, как была написана первая страница этой хроники, я знал, что представлял собой лорд Каслвуд и какого мнения придерживались о нем его современники, я умалчивал о весьма многом и лишь давал понять доверчивому читателю, что этот аристократ не заслуживает наших симпатий. Бесспорно, лорд Марч и другие джентльмены, на которых он сетовал, с такой же легкостью побились бы об заклад с мистером Уорингтонром на его последний шиллинг и забрали бы этот шиллинг, с какой обглодали бы косточку цыпленка. Да, они использовали бы каждое преимущество, которое давало бы более тонкое знание игры или конфиденциальные сведения о лошадях на скачках. Но ведь так поступают все джентльмены. Зато, играя, они не передергивали, а проигрывая, платили проигрыш.

Госпоже Бернштейн очень не хотелось рассказывать своему виргинскому племяннику подробности, которые не делали чести его родне. Ее даже тронуло то, как граф щадил Гарри, пека юноша гостил в замке, и она была весьма довольна его сиятельством, столь скрупулезно исполнившим ее желания в этом отношении. Однако, когда она разговаривала со своим племянником Каслвудом о намерениях Марии касательно Гарри, граф высказал свое мнение с обычным цинизмом, назвал себя дураком за то, что щадил мальчишку, которого, щади не щади, все равно от разорения не убережешь, напомнил о неоспоримой расточительности юного виргинца, о его приятелях-мотах, о его ночах за карточным столом, о его поездках в Ньюмаркет и осведомился, почему он один не должен ничем попользоваться. Тщетно госпожа Бернштейн

говорила о бедности Гарри. Вздор! Ведь он же наследник княжеского имени, которое по праву должно было бы принадлежать ему, Каслвуду, и могло бы поправить дела их разоренной семьи. (По правде говоря, госпоже Бернштейн виргинские владения мистера Уорингтона представлялись куда более обширными, чем они были на самом деле.) Да разве в городе нет ростовщиков, которые будут рады одолжить ему любые суммы под его наследство? Это Каслвуд знал по собственному печальному опыту: он воспользовался их услугами при жизни отца, и проклятая шайка пожирала две трети его жалких доходов. Он говорил с такой беспощадной откровенностью и злобой, что госпожа Бернштейн испугалась за своего любимца и решила предупредить его при первом удобном случае.

В тот же вечер она села писать письмо мистеру Уорингтону, но всю свою жизнь она плохо владела пером и не любила брать его в руки. "Какой толк писать плохо, — говаривала она, — когда столько умных людей делает это хорошо? Но даже в этом случае лучше не писать вовсе". А потому она послала лакея на квартиру Гарри с приглашением выпить у нее чашку чая на следующий день, предполагая тогда же предостеречь его.

Однако наутро она прихворнула и, когда мистер Гарри явился, не смогла его принять. Она провела в затворничестве два дня, а на третий был большой прием. На четвертый же мистер Гарри, в свою очередь, оказался занят. В вихре лондонской жизни какой человек успевает повидать соседа, брат — сестру, школьный товарищ — школьного товарища? И прошло много дней, прежде чем тетушка мистера Уорингтона смогла потолковать с ним по душам, как ей этого хотелось.

Сперва она мягко попеняла ему за расточительность и проказы (хотя на самом деле они казались ей очаровательными), а он ответил, что молодым людям положено перебеситься, и к тому же с большинством своих нынешних приятелей он познакомился, когда сопровождал тетушку, как подобает почтительному племяннику. Затем она после некоторого вступления принялась предостерегать его против его кузена, лорда Каслвуда, а он засмеялся горьким смехом и сказал, что благожелательный свет уже достаточно нарасказал ему про лорда Каслвуда.

— Советовать "не садись играть с ним", когда речь идет о человеке с положением его сиятельства, да и вообще о любом джентльмене, очень неприятно, — продолжала баронесса, — и все же...

— Договаривайте, договаривайте, тетушка! — воскликнул Гарри, и с губ его сорвалось не слишком вежливое словцо.

— Так ты уже играл со своим кузеном? — осведомилась у молодого человека его искушенная в делах света покровительница.

— И проигрывал, и выигрывал, сударыня, — решительно ответил Гарри. — Не мне об этом говорить. Когда мы в Виргинии померимся силами с соседом за бутылкой, колодой карт или на зеленой лужайке, мы не спешим домой рассказывать об этом нашим маменькам. Простите, тетушка, я не это хотел сказать, — и, покраснев до ушей, юноша поспешил поцеловать старую даму. В новом расшитом золотом бархатном костюме, с пышным кружевным жабо, которое очень шло к его свежему лицу и белокурым волосам, он выглядел очень мужественным и красивым. Покидая тетушкин дом, он, как всегда, не поскупился на чаевые ее слугам, толпой высыпавшим в переднюю. День выдался холодный и дождливый, и потому наш юный джентльмен, сберегая белые шелковые чулки, прибыл в портшезе.

— К Уайту! — приказал он, а носильщики рысцой поспешили к заведению, где он проводил теперь почти все свое время.

Наши виргинские друзья вряд ли одобрили бы усердие, с каким он посещал этот уютный веселого безделья, но надо отдать должное мистеру Уорингтону: раз начав игру, он сражался как герой. Удача не приводила его в лихорадочное возбуждение, и он сохранял полное хладнокровие, когда ему не везло. Фортуна заведомо склонна изменять игрокам, но сколько людей изменяют Фортуне? В страхе бегут от ее улыбки и покидают ее, хотя она, возможно, и сохранила бы им верность, если бы не их собственное малодушие.

— Черт возьми, мистер Уорингтон! — воскликнул мистер Селвин одобрительно, что с ним бывало очень редко. — Вы заслуживаете выигрыша! Вы смотрите на свою удачу, как истинный джентльмен, и пока она ворожит вам, вы отменно с ней учтивы. *Si celares quatit pennas...* {Если же быстрыми взмахнет крылами... (лат.).} вы ведь знаете остальное? Ах, нет? Ну, потеря невелика... Вы потребуете карету ее милости и отвесите ей любезный поклон на прощание. А посмотрите, как лорд Каслвуд отдает стаканчик. Кто еще стал бы так сыпать проклятиями, проиграв пять-шесть золотых? Нет, Фортуна поистине непотребная тварь, если собирается расточать свои милости такой скаредной каналье!

— В нашей семье нет каналов, сэ, — замечает мистер Уорингтон. — А милорд Каслвуд принадлежит к ней.

— Я забыл, совсем забыл. Прошу извинить мепя. И поздравляю вас со столь лестным родством, как милорд и мистер Уилл Эсмонд, его братец, — говорит сосед Гарри, беря стаканчик. — Кидаю пять! Одно очко и два! Мое обычное везенье. *Virtute mea me involvo* {Я облекусь моею добродетелью (лат.).}. — И он уныло откидывается на спинку кресла.

В этот ли раз мистер Гарри выиграл пятнадцать раз подряд, о чем упоминается в одном из тех писем мистера Уолпола, которые не попали в руки его нынешнего ученого издателя, мне неизвестно, но, во всяком случае, в первые пять-шесть вечеров, которые Гарри провел у Уайта, ему непрерывно везло, и он более чем оправдал свою репутацию Счастливого. Пятьсот фунтов, забранные из отцовского наследства, умножились в тысячи. Он пополнил свой гардероб, купил великолепных лошадей, давал пышные приемы, делал дорогие подарки, — словом, жил на такую ногу, словно был богаче сэра Джеймса Лоутера и его светлости герцога Бедфордского, и все же пять тысяч фунтов как будто нисколько не убывали. Не удивительно, что он давал, когда давать было так легко, не удивительно, что он был щедр, чувствуя в своем кармане кошелек Фортунатуса. Я говорю "не удивительно", потому что такова была его натура. Другие Фортунаты затягивают завязки своего неистощимого кошелька как можно туже, пьют жидкое пиво и отходят ко сну при свете сального огарка.

Пока удача продолжала улыбаться мистеру Гарри, он не нашел ничего лучше, как узнать у леди Марии, сколько она должна, и уплатил все ее долги до последнего шиллинга. Ее мачехе и сводной сестре, которые терпеть ее не могли, он преподносил великолепные подарки.

— Может быть, тебе стоит постараться и поскорее угодить в тюрьму за долги, а, Уилл? — насмешливо спросил милорд у брата. — Хоть ты и надул его с лошадкой, могок, без сомнения, поторопится тебя выкупить.

И тут мистер Уилл ощутил глубокое раскаяние, — правда, не совсем такое, какое заставило Блудного Сына пасть на колени.

— Черт побери! — простонал он. — Только подумать, что я дал ему вырваться за какие-то жалкие сорок фунтов! Да у него тысячу можно было выдоить, не меньше!

Что до Марии, то эта чистая душа с благодарностью приняла все дары, которые послала ей добрая судьба, и была готова принять их сколько угодно еще. Расплатившись с многочисленными модистками, торговцами и поставщиками, она тут же вновь начала брать в долг. Миссис Бетти, камеристка ее сиятельства, сообщила владельцам модных лавок, что ее госпожа вступает в брак со сказочно богатым молодым джентльменом, а потому они могут открыть миледи неограниченный кредит. Таковую историю они слышали уже не в первый раз и, возможно, не слишком ей поверили, но ведь их счета были оплачены! Миледи не помнила зла и милостиво сделала новые заказы даже миссис Пинкотт из Кенсингтона, а когда она объездила магазин шелковых тканей, галантерейную лавку и ювелира и в карете с ней, кроме камеристки, сидел и мистер Уорингтон, указанные

торговцы решили, что судьба и правда ей улыбнулась и она прибрала к рукам Счастливику, хотя, возможно, их несколько удивил вкус жениха, избравшего столь пожилую красавицу. Мистер Блеск с Тэвисток-стрит близ Ковент-Гардена взял на себя смелость лично доставить на квартиру мистера Уорингтона на Бонд-стрит жемчужное ожерелье и золотой игольник, которые тот накануне купил в обществе леди Марии, и спросил, должен ли он, Блеск, оставить их у его чести или послать ее сиятельству с поклоном от его чести. Гарри добавил к ожерелью и игольнику еще кольцо из образчиков, случайно захваченных ювелиром с собой, небрежно распорядился, чтобы счет был прислан ему, и величественно отослал мистера Блеска, который не замедлил удалиться, отвешивая почтительные поклоны не только его чести, но и Гамбо.

Однако и это еще не было концом. Мистер Блеск так угодил юноше, что не прошло и двух-трех дней, как тот подкатил в своем фаэтоне к лавке почтенного ювелира и купил две безделушки для двух молодых барышень, чьих родителей, которые были к нему очень добры, он искренне любил и почитал. "Ах, почему, думал он, — нет у меня ума и поэтического дара, как у моего бедного Джорджа! Тогда бы к этим подаркам я приложил хорошенькие стишки в честь Тео и Этти. Если бы желание и искренняя привязанность могли превратить меня в поэта, то я, конечно, начал бы рифмовать с большой легкостью".

Но поскольку этого не произошло, он призвал на помощь преподобного Сэмпсона и состряпал препроводительную записку вместе с ним.

Глава XLIII

в которой Гарри возносится очень высоко

Итак, мистер Гарри Уорингтон из Виргинии проживал на Бонд-стрит (Лондон, Англия), ни в чем себе не отказывал и распивал лучшие тамошние вина корзину за корзиной. Его титул "Счастливчик" был всеми признан. Свет раскрыл объятия молодому человеку — богатому, красивому, удачливому. И, дорогие мои братья, не следует нам слишком уж громко сетовать на эгоизм света, который ласков с молодыми, красивыми и удачливыми, но хмурится на вас и на меня, кто (предположим это для доказательства нашей мысли) стар, безобразен и самый большой неудачник под солнцем. Если у меня есть право выбирать знакомых и ну, например, в клубе — предпочитать общество остроумного, красивого, хорошо одетого молодого человека с изящными манерами, который меня забавляет, обществу неряшливого, неумытого, мизантропического брюзги или пустоголового болтливого хлыща, то неужели такого права нет у света, то есть у многократно умноженных вас и меня? Гарри пользовался общими симпатиями, потому что он был симпатичен, потому что он был богат, красив, добродушен, благовоспитан, храбр и происходил из хорошей семьи; потому что с веселыми кутилами он пел забористые песни и пил равно забористое вино; потому что с заядлыми охотниками он готов был стрелять и травить любую дичь; потому что с дамами он держался скромно и робко, вспыхивая застенчивым румянцем, а это всегда делает юношу интересным; потому что с людьми более низкого положения он неизменно бывал щедр и старался не доставлять им лишних затруднений. О, разумеется, наш виргинец был очень горд, надменен и величествен, но в те времена, когда различия сословий еще сохраняли полную силу, надменность и холодность с низшими не ставилась джентльмену в упрек. Вспомните, что в те дни государственный секретарь всегда преклонял колени, входя утром к королю с депешами, а помощник государственного секретаря не осмеливался сесть в присутствии своего начальника. Будь я государственным секретарем (а со времен Аддисона среди литераторов это случалось), мне вовсе не понравилось бы падать на колени всякий раз, когда я являлся бы с депешами на аудиенцию. А будь я помощником государственного секретаря, мне вряд ли было бы приятно стоять, пока почтенный Бенджамин или почтенный сэр Эдвард проглядывают бумаги. Но есть *modus in rebus* {Мера всему (лат.)}, и всему

есть границы: сам я не испытываю особого удовольствия, когда Боб Хроникер, пописывающий лишь при содействии полицейских Икса и Игрека, или Том Помоинг, главный поставщик сплетен для "Хлевских новостей", обходятся со мной как с собратом-литератором, хлопают меня по спине и называют по имени или "старинной".

Все удовольствия, какие только предоставляла столица в зимний сезон 1756/57 года, мистер Уорингтон мог вкушать невозбранно. В моде были оперы, доставлявшие ему лишь умеренное наслаждение. (Эти итальянские оперы служили излюбленной мишенью сатирикам, их объявляли нелепыми, папистскими, бабскими, бессмысленными, а публика тем не менее валила на них валом.) Гостеприимно распахивали свои двери театры — в одном играл Гаррик и миссис Причард, в другом блистала миссис Клайв. В собрания на маскарады и ридотто съезжался весь высший свет, знатные дамы и господа устраивали ассамблеи и званые вечера, которые, впрочем, начинались и кончались картами, но мистер Уорингтон предпочитал им игру у Уайта, потому что игра за клубными столами велась честнее, а ставки были выше,

В один прекрасный день его родич лорд Каслвуд отвез Гарри во дворец и представил его величеству, прибывшему в столицу из Кенсингтона. Но все милостивейший монарх то ли был недоволен тем, кто представил Гарри, то ли пребывал в дурном настроении по другим причинам. Во всяком случае, король сказал только:

— А! Слышал о вас от леди Ярмут. Лорд Каслвуд (тут он посмотрел на графа и заговорил по-немецки) должен сказать ему, что он слишком много играет. — И с этими словами Защитник Веры повернулся к ним августейшей спиной.

Лорд Каслвуд попятился, напуганный холодностью своего государя.

— Что он сказал? — осведомился Гарри.

— Его величество считает, что ставки у Уайта слишком высоки, и недоволен, — шепнул граф.

— Если мы ему не правимся, так не надо больше здесь бывать, — спокойно заметил Гарри. — Я как-то никогда не считал этого немца истинным королем Англии.

— Тшш! Ради всего святого придержите свой проклятый колониальный язык! — воскликнул милорд. — Здесь и у стен есть уши.

— Ну и что? — спросил Гарри. — Только поглядите на этих людишек! Забавно, черт побери. Минуту назад они все жали мне руку, отвечивали поклоны, сыпали комплиментами, а сейчас шарахаются от меня, как от чумы.

— Дай-ка пожать твою руку, племянник, — сказал широколицый, широкоплечий джентльмен в обшитом красным галуном кафтане и в пышном старинном парике. — Я слышал, что ты говорил. У меня ведь, как и у стен, есть уши. Ну, если другие люди не желают тебе кланяться, дай-ка пожать твою руку. — И незнакомый джентльмен схватил руку Гарри загорелой лапищей. Глаза и нос у тебя совсем как у покойного брата. Только, как погляжу, вы на вашем острове растете худыми и поджарыми. Я твой дядя, мой мальчик. Сэр Майлз Уорингтон. Милорд меня знает.

Лицо милорда выразило испуг и как-то все пожелтело.

— Да, милый Гарри. Это ваш дядя по отцу сэр Майлз Уорингтон.

— Мог бы навестить нас в Норфолке, чем болтаться в Танбридже и валять дурака, э, мистер Уорингтон? Или ты называешь себя мистером Эсмондом? говорил баронет. — Старушка ведь называет себя госпожой Эсмонд, верно?

— Моя мать не стыдится имени своего отца, как и я, дядюшка, — гордо ответил мистер Гарри.

— Хорошо сказано, мой мальчик. Приходи-ка съесть кусочек жареной баранины у леди Уорингтон на Хилл-стрит в три часа... то есть если можешь обойтись разок без своих подвигов у Уайта. Милорд Каслвуд, не делайте таких испуганных глаз! Я не сплетник.

— Я... я не сомневаюсь, что сэр Майлз Уорингтон всегда поступает как джентльмен! — ответил милорд в большом смущении.

— Вот именно, — проворчал баронет, поворачиваясь на каблуках. — Ну, молодой человек, ровно в три, и помни — хорошее баранье жаркое никого не ждет. Ну, вылитый отец! Господи помилуй, как мы с ним тузили друг друга! Он был поменьше меня, ну и, конечно, помоложе, а верх надо мной брал не раз и не два. Только как будто угодил под башмак, когда женился, и госпожа Эсмонд хорошо его вышколила у себя на острове. Ведь Виргиния — остров? Разве она не остров?

Гарри засмеялся и ответил:

— Нет.

На что баронет заявил добродушно:

— Ну, остров, не остров, а ты приходи и потолкуй об этом с леди Уорингтон. Уж она-то знает, что остров, а что нет.

— Дорогой мистер Уорингтон, — сказал милорд умоляюще, едва баронет отошел. — Мне незачем объяснять вам, что в столице у каждого человека есть враги, а сплетников и клеветников тут еще больше. Я никогда ничего не говорил вам про сэра Майлза Уорингтона именно потому, что знаком с ним и между нами произошло некоторое недоразумение. Если он

позволит себе какие-нибудь нелестные замечания по моему адресу, выслушивайте их *cum grano* {Начало латинской поговорки: "*Cum grano salis*" (букв.: "с крупницей соли"), "с сомнением".} и помните, что они исходят от врага.

Затем лорд Каслвуд и Гарри покинули королевские апартаменты и вышли на Сент-Джеймс-стрит. Явившись к Уайту, последний обнаружил, что новости о холодном приеме, оказанном ему при дворе, его опередили. Король повернулся спиной к Гарри. Король недоволен его фавором у фаворитки. Гарри *au mieux* с леди Ярмут. Десяток джентльменов поспешили поздравить его с новым завоеванием. К полуночи эта победа уже твердо значилась на счету Счастливого.

Сэр Майлз сообщил об этом своей супруге и Гарри, когда молодой человек в назначенный час явился к обеду, и принялся подшучивать над ним на свой простой деревенский манер. Леди Уорингтон держалась сначала с ледяным величием, но когда они познакомились поближе, объяснила ему, что в свете о нем рассказывают ужасные вещи, а потому она и приняла его столь холодно. Юные девицы, дочери сэра Майлза, встретили молодого виргинца чопорными реверансами, проронили только "как поживаете, кузен?" и "нет, благодарю вас, кузен" и точно так же простились с ним. За столом сидел под надзором гувернера и юный наследник баронета. Когда дамы удалились, мальчик, получив из рук папеньки свой стаканчик портвейна, дал волю невинному детскому любопытству и засыпал кузена вопросами. Под конец простодушный ребенок вперил взгляд в лицо Гарри и спросил:

— А вы очень дурной человек, кузен Гарри? Вы не похожи на дурных людей.

— Мистер Майлз! Мистер Майлз! — укоризненно воскликнул гувернер, покраснев до ушей.

— Но ведь вы сами говорили, что он дурной человек! — воскликнул мальчик.

— Мы все жалкие грешники, Майли, — объясняет папенька. — Разве ты не слышал, как священник говорит про это каждое воскресенье?

— Да, но не такие дурные, как кузен Гарри. Это правда, кузен, что вы играете в карты и кости, пьете всю ночь напролет с дурными друзьями и бываете у дурных женщин? Вы же сами так говорили, мистер Уокер! И мама говорила, что леди Ярмут — дурная женщина,

— А ты негодный болтунишка! — восклицает папенька. — Моя жена, племянник Гарри, якобитка до мозга костей, но из-за этого ты о ней хуже думать не будешь. Уведите Майлза к его сестрам, мистер Уокер, а Тошпем

отправится с тобой в парк, чтобы ты покатался на пони, мой мальчик.

Упоминание о пони утешило маленького Майлза, который, едва отец велел ему идти к сестрам, заплакал горькими слезами и, всхлипывая, повторял, что хочет остаться со своим дурным кузенком.

— Ну, племянничек, создали они тебе репутацию! — заметил простецкий баронет. — Моя жена, видишь ли, в последние годы, после смерти нашего бедного старшего сына, пристрастилась к... э... к Тотнем-Корт-роуд и к проповедям мистера Уитфилда, и к нам вхож некий Уорд, приятель мистера Уокера, который нарасказал всяких историй про тебя и твоего брата — как вы вели себя дома.

— Обо мне пусть говорит что хочет, сэр Майлз! — вскричал Гарри, разгоряченный портвейном. — Но я все кости переломаю тому, кто хоть слово посмеет сказать против моего брата! Да этот негодяй недостоин был бы башмаки чистить Джорджу! И если я узнаю, что он тут повторяет то, что посмел сказать у нас дома в Виргинии, не миновать ему еще одной трепки.

— А ты, как погляжу, умеешь постоять за друзей, племянник Гарри, сказал баронет. — Налей-ка себе еще, мой мальчик. Нет, ты совсем не так плох, как тебя малюют. Я так всегда и говорил миледи. Пью за здоровье госпожи Эсмонд-Уорингтон! Смотри, чтобы в твоей рюмке ни капли не осталось.

Гарри осушил рюмку до дна, как положено, снова ее налил и провозгласил тост за здоровье леди Уорингтон и маленького Майлза.

— А ведь умри он, ты бы унаследовал четыре тысячи акров в Норфолке, заметил баронет.

— Не дай бог, сэр! У меня и своих акров в Виргинии хватает! — ответил мистер Уорингтон.

Вскоре он удалился в гостиную пить кофе с леди Уорингтон и беседовать с барышнями. Он держался непринужденно, мило и естественно. Одна из них показалась ему похожей на Фанни Маунтин, и он был к ней особенно внимателен. Когда он ушел, все они согласились, что их дурной кузен оказался далеко не так дурен, как они полагали, — во всяком случае, миледи считала, что ей удастся спасти его и наставить на путь истинный. В этот же вечер, когда Гарри был у Уайта, она послала ему душеспасительную книгу с ласковой запиской в надежде, что "Призыв" Лоу может оказаться ему полезен. Засим она и ее дочери отбыли на раут к супруге министра. Однако Гарри по дороге к Уайту завернул на Тэвисток-стрит к своему другу мистеру Блеску и закупил новых безделушек для своих кузин. "От их тетушки в Виргинии", — сказал он. Видите ли, его

переполняла доброта — богатство делало его лишь щедрее и великодушнее. Но столь благотворное влияние оказывает оно далеко не на всех. Низкие сердца богатство ожесточает, тех, кто был скареден и угодлив, оно делает скаредными и чванными. Если богам будет угодно испытать меня десятью тысячами годового дохода, я, разумеется, смиренно склонюсь перед их волей, но буду молить их ниспослать мне силы, дабы я выдержал испытание. Девушки на Хилл-стрит очень обрадовались подаркам от виргинской тетушки Уорингтон и отправили ей общее благодарственное письмо, которое немало удивило почтенную даму, получившую его весной, когда она с Маунтин и Фанни приехала в покинутый угрюмый Каслвуд, где снег уже сошел и тысячи персиковых деревьев оделись бело-розовыми цветами.

— Бедный мальчик! — думала вслух его мать. — Конечно, это он послал своим кузинам от моего имени в дни своего благосостояния... ах, нет, в дни расточительства и мотовства. Как быстро исчезло его богатство! Но он всегда сострадал бедным, Маунтин, и мы не должны забывать его в дни нужды. Нам следует быть еще бережливее, любезные мои!

И, вероятно, они обогрелись одним поленом, ели обед из одного блюда и работали при одной свече. Но боюсь, что слуги вдовушки по мере того, как она становилась все более прижимистой, лгали ей, крали и обманывали ее все больше и больше, а потому сбереженное тут раскрадывалось там.

Как-то после полудня мистер Гарри сидел у себя на Бонд-стрит в халате и попивал шоколад, — окруженный роскошью, облаченный в атлас и все же томимый заботами. Незадолго перед этим, когда удача ему улыбалась, он, рассыпая щедроты направо и налево, по-царски приказал преподобному Сэмпсону составить список его, Сэмпсона, долгов, которые он, мистер Уорингтон, уплатит. Сэмпсон взялся за работу и составил список своих долгов, — правда, не всех (этого ни один человек не сделает), но тем не менее перечисление, достойное того, чтобы представить его пред очи мистера Уорингтона во время завтрака, накрытого на столе, возле которого капеллан смиренно дожидался, когда его чести будет угодно приступить к утренней трапезе.

Наконец появился Гарри — очень бледный, томный, с волосами в папильотках, и принялся без всякого аппетита ковырять в тарелке. Капеллан, сжимая в кармане свой каталог, смиренно предположил, что его чести плохо спалось. Да, его чести очень плохо спалось! Двое носильщиков доставили его домой от Уайта в пять часов утра, а он схватил дьявольский насморк, потому что одно окошко в портшезе никак не закрывалось и

внутри сыпался мокрый снег. Короче говоря, он был в таком скверном расположении духа, что ни одна шутка Сэмпсона не вызвала на его губах даже подобия улыбки.

Правда, под конец мистер Уорингтон разразился громким хохотом. Произошло это в тот миг, когда бедняга капеллан, в достаточной мере обсудив булочки, яичницу, чай, последние сплетни, театральные интриги и все прочее, извлек из кармана бумагу и жалобным тоном произнес:

— Вот список долгов, составленный по приказанию вашей чести. Двести сорок три фунта — все, что я кому-нибудь должен, слава всевышнему! То есть... гм-гм... все, что мне было бы затруднительно заплатить самому... и мне незачем говорить моему дражайшему покровителю, что я буду чтить его, как моего спасителя и благодетеля!

Вот тут-то Гарри, взяв бумагу и бросив на капеллана довольно-таки хмурый взгляд, и рассмеялся, но только отнюдь не веселым смехом. За этим взрывом хохота последовали гневные проклятия, и злосчастный капеллан почувствовал, что бумага его была представлена в неподходящую минуту.

— Черт побери, почему вы не принесли эту бумажку в понедельник? спросил Гарри.

"Черт меня подери, почему я не принес ее в понедельник?" — отозвалась робкая душа преподобного Сэмпсона.

— Такая уж моя звезда, моя злополучная звезда. Вам не шла карта, мистер Уорингтон?

— Да, черт побери. И в понедельник и вчера мне дьявольски не везло. Не пугайтесь, капеллан, денег в сундуках еще хватит. Но мне надо отправиться за ними в Сити.

— Как, сэр, продавать бумаги? — спрашивает его преподобие, чей голос, несмотря на его старания, выражает не тревогу, а облегчение.

— Продавать, сэр? Вот именно. Я вчера вечером занял у Макрета сотню фишками и должен к обеду с ним расплатиться. Но я тем не менее все для вас сделаю, можете не опасаться, милый мой мистер Сэмпсон. Приходите завтра к завтраку, и мы попробуем спасти ваше преподобие от филистимлян.

Однако, хотя Гарри смеялся и старался сделать вид, будто все это пустяки, едва капеллан ушел, он склонил голову на грудь и принялся мешать уголь в камине, отрывисто бормоча не слишком изысканные слова, которые свидетельствовали о смятении его духа, хотя и не приносили ему облегчения.

От этого занятия его отвлек приход друга, чье появление в любой другой день и даже в этот, когда он мучился угрызениями совести, было

мистеру Уорингтону очень приятно. Это был не кто иной, как полковник Ламберт в военном мундире и в плаще — он приехал в столицу на заре, побывал на утреннем приеме у его высочества, а оттуда направился к своему юному другу на Бонд-стрит.

Гарри показалось было, что полковник поздоровался с ним довольно холодно, но, занятый своими мыслями, он тут же перестал об этом думать. Как поживает миссис Ламберт и барышни? И как себя чувствует мисс Этти, которая хворала, когда он осенью заезжал в Окхерст? Прекрасно? Мистер Уорингтон искренне рад это слышать. Они скоро приедут в Лондон погостить у их друга лорда Ротема? Мистер Гарри в восторге это слышать... Но надо признаться, лицо его при этих новостях не выразило особенного удовольствия.

— А вы, значит, живете у Уайта, водитесь с вельможами, каждый день пируете, представляетесь ко двору и строите куры на раутах леди Ярмут и на всех вечерах в фешенебельной части города? — спрашивает полковник.

— Дорогой полковник, я веду себя, как все другие люди! — отвечает Гарри с некоторой надменностью.

— Другие люди богаче иных людей, милый мой мальчик.

— Сударь! — восклицает мистер Уорингтон. — Прошу вас верить, что у меня нет долга, который я не мог бы уплатить немедленно.

— Я не позволил бы себе говорить о ваших делах, — замечает полковник, если бы вы сами не рассказали мне о них. Я наслушался всяческих историй про Счастливого. Не далее как нынче утром на приеме у его высочества шли разговоры о том, как вы богаты, и я не стал никого разубеждать... -.,: Л

— Полковник Ламберт! Я не могу помешать людям сплетничать обо мне! восклицает Гарри, все больше теряя терпение.

— ...и о ваших колоссальных выигрышах. Тысячу восемьсот фунтов за один вечер, две тысячи за другой, а всего не то шесть, не то восемь тысяч. О, поверьте, на приеме были и завсегдаги Уайта, а господа военные умеют бросать кости не хуже вас, штатских!

— Лучше бы они занимались своими делами, — говорит Гарри, сердито глядя на своего старого друга.

— И я вместе с ними, не так ли? Вы это хотели сказать, судя по вашему взгляду. Нет, мой милый, это мое дело, и вы должны позволить отцу Тео, отцу Этти и старому другу отца Гарри Уорингтона объяснить, почему это мое дело. С этими словами полковник вытащил из кармана сверток. — Послушайте, Гарри. Эти побрякушки, которые вы в порыве самых лучших чувств послали тем, кто вас любит и готов отрубить свои

маленькие ручки, лишь бы избавить вас от ненужных страданий, эти побрякушки не по карману молодому человеку с двумя-тремястами фунтов годового дохода. Купить такие вещи мог бы вельможа или богатый банкир из Сити для... ну, скажем, для своих дочерей.

— Сэр, вы сами сказали, что чувства у меня были самые лучшие, — говорит Гарри, заливаясь жгучим румянцем.

— Но вы их моим девчушкам дарить не должны, Гарри. Прошу у вас прощения, но Эстер и Теодозия Ламберт не могут украшать себя карточными выигрышами. Мне тяжело возвращать эти подарки. Миссис Ламберт оставила свой, потому что он недорогой. Она шлет вам привет и просит бога благословить вас... И я скажу то же самое, Гарри Уорингтон, от всего сердца. — Тут голос благородного полковника прервался, он покраснел и, прежде чем протянуть руку молодому человеку, утер глаза.

Но дух упрямства был силен в мистере Уорингтоне. Он вскочил, словно не заметив протянутой руки. — Разрешите мне сказать полковнику Ламберту, начал он, — что я получаю от него слишком много советов. Вы вечно мне их предлагаете, сэр, когда я в них не нуждаюсь. Вы разузнаете о моих выигрышах и обществе, в котором я вращаюсь, словно это ваше дело. Какое право вы имеете надзирать за моими развлечениями и моими знакомствами? Я пытаюсь выразить мою благодарность за вашу доброту и посылаю вашей супруге и дочерям скромные подарки, а вы швыряете... вы возвращаете их мне.

— Иначе я поступить не мог, мистер Уорингтон, — говорит полковник грустно.

— Возможно, здесь подобное оскорбление ничего не значит, сэр, но у меня на родине оно равносильно вызову! — восклицает мистер Уорингтон. — Боже упаси, чтобы я обнажил шпагу на супруга и отца тех, кто были мне как мать и сестры, но вы ранили меня в самое сердце, полковник Ламберт! Вы... я не скажу — оскорбили, но унизили меня, а этого я не стерплю ни от кого. Мои слуги проводят вас, сэр!

Мистер Уорингтон умолк и, шурша парчовым халатом, весьма величественно удалился к себе в спальню.

Глава XLIV

содержит то, чего, пожалуй, следовало ожидать

Отвергнув предложение мира, с коим к нему явился полковник Ламберт, наш юный американский вождь вышел на тропу войны в великом гневe не только на самого полковника, но и на всех его близких. "Он унизил меня перед своими дочерьми! — размышлял молодой человек. — Он и мистер Вулф все время читали мне наставления с таким видом, будто они лучше меня и заботятся о моем благе, а сами выставили меня перед миссис Ламберт и девушками мотом и вертопрахом. Они такие добродетельные, что даже руки мне пожать не желают, а когда я хочу выразить им самую обычную благодарность, швыряют мои подарки мне в лицо!"

— Но эти вещицы, сэр, наверное, стоят целого состояния! — говорит преподобный Сэмпсон, бросая алчущий взгляд на две сафьяновые коробочки, в которых на белых атласных подушечках покоятся золотые изделия мистера Блеска.

— Да, они кое-чего стоят, Сэмпсон, — говорит молодой человек. — Хотя для тех, кто был со мной добр, я и вдесятеро больших денег не пожалел бы.

— Да уж, само собой разумеется, ваша честь! Как будто я не знаю вас! вставляет Сэмпсон, который никогда не упускал случая похвалить своего патрона в глаза.

— Мне говорили, что часики достались мне очень выгодно, что в Париже они стоили бы сто фунтов. Малютка мисс Этти как-то сказала, что ей хотелось бы иметь часы с репетицией.

— Что за прелесть! — восклицает капеллан. — Жемчужный ободок на задней крышке и бриллиантовая кнопка! Какая женщина отказалась бы от подобных часиков!

— Вон идет торговка яблоками, так я ей швырну их в корзину! — свирепо заявляет мистер Уорингтон.

Когда Гарри отправился по делам в Сити, а затем в Темпл, его прихлебатель покинул его на Стрэнде, признавшись, что Чансери-лейн, ее обитатели и вся эта округа внушают ему неодолимый ужас. Мистер Уорингтон отправился к своему маклеру, и они вместе пошли в банк, где совершили некоторые пустяковые операции, в заключение каковых Гарри, кое-где расписавшись, удалился восвояси с пачкой новых хрустящих банкнот в кармане. Маклер повел мистера Уорингтона в одну из тех

роскошных рестораций, которыми Лондон славился уже тогда, а затем показал мистеру Уорингтону "Виргинский ряд" на бирже, и Гарри прошел по нему весьма смущенно. Что бы сказала некая дама в Виргинии, думал он, если бы она знала, что в бездонных карманах игрока он уносит большую часть отцовского наследства? Это все виргинские купцы, думал он, и они толкуют между собой обо мне, и говорят: "Вот молодой Эсмонд из Каслвуда на Потوماке, сын госпожи Эсмонд, он проигрался в пух и прах и продал ценных бумаг на столько-то, и на столько-то, и на столько-то".

Он несколько воспрянул духом, только когда прошел под головами изменников на Темпл-Баре и оказался далеко за пределами Сити. Со Стрэнда Гарри направился к себе домой, правда, заглянув по дороге на Сент-Джеймс-стрит, но в кофейне никого не было, так как общество собиралось там в более поздние часы.

Дома мистер Гарри вытаскивает пачку банкнот, заворачивает три из них в листок бумаги, который и запечатывает, предварительно написав внутри: "Желаю, чтобы они пошли вам на пользу. Г. Э. -У." Пакет этот он адресует "Преподобному мистеру Сэмпсону" и оставляет за зеркалом на каминной полке, распорядившись, чтобы слуги отдали его капеллану, когда тот явится.

А теперь к подъезду подают фаэтон его милости, и мистер Уорингтон садится в него, думая покататься по парку, но то ли собирается дождь, то ли дует восточный ветер, то ли находится какая-либо другая причина — только его честь поворачивает лошадей на Сент-Джеймс-стрит и вновь заглядывает к Уайту в три часа. Кофейня по-прежнему пуста. Это час обеда. Однако кузен Каслвуд лениво проглядывает газеты — он только что сменился с дежурства во дворце, до которого отсюда рукой подать.

Лорд Каслвуд позевывает над газетой. Чем бы им заняться? Может быть, сыграть в пикет? Гарри не прочь, но только недолго.

— Часок, не больше, — говорит лорд Каслвуд. — В четыре я обедаю на Арлингтон-стрит.

— Часок, не больше, — говорит мистер Уорингтон, и они требуют карты.

— А не пойти ли нам наверх? — предлагает милорд. — Подальше от шума?

— Да, подальше от шума будет приятнее, — соглашается Гарри.

В пять часов несколько джентльменов, отобедав, явились в кофейню и теперь играют в карты, пьют кофе и просто беседуют. В обеденной зале господа еще не встали из-за стола. Там завсегда и Уайта нередко засиживаются заполночь.

Одна зубочистка указывает на улицу за жалюзи кофейни.

— Чей это фаэтон? — осведомляется зубочистка Э 1 у зубочистки Э 2.

— Счастливчика, — отвечает Э 2.

— Не таким уж он был счастливчиком последние три вечера. Ему дьявольски не везло. Вчера вечером он проиграл банку тысячу триста фунтов. Джон! Мистер Уорингтон был здесь сегодня?

— Мистер Уорингтон и сейчас здесь, сударь. В чайном кабинете. Они с лордом Каслвудом играют там в пикет с трех часов, — отвечает Джон.

— Какое удовольствие для Каслвуда! — замечает Э 1, пожимая плечами.

Второй джентльмен бормочет ругательство.

— Будь он проклят! — говорит он. — Ему не место в этом клубе. Он не платит проигрыши. Джентльменам не следует садиться играть с ним. Сэр Майлз Уорингтон рассказывал мне недавно на дворцовом приеме, что Каслвуд три года назад проиграл ему пари и все еще не отдал проигрыша.

— Каслвуд, — говорит Э 1, — не проигрывает, когда играет с глазу на глаз. Видите ли, большое общество отвлекает его, вот почему он не садится за общий стол. — И остроумный джентльмен, ослабившись, показывает все свои отлично вычищенные зубы.

— Пойдемте наверх и прекратим это, — хмуро предлагает Э 1.

— С какой стати? — осведомляется его собеседник. — Давайте лучше смотреть в окно. Фонарщик забирается по лестнице — отличное занятие. Поглядите-ка на этого старикашку в портшезе. Вы когда-нибудь видели подобную образину? А кто это вышел из двери? Да это же Фортунат! Он как будто позабыл, что его фаэтон так все время и стоял тут. Держу пари два к одному, что он проиграл Каслвуду.

— Джек, вы, кажется, считаете меня дураком? — вопрошает второй джентльмен. — А недурные лошадки у этого молодца. Как он их нахлестывает!

Они смотрят вслед мистеру Уорингтону, который мчится по улице, так что кучера и носильщики портшезов еле успевают дать ему дорогу. Затем из дверей выходит лорд Каслвуд, садится в портшез и отбывает восвояси.

Гарри подъезжает к своему дому. До него совсем близко, а бедные лошади все это время переминались на булыжнике под дождем. Мистер Гамбо на пороге беседует с девушкой деревенского вида, которая поспешно приседает. Гамбо всегда можно видеть в обществе красотки — то одной, то другой.

— Гамбо, мистер Сэмпсон заходил? — спрашивает с козел хозяин Гамбо.

— Нет, хозяин. Мистер Сэмпсон не заходил, — отвечает камердинер, и Гарри приказывает ему сбегать наверх и принести письмо, адресованное мистеру Сэмпсону.

— Адресованное мистеру Сэмпсону? Слушаю, хозяин, — отвечает мистер Гамбо, который не умеет читать.

— Запечатанное письмо, болван! На камине, за зеркалом, — говорит Гарри, и Гамбо неторопливо удаляется исполнить поручение. Схватив письмо, Гарри поворачивает лошадей в сторону Сент-Джеймс-стрит, и два джентльмена, все еще позевывающие в окне кофейни, спустя какие-нибудь две-три минуты вновь видят Счастливого.

Выходя из чайного кабинета, где он играл в пикет с лордом Каслвудом, мистер Уорингтон заметил, что в зале уже сидело несколько джентльменов и шла игра. Некоторые приступили к делу серьезно и облачились в особые игорные кафтаны, которые хранили в клубе, чтобы надевать, когда собирались играть всю ночь напролет.

Мистер Уорингтон подходит к конторке служителя, уплачивает ему должок за прошлую ночь и, садясь к столу, требует фишек. Последняя неделя была для Счастливого поистине злополучной, и в этот вечер ему везет не больше. Он требует новых фишек, потом еще. Он несколько бледен и молчалив, но когда с ним заговаривают, отвечает непринужденно и учтиво. Но ему не удается выиграть. Наконец он встает.

— А, черт побери! Оставайтесь и переломите свое невезение! — говорит лорд Марч, его сосед, перед которым лежит груда белых и зеленых фишек. Возьмите сотню моих и ставьте дальше!

— С меня на сегодня достаточно, милорд, — отвечает Гарри.

Он встает, выходит в кофейню, съедает котлетку и около полуночи пешком отправляется домой. После катастрофы люди обычно спят крепко. Пробуждение поутру — вот что оказывается болезненным и тягостным. Вчера вечером вы сделали предложение мисс Браун, вы поссорились за стаканом вина с капитаном Джонсом и доблестно дернули его за нос, вы играли в карты с полковником Робинсоном и выдали ему... о, множество, множество векселей. Эти мысли в сопровождении головной боли начинают одолевать вас в утреннюю стражу. Какая унылая, мрачная пропасть отделяет вчерашний день от нынешнего! Вы словно постарели на десять лет. Нельзя ли прыгнуть на ту сторону бездны? Не окажется ли вчерашний день всего лишь сном? Вы лежите у себя в постели. За окном еще не брезжит свет. Натяните ночной колпак на глаза, одеяло на нос, и пусть сон развеет роковое Вчера. Уф! Это тебе лишь пригрезилось! Но нет, нет! Сон не смежает вежды. Ночной сторож выкрикивает час... но какой? Гарри

вспоминает, что у него под подушкой лежат часы с репетицией, которые он купил в подарок Эстер. Динь-динь-динь! — шесть раз отзванивают часики в темноте и добавляют переливчатую ноту, которая означает полчаса. Бедная милая маленькая Эстер! Такая живая, такая веселая, такая невинная! Ему было бы так приятно, что у нее есть эти часы. А что скажет Мария? (У, старуха Мария! Каким бременем она становится, думает он.) А что скажет госпожа Эсмонд, когда узнает, что он проиграл все свои наличные деньги — все отцовское наследство? Весь свой выигрыш и еще пять тысяч фунтов за три ночи! А не передергивал ли Каслвуд? Нет. Милорд играет в пикет лучше Гарри, он ни за что не стал бы нечестно обыгрывать собственного кузена. Нет, нет! Гарри рад, что его родственник получил деньги, в которых нуждался, И ведь в долг он не играл — ни на один шиллинг. Как только он подсчитал, что его проигрыш поглотит все остатки отцовского наследства, он сразу отдал стаканчик и встал из-за стола. Но да будет проклято дурное общество! Вот плоды мотовства и легкомыслия! Какое унижение, какое раскаяние! "Простит ли меня матушка? думает молодой повеса. — Ах, если бы я был сейчас дома! Если бы я никуда оттуда не уезжал!

Наконец сквозь ставни и занавески проглядывает унылая лондонская заря. Входит горничная, чтобы затопить камин его чести и впустить в его окна тусклый утренний свет. Ее сменяет мистер Гамбо, греет у огня халат хозяина, раскладывает его бритвенный прибор и белье. Засим прибывает парикмахер, чтобы завить и напудрить его честь, пока его честь проглядывает утреннюю почту, а к завтраку является неизбежный Сэмпсон, оживленный и угодливый, готовый к услугам. Его преподобию следовало зайти накануне, как они и уговорились, но какие-то веселые приятели зазвали его отобедать в Сент-Олбани, и, надо признаться, они лихо провели ночь.

— Ах, Сэмпсон, — грустно говорит Гарри, — такой злосчастной ночи вам еще не выпадало! Вот поглядите, сэр!

— Я вижу листок со сломанной печатью, на котором написано: "Желато, чтобы они пошли вам на пользу", — говорит капеллан.

— А вы посмотрите снаружи, сэр! — восклицает мистер Уорингтон. — Листок был адресован вам.

На лице капеллана отражается великая тревога.

— Его кто-нибудь вскрыл, сэр? — спрашивает он.

— Да, вскрыл. Я его вскрыл, Сэмпсон. Если бы вы зашли сюда вчера днем, как собирались, то нашли бы в конверте банкноты. Но вы не пришли, и все они были проиграны вчера вечером.

— Как! Все? — говорит Сэмпсон.

— Да, все, и все деньги, которые я взял в Сити, и вся наличность, какая только у меня была. Днем я играл в пикет с ку... с одним джентльменом у Уайта, и он выиграл все деньги, какие у меня были с собой. Я вспомнил, что тут еще осталась пара сотен, если вы их не забрали, вернулся за ними домой, а потом спустил вместе с последним моим шиллингом, и... Сэмпсон! Да что это с вами?

— Это моя звезда, моя злосчастная звезда, — восклицает бедный капеллан и раздражается слезами.

— Да неужто вы хнычете, как малый ребенок, из-за каких-то двух сотен фунтов? — сердито кричит мистер Уорингтон, яростно хмурясь. — Убирайся вон, Гамбо! Черт бы тебя побрал, почему ты вечно суешь свою курчавую башку в дверь?

— Внизу кто-то с маленьким счетцем спрашивает хозяина, — говорит мистер Гамбо.

— Скажи ему, чтобы проваливал в тартарары! — рывкает мистер Уорингтон. — Я не желаю никого видеть. В этот час утра меня нет дома ни для кого!

С лестничной площадки доносятся приглушенные голоса, какая-то возня, и наконец там воцаряется тишина. Эти пререкания не утишили ни гнева мистера Уорингтона, ни его презрения. Он яростно набрасывается на злополучного Сэмпсона, который сидит, уронив голову на грудь.

— Не лучше ли вам выпить рюмку коньяку, мистер Сэмпсон? — спрашивает он. — Ну что вы распустили нюни, точно женщина?

— Дело не во мне, — говорит Сэмпсон, поднимая голову. — Я-то к этому привык, сэр.

— Не в вас? Так в ком же? Вы что, плачете, потому что страдает кто-то другой? — спрашивает мистер Уорингтон.

— Да, сэр, — отвечает капеллан с нежданной твердостью. — Потому что страдает кто-то другой, и по моей вине. Я много лет квартирую в Лондоне у сапожника, очень честного и хорошего человека, и вот несколько дней назад, твердо рассчитывая на... на одного друга, который обещал предоставить мне займы кое-какую сумму, я занял у моего квартирного хозяина шестьдесят фунтов, которые он должен был уплатить домовладельцу. Мне негде раздобыть эти деньги. Инструменты и товар моего бедного сапожника отберут в счет платы за квартиру, его жену и маленьких детишек выгонят на улицу, и эта честная семья разорится и погибнет по моей вине. Но, как вы справедливо заметили, мистер Уорингтон, мне не следует распускать нюни, точно я женщина. Я не

забываю, что однажды вы мне помогли, и пожелаю вам, сэр, всего хорошего.

И, взяв свою широкополую шляпу, преподобный Сэмпсон вышел из комнаты.

Должен с сожалением сказать, что при этом неожиданном уходе капеллана с уст Гарри сорвались ругательства и злобный смех. Он был в таком бешенстве на себя, на обстоятельства, на всех вокруг, что сам не понимал, что делает и что говорит. Сэмпсон расслышал злобный смех, а потом до него с верха лестницы донесся голос Гарри:

— Сэмпсон! Сэмпсон! Да вернитесь же! Вы не так поняли. Извините меня!

Но капеллан был оскорблен до глубины души и не замедлил шага. Гарри услышал, как Он захлопнул за собой уличную дверь. Этот звук словно ударил его в грудь. Он вернулся в спальню и опустился в свое роскошное кресло. Он был Блудный Сын среди свиней — своих омерзительных поступков, они сбили его с ног, вываляли в грязи. Игра, мотовство, пьянство, распущенность, приятели-кутилы, опасные женщины — все они ринулись на него стадом и топтали распростертого юного грешника.

Тем не менее Блудный Сын не был совсем уж сокрушен, и в нем сохранились силы для борьбы. Раскидав грязных, наглых животных, то есть, так сказать, пинками прогнав тягостные воспоминания, мистер Уорингтон схватил стакан той огненной воды, которую рекомендовал испить бедному униженному капеллану, и, сбросив халат из дамасского шелка, позвонил Гамбо и велел подать себе кафтан.

— Не этот! — рычит он, когда Гамбо приносит щегольской зеленый кафтан с серебряными пуговицами и золотым галуном. — Что-нибудь простое. Чем проще, тем лучше!

И Гамбо приносит домашнее платье, которое его господин не надевал уже несколько месяцев.

Затем мистер Гарри берет: 1) свои прекрасные новые золотые часы, 2) свой репетир (то есть тот, который он купил для Этти) и кладет его во второй кармашек, 3) свою кружевную шаль, которую он купил для Тео, 4) свои перстни — а их у нашего джентльмена имелся чуть ли не десяток (все, кроме старинного перстня с печатью, который принадлежал его деду, — его он целует и кладет обратно на подушечку), 5) три свои запасные табакерки и 6) кошелек, связанный его матерью, в котором лежат три шиллинга, шестипенсовик и золотой "на счастье", который он привез из Виргинии. Затем он надевает шляпу и выходит.

На площадке его ждет мистер Рафф, его домохозяин, который заискивающе кланяется и вкладывает в руку его милости полоску бумаги в ярд длиной. Он будет весьма обязан, если мистер Уорингтон расплатится. У миссис Рафф сегодня платежный день. Миссис Рафф — модистка, а мистер Рафф служит в кофейне Уайта и пользуется доверием мистера Макрета, ее владельца. При виде домохозяина лицо жильца не проясняется.

— Может быть, ваша честь соизволит уплатить по этому счету? спрашивает мистер Рафф.

— Разумеется, уплачу, — говорит Гарри, останавливаясь на ступеньках и угрюмо глядя поверх головы мистера Раффа.

— Может быть, мистер Уорингтон уплатит сейчас?

— Нет, сударь, не сейчас! — отвечает мистер Уорингтон и устремляется вниз.

— Мне очень... очень нужны деньги, сэр, — умоляюще произносит голос с нижнего марша лестницы. — Миссис Рафф...

— Дайте дорогу, сударь! — свирепо восклицает мистер Уорингтон, и, оттолкнув мистера Раффа к стене, так что тот чуть было не полетел кувыркком по собственной лестничной площадке, он гневно спускается вниз и уходит на Бонд-стрит.

В Кинг-Мьюз у Чаринг-Кросс шли гвардейские учения, и Гарри, услышав барабаны и флейты, заглянул в ворота. "Во всяком случае, я могу пойти в солдаты", — угрюмо размышлял он, продолжая путь. Пройдя Сент-Мартинс-лейн (где он успешно завершил кое-какие дела), мистер Уорингтон направился в Лонг-Акр, к дому сапожника, у которого квартирует его друг мистер Сэмпсон. Хозяйка сказала, что мистера Сэмпсона нет дома, но что он обещал вернуться до часу. Она знала мистера Уорингтона, а потому пригласила его подняться в апартаменты его преподобия, где Гарри остался ждать и, за неимением другого развлечения, взял было почитать неоконченную проповедь, над которой трудился капеллан.

Но скоро он оставил чтение, ибо темой была притча о Блудном Сыне.

Вскоре он услышал на лестнице визгливый голос хозяйки, преследовавшей кого-то, кто торопливо взбежал по ступенькам, затем в комнату влетел Сэмпсон, а за ним — рыдающая хозяйка.

Увидев Гарри, Сэмпсон попятился, а женщина остановилась как вкопанная. Удрученная собственными заботами, она, несомненно, забыла про то, что ее постояльца ждет посетитель.

— Говорю же вам, что в доме всего тринадцать фунтов, а он придет в час! — выкрикивала она, преследуя свою жертву.

— Тише, тише, милая моя! — восклицает запыхавшийся капеллан и указывает на Гарри, который встал с сиденья у окна. — Разве вы не видите мистера Уорингтона? У меня к нему дело... крайне важное дело. Все будет хорошо, поверьте мне! — И он учтиво выпроводил из комнаты квартирную хозяйку, за чьи юбки цеплялась куча перепуганных ребятишек.

— Сэмпсон, я пришел еще раз попросить у вас прощения, — говорит мистер Уорингтон, подходя к капеллану. — То, что я сказал вам сегодня, было грубо, несправедливо и недостойно джентльмена.

— Ни слова более, сэр, — печально отвечает Сэмпсон с холодным поклоном, лишь слегка пожав руку, которую протянул ему Гарри.

— Я вижу, вы все еще на меня сердитесь, — продолжает Гарри.

— Что вы, сэр! Извинение — это извинение. Человек моего положения не может требовать большего от джентльмена вроде вас. Без сомнения, вы не хотели меня обидеть. А даже если бы и хотели? Вы не первый в вашей семье. И он жалобно смотрит вокруг себя. — Мне было бы лучше, если бы я никогда в жизни не слышал имени Эсмонд или Каслвуд и не видел бы замка, изображенного вон на той картине над камином, где я похоронил себя на долгие-долгие годы. Милорд ваш кузен захотел взять меня в капелланы, обещал обеспечить мое будущее, держал меня при себе, пока для меня не закрылись все другие возможности, а теперь не отдает того, что мне причитается.

— Что вам причитается, мистер Сэмпсон? О чем вы говорите? — спрашивает Гарри.

— Я говорю о жалованье за три года как капеллану Каслвуда, которое он мне должен. Узнав, что вы не можете дать мне денег, я с утра отправился к его сиятельству. Я просил его, сэр, на коленях просил. Но у его сиятельства денег не было. Он, правда, не скупился на учтивые слова (прошу у вас прощения, мистер Уорингтон!), но денег не дал... то есть дал пять гиней и сказал, что больше у него нет ни гроша. Но что такое пять гиней, когда их нужно сотню? Бедные малютки, бедные, бедные малютки!

— Лорд Каслвуд сказал, что у него нет ни гроша? — восклицает Гарри. Да он же вчера выиграл у меня в пикет тысячу сто фунтов, которые я уплатил ему вот из этого самого бумажника.

— Возможно, сэр, возможно. Ни одному слову его сиятельства верить нельзя, — говорит мистер Сэмпсон. — Но я думаю о том, что завтра у этих бедных людей не будет крова над головой.

— Этого не случится, — говорит мистер Уорингтон. — Вот восемьдесят гиней, Сэмпсон. Они ваши. А больше у меня нет. От всей души я дал бы, сколько обещал, но вы не пришли вовремя, а теперь я —

бедняк, пока не получу денег из Виргинии.

Капеллан растерялся от удивления и побелел как полотно. Потом он бросился на колени и схватил руку молодого человека.

— Боже великий, сэра! — восклицает он. — Не ангел ли вы хранитель, которого мне послало небо? Утром вы пеняли мне за слезы, мистер Уорингтон. Но я не могу их сдержать. Это слезы благодарного сердца, сэра! Даже камень пролил бы их, сэра, растроганный такой добротой. Да будет над вами всегда благословенье божье, да ниспошлет вам небо счастье и благополучие. Да будут услышаны мои недостойные молитвы о вас, мой друг, мой благодетель...

— Нет, нет! Встаньте, мой друг... Встаньте, Сэмпсон! — восклицает Гарри, которому хвалы и пышные фразы капеллана только досаждают. — Я рад, что мог оказать вам услугу... искренне рад. Ну... ну! Да не стойте же передо мной на коленях!

— Не перед вами, сэра, а перед небом, ниспославшим мне вас, — восклицает капеллан. — Миссис Уэстон! Миссис Уэстон!

— Вы меня звали, сэра? — тут же осведомляется хозяйка, которая все это время стояла под дверьми.

— Мы спасены, миссис Уэстон, мы спасены! — вопиет капеллан. — На колени, женщина! И возблагодарите своего благодетеля! Дети, своими невинными голосками призовите на него божье благословение!

И под водительством капеллана вокруг Гарри зазвучал хор благословений и хныканья. Молодой виргинец стоял среди благодарной паствы, смущенно улыбаясь и очень довольный. Он ведь ничего не мог с ними поделать! Одна девочка не поняла, что надо упасть на колени, и осталась стоять, но мать тотчас закатила ей оплеуху с криком:

— Чтоб тебе, Джейн! Становись на колени и благословляй джентльмена, кому говорят!

Мы оставим их свершать это благодарственное служение. Гарри ушел из Лонг-Акра, почти совсем позабыв о горестях последних дней, ободренный приятным сознанием, что он совершил доброе дело.

Девушка, с которой Гамбо беседовал в тот вечер, когда Гарри заехал от Уайта к себе за деньгами, была миссис Молли, окхерстская горничная, прислуживавшая барышням. Где бы ни гостил неотразимый Гамбо, повсюду на людской половине у него оставались друзья и поклонницы. Мне кажется, мы упоминали, что они с Молли вместе погуляли по городу в среду вечером и как раз обменивались любезностями, положенными при прощанье, когда хозяин Гамбо, подъехав, прервал их нежный шепот и все прочее.

Час за часом в среду, в четверг, в пятницу бледненькая девушка сидела у окна в доме лорда Ротема на Хилл-стрит, а ее мать и сестра с грустью поглядывали на нее. Она отказывалась выходить из дома. Они знали, кого она поджидает. Один раз он прошел мимо, и, быть может, она решила, что он сейчас войдет, но он не вошел. Он исчез в дверях соседнего дома. Папа ничего не сказал девочкам о подарках, которые прислал Гарри, а о своей ссоре с виргинцем шепнул их матери два-три слова.

Вечером в субботу давалась опера мистера Генделя, и папа вернулся домой с билетами на галерею. Этти решила поехать. Ей полезно развлечься, думала Тео, и... и, может быть, среди блестящей публики там будет и Кто-то. Но Кого-то там не было, и чудная музыка мистера Генделя пропала для бедной девочки втуне. Если бы оркестр вдруг заиграл творения синьора Боноччини, она едва ли заметила бы разницу.

Возвратившись домой, барышни раздеваются, готовясь ко сну. Они снимают новые атласные платья, в которых щеголяли в Опере, где выглядели такими свежими и милыми среди нарумяненных и набеленных горожанок, и тут Тео замечает, что миссис Молли, их горничная, украдкой трет заплаканные глаза. Тео всегда тревожится, когда у кого-нибудь рядом случается беда, чего нельзя сказать об Этти, которая теперь страдает, бедняжка, одним из самых эгоистических недугов, какие только могут поразить смертного. Вам когда-нибудь приходилось бывать среди безумцев и замечать, как они никогда ни о ком не думают, кроме себя?

— Что случилось, Молли? — спрашивает добросердечная Тео.

Молли же не терпелось поскорее рассказать своим барышням все.

— Ах, мисс Тео! Ах, мисс Этти! — восклицает она. — Как вам и сказать-то? Сюда приходил мистер Гамбо, черный камердинер мистера Уорингтона, мисс, и он говорит, что нынче вечером мистера Уорингтона забрали два бейлифа, когда он выходил от сэра Майлза Уорингтона, который проживает через три дома отсюда.

— Замолчи! — строго приказывает Тео. Кто это трижды вскрикнул? Миссис Молли. Она вскрикивает, потому что мисс Этти в обмороке падает со стула на пол.

^ТГглава XLV,^U

в которой Гарри обретает двух заботливых опекунов

Мы все, без сомнения, недурно знаем свет, и перед нашими глазами прошло множество самых разных типов, но, признаюсь, существует одна людская порода — постоянный объект сатиры в романах и пьесах, с образчиком которой мне не довелось встретиться, сколько я ни общался с грешным человечеством. Я имею в виду набожных лицемеров, которые

вечно проповедуют и не верят ни слову в собственных проповедях, язычников в широкополых шляпах и черных облачениях, которые провозглашают доктрины, обличают, угрожают, благословляют, не веря в свой рай, не страшась своих громов. Поглядите на простодушные толпы, которые, стуча толстыми подошвами по булыжнику, стекаются в церковь под вечер в воскресенье — на этих шуршащих разнаряженных служанок и подмастерьев, следующих за ними, на эти роты чистеньких школьников, на этих скромных молоденьких девушек и величественных матрон, шествующих с глянцевыми молитвенниками в руках (и, вполне возможно, проходящих мимо молельни, где под пылающими газовыми рожками уже собралась паства с зонтиками, в огромных чепцах и в деревянных калошках). Поглядите на них все! Много ли среди них лицемеров, как вы полагаете? Весьма возможно, что служанка думает о своем дружке, а бакалейщик прикидывает, удастся ли ему купить этот ящик сахара и сколько еще его векселей примет Городской банк. Первый ученик сочиняет латинские стихи, заданные к понедельнику, юный лоботряс размышляет о том, что после службы и проповеди его дома ждут еще отеческие нотации, но зато к ужину будет пирог. У причетника, выкликающего номер псалма, дочь попала в беду, и он бормочет положенные слова, не замечая их смысла, а священник в ту самую минуту, когда он склоняет голову, возможно, вспоминает счета, по которым надо платить в понедельник. Эти люди не осенены небесной благодатью, они принадлежат миру, суетным мирским заботам, и еще не воспарили над ними духом, и тем не менее, знаете ли, они не лицемеры. Обычные люди хранят свою веру в каком-то удобном умственном ящичке, словно полезное снадобье, которое следует принимать, захворавши, рекомендуют собственные снадобья ближним, предлагая страдальцу лекарство, проверенное на собственном опыте. "Милостивая государыня! У вас спазмы? Эти капли вам чудодейственно помогут!" "Вы пили слишком много вина, сударь? Эта пилюля предохранит вас от всех дурных последствий злоупотребления горячительными напитками, и вы можете, ничего не опасаясь, как и прежде, выпивать свою бутылку портвейна в день". А кто, как не женщины, наиболее рьяно ищут и предлагают целебные средства для духа и плоти? Нам известно, что в нашей стране сто лет назад у каждой дамы имелась своя аптечка с собственными пилюлями, порошками и микстурами, которыми она пользовала окрестных жителей.

Леди Уорингтон блюла чистоту совести и хорошее пищеварение арендаторов и домочадцев своего супруга. Вера и здоровье людской находились в ее ведении. Одному небу известно, правильно ли она

врачевала их недуги, но и пилюли и доктрины преподносились им с таким непоколебимым убеждением в собственной правоте, что они покорно глотали и то и другое. Она считала себя одной из самых добродетельных, самоотверженных, мудрых и ученых женщин в мире и, непрерывно вдалбливая это всем, кто ее окружал, сумела обратить в свою веру немалое число людей.

Обеденный стол сэра Майлза ломился под тяжестью дорогой посуды, а гостям прислуживало множество лакеев, и требовалось большое присутствие духа, чтобы заметить, что пиво, которое дворецкий разливал из великолепного кувшина, было на редкость жидким, а на огромном серебряном блюде покоилось баранье жаркое весьма скромных размеров. Когда сэр Майлз провозглашал здоровье короля и по-простецки причмокивал над вином, он смотрел свою рюмку на свет и оглядывал общество так, словно потчевал их амброзией. Он спросил у Гарри Уорингтона, есть ли у них в Виргинии подобный портвейн. Он сказал, что даже это вино не идет ни в какое сравнение с тем, которым он угостил бы Гарри в Норфолке. Он так расхваливал вино, что Гарри чуть было не поверил, будто оно и впрямь хорошее, и долго вглядывался в собственную рюмку, тщась уловить хоть часть достоинств, которые замечал его дядя в этом рубиновом нектаре.

Так же, как мы наблюдаем во многих образцовых семействах в нынешнем веке, Уорингтоны взлелеяли два совершенства. Из двух взрослых дочерей одна отличалась такой дивной красотой, а вторая была таким гением и ангелом, что никакая другая юная девица в мире не шла с ними ни в какое сравнение, о чем леди Уорингтон не замедлила сообщить Гарри. Старшая (Красавица) была помолвлена с милейшим Томом Клейпулом — это любящая маменька также доверительно шепнула кузену Гарри. Но вторая дочь — Гений и Ангел — усердно занималась нашим юным другом, стараясь развить в нем ум и высокую нравственность. Она пела ему за клавирами — несколько фальшиво для ангела, решил про себя Гарри; у нее всегда были наготове советы, наставления, поучительные темы для беседы — слишком уж много советов и наставлений, думал Гарри, который от души предпочел бы общество той своей молоденькой кузины, которая показалась ему похожей на Фанни Маунтин. Но эта юная девица после обеда сразу же удалялась в детскую. У Красавицы были свои занятия, маменьку ждали ее бедняки или неоконченное многостраничное письмо, папа дремал в креслах, и развлекать молодого родственника предоставлялось Гению.

Тихое спокойствие этого дома чем-то нравилось юноше, и он с

удовольствием искал там отдыха от разгульного веселья, которому обычно предавался. И, бесспорно, встречали его тут со всей возможной ласковостью. Двери были открыты для него в любой час. Если Флоры не оказывалось дома, его принимала Дора. В первые же дни знакомства Гарри обещал своему маленькому кузену Майлзу как-нибудь поскакать с ним в Хайд-парке наперегонки и с обычной своей добротой и щедростью намеревался купить для мальчика лошадку получше теперешней, но тут обстоятельства переменялись, и нашему бедному Гарри стало уже не до экипажей и лошадей.

Хотя сэр Майлз и воображал, будто Виргиния — остров, его супруга и дочери были более осведомлены в географии и с любопытством расспрашивали Гарри про его дом и родные края. А он всегда был готов поговорить на эту тему. Он описывал им размеры своего поместья, сообщил, на каких реках оно расположено и что в нем выращивается. Когда он был мальчиком, один его друг преподал ему начала землемерного дела, и он набросал для них карту своего графства и нанес на нее несколько процветающих городков, которые на самом деле представляли собой кучки бревенчатых хижин (но ради чести своей страны он постарался представить их в наивыгоднейшем свете). Вот это — Потомак, а это — река Джеймс, вот тут расположена пристань, откуда корабли его матушки уходят в море с грузом табака. По правде говоря, поместье по величине не уступает графству. И он ничуть не хвастал. Когда этот красавец юноша в бархатном костюме с серебряным галуном набрасывал карту, отмечая то городок, то лес, то гору, его можно было принять за путешествующего принца, который описывает владения королевы, своей матери. И порой ему самому начинало мерещиться что-то подобное. Английские джентльмены мерили свои угодья на акры, а он — на мили. И внимала ему не только Дора. Пленительная Флора наклоняла прелестную головку и также слушала его со вниманием. Какое могло быть сравнение между юным Томом Клейпулом, сыном еще одного норфолкского баронета — зычногослым Томом Клейпулом в огромных сапогах, наследником жалких пяти тысяч акров — и этим американским принцем, чарующим и таинственным? Хотя Дора и была Ангелом, тут никакого ангельского терпения не хватило бы, и не удивительно, что она все чаще упрекала Флору в кокетстве. Клейпулу в его скромном красном кафтане оставалось только молчать, когда блистательный Гарри, весь в кружевах и галунах, болтал о Марче, Честерфилде, Селвине, Болинброке и прочих макарони. Маменька все больше и больше начинала любить Гарри, как сына. Ее очень заботило духовное благополучие бедненьких виргинских негров. Чем могла

бы она помочь дражайшей госпоже Эсмонд (о, замечательной женщине!) в ее добрых делах? Ее дворецкий и экономка, на чью степенность и благочестие можно положиться, просто в восторге от благонравия и музыкальных дарований Гамбо.

— Ах, Гарри, Гарри! Гадкий вы мальчик! Почему вы, сэръ, не навестили нас раньше вместо того, чтобы проводить время среди расточителей в суете света? Но еще не поздно. Мы должны вернуть тебя на путь истинный, милый Гарри! Не так ли, сэръ Майлз? Не так ли, Дора? Не так ли, Флора?

Маменька и девицы возводят глаза к потолку. Да, они вернут на путь истинный милого заблудшего повесу. Вот только чья лепта будет больше? Дора сидит в сторонке и не спускает глаз с Флоры. Маменька же в отсутствие девиц беседует с ним все более серьезно, все более нежно. Она будет ему матерью, пока он в разлуке со своей превосходной родительницей. Она дарит ему молитвенник. Она целует его в лоб. Ею движет чистейшая любовь, религиозная ревность, родственная нежность к ее милому, неразумному, очаровательному шалопаю-племяннику.

Однако следует полагать, что мистер Уорингтон, как ни были трогательны эти сцены, предпочитал помалкивать о своих делах, которые, как мы успели убедиться, были в самом скверном состоянии. Фортуна, чьим любимцем он так долго был, вдруг его покинула, и двух-трех дней оказалось достаточно для того, чтобы спустить все прежние выигрыши. Станем ли мы утверждать, что лорд Каслвуд, его родственник, был нечист на руку и, раз-другой сев играть с молодым виргинцем наедине, его ограбил? Мы не позволим себе столь чернящего намека по адресу его сиятельства, но тем не менее он выиграл у Гарри все его наличные деньги до последнего шиллинга и продолжал бы играть на будущие его доходы, если бы юноша, когда он увидел, как велик его проигрыш, не встал из-за стола и не сказал, что продолжать игру не может. Вспомнив, что разбитый корабль, так сказать, еще сохранил одну мачту — деньги, которые он отложил для бедняги Сэмпсона, — Гарри поставил и их, но они также последовали путем его недавнего богатства, и Фортуна унеслась на крыльях бури, покинув злополучного искателя приключений почти нагим на морском берегу.

Если человек молод, бескорыстен и мужествен, денежные потери его мало огорчают. Что же, Гарри продаст лошадей, а также и экипажи и будет жить не на столь широкую ногу. А если ему понадобятся наличные, так разве тетушка Бернштейн откажется стать его банкиром? Или кузен,

который столько у него выиграл? Или добрейший дядя Уорингтон и леди Уорингтон, которые столько говорят о добродетели и о помощи ближним, а его любят, как сына? Когда понадобится, он обратится к ним всем или почтит своей просьбой кого-нибудь одного, а тем временем рассказ Сэмпсона о беде, грозящей его квартирной хозяйке, растрогал юного джентльмена, и, торопясь выручить его преподобие, он снес все свои дорогие безделки некому закладчику в Сент-Мартинс-лейн.

Закладчик же этот был не то родственником, не то компаньоном того самого мистера Блеска, у которого Гарри купил... нет, не купил, а взял хорошенькие безделушки для подарка своим окхерстским друзьям, и надо же случиться, что он зашел навестить своего друга вскоре после того, как в лавке этого последнего побывал молодой виргинец. Ювелир тотчас узнал отделанные эмалью часики с бриллиантовой кнопкой, которые продал Счастливику, и разразился по адресу Гарри выражениями, коих я приводить тут не стану, памятуя, что меня уже упрекали за излишнюю прямоту речи. Джентльмен, водящий дружбу с закладчиком, уж конечно, насчитывает в числе своих знакомых одного-двух бейлифов, а у бейлифов имеются служители, которые по велению нелицеприятного Закона готовы коснуться беспристрастной рукой и эполета самого воинственного капитана, и плеча изящнейшего из макарони. Те самые джентльмены, которые пленили леди Марию в Танбридже, отправились на поиски ее кузена в Лондоне. Они без труда вывели у словоохотливого Гамбо, что его хозяин поехал с визитом к сэру Майлзу на Хилл-стрит, и пока чернокожий слуга строил куры горничной миссис Ламберт в доме по соседству, мистер Костиган и его помощник терпеливо ждали в засаде беднягу Гарри, который наслаждался обществом добродетельного семейства, собравшегося вокруг стола его тетушки. Еще никогда дядя Майлз не был столь сердечен, а тетушка Уорингтон — столь снисходительна, добра и ласкова. Флора выглядела обворожительней, чем когда-либо, а Дора превзошла себя дружеским вниманием. Когда они прощались, миледи дала ему обе руки и призвала на него благословение с потолка. Папа же сказал с самым простецким своим добродушием:

— Ну, племянничек! В твои годы я бы уж не упустил случая поцеловать таких красоток, как До и Фло, да еще родственниц к тому же! Да-да, миледи Уорингтон, не упустил бы! Эге! А покраснел-то наш молодец, а не эти проказницы. Уж наверное... пожалуй, им это не внове. Хе-хе!

— Папенька! — восклицают девы.

— Сэр Майлз! — произносит величественно маменька.

— Ну-ну, — говорит папа, — велика беда поцелуйчик. Влепил его, и молчок, а, племянник?

По-видимому, пока шел обмен вышеуказанными короткими фразами, безобидная поцелуйная операция была все-таки произведена и краснеющий кузен Гарри прикоснулся губами к атласным щечкам кузины Флоры и кузины Доры. Он в сопровождении дяди спускается вниз, а маменька тем временем, по обыкновению возводя очи к потолку, увещевает девочек:

— Какими бесценными качествами наделен ваш бедный милый кузен! Какая острота ума в соединении с простодушием, и какие прекрасные манеры, хотя я и невысоко ставлю суетную светскость! Как грустно было бы думать, что подобный сосуд может безвозвратно погибнуть! Мы должны спасти его, голубки мои. Мы должны отвести его от дурных друзей и этих ужасных Каслвудов... но я не стану говорить плохо о моих ближних. Однако я буду уповать, я буду молиться о его освобождении из тенет зла! — И леди Уорингтон решительно вперяет взгляд в лепной карниз, а девицы тем временем печально смотрят на дверь, за которой только что скрылся их интересный кузен.

Дядя во что бы то ни стало хочет проводить его до самого низа лестницы. Он с теплейшей любовью восклицает:

— Да благословит тебя бог, мой мальчик!

Он жмет Гарри руку и повторяет свое полезное пожелание у самого порога. Дверь за Гарри закрывается, по свет из прихожей успел озарить лицо мистера Уорингтона, и два джентльмена, стоявшие на тротуаре напротив, быстро переходят улицу. Один из них достает из кармана лист бумаги, кладет ладонь на плечо мистера Уорингтона и объявляет, что он арестован. Вблизи поджидает извозничий экипаж, и бедный Гарри отправляется ночевать на Чансери-лейн.

Только подумать, что виргинского принца хлопнул по спине оборванный слуга бейлифа, что сын госпожи Эсмонд очутился в каталажке на Кэрситор-стрит! Я не хотел бы в эту ночь поменяться местом с молодым повесой! Не пощадим же его теперь, когда он сбит с ног, мои возлюбленные юные друзья. Представим себе муки раскаяния, не дающие ему сомкнуть глаз на жалкой подушке, гнусные шуточки других, закоснелых обитателей этого места, которые в соседней камерке предаются пьянству, его ярость, жгучий стыд и растерянность. И повторяю, мои любезные юные джентльмены, не жалейте его ведь вы-то никогда не сорили деньгами, не позволяли себе никаких шалостей и проказ, не расплачивались за них стыдом и раскаянием.

Глава XLVI

Цепи и неволя

Да, когда Гарри оказался под замком в этой жалкой кутузке, он искренне сожалел о своем беспутстве и легкомыслии и преисполнялся неистовым гневом при мысли об унижительном аресте, которому его подвергли, но он не сомневался, что томиться тут ему придется недолго. Ведь у него столько друзей, и трудность заключается лишь в том, к кому из них обратиться. Мистер Дрейпер, агент его матушки, всегда столь угодливый и предупредительный, добрый дядюшка баронет, любящий его, как сына, просивший, чтобы он считал его дом своим родным домом, кузен Каслвуд, выигравший у него столько денег, благородные друзья, с которыми он провел столько приятных часов в кофейне -Уайта, добрейшая тетушка Бернштейн, — Гарри не сомневался, что каждый из них поспешит к нему на помощь, хотя родственники, конечно, не преминут пожуричь его за легкомыслие. Главным было другое — проделать все без излишнего шума, ибо мистер Уорингтон хотел, чтобы как можно меньше людей знало о том, что столь важная особа, как он, была подвергнута такой унижительной и вульгарной процедуре, как арест.

"Какой шум, несомненно, наделал мой арест в клубе! — размышлял Гарри. Уж конечно, мистер Селвин не поскупится на шуточки по поводу моей беды, чтоб ему пусто было! За столом только об этом и будут говорить! Марч расстроится из-за нашего с ним пари. И то сказать, если я проиграю, то уплатить будет нелегко. Все они так и взвоят от радости, что Дикарь, как они меня прозвали, попал под арест. Как я опять смогу появиться в свете? Кого мне попросить о помощи? Нет, — решил он со свойственной ему простодушной пронизательностью, — я пока не стану посылать ни к родным, ни к моим благородным друзьям к Уайту, а посоветуюсь прежде с Сэмпсоном. Он много раз попадал в такие переделки и сумеет дать мне дельный совет".

И вот, когда наконец занялась невыносимо кедленная заря (Гарри казалось, что солнце в это утро попросту забыло заглянуть на Кэрситор-стрит) и обитатели узилища начали пробуждаться, мистер Уорингтон отправил гонца в Лонг-Акр к своему другу, оповещая капеллана о том, что с ним произошло, и взывая к его преподобию о совете и утешении.

Разумеется, мистер Уорингтон не подозревал, что его послание к капеллану было равносильно просьбе: "Я упал в львиный ров. Милый друг,

сойди ко мне туда". Гарри, вероятно, полагал, что Сэмпсон уже вышел из затруднительного положения, или же — что еще более вероятно — он был настолько поглощен своими собственными делами и бедами, что уже не мог думать о положении других людей. После ухода посланца узник почувствовал некоторое облегчение и даже потребовал завтрак, который и был ему незамедлительно подан. Слуга, принеший ему утреннюю трапезу, осведомился, закажет ли он обед или не сядет за стол супруги бейлифа с другими джентльменами. Нет. Мистер Уорингтон не пожелал заказывать себе обеда, не сомневаясь, что покинет это место задолго до обеденного часа, о чем и сообщил мажордому, который прислуживал ему в этой угрюмой харчевне. Тот удалился, без сомнения, думая про себя, что мало кто из молодых джентльменов, попавших сюда, не утверждал того же.

— Ну, если ваша честь все ж таки останется тут, так в два часа будет неплохая говядина с морковью, — сказал этот скептик и закрыл дверь, оставив мистера Гарри наедине с его тягостными размышлениями.

Посланец Гарри вернулся с ответом мистера Сэмпсона, заверявшего своего патрона, что он явится к нему, как только будет возможно. Но пробило десять часов, затем одиннадцать, наступил полдень, а Сэмпсона все не было. Сэмпсон все не шел, но в двенадцать Гамбо принес в саквояже одежду своего господина и с горестными воплями бросился к ногам Гарри, заверяя его в своей верности. Он хоть сейчас умрет, снова продаст себя в рабство, ну, что угодно сделает, лишь бы выручить своего возлюбленного массу Гарри из этой беды. Гарри был растроган такими изъявлениями преданности и приказал Гамбо встать, потому что тот все еще валялся на полу, обнимая колени хозяина.

— Ну, будет, будет! Подай мне одеться да держи язык за зубами. Никому ни слова о том, что со мной случилось, понял? — строго приказал мистер Уорингтон.

— Да, никому, никогда, хозяин! — торжественно произнес Гамбо и занялся туалетом молодого человека, который очень в этом нуждался после своего внезапного пленения и тягостной ночи. И вот Гамбо напудрил волосы мистера Уорингтона и помог ему одеться с таким тщанием,

словно он собирался тотчас сесть в портшез и отбыть на прием во дворец.

Бесспорно, мистер Гамбо сделал все, на что только способны любовь и услужливость, ибо он благоговел перед хозяином и был к нему нежно привязан. Но во власти Гамбо было далеко не все. Он не мог изменить того, что уже произошло, и не мог не лгать и не оправдываться, когда речь заходила о вещах ему неприятных.

По правде говоря, мистер Гамбо, хотя и клялся молчать об аресте своего господина, никак не мог бы сдержать такую клятву. Хотя его сердце разрывалось от горя, он был не в силах удержать свой язык, привыкший без устали болтать, хвастать, шутить и лгать, и уже успел оповестить о прискорбном происшествии большое число своих знакомых, главным образом джентльменов в ливреях со шнуром и галунами. Мы были свидетелями того, как он сообщил горестную новость слугам полковника Ламберта и лорда Ротема, и он известил о ней в своем лакейском клубе, который посещали служители самых важных вельмож. Затем он снизошел до кружечки эля в комнате дворецкого сэра Майлза Уорингтона, где повторил и приукрасил свою повесть. После чего отправился к слугам госпожи Бернштейн, среди которых у него было немало приятелей, и поведал им о своей горе, а поскольку в этот вечер ему не надо было исполнять своих обычных обязанностей, он заглянул еще в дом лорда Каслвуда и рассказал домочадцам его сиятельства о том, что случилось раньше вечером. Вот почему, когда Гамбо в ответ на приказание хозяина прижимает руку к сердцу и, проливая потоки слез, клятвенно заверяет его: "Нет, хозяин, никогда, никому!" — мы располагаем достаточным количеством фактов, чтобы оценить, в какой мере возможно полагаться на правдивость этого преданного слуги.

Гамбо давно покончил с туалетом хозяина, унылый завтрак был съеден, как бы медленно ни тянулись часы для узника, они все-таки проходили, но вопреки данному утром обещанию Сэмпсон все не появлялся. Наконец, когда время перевалило далеко за полдень, от него пришло заклеенное влажной облаткой послание, чернила которого едва высохли. Письмо злополучного капеллана гласило:

"Ах, сэр! Дражайший сэр! Я сделал все, что может сделать человек по приказанию своего патрона и благодетеля! Вы ведь не знали, сэр, на что обрекали меня? Иначе, если уж мне суждено было попасть в тюрьму, почему я не разделяю вашего заточения и нахожусь в каталажке за три дома от вашей?"

Да. Таковы факты. Когда я поспешил к вам, отдавая себе полный отчет в опасности, которой подвергался, — но по призыву такого благодетеля, каким был для меня мистер Уорингтон, я готов ринуться навстречу любым опасностям! — меня схватили два негодяя с предписанием о моем аресте и отвели меня к Нейботу, так что я нахожусь совсем рядом с вашей милостью, и мы могли бы даже перекликаться через садовые стены наших темниц.

У меня есть важные известия касательно ваших дел, но я не решаюсь

доверить их бумаге. Да пойдут они у вас на лад! Да наступит перемена к лучшему и в моей злополучной доле, о чем и возносит молитву

вашей чести несчастный капеллан

Т. С."

А теперь, раз мистер Сэмпсон опасается писать, мы возьмем на себя обязанность познакомить читателя с известиями, которые бедняга капеллан побоялся изложить на бумаге.

Словоохотливые излияния мистера Гамбо не достигли Лонг-Акра, и мистер Сэмпсон узнал, какое несчастье постигло его патрона, только из письма Гарри и от его вестника. Капеллан все еще испытывал жаркую благодарность к мистеру Уорингтону за недавнее его благодеяние и рад был бы изыскать средство, чтобы выручить молодого виргинца. Он знал, какую значительную сумму выиграл лорд Каслвуд у своего юного родственника, он обедал накануне в обществе лорда Каслвуда и теперь побежал к его сиятельству в надежде пробудить в нем жалость к мистеру Уорингтону. Сэмпсон весьма красноречиво и трогательно описал лорду Каслвуду бедственное положение его кузена и говорил с искренним волнением и душевностью, что, впрочем, графа несколько не растрогало.

Милорд недовольно и зло оборвал мольбы капеллана.

— Разве я не сказал вам два дня назад, когда вы приходили за деньгами, что я нищ? — объявил граф. — И разве я с тех пор получил наследство? Грошей, которые я выиграл у моего кузена, я тотчас лишился. Я не только ничем не могу помочь мистеру Уорингтону, но не далее, как сегодня утром, я, не зная о его беде, отправил ему письмо с просьбой помочь мне!

И действительно, такое письмо было переслано мистеру Уорингтону с его квартиры, куда его доставила почта.

— Я должен раздобыть для него денег, милорд. Ведь у него совсем ничего не осталось после того, как он меня выручил. Он должен получить деньги, даже если мне придется для этого заложить свое облачение! — воскликнул капеллан.

— Аминь. Ну, так идите закладывайте свое облачение. Такие чувства делают вам честь, — сказал милорд и вновь занялся чтением газеты, а бедный Сэмпсон удалился в глубочайшем унынии.

Тем временем леди Мария узнала, что у ее брата находится капеллан, и догадалась, о чем они могли беседовать. Она встретила мистера Сэмпсона за дверью библиотеки и увела его в столовую. Лицо ее изображало сильнейшее огорчение и сочувствие.

— Скажите мне, что случилось с мистером Уорингтоном? — спросила

она.

— Так вашему сиятельству известно об этом? — сказал капеллан.

— Я совсем истерзалась с прошлого вечера, когда его слуга явился сюда со своим ужасным известием, — ответила леди Мария. — Мы услышали про это, вернувшись из Оперы, — мы сидели в ложе леди Ярмут — милорд, леди Каслвуд и я.

— Так его сиятельство все знал? — продолжал Сэмпсон.

— Мы услышали об этом от Бенсона за чаем после театра, — повторила леди Мария.

Подобное лицемерие вывело капеллана из себя.

— Это уж слишком! — воскликнул он с ругательством и сообщил леди Марии свой недавний разговор с лордом Каслвудом и отказ его сиятельства помочь кузену, которого он же обыграл. С большим чувством и красноречием Сэмпсон описал великодушие и благородство, с каким мистер Уорингтон пришел на помощь ему самому.

Тут леди Мария произнесла множество слов по адресу своей семьи, и слова эти отнюдь не были лестными для ее плоти и крови. Поистине удивительно, сколько горьких истин способны высказать друг про друга члены некоторых семей, обычно вовсе не склонные говорить правду, стоит им рассориться. Обливаясь слезами, прибегая к выражениям настолько крепким, что подумать страшно, леди Мария разразилась бурной тирадой, в которой так или иначе коснулась истории жизни почти всех своих высокородных родичей. Она осыпала и мужчин и дам одинаковыми комплиментами. Она вопияла, спрашивая небеса, зачем они сотворили таких... (впрочем, неважно, как именно она называла своих братьев, сестер, дядей, теток и родителей), а затем, осмелев от ярости, она кинулась к двери библиотеки с такими пронзительными воплями и с такой яростью в очах, что капеллан в предвиденье семейной сцены поспешил убраться восвояси.

Милорд, оторвавшись от книги — или какого-то иного занятия, — с некоторым удивлением поглядел на взбешенную женщину и подобрал проклятие покрепче, чтобы, так сказать, швырнуть в нее и осадить ее на всем скаку.

Но мы уже видели, какой мужественной бывала Мария в гневе. Хотя обычно она побаивалась брата, в эту минуту его брань и сарказмы не внушали ей ни малейшего страха.

— Ах, вот как, милорд! — закричала она. — Вы садитесь играть с ним с глазу на глаз, передергиваете и обираете его! Вы обчистили бедного мальчика до последнего шиллинга, а теперь отказываетесь помочь ему из его же денег!

— А, так этот чертов капеллан успел насплетничать! — замечает милорд.

— Ну, выгоните его! Уплатите ему жалованье и вышвырните его вон — он только рад будет, — кричит Мария.

— Я держу его на случай, если одной из моих сестер понадобится спешно выйти замуж, — говорит Каслвуд, свирепо уставившись на нее.

— А чего можно ждать от женщин в семье, где такие мужчины? — спрашивает миледи.

— Effectivement {И в самом деле (франц.)}, — говорит милорд, пожимая плечами.

— А что же нам делать, если у нас такие отцы и братья? Может быть, мы и плохи, но вы-то каковы? У вас ведь нет ни мужества... да-да, ни чести, ни простой порядочности. Такие, как вы, не садятся играть с вами, милорд Каслвуд, и вот вы втягиваете в игру бедного мальчика из Виргинии, своего родственника, и бессовестно его обчищаете! Какой позор, какой позор!

— Мы ведь все ведем какую-то игру. Разве ты, Мария, не начала и не выиграла свою партию? Отчего это вдруг такие угрызения из-за бедного мальчика из Виргинии? Или мистер Гарри пошел на попятный? А может быть, вашему сиятельству сделали более выгодное предложение? — восклицает милорд. — Да если ты и не выйдешь за него замуж, так его приберет к рукам одна из уорингтонских барышень, помяни мое слово, — старая святоша на Хилл-стрит отдаст за него любую, лишь бы взял. Или ты совсем дура, Мария Эсмонд? То есть даже больше дура, чем я думал?

— Я была бы душой, Юджин, если бы верила, будто мои братья способны поступать, как честные люди! — сказала Мария. — Только дура может надеяться, что ты поступишь вопреки своей натуре, что ты поможешь родственнику в беде, что ты не обчистишь простака, если он попадет на твою удочку.

— Обчищу! Вздор! Какие глупости ты говоришь! Мальчик вел такую жизнь, что даже ты могла бы предвидеть, чем это кончится. Он бы все равно проиграл свои деньги, не мне — так другому. Я не осуждал тебя за твои милые планы в отношении него. Так почему же ты сердишься, если я протянул руку за тем, что он предлагал всему свету? Я тебя урезониваю, а для чего, собственно? Ты в таком возрасте, что могла бы и сама взглянуть правде в глаза. Ты считаешь, что эти деньги по праву принадлежали леди Марии Уорингтон и ее детям? Так я повторяю, через три месяца они все были бы спущены за игорными столами у Уайта, и много лучше, что они пошли в уплату моих долгов. Вот чего стоит гнев вашего сиятельства, рыдания, угрозы и гадкие выражения. А я, как добрый брат, отвечаю

ласково и разумно.

— Мой добрый брат мог бы предложить что-нибудь посущественнее ласковых слов бедному мальчику, у которого он только что забрал тысячи, — возразила сестра этого любящего брата.

— Боже великий, Мария! Как ты не понимаешь, что умная женщина даже это неприятное происшествие может обратить в свою пользу! — восклицает милорд.

Мария ответила, что не понимает, о чем он говорит.

— А вот о чем. Обойдемся без имен. Я в чужие дела не мешаюсь, у меня хватает своих, черт бы их побрал. Но предположим, мне известен случай в другой семье, который приложим к нашим обстоятельствам. А именно. Желторотый юнец, наследник приличного состояния, приезжает из деревенской глуши погостить у своих друзей в городе — неважно откуда, неважно в какой город. Пожилая родственница, влачившая свое девичество уже... — ну, сколько, к примеру, лет? — вырывает у юного джентльмена обещание жениться, неважно, на каких условиях.

— Милорд, вам мало обездолить вашего кузена, вы еще оскорбляете собственную сестру? — спрашивает Мария.

— Мое милое дитя, я хоть словом заикнулся о передергивании, обирании или обдирании? И разве я взбесился, когда ты оскорбляла меня? Я знаю, твоя вспыльчивость и свойственное всему вашему полу неразумие имеют право на снисходительность. И я был с тобой учтив и ласков. Итак, я продолжаю. Пожилая родственница вырывает обещание жениться у юнца, которому вовсе не хочется его исполнять. И он ищет способа нарушить свою клятву. Пожилая родственница ему опротивела, и он будет ссылаться на несогласие своей матушки, он пойдет на что угодно, лишь бы освободиться от обещания.

— О, разумеется, будь он из нас, из Эсмондов! Но мы, милорд, говорим о человеке чести! — восклицает Мария, которая, я полагаю, восхищалась прямодушием в других, хотя в собственной семье ей его и не приходилось наблюдать.

— Я не стану возражать ни на первое, ни на второе восклицание моей дражайшей сестрицы. Любой из нас, не задумываясь, отказался бы от такого обещания, особенно если бы оно не было запечатлено письменно.

— Милорд! — охает Мария.

— Ха! Я знаю все. Тетушка Бернштейн устроила в Танбридже очень ловкую штучку. Мужчинам в нашем семействе далеко до старушки. Тебя арестовали, а потом обыскали твои шкатулки и баулы. Когда ты вышла на свободу, оказалось, что письмо могока к тебе исчезло, но ты, как иногда с

тобой случается, была благоразумна и промолчала. Ты все еще имеешь виды на своего чероки. Soit {Пусть будет так (франц.)}. Женщина с твоим зрелым опытом знает, чего стоит муж. Так имеет ли смысл обращать внимание на такой пустяк, как двести триста фунтов?

— Всего только триста фунтов, милорд? — перебивает Мария.

— Ну, сотней больше, сотней меньше — какая разница? Что такое этот карточный проигрыш? Безделица! Ставка, которую пробуешь выиграть ты, — это княжество! Тебе нужно твое виргинское королевство, и поверь мне, переделка, в которую попал твой милый, — большая для тебя удача.

— Я вас не понимаю, милорд.

— C'est possible {Возможно (франц.)}. Но сядь, и я объясню так, что даже тебе все станет ясно.

И вот Мария Эсмонд, ворвавшись к брату разъяренной львицей, села у его ног кроткой овечкой.

Госпожа Бернштейн была немало огорчена известием об аресте своего племянника, которое мистер Гамбо доставил на Кларджес-стрит в роковой вечер. Она хотела сама расспросить чернокожего слугу о подробностях постигшей Гарри беды, но мистер Гамбо, торопясь сообщить печальную новость еще многим другим, удалился прежде, чем ее милость послала за ним. Это обстоятельство не улучшило расположения ее духа, как и бессонная ночь, которую она затем провела. Я не завидую ни компаньонке, которая играла с ней в карты, ни горничной, спавшей в ее опочивальне. Арест за долги был весьма заурядным событием, и баронесса, как светская женщина, прекрасно это знала. Что натворил ее шалопай-племянник? Сколько ей придется уплатить за него? Неужели он промотал все свои деньги? Она намеревалась помочь ему, если, конечно, сумма не окажется чрезмерной. Ей нравились даже его расточительность и проказы. В первый раз за долгие-долгие годы нашлось человеческое существо, которое пробудило в этой очерствевшей душе теплые чувства. И потому она, как и сам Гарри, не сомкнула глаз, а рано поутру посланцы, которых они отправили по одному и тому же делу, возможно, встретились в пути.

Госпожа Бернштейн послала слугу к своему поверенному мистеру Дрейперу с распоряжением, чтобы мистер Д. узнал сумму долга, за который арестовали мистера Уорингтона, и незамедлительно явился к баронессе. Эмиссары Дрейпера без особого труда установили, что мистер Уорингтон содержится совсем рядом, а также выяснили сумму предъявленного ему покуда иска. Но если у него есть другие кредиторы, в чем сомневаться не приходится, они, конечно, поспешат представить его счета ко взысканию, как только услышат про его арест.

Мистеру Блеску, ювелиру, за злосчастные подарки — столько-то, хозяину квартиры на Бонд-стрит за стол, дрова и проживание — столько-то. Мистер Дрейпер установил, что все пока исчерпывается этими двумя исками. И он ждал только распоряжения баронессы, чтобы уладить дело. В первую очередь необходимо уплатить ювелиру, так как мистер Гарри легкомысленно заложил золотые вещи, которые взял у мистера Блеска в кредит. Вероятно, ему срочно потребовались наличные, но он рассчитывал выкупить заклад в самое ближайшее время и, разумеется, ни о чем бесчестном не помышлял. Однако его поступок, стань он достоянием гласности, может быть истолкован весьма неблагоприятно, а потому лучше было бы уплатить ювелиру без промедления.

— Какая-то тысяча фунтов не может затруднить джентльмена с положением и с состоянием мистера Уорингтона, — заметила госпожа де Бернштейн.

О, ничуть! Ее милости известно, что мистеру Уорингтону принадлежит капитал, под который можно немедленно произвести заем, если ее милость даст свое поручительство.

Так не лучше ли ему сию же минуту отправиться к мистеру Амосу? Тогда мистер Гарри сможет уже в два часа отобедать у ее милости и разочаровать публику в клубах, которая, конечно, злорадствует по поводу его несчастья, сказал сострадательный мистер Дрейпер.

Но у баронессы были другие планы.

— Мне кажется, любезный мистер Дрейпер, — сказала она, — наш юный джентльмен достаточно нашалил, и мне хотелось бы, чтобы он вышел из тюрьмы свободным от всяких обязательств. А ведь все его долги вам неизвестны.

— Сударыня, ни один джентльмен никогда во всех своих долгах не признается, — говорит мистер Дрейпер. — Во всяком случае, я такого еще не встречал.

— Глупый мальчишка принял на себя обязательство, от которого его необходимо освободить, мистер Дрейпер. Вы помните некое происшествие в Танбридж-Уэлзе осенью? То, по поводу которого я присылала к вам моего дворецкого Кейса?

— Раз вашей милости было угодно упомянуть о нем, то я что-то припоминаю, но так оно изгладилось из моей памяти, — заявляет мистер Дрейпер с поклоном. — Стряпчий должен быть подобен папистскому исповеднику: то, что ему доверено, навеки остается тайной от всех.

А потому мы ни словом не обмолвимся о тайне, которую госпожа Бернштейн доверила мистеру Дрейперу, но, быть может, читатель разгадает

ее, узнав о том, как вел себя стряпчий дальше.

Мистер Дрейпер был уверен, что юный узник Кэрситор-стрит не замедлит призвать его к себе, и решил подождать этого приглашения. Ждать ему пришлось тридцать шесть часов, которыми завершились самые тягостные двое суток в жизни Гарри.

По обыкновению, все помещения в обители бейлифа были полны, и мистер Уорингтон не мог бы пожаловаться на одиночество, однако он предпочитал унылое уединение в своей комнате тому обществу, которое собиралось за столом его хозяйки, и лишь на второй день своего пребывания под арестом, когда необходимость платить за стол и кров по тамошним непомерным ценам совсем опустошила его кошелек, он наконец решил обратиться к мистеру Дрейперу. В письме, которое он отправил стряпчему в Темпл, он сообщал ему о своих затруднениях, а в постскриптуме настойчиво требовал, чтобы мистер Дрейпер не вздумал сообщить о случившемся его тетке госпоже де Бернштейн.

Он не желал тревожить баронессу и думал воззвать к ней только в случае крайней необходимости. Она была с ним так ласкова и заботлива, что ему претила даже мысль о том, чтобы злоупотребить ее добротой, и он все еще тешился надеждой, что сумеет обрести свободу прежде, чем она узнает о постигшей его беде. Ему казалось унижительным просить денег у женщины. Нет! Сначала он обратится к своим друзьям-мужчинам, — ведь любой из них может его выручить, если захочет. Собственно, он рассчитывал послать к кому-нибудь из них Сэмпсона в качестве посредника, но бедняга, поспешив на помощь другу, сам попал в тюрьму.

Теперь Гарри мог полагаться только на своего чернокожего слугу, и мистер Гамбо целый день сновал с письмами своего несчастного хозяина между Темпл-Баром и аристократическими кварталами. Сначала Гарри отправил конфиденциальное письмо своему родственнику, его сиятельству графу Каслвуду в собственные руки, описывая, как он попал в тюрьму, и прося одолжить ему денег для расчета с кредиторами. "Пожалуйста, сохраните мою просьбу и причину, ее вызвавшую, в тайне от моих дорогих родственников", — писал бедный Гарри.

"Можно ли вообразить себе более неудачное стечение обстоятельств? отвечал ему лорд Каслвуд. — Вероятно, вы не получили моего вчерашнего письма? Должно быть, оно лежит у вас на квартире, куда — от души надеюсь вы незамедлительно возвратитесь. Дражайший мистер Уорингтон, полагая, что вы богаты, как Крез, — иначе я, разумеется, ни под каким видом не стал бы с вами играть, — я написал вам вчера письмо, умоляя одолжить мне деньги, чтобы я мог умиротворить некоторых из наиболее

алчных моих заимодавцев. Мой бедный друг! Все ваши деньги до последнего шиллинга сразу же переключевали в их сундуки, и если бы не мое звание пэра, я, вероятно, делил бы с вами вашу темницу. О вашем скорейшем из нее освобождении и возносит молитву искренне ваш Каслвуд".

Таков был результат первой просьбы о помощи, и мы можем без труда представить себе, что мистер Гарри читал этот ответ на свои мольбы с недоумением и растерянностью. Но ничего! Ведь у него есть дядя — добрый, простецкий баронет Уорингтон. Не далее как вчера тетушка целовала его и любила, как сына. А дядя призвал на него благословение небес и объявил о своих отеческих к нему чувствах. Застенчивость и благовоспитанность не позволили Гарри, когда он пребывал в лоне этого добродетельного семейства, хотя бы словом заикнуться о пари, скаковых лошадях, игре и прочих своих проказах. Теперь наступила пора открыть все. Ему придется признаться, что он мот и грешник, и попросить у них прощения и помощи. Итак, Блудный Сын сел и сочинил покаянное письмо дяде Уорингтону, открыл ему свои грустные обстоятельства и умолял спасти его. Так нашему надменному виргинцу пришлось проглотить довольно-таки горькую пилюлю. Гарри посвятил этому письму не один час терзаний и мучительных размышлений: много листов дорогой бумаги мистера Амоса (шесть пенсов лист) разорвал он, прежде чем послание было завершено и всхлипывающий Гамбо (которого служители и прихлебатели бейлифа осыпали бранью, ибо, по их мнению, он отнимал у них положенный им заработок) отправился доставить его по адресу.

Вечером верный негр вернулся с толстым пакетом, надписанным рукой тетушки Уорингтон. Гарри вскрыл его дрожащими пальцами. Он думал извлечь из него пачечку банкнот. Увы! Пакет содержал проповедь мистера Уитфилда (Даниил во рву львином) и письмо от леди Уорингтон, объясняющее, что в отсутствие сэра Майлза, который уехал из Лондона, его письма вскрывает она и таким образом вынуждена была узнать то, о чем сожалеет до глубины души, а именно, что ее племянник Уорингтон жил не по средствам и запутался в долгах. Разумеется, в отсутствие сэра Майлза ей негде найти столь большую сумму, о которой пишет мистер Уорингтон, но она будет горячо за него молиться, от всей души сострадает ему и посылает духовные наставления милейшего мистера Уитфилда, которые принесут ему утешение в несчастье, постигшем его, увы, как она опасается, не незаслуженно. Далее следовали обильные ссылки на те главы Священного писания, которые могут принести ему пользу. Если, продолжала она, в такую минуту ей будет позволено упомянуть о делах светских, то она

хотела бы намекнуть мистеру Уорингтону, что орфография его письма оставляет желать много лучшего. Она всемерно постарается исполнить его желание, чтобы его дорогие кузины ничего не узнали об этом прискорбнейшем обстоятельстве, и, желая ему наилучшего удела, как здесь, так и там, остается его любящей теткой Маргарет Уорингтон.

Бедный Гарри зажал лицо в ладонях и некоторое время сидел, упершись локтями в грязный стол, и тупо глядел на огонек свечи. Служанка бейлифа, тронутая его красотой и молодостью, предложила принести его чести кружечку пива, но Гарри не мог ни пить, ни есть поставленный перед ним ужин. Зато Гамбо оказался вполне на это способен: горе не лишило его аппетита, и, продолжая всхлипывать, он выпил все пиво и уписал все мясо и весь хлеб до последнего кусочка. Тем временем Гарри закончил еще одно послание, вручил его своему верному гонцу, и Гамбо вновь отправился в путь.

Однако ему не пришлось бежать дальше кофейни Уайта, с которой, по приказанию хозяина, он должен был начать поиски того, кому было адресовано письмо. Даже узник, для которого время тянулось невыносимо медленно, был удивлен быстрым возвращением своего чернокожего слуги. Впрочем, письмо, которого ждал Гарри, не отняло у писавшего много времени.

— Милорд написал его за конторкой привратника, а я стоял рядом с мистером Моррисом, — объяснил Гамбо.

Говорилось же в письме следующее:

"Милостивый государь.

К сожалению, я не могу исполнить ваше желание, так как в настоящую минуту стеснен в средствах после того, как уплатил крупные суммы вам и другим джентльменам.

Остаюсь вашим покорным слугой Марч и Р.

Гарри Уорингтону, эсквайру",

— Лорд Марч что-нибудь сказал? — осведомился мистер Уорингтон, побелев как полотно.

— Он сказал, что у всякой наглости должен быть предел. И мистер Моррис сказал то же самое. Он показал ему ваше письмо, масса Гарри, а мистер Моррис и говорит: "Дьявольское бесстыдство!" — добавил Гамбо.

Гарри разразился таким оглушительным хохотом, что встревожил своего гостеприимного хозяина, и тот прибежал к нему в уверенности, что он получил приятные известия и намерен тотчас его покинуть. Но бедный Гарри уже перестал смеяться и, упав в кресло, печально смотрел на огонь.

— Мне... мне хотелось бы выкурить трубочку виргинского табака,

вздыхнул он.

Гамбо залился слезами, упал к ногам Гарри и принялся целовать его руки и колени.

— Хозяин, дорогой хозяин! Что скажут у нас дома? — рыдая, проговорил он.

Горькие слезы и верность чернокожего слуги и бледное лицо Гарри, который склонился в кресле, сокрушенный своим несчастьем, тронули сердце тюремщика.

— Вы второй день ничего не едите, ваша честь, — сказал он, и в его грубом голосе слышалась жалость. — Да не сокрушайтесь вы так. Вы ведь не первый джентльмен, кому пришлось побывать в тюрьме за долги. Давайте-ка я лучше принесу вам стакан пуншу и ужин.

— Мой добрый друг, — сказал Гарри, и на его бледном лице мелькнула жалкая улыбка, — тут ведь принято за все платить наличными, не правда ли? Ну, так у меня не осталось на ужин даже шиллинга. Все свои деньги я потратил на бумагу.

— Ах, хозяин, милый хозяин! — закричал Гамбо. — Вы поглядите сюда, мистер Гарри! Вот сколько денег! Вот двадцать три гинеи. И золотой на счастье из Виргинии. А вот... нет, это не то, это мне девушки на память подарили. Берите все, все! Завтра утром я пойду продам себя, а на сегодня вам хватит, хозяин!

— Да благословит тебя бог, Гамбо! — произнес Гарри, положив руку на курчавую голову. — Я в тюрьме, но ты свободен, и, конечно, я не откажусь от помощи такого друга, как ты. Принеси мне поужинать и еще трубку... Трубку, смотри, не забудь!

Гарри с большим удовольствием поужинал, а когда Гамбо уходил, сторожа и служители бейлифа пожали ему на прощанье руку и с этих пор стали относиться к нему с уважением.

Глава XLVII

Посетители в масках

Искренняя любовь и благородство Гамбо смягчили ожесточение его хозяина, так что вторая ночь в тюрьме оказалась для Гарри легче первой. Во всяком случае, кто-то сочувствовал ему и старался помочь. Но об остальном мире он думал с гневом и гордостью. Они себялюбивы и неблагородны, решил он. Его благочестивая тетушка Уорингтон, его знатный друг лорд Марч, его многоопытный кузен Каслвуд — все они не выдержали испытания делом. Пусть он проведет в заточении хоть двадцать лет, но уж больше не унизится до того, чтобы обратиться за помощью к ним! Каким глупцом он был, когда верил их обещаниям и полагался на их дружбу! В этой проклятой, бессердечной, себялюбивой стране дружбы не существует! Он больше не станет доверять англичанам — и знатым и незнатым. Он уедет отсюда. Отправится в Германию и будет воевать под знаменами прусского короля или вернется домой, в Виргинию, укроется там в лесах и будет охотиться с утра до ночи. А то станет доверенным своей матери, ее управляющим, женится на Полли Бродбент или на Фанни Маунтин, станет настоящим фермером, табачным плантатором — да он что угодно сделает, лишь бы не оставаться среди этих лощенных английских джентльменов. Вот так, хотя пробудился он словно бы веселым, в душе у него бушевал гнев, а рано поутру в комнату к нему вошел верный Гамбо, — он принес мистеру Гарри письма, доставленные на Бонд-стрит.

— Я хотел захватить смену одежды, — добавил честный Гамбо, — но мистер Рафф не позволил мне ничего брать.

Гарри не хотелось смотреть письма. Он вскрыл первое, второе, третье это были счета. Четвертое оказалось от мистера Рафф а, который сообщал, что не даст больше выносить вещи мистера Уорингтона из дома и, если по его счету не будет уплачено, он продаст эти вещи и сам себе заплатит, а чернокожий мистера Уорингтона пусть ночует где хочет, только не в его доме. Он еле-еле согласился отдать Гамбо его ливрею и саквояж. Гамбо объяснил, что он уже нашел себе приют — у своих друзей в доме лорда Ротема.

— У слуг полковника Ламберта, — говорит мистер Гамбо и пристально смотрит на хозяина. — А мисс Этти в обморок упала, когда слышала про ваш арест. А мистер Ламберт, хороший он человек, так он мне сказал нынче утром: "Гамбо, скажи своему господину, чтобы он

прислал за мной, если захочет меня видеть. Я, говорит, приду".

Гарри был растроган, услышав, что Этти приняла к сердцу его несчастье. Рассказу Гамбо про обморок он не поверил, привыкнув к обычным преувеличениям своего чернокожего слуги. Но едва Гамбо упомянул про полковника Ламберта, как молодой виргинец снова помрачнел. "Чтобы я послал за Ламбертом! За человеком, который меня оскорбил и швырнул мне в лицо мои подарки, — подумал он скрежеща зубами. — Да умирай я с голоду, я бы не попросил у него черствой корки!"

Затем, одевшись, мистер Уорингтон спросил завтрак, а Гамбо отправил с короткой запиской в Темпл к мистеру Дрейперу — с просьбой поскорее явиться к нему.

— Записка такая наглая, словно он пишет какому-нибудь своему негру, а не свободнорожденному английскому джентльмену, — заметил мистер Дрейпер, с которым Гарри, бесспорно, всегда обходился донельзя пренебрежительно. — Если чванится знатный джентльмен, куда ни шло, но чтоб арестант! Да провались он! — говорит Дрейпер. — Я еще подумаю, идти ли мне.

Тем не менее мистер Дрейпер пошел и убедился, что мистер Уорингтон в беде стал куда надменнее, чем в дни своего благополучия. Мистер У. сидел на кровати, точно лорд — напудренный, в парчовом халате. Он велел своему чернокожему подать стул.

— Простите меня, сударыня, но я не привык терпеть такое обхождение, сказал негодующий стряпчий.

— Возьмите стул и продолжайте свой рассказ, мой добрый мистер Дрейпер, — сказала, посмеиваясь, госпожа де Бернштейн, к которой он явился доложить о результатах этого свидания. Гнев стряпчего ее забавлял. Ей нравилось, что ее племянник ведет себя в несчастье столь высокомерно.

Баронесса и ее поверенный накануне уговорились, как будет он держаться в разговоре с Гарри. Дрейпер хорошо знал свое дело и обычно умел услужить клиенту, но на этот раз он потерпел неудачу, потому что обиделся и рассердился, а вернее, потому, что не сумел понять джентльмена, с которым имел дело. Я полагаю, что эту страницу сейчас пробегают глазами благороднейшие читатели. Так не приходилось ли вам, истинному джентльмену, любезнейший сэръ, замечать, что вы, без всякого на то желанья, обижаете и задеваете своим обращением тех, кто не джентльмен? Точно так же неджентльмен оскорбляет вас тысячами способов, сам того не подозревая, бедняга. Он говорит или делает что-то, что у вас вызывает презрение. Он замечает ваше презрение (потому что, стесняясь себя и своих манер, он постоянно ожидает чего-либо подобного)

и приходит в бешенство. Вы говорите с ним непринужденно, а он воображает, что вы ставите его на место. Вы к нему безразличны, а он вас ненавидит, и тем сильнее, чем вам это все равно.

— Гамбо, стул для мистера Дрейпера! — говорит мистер Уорингтон, садясь на кровати и прикрывая ноги полами парчового халата. — Будьте добры, садитесь, и поговорим о моем деле. Весьма обязан, что вы пришли так скоро. Вы уже слышали об этой моей неприятности?

Да, мистер Дрейпер слышал.

— Дурные вести разносятся быстро, мистер Уорингтон, — говорит он. — И я готов был предложить вам мои смиренные услуги, едва вы пожелаете к ним прибегнуть. Ваших друзей, ваших родных очень огорчит, что такой джентльмен, как вы, оказался в подобном положении.

— Я был очень неблагоприятен, мистер Дрейпер. Я жил не по средствам (мистер Дрейпер наклонил голову). Я играл в обществе джентльменов богаче меня, и мне дьявольски не везло. Я проиграл всю свою наличность и остался с неоплаченными счетами на пятьсот с чем-то фунтов.

— Иск к вам предъявлен на пятьсот фунтов, — говорит мистер Дрейпер.

— Ну, это такой пустяк, что вчера мне казалось, достаточно будет обратиться к кому-нибудь из моих друзей, и я, тут же уплатив этот долг, спокойно вернусь домой. Но я ошибся и буду очень вам благодарен, если вы любезно укажете мне, каким образом я мог бы в ближайшее время достать необходимую сумму.

Мистер Дрейпер сказал "гм!" и сделал весьма серьезную и печальную мину.

— Но, сударь, это же возможно! — говорит мистер Уорингтон, с недоумением глядя на стряпчего.

Это не только возможно, но мистер Дрейпер накануне просил у госпожи Бернштейн разрешения тотчас уплатить эти деньги и освободить мистера Уорингтона. Баронесса давно уже объявила, что думает сделать этого молодого джентльмена своим наследником. К тому же Дрейпер, как и весь свет, верил, что родовое имение Гарри в Виргинии замечательно не только своей величиной, но и богатством. Необходимая сумма была при нем, и по распоряжению госпожи Бернштейн он должен был уплатить ее при соблюдении некоторых условий. Тем не менее, когда Гарри воскликнул: "Это же возможно!" — мистер Дрейпер сделал печальную мину и ответил:

— Да, сэр, но на это нужно время, и время немалое. Чтобы

распорядиться той долей вашего английского наследства, которая перешла к вам ввиду смерти мистера Джорджа Уорингтона, нам необходимо доказать эту смерть и снять опеку, а кто может это сделать? Леди Эсмонд-Уорингтон, разумеется, не допустит, чтобы ее сын оставался в тюрьме, но она в Виргинии, и ее ответ мы получим не ранее чем через полгода. Или ваш бристольский агент уполномочен оплачивать ваши чеки?

— Он уполномочен только выдавать мне двести фунтов в год, — говорит мистер Уорингтон. — По-видимому, у меня остается только один выход: обратиться за помощью к госпоже де Бернштейн. Она за меня поручится.

— Ее милость все для вас сделает, сэр. Она сама мне это сказала, замечает стряпчий. — Достаточно одного ее слова, и вы можете тотчас покинуть это место,

— Так пойдите к ней от меня, мистер Дрейпер. Мне не хотелось беспокоить моих родственников, но уж лучше я обращусь к ней, чем и дальше буду бессмысленно томиться в заключении. Расскажите ей, где я нахожусь и что со мной случилось. Ничего не скрывайте! И скажите ей, что я полагаюсь на ее добрые чувства ко мне и верю, что она избавит меня от этого... этого позора. — Голос мистера Уорингтона дрогнул, и он провел рукой по глазам.

— Сэр, — говорит мистер Дрейпер, внимательно глядя на юношу. — Я был у ее милости вчера, и мы обсуждали с ней этот злополучный (я не стану употреблять слова "позорный") этот злополучный случай.

— О чем вы, сударь? Разве госпоже Бернштейн известно о моей беде?

— Ей известны все обстоятельства — и то, как вы заложили часы, и все прочее.

Гарри вспыхнул до корней волос.

— Закладывать часы и другие вещи, за которые вы не уплатили, никак не следовало, — продолжал стряпчий и поспешно добавил, когда молодой человек гневно привстал с кровати. — Это может привести к судебному разбирательству и ко всяким неприятным словопрениям. Адвокаты ведь ничего не уважают, и когда начинают вести допрос...

— Боже великий! Неужели вы думаете, сударь, что джентльмен вроде меня способен взять часы в кредит, намереваясь обмануть торговца? — восклицает Гарри вне себя от волнения.

— Ну конечно, ваши намерения были самыми благородными, но закон-то может взглянуть на это иначе, — говорит мистер Дрейпер, подмигивая. ("Пробрало-таки наглеца!") — Ваша тетушка говорит, что не слыхивала о подобном легкомыслии, если не назвать это чем-нибудь

похуже.

— А вы сами это ничем похуже не называете, мистер Дрейпер? осведомляется Гарри, выговаривая слова очень медленно и, видимо, прилагая большие усилия, чтобы сдержаться.

Мистеру Дрейперу не понравилось выражение его лица.

— Боже сохрани, чтобы я позволил себе сказать что-нибудь подобное, как джентльмен джентльмену, но моему клиенту я обязан сказать: "Сэр, вы попали в весьма неприятное положение", — как врач говорит пациенту: "Сэр, ваша болезнь опасна".

— И вы не собираетесь помочь мне уплатить этот долг, а пришли только для того, чтобы сказать мне, что меня могут обвинить в мошенничестве? говорит Гарри.

— В приобретении товара обманным путем? Да, разумеется. И я тут ни при чем, сэр. Не смотрите на меня так, словно хотите ударить. ("Допек я его, черт побери!") Молодой человек, получающий от матери содержание в двести пятьдесят фунтов в год, забирает у ювелира часы и бриллианты, а потом несет их к закладчику. Вы спрашиваете меня, что об этом подумают люди. И я вам отвечаю прямо и честно. Так зачем же сердиться на меня, мистер Уорингтон?

— Продолжайте, сударь, — говорит Гарри со стоном. Стряпчий решил, что победа осталась за ним.

— Но вы спрашиваете, могу ли я помочь вам уплатить этот долг? Я отвечаю: да! Если вы пожелаете, сэр, мне достаточно будет вынуть деньги из кармана — не мои, но моей досточтимой доверительницы, вашей тетеньки, сэр, леди Бершнтейн. Однако она имеет право поставить условия, и я готов их вам сообщить.

— Я слушаю, сударь, — говорит Гарри.

— Они не тяжелы и имеют в виду лишь ваше благо. Если вы согласитесь, мы можем тотчас взять экипаж и поехать вместе на Кларджес-стрит, где я обещал побывать с вами или без вас. Мистер Уорингтон, я предпочту обойтись без имен, но между вами и некой особой был разговор о браке.

— А! — произнес Гарри, и его тон стал чуть веселее.

— Моя высокородная доверительница баронесса решительно против этого брака — она прочит вам совсем другую судьбу, и она считает, что вы погубите себя, женившись на особе хотя и знатной по рождению, но, простите меня, не самой безупречной репутации и много вас старше. Вы дали этой особе необдуманное обещание.

— Да, и она мне его не вернула, — говорит мистер Уорингтон.

— Его у нее уже нет, сэр. Она случайно его потеряла в Танбридже, говорит мистер Дрейпер. — Так сообщила мне моя доверительница. Ее милость даже показывала мне это обязательство. Оно написано кро...

— Довольно, сударь! — восклицает Гарри, становясь почти таким же красным, как те чернила, которыми он начертил нелепую клятву. Сколько раз с тех пор воспоминание об этой глупости обжигало его стыдом!

— Тогда же были найдены письма, написанные вам и компрометирующие благородное семейство, — продолжал стряпчий. — Вы потеряли их, но не по своей вине. Вы уже уехали, когда их удалось найти. Поверьте, этому благородному семейству и вам самому выпало редкое счастье — далеко не у каждого молодого человека найдется такой заботливый друг. Ну-с, сэр, вас теперь не связывают никакие обещания, — разве что пустые слова, сказанные за бутылкой вина, о чем любой джентльмен вправе забыть. Скажите, что вы перестанете помышлять об этом браке, дайте мне и моей высокородной доверительнице слово чести. Послушайте меня, мистер Уорингтон! Бросьте валять дурака! Прошу прощения, но неужто вы женитесь на старухе, которая в свое время бросила десяток женихов! Скажите одно только слово, и я спущусь в контору, заплачу ваши долги до последнего шиллинга, а потом посажу вас в мою карету и отвезу к тетеньке или, если пожелаете, к Уайту, вручив вам сотню-другую фунтов. Скажите "да" и протяните мне на этом руку! Что за смысл сидеть до ночи за решеткой?

До этой минуты все преимущества были на стороне мистера Дрейпера. Гарри сам жаждал избавиться от обязательства, от которого его хотела освободить тетюшка. Его глупая страсть к Марии Эсмонд давно угасла. Если бы она вернула ему слово, как он был бы счастлив!

— Ну, протяните же мне руку и скажите: "Согласен!" — убеждает стряпчий, хитро подмигивая. — Зачем медлить, сэр? Эх, мистер Уорингтон! Да если бы я женился на всех, кому давал обещания, так у меня сейчас было бы жен не меньше, чем у турецкого султана или у капитана Макхита в пьесе.

Фамильярность стряпчего была противна Гарри, и он отстранился от мистера Дрейпера, сам того не заметив. Запахнувшись в халат, он попятился от протянутой руки со словами:

— Дайте мне время подумать, мистер Дрейпер. Будьте любезны, вернитесь через час.

— Отлично, сэр, отлично! — говорит стряпчий, кусая губы, багровея и беря шляпу. — Мало кому потребовался бы час, чтобы раздумывать над предложением, которое я вам сделал, но раз уж мое время в вашем

распоряжении, я вернусь и узнаю, хотите ли вы остаться тут или поехать со мной. А пока разрешите откланяться, сэр!

"Не захотел пожать мне руку, вот как? Ответит через час! Чтоб ему пусто было, наглецу! Я ему покажу, что такое час!"

Мистер Дрейпер отправился к себе в контору в самом черном расположении духа. Он разобрал писца и послал сказать баронессе, что он побывал у юного джентльмена и тот попросил немного времени на размышления, — несомненно, чтобы успокоить свою гордость. Затем стряпчий занялся делами других клиентов, после чего неторопливо пообедал и лишь тогда направил свои стопы на Кэрситор-стрит, до которой было рукой подать.

"Чванная скотина, уж конечно, я его застану дома", — с усмешкой думает Дрейпер.

— Счастливчик у себя в комнате? — осведомился стряпчий у помощника бейлифа, который распахнул перед ним тяжелые двери.

— Мистер Уорингтон у себя, — ответил этот джентльмен, — да только... Тут он подмигнул стряпчему и прижал палец к ноздре.

— Что "только", мистер Падди из Корка? — спросил стряпчий.

— Моя фамилия Костиган, я из благородного рода, а свет увидел в ирландской столице, мистер Полтора Шиллинга, — сообщил привратник, свирепо глядя на Дрейпера. Узкое пространство между дверями, где происходил разговор, наполнилось благоуханием, словно от очень крепких напитков.

— Дай пройти, чтоб тебя черт побрал! — взревел мистер Дрейпер.

— Я тебя, Полтора Шиллинга, очень даже хорошо слышу, только вот в приличном обществе таких слов не услышишь. И дозвольте вас попросить, милостивый государь, не посылать меня к черту, не то мои пальцы и ваш нос сведут более бли-ик-изкое знакомство! Хотите войти, сударь? Так извольте наперед быть учтивее с теми, кто выше вас по рождению и по воспитанию, хоть, может, временно и не занимает подобающего места. Черт бы побрал этот ключ! Входите же, сударь, кому говорю!.. Сударыня, примите уверения в совершеннейшем моем почтении.

Дама, прятая в носовом платке лицо, и без того укрытое капюшоном, вскрикнув, точно от испуга, торопливо спустилась по лестнице и проскользнула мимо стряпчего. Он было шагнул за ней, чтобы рассмотреть ее получше — мистер Дрейпер всегда был чрезвычайно галантен с дамами, но привратник выставил перед ним ногу, сказав угрожающе:

— Стойте где стоите! Сюда, сударыня, сюда! Я сразу узнал ваше сия...

Тут он захлопнул дверь перед носом у Дрейпера, предоставив стряпчему подниматься наверх без провожатых.

В шесть часов вечера в тот же день старая баронесса Бернштейн, опираясь на трость, расхаживала по гостиной, ковыляя к окну всякий раз, когда на улице раздавался шум подъезжающего экипажа. Она все откладывала и откладывала свой обед — а ведь обыкновенно стоило повару замешкаться хоть на пять минут, ему устраивался хороший нагоняй! Она распорядилась накрыть стол на два прибора и заказала несколько лакомых блюд, словно для праздника. Пробило четыре часа, затем пять, а в шесть она снова выглянула из окна и увидела, что карета на этот раз остановилась у ее дверей.

— Мистер Дрейпер! — доложил лакей, и тотчас с глубоким поклоном вошел стряпчий.

Старуха пошатнулась и крепче оперлась на трость.

— Где он? — нетерпеливо сказала она. — Я приказала вам, сударь, привезти его! Как вы посмели явиться сюда один?

— Я не виноват, сударыня, что мистер Уорингтон не пожелал приехать.

И Дрейпер изложил свою версию разговора, который произошел между ним и молодым виргинцем.

Глава XLVIII

Привидение

Когда рассерженный мистер Дрейпер выходил после своего утреннего разговора с Гарри, ему почудилось, что юный узник его окликнул. И действительно, Гарри привстал, чтобы позвать стряпчего, но он был горд, а стряпчий обижен — Гарри оборвал свое восклицание, а Дрейпер не соблаговолил остановиться. Гордость юноши была уязвлена: ему было неприятно, что стряпчий видит его униженным, что у него вырывают согласие, пользуясь его бедственным положением. "Пусть подождет час!" — решил Гарри и угрюмо улегся на кровать. Да, он не любит Марию Эсмонд. Да, ему стыдно, что он так глупо попался в ловушку и дал ей слово. Хитрая, опытная женщина воспользовалась его мальчишеской пылкостью и наивностью. Она обвела его вокруг пальца, как ее брат, когда они сели играть в карты. Они же его родственники и должны были бы пощадить его. А они смотрели на него как на добычу и думали только о своих эгоистических целях. Он размышлял о том, как они пренебрегли законами гостеприимства, как они хищно накинулись на молодого родственника, который доверчиво постучал в их дверь. Его сердцу была нанесена тяжкая рана. Он зарылся лицом в подушку. "Если бы они приехали в Виргинию, я бы принял их по-другому", — думал он.

Из этого уныния его вывело появление Гамбо, который, ухмыляясь во весь рот, доложил, что к мистеру Гарри пришла дама, вслед за чем в комнату вошла дама в плаще с капюшоном, о котором мы недавно упоминали. Гарри сел на кровати, бледный, излущенный. И дама, не дожидаясь, чтобы слуга ушел, с рыданием подбежала к молодому узнику, обняла его с истинным чувством и материнской нежностью, принялась целовать его, обливаясь слезами и всхлипывая.

— Ах, мой Гарри! — вскрикнула она. — Думала ли я увидеть тебя в таком месте!

Он попятился, словно испугавшись ее появления здесь, но она опустилась на пол возле кровати, схватила его лихорадочно горячую руку, обняла его колени. Она питала к нему искреннюю привязанность и нежность. Когда она увидела его в этой убогой комнатушке, увидела, как он побледнел и осунулся, ее сердце исполнилось подлинной любви и жалости.

— Я... я думал, что никто из вас не придет! — грустно сказал бедный Гарри.

Вновь слезы, вновь на горячую юную руку сыплются поцелуи, вновь нежные объятия, — некоторое время дама не находит в себе сил заговорить.

— Мой милый, мой милый, — вырывается у нее с рыданием, — Мне невыносимо думать о твоём несчастье!

Как ни очерствело это сердце, оно не стало совсем каменным — эта бесплодная жизнь не была одной лишь пустыней. Даже мать Гарри не могла бы быть нежнее и говорить ласковее, чем эта его родственница, стоящая перед ним на коленях.

— Боюсь, что в этих долгах повинно и мое мотовство, — сказала она (и была совершенно права). — Ты покупал драгоценности и безделушки, чтобы доставить мне удовольствие. О, как я их сейчас ненавижу! Прежде я бы никогда не поверила, что они могут мне опротиветь. Вот — я принесла их все. И еще кое-какие украшения. Вот — и вот! И все деньги, какие у меня есть.

И она высыпала на кровать рядом с Гарри броши, кольца, часики и десятка два золотых. При виде них у юноши странно сжалось сердце. Он был тронут до глубины души.

— Милая, добрая кузина! — сказал он с рыданием. Больше никаких слов его губы не произнесли, но они, несомненно, продолжали выражать его благодарность, его нежность, его волнение.

Вскоре он совсем ободрился и, с улыбкой отложив в сторону украшения, которые подарил Марии, рассказал ей, в какое опасное положение он попал, заложив такие же безделки, купленные в кредит, и как стряпчий совсем недавно оскорбил его, коснувшись этой темы. Деньги своей милой Марии он не возьмет пока у него денег достаточно, более чем достаточно, но он ценит ее двадцать гиней так, словно их двадцать тысяч. Он никогда не забудет ее любви и доброты — никогда, и клянется в этом всем, что для него свято. Его матушке станет известно ее бескорыстное благородство. Она придала ему новые силы в ту минуту, когда он совсем пал духом под тяжестью стыда и позора. Да благословит ее за это небо! Пересказывать беседу кузена и кузины дальше нет надобности. После визита Марии мрачный день словно посветлел, и даже сносить заключение стало легче. Свет вовсе не такой уж себялюбивый и холодный. Вот нежное существо, которое истинно его любит. Даже Каслвуд оказался не так плох, как он было подумал. Он был чрезвычайно огорчен, что не в состоянии помочь своему родственнику. Но он весь в долгах. А денег, которые он выиграл у Гарри, он лишился на следующий же день. Но он сделает все, что в его силах. В самое ближайшее время он навестит мистера

Уорингтона. Сегодня же он дежурит во дворце и не может распоряжаться собой, почти как Гарри. Вот так они мило и нежно болтали, пока не начало смеркаться, а тогда Мария, вздохнув, попрощалась с Гарри.

Дверь, только-только закрывшаяся за ней, вновь растворилась, и в комнату вошел Дрейпер.

— Ваш покорный слуга, сэра, — сказал стряпчий.

Его голос, как и самое его присутствие, были Гарри крайне неприятны.

— Я ждал вас, сударь, три часа назад, — ответил он резко.

— Стряпчий не всегда волен распоряжаться своим временем, — сказал мистер Дрейпер, который только что кончил совещаться с бутылкой портвейна в ресторации. — Но ничего. Теперь я в полном вашем распоряжении. Надо полагать, вы согласны, мистер Уорингтон. Собрали свой саквояж? Как! Вы еще в халате? С вашего разрешения я спущусь в контору и все улажу, а вы позовите своего черного лакея и принарядитесь. Карета ждет у дверей и единым духом помчит вас обедать к баронессе.

— Вы обедаете у баронессы де Бернштейн?

— Не я. Где уж мне удостоиться такой чести! Но вы же будете обедать у тетушки, я полагаю?

— Мистер Дрейпер, вы слишком много позволяете себе полагать, — говорит мистер Уорингтон, который кутается в халат и выглядит очень внушительно и свирепо.

— Помилуйте, сэра! О чем вы?

— А вот о чем, милостивый государь: я обдумал все и решил, что было бы недостойно взять назад слово, которое я дал благородной и верной женщине.

— Что за дьявольщина, сэра! — вопит стряпчий. — Говорю же вам, она потеряла эту бумагу! Вас ничто не связывает! Ничто! Да ведь она годится вам в...

— Довольно, милостивый государь! — говорит мистер Уорингтон, топнув ногой. — По-видимому, вам кажется, что вы разговариваете с еще одним крючкотвором. Насколько я понимаю, мистер Дрейпер, вы не привыкли иметь дело с людьми чести.

— Ах, с крючкотвором! — в ярости восклицает мистер Дрейпер. — Ах, люди чести! Так позвольте вам сказать, мистер Уорингтон, что я человек чести не хуже вас. Возможно, я не числю среди своих знакомых игроков и жокеев. И я не спускал в карты отцовского наследства и не жил как вельможа, располагая только двумястами пятьюдесятью фунтами в год. Я не покупал часов в кредит и не закладывал... только посмейте меня тронуть, сэра! — И стряпчий отскочил к двери.

— Туда, туда, — говорит Гарри. — В окно я вас выбросить не могу, потому что на нем решетка.

— Так, значит, я сообщу своей доверительнице, что вы ответили "нет"! выкрикивает Дрейпер.

Гарри шагнул вперед, сжимая кулаки.

— Если вы скажете еще хоть слово, я... — произнес он, но тут дверь поспешно захлопнулась, фраза осталась незаконченной, Дрейпер в ярости отправился к госпоже де Бернштейн, которая, хотя он постарался представить все в наивыгоднейшем для себя свете, выбрала его еще более свирепо, чем даже мистер Уорингтон.

— Как! Она мне верит, а я ее покину? — говорит Гарри, расхаживая по комнате и шурша парчой. — Милая, преданная, великодушная женщина! Я останусь ей верен, даже если буду заточен на долгие годы!

Отослав стряпчего после бурных объяснений, безутешная старуха села за обед, который надеялась разделить с племянником. Перед ней стоял пустой стул, предназначавшийся для него, блестело серебро его прибора, сверкали пустые рюмки. Дворецкий безмолвно подавал ей одно блюдо за другим, она пробовала и отталкивала их. Наконец верный слуга попытался уговорить свою госпожу.

— Уже восемь часов, — сказал он, — а вы весь день ничего в рот не брали. Вам надо подкрепиться.

Но она не стала есть. И спросила кофе. Пусть Кейс подаст ей кофе. Лакеи убрали со стола. Их госпожа, как и раньше, сидела перед пустым стулом.

Затем вернулся старый слуга — без кофе — и странным испуганным голосом доложил:

— Мистер Уорингтон!

Старуха вскрикнула, поднялась с кресла, но тут же вновь упала в него, вся дрожа.

— Так вы все-таки явились, сударь, — произнесла она ласково. — Подайте снова... Ай! — вдруг вскрикнула она. — Боже великий, кто это?

Ее глаза остекленели, лицо под слоем румян стало свинцово-бледным. Она вцепилась в ручки кресла и как замороженная смотрела на подходящего к ней гостя.

Вслед за слугой в комнату вошел джентльмен, лицом и фигурой совершенно похожий на Гарри Уорингтона, и низко поклонился баронессе. Его голос, когда он заговорил, также был голосом Гарри.

— Вы ожидали моего брата, сударыня? — сказал он. — Я только что прибыл в Лондон. Я побывал у него на квартире и у ваших дверей встретил

его слугу, который нес вам вот это письмо. Я решил передать его вашей милости, прежде чем отправиться к брату. — И незнакомец положил перед баронессой Бернштейн письмо.

— Так вы... — с трудом заговорила баронесса, — так вы мой племянник, которого мы считали,..

— Погибшим, но который остался жив. Я — Джордж Уорингтон, сударыня, и спрашиваю его родственников: что вы сделали с моим братом?

— Послушайте, Джордж! — растерянно сказала старуха. — Я ждала его сегодня ко мне. Вот стул, который поставлен для него. Я ждала его, сэр, до самой этой минуты... пока совсем не ослабела... Я не люблю... Я не люблю быть одна. Оставайтесь поужинать со мной.

— Прошу извинить меня, сударыня. С божьего соизволения я буду ужинать сегодня с Гарри!

— Так приведите его сюда! Приведите его сюда на любых условиях! Ведь дело всего в пятистах фунтах. Вот деньги, сэр, если они вам нужны!

— Я не нуждаюсь в них, сударыня. У меня с собой достаточно денег, а можно ли найти для них лучшее употребление, чем выручить брата?

— Но вы привезете его сюда, сэр? Обещайте, что привезете его ко мне. Вместо ответа мистер Уорингтон отвесил церемонный поклон и удалился. Он прошел мимо пораженных удивлением слуг баронессы и властно приказал Гамбо следовать за собой.

Разве мистер Гарри не получал писем из дома? Масса Гарри последние два дня не вскрывал своих писем. А разве он не получал письма, сообщавшего, что его брату удалось бежать из французских владений и вернуться в Виргинию? Нет-нет! Такого письма не приходило, не то масса Гарри обязательно рассказал бы Гамбо. Мчитесь, лошади! Мчитесь по Стрэнду к Темпл-Бару! Вот темница, но в нее уже входит избавитель!

Комментарии

Роман "Виргинцы" ("The Virginians. A Tale of the Last Century") впервые был опубликован в двадцати четырех выпусках, появлявшихся ежемесячно по мере написания романа с ноября 1857 года по октябрь 1859 (изд-во Бредбери и Эванс). Почти одновременно, с декабря 1857 года, он начал печататься и в Америке на страницах журнала "Харперс мэгэзин", заключившего с автором контракт на "его публикацию в США. Кроме того, английские выпуски романа тогда же перепечатывались "пиратски" еще в двух американских периодических изданиях.

В 1858-1859 годах "Виргинцы" вышли в Лондоне в двух томах с иллюстрациями автора и с посвящением. В 1863 году, в последний год жизни Теккерея, появилось второе издание, в котором им были сделаны небольшие сокращения. В этой редакции (с приложением купюр) оно включено в семнадцатитомное Оксфордское собрание сочинений (1908), являющееся наиболее авторитетным и использованное при настоящем переводе.

Первая публикация "на русском языке была осуществлена журналом "Современник": роман начал выходить еще до его завершения и был издан в четырех книгах как приложение к журналу в 1858-1859 годах. В советское время "Виргинцы" печатались дважды — в 1936 году (М. -Л., "Academie", т. 1-2, перевод Ст. Вольского) и в 1961 году (М., "Правда", т. 1-2, перевод его же). В настоящее Собрание сочинений Теккерея роман включен в новом переводе, выполненном И. Г. Гуровой и Т. А. Озерской.

В 1852 году, закончив роман "История Генри Эсмонда", Теккерей написал предисловие к нему, названное "Виргинские Эсмонды". Это был небольшой рассказ дочери Генри Эсмонда Рэйчел, родившейся в Америке, о своем отце, "авторе" романа, и о дальнейшей судьбе его героев. В конце стояла дата -1778 год, третий год войны североамериканских колоний за независимость. Писатель не мог не чувствовать, что несколько страничек этого предисловия содержат в зародыше целый роман, что здесь уже видны будущие персонажи, конфликт, время и место действия. Но тогда мысли его были заняты другим: Теккерей готовился к своему первому путешествию в Америку. И, будто не желая расставаться со своими героями, он, заканчивая роман, переселил их туда же, в Новый Свет, новый для него и для них. Экземпляры только что вышедшего "Эсмонда" Теккерей получил уже на пристани, незадолго до отплытия. А еще через три месяца он писал:

"Завтра я спущусь вниз по Потомаку — этот путь обычно проделывала миссис Эсмонд-Уорингтон со своими двумя сыновьями, направляясь в гости к их другу мистеру Вашингтону. Интересно, выйдет ли что-нибудь в будущем из того предисловия и родится ли эта повесть когда-нибудь?" (письмо к Л. Бэкстер, 26 февраля 1853 г.).

К исполнению своего замысла писатель приступил лишь четыре года спустя, после вторичного посещения Соединенных Штатов. Однако не только до начала работы над "Виргинцами", но даже и в процессе написания у Теккерея не было ясного представления о содержании своего нового произведения. Уже написав треть намеченного объема, он сокрушается, что в романе так ничего и не произошло, "если не считать того, что молодой джентльмен прибыл из Америки в Англию". Он долго не мог решить, как воскресить второго брата, и обращается к одному из своих американских знакомых с просьбой сообщить, "что же на самом деле случилось со старшим из двух виргинцев?" (письмо к У. Робинсону, 23-25 февраля 1858 г.). Он называет роман "умным, но бестолковым", и к описанию Войны за независимость, о которой было заявлено на первой странице, приступает лишь за два месяца до окончания публикации. Первым критиком, обвинившим Теккерея в рыхлости и бесформенности композиции, был сам писатель, всегда трезво и с долей иронии оценивавший свои создания.

Роман "Виргинцы" действительно рождает ощущение неуправляемости повествования, и движение сюжета часто напоминает машину, работающую на холостом ходу. Многочисленные отступления на темы, уже известные из других его произведений, обилие незначительных событий, ненаполненность романного времени делают подчас изложение расплывчатым и ненапряженным. Более того, кажется, что автор и не озабочен тем, чтобы как-то привлечь и увлечь читателя. Чем же объясняется эта видимая хаотичность и безразличность повествования?

Работая над своими предыдущими романами — "Ньюкомами", "Эсмондом", писатель отзывался о них примерно так же, как и о "Виргинцах": гордясь ими и считая их лучшими своими созданиями, он замечал, что они скучны, бестолковы (stupid). Мечтая написать роман из времен Англии XV века, где бы действовали предки его героев, он говорил, что это была бы восхитительная книга, но никто не будет ее читать (почти то же самое он сказал, собираясь писать "Эсмонда"). Теккерей чувствовал, что его произведения не отвечают тем требованиям, которые предъявляла к романам широкая публика, — в них не было ни завлекательных историй, ни поражающих воображение ситуаций, ни идеальных героев, ни

счастливых концов... О чем бы он ни писал, он создавал прежде всего картины нравов, вновь и вновь размышляя над жизнью, над общественным бытом, над привычными чувствами людей, над властью среды и обстоятельств. Эта своеобразная эссеистская манера была рассчитана на определенное восприятие. Один из критиков заметил, что книги Теккерея можно с интересом читать, открывая их в любом месте. Писатель никогда не был мастером интриги, и не только "Виргинцы", но и предыдущие его романы, включая знаменитую "Ярмарку тщеславия", не отличались строгостью и энергичностью сюжетного развития.

Можно говорить о специфически теккереевском подходе к жизненному материалу. В этом смысле роман "Виргинцы" представляет большой интерес. В нем наиболее отчетливо проявились некоторые недостатки художественного метода писателя, но в то же время своеобразное теккереевское начало выражено здесь очень сильно и получило дальнейшее развитие. Разработка характеров, сцен, обращения к читателю, весь стиль повествования отмечены большей смелостью, легкостью, изяществом.

"Виргинцы" примечательны тем, что служат связующим звеном между романами о современности и "Эсмондом", с его более ранней историей, отдаленной от "Виргинцев" почти полувеком. Причем здесь важна не только хронологическая связь, не только то, что герои романа — потомки Генри Эсмонда и одновременно предки Уорингтона из "Пенденниса" и "Ньюкомов" и что в нем продолжает и оканчивает свою жизнь прекрасная Беатриса из "Эсмонда". Существеннее другое. Вторая половина XVIII века, время действия романа, воспринималась читателями как еще не столь далекое прошлое; это была неустоявшаяся история, недостаточно освоенная тогдашней литературой. Обратившись к этому периоду, Теккерей создает своеобразный сплав историзма и современности; он вводит в роман близкие и волнующие его темы и, с другой стороны, дает ощутить временную дистанцию и как бы абстрагируется от своего материала. Отсюда такое изобилие авторских отступлений-комментариев, то ироничных, то философически спокойных, но всегда подкупающих своей искренностью.

Сюжет романа не отличается новизной. Снова перед нами история вступления в жизнь молодого человека, привлекательного и благородного. В "Виргинцах" этот герой как бы раздваивается, и все повествование распадается на две во многом самостоятельные истории. Два брата-близнеца каждый по-своему, в соответствии со своим характером и наклонностями, открывают для себя мир. Они вступают в самые разнообразные связи и постигают на собственном опыте законы и

нравственные принципы, определяющие взаимоотношения людей в обществе. Эта сюжетная модель, которую Теккерей переносит из романа в роман, дает возможность, во-первых, охватить наиболее широкий круг явлений и, во-вторых, сохранить свежесть взгляда, непосредственность впечатлений и оценок. Человеческое и социальное, среда и личность — основная тема писателя. При этом на первом месте как главный объект внимания стоит именно среда. Может быть, потому второстепенные персонажи у него, как правило, более интересны и жизненно убедительны, чем основные герои, в обрисовке которых чувствуется уступка вкусам читающей публики. Гарри Уорингтон, самолюбивый, азартный, предпочитающий разгульную жизнь серьезным занятиям, все же остается всегда целомудренным, чутким, бескорыстным и страдает главным образом от своей излишней доверчивости. Гарри, безусловно, чище и возвышенней героя Фильдинга Тома Джонса, с которым порой его сравнивает критика. Современник Тома Джонса, Гарри, однако, перенесен в его время из викторианской Англии с ее строгими требованиями к нравственности литературного героя.

Старший из виргинцев, Джордж, более положителен, безгрешен и... менее привлекателен. Читательские симпатии остаются на стороне Гарри. Это не удивительно: слабости человека делают его более понятным, рождают ощущение противоречивости характера. Джордж — натура цельная: высокая образованность, чувство собственного достоинства, уверенность в себе сразу же придают этому характеру некоторую завершенность и статичность. Тем не менее в создание этого образа Теккерей вложил много души, и Джордж у него напоминает нам не только его любимых героев из предыдущих романов — Эсмонда, Пенденниса, Клайва Ньюкома, — но и самого автора. Несколько меланхоличный, рассудительный, с художественными наклонностями (так же как Клайв и Пенденнис), он с пренебрежением относится к жизни светских щеголей, находя радость в книгах, в общении с близкими ему по духу людьми, в творчестве. В рассказе о первых шагах Джорджа на литературном поприще, о его увлечении театром писатель использует собственные жизненные впечатления и выражает свое отношение к искусству.

В "Виргинцах" прослеживается жизнь главных героев с детских лет до их окончательного возмужания. Трезвость и ироничность автора сказались в завершении образа Гарри Уорингтона: о конце книги он предстает обычным американским помещиком, ограниченным и грубоватым, довольным своей женой и своими плантациями. Джордж был писателю более дорог. На закате жизни он, как в свое время его дед Генри Эсмонд,

пишет мемуары, пытаясь разобраться в происходивших в Америке событиях. Описание Войны за независимость Теккерей дипломатично, желая отвести от себя обвинение в необъективности, дает от лица Джорджа, бывшего полковника английской армии.

Как уже отмечалось, подчас у писателя второстепенные персонажи выходили более полнокровными и психологически убедительными. В "Виргинцах" несомненной и большой удачей стая образ баронессы Бернштейн — состарившейся Беатрисы из "Генри Эсмонда". Читатель, помнящий ее в том романе прелестную, капризную и честолюбивую, встречаясь о баронессой Бернштейн в "Виргинцах", не только видит перед собой не менее живой характер — циничную, язвительную и сентиментальную старуху, — но и узнает в ней, в ее поведении, словах, чувствах ту прежнюю, молодую Беатрису. Теккерей с блеском передает это пугающе острое и будто материализовавшееся в ней ощущение времени, его власти, его приговора.

Чтобы оценить по достоинству возросшее мастерство Теккерей-психолога, достаточно вспомнить "принцессу Покахонтас" Рэйчел Эсмонд, хитроватого и чувствительного капеллана Сэмпсона или такие превосходные сцены, как смерть баронессы Бернштейн, откровенный разговор леди Марии и милорда Каслвуда, Гарри в доме бейлифа... Если в композиции, в разработке конфликтов романа писатель уже менее оригинален и изобретателен, то в искусстве психологического портрета, в описании душевных движений он, безусловно, достигает новых высот.

Рисую картину жизни Англии второй половины XVIII века, Теккерей тщательно воспроизводит быт имущих классов, стремясь создать впечатление документальности повествования. В романе мы встречаем несколько реально существовавших знаменитостей той эпохи — Ричардсона, Джонсона, Честерфилда и др., — однако они предстают скорее как статисты, а не действующие лица. Британская аристократия, ее идеалы, ее времяпрепровождение изображены, как всегда, с откровенной неприязнью. Основными пороками общества, к обличению которых писатель возвращается вновь и вновь, являются, по его мнению, всеобщее лицемерие, цзшизм и обывательская удовлетворенность сущим. Вот как сжато и выразительно он характеризует высокородных Каслвудов, у которых гостит Гарри: "Семья, в лоне которой он очутился, привыкла смеяться над очень многим... Верность и честь служили предметом насмешек, чужая чистая жизнь подвергалась сомнению, эгоизм провозглашался всеобщим свойством, священные обязанности презрительно осмеивались, а порок шутивно оправдывался... Члены этой

семьи... брали свою долю удовольствий или добычи, которая им попадалась, и жили нынешним днем, пока он не оказывался их последним днем на земле".

Нравственной деградации Старого Света Теккерей противопоставляет более здоровую, не скованную традициями и предрассудками жизнь Америки. Впрочем, и здесь он сохраняет трезвость взгляда и не питает каких-либо иллюзий. События, происходящие в Америке, занимают лишь одну пятую часть книги. Тем не менее писателю, вложившему много труда в изучение истории Америки и ее настоящего, удалось добиться, по свидетельству самих американцев, удивительной достоверности созданной им картины. Недовольство вызвал лишь образ Джорджа Вашингтона, показанный приземленно, в обыденных ситуациях: многие его соотечественники считали непозволительным "низводить этот возвышенный характер до уровня бытовых сцен и низменных страстей".

Война за независимость 1775-1783 годов, которой посвящены последние главы романа, лишена у Теккерей какой бы то ни было исторической масштабности. Читатель не ощущает значительности происходящих событий. Война представляется цепью эпизодов, в которых не последнюю роль играет случай. Отношение к ней автора, достаточно ясно просматривающееся в мемуарах Джорджа Уорингтона, двойственно и нечетко. ("Если Америка победила, значит ли это, что она была права?") В описании войны и в отношении к ней сказался исторический скептицизм Теккерей, его неверие в действенность социальных переворотов. "Молю бога, чтобы моим детям, — пишет он в мемуарах Уорингтона, — не довелось стать свидетелями или участниками великих революций..." Даже обещанное в начале романа историческое противостояние двух братьев лишается какого бы то ни было социального звучания. Общественные конфликты отступают на второй план (братья и после войны остаются друзьями), и за всем этим стоит мысль писателя, что частная жизнь индивидуума важнее, чем все внешние по отношению к ней события, в которые человек бывает втянут силой обстоятельств.

Сравнивая "Виргинцев" с другими, более ранними, произведениями Теккерей, принято говорить о том, что роман менее оригинален и значителен, и подчеркивать прежде всего то, что в нем писатель обращается к американской истории. При этом остается в тени тот немаловажный факт, что перед нами произведение зрелого мастера, утверждающего свою манеру письма и верного раз и навсегда избранной теме. А ведь именно мастерство и вечная злободневность темы делают роман и по сей день интересным и нужным и обеспечивают ему заметное

место в английской литературе.

Генри Дависон (1805?-1860) — английский юрист, близкий друг Теккерея. Председателем Верховного суда Мадраса он был назначен в 1859 г., которым датируется посвящение.

В библиотеке одного из самых знаменитых американских авторов висят на стене две скрещенные шпаги... — Эти шпаги Теккерей видел в доме историка Уильяма Прескотта (1796-1859), которого он посетил во время пребывания в Америке. Одна из шпаг принадлежала деду Прескотта, полковнику республиканской армии, а другая — деду его жены, капитану английского военного флота; после смерти Прескотта эти реликвии согласно воле умершего были переданы в библиотеку штата Массачусетс.

Старый Доминион. — Так до завоевания американскими колониями независимости называлась Виргиния, место первых английских поселений, в отличие от других, позднейших колоний. В актах английского парламента тех времен она фигурировала как "колония и доминион Виргиния".

Полковник в алом мундире и генерал в синем... — То есть в форме соответственно английской и республиканской армии.

...потомок одного из братьев показал мне... их портреты... — Джордж Уорингтон, персонаж романов Теккерея "Пенденнис" и "Ньюкомы", в которых действие происходит в XIX в., приходится внуком Джорджу Уорингтону из "Виргинцев". В теккереевской "саге" этот род ведет начало от отца Джорджа и Генри, сына английского баронета, за которого вышла замуж дочь Генри Эсмонда — Рэйчел.

...в царствование... Георга II — Георг II (1683-1760) был королем Англии с 1727 по 1760 г.

Уоллес Уильям (1272?-1305) — национальный герой Шотландии, возглавивший в конце XIII в. борьбу против насильственного присоединения Шотландии к Англии. Был судим в Лондоне как мятежник и четвертован.

Балмерино, Артур Эльфинстоун, барон Балмерино (1688-1746), Килмарнок, Уильям Бойд, граф Килмарнок (1704-1746) — участники якобитского восстания 1745-1746 гг. против короля Георга II, которое было жестоко подавлено. Казнены в Лондоне на Тауэр-Хилл.

...роковое окно Уайтхолла... — Свергнутый во время английской буржуазной революции Карл I был обезглавлен на эшафоте, воздвигнутом у фасада королевского дворца Уайтхолл (1649); на казнь его вывели через специальный пролом, сделанный в стене между нижними и верхними центральными окнами Банкетной залы.

Дерби, Фалпирг, или Куллоден — места сражений, связанные с

неудачной попыткой в 1745 г. Чарльза Эдуарда, "молодого Претендента", вернуть себе престол, которого лишился его дед Иаков II Стюарт. Эту попытку он предпринял, опираясь на силы шотландских повстанцев и на шотландскую знать, но потерпел поражение, сам едва спасся и бежал во Францию. Гарри вспоминает об этом как о "крушении правого дела" потому, что род Эсмондов по традиции стоял за "законную" династию Стюартов и поддерживал якобитов — сторонников свергнутого Иакова II и его наследников, претендовавших на престол.

Мальборо, Джон Черчилль, герцог Мальборо (1650-1722) — прославленный английский полководец, одержавший ряд крупных побед в Войне за испанское наследство 1701-1713 гг.

...отрекся от папистских заблуждений... и вернулся в лоно англиканской церкви. — Папистами пренебрежительно называли в Англии католиков. Англиканство, рожденное в ходе реформации и ставшее государственной религией, утверждалось в стране в процессе борьбы как с католиками, так и с диссентерами, то есть с членами разнообразных протестантских сект. Свергнутые Стюарты, пользовавшиеся поддержкой Франции, желали восстановить в Англии католичество и абсолютную монархию; сочувствовавшая им аристократия также тяготела к католицизму.

Чероки — название одного из племен североамериканских индейцев.

Нация... предпочла другую династию... — В 1714 г. после смерти королевы Анны на основе принятого в 1701 г. парламентом Акта о престолонаследии власть перешла к ганноверскому курфюрсту (то есть правителю Ганноверского княжества в Германии) Георгу, который был правнуком английского короля Иакова I. Ганноверская династия правила в стране с 1714 по 1901 г.

...монарх, взошедший на престол Англии... — Георг I (1660-1727), король Англии с 1714 по 1727 г.

...Карл II был королем Виргинии прежде, чем стал королем Англии. — В Англии после буржуазной революции было реставрировано монархическое правление (1660 г.): королем стал вернувшийся из Франции Карл II Стюарт. В американских же колониях роялистски настроенные английские поселенцы еще до Реставрации считали Карла II единственным законным правителем.

Круглоголовые. — Так называли сторонников парламента во время английской буржуазной революции! в массе своей они следовали пуританскому обычаю коротко стричь волосы. Здесь круглоголовыми названы американские пуритане.

Боадицея — королева древних бриттов, поднявшая в 61 г. до н. э. восстание против римских завоевателей, окончившееся поражением. Сама Боадицея, не желая попасть живой в руки врагов, приняла яд.

...ее отец... сжег грамоту короля Иакова II, пожаловавшего ему титул маркиза... — См. "Историю Генри Эсмонда", т. 7 наст. Собр. соч.

Покахонтас (1595-1617) — дочь вождя одного из индейских племен в Виргинии, которая спасла от расправы попавшего к индейцам английского капитана Джона Смита, одного из первых колонистов и исследователей восточного побережья Америки, будущего автора "Истории Виргинии" и разнообразных географических работ. Покахонтас впоследствии приняла крещение, вышла замуж за англичанина Джона Рольфа и посетила Англию, где была представлена ко двору. Своей популярностью Покахонтас обязана написавшему о ней Джону Смиуту ("Истинный рассказ о событиях в Виргинии", 1608).

...дети должны почитать своих родителей, дабы продлить свои дни на земле. — Парафраза пятой заповеди из Библии ("Исход", XX).

Сэр Годфри — Неллер, сэр Годфри (1646-1723), художник-портретист, немец по происхождению, переехавший в 1676 г. в Лондон и ставший со временем придворным живописцем Вильгельма III и затем Георга I.

Дели, сэр Питер (1618-1680) — голландский художник, с 1641 г. обосновавшийся в Лондоне; придворный художник Карла II.

Уитфилд Джордж (1714-1770) — англичанин, методистский проповедник, отличавшийся необычайным красноречием; активно вербовал последователей своего вероучения не только в Англии, но и в Америке, где побывал семь раз и был очень популярен.

...ожидали... священного "зова"... — Джордж Уитфилд в своих проповедях отстаивал постулат "великого религиозного пробуждения", или ревивализма.

...тот, кто жалеет розги, губит свое чадо... — Слегка измененная цитата из Притчей Соломоновых (XIII, 24).

Уэбб Джон Ричмонд (1667?-1724) — участник Войны за испанское наследство, персонаж романа "История Генри Эсмонда".

Белые Отцы. — Так индейцы называли европейских миссионеров.

Сент-Джеймский дворец и Версаль — резиденции соответственно английских и французских королей.

Динуидди Роберт (1693-1770) — губернатор Виргинии с 1752 по 1758 г.

Беллона — богиня войны у древних римлян.

...желать победы нашим лилиям... — То есть Франции: в гербе

правивших тогда Бурбонов были изображены три лилии.

Ипполит — в древнегреческой мифологии сын Тезея, добродетельный и целомудренный юноша, к которому воспылала страстью его мачеха Федра.

Коммодор — в английском военном флоте командующий соединением кораблей.

Энсон Джордж (1697-1762) — английский адмирал, совершивший в 1741-1744 гг. кругосветное путешествие.

Герцог Камберлендский, Уильям Огастес (1721-1765) — Третий сын короля Георга II, с 1745 г. главнокомандующий английской армией.

...называли в Англии просто "герцог" — как впоследствии еще одного знаменитого полководца. — В XIX в. так называли герцога Веллингтона, ставшего национальным героем после разгрома Наполеона при Ватерлоо (1815 г.).

Франклин Бенджамин (1706-1790) — выдающийся американский государственный деятель и ученый, один из авторов Декларации независимости. В юности работал подмастерьем в типографии своего брата, затем открыл собственную типографию; в 1729 г. приобрел право на издание "Пенсильванской газеты", основал Американское философское общество (1743 г.). В описываемый период, то есть в 1754 г., был заместителем главного королевского почтмейстера в Северной Америке.

Принц Евгений Савойский (1663-1736) — талантливый австрийский военачальник, прославившийся в европейских войнах конца XVII — начала XVIII в.

Роберт Уолпол, граф Орфорд (1666-1745) — английский премьер-министр в 1715-1717 и 1721-1742 гг.

Олдермен — член английского городского самоуправления.

Полковник женится на вдовушке Кертис. — Ошибка Теккерея: фамилия жены Вашингтона (по первому мужу) была Кестис.

...троянский скиталец повествовал о своих несчастьях и приключениях царице Дидоне... — В "Энеиде" Вергилия (кн. IV) описывается, как троянский герой Эней после гибели Трои попадает в Карфаген, где рассказывает о своих приключениях цариц" Дидоне, которая влюбляется в него и, когда Эней покидает" Карфаген, лишает себя жизни.

Гуруны — одно из племен североамериканских индейцев.

Наш, Самсон сегодня был в ударе... Он с большой силой сокрушал филистимлян. — Играя на сходстве фамилии Сэмпсона и имени библейского богатыря Самсона (по-английски они произносятся почти одинаково), лорд Каслвуд иронически сравнивает проповедь Сэмпсона с

подвигом Самсона, побившего ослиной челюстью тысячу филистимлян (Книга Судей, XV).

Ломбард-стрит — лондонская улица, на которой и до настоящего времени располагаются многочисленные банки.

...последнюю шутку мистера Селвина, самое последнее дерзкое пари Марча и Рокингема. — Селвин Джордж Огастес (1719-1791) — член парламента с 1747 по 1780 г., считался одним из остроумнейших людей своего времени. Марч Дуглас Уильям, граф Марч (1724-1810) — эксцентричный аристократ, похождения которого давали богатую пищу слухам. Рокингом Чарльз Уотсон-Уэнтворт, маркиз Рокингом (1730-1782) — в описываемый период лорд-камергер, в 1765-1766 и 1782 г. — премьер-министр.

Вальмоден, графиня Ярмут (1704-1765) — фаворитка Георга II.

Клуб Уайта — знаменитая лондонская кофейня-шоколадная, открытая в 1697 г. Фрэнсисом Уайтом на фешенебельной Сент-Джеймс-стрит; со временем она стала излюбленным местом встреч литераторов, лондонских знаменитостей, острословов и, разумеется, великосветских жуиров. Около 1736 г. в ней был учрежден аристократический клуб, стать членом которого считалось большой честью.

Эльф Пэк, называемый также Робин Добрый Малый — многоликий и озорной дух, персонаж английского фольклора, принимающий участие в судьбе обиженных и несчастных.

...точно гнусные варвары в авторской ремарке "Короля Лира"... — Имеется в виду ремарка об ослеплении Глостера герцогом Корнуэлльским в д. III, сц. 7: "...Герцог вырывает у него глаз и топчет его ногами".

Калипсо — нимфа, владычица острова, на котором она семь лет держала в плену Одиссея; ее имя стало нарицательным для коварной соблазнительницы. Телемак — сын Одиссея.

Леди Суффолк, Генриэтта Ховард, графиня Суффолк (1681-1767) — одна из фавориток Георга II, оказывала покровительство литераторам.

Джордж Беркли (1685-1753) — выдающийся английский философ, представитель субъективного идеализма. Женится на графине Суффолк в 1753 г.

Гилас — прекрасный юноша, оруженосец Геракла. С его именем связан миф о том, как однажды, придя к источнику за водой, он пленил своей красотой нимф этого источника и те увлекли его на дно.

...из напыщенной истории доброго епископа Камбрейского. — Имеется в виду философско-утопический роман "Приключения Телемака" (1699) французского писателя-классициста Франсуа Фенелона (1651-1715),

бывшего с 1695 г. архиепископом города Камбре.

Подобная розе, она прожила, сколько живут розы. — Строка из стихотворения Франсуа Малерба (1555-1628) "Утешение Дюперье по поводу смерти его дочери", ставшего во Франции хрестоматийным.

Нинон де Ланкло, настоящее имя — Анна Ланкло (1620-1705) — куртизанка, хозяйка блестящего парижского салона, сохранившая красоту до последних лет жизни.

Ледьярд Джон (1751-1789) — американский путешественник, сопровождавший Кука в его третьем кругосветном плавании 1776-1779 гг. Парк Мунго (1771-1806) — шотландец, исследователь флоры и фауны Африки; приобрел широкую известность после опубликования в 1799 г. книги "Путешествия".

...не отдергивает занавески Молли Сигрим... — Молли Сигрим — персонаж романа Генри Фильдинга "Приключения Тома Джонса, найденыша" (1749), дочь сторожа, любовница героя романа. Теккерей имеет в виду сцену любовного свидания в ее доме.

...при Престоне лучшая в мире армия бежала перед ордой дикарей-горцев. — В 1745 г. близ небольшого городка Престон-пане на юге Шотландии английские войска потерпели поражение от шотландских повстанцев-якобитов (см. прим. к стр. 13).

Кто сделал из вас такого тори?.. — Партия тори, которая представляла в основном интересы крупной земельной аристократии, в начале XVIII в. выступала за восстановление абсолютной монархии Стюартов, в то время как виги, выражавшие взгляды растущей промышленной и финансовой буржуазии, стояли за то, чтобы королевская власть была лишь номинальной, и потому поддерживали Ганноверскую династию.

...на шесте в Темпл-Баре. — На старинных каменных воротах Темпл-Бар, воздвигнутых в 1672 г. на границе между Вестминстером и Сити, выставлялись до 1772 г. головы казненных. В данном случае речь идет о казненных участниках якобитского мятежа 1745-1746 гг.

...каска солдат Оливера... — То есть солдат республиканской армии Оливера Кромвеля, вождя английской буржуазной революции 1640-1660 гг.

Теофраст (372-287 гг. до н. э.) — древнегреческий ученый и философ, ученик Аристотеля; его перу принадлежит книга "Характеры", состоящая из тридцати небольших описаний-характеристик различных человеческих типов: льстец, лицемер, ворчун и т. п.

Браун Томас (1663-1704) — английский писатель-сатирик, автор серии очерков о лондонской жизни "Серьезные и веселые развлечения" (1700).

Кюре из Медона — французский писатель-сатирик Франсуа Рабле

(1494? 1553), который в 1550-1552 гг. был кюре в городе Медоне.

Настоятель собора Святого Патрика — Джонатан Свифт (1667-1745).

Сестрица Анна — персонаж сказки Шарля Перро "Синяя Борода", сестра жены Синей Бороды.

Когда Психея зажгла светильник и поглядела на Амура, не разгадала ли она его? — В романе древнеримского писателя Апулея "Метаморфозы, или Золотой осел" рассказана аллегорическая легенда о том, как Амур (Эрот) полюбил Психею, олицетворение человеческой души, и перенес ее в свой чертог, где посещал только по ночам, чтобы Психея не могла увидеть его. Когда же она нарушила запрет, он исчез, после чего Психея отправилась на поиски возлюбленного и перенесла множество страданий и бедствий, прежде чем вновь, и уже навсегда, соединилась с ним.

Софи — титул верховного правителя Персии из династии Сефевидов, правившей с 1502 по 1736 г.

Прекрасная Розамунда — Розамунда Клиффорд (ум. в 1176 г.?), дочь лорда Клиффорда; согласно народному преданию, любовница английского короля Генриха II, отравленная его женой Элеонорой.

Геро, Леандр — герои древнегреческой легенды. Прекрасный юноша Леандр, влюбленный в жрицу Афродиты Геро, каждую ночь переплывал пролив Геллеспонт (Дарданеллы), чтобы увидеться с ней. Геро у себя на башне зажигала светильник, чтобы он не сбился с пути, но однажды во время бури ветер задул огонь, и Леандр утонул. Геро в отчаянии бросилась в воды Геллеспонта.

Миссис Гранди — персонаж, упоминаемый в комедии второстепенного английского драматурга Томаса Нортон (1764-1838) "Бог в помочь". Имя миссис Гранди стало в Англии синонимом буржуазной благопристойности, мнения света, а фраза из пьесы: "Что скажет миссис Гранди?" — вошла в речевой обиход.

...будто он был последним томом. "Клариссы Гарлоу". — Речь идет о произведении Сэмюэла Ричардсона (1689-1761), автора сентиментальных бытовых романов, проникнутых морализаторством. Два первых тома "Клариссы" вышли в 1747 г., а следующие пять — в 1748 г. В них рассказывалось о судьбе молодой девушки из добропорядочной семьи, соблазненной светским красавцем Робертом Ловласом, которого затем убивает на дуэли ее кузен.

"Были храбрые воины и до Агамемнона".. — Намек на строку из оды Горация (IV, 9, 25):

Немало храбрых до Агамемнона

На свете жило...

(Перев. Н. Гинцбурга)

Хогарт Уильям (1697-1764) — выдающийся английский художник-просветитель и теоретик искусства. Используя гротеск, сатирически изображал жизнь и нравы современного ему общества. Автор сюжетно связанных серий гравюр "Карьера мота", "Карьера шлюхи", "Модный брак" и др.

Он был приятелем Аддисона, и Стиля, и Попа, и, наверное, Мильтона... Джозеф Аддисон (1672-1719), Ричард Стиль (1672-1729) и Александр Поп (1688-1744) — известные английские литераторы начала XVIII в. Знаменитый английский поэт Джон Милтон (1608-1674), разумеется, приятелем деда Гарри Уорингтона Генри Эсмонда быть не мог.

Джонсон Сэмюел (1709-1784) — английский писатель, поэт и эссеист, составитель фундаментального толкового словаря английского языка. Его оценки и мнения пользовались большим весом среди литераторов и читающей публики.

Уолпол Хорес, граф Орфорд (1717-1797) — английский государственный деятель и писатель, автор пьесы "Таинственная мать" и единственного романа "Замок Отранто" (1765), который положил начало жанру "готического" романа, нагнетавшего атмосферу таинственности и мрачной фантастики. Оставил огромное эпистолярное наследие, воссоздающее общественный и литературный быт Англии с 1732 по 1797 г. и опубликованное лишь в XIX в. В главе XL, "цитируя" одно из писем Уолпола, Теккерей мастерски имитирует их стиль и тематику.

Епископ Солсберийский — Джон Гилберт (1693-1761), впоследствии архиепископ Йоркский.

...примиришь со своим собратом, которого при жизни ты так горячо ненавидел. — Речь идет о Генри Фильдинге, с которым Ричардсон враждовал на почве литературных разногласий (см. "Английские юмористы XVIII в.", т. 7 наст. Собр. соч., стр. 688-689).

Она большая покровительница всяких писак... они даже воспевали ее в стихах. — Герцогиня Куинсберри (ум. в 1777 г.), эксцентричная светская дама, вела переписку со Свифтом и поддерживала дружеские отношения с Попом, Конгривом, Прайором и другими литераторами.

Обряд сати — бытовавший в некоторых районах Индии обычай, по которому после смерти мужа вдову сжигали на погребальном костре. На территории Британской Индии он был запрещен в 1829 г.

...ревет... как телец васанский. — Библейское выражение из 21-го Псалма Давида (стих 14), где говорится, что тельцы васанские "раскрыли... пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий".

...старуха называла его Иосифом... — В Ветхом завете Иосиф — сын патриарха Иакова, славившийся целомудрием.

...слово, которое теперь мы не смеем написать, хотя Шекспир и вкладывает его в уста Отелло. — Имеется в виду слово "шлюха", которое произносит Отелло в сцене объяснения с Дездемоной (IV, 2). В Англии времен Теккеря было наложено табу на употребление в литературе ряда слов, которые викторианская мораль записала в разряд неприличных.

...был самым мистером Вулфом признан... самым храбрым из волков. Фраза заключает в себе каламбур: фамилия полковника Вулф означает "волк".

...как ведет себя в тюрьме мистер Бинг... — Джон Бинг (1704-1757) английский адмирал, преданный военному суду за то, что по его вине, как полагали, было проиграно морское сражение, в результате которого французы захватили принадлежавший Англии остров Минорка в Средиземном море (1756 г.). Бинг был приговорен к смертной казни и расстрелян.

...читали "Историю" мистера Рейпина... — "История Англии" Поля де Рейпина (1661-1725) вышла в свет в 1723 г. на французском языке (автор — по происхождению француз, большую часть жизни проведший в Англии), затем она была переведена на английский и до появления "Истории Англии" Дэвида Хьюма (1761) считалась наиболее авторитетным историческим сочинением этого рода.

"Вижу лучшее, но следую худшему". — Овидий. Метаморфозы, — VII, 20-21.

Ришелье Луи-Франсуа де (1696-1788) — внучатый племянник знаменитого кардинала Ришелье, маршал Франции, отличившийся при Фонтенуа и руководивший захватом острова Минорки. Прославился также своими любовными похождениями, был трижды женат и стал воплощением светского распутника и вольнодумца XVIII в.; дружил с Вольтером. В 1790-1791 гг. вышли девять томов его "Мемуаров".

Джереми Диддлер — герой фарса Джеймса Кенпи "Чужой карман" (1803), обманщик, занимающийся у всех небольшие суммы денег и не отдающий эти долги.

Прайор Мэтью (1664-1721) — английский поэт-классицист, лучшие стихи и поэмы которого, отмеченные легкостью и юмором, сделались в Англии хрестоматийными.

Иезавель — ставшее нарицательным имя коварной и порочной библейской царицы; в Библии говорится также о ее страсти к румянам и украшениям (Третья и Четвертая Книги Царств).

Грандисон — благородный герой романа Ричардсона "История сэра Чарльза Грандисона" (1754).

...владения пресвитера Иоанна — легендарная страна на Востоке, где-то между Персией и Арменией, правителем которой якобы был христианский священник Иоанн.

Wir auch вкусили das irdische Gluck... — Теккерей вспоминает песню Теклы, дочери герцога Валленштейна, из драматической поэмы Шиллера "Пиккодомини" (III, 7):

Счастье земное изведала я,
Жила и глубоко любила.
(Перев. П. Каленова)

...Георг II, король Великобритании, Франции и Ирландии... — Титул английского короля, сохранившийся с тех времен, когда большая часть Франции принадлежала Англии.

Точь-в-точь Винг и Галиссоньер! — Французский адмирал Галиссоньер командовал эскадрой, разгромившей адмирала Бинга в сражении у острова Минорки.

Подумать только, что человек сам впускает в свой рот врага, который крадет его разум. — Неточная цитата из "Отелло" Шекспира (II, 2).

Хлоя, Стрефон — персонажи пасторального романа Филипа Сидни "Аркадия" (1581 г., опубли. в 1590 г.), олицетворение идиллической супружеской пары.

...лижет занесенную руку... — Слова из философской поэмы Александра Попа "Опыт о человеке" (1735).

О'Коннелл Дэниел (1775-1847), прозванный "Освободителем" — деятель ирландского национального движения, возглавивший в 1829 г. ирландскую фракцию в английском парламенте и выступавший за отделение Ирландии.

"Прирожденные рабы..." и далее — цитата из поэмы Байрона "Паломничество Чайлд-Гарольда" (II, 76),

Грабстрит — литературный поденщик, не брезгующий никакой работой (по имени лондонской улицы, ныне Минтон-стрит, которая в XVIII в. была центром издательского дела и где селились бедные литераторы, исполнявшие любой заказ).

Ксантиппа — жена древнегреческого философа Сократа, обладавшая сварливым и неуживчивым нравом.

Мессалина — жена римского императора Клавдия, имя которой стало синонимом распутной и безнравственной женщины. Казнена по приказу своего мужа в 48 г. н. э.

...я сменю желчные ливреи, которые носили мои книги... — Выпуски романов Теккерея издавались в желтой обложке.

...с тех пор как я только начал лепетать выпусками... — Теккерей обыгрывает строки из "Послания к Арбетноту" Александра Попа, где тот говорит, что с раннего детства начал "лепетать стихами". Употребленное Попом слово "numbers" можно перевести я как "стихи" и как "выпуски".

Хауэлл Джеймс (1594?-1666) — английский писатель, автор политических памфлетов, эссе и занимательных бытовых зарисовок из лондонской жизни.

Ункас — молодой индеец, персонаж романа Фенимора Купера "Последний из Могикан" (1826).

Монтегью-Хаус — особняк графа Монтегью, купленный у него правительством. С 1759 г. по 1852 г. здесь размещалась коллекция произведений искусства. Впоследствии на его месте было построено здание Британского музея.

Музей дона Сальтеро — музей редкостей, открытый в 1695 г. при кофейне некоего мистера Сальтера, неоднократно упоминаемый у Свифта, Стиля и других писателей того времени.

Терпин и Тертел — грабители, истории о которых имели в Англии широкое хождение; первый повешен в 1739, второй — в 1824 г.

Атрей и его семейство. — В древнегреческой мифологии микенский царь Атрей и его сыновья Агамемнон и Менелай — герои с трагической судьбой, над которыми тяготело проклятие богов, вызванное преступлением отца Атрея Пелопса.

Мелибей и Титир — пастухи из "Буколик" Вергилия.

...благородные джентльмены часто гостят под его кровом... — В доме бейлифа, полицейского чиновника, в обязанности которого входило арестовывать должников по иску заимодавца, арестованные содержались за плату, как правило, довольно высокую, в течение определенного времени. Находясь там, они могли договориться с кредитором или удовлетворить иск, в противном случае их отправляли в долговую тюрьму.

Мистер Гоф, сэр Хью, виконт Гоф (1779-1869) — английский фельдмаршал, участвовавший с пятнадцати лет в большом числе сражений и доживший до девяноста лет.

...ассамблеи у Олмэка... — Залы Олмэка на Сент-Джеймс-стрит в XVIII и начале XIX в. были местом проведения разнообразных собраний, лекций, балов, встреч, то есть одним из центров общественной жизни Лондона. Названы по имени их владельца и учредителя Уильяма Олмэка.

Хаунслоу-Хит — в ту эпоху пустошь под Лондоном, через которую

проходил лондонский тракт, где на проезжих часто нападали грабители.

Каннингем Питер (1816-1869) — английский писатель и критик, издавший в 1857 г. около 2700 писем Хореса Уолпола.

Конвей Генри Сеймур (1721-1795) — военный и политический деятель, впоследствии фельдмаршал; двоюродный брат Хореса Уолпола и один из главных его корреспондентов.

...прервал свои молитвы богородице Строберрийской... — Х. Уолпол хочет сказать, что он уехал из своего имения Строберри-Хилл, где у него была типография и хранилась большая коллекция произведений искусства.

Чоктау — название одного из индейских племен Северной Америки.

Есфирь и Астинь — библейские персонажи. Есфирь — наложница персидского царя Артаксеркса, которую он сделал царицей взамен ослушавшейся его Астинь.

Гиббон Эдуард (1737-1794) — выдающийся английский историк, автор фундаментальной "Истории упадка и разрушения Римской империи" (1776-1788).

...есть ли у каждого из вас своя цена, как в дни Уолпола и Ньюкасла? То есть в то время, когда премьер-министром Англии был Томас Ньюкасл (1754-1756 и 1757-1762 гг.) и Роберт Уолпол (см. коммент. к стр. 81), которые широко использовали коррупцию и подкуп членов парламента. Теккерей вспоминает слова Уолпола, сказавшего о парламенте, что там "каждый имеет свою цену".

Леди Белластон — развратная светская дама в романе Фильдинга "Том Джонс".

..."знатная леди", которая одолжила свои мемуары автору "Перегрин Пикля". — В роман Т. Смоллета "Приключения Перегрин Пикля" (1751) включены не связанные с сюжетом "Мемуары знатной дамы", автором которых считают виконтессу Фрэнсис Вэн (1713-1788), известную в свое время распутством и любовью к азартным играм.

Мьюди Чарльз Эдуард (1818-1890) — основатель лондонской библиотеки, первым начал практиковать выдачу книг на дом (1842); изучал читательские вкусы и открыл большое количество филиалов; в Англии он приобрел такую популярность, что впоследствии библиотечный абонемент стали называть "мьюди".

Креморнские сады — живописные сады в Челси, в то время пригороде Лондона, открытые для публики в 1845 г., с ежевечерними танцами и многочисленными развлечениями. Со временем эти сады приобрели недобрую славу как средоточие низкопробных удовольствий и прибежище бродяг и жуликов и были закрыты в 1877 г.

Гилли Уильямс — прозвище Джорджа Джеймса Уильямса (1719-1805), друга Хореса Уолпола и Джорджа Селвина, с которыми он переписывался; славился своим остроумием.

...люди мистера Джона Фильдинга... — Сэр Джон Фильдинг (1722-1788), сводный брат писателя Генри Фильдинга, в течение последних двадцати шести лет своей жизни был главным мировым судьей Вестминстера и Мидлсекса (лондонского графства); много сделал для создания уголовного розыска и организации в Лондоне регулярной полиции.

Гаррик Дэвид (1716-1776) — английский актер и театральный реформатор, утвердивший на сцене реалистическую (взамен "декламационной") манеру игры. Как актер прославился исполнением ролей в шекспировских спектаклях. Причард Ханна (1711-1768) — талантливая актриса, партнерша Гаррика в большинстве поставленных им шекспировских пьес.

Туллий — Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н. э.), знаменитый древнеримский оратор и политический деятель.

...спал в Уэре на знаменитой кровати. — В гостинице городка Уэр находилась огромная кровать размером около 10 квадратных метров, на которой могли спать одновременно двенадцать человек; по преданию, она принадлежала могущественному графу Уорику, прозванному "делатель королей".

...хоть родство между нами и близкое, мы всегда были далеки друг от друга, если вспомнить слова поэта... — Имеется в виду первая реплика Гамлета в шекспировской трагедии (акт I, сц. 2).

...моложе матери Исаака... — Согласно Библии (Бытие, XVII, XXI), мать Исаака Сарра родила его в возрасте девяноста одного года.

Могоки. — Так называли в начале XVIII в. молодых аристократов, бесчинствовавших по вечерам на улицах Лондона. Слово произошло от названия племени североамериканских индейцев моговков, которых считали каннибалами.

Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — древнеримский историк. Фукидид — древнегреческий историк V в. до н. э.

Клайв Роберт (1725-1774) — английский военачальник, с именем которого связана история колониального захвата Индии, впоследствии губернатор Бенгалии. Деятельность Клайва, награвившего в Индии баснословные богатства, стала в 1772-1773 гг. предметом обсуждения в английской парламенте. Клайва обвиняли в злоупотреблении властью, однако палата общин его оправдала.

Джегир — земельный участок в Индии, официально предоставляемый в распоряжение частного лица с правом пользоваться доходом с него. Лакх индийская денежная единица, равная ста тысячам рупий. Мугур — индийская золотая монета.

...герой Плесси... — Роберт Клайв. При Плесси в 1757 г. им была одержана одна из крупнейших побед, после которой Англия завоевала всю Бенгалию.

Если же быстрыми взмахнет крылами... — Гораций, "Оды", III, 29. Речь идет о Фортуне, богине судьбы. Селвин намекает на следующие строки:

Ее хвалю я, если со мной; когда же
Летит к другому, то, возвратив дары
И в добродетель облачившись,
Бедности рад я и бесприданной.
(Перев. Н. Гинцбурга)

...кошелек Фортунатуса. — Фортунат — герой народной легенды, впервые записанной в Германии в начале XV в. и рассказывающей о нищем, которому богиня судьбы вручила волшебный кошелек, где никогда не переводились деньги.

...Чансери-лейн, ее обитатели и вся эта округа внушают.. ужас. Чансери-лейн — улица в лондонском Сити, на которой и по сей день размещаются юридические конторы и селятся люди, связанные с судом и юриспруденцией. В описываемый период там находились также дома бейлифов.

Бонончини Джованни (1640-1678) — посредственный итальянский композитор; в свое время был известен главным образом как автор теоретического трактата о музыке, выдержавшего несколько изданий и переведенного в начале XVIII в. на немецкий язык.

Даниил во рву львином. — Библейская история о том, как по приказу персидского царя Дария пророк Даниил был брошен в львиный ров и как появившийся ангел "заградил пасть лвам" и спас его (Книга Даниила, VI),

...жен не меньше, чем... у капитана Макхита... — В сатирической музыкальной пьесе Джона Гея "Опера нищего" (1728) Макхит — обаятельный разбойник и соблазнитель, женатый одновременно на шести женщинах.

Падди — презрительная кличка ирландцев (уменьшительная форма распространенного в Ирландии имени Патрик).

Г. Шейнман